НАРОДЫ ЗЕМЛИ

Иоганн Шерр

ГЕРМАНИЯ

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА 2000 ЛЕТ

ТОМ II

ИСТОРИЯ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

Incipit epistola sancti iheronimi ad paulinum presbiterum de omnibus diuine historie libris · capitulū primū.

Frater ambrosius tua michi munuscula pferens · detulit sil' et suauissimas lrās · q̄ a principio amicicia ꝝ · fidē pbate iam fidei ⁊ veteris amicicie noua: pferebant. Vera enī illa necessitudo ē · ⁊ xp̄i glutino copulata · q̄m non vtilitas rei familiaris · nō pn̄cia tantum corporꝝ · nō sbdola ⁊ palpās adulacō · sed dei timor · et diuinaꝝ scripturarū studia conciliant. Legim⁹ in veteribꝫ historijs · quosdā lustrasse pvincias · nouos adijsse pplos · maria trāsisse · ut eos quos ex libris nouerant: corā q̄ videret. Sicut pitagoras memphiticos vates · sic plato egiptū · ⁊ architā tarentinū · eandemq̄ oram ytalie · que quondā magna grecia dicebat: laboriosissime peragrauit · et ut qui athenis mgr erat · ⁊ potens · cuiusq̄ doctrinas

НАРОДЫ ЗЕМЛИ

Иоганн Шерр

ГЕРМАНИЯ

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА 2000 ЛЕТ

том II

УП «Минская фабрика
цветной печати»
2005

УДК 94 (430)
ББК 63.3 (4 Гем)
Ш 36

Охраняется законом об авторском праве. Попытки воспроизведения книги или ее части без письменного разрешения издателя будут пресекаться в судебном порядке.

Шерр И.

Ш 36 Германия. История цивилизации за 2000 лет: В 2-х т. Т.2. — Мн.: — МФЦП, 2005. — 544 с.: ил. — (Народы Земли).

ISBN 985-454-249-1

Выдающийся ученый, исследователь, писатель и патриот своей земли, Иоганн Шерр, опираясь на труды и достижения своих предшественников и современников, выполнил поистине титаническую работу. Он живописно воссоздал картину, как из разрозненных, враждующих между собой многочисленных племен, находившихся на чрезвычайно низком уровне государственности и под неослабным натиском военной мощи Римской империи, сложилась трудолюбивая нация с самоотверженным характером, создавшая одну из ведущих стран Европы — современную Германию.

Второй том посвящен периоду с времен Реформации до 2-ой половины 19 в.

УДК 94 (430)
ББК 63.3 (4 Гем)

© УП «Минская фабрика цветной печати», 2005
© ООО «Белситис», 2005

ISBN 985-454-249-1

VIERTES HAUPTSTUCK
НОВОЕ ВРЕМЯ

Поэтому вы, справедливые читатели,
Как ни резкими покажутся вам эти строки,
Не сердитесь слишком;
Надо говорить правду.
Правда, которая всегда говорит прямо
И никогда не щадит никого,
Имеет только своим врагом изнеженный род,
Который привык к лести.
Но вы, мужественные немецкие сердца,
Которые издавна имеете славу,
Что даже горе и печали чужих
Находят доступ к вашему верному сердцу,
Вы, по вашей честности,
Сумеете верно оценить это
И научиться из этого случаям,
Которые еще могут встретиться вам.

Фишарт

Книга третья

НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава

I

ЧЕЛОВЕЧНО-СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Задача и цель. — Германизм и романизм. — Идея абсолютного государства и третье сословие. — Реакция германизма. — Век Просвещения — Просвещенный деспотизм. — Идеал чистого гуманизма. — Реакция романтизма. — Сила денег.

Во введении к первой книге моего сочинения я охарактеризовал период, о котором нам предстоит теперь говорить, именем «человечно-свободного времени». Такое определение нашего, уже заканчивающегося, периода культурно-исторического развития, может быть, покажется странным. Но пусть читатель помнит, что я употребляю название «человечно-свободное время» только в виде противоположности католико-романтическим средним векам и протестантски-теологическому периоду Реформации. Я разумею под этим названием ту фазу развития немецкой жизни и цивилизации, которая начиная со второй половины XVIII ст. до наших дней продолжает борьбу с враждебными началами, шаг за шагом постоянно подвигаясь вперед к цели, бледно мерцающей вдали на горизонте настоящего. Эту цель составляет по возможности полное осуществление теории гуманной свободы и самоопределения личности и общества. Я говорю «осуществление», потому что в теории гуманное освобождение уже почти закончено. Оно совершилось благодаря усилиям науки и литературы, со славой доведших до конца свою борьбу против невежества и рабства во всех его проявлениях. Обвинения, которые возводились и еще будут возводиться на эту научную победу, не более как обломки камней, увлекаемые непреодолимым потоком цивилизации и разбрасываемые им по берегам.

Можно принять за факт, что прогрессивное движение новейшего мира получило свое начало от германской расы. Оно порождено германской

свободой личности. Борьба его с романским абсолютизмом в церкви и государстве, основанном на древнеримской идее абсолютного государства, составляет сущность новой истории (в противоположность древней). В средние века некоторым великим личностям из среды великих императорских династий удавалось отчасти и на время ввести в Германию романский государственный абсолютизм. Но в конце этого периода возникла снова реакция германской общинной свободы и германского партикуляризма, фактически разрушившая единство Германской империи. Эта реакция проявилась в форме территориальной власти князей, отлично сумевших воспользоваться одновременными попытками к освобождению от романско-церковного абсолютизма. Лучшие стремления Реформации были разбиты в Германии; но они утвердились в одноплеменной Англии и развились там до такой степени, что перенесенные потом на девственную почву Америки завоевали там германской расе целую часть света и основали федеративно-свободное, истинно германское государство. Между тем, в Европе романтизм — и не только религиозный — возродился в иезуитизме. Государственный абсолютизм, образцовым рассадником которого является Франция после Людовика XIII, тесно соединился с ним, чтобы вместе бороться против протестантства. Борьба эта шла непрерывно, несмотря на то, что все усилия новой религии, после того как она сделалась государственной, были направлены на полное уничтожение всяких, даже самых ничтожных, формальных отличий ее от старого католицизма. Но в протестантизме все-таки оставались зародыши германского развития, постоянно грозившие опасностью романскому абсолютизму. Вот почему самодержец, явившийся первым полным представителем абсолютного романизма в новом мире, Людовик XIV, естественно должен был и внутри и вне своего государства неутомимо преследовать протестантский элемент. Людовик XIV закончил труд, над которым работали его предшественники — Людовик XIII и Ришелье: он создал на развалинах феодализма и гугенотства свое романское абсолютно самодержавное государство, государство, в котором над бесправными, безвольными, коленопреклоненными подданными — граждан оно не знало — царил непогрешимым, полновластным Богом король, государство, вполне поглощаемое личностью государя, — letat c'est moi, как говорил Людовик XIV, или «мы господин и король, мы можем делать все, что хотим», как выражался Фридрих Вильгельм I Прусский. И эти слова были истиной; действительно, эти государи «милостью Божией», для которых самодержец Франции являлся образцом достойным и удивления, и подражания, могли делать все, что им хотелось. Немецкие городские учреждения почти всюду исчезли или превратились в жалкие пародии; романский абсолютизм

Фридрих Вильгельм Прусский

торжествовал почти на всем европейском континенте. Едва только там-сям в кантонах Швейцарии и в некоторых имперских городах являлись проблески германской общинной свободы. Политика превратилась в династическое стремление к завоеваниям, интрига сделалась ее душой, место права заняла кабинетная юстиция. Вся эта романо-абсолютная система была эпохой страданий народов, которых стерегли и мучили неслыханными полицейскими тонкостями и грабили не менее удивительными финансовыми мероприятиями. Но неутомимый, беспокойный романизм должен был для поддержания собственного существования постоянно изобретать новые средства, новые пути; он не мог окаменеть по-китайски и, против воли, стал служить прогрессу. Более того, как ни странно это может показаться, мы должны считать его важным моментом в развитии европейской культуры. Феодальное государство уже по самому существу своему было земледельческим, но земледелие как источник дохода не могло удовлетворять абсолютное королевство. И вот, поощрением промышленных и меркантильных интересов абсолютизм создал себе новые доходы: министром Людовика XIV был не один только Лувуа, но и Кольбер. Промышленность и торговля постепенно создали то третье сословие новейшего времени, которое, благодаря своему богатству и образованию, вскоре заняло, относительно монархической власти, место систематично унижаемого, оскорбляемого и деморализованного дворянства. Абсолютная власть для упрочения своего олимпийского величия нуждалась в великолепии и блеске. Она призывала себе на помощь искусство, поощряла успехи промыслов и изобретений и всюду указывала предприимчивости новые пути, новые цели.

При всем этом романизм ничуть не забывал своего главного дела — уничтожения германизма. В то время, как и теперь, германски-организованная Англия была болезненным наростом на теле континентального абсолютизма. Стюарты были вполне готовы продать Людовику XIV свободу Англии; но народ поднял в 1688 году свой голос и изгнал Якова II из страны. Принц германского происхождения Вильгельм Оранский еще ранее, в качестве главы Голландской республики, энергично защищавший на материке германизм против романизма Людовика, вступил теперь на престол Великобритании. Его искусная политика создала новый оплот против романско-деспотического принципа. Вильгельм был настоящим творцом той системы политического равновесия Европы, за которой до самой смерти так зорко и внимательно следил его глаз. Необходимым условием этой системы было внушение романскому принципу уважения к германскому; вскоре влияние этого последнего отразилось и в другой части материка. Под покровительством английской конституции возрос антироманский скепти-

А. Менцель. «Старый Фриц»

цизм, сила свободомыслия, известная под именем деизма, светоч здравого ума среди мрака средневекового изуверства. Свободные мыслители нашли себе сочувствие и во Франции. Это было естественно: английская литература, как и вообще вся литература цивилизованной Европы того времени,

Йосиф Второй. Гравюра на меди

облекалась во французские формы. Из деистов развились во Франции вольтерьянцы и энциклопедисты, а из этих последних — немецкие просветители XVIII века, лучшими представителями которых служили Лессинг и Кант. Гуманно-свободная мысль стала проводником культурно-исторического движения. Новейший гуманизм, впитавший молоко классической древности, начал энергичную борьбу против теологизма.

Просвещение стало лозунгом эпохи. Даже деспотизм сделался просвещенным. Фридрих Великий и Иосиф II положительно были просвещенными деспотами, после того как в Семилетней войне романский абсолютизм выказал всю свою несостоятельность в столкновении с новыми принципами. Этот просвещенный деспотизм везде, даже при невыразимо низко падшем дворе Людовика XV чувствовал необходимость преобразований. В жертву поднимавшимся волнам революционного движения надеясь этим их успокоить, бросили орден иезуитов, надеясь этим успокоить их; но бросить за борт сам иезуитизм не хватало решимости. И вот, в то время, когда устаревшая Европа колебалась между старым и новым, ей приходит радостная весть о провозглашении прав человека по ту сторону океана. Эта весть произвела неизмеримое впечатление на общественное мнение, уже сделавшееся тогда общественной силой. Германско-космополитическая идея свободы, победившая в Северной Америке германско-английский аристократизм и развившаяся до германско-федеративной демократии, была достаточно сильна, чтоб завоевать в Европе народ, до сих пор служивший главным хранителем романского абсолютизма. Оттого-то мы и замечаем отпечаток германизма на первом периоде французской революции. Но этот отпечаток не мог быть продолжителен. Франция была жестоко наказана за то, что ее романско-абсолютный дух не дал развиться самостоятельности личности, а с тем вместе и самостоятельности общины. Централизация, эта законная дочь идеи

абсолютного государства, насильственной рукой исторгла германский элемент из революции. Конвент господствовал также романски-деспотично, как и Людовик XIV, и этот деспотизм, смотревший на личность только с точки зрения ее пригодности или непригодности для государства, впоследствии логическим путем развился в идею коммунизма, столь противного по своей сущности германской натуре.

Между тем, в Германии снова возродилась культурная деятельность, начатая в XVI столетии и грубо прерванная Тридцатилетней войной. Реформационные стремления, направленные во времена Лютера на свободу религии, обратились теперь на освобождение науки и искусства. Тогда нужно было освободить научное мышление от церковного догмата, теперь — освободить художественное творчество от романско-французской теории искусства. Это освобождение, которое должно было сообразно свойствам немецкого характера предшествовать политической свободе, свершилось при помощи корифеев немецкой философии и литературы. Гуманизм, идея чистой человечности, идея будущего блага были найдены.

Но в то время, как Германия завершала свою умственную революцию, политическая революция пала жертвой своей неизбежной судьбы. Демократическо-парламентская диктатура перешла в военно-цезарскую. Все уравнивающая и централизирующая идея романизма нашла себе еще одного великого представителя в лице Наполеона. Наполеон инстинктивно угадал в германской Англии злейшего врага своего дела и постоянно старался побороть его. Он пал, и этому падению более всего способствовали корабли и деньги Англии, вооружившие против него весь Европейский континент. Но с падением Наполеона не исчезло влияние Франции. Романизм его перешел к его противникам: Священный союз был вполне романским учреждением. Начался период, характерно, открывшись папским бреве, торжественно восстанавливающим орден иезуитов, деятельность которого, впрочем, никогда и не прекращалась, — период абсолютного романтизма, естественно породивший в германских романтиках надежду на востановление в Германии старого средневекового, римско-католического, времени.

Но политики-романтики не заметили, что с XVII столетия рядом со светским и духовным правительством возросла третья власть — власть денег, вовсе не желавшая возврата в средние века. В то время, когда государства жили займами, плутократия должна была сделать необыкновенные успехи. Она требовала не только определенной, но даже главной, или, по крайней мере равной, власти в правительстве и сумела добиться этого во Франции посредством заимствованных у Англии конституционных форм. Июльская революция 1830 г. дала ей победу, которую фактически

должны были признать и другие страны. Под условием получения львиной доли в общей добыче она заключила компромисс с троном, алтарем и канцелярией, с династиями, духовенством и бюрократией — компромисс, достаточно сильный для подавления или, по крайней мере, до низведения до минимума не только социалистических теорий, но и самых справедливых требований народа. Деньги — действительно, величайший самодержец нашего времени. Революционные движения 1848 г., в какой-бы форме они ни проявлялись, были только отчаянной попыткой сломить силу этого тирана, это новейшее воплощение романизма. Но в сущности сила денег только кажется твердой. Она доставляет импульс материальному развитию, а было бы нелепо думать, что материальное развитие исключает идеальное. Абсолютная сила денег, как и абсолютное государство, вынуждено будет способствовать историческому прогрессу общества. Она доставит новое подтверждение глубокомысленному изречению великого поэта: For nought so vile that on the earthdoth live but to earth some special good doth give.

Глава

II

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО XVIII ВЕКА

Одежды и моды. — Жизнь бюргеров. — Двор и аристократия. — Венский двор. — Мария-Терезия. — Кауниц. — Берлинский двор. — Фридрих-Вильгельм I. — Дрезденский двор. — Август Сильный. — Баварский двор. — Штутгартский двор. — Герцоги Эбергард-Людвиг, Карл-Александр и Карл-Евгений. — Казанова в Германии. — Обезьяны великого человека. — Фридрих. — Иосиф II — Фридрих-Вильгельм II.

С тех пор, как появилась партия, поставившая целью подорвать всякое доверие к веку «просвещения» односторонним выставлением на вид только одних его недостатков, — с тех пор вошло в моду говорить с презрительным пожиманием плеч об обществе того времени и повторять, кстати и некстати, старые насмешки над этим веком кос и париков. Это в высшей степени нелепо. Ни один период не дает таких богатых материалов для философии человеческого общества, как XVIII столетие со своей калейдоскопной пестротой контрастов, со своей чудной смесью самого смелого мышления и самой утонченной страсти к

Г. Лоссов. «Коса и пудра»

наслаждению, мистически-судорожного чувства и благороднейшего научного и поэтического стремления, филистерской окаменелости и революционного движения, колоссального порока и чистейшего идеализма, циничного скептицизма и детской веры, ожесточенного эгоизма и сентиментальной мечтательности, бесстыдного отрицания всего отечественного и ревнивой заботливости о восстановлении национальной чести. Нарисовать подробную картину истории нравов того времени было бы задачей, достойной величайшего историка. Мы со своей стороны можем и должны ограничиться рядом очерков, которые только отчасти представят читателю социальное положение Германии этого периода.

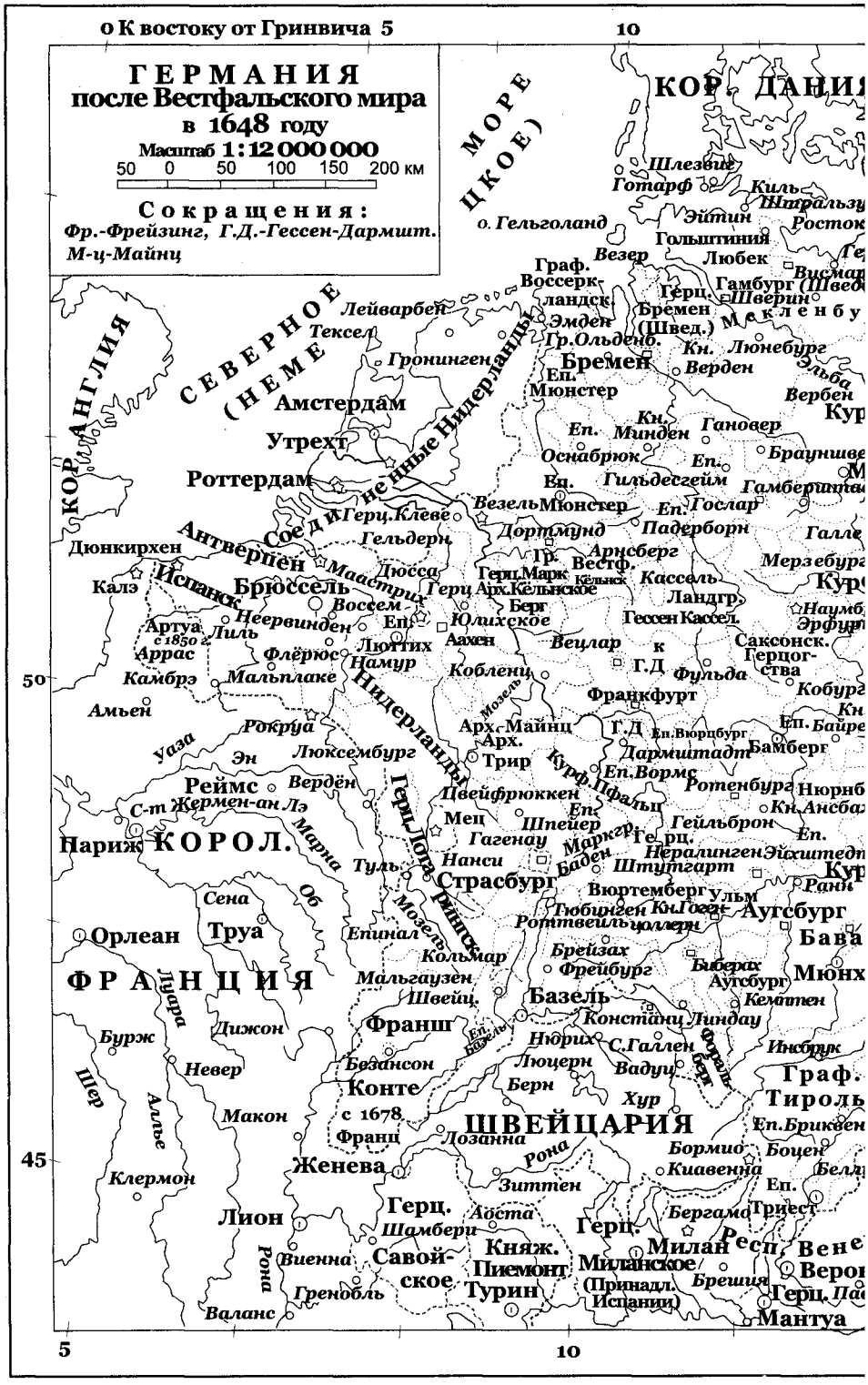
В костюмах обоих полов продолжала царствовать средневековая пестрота. Но придворные моды века Людовика XIV, служившие образцом для образованных классов всех стран, исключая Венгрию и Южную Испанию, где сохранилась национальная одежда, необыкновенно смягчили и разукрасили рыцарский романтический костюм. Пестрота и богатство нарядов постоянно возрастали вплоть до половины XVIII столетия. Мужской парадный костюм, который носили все классы общества, начиная с зажиточных бюргеров свободных имперских городов и до князей, состоял из кафтана темного или светлого бархата (белый цвет также не исключался из употребления), украшенного богатым шелковым, золотым и серебряным шитьем; из-под отвернутых рукавов виднелись красивые манжеты. Манжетам соответствовали жабо из брюссельских кружев под глазетовым жилетом. Сапоги носили только в плохую погоду, в дамском же обществе являлись не иначе как в башмаках и шелковых чулках. Старые и молодые носили на боку шпагу, а пожилые люди держали в правой руке длинную испанскую трость с золотым набалдашником, на которую иногда опирались и дамы при торжественных выходах. По отличиям в костюмах можно было издали узнать лиц известных профессий. Так, например, докторское достоинство требовало, чтобы врач являлся непременно в белоснежном, напудренном алонжевом парике, в пунцовом, шитом золотом кафтане с жабо и широкими кружевными манжетами, в белых или черных шелковых чулках с блестящими пряжками на коленях, в башмаках, с маленькой черной шапочкой под мышкой и неизбежной толстой тростью, опираться на которую подбородком при обдумывании важных случаев стало типичной манерой докторов. Франты начали понемногу освобождать голову от париков и носить волосы завитыми и напудренными «en aile de pigeon». Но настоящая реакция против завитых париков началась при Фридрихе Вильгельме I Прусском, который в своем стремлении к военной простоте изгнал их и заменил косами. Мода на косы из прусской армии распространилась постепенно по всей Европе. Борода

чисто сбривалась и получила право снова являться на лице только во время смут революции, когда не было времени бриться и завиваться; тогда волосам снова стали позволять расти на лице, а голову стригли по-санкюлотстки под гребенку. Совершенно новые моды мужских нарядов перешли из Америки. Простой одноцветный костюм, в котором посол Конгресса явился при Версальском дворе, понравился любящим крайности французам, и они переняли пуритански однообразный цвет и республикански простой покрой Франклинова кафтана в то время, когда германская молодежь восторгалась костюмом Вертера: голубым кафтаном вроде фрака, белыми панталонами и длинными по колено сапогами с отворотами. Несколько позднее настало время коротких панталон по колено. Они пережили все бури революции.

Фридрих Вильгельм III

Даже Робеспьер, провозглашая восстановление «etre supreme», явился с косой в прическе en aile de pigeon и в коротких панталонах. Длинные панталоны понравились прежде всего французским республиканцам, вероятно по своему удобству. Немецкие филистеры долго противились им, хотя Фридрих-Вильгельм III уже в 1797 явился на воды Пирмонта в длинных панталонах. Возникла борьба между панталонами и сапогами, которые тоже предъявляли свои права на ногу мужчин. Наконец, панталоны взяли окончательно верх над противниками.

Немецкие женщины XVIII века, стремясь подражать нарядам своих зарейнских соседок, должны были вынести нелегкую борьбу с церковно-нравственной полицией, которая была еще более строго-суеверной в протестантских странах, чем в католических. Средневековые указы о нарядах не прекращались. Магистрат одного южно-немецкого имперского города еще в 1728 г. издал повеление, в котором, между прочим, значилось:


ГЕРМАНИЯ
после Вестфальского мира
в 1648 году
Масштаб 1:12 000 000
50 0 50 100 150 200 км
Сокращения:
Фр.-Фрейзинг, Г.Д.-Гессен-Дармшт.
М-ц-Майнц
0 К востоку от Гринвича 5
10
50
45
5
10
МОРЕ
КОР. ДАНИ
Шлезвиг
Готарф
Киль
Эйтин
о. Гельголанд
Гольштиния
Везер
Любек
Граф.
Воссерк-
ландск.
Гамбург
Герц.
Бремен
(Швед.)
Эмден
Гр.Ольденб.
Кн.
Люнебург
Верден
Бремен
Еп.
Мюнстер
Вербен
Кн.
Еп.
Минден
Ганновер
Оснабрюк
Еп.
Вц.
Гильдесгейм
Везель
Мюнстер
Еп.
Гослар
Дортмунд
Падерборн
Арнсберг
Гр.
Вестф.
Кёльнск
Кассель
Ландгр.
Гессен Кассел.
Саксонск.
Герцог-
ства
Фульда
Г.Д
Вецлар
к
Франкфурт
Г.Д
Еп.Вюрцбург
Дармштадт
Бамберг
Еп.Вормс
Ротенбург
Еп.
Гейльброн
Еп.
Эйхштедт
Ранн
Аугсбург
Бава
Мюнх
Кемптен
Линдау
Инсбрук
Граф.
Тироль
Еп.Брикен
Боцен
Бормио
Киавенна
Еп.
Триест
Бергамо
Герц.
Милан
Респ.
Вене
Милан
Миланское
(Принадл.
Испании)
Брешия
Мантуа
Герц.
Пар
Кобург
Еп. Байре
Нюрнб
Кн.Ансба
Ульм
Кур
Наумб
Эрфурт
Мерзебург
Кур
Шлезвиг
Гольштиния
Любек
Гамбург
Шверин
Мекленбу
Кн.
Люнебург
Эльба
Вербен
Кур
Браунше
Гамбургша
Галле
Мерзебурга
Кур
Наумб
Эрфурт
Саксонск.
Герцог-
ства
Кобург
Кн
Еп. Байре
Бамберг
Нюрнб
Кн.Ансба
Ранн
Аугсбург
Бава
Мюнх
Кемптен
Линдау
Инсбрук
Граф.
Тироль
Еп.Брикен
Боцен
Белл
Еп.
Триест
Герц.
Милан
Респ.
Вене
Верон
Герц. Пар
Мантуа
Лейварден
Текселъ
Гронинген
Амстердам
Утрехт
Роттердам
Соед. Нидерланды
Герц.Клеве
Гельдерн
Дюнкирхен
Антверпен
Маастрихт
Калэ
Испанск.
Брюссель
Герц Арх.Кёльнское
Герц.Марк
Кёльнск
Воссем
Берг
Юлихское
Неервинден
Ип
Артуа
с 1850 г.
Лиль
Аахен
Люттих
Аррас
Флёрюс
Намур
Коблениъ
Мозель
Камбрэ
Мальплаке
Нидерланды
Амьен
Рокруа
Уаза
Эн
Люксембург
Трир
Арх.-Майнц
Арх.
Курф.Пфальц
Реймс
Вердён
Швейфрюккен
Еп.
Шпейер
Мец
Маркгр.
Баден
Штутгарт
Нанси
Страсбург
Тюбинген
Кн.Гоген
Роттвейль
Ульм
Аугсбург
Брейзах
Фрейбург
Биберах
Аугсбург
Кольмар
Мальгаузен
Швейц.
Базель
Констанц
Франш
Еп.
Базель
Нюрих
С.Галлен
Люцерн
Вадуц
Безансон
Конте
Берн
Хур
Фюрстенберг
ШВЕЙЦАРИЯ
Лозанна
Бормио
Киавенна
Женева
Зиттен
Герц.
Шамбери
Аоста
Лион
Княж.
Пиемонт
Савой-
ское
Турин
Виенна
Гренобль
Валанс
Рона
Сена
Труа
Орлеан
Париж
КОРОЛ.
ФРАНЦИЯ
Марна
Об
Мозель
Эпинал
Туль
Сен-Жермен-ан Лэ
Бурж
Дижон
Невер
Макон
Клермон
Шер
Луара
Алье
Рона
Кур.Трирский
Кур.Пфальц
Кур.Баден
Кур.Вюртемберг
Кур.Гессен
Кур.Бранденбург
Кур.Саксонский
Кур.Богемский
Кур.Майнцский
Кур.Кёльнский
Кур.Трирский
Кур.Пфальц
Кур.Баден
Кур.Вюртемберг
Кур.Гессен
Кур.Бранденбург
Кур.Саксонский
Кур.Богемский
Кур.Майнцский
Кур.Кёльнский

15
20
Мемель
КОР. ШВЕЦИЯ
о. Борнгольм
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Тильзит
Ковно
Лабьяу
Нёман
Вильно
КЁНИГСБЕРГ
Велау
Пруссия
Нутциг
Гельд
Штольп
Олива
Браунсберг
о. Рюген
Шлаве
Браунсберг
Эльбинг
Сувалки
Кольберг
Данциг
(Гданьск)
Гельсберг
Эльбинг
Вольгаст
Мариенбург
Герц.
Лык
Гродно
Ней
Штетин
Грауденц
Иоганисбург
Белосток
Флатов
Пренцлау
Бромберг
Нарев
Торн
Нетца
Плоцк
Фервелин
Ландсберг
Буг
Бранденбургское
Мезериц
Прага
Берлин
Кюстрин
Познань
Варшава
Франкфурт
Брест-Литовск
Варта
Котбус
Виттенберг
Засан
Калиш
Лейпциг
Глогау
Волау
Радом
Саксонское
Мейсен
Герлиц
Ёльс
Замостье
Бауцен
Лигниц
Бреславль
Сандомир
Дрезден
Фридланд
Швейдниц
Оппельк
Сан
Хемниц
Лейтмериц
Бейтен
Мал. Польша
Гичин
Одер
Краков
Висла
Тарнов
Заац
Глац
Нейса
Козел
Эльба
Иегендорф
Самбор
Белая гора
Троппау
Тешен
Пильзен
Прага
Неймаркт
БОГЕМИЯ
Ольмюц
Янкау
Иглау
Маркгр.
Вааг
Еп.
Брюн
Регенсбург
Морвское
Кремниц
Леигау
Цнаим
Кашау
Будвейс
Нейштадт
Еп.
Пассау
Герц. Калемберг
Эрцгерц
Шемниц
Пресбург
Токай
Тейса
Вена
Дунай
Австрийское
Зальцбург
Гран
Арх.
Энс
Брукк
Эденбург
Штульвейсенбург
Герц. Штирия
Зальцбург
Грац
Рааб
Оз.
к Бамб
Платен-
Герц. Каринтия
С.Готгард
ское
Виллах
Марбурз
Клагенфурт
Фюнфкирхен
Фр.
Лайбах
Удине
Аграм
Герц. Крайна
Драва
Триест
Карлштадт
Венеция
Вейт
Сава
Ценг
Объяснение :
Имперские города
50
45
15
20

«Еще желаем мы, чтобы женщины, у которых в особенности развито жалкое тщеславие, одевались честно, по обычаям страны и остерегались ношения всяких золотых или золоченых вещей, какие бы они ни были, из настоящего или поддельного золота а также роз и всяких украшений в ушах, на лбу и чепчиках, ношение шелковых платков на шее может быть разрешено, но не должно вести к большим издержкам. Мы запрещаем ношение юбок из шелкового крепа и пестрых платьев, также шпензеров из камки, бархата, шелка и плюша, а равно и ношение французских, сзади зашнурованных шпензеров, сборок на рукавах, обитых сафьяном каблуков, белых кисей, полосатых, разрисованных, вышитых или гладких, всяких французских рубашек и т.д.» Но когда же своевольный тиран — мода, заботился о законах против роскоши?! Наши прабабушки в нарядных костюмах были одеты пестро и роскошно, контрасты их эпохи резко бросаются в глаза в их одежде. Какая противоположность между нижней половиной тела, плотно закутанной в юбку, и узким корсетом, легкомысленно открывающим прелести груди сладострастным взорам. Дамский парадный костюм состоял из тяжелых дорогих материй, из шелка, атласа, перьев, золота и драгоценных каменьев.

Мы попытаемся представить читателю молодую красавицу в бальном костюме того времени. На голове ее возвышается поддерживаемая круглой подушкой огромная многоэтажная башня из волос, напудренная, роскошно украшенная цветами, перьями, лентами и увеличивавшая рост женщины свмое мвлое на аршин. Нога при помощи подпорки в дюйм высоты, подложенной под пятку бархатного или атласного башмака, вынуждена стоять на пальцах. Корсет из часто насаженных костей тянет локти и плечи назад, а грудь — вперед, и затягивает талию как можно тоньше. Сверх широчайших фижм спускается шелковая юбка, разукрашенная бесчисленными оборками, а поверх нее — платье со шлейфом из той же материи, богато расшитое с боков и разрезанное спереди. Рукава этого платья, убранные кружевами, доходят только до локтя; длинная надушенная перчатка закрывает руку. Искусство белиться и румяниться было развито до высшей тонкости; но в некоторых местностях оно считалось неприличным для очень молодых особ. Каждая светская дама носила с собой перламутровую коробочку с запасом мушек из черного английского пластыря. Эти «мушки красоты» носили в форме звездочек, луны, сердечек или амуреток под глазами, на щеках, на подбородке, они должны были усиливать выражение любви. XVIII век не сам изобрел это странное украшение; он заимствовал его у своего предшественника; уже в рассказе Филандра о дураках Венеры находим мы заметку: «Многие девушки, чтобы казаться стыдливыми, наклеивают себе на лица черные пятна и не стыдятся их».

Пусть читатель представит себе общество мужчин и дам того времени в их вычурных нарядах, с церемонными движениями, плавно выступающих в изящных фигурах менуэта по паркету блистающей свечами, фантастично, в стиле рококо[1], убранной залы, — и пред ним предстанет торжественное зрелище, сверкающее богатством и великолепием своих красок. Или лучше последуем за этой парочкой, которая спускается по лестнице в сад, устроенный на манер версальского и отправляется в уединенную рощу: кавалер со шляпой под мышкой, опираясь левой рукой на рукоять кинжала, расплывается в любезностях, пересыпанных стихами Гренура, дама кокетливой игрой веера то отклоняет, то вызывает излияния чувств — хорошенькая картинка, одна из тех, которые так прелестно нарисовал нам Энхендорф. В течение столетия прежний тяжелый костюм и дам и мужчин стал заметно уступать место новому французскому с его более свободным покроем. Но до 90-х годов характерными принад-

Ф. Кнаб. «Сад в стиле рококо»

Г. Лоссов. «Бюргерская пара в костюмах эпохи рококо»

лежностями дамского костюма оставались все-таки башмаки на каблуках, фижмы, шейные платки с подкладкой («menteur») и высокая напудренная прическа. Потом в 1794 г. появилась уже прежде испробованная, но оставленная в Париже, мода на античный женский наряд. Главной составной частью этого наряда была белая одежда вроде рубашки, тесно облекавшая грудь, перевязанная кушаком по талии как можно выше и складками спускавшаяся на ноги. Эта Linon chemise так мало закрывала тело, что благоразумные берлинки прибегли к трико для примирения своего костюма с суровостью климата. Античная мода, отрезав косы у мужчин, объявила войну и женским шиньонам. Переходом от напудренных и наклеенных дамских причесок к крепко завязанному позади головы узлу волоса la grecque, существовавшему во всевозможных видоизменениях с 1796 года, служила некоторое время мода на дамские парики, темные при белокурых бровях и светлые при темных. Немецкие матери прошлого столетия очень любили доказывать свою симпатию к образно-театральному, наряжая своих детей, особенно мальчиков, в фантастические костюмы: в замках и городах можно было встретить толпы турок, китайцев, гусар и тирольцев в миниатюре, можно было даже видеть 6-7-летних Гамлетов, Гецев, Карлов Мооров и Поз.

Общественная жизнь бюргерских кругов, особенно на севере Германии, менее подверженном иностранным влияниям, не выходила из рамок строгих древних обычаев. О нынешнем свободном обращении женщин в обществе не было и речи. Не только ни одна женщина из высшего бюргерского класса не могла появиться без мужчины в театре, на концерт или гулянье, но даже считалось неприличным перейти без горничной через улицу, зайти в церковь, сходить в лавку. Хозяйство продолжалось считаться лучшим занятием для жен и дочерей бюргерских семей. Романы подвергались гонению, строго соблюдалась почтительная покорность представительниц женского пола семьи отцу и хозяину, даже братья пользовались огромной властью над сестрами. Ганзейские города особенно отличались строгим сохранением древне-франконской бюргерской чести. Правда, с другой стороны, близость моря и оживленные торговые сношения спасали их от мертвенной скуки, царившей в большинстве центральных имперских городов. Контраст между жизнью тех и других городов резко выступает в оставленном Иоганной Шопенгауэр описании ее родины, города Данцига (Jugendbilder und Wanderungen). Сам вид города носит отпечаток прочности, даже великолепия. Узкие 5-этажные дома были обращены фронтонами к улице и отделялись друг от друга высокими стенами. С зубчатых крыш спускались жестяные водосточные трубы, оканчивавшиеся огромными драконами или дельфинами. С передней

В. Кауниц

стороны дома возвышалась пристройка, обложенная каменными плитами, — род террасы с парапетом с уличной стороны, представлявшая множество удобств в хозяйственном отношении. Внутреннее убранство домов соединяло средневековую бюргерскую простоту с самым изысканным комфортом. Торговые путешествия многосторонне развили мужское население, но не коснулись старой городской честности. Непреклонный республиканский дух избавлял их от пошлости. Женское образование стояло, конечно, на весьма низкой ступени, но этот недостаток вознаграждался богатым запасом остроумия и здоровой веселости. Противоположности века являлись и здесь. Нравы оставались до такой степени строго лютеранскими, что католик не мог даже быть ночным сторожем; а между тем свобода совести была так широка, что в городе существовало несколько монастырей и жил папский уполномоченный.

Если мы возьмем более раннюю эпоху и перенесемся из бюргерского круга в придворную сферу, мы, конечно, должны остановиться, прежде всего, на Венском дворе и аристократии. До Карла VI, последнего из Габсбургов, испанский этикет и достоинство гранда, сопряженные с уважением к декоруму, преобладали при императорском дворе. Но уже при Леопольде I французские пороки и моды проникли в знатные круги Вены. Герцогиня Орлеанская — особа, знакомая с положением вещей, рассказывает, что австрийские кавалеры не хуже французских умели «справляться с дамами»; даже сам великий принц Евгений не был способен противостоять этому. Карл VI, взяв себе maitresse en titre, как бы санкционировал бурбонские придворные нравы. Министры Синцендорф и Бартенштейн и знаменитый государственный канцлер Кауниц были вполне

Леопольд I Германский

проникнуты французским духом и всеми силами старались перенести французский тон в Вену. Этот тон превосходно ладил с феакским сладострастием жителей Вены, ему приходилось бороться только с австрийской флегмой. Известная англичанка, леди Монтегю, посещавшая венский двор в 1716 г., говорит, что эта флегма не простиралась только на церемонии. Она передает забавную историю по этому поводу.

Две дамы, в каретах шестериком, встретились на узкой улице. Чтобы не унизить своего звания, ни одна из них не соглашалась уступить дороги. Таким образом они простояли друг перед другом до 2 часов ночи, пока, наконец, стража, присланная императором, не увезла их насильно. Леди рассказывает, что чичисбеи были в большой моде в Вене. Каждая женщина порядочного круга имела двух мужей: имя одного она носила, другой исполнял относительно ее супружеские обязанности. Эти связи составлялись так гласно, что считалось оскорблением, если, приглашая даму принять участие в каком-нибудь удовольствии, забывали в то же время пригласить и обоих ее мужей. Совершенной противоположностью этой вольности нравов было по-испански-изуверское ханжество, господствовавшее во всех слоях общества. Оно выражалось в нелепых подвигах покаяния, таскании крестов, бичеваниях и кормило собой бесчисленное множество монахов и монахинь в 1500 мужских и 500 женских монастырях. Рука об руку с этим ханжеством шло самое грубое суеверие, беззащитное перед всевозможными заклинателями, толкователями снов и золотоискателями. Леди Монтегю восхищалась великолепием аристократических домов. По ее словам, приемные апартаменты состояли из анфилад от 8 до 10 комнат. Своей скульптурой, позолотой и мебелью они превосходили дворцы государей в других странах. Комнаты обивались превосходными брюссельскими обоями; огромные зеркала из цельных стекол были окружены серебряными рамами; занавеси, обивка стульев, диванов и скамеек — все это из богатейшего генуэзского бархата; всюду видны были отборные картины, мраморные статуи, алебастр и слоновая кость, фарфоровые вазы и огромные подсвечники из горного хрусталя. За столом подавалось до более 50 изысканных кушаний на серебряной посуде и до 18 сортов лучших вин.

Но несмотря на всю эту роскошь и на французский лоск, общественная жизнь отличалась крайней пошлостью. Венское общество стояло на весьма низкой степени умственного развития. Высшие круги восхищались грязными, косматыми комиками арлекина Страницкого, в популярности с ними соперничал только арлекин духовного звания Абраам-а-Санкта-Клара. Какие личности занимали в то время места придворных проповедников, можно судить по двум весьма достоверным анекдотам. Один

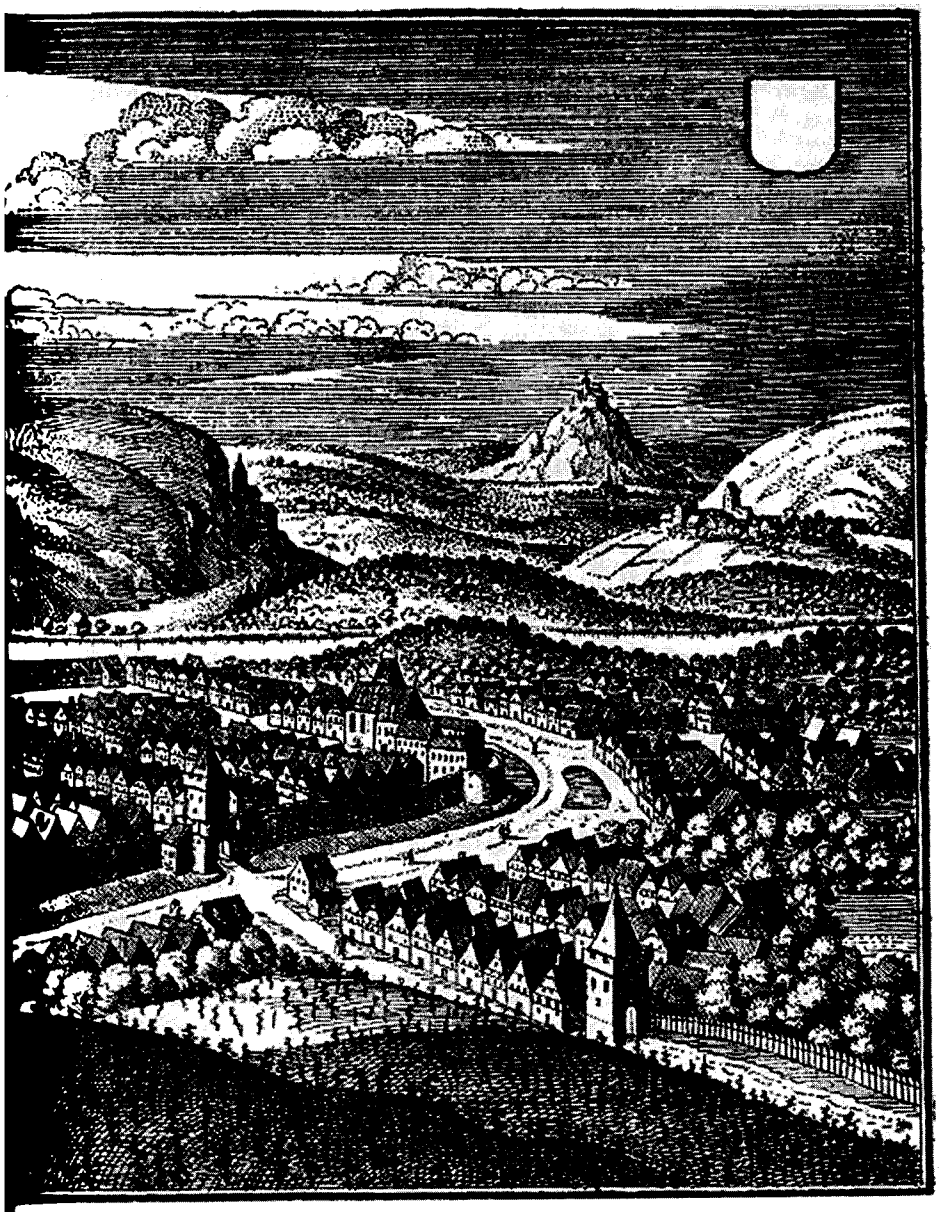
Императрица Мария Терезия. Гравюра на меди

строгий проповедник восставал против слишком открытых платьев. В своем святом усердии он воскликнул: «Я желал бы, чтобы орел святого Иоанна нагадил на эти бесстыдно открытые груди». Это выражение показалось оскорбительным и проповедника приговорили публично взять назад свои слова. Чтобы избавиться от этого, он заболел, а его сотоварищ Абраам должен был в следующей проповеди извиниться за оскорбление. Абраам сделал это, но прибавил, что он, со своей стороны, желает, чтобы в этом случае телец святого Луки заменил орла святого Иоанна. В другой раз отец Абраам побился об заклад с графом Траутманнсдорфом, что с кафедры назовет его ослом, и выиграл: в следующую же проповедь он вплел историю о какой-то общине, выбравшей дурака в старосты, и заключил ее словами: «Ослу доверили деревню».

Мы могли бы позаимствовать у леди Монтегю и свидетельства путешественника — придворного Польцица, посетившего Вену в 1719 г., — многие из его подробностей придворной жизни последних Габсбургов, но мы удовольствуемся лишь несколькими заметками. Азартные игры были строго запрещены. До Марии-Терезии и Франца играли, в основном, только в пикет и ломбер. Любимой забавой дам высшего общества была стрельба в цель. В этом удовольствии могли принимать участие одни только дамы под председательством эрцгерцогинь; императрица сама раздавала награды победительницам. Обычным развлечением общества служили так называемые ассамблеи в домах вельмож и публичные балы, на которых танцевали преимущественно аллеманды и контрадансы. Кавалеры должны были ожидать, пока сами дамы ангажируют их. Браки составлялись по соглашению родителей, часто еще в то время, когда заинтересованные личности лежали в колыбели. Когда приходил срок исполнения договора, жених должен был отправляться к назначенной ему невесте и опустившись на правое колено, просить ее руки. Девица (этого требовало приличие) должна была застенчиво отослать его к родителям. На следующий день он являлся к ним в парадном костюме и повторял свое предложение замысловатой речью, иногда даже в стихах, сочиненных каким-нибудь уличным поэтом: этим заканчивалось сватовство. Жители столицы и провинций медленно освобождались от средневекового варварства. Прогресс в этом отношении еще более замедлялся тем, что дворянская олигархия пользовалась громадными привилегиями, стеснявшими действия полиции. Ремесленники под влиянием нелепейшей цеховой гордости и цеховой зависти производили часто страшные беспорядки. Не менее их бесчинствовали студенты, еще в 1706 г. совершенно в средневековом духе преследовавшие придворного актера еврея Оппенгеймера. Указы, запрещавшие ученикам мастеровых и другим неспокойным лицам низших

Г. Лоссов. «Менуэт в эпоху рококо»

ЙЕНА



сословий носить шпаги, должны были беспрестанно повторяться, чтобы хоть отчасти предохранить полицейских от внезапных нападений. В высших слоях общества беспрерывно происходили дуэли и драки; на Оксенгрисе в Иосефштате благородные борцы по-прежнему продолжали кровью смывать обиды. Даже еще при Карле VI было небезопасно ходить вечером по улице без шпаги и пистолета. Во время ежегодного большого майского гулянья в Пратере все кавалеры, ехавшие верхом, должны были при входе отдавать свои пистолеты. Такое распоряжение было вызвано частыми убийствами в высших кругах общества.

В царствование Марии-Терезии и ее галантного супруга Франца Лотарингского, когда миновали тревоги войны за наследство, Венский двор получил блистательный вид: во дворце и в императорских загородных замках часто давались шумные карусели, оперы, балеты и балы, на которые нередко собиралось до 2000 гостей. Зато на содержание двора тратилось ежегодно около 6 млн. гульденов. Меблирование императорской столовой стоило около 90 000 гульденов; массивный золотой столовый сервиз весил 4 с половиной центнера; каждая из 58 тарелок стоила 2000 гульденов, а все вместе 1 300 000 гульденов. При дворе сжигалось ежегодно 12 000 саженей дров, 2200 лошадей стояли в конюшнях. Выезжая со двора, императрица обыкновенно везла с собой запас кремницких дукатов и бросала их из кареты нищим. Ее расточительность не знала границ: с наивностью абсолютного самодержавия она принимала кошельки подданных за свои собственные; аристократия всеми силами старалась подражать ее примеру; женщины высшего круга предавались страсти к игре и проигрывали огромные суммы. Любовница императора княгиня Ауерсперг Нейперг, в один вечер поставила на карту и проиграла 12 000 дукатов. К несчастью, введение лотерей распространило эту аристократическую страсть и в народе, а двор, эксплуатируя массы лотереями, превратил их в источник доходов. Например, венская лотерея между 1759—1769 гг. дала 21 млн., из которых двор получил 3 400 000 гульденов.

Неизменно верно преданная своему легкомысленному супругу, императрица считала одной из первых своих обязанностей наблюдать за нравственностью столицы. Для этой цели она учредила так называемые «комиссии нравственности», которые князь Кауниц сумел превратить в орудия основанной им тайной полиции. Скандальный разврат императрица преследовала неумолимо строго. Два сына данцигского бургомистра Рутенберга, пойманные в оргиях «клуба развратников», несмотря на все просьбы и деньги отца, были присуждены к позорному столбу. Были однако люди, которых Мария-Терезия решительно не могла обратить на путь добродетели. Кауниц, отправляясь к императрице, сажал с собой в

карету своих любовниц и заставлял их ожидать себя у ворот дворца. Однажды, когда императрица стала выговаривать ему за безнравственность его поведения, министр, понимавший, насколько она нуждается в его услугах, прервал ее словами: «Государыня, я пришел говорить с вами о ваших делах, а не о моих». Бдительность Марии-Терезии вообще имела последствием только то, что в Вене грешили осторожнее, чем в других местах. Очевидец, английский турист Враксаль, говорит, что «ни в одной европейской столице не соблюдается при любовных связях такой осторожности, такого уважения к внешним приличиям, как в Вене. Любовь скрывается под покровом таинственности и под видом дружбы. В противоположность легкомысленным связям Варшавы и Петербурга, здешние продолжаются обыкновенно по четверти столетия. Мне кажется, сам климат Австрии не благоприятствует развитию сильных страстей. В физическом и нравственном состоянии жителей есть что-то флегматичное, противящееся пламенным чувствам. Присутствие императрицы и страх, возбуждаемый ее бдительностью и строгостью, сдерживают всякие порывы. Суеверие, духовные отцы и покаяние еще более способствуют этому. Однако и здесь корень греха не вырван, и в Вене есть свои Мессалины, хотя и менее выдающиеся, чем в других странах. Суеверие австрийских женщин, несмотря на всю свою силу, не исключает любви: они грешат, молятся, каются и снова грешат». Тот же англичанин рисует нам степень развития знатного юношества Австрии: «Молодые люди высшего класса вообще невыносимы. Не отличаясь ничем, кроме высокомерия, невежества и ограниченности, полные несносного чванства своею национальностью, необразованные, самоуверенные и хвастливые, они не обладают ни способностью, ни желанием быть приятными в обществе. Правда, они так же, как англичане, ездят путешествовать, т.е. отправляются из Вены в Париж через Италию и назад. Они стремятся подражать французским нравам, но не обладают ни вежливостью, ни живостью, ни изяществом французов. Университеты и семинарии в Австрии немногим лучше монастырей, где держат девушек с целью развить и расширить их понятия. Большая часть книг, составляющих библиотеки образованных людей не только во Франции и Англии, но даже в Риме и Флоренции, строго запрещены и ввоз их соединен с немалыми затруднениями и опасностями. Естественная леность человеческого ума мешает ему подвергаться этим опасностям, и таким образом гаснет слабая искра стремления к образованию. В самом деле австрийское дворянство обоих полов, кажется, решительно ничего не читает и отличается одинаковым невежеством как в науке, так и в искусстве».

Между тем именно при Марии-Терезии в Австрию стали понемногу проникать лучи просвещения. Несмотря на все свое ханжество импера-

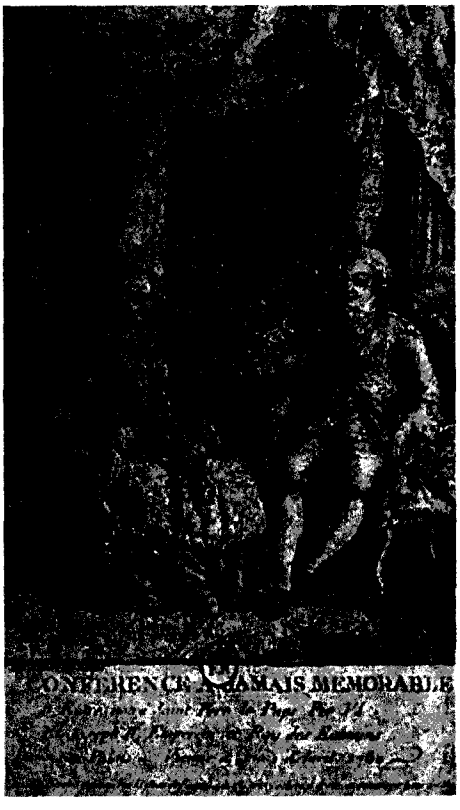
Г. Лоссов. «Пастораль»

рица была вынуждена сделать некоторые уступки духу времени. Было отменено множество праздников и процессий, выражавших религиозное чувство. Бичевание и ношение крестов в слишком грубой форме также уничтожились. Императрица чувствовала потребность «продвинуть» вперед Австрию, уже слишком отставшую от большинства европейских держав в законодательстве, общественных учреждениях, в науке и искусстве. Она поручила просвещенным людям, вроде фон Свитена, Ригера и Зонненфельса, заведование цензурными, церковными и судебными делами и тем открыла доступ современным филантропическим идеям. Зонненфельс, благородный и честный человек (умер в 1817 году), происходивший из одной берлинской еврейской семьи, в особенности пользовался милостью императрицы. Профессор университета с 1763 г., он издавал несколько еженедельных газет; его статьям Австрия обязана, между прочим, отменой пытки (1776). Когда цензура слишком уж мучила его, он обыкновенно обращался через посредство эрцгерцогини Каролины прямо к императрице. Однажды вечером Зонненфельс явился во дворец. Императрица, игравшая в карты, выскочила из-за стола и с картами в руках вышла к профессору. «Ну что такое? — спрашивала она его, — опять они вас мучают? Что вы им сделали? Написали что-нибудь против нас? За это

мы вам охотно прощаем. Истинный патриот может иногда потерять терпение. Но я знаю наши чувства. Или против религии? Не может быть, вы не так глупы. Или против нравственности? Да нет, вы ведь не подлец. Но если вы написали что-нибудь против министров, ну уж тогда делайте как знаете, мой любезнейший Зонненфельс, я не могу вам помочь. Я вас часто предостерегала». Как видно, Мария-Терезия умела быть добродушной, пока не касались ее абсолютизма. Ей много при этом помогала прелесть ее стана, глаз и голоса. Она умела пробуждать сердца и отдельных личностей, и целых масс. На знаменитом пресбургском рейхстаге (1741) она положительно пленила венгерских магнатов. Мария была настолько добродушна, что, отходя от смертного одра своего возлюбленного Франца, могла сказать рыдавшей сопернице своей княгине Ауерсперг: «Моя милая княгиня, мы обе много потеряли». Когда было получено известие, что 12 февраля 1768 г. у ее второго сына великого герцога Леопольда Тосканского родился первый сын, императрица, не помня себя от радости, побежала в ночной блузе через коридоры в театр и, перевесившись через барьер ложи, закричала партеру: «У Поли родился мальчик и еще в самый день моей свадьбы — это мило!» Такое добродушное, искреннее обращение, да еще на венском наречии, положительно приводило в восторг жителей Вены, тем более что со введения при дворе испанских нравов ни один из австрийских императоров не удостаивал вниманием народ. Однако популярность императрицы кончилась раньше ее жизни. При перенесении ее гроба в монастырь капуцинов гренадеры должны были защищать его от камней народа, негодовавшего за новый налог на вино. Даже в период наибольшей ее популярности венское остроумие изощрялось если не над самой императрицей, то над ее любимцами. Когда ее зять, герцог Карл Лотарингский, «проигрыватель сражений», был наголову разбит Фридрихом Великим при Лейтене, по всей Вене, даже на стенах дворца, появилась карикатура, осмеивающая пьянство и воинскую неспособность принца. Принц был изображен на военном совете с генералами Даном и Надасди. Дан говорит: Mit Verstand und Muth (умом и храбростью). Надасди: Mit Schwert und Blut (мечом и кровью). Принц, указывая на бутылку: Der Wein ist gut (вино хорошее). Полиция назначила 500 дукатов награды тому, кто укажет автора этой карикатуры. На следующий день вместо оторванной карикатуры была приклеена записочка: «Нас четверо: я, чернила, перо и бумага; ни один из нас не предаст другого, я плюю на твои 500 дукатов». Первым лицом Вены в царствование Марии-Терезии был государственный канцлер Кауниц — это соединение хитрейшего дипломата с парижским петиметром. Он был до того офранцужен, что даже старался говорить, коверкая немецкий язык;

А. Менцель. «Застолье Фридриха Великого»

туалет поглощал огромную долю его внимания; для того чтобы ровно напудрить свой парик, государственный канцлер всякое утро прохаживался взад и вперед по комнате, наполненной пудрой, между двумя рядами слуг, которые большими веерами навевали на него пудру. Кауниц отличался крайней бесцеремонностью в обращении. Когда папа Пий VI приехал в Вену увещевать Иосифа II, он посетил и Кауница. Канцлер повел первосвященника в свою картинную галерею и там так неуважительно толкал Христова наместника во все стороны, стараясь показать ему картины в лучшем свете, что Пий VI, по собственному выражению, был tutto stupefato. Необыкновенное тщеславие проглядывает в словах, сказанных князем одному знатному русскому: «Советую вам, милостивый государь, купить мой портрет; ваши соотечественники будут очень довольны, увидя изображение одного из славнейших людей, человека, который лучше всех умеет сидеть на лошади, который уже 15 лет управляет Австрией как лучший министр; который все знает, все понимает, все умеет».

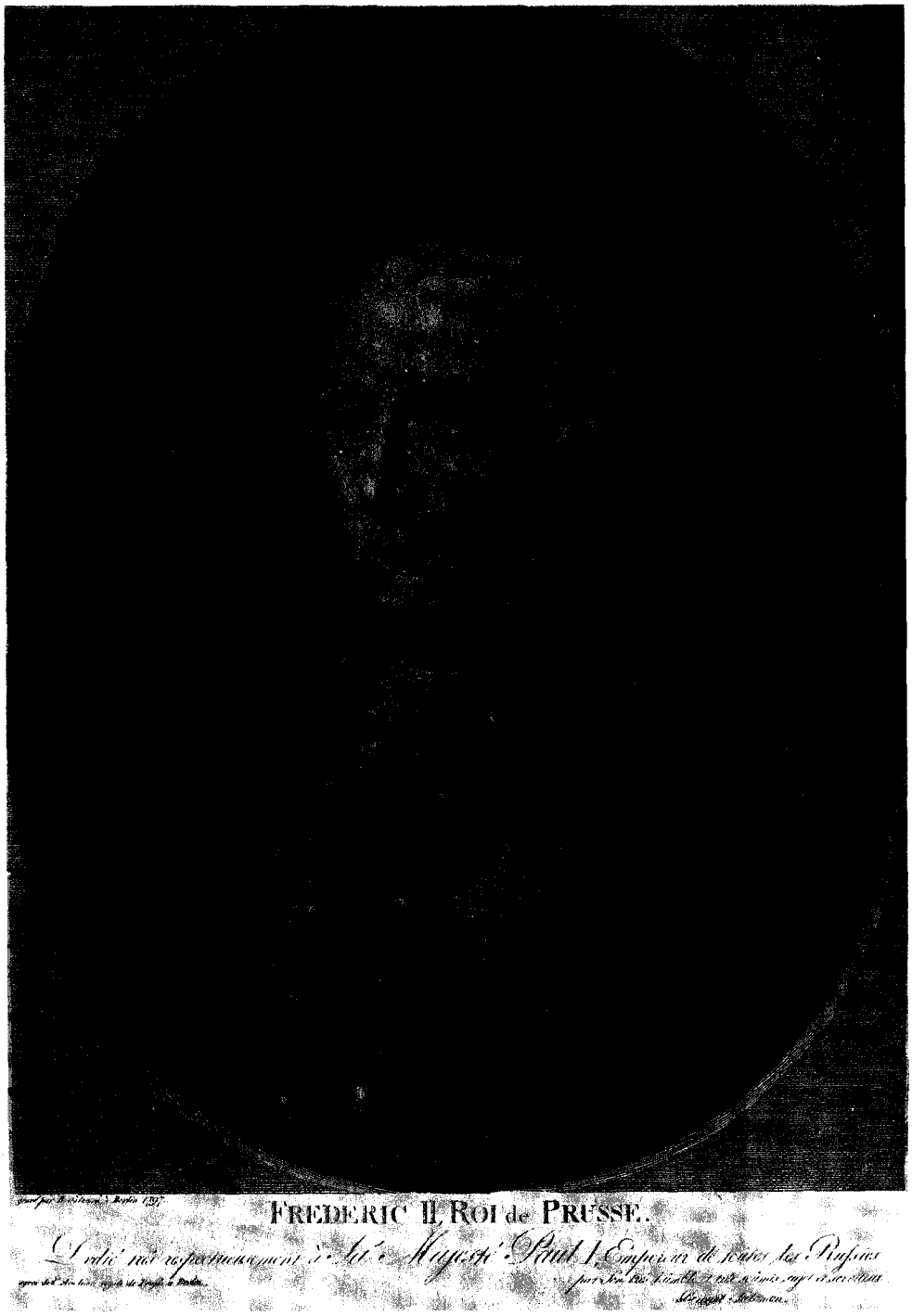


Беседа папы Пия VI с австрийским императором Иосифом II. С гравюры XVIII века

Французские нравы, введенные при прусском дворе первым королем Пруссии, встретили сильного врага в его преемнике Фридрихе-Вильгельме II. Фридрих-Вильгельм II, неотесанная, часто грубая, но честная личность, тотчас по вступлении на престол уничтожил всю роскошь, введенную при дворе его отцом и прогнал всех его любовниц. «Не нужно мне плутов-французов, — говорил он, — я добрый немец». К несчастью, он считал тевтонскую грубость одним из существенных качеств Германии и потому презирал науку и образование до того, что даже великого Лейбница называл «ни на что не годным человеком, не способным даже стоять на часах». Впрочем, он не был совсем не прав, уверяя, что неболь-

Лейбниц

шая доля природного ума лучше всякой университетской мудрости: тогдашние университеты вполне заслуживали подобного мнения. Строгий солдатский король, он управлял как капрал и государством, и своим семейством. Неумолимый враг аристократических притязаний, он обложил дворянство налогом. Это было весьма важной мерой. Когда в 1717 г. граф фон Дана, маршал Пруссии, вручил ему предостережение против этого налога, написанное на французском языке и кончавшееся словами: Tout le pays sera ruin?, — король положил знаменитую резолюцию: «Tout le pays sera ruin? Nihil credo, но тому credo, что авторитет дворянства будет разрушен. Я основываю власть как rocher из bronze». Вечно на ногах, король обращал одинаковое внимание как на мелочи, так и на важное. Он равно строго проверял и государственный бюджет, и свои собственные хозяйственные счета, и в том, и другом случае обманщики наказывались одинаково быстро. Его бережливость доходила до скупости. Он увеличил государственные доходы с 4 до $7^1/_2$ миллионов и оставил в казначействе капитал, пригодившийся его преемнику. Только в одном деле старый король не жалел издержк: когда надо было вербовать «длинных молодцев» для его потсдамской гвардии. Его вербовщики гонялись по всему свету за великанами. Некоторые солдаты стоили ему от 1000 до 5000 талеров; за самого высокого из них, одного ирландца, он заплатил 9000 талеров. Он пытался даже произвести целое поколение великанов, заставляя жениться своих верзил на очень высоких женщинах; однако опыт оказался неудачным. Король требовал и от других той же немецкой прямоты и откровенности, которой отличался сам. Лесть и низкопоклонство были ему ненавистны. Один вновь поступивший камердинер читал ему раз вечернюю молитву — король строго исполнял обряды лютеранского вероисповедания — и, дойдя до слов: «Господь да благословит тебя!» — счел долгом верноподданного сказать: «Господь да



Фридрих II Пруский

ЛЕЙПЦИГ

благословит вас!». Король тотчас же закричал на него: «Собака, читай верно, пред Богом я такой же пес, как и ты». Ему очень нравились откровенные, находчивые ответы. Один кандидат получил хороший приход за то только, что на замечание короля: «Все берлинцы никуда не годятся», — не задумавшись ответил: «Это правда, но есть исключения». — «Кто же?» — «Вы, Ваше Величество, и я». Наоборот, приходилось плохо тем, кто старался уклоняться от встречи с королем, когда он, например, ездил осматривать новые постройки; эти постройки Вильгельм так поощрял, что в конце его правления в Берлине насчитывалось уже около 100 000 жителей. Одного несчастного еврея, убежавшего от встречи с государем «потому, что он его испугался», Фридрих-Вильгельм I велел высечь, приговаривая: «Не бояться, а любить, любить должны вы меня!».

Фридрих-Вильгельм I поставил свою домашнюю жизнь на ногу зажиточного бюргера или, по крайней мере, состоятельного померанского землевладельца. Из слуг своего отца он оставил только 4 камергеров, 4 камер-юнкеров, 18 пажей, 6 лакеев, 5 камердинеров и 12 егерей. Он не любил роскоши и только в торжественных случаях показывал свой серебряный сервиз, стоивший по своей массивности $1^1/_2$ млн. талеров. Король ходил всегда в синем мундире с красными отворотами и серебряными петлицами, в желтом жилете, панталонах и белых штиблетах; сбоку у него постоянно висела шпага, в руках он держал толстую бамбуковую трость. Столы, скамьи и стулья в его комнатах были простые деревянные, он не терпел ни подушек, ни ковров. За исключением оленьей и кабаньей охоты, во время которой загонялось иногда до 2000 и 3000 штук зверей, Фридрих-Вильгельм не разделял удовольствий современных ему государей. Он был отец-деспот, непременно желавший воспитывать детей по своей мерке, и примерно верный муж. Раз только увлекся он «благородною» страстью к гоффрейлине фон Панневиц, но потерпел сильную неудачу. Король вздумал начать роман с конца, и красавица ответила ему такой полновесной пощечиной, что он отказался от всяких дальнейших любезностей. В искусстве король понимал также мало, как и в науке, и своим односторонним гонением роскоши отнимал у народа все наслаждения искусства. Его дочь Фредерика София Вильгельмина, маркграфиня Байретская, скорей со злобой, чем с дочерней любовью изобразила в своих мемуарах тогдашнее положение прусского двора. Следующая сцена, рассказанная маркграфиней, показывает, что делалось во дворце, когда на короля находил припадок гнева. «Один раз, утром, говорил мне брат Фридрих, когда я вошел в комнату короля, он вдруг схватил меня за волосы, бросил на землю, начал бить и, несмотря на мое сопротивление, потащил к ближайшему окну. Ему вздумалось разыграть роль немого в

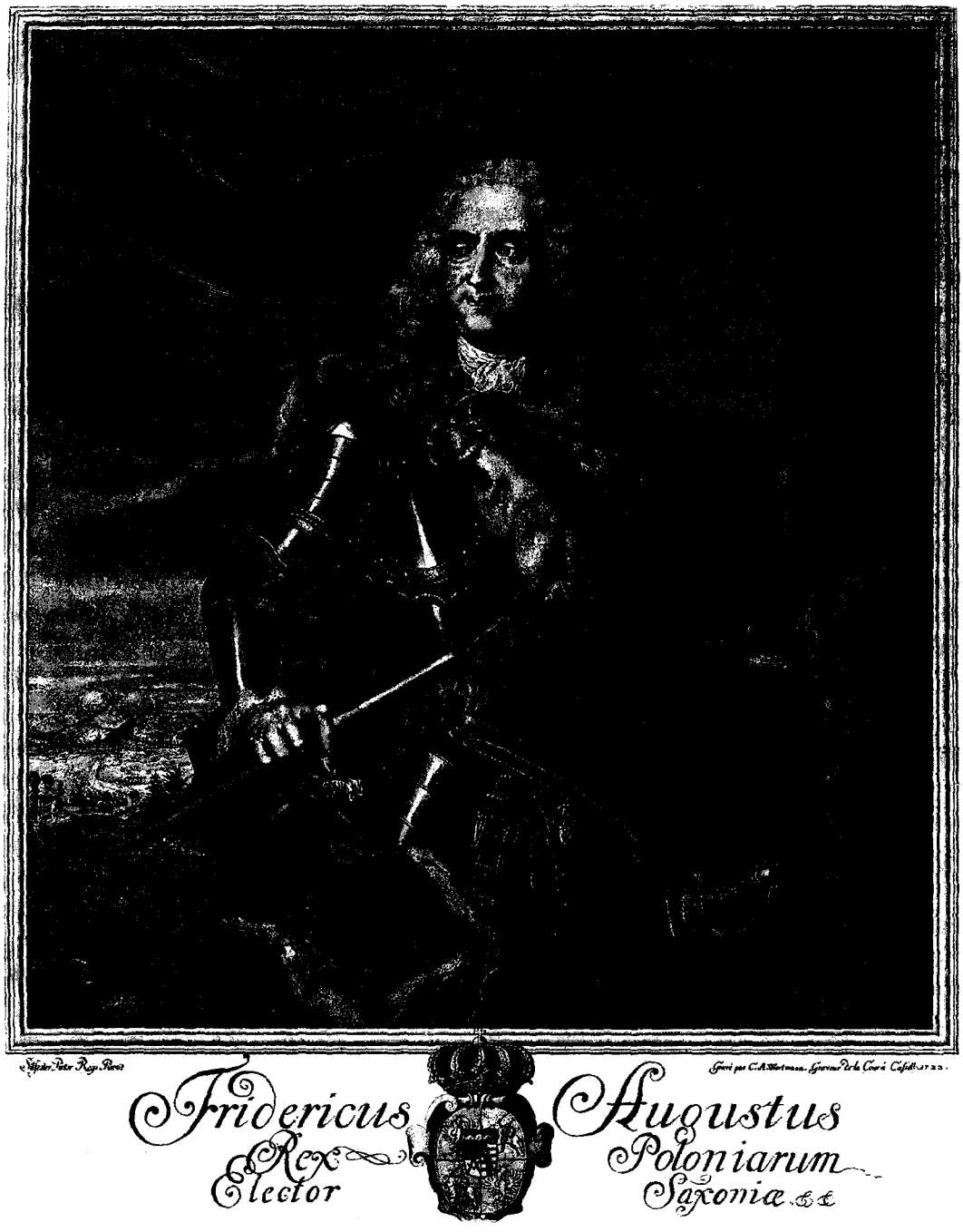
А. Менцель. «В табачной коллегии Фридриха Вильгельма Первого»

сериале: он взял шнурок от занавеси и набросил его мне на шею. К счастью, мне удалось вскочить, встать; я схватил его за руки и закричал. Камердинер пришел ко мне на помощь и вырвал меня из его рук». Всем известно, что после неудавшейся попытки Фридриха бежать, король замахнулся на него шпагой и, не успев убить, жестоко оскорбил его. Он хотел даже, чтобы военный суд приговорил Фридриха к смерти. Вот что рассказывает маркграфиня (конечно, не без некоторых преувеличений) о ежедневном времяпрепровождении королевского семейства, неизменном как зимой, так и летом, когда резиденция переносилась в загородный замок Вустергауз, устроенный совершенно во вкусе померанского дворянства: «В 10 часов утра я с сестрами являлась к матери, чтоб идти с ней вместе в комнату, смежную с кабинетом короля: там мы должны были скучать целое утро. Наконец наставало обеденное время. Обед состоял из 6 дурно приготовленных кушаний, которых должно было хватить на 24 человека, так что большинство обедающих довольствовалось только запахом пищи. После обеда король садился в деревянное кресло и спал 2 часа, а я в это время работала. Проснувшись, король уходил прочь. Тогда королева шла в свою комнату, где я должна была читать ей до возвращения короля. Он проводил с нами несколько минут и шел в свою табачную коллегию. В 8 часов подавался ужин, на котором присутствовал король и из-за которого мы обыкновенно вставали голодными. Король

редко возвращался из табачной коллегии раньше 4 часов утра, и мы должны были ожидать его до тех пор».

Эта табачная коллегия Фридриха-Вильгельма I со своим казарменным характером, так резко противоположным утонченно-развратным, фривольно-остроумным французским манерам, составляет одну из характерных особенностей нравов XVIII столетия. В королевских дворцах Берлина, Потсдама и Вустергаузена были устроены особенные табачные комнаты. Король проводил там целые вечера в обществе своих генералов, министров и прочих гостей. Вся эта компания, украшенная широкими орденскими лентами, усаживалась вокруг большего стола, на котором были разложены голландские и прочие газеты. Все были вооружены длинными голландскими глиняными трубками. Даже не любившие курить, как, например, старый Дессауер и императорский посланник Зекендорф, должны были в угоду королю не отставать от других. Пред каждым стояла большая белая кружка с пивом, здесь решались самые важные государственные дела. Пили ужасно много, и король от души радовался, когда мог споить или довести табачным дымом до дурноты своих коронованных гостей. Главной забавой табак-коллегии служил педант Гундлинг, которого король, в насмешку над дворянством, учеными и бюрократией, осыпал милостями. Он сделал его дворянином с 16 предками, президентом Академии наук (на содержание которой тратилось в год не более 300 талеров), потом камергером и тайным финансовым советником; со всем тем он был предметом самых невероятных шуток, которые не раз подвергали опасности саму его жизнь. Раз, когда Гундлинг был пьян, король велел положить ему на постель одного из медведей, содержащихся в Вустергаузене, и только счастливый случай спас несчастного президента от смертоносных объятий зверя. В другой раз вздумали бомбардировать его комнату ракетами и шутихами. Часто, когда несчастный возвращался ночью из табачной коллегии, дверь его комнаты была замурована и он напрасно искал ее целую ночь. Соперником Гундлинга был Фасман, известный автор «Разговоров в царстве мертвых». По приказанию короля он сочинил сатиру на Гундлинга и прочел ее в табачной коллегии. Гундлинг пришел в такую ярость, что бросил в лицо сатирику сковороду с горячими угольями, приготовленными для закуривания трубок. Тогда Фасман схватил противника, обнажил в присутствии короля известную часть его тела и так обработал ее сковородой, что Гундлинг несколько недель не мог сесть. Когда Гундлинг умер от пьянства и был погребен в винной бочке, на его место заступил магистр Моргенштерн. Король устроил между этим Моргенштерном и профессорами Франкфуртского университета диспут на тему «Все ученые — пустомели и дураки». Моргенштерн взо-

шел на кафедру в голубой бархатной одежде с красными отворотами, вышитой серебряными зайцами, в красном жилете, в длинном парике, доходившем до пояса, и с лисьим хвостом вместо шпаги за поясом. Диспут продолжался целый час среди необузданных криков слушателей, потом король велел перестать, похвалил Моргенштерна, повернулся, засвистал и захлопал в ладоши, все присутствующие сделали то же. Подобные странные сцены происходили и на праздниках, дававшихся иногда при дворе. Когда кончался обед и королева удалялась со своими дамами, король пускался обыкновенно плясать с генералами и приближенными. Под старость Фридрих-Вильгельм I впал в ханжество. Он всегда был строго религиозен, и потому пиетистам нетрудно было заставить его изгнать в 1723 г. из Галле философа Вольфа «как нехристианина». Правда, одной из побудительных причин этой деспотической выходки был донос о том, что Вольф проповедует какой-то фатум, принуждающий дезертировать «длинных молодцов». Если верить дочери короля, которая, впрочем, и в этом случае, как во многих других, не вполне строго придерживается хронологии, короля поддерживал в его религиозном рвении известный пиетист Франке. «Этот человек, — рассказывает маркграфиня Байретская, — считал грехом все удовольствия, даже музыку и охоту; он приказывал говорить только о слове Божием и запрещал всякие посторонние разговоры. За столом он один говорил и читал вслух, как в монастыре. Каждый раз после обеда король читал нам проповедь, его камердинер пел духовную песнь, а мы все должны были подтягивать. На моего брата Фридриха и на меня находил иногда такой припадок смеха, что мы решительно не могли выдержать. Над нами разражался тогда целый гром проклятий, и мы должны были выслушивать их как кающиеся грешники. Одним словом, по милости Франке мы жили точно в монастыре траппистов». А между тем, несмотря на всю свою странность, дикость и грубость, двор Фридриха-Вильгельма I мог служить образцом нравственности для большинства немецких дворов того времени. Наиболее роскошно и блистательно проходила жизнь в Дрездене, где Август Сильный доводил расточительность до самой высшей степени. Прусский министр Грумбков решился свезти к этому двору своего религиозно-меланхоличного короля, чтобы отклонить его от намерения отказаться от престола. Король приехал в Дрезден в январе 1728 г. и пробыл там четыре недели среди непрерывных празднеств. «Однажды, — рассказывает дочь Фридриха-Вильгельма I, — после сильной попойки польский король (Август Сильный) повел отца моего в домино, на маскарад. Весело разговаривая, ходили они из одной комнаты в другую. Брат мой Фридрих и прочие гости следовали за ними. Наконец они пришли в большую, необыкновенно роскошно



Август II Сильный

убранную комнату. В то время, как отец любовался изящными украшениями, одна из стен неожиданно опустилась и глазам открылось удивительное зрелище. Девушка, прекрасная как Венера или как грации, небрежно лежала на постели в одежде наших прародителей до грехопадения, окидывая взором свое тело, белое как мрамор, с формами Венеры Медицейской. Блеск от тысячи свечей, освещавших комнату далеко превосходил солнечный. Польский король и Грумбков рассчитывали, что король непременно попадется на эту, приготовленную ему удочку, но они жестоко ошиблись. При первом же взгляде король снял шляпу и закрыл ею лицо брата, приказывая ему удалиться. Потом он обратился к польскому королю со словами: «Она очень хороша!» — и вышел вон. В тот же вечер он заметил Грумбкову что не любит подобных зрелищ и не желает повторения их». Дальше маркграфиня рассказывает, что во время пребывания при саксонском дворе брат ее страстно влюбился в графиню Оржельскую, дочь и в то же время любовницу Августа Сильного. Она была прежде любовницей своего брата графа Рутовского, одного из 354 побочных детей их общего отца. Август стал ревновать и предложил прусскому кронпринцу вместо Оржельской прекрасную итальянку Формера, ту самую, которая играла роль Венеры. Она сделалась первой любовницей Фридриха. Впоследствии, когда саксонский двор приехал отдать визит берлинскому, Фридриху удалось-таки сблизиться с Оржельской; она прижила с ним ребенка. Двор Августа Сильного состоял из толпы фаворитов, кастратов, танцовщиц, итальянских, французских и польских развратниц, побочных детей и алхимиков. Роскошь доходила до неслыханных размеров: на свадьбу своего сына, будущего курфюрста Августа III, полновластный министр которого граф Брюль окончательно разорил страну, Август потратил в 1719 г. 4 миллиона, в то самое время, когда вся страна страдала от голода и дороговизны. С каким цинизмом он попирал всякий стыд и всякую нравственность, можно видеть между прочим из следующего случая. Август в 1767 г. держал пари с тогдашней своей любовницей графиней Козель, что может выпустить монеты с изображением ее детородных частей, и выиграл это пари, велев начеканить гульдены, известные нумизматам под именем гульденов Козель.

Маркграфиня Байретская рисует нам также и картину Байретского двора, картину, в истинности которой, несмотря на всю ее отвратительность, мы не имеем права сомневаться. «У маркграфини Софии, супруги маркграфа Георга-Вильгельма, вступившей впоследствии 50-летней Мессалиной во второй брак с известнейшим оригиналом того времени графом Годиц, истратившим 5 млн. на украшение своего моравского замка Раскольда, у этой маркграфини была дочь, возбуждавшая зависть

матери своей красотой и добродетелью. Чудовищная мать решилась погубить свое дитя. Маркграф намеревался выдать принцессу за принца Кульбахского. Чтобы расстроить этот план, маркграфиня прибегла к помощи некоего Вебезера, камер-юнкера ее супруга; она обещала ему 4000 дукатов, если он соблазнит принцессу и та забеременеет. Долго Вебезер напрасно ухаживал за девушкой, встречая одно лишь презрение и отвращение с ее стороны. Маркграфиня увидела, наконец, что это средство не годится и выдумала другое: она предоставила Вебезеру возможность спрятаться ночью в комнате принцессы. Слуги ее были подкуплены. Ее заперли с негодяем, и таким образом, несмотря на крики и слезы несчастной, ему удалось овладеть ею. Принцесса забеременела и родила двух близнецов. Маркграфиня тотчас схватила их на руки и побежала рассказывать всем, какая у нее развратная дочь. Она до того тискала малюток, что они умерли».

Но ни одна из немецких земель не страдала от безнравственности своих государей более Вюртемберга. Вюртембергские принцы, казалось, поставили себе задачей испытать, до чего может дойти безнравственность и бесстыдство. Герцог Леопольд-Эбергард, из мемпельгардской линии, женился сразу на 3 своих любовницах. К этому скандалу он присоединил еще и кровосмешение, переженив между собой 13 своих незаконных детей. Он хотел даже оставить им в наследство Мемпельгард, но императорский рейхсгофрат после смерти герцога в 1723 г. объявил его незаконное потомство недостойным его звания и наследства, и все это грязное отродье скрылось во «всемирной клоаке» Парижа. В цисренанском Вюртемберге Эбергард-Людвиг взял себе в наложницы (1708 г.) публичную женщину из Мекленбурга Христину-Вильгельмину фон Гревениц и возвысил ее в звание графини с содержанием в 20 000 гульденов. Он даже формально женился на ней, несмотря на то, что его супруга принцесса Баден-Дурлахская была еще жива. На все замечания о неприличии подобного поведения герцог отвечал, что он, как протестантский государь, должен отдавать отчет в своих поступках одному лишь Богу. Гревениц, женщина преданная самому низкому сластолюбию и самой грязной скупости, управляла несчастной страной с полным презрением ко всякому закону и справедливости. По приказанию императора она должна была на время оставить Вюртемберг, но герцог поехал за ней в Женеву и торжественно привез ее назад в Штутгарт под именем жены ландгофмейстера фон Вюрбен. Теперь-то началось самое тяжелое время ее правления. Для удовлетворения неслыханной дотоле расточительности двора прибегали и к неслыханным средствам разорения народа. Не можем удержаться, чтобы не упомянуть мимоходом о смелом ответе прелата Осиандера (или придворного духовника

Грамлиха?) на просьбу бесстыдной развратницы включить ее в церковные молитвы. «Мы и так ежедневно поминаем имя ваше в молитвах, — сказал он ей, — когда читаем в Отче наш «и избави нас от лукавого!» После смерти Эбергарда-Людвига Вюртемберг попал в руки мошеннической шайки еврея Зюса Оппенгейма, первого министра герцога Карла-Александра. Дом этого еврея сделался центром самих неумолимых притеснений и самых бешеных оргий; необыкновенное соединение сладострастия с жестокостью было отличительной чертой этого человека. Во время 3-летнего правления герцога Зюс продажей должностей и другими противозаконными мерами выжал из несчастной страны более миллиона гульденов. Вред, причиняемый полям дичью, оценивался в 1738 г. в полмиллиона, хотя на охоте герцога за год перед тем было убито 1500 оленей, 4000 штук крупных и мелких зверей и 5000 кабанов. Но правление Гревениц и еврея Зюса было только прелюдией к жестокостям и расточительности Карла-Евгения в 1744 г. Чтобы дать понятие об этом государе, мы приведем слова прелата Готфрида Паля, вообще довольно умеренного в своих суждениях: «Штутгарт был в то время центром удовольствий и великолепнейшим двором Германии. Чтобы увеличить блеск, к нему привлекали множество иностранных дворян. При дворе толпились маршалы, камергеры, придворные кавалеры и дамы; многие из них получали громадное содержание. В их свите состояла целая армия камердинеров, гайдуков, мавров, скороходов, поваров, лакеев и конюхов в великолепнейших ливреях. Кроме того были целые корпуса придворных телохранителей, егерей и гусаров, мундиры которых были украшены золотом, серебром и драгоценными мехами. Для двора покупались самые красивые лошади; частью их выписывали из-за границы за баснословно огромные суммы. Театр, опера, балет и музыка поглощали громадные суммы. Величайшие артисты были приглашаемы из Франциии из Италии. Новер был директором балета, Камели — капельмейстером и даже Вестрис должен был делить свое время между Штутгартом и Версалем. Последнему платили за его произведения по 12 000 гульденов в год. Постановка иных опер стоила до 100 000 гульденов. Часто, особенно в дни рождения герцога, устраивались праздники, на которых соединялось все, что могли дать искусство и роскошь. Для увеличения числа зрителей всего этого великолепия приглашали множество знатных иностранцев, содержавшихся за счет двора. Часто один праздник поглощал от 300—400 тысяч гульденов. Все являлось в полном блеске; балеты и драмы поражали великолепием своей постановки; Веронезе давал фейерверки, сжигавшие в несколько минут целые бочки золота. Весь Олимп собирался приветствовать государя, стихии и времена года выражали ему свои чувства в изящных стихотворениях».

Последние слова этого описания принадлежат Уривату, библиотекарю герцога, обязанному — в утешение ограбленных подданных — описывать празднества в высокопарных выражениях, полных низкой лести. «Столь же блестящи, — продолжает нам рассказчик, — были и парадные охоты, устраиваемые то в той, то в другой части страны. Герцог любил предаваться этому роду удовольствий так же, как и другому, еще более дорогостоящему: страсти к постройкам. У него был целый корпус высших и низших егерей. Вполне рассчитывая на снисходительность герцога, они позволяли себе самые грубые оскорбления и самые вопиющие несправедливости против несчастных земледельцев. В герцогских зверинцах и у крестьян, обложенных этой повинностью, содержалось более 1000 охотничьих собак. Диких зверей содержали в огромном количестве. Часто они нападали целыми стадами на поля и виноградники, и владельцы не имели права защищаться; в одну ночь гибли плоды годового труда; каждая попытка самозащиты наказывалась заключением в крепости или в смирительном доме, часто охотники со своей свитой ехали прямо по цветущим и зреющим жатвам. Нередко среди самой спешной полевой работы крестьян отрывали от их занятий и тащили на целые недели в отдаленные местности, чтобы служить там загонщиками. Если назначалась охота на воде или в горах, — а это случалось нередко, — крестьяне должны были копать землю, выкладывать ее глиной, таскать воду из долин и таким образом устраивать озера. Часто герцог отправлялся на карнавал в Венецию. Эти поездки тоже никогда не сообразовывались со средствами; однажды герцог даже вынужден был заложить свои бриллианты, чтобы удовлетворить кредиторов, не выпускавших его из города. Герцог путешествовал обыкновенно в сопровождении своих итальянских наложниц. Эти женщины, до крайности бесстыдные в своих притязаниях, тратили огромные суммы, чтобы как можно лучше воспользоваться своим кратковременным счастьем. Но сластолюбие герцога, презиравшее и приличие, и нравственность, не довольствовалось подобными любовницами; он часто прибегал для удовлетворения своей похоти к насилию над женами и дочерьми своих подданных, не щадя ни цвета невинности, ни семейного счастья, ни нравственности, ни женской чести». Заметим при этом, что соблазнив простую девушку своего герцогства, Карл в виде вознаграждения выдавал несчастной жертве раз навсегда 50 гульденов.

Знаменитый искатель приключений Казанова, мемуары которого хорошо обрисовывают положение, занимаемое плутами и прожектерами всех наций, а особенно Италии, при немецких дворах XVIII столетия, Казанова, историческую правдивость которого засвидетельствовал один из лучших немецких историков (Бартольд), приехал в 1760 г. из Голлан-

дии в Германию. На Рейне, в Кельне, где правил тогда в бурбоно-беспутном духе баварский принц-курфюрст, торговавший, подобно другим немецким князьям, землей и кровью своего народа, Казанова чувствовал себя в своей стихии среди страшной безнравственности, развитой и поддерживаемой присутствием французского войска. Его любовные похождения с кельнской бургомистершей показывают, в какой степени придворная испорченность заразила уже и прирейнское бюргерство. Отправляясь в Швейцарию, Казанова заехал в Штутгарт. Там у него вышло столкновение с офицерами гарнизона, показывающее, какую гнусную бесчестность позволяла себе в то время эта каста, считавшая честь своей монополией. «Двор герцога Вюртембергского, — говорит далее проницательный венецианец, — был в то время самым блестящим в Европе. Герцог любил роскошь во всем: он воздвигал величественные здания, держал великолепных лошадей, огромные своры охотничьих собак, не отказывал себе ни в каких прихотях. Дороже всего стоил ему театр и любовницы. У него давались французские пьесы, итальянские серьезные и комические оперы. Каждый из 20 его итальянских танцоров занимал первое место в каком-нибудь из итальянских театров. Новерре был его хореографом и директором балета, который занимал иногда до 100 фигурантов. Искусный машинист и лучшие декораторы не жалели расходов, чтобы заставить зрителей поверить волшебству. Все танцовщицы были красивы, и каждая хвалилась, что хоть раз осчастливила князя. Главной его фавориткой была венецианка по имени Гарделла. Герцог публично обращался с ней как с принцессой (заметим мимоходом, что признанные любовницы Карла имели право носить башмаки из голубого бархата или атласа). Я вскоре заметил, что преобладающей страстью герцога было желание заставить говорить о себе. Он был бы готов подражать Герострату, если бы был уверен, что таким образом обратит внимание потомства. Субсидий, которые французский король имел глупость платить ему совершенно напрасно, не хватало на удовлетворение его расточительности, и потому он отягощал свой терпеливый народ налогами и повинностями. Он мечтал в своей глупости господствовать по образцу прусского короля, а тот смеялся над ним и называл его своей обезьяной».

Такой же обезьяной Фридриха был и ландграф Гессенский Людвиг IX; казалось, он был одержим какой-то солдатоманией. Он превратил местечко Пирмазенс в казарму и там проводил целые дни, экзерцируя свой полк гренадеров. Этот полк представлял смесь всевозможных европейских народов: там были немцы, поляки, русские, шведы, датчане, французы, турки и цыгане, набранные с большими издержками и содержимые с еще большими. Сын и наследник Людвига открыл в 1790 г.

двери этого пирмазенского зверинца двуногих, и звери разбежались оттуда во все стороны. Третьей карикатурой великого Фрица был граф Вильгельм фон Бюкебург, разоривший свои крошечные владения, чтобы добиться воплощения своей странной фантазии — построить крепость на дне высушенного озера. Поддержка этого сооружения, даже в мирное время, требовала громаднейших издержек.

Господа вроде герцога Карла и ландграфа Людвига могли копировать в мелочах великого короля Пруссии, но ни один из них не был в силах действительно взять за образец в своей деятельности этого государя, считавшего себя первым слугой государства и трудившегося соразмерно с этим званием. В молодости пылкий нрав часто увлекал Фридриха в излишества, тем более что старый отец своим бдительным надзором прибавлял к каждому удовольствию еще прелесть запретного плода. Сплетня, пущенная про Фридриха, будто бы излишества в наслаждениях лишили его мужской потенции, была по всей вероятности одной из главнейших причин неудачи великого проекта принца Евгения — соединить браком Марию-Терезию с наследником прусского престола. После кюстринских и руппинских страданий принц ценой брака с нелюбимой брауншвейгской принцессой помирился с отцом и жил со своим маленьким двором в замке Рейнсберг, посвящая свое время науке, искусству и удовольствиям. Фридрих вел веселую и приятную жизнь. Г. Билефельд, посетивший Рейнсберг в 1739 г., оставил нам описание одного из вечеров принца. Его рассказ живо рисует нам ту непринужденную веселость, которая господствовала в обществе Фридриха...

«Едва только мы сели за стол, — говорит он, — принц начал произносить разные интересные тосты, на которые следовало отвечать. Затем полился целый поток острот и шуток со стороны принца и его приближенных; серьезные лица прояснились; веселость сделалась всеобщей, даже дамы приняли в ней участие. Через два часа мы почувствовали, что и самые обширные вместилища все же имеют дно и что в них нельзя постоянно лить вино, не давая ему никакого исхода. Необходимость заставила нас забывать об этикете, и даже уважение к присутствовавшей кронпринцессе не могло помешать нам выходить освежаться в сени. Я также принадлежал к числу освежавшихся. Выходя из комнаты, я чувствовал себя совершенно бодрым, но постояв несколько минут на свежем воздухе, я стал замечать, что винные пары понемногу затемняют мое сознание. Перед моим прибором стоял большой стакан воды. Когда я вышел, принцессе вздумалось сыграть надо мной злую, но милую шутку: она велела вылить воду из моего стакана и наполнить его шампанским. Я уже потерял тонкость вкуса и, ничего не подозревая, подливал себе вино в вино.

Чтобы довершить мою погибель, принц усадил меня рядом с собой, рассыпался в любезностях, рисовал перед мной перспективу будущего, — насколько мои слабые глаза могли его видеть, — и при этом то и дело наливал мне полные стаканы своего люнеля. Между тем прочее общество не меньше моего испытывало влияние нектара, лившегося потоками на этом банкете. Одна из приезжих дам, чувствуя себя так же неловко, как и мы, мужчины, вдруг встала и удалилась на несколько минут в свою комнату. Мы нашли ее поступок героическим и достойным удивления. Вино располагает к нежности. Мы осыпали возвратившуюся даму объяснениями в любви. Наконец, нарочно или случайно, кронпринцесса разбила стакан. Это было сигналом необузданной веселости и великим примером, которому мы не могли не подражать. В одну минуту стаканы полетели во все стороны; весь хрусталь, фарфор, зеркала, подсвечники, посуда — все было разбито вдребезги. Среди всеобщего разрушения принц стоял как мужественный воин Горация, спокойно глядя на обломки мира. Но когда наконец веселость перешла уже в беспорядок, он скрылся из толпы и при помощи пажей удалился в свои комнаты».

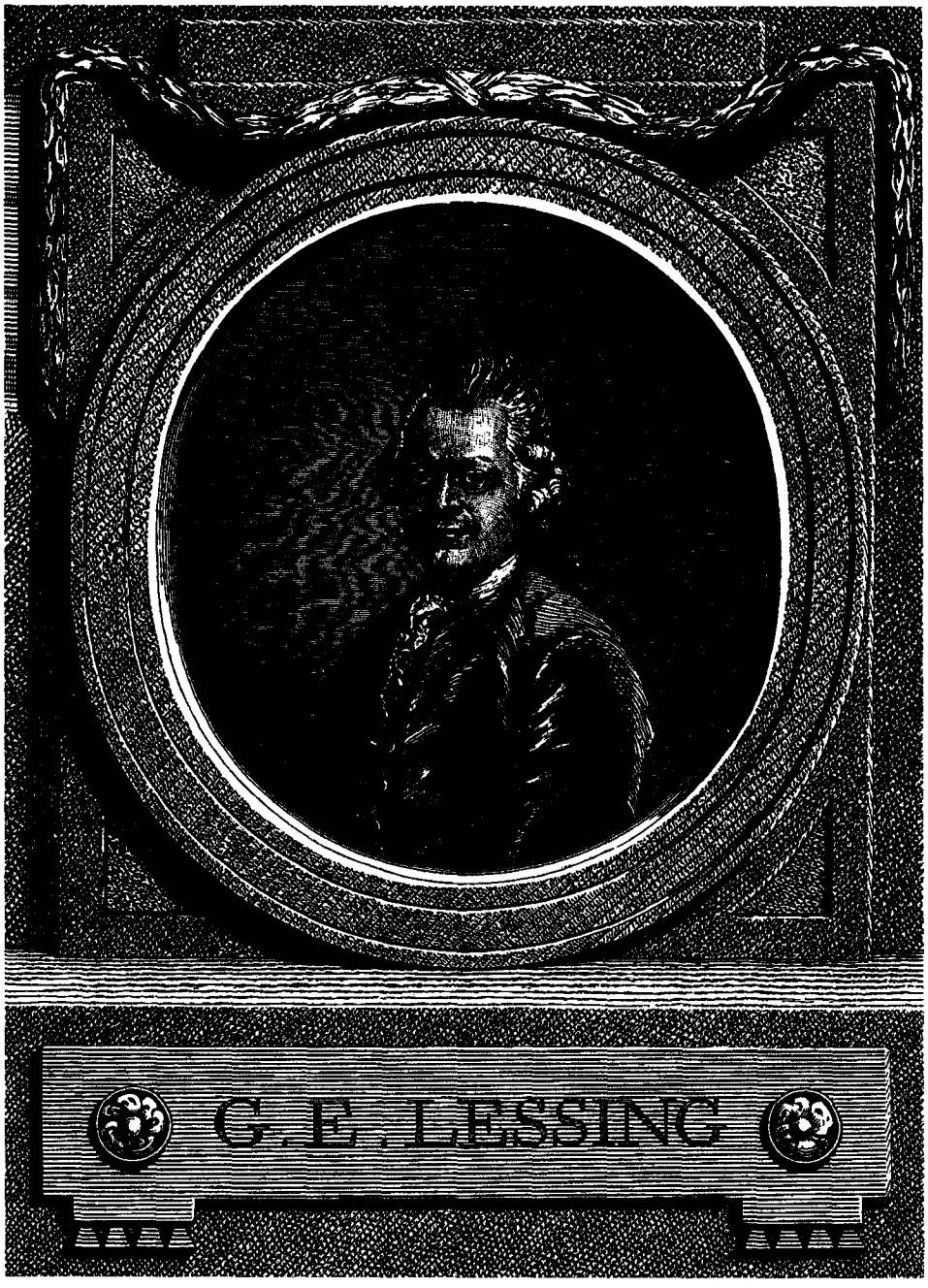
Тотчас по вступлении на престол Фридрих разошелся с королевой: он вел холостую жизнь в Сан-Суси, куда она никогда не приезжала. Его любимым обществом были остроумные французы: Вольтер, д'Аржанс, Мапертью, Ла-Метри и другие. Он отказался от разврата; рассказы о том, будто бы он предавался неестественному пороку, не заслуживают, по нашему мнению, ни малейшего внимания. Никогда не подчинялся он влиянию ни одной любовницы. Будучи королем, он имел только одну любовную связь с итальянской танцовщицей Барберини. Экономный государь ангажировал ее в оперу за 12 000 талеров. Однажды вечером она дала повод к варварски-грубой сцене. Сын великого канцлера Кнейн, отличавшийся необыкновенной силой и огромным ростом, страстно влюбился в Барберини и, всякий раз, когда она танцевала, доставал себе место подле самой сцены. Один раз ему показалось, что Барберини делает глазки сидящему возле него сопернику; он до того разозлился, что схватил своего соседа, поднял вверх как ребенка и, несмотря на присутствие короля, бросил на сцену к ногам итальянки. Фридрих презирал грубые и дорогостоящие удовольствия, которым предавалось в то время большинство немецких князей. Егерей он считал ниже мясников. Лучшим отдохновением его были музыка, чтение и стихотворчество. Он тратил на свое холостое хозяйство в Потсдаме и Сан-Суси не больше 220 000 талеров в год. Из них 12 000 шли на содержание кухни. Фридрих любил, как он сам выражался, «не дорогой, но деликатный стол» и не давал плутовать ни поварам, ни лакеям. У него была одна только дорогая страсть — к

ГЕРМАНИЯ
после смерти Фридриха Великого
в 1786 году
Сокращения :
Г.Д.-Гессен-Дирмштадт, Мц.-Майнц
Н. - Нассау, Стр. - Страсбург
0 К востоку от Гринвича 5
10
55
50
45
5
10
МОРЕ
СЕВЕРНОЕ (НЕМЕЦКО)
АНГЛИЯ
КОР. ДАНИ
Копенга
Щлезвиг
Лааланд
Киль
о. Гельголанд
Эйтин
Голыптиния
Ер.Любек
Кукегафен
Гамбург
Штаде
Фрисланд.
Эмден
Курф.
Лауенбур
Тексель
Гронинген
Гер.
Клейн
Пейн
Бремен
Люнебур
Гельдер
Ольденбург
КЕп.
Верден
Зюйдер зее
Мюнстер
Ганноверское
Амстердам
Линген
Ганновер
Штендал
Гага
Утрехт
Девентер
Ер.
Княж.
Герц.Брауи
Оснабрюк
Минден
Ер.
Гильдесгейм
Риземк
Нимвеген
Ер.
Билефельд
Гослер
Гильберит
Флиесинген
Мюнстер
Гамм
Ер.
Герц.Ан
Бреда
Герц
Клеве
Падерборн
Крефельд
Дортмунд
Россбах
Дюнкирхен
Гент
Антверпен
Дюссельд.
Арнсберг
Кассель
КУРФ.
Калэ
Маастрихт
Герц.
Вестфал.
Ландр.
Мюльхаузен
Булонь
Лиль
Брюссель
Юлих
Берг
Гессен
Кассельск
Саксонские
Фонтенуа
Флёрюс
Люттих
Аахен
Рейн
Нассау
К
Ер.
Эрфурт
Аррас
Намур
Вецлар
Фульда
Аббевиль
Стабло
К
Тр
Кобленц
Г.Д.
Франкфурт
Герц-ва
КОРОЛ.
Арх.
Ганау
Ер.
Дармштадт
Ер.
Бамберг
Уаза
Эн
Люксембург
Нижний
Трир
Майнц
Вормс
Вюрцбург
Сена
Ер.Шпейер
Пфальц
Ротенбург
Реймс
Верден
Н
Кнж.
Мангейм
Кн.
Нюрн
Марна
Шалон
Метц
Цесибрюккен
Гейльброн
Ансбах
Вейсенбург
Галль
Ер.
Париж
Нанси
Н
Герц.
Эйхштедт
Баден
Штуттгард
Нордлинген
Тул
Страсбург
Фонтенебло
Об
Сена
Люневиль
Гр.
Ер.
Стр.
Вюртемберг
Ульм
Аугсбург
Орлеан
Труа
Зальм
Кольмар
Ротвейль
Нимфенбург
ФРАНЦИЯ
Мюльгаузен
(Швейц.)
Фрейбург
Зигмаринген
Гр.Мёмпельгард
Ер.
Мюнх
Аугсбург
Куфшт
Вюртемб.
Констанц
Бурж
Дижон
Ер.
Базель
Кемптен
Фюссен
Безансон
Базель
Цюрих
С.Галлен
Брегенц
Инсбр
Шер
Луара
Шалон
Золотурн
Фель-
кирх
Кн.
Нейенбург
(Прусс.
Люцерн
Гр.
Сона
Берн
Хур
Тиро
ШВЕЙЦАРИЯ
Макон
Алье
Лозанна
Ер.Брикс
Вормс
Женева
Рона
Клэвен
Ер.
Герц.
Зиттен
Триент
Лион
Аннеси
Бергамо
Клермон
Савой-
ское
Аоста
Комо
Герц.
Ле Пюи
Шамбери
Виенна
КОР.
САРДИНИЯ
Милан
Респ.
Герц.
Мантуа
Рона
Турин
По
Валанс

15
20
Мемель
КОР. ШВЕЦИЯ
о. Борнгольм
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Таурогеи
Тильзит
Кёнигсберг
ПРУССИЯ
Вильно
Пиллау
о. Рюген
Штольп
Лауенбург (Гданьск)
Данциг
Грос-Иегерсдорф
Штральзунд
Браунсберг
Лёцен
Кольберг
Бютов
Эльбинг
Лык
Гродно
Герц. Померания
Мариенбург
Иоганисбург
КОРОЛ.
1795
Мариенвердер
Белосток
Штетин
Ней Штетин
Граудени
Пренцлау
Бромберг
Нарев
Штрелиц
Торн
Буг
Одер
Нетца
Новая Восточн. Пруссия
Ландсберг
Иноврацлавль
Плоцк
Цорндорф
Висла
Познань
Прага
Кюстрин
Варта
Варшава
Берлин
Швибус
Брест-Литовск
Кунерсдорф
П О Л Ь Ш А
Виттенберг
Южная Пруссия
Мацтьевице
Котбус
1793
Западная
Горгау
Калиш
Гохкирх
Глогау
Радом
Люблин
Гудерсбург
Герц
Петраков
Гермыс
Лигниц
Ельс
Велюн
Галиция
Мойс
Лейтен
Бреславль
1795 г.
Дрезден
Гогенфридберг
Замостье
Кенигштейн
Бриг
Швейдниц
Опельн
Нов. Силезия
Рославице
Рейхенберг
Мольвиц
Висла
Рудник
Максен
Силезия
1795
Лобозиц
Ландсгут
Нейса
Краков
Сор
Эльба
Глац
Ратибор
Галиция
Прага
Иегерндорф
Самбор
Коллин
Гроппау
1772
Цильзен
Тешен
Неймаркт
Часлау
Санок
Ольмюц
КОР. БОГЕМИЯ
МАРКТР. МОРАВИЯ
Табор
Иглау
Брюн
Нейзоль
Цнайм
Еп.
Будвейс
Марх
Вааг
Шемниц
Пассау
Эрцгерц. Кремс
Линц
Вена
Пресбург
ВЕНГРИЯ
Австрия
Дунай
Штейр
Нейштадт
Тейса
Офен
Пешт
Гросс-Вардейн
Эденбург
Леобень
Арх.
Герц. Штирия
Грац
С.Готтард
Каринтия
Марбург
Клагенфурт
Лайбах
Драва
Гр.
Гёрц
Герц.Крайна
Аграм
Триест
Сава
Кармитадт
Ценг
КОРОЛ.
55
50
45
Имперские города
Масштаб 1 : 12 000 000
50 0 50 100 150 200 км

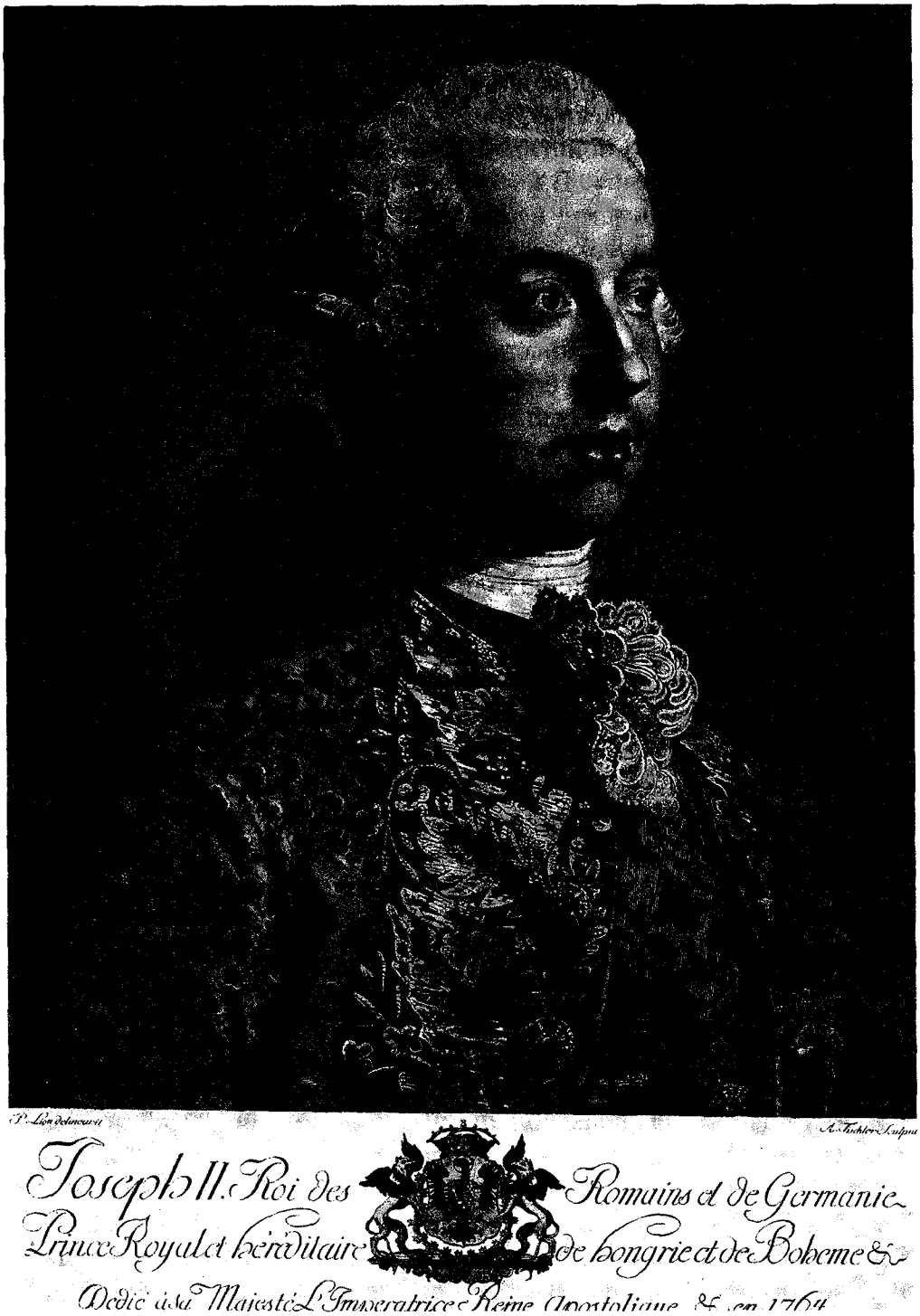
табакеркам. После смерти короля осталось целых 130 штук табакерок, стоивших огромных денег. В одежде Фридрих был небрежен до цинизма. Он носил заштопанные рубашки и сюртуки; после его смерти один еврей купил весь гардероб короля за 400 талеров. Мебель его была постоянно засыпана табаком, исцарапана и разорвана собачонками, которые даже спали на постели короля. Несмотря на все это, при дворе Фридриха все-таки не было той скаредности, которой отличалась жизнь его отца. Часто он давал блестящие праздники. Каждый год 18 января, в день коронации, на королевском столе появлялась посуда, стоившая 1 300 000 талеров. Берлин значительно украсился в правление Фридриха, и население его возросло до 150 000 человек. Та же небрежность, доходящая до цинизма, которая отличала внешность короля, проглядывала нередко и в его слоге и речи. К этому присоединялось еще едкое остроумие, придающее такой интерес его собственноручным записочкам и резолюциям на бумагах[2]. При вступлении на престол Фридрих объявил, что считает главной своей задачей борьбу с невежеством и предрассудками, просвещение умов, смягчение нравов. Такой взгляд на обязанности правителя, без сомнения, нельзя не считать достойным глубокого уважения. Но, несмотря на всю плодотворность культурных стремлений Фридриха, одностороннее французское воспитание часто было причиной его сильных промахов. Презрение к национальному породило поверхностное подражание французам, надоевшее в конце концов и самому «старому Фрицу». «Не надо мне французов, — говорил он в старости, — они мне противны». Вскоре по вступлении на престол он сказал своему министру церковных дел знаменитые слова: «Религии все должны быть терпимы; фиск должен смотреть только, чтобы ни одна из них не стесняла других; каждый должен спасаться на свой манер». И с этих пор он является неутомимым гонителем фанатизма и нетерпимости. Фридрих никогда не следовал тому принципу, что он полновластный распорядитель собственности и жизни подданных. Он допускал свободу речи и печати, хотя и прибавлял в то же время: «Рассуждайте сколько хотите, только слушайтесь!»

Мы имеем целый ряд несомненных свидетельств современников о положении Берлина в правление Фридриха. Приведем здесь некоторые из них. Вот что пишет Лессинг в письме от 25 августа 1769 года к известному книгопродавцу и писателю Николаи, составлявшему тогда центр кружка берлинской интеллигенции: «В офранцуженном Берлине свобода думать и писать сводится к свободе высказывать какие угодно глупости на счет религии. Пусть кто-нибудь попробует в Берлине писать о чем-нибудь другом так же свободно, как писал в Вене Зонненфельс, пусть здесь кто-нибудь попробует проповедовать чванной придворной толпе те истины,



Г. Э. Лессинг. Гравюра на меди

которые он высказывал, пусть кто-нибудь в Берлине осмелится поднять голос в защиту прав подданных против деспотизма и эксплуатации хоть так, как это делается теперь во Франции и в Дании — и вы увидите тогда, какое государство до сих пор еще наиболее рабское в Европе». С этим согласен и знаменитый итальянский поэт Альфиери, которому в 1770 году прусское королевство «с его тысячами наемных сателлитов, этой единственной опорой самовластия», представлялось «огромной, непрерывной гауптвахтой», а Берлин — «большой казармой, внушающей отвращение». Диаметрально противоположно этому английский турист Мур, посетивший Берлин в 1775 г., описывает впечатление, произведенное на него прусской столицей: «Ничто так не поразило меня по приезде сюда, как та свобода, с которой здесь рассуждали о действиях правительства и о поступках короля. Здесь говорили и о политике, и о еще более щекотливых предметах так же свободно, как в любой английской кофейне». О нравственности столицы английский посланник лорд Мальмесбюри сообщает следующее (1722 г.): «По отношению к общественным удовольствиям нет места хуже Берлина. Это город, в котором, если переводить fortis словом честный, нет ни vir fortis, ни foemina casta. Полная безнравственность господствует среди лиц обоего пола, во всех классах общества; к этому присоединяется еще страшная бедность, порождаемая отчасти притеснениями настоящего короля, отчасти роскошью, введенной его делом. Мужчины с ограниченными средствами постоянно ведут роскошную жизнь. Женщины — это гарпии, павшие скорее от недостатка стыда, чем от недостатка чего-либо другого. Они отдаются тому, кто больше дает, нежность и истинная любовь им чужды». Четыре года спустя в одной из своих депеш лорд выражается таким образом: «Пруссаки вообще бедны, тщеславны, невежественны и безнравственны. Если бы они были богаты, дворянство никогда не умело бы усердно и мужественно служить на низших должностях. В тщеславии своем они воображают видеть собственное величие в величии своего монарха. Невежество заглушает в них всякое понятие о свободе и о возможности сопротивления насилию. Отсутствие нравственности делает их готовыми орудиями для исполнения каких бы то ни было приказаний. Они никогда не размышляют, насколько справедливы эти приказания». Такое мнение подтверждается и Георгом Форстером; в 1779 г. он писал из Берлина к Якоби: «Я очень ошибался в моих предвзятых мнениях об этом городе. Я нашел внешность гораздо прекраснее, а внутренность гораздо безобразнее, чем воображал. Берлин, бесспорно, один из красивейших городов Европы. Но жители! Гостеприимство и изящное наслаждение жизнью превратились у них в разврат, пьянство и обжорство, свободное, просвещенное мышление — в дерзкую



Иосиф II Римско-Германский

необдуманность. Женщины все испорчены. Наконец, меня особенно сердило то, что все, даже самые умные, талантливые люди обожают короля и так бессмысленно поклоняются ему, что даже все его недостатки, несправедливости и странности считают чем-то превосходным и сверхъестественным». После этого понятны предсмертные слова Фридриха, что он устал «управлять рабами». В последнее 10-летие его правления жизнь в Берлине была, по-видимому, не совсем приятна. Гете, посетивший в мае 1778 года со своим другом герцогом прусскую столицу, писал оттуда Мерку (от 15 августа): «Мы пробыли здесь несколько дней, и я смотрел на все как дитя на ящик с редкостями. Но ты знаешь, что я живу наблюдением; на многое у меня открылись глаза. Я был очень близок к старому Фрицу, я видел его жизнь, его золото, серебро, мрамор, его попугаев, обезьян и его разорванные занавеси, я слышал как о великом человеке рассуждали его собственные собачонки».

Придворная жизнь в Вене при Иосифе II не представляла ничего, бросающегося в глаза. Благородный император еще более Фридриха считал себя первым слугой государства, и его жизнь так всецело принадлежала этому государству, что он не находил времени предаваться личным удовольствиям. Иосиф II редко участвовал в охоте; он находил, что это удовольствие вредит подданным, рассеивает мысли и заставляет забывать о более важных занятиях. Он никогда не играл. Во время его пребывания в Версале на вопрос, почему он не играет, Иосиф II отвечал: «Оттого, что государь проигрывает деньги своих подданных». У Иосифа II не было любовниц. Потеряв свою первую любимую жену Изабеллу Пармскую, он искал — и находил — утешение от своего второго брака с Иосифой Баварской в обществе дам высшего круга. Может быть, иногда он переступал границы простой дружбы, но никогда не заходил за пределы приличия. Его натуре был антипатичен всякий разврат; мнение, будто враги императора отравили его посредством больных развратниц, наряженных в крестьянских девушек, собиравших сено в саду Шённбруна, лишено всякого основания. Иосиф вел простую деятельную жизнь. Он не был жаден к еде или циничен в одежде как Фридрих. За его столом никогда не подавалось более 6 блюд; редко он пил вино. Он носил обыкновенно или мундир одного из своих полков, или простой сюртук темного цвета. Иосиф II уменьшил наполовину придворный штат своей матери и, вместо 6 миллионов, тратил на двор всего $^1/_2$ млн. в год. Он любил музыку, особенно немецкую и играл на виолончели. Моцарт, написавший в его царствование свои гениальнейшие произведения, пользовался глубоким уважением императора; но литературный вкус Иосифа II был до того неразвит, что он ставил Блумауера выше Виланда. Поспешность, свойственная

сангвинико-холерическому темпераменту императора, сгубила его реформы.

Фридрих был прав, говоря, что Иосиф II постоянно делает второй шаг прежде первого. Но его желания были чисты и серьезны, его стремления просветить и осчастливить народ были вполне искренни. Несмотря на несчастный исход всех начинаний Иосифа II, ему все-таки удалось вывести Австрию из испанского средневекового коснения и приобщить ее к движению новейшего времени. Его гуманность высказывается даже в мелочах: так он вывел из употребления разговор на ты (er) и говорил даже лакеям вы (sie). Он уважал то, что действительно достойно уважения в народе, и презирал (конечно, без всякого ущерба своей власти) жалкую фикцию олимпийского господства милостью Божией. «Бессмысленно думать, — говорит он в одном из своих манифестов, — что земля принадлежала властям прежде, чем явились подданные и что эти власти уступили им часть своей собственности под известными условиями. Разве власти не умерли бы с голоду, если бы некому было обрабатывать землю?» В заключение, мы не можем не упомянуть об одной прекрасной черте характера Иосифа II: он сознавал себя немцем. В то время, когда все немецкие князья вполне офранцузились, он громко говорил, что гордится своим немецким происхождением[3]. В короткое царствование его преемника Леопольда II (1790—1792) Венский двор представлял собой зрелище бессмысленной расточительности и роскоши. Леопольд II держал итальянских, польских и немецких наложниц, и его физические силы так мало отвечали необузданным стремлениям его фантазии, что он постоянно должен был подкреплять их химическими средствами. Это и было причиной его смерти. Кабинет императора, разобранный после его кончины, представлял настоящий «арсенал сладострастия».

В Пруссии «старому Фрицу» наследовал его племянник Фридрих-Вильгельм II (1786—1797). Строгого просвещенного деспота сменило вялое, серальное правительство, вполне регрессивное во всех отношениях. Король получил недостаточное воспитание, а безнравственное общество офицеров, с которыми он провел молодость, опошлило и испортило его от природы слабый характер. Вступив на престол, он попал в руки хитрых обскурантов и составителей тайных обществ вроде Вельнера и Бишофсвердера; они овладели правлением и бесстыдно играли монархом. Мы еще возвратимся к ним в главе о тайных обществах XVIII века. Король еще кронпринцем женился на брауншвейгской принцессе Елизавете. Неверность с его стороны и ее легкомыслие вскоре до того расстроили любовь супругов, что принцесса даже отказывалась от супружеских отношений с мужем. Перед смертью Фридрих Великий желал упрочить престолонаследие. Вскоре (как

Г. Бенчур. «Моцарт и император Иосиф II»

рассказывает компетентный свидетель придворный Дампмартин), полагаясь на свое знание людей, он пришел к убеждению, что легкомысленная женщина лишена всякого чувства чести. Вследствие этого он поручил одному старому камергеру заявить принцессе королевскую волю, чтобы она сошлась с лейтенантом, (Шметау), привлекшим к себе внимание Его Величества красотой, изяществом и мужеством. Камергер пустил в ход все свое красноречие, но ни просьбы, ни угрозы неприятными последствиями отказа — ничто не помогало. Наконец, принцесса прервала его словами: «Если вы осмелитесь, милостивый государь, продолжать этот оскорбительный для меня разговор, я прикажу вам самим позаботиться дать государству наследника, которого так желает король. Вы будете строго наказаны, если ослушаетесь моих приказаний». Престарелый камергер в ужасе обратился в бегство и бледный от страха рассказал все королю, который после этого решился формально расторгнуть брак племянника. Принц женился на принцессе Луизе Дармштадтской, родившей ему в 1770 г. наследника — Фридриха- Вильгельма III. Одной из первых любовниц Фридриха-Вильгельма и была Вильгельмина Энке, которая сначала под именем жены камердинера Рица, а впоследствии в звании графини фон Лихтенау всю жизнь оставалась влиятельной фавориткой короля. Одаренная поместьями и деньгами, Энке, чтобы удержать свое положение, играла низкую роль сводницы короля, постоянно искавшего новых возбуждений. Иногда желания монарха встречали затруднения. Так Юлия фон Фосс (примеру ее последовала через некоторое время и графиня София фон Денгоф) согласилась отдаться королю только с тем условием, что он формально обвенчается с нею с ведома королевы. Верноподданная консистория, конечно, не смела возражать против этого многоженства. Дворянство недаром снабжало королевский гарем своими дочерьми. Г-жа Денгоф получила от короля 200 000 талеров приданого, ее мать — 50 000, сестра — 20 000, а дядя — 40 000. Можно себе представить мучения королевы и всего королевского семейства, когда король принуждал их посещать великолепные салоны графини Лихтенау. Во время предсмертной болезни короля, когда он, по-видимому, оправившийся возвратился из Пирмонта, тогдашнего Баден-Бадена Германии, в Берлине был устроен праздник, на котором ясно выказалось все дерзкое тщеславие его фаворитки. За ужином она явилась в греческом костюме Полигимнии и пропела королю жалкое стихотворение собственного сочинения, до того тронувшее Фридриха-Вильгельма, что он заставил кронпринца поцеловать руку ненавистной женщины. Уже этих немногих сведений достаточно, чтобы не удивляться, что к концу жизни короля государство было готово распасться и что Фридрих-Вильгельм II, по подсчетам Раумера, оставил после себя долг в 49 млн. талеров.

МЮНСТЕР

Münſter.

Мы не можем умолчать здесь об одном замечательном факте: при дворах духовных лиц, служивших прежде притоном мрака и безнравственности, во второй половине XVIII века начинают показываться там и сям светлые явления. Одним из таких светлых явлений был Иосиф Эммерих фон Брейтенбах, курфюрст архиепископ Майнцский [1763—1774]. Он ненавидел иезуитов, старался распространить просвещение в подвластных ему странах, основывал народные школы, где преподавались немецкий язык, география, естественная история и земледелие, ввел в высшие учебные заведения философию Лейбница и Вольфа и старался возвысить театр до степени воспитательного орудия. Он запретил обманщикам продавать мощи, индульгенции и амулеты, запретил монахам бродяжничать, отменил многие путешествия ко святым местам и празднества, развивавшие безнравственность, и строго преследовал порочную жизнь духовенства. Он увеличил и материальное благосостояние страны, создавая огромные постройки, прокладывая новые дороги, сооружая плотины, плавильные заводы и солеварни. Но подобное духовное лицо слишком резко отличалось от своих собратьев. Архиепископ внезапно заболел и умер в 1774 году, поев суп с печенкой, показавшийся ему необыкновенно странного вкуса и запаха. В Майнце никто не сомневался, что он отравлен одним выкрестом из жидов, которого экс-иезуиты сумели провести в курфюрстерскую кухню и который что-то сделал с этим супом, а потом исчез бесследно. Преемник Брейтенбаха на майнцском престоле, ветреный Эрталь, креатура иезуитов, позволил погибнуть всем благим реформам своего предшественника. Он открыто держал в звании обер-гофмейстерины любовницу, баронессу фон Куденгофен, заставлял своего библиотекаря Гейнзе читать себе романы, в которых «яркими красками изображалось все сладострастие граций», и кровью страны питал толпу французских эмигрантов, сделавших Майнц, подобно другим прирейнским городам, вертепом порока. Бесстыдство при дворе архиепископа доходило до того, что священники носили ленты своих крестов в виде женских детородных частей. В правление Эрталя в Майнце в 1792 г. проходил конгресс князей, который вместе с коронацией Франца II, следовавшей непосредственно за ним, составлял последний акт Священной Римской империи в Германии.

Другой Эрталь Франц Людвиг, князь-епископ Бамберга и Вюрцбурга (1779—1895), управлял скорее в духе Брейтенбаха, чем своего тезки. Но его строгая нравственность с трудом могла удерживать самые грубые скандалы. Однажды князь, неожиданно войдя в канцелярию, застал там публичную женщину, — до того дошла дерзость его чиновников! Не зная что делать, они заперли женщину в шкаф с платьем. Она задохнулась бы

там, если бы директор канцелярии, посвященный в тайну, не удалил под каким-то предлогом князя-епископа. В каком положении находилась в то время германская юстиция, можно судить по тем воплям, которые подняло против Эрталя все дворянство епископства, когда, вскоре по вступлении на престол, он засадил в смирительный дом одного дворянина-офицера, заколовшего своего товарища бюргера. Эрталь оказал важную услугу своему епископству уничтожением вредной лотереи. По этому поводу в Вюрцбурге была распространена следующая остроумная эпитафия: «27 декабря 1786 г. скончалась в здешнем городе г-жа Лотерея, 20 лет от роду. Она родила 340 раз, каждый раз по 90 детей, из которых первые 5 (выигрыши) рождались счастливо, а остальные 85 несчастливо. Болезнь ее происходила от расстройства желудка: она пожирала поля, луга, дома, часы, постели, скот, всевозможные одежды, потому-то она и не могла перенести последних родов». В Бамберге и Вюрцбурге было много доходных приходов. Они давали ежедневно около 3500 гульденов. У многих каноников было в различных капитулах до 4 и 5 приходов, и весь труд их состоял только в том, что они в определенный месяц года являлись на пение хора в соборную церковь и доказывали свое происхождение с отцовской и материнской сторон от 8 благородных предков. Рисбек, издавший в 1784 г. под псевдонимом путешественника француза «Письма о Германии», говорит, что каноники сами себя посвящают; по крайней мере их всего чаще можно встретить у дам, которые могут оказать покровительство.

Глава

III

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО XVIII ВЕКА (ОКОНЧАНИЕ)

Характерные личности. — Цинцендорф и «пробужденные». — Бюргерское благочестие. — Мозер. — Диппель. — Переход от пиетизма к скептицизму. — Эдельманн. — Фридрих и Геллерт. — Стремление к просвещению. — Шубарт. — Ротер Гаснер. — Время мистерий и тайных обществ. — Месмер. — Шрепфер. — Граф Сен-Жермен. — Калиостро. — Масоны и иллюминаты. — Баварский мрак. — Веймарские гении. — Дружба. — Кружок княгини Голицыной. — Сочувствие к прекрасному. — Жизнь неудавшегося гения. — Школы и университеты. — Студенты. — Государь в миниатюре. — Испорченность нравов и разбойничество в Юго-Западной Германии.

После унизительного Вестфальского мира Германия вполне отдалась внутренней духовной жизни, столь симпатичной немецкому народу. Благородные, но слабые умы различными мечтаниями о загробной жизни заменяли для себя утраченную народную честь и политическое значение. Общее умственное усыпление необыкновенно благоприятствовало развитию религиозного направления вроде Шпенеровского. Поэтому в то самое время, когда при дворах господствовала самая бессмысленная роскошь, самый безумный разврат, в бюргерских и даже дворянских кругах до половины XVIII столетия царил мрачный пиетизм, считавший грехом все удовольствия, шутки, танцы, игры, женские наряды, посещение гостей, поэзию, театр, чтение газет и т. п., пиетизм, представлявший рядом с самыми нелепыми выражениями истинного благочестия образцы самого жалкого лицемерия. Впоследствии одержало верх «просветительское» направление, возникшее частью из сепаратизма и нередко превращавшееся в мистицизм. Эти тенденции имели одну общую черту: они обе любили принимать форму тайных союзов, составляющих характерный признак того времени. Мы назовем несколько личностей той и другой партии, которые дополнят нашу картину культуры и нравов этого периода.

Первым следует упомянуть графа Николая Людвига фон Цинцендорфа (1700—1760), опору гернгутерства, эту кульминационную точку пиетизма. Еще находясь в гальском педагогиуме, он основал «на служение

Спасителю» сепаратистское общество, имевшее целью «уничтожить мирскую суетность, соединять членов во Христе и обращать язычников». Позднее прозелитизм, господствовавший в Виттенбергском университете, еще более укрепил в нем пиетистическое настроение; 18-летний юноша «на уроках танцмейстера и берейтора молил Спасителя помочь ему скорее покончить с этой школой суетности». Во время путешествия, предпринятого им по обычаю того времени для окончания образования, Цинцендорф являлся во всех светских обществах каким-то протестантским святым, а по возвращении уступил свою избранную невесту своему столь же религиозно восторженному другу Генриху XXIX князю Рейс. Это может служить примером аскетического взгляда гернгутеров на супружество. В 1721 году он открыл в своем имении Бертольдсдорф, в саксонском Оберлаузице, убежище моравским братьям, преследуемым за религиозные убеждения. Там была основана община гернгутеров, быстро разросшаяся, несмотря на все странности своего устава, и вскоре начавшая уже рассылать миссионеров во все части света. Но графу недостаточно было сознания своего внутреннего пробуждения, ему нужна была внешняя санкция для его миссии, поэтому он выдержал экзамен теологии в городе Стральзунде. Затем он выхлопотал себе на Тюбингенском факультете место кандидата-проповедника и в первый раз вступил на кафедру в сопровождении гайдука, несшего его библию, одетый в черную бархатную одежду, в длинной мантии, со звездой и орденской лентой. Как видно, апостольство не вполне заглушило в нем графство. Впоследствии, благодаря своим влиятельным связям при дворе, он был посвящен в епископы в Берлине и начал свои миссионерские путешествия, которые завели его даже в Америку. Несмотря на постоянные разъезды, он написал больше 100 книг, частью в назидание своим собратьям, частью в защиту их против нападок господствующей церкви. В своих духовных песнях, сохранившихся до сих пор в гернгутерских молитвенниках, Цинцендорф почти постоянно вертится на сладенько-мистических выражениях, нередко даже, рисуя отношения духовного жениха Христа к его невесте — общине, он прибегает к сладострастию — двусмысленным и неприличным оборотом. Грубые выходки господствующей церкви против этих сластолюбиво воркующих братств не всегда были несправедливы[4].

Благочестие Цинцендорфа находило многих подражателей среди его соотечественников. Многие княжеские и графские семейства причисляли себя к «пробужденным» и употребляли всевозможные средства, чтобы склонить на свою сторону или по крайней мере запугать несочувствовавших им государей. Когда в 1709 г. в Ангальт-Цербсте издан был эдикт против пиетических нововведений, один пиетистический проповедник

тотчас услыхал голос с неба, повелевавший ему внушить князю терпимость к сектантам. Когда это не помогло, в кабинет проповедника явился лично сам Господь Бог, под видом прекрасного человека с огненными волосами и, что всего удивительнее, одетый в революционные цвета, и приказал ему снова предостеречь князя. Это так испугало князя, что он через неделю умер. Центрами пиетистического движения долгое время оставались дворы рейнских Гейнрихов в Кестрице и Эберсдорфе; в соседней Силезии, во владениях графа Промница господствовали «пробужденные». Мать графа Эрдмана фон Промниц говорила, что она очень любит своего сына, но он не должен требовать, чтобы она каждый день стояла с ним на молитве по несколько часов на коленях: «при ее полноте это слишком трудно». В этом семействе случилась одна история, бросающая не совсем благоприятный свет на нравы того времени. Второй сын вышеупомянутой толстой дамы женился на графине фон Тенкцин из Штейнау, безнравственной женщине, с которой он скоро развелся, и второй брак которой с графом Колленберг также был расторгнут. От первого брака у нее осталась дочь, жившая с матерью в Штейнау. Заботясь о земном и вечном блаженстве этой представительницы своего дома, семейство Промниц решилось похитить дочь у ее порочной матери. Одному ловкому французу Ле-Февру поручено было привести этот план в исполнение, но похищение не удалось, молодую графиню отвезли в Вену, мать уступила свои права на нее Марии-Терезии, которая принудила ее принять католичество и выйти замуж за нелюбимого человека; бедная графиня вскоре умерла от горя. Несчастный француз, попавший ей в руки штейнауской мегеры был заперт в тюрьму на хлеб и воду; во время завоевания Силезии Фридрихом его нашли там совершенно отупелым и полусгнившим; он умер тотчас же после освобождения. На севере Германии между знатными «пробужденными» особенно выделялось семейство графов Штольберг, породившее двух известных поэтов. Буминг, посетивший Штольбергов в 1751 году, рассказывает, что они проводили большую часть дня за чтением Библии и благочестивыми разговорами. При этом ученого магистра — тоже с ранних лет нашедшего «путь ко спасению» — поразил цинизм хозяйки. За обедом она позволяла своей собачонке ходить по столу, нюхать и лизать кушанья; кроме того у нее была пара белок, живших «на ее груди».

На юге Германии, особенно в Вюртемберге, во время тяжелого господства Гревениц пиетизм сделал значительные успехи, но более в низших и средних, чем в высших слоях общества. Выше всех своих «пробужденных» соотечественников стоял Иоганн Якоб Мозер, замечательный сын замечательного отца Карла Фридриха Мозера. С необыкновенной учено-

стью и литературным дарованием (одни его систематические произведения о немецком государственном праве составляют 50 толстых томов) Мозер соединял замечательную твердость характера, не раз вовлекавшую его, как консультанта так называемого Вюртембергского земства, в опасные столкновения с деспотичным герцогом Карлом. За мужественную защиту земских прав Мозер поплатился жестоким 5-летним заключением в Гогентвиле. Здесь в нем окончательно развилось религиозное направление, склонность к которому проявлялась в нем и прежде. Человек, отличавшийся до сих пор таким светлым умом, до того поддался ханжеству, что стал вполне верить гаданью по Библии. Казематы Гогентвиля видели и другого «пробужденного», «пробуждение» которого проявлялось в более грубых формах. Это был полковник Ригер, сначала покорное орудие, а потом жертва герцога Карла, впоследствии снова попавший в милость и получивший звание тюремщика Гогенасперга, где он мучил и солдат и заключенных своим педантичным ханжеством.

В «Девице Клеттенберг» Гете мастерски нарисовал нам типичную личность благочестивых кружков Франкфурта. В соседнем Веттерау, в поместьях графов и господ, сектанты и мистики со всех концов Германии находили себе приют и убежище. В замке Витгенштейн умер в 1734 г. Конрад Диппель, этот много странствовавший и много выстрадавший Одиссей древнего пиетизма. Он писал под именем Христиана Демокрита, то неистовствуя против религии, то преследуя мистико-пиетистические идеи; в то же время он трудился над изобретением жизненного эликсира.

В Иоганне Христиане Эдельманне из Вейсенфельда (1698–1767) мы видим пример необыкновенно последовательного развития скептицизма из мистического настроения. Благочестивые современники прокляли его как нового Герострата, «бросившего огонь на храм Господень» и старавшегося загрязнить своими насмешками самые священные предметы. Этот замечательный человек, автобиография которого вводит нас в мир религиозных чудес прошедшего столетия, ближе подходит складом своего ума к английским деистам и французским филантропам. После многих странствий он отдохнул на время у Цинцендорфа в Гернгуте или, как он сам рассказывает, «сделался дурачком и вместе с другими дурачками позволял брату Людвигу водить себя на веревочке». Потом он получил приглашение от главы франкфуртских сепаратистов Андрея Гросса и вместе с ним участвовал в путешествии благочестивых на Майне; во время этого путешествия мужчины и женщины купались голые все вместе и пели: «Хвала Господу, слава всемогущему царю!» Из Франкфурта Эдельманн отправился в Берлебург, где собралось множество сепаратистов и где И.Ф.Гауг трудился над переводом берлебургской библии. Здесь путник,

искавший истины, должен был быть окончательно пробужден боговдохновенным седельником, швабским пророком Фридрихом Раком, но он «победил ложных духов» и с этого времени стал свободно выражать свой скептицизм и в словах и на письме. Тем не менее, чтобы доказать благочестивым, что он может превзойти даже их в презрении ко всему мирскому, он надел на себя старую меннонитскую рясу и отрастил бороду по примеру апостолов. В таком наряде, в дрянной телеге в июне 1739 г. перед воротами Потсдама явился он по приглашению одного из своих берлинских почитателей. Стража приняла его сначала за еврея, но когда он отверг справедливость этого предположения, офицер приказал тотчас представить королю этого странного бородача, надеясь, вероятно, доставить Его Величеству потеху во вкусе табачной коллегии. Но Эдельманн отделался необыкновенно счастливо. Когда его ввели в комнату, Фридрих-Вильгельм сидел с трубкой во рту у окна, окруженный полукругом генералов. Между королем и сепаратистом произошел следующий разговор: Король: Подойдите ближе! Откуда вы? Эдельманн. Из Берленбурга, из графства Витгенштейн. К.: Зачем отращиваете вы бороду? Э.: Я не вижу, почему христианин должен стыдиться образа Божия. К.: А вы, верно, возрожденный? Э.: Нет, Ваше Величество, до этого мне еще далеко. К.: Ходите ли вы в церковь? Э.: Ваше Величество, моя церковь со мною. К.: О, да вы безбожник, квакер! Э.: Мы все глупцы от имени Христа. К.: Ходите ли вы к причастию? Э.: Если бы я нашел христиан, готовых разделить вместе со мною крестную смерть Христа, я стал бы охотно и сегодня, и завтра, и всегда причащаться с ними. К.: Отчего вы не ходите в церковь? Там раздают святые дары. Э.: Я не считаю это святыми дарами, это скорее антихристианский обряд. К.: Чем вы живете? Э.: Помощью Божией. К.: Вам скоро придется идти грабить. Э.: Нет, Ваше Величество, этого мне не нужно. Бог дал мне столько, что я могу жить честным человеком. Но если мне придется терпеть нужду, я знаю, что еще есть христиане, которые помогут брату. К.: Я также хочу быть одним из этих добродетельных христиан. Вот вам 16 грошей. Э.: Ваше Величество, я прошу у вас милости. К.: Какой? Э.: Избавьте меня от этого подаяния. К.: Почему? Вам хочется получить больше? Э.: Нет, Ваше Величество, я вас прошу ничего не давать мне, потому что мне ничего не нужно. К.: Я вам даю во имя Бога. Э.: Во имя Бога я принимаю. К.: Куда вы собираетесь идти? Э.: В Берлин, с позволенья Вашего Величества. К.: Нет уж, в Берлин вам нельзя. Э.: Я думал, что в стране Вашего Величества полная свобода совести. К.: Да, вашей совести никто не тронет, но в Берлин вам нельзя. Бог да обратит вас на путь истины! Э.: Я желаю того же и вашему Величеству!

Эдельманн возвратился назад в Веттерау и издал в следующем году свое главное сочинение «Mosis mit aufgedecktem Angesicht» («Моисей с открытым лицом»), произведение, «в котором соединено все, что можно было выдумать в ущерб Священному Писанию и которое привело в безумную ярость и христиан, и евреев». С этих пор Эдельманн стал считаться обер-еретиком, тем не менее при Фридрихе Великом ему был разрешен въезд в Берлин. Когда королю стали объяснять опасность этого разрешения, он возразил: «Нечего удивляться, что я позволяю Эдельманну жить, где он хочет, и кроме него много дураков живет в моем государстве».

Э.Хартманн. Геллерт

Религиозный индифферентизм, господствовавший при дворе Фридриха, в соединении с постепенным развитием литературы подготовил переход общественного мнения от пиетизма к «просвещению». Север Германии шел при этом далеко впереди юга. Большое участие в этом повороте мысли обыкновенно приписывают Фридриху Великому хотя, на самом деле Фридрих вряд ли мог много способствовать этому движению, особенно если считать его выражением немецкую литературу. Фридрих был слишком офранцужен, чтобы понимать труды людей вроде Лессинга или ценить поэтов вроде Гете. Всем известен его нелепо презрительный отзыв о Гете, которого он называл «imitation detestable de ces abominables pieces de Shakespeare». Правда, никто не может вполне отрешиться от впечатлений детства, и древнетевтонская грубость, перешедшая к Фридриху в юности от отца, непременно должна была вселить в него ненависть к германизму и бросить в объятия французов. Но его позднейшее отвращение ко всему немецкому, отвращение, доходившее до того, что он не понимал даже славной эмансипирующей деятельности Лессинга, не говоря уже о Клопштоке и Виланде, доказывает не только полное отсутствие патриотизма, но и недостаток чувства прекрасного и истинного. Немецкий король, да еще при этом сам литератор, должен был заметить произведения вроде «Минны фон Барнгельм» и «Натана»; истинно образованный человек не мог не понять, что эти произведения выше и прекраснее

всего французского. Мы не можем решить наверно, тщеславие ли короля, желавшего прослыть французским bel-esprit, или что-либо другое было главной причиной его непризнания Виланда, Лессинга и Гете.

Его разговор с Геллертом в Лейпциге 18 декабря 1760 г. прекрасно характеризует его отношение к народной науке и литературе. Майор Квинтус Ицилий, один из приближенных короля, представил знаменитого баснописца; Фридрих встретил его вопросом: «Ты профессор Геллерт? Геллерт. Да, ваше величество. К.: Английский посланник очень хвалил тебя. Откуда ты родом? Г.: Из Гайниха близ Фрейберга. К.: Скажи мне, пожалуйста, отчего у нас нет ни одного хорошего немецкого писателя. Квинтус Ицилий. Перед Вашим Величеством стоит писатель, которого даже французы переводят и называют немецким Лафонтеном. К.: Этим много сказано. Читал ты Лафонтена? Г.: Читал, Ваше Величество, но не подражал ему, я оригинальный писатель и потому не могу знать, хорошо ли я пишу. К.: Значит, один писатель есть, но отчего их у нас так мало. Г.: Ваше Величество предубеждены против немцев. К.: Нет, этого нельзя сказать. Г.: По крайней мере против немецких писателей. К.: Это правда. Отчего у нас нет хороших историков? Г.: У нас есть и историки. У нас есть Масков, Крамер, продолжатель Боссюэ. К.: Может ли немец быть продолжателем Боссюэ? Г.: Может, и очень счастливым. Один из ученейших профессоров Вашего Величества сказал, что Крамер продолжал Боссюэ с равным красноречием и с большей исторической истиной. К.: Да понимал ли его профессор-то? Г.: Все думают, что понимал. К.: Отчего же никто не займется Тацитом? Надо бы его перевести. Г.: Тацита трудно переводить, французские переводы его также очень плохи. К. Это правда. Г.: Вообще, можно найти много причин, по которым нет замечательных немецких писателей во всех родах литературы. Пока науки и искусства процветали в Греции, Рим занимался войнами. Может быть, мы живем в воинственном периоде Германии; а может быть, немецким писателям не достает своего Августа и Людвига. К.: В Саксонии было два Августа. Г.: В Саксонии начинают являться и писатели. К.: А ты хочешь, чтобы явился один Август для всей Германии? Г.: Не совсем, мне хотелось бы только, чтобы каждый государь покровительствовал гению в своей стране. К.: Ты нигде не был кроме Саксонии? Г.: Я раз был в Берлине. К.: Тебе бы надо попутешествовать. Г.: Ваше Величество, на это у меня не хватает ни здоровья, ни состояния. К.: Теперь плохие времена. Г.: Да, и когда Вашему Величеству угодно будет дать мир Германии... К.: Разве это от меня зависит? Разве ты не слышал? Они идут втроем против меня одного. Г.: Я более занимаюсь древней историей, чем новой. К.: Как тебе кажется, кто выше как эпический писатель, Гомер или Виргилий?

Г.: Мне кажется, Гомер заслуживает предпочтения, он оригинальнее. К.: Но у Виргилия слог обработаннее. Г.: Гомер слишком далек от нас, мы не можем довольно верно судить ни о языке, ни о нравах его времени, я доверяю Квинтилиану, который предпочитает Гомера. К.: Нельзя же рабски относиться к мнениям древних. Г.: Я не отношусь к ним рабски; я следую им только тогда, когда за отдаленностью не могу составить собственного суждения. Квинтус Ицилий. Он издал также немецкие письма. К.: Да? Не писал ли ты также чего-нибудь против нашего канцелярского слога? Г.: Писал, Ваше Величество. К.: И чего это он не изменяется? Это черт знает что такое. Приносят мне целые стоки исписанной бумаги, а я не понимаю ни слова. Г.: Если Ваше Величество не в силах устранить это зло, то я еще менее. Я могу только советовать, тогда как вы повелеваете. К.: Не знаешь ли ты наизусть которую-нибудь из твоих басен? Г.: Кажется, не знаю; у меня очень слабая память. К.: Вспомни, я пока похожу... Ну что вспомнил? Г.: Да, Ваше Величество. Геллерт прочитал басню «der Maler». «А нравоучение?» — спросил король. Геллерт сказал и нравоучение. К. Прекрасно, у тебя очень легкий стих, я все понял. Вот Готшед читал мне перевод «Ифигении», я держал перед собой французский подлинник и все-таки ни слова не понял. Мне приносили еще стихи Пича, тот уж совсем никуда не годится. Г.: Я разделяю мнение Вашего Величества. К.: Если я останусь здесь, приходи ко мне опять, приноси свои басни и прочитай мне что-нибудь новенькое». После аудиенции Фридрих сказал о Геллерте: «Это совсем не то, что Готшед!», — а на другой день за столом: «Cest le plus raisonable de tous les savants allemands». Геллерт должен был считать себя очень счастливым, что заслужил уважение короля. Вообще он пользовался всеобщим почтением; даже австрийский дворянин Видманн, императорский посланник в Нюрнберге, в самых почтительных выражениях просил скромного ученого дать ему несколько уроков немецкого слога. Мы увидим впоследствии, что более общее участие к отечественной литературе было вызвано в высших кругах, не обративших большего внимания на Клопштока, грациозно-светской поэзией Виланда.

На юге Германии «просветительное» движение приняло более яркие краски, чем на севере; оно имело здесь вулканически революционный характер, отразившийся и на многих гениальных личностях 70-ых годов. Одним из представителей этого движения является Христиан Фридрих Даниил Ш., талантливый поэт и музыкант, жизнь которого, полная приключений, шла очень бурно, пока 10-летнее заключение в Гогенасперге не сломило его беспокойный дух. Подобно своему веку, этот человек постоянно переходил от одной крайности к другой; его ум, то стремящийся

к свободе, то рабски заключенный в оковы мистицизма, не мог прийти к гармоническому примирению не только с миром, но даже сам с собой. Находясь (1769—1773) в качестве органиста и учителя музыки при дворе герцога Карла в Людвигсбурге, он так поддался господствовавшей там всеобщей безнравственности, что содержал любовницу и даже допустил своих знатных учениц оставить себе знак любви, «который он, правда, не сохранил до конца жизни, но, к несчастью, передал одной особе, менее всех достойной получить его». Его разврат и в особенности его неудержимая страсть к насмешке и сатире были причиной удаления его из этого города. После многих приключений в прирейнских областях он отправился в Аугсбург и основал там свой знаменитый журнал «Немецкая хроника». В своей автобиографии Шубарт так рисует тогдашнее положение немецкого журналиста: «Ни одно ремесло не могло быть так опасно для человека моего характера, как ремесло журналиста; священники и князья свирепствовали тогда против каждого проявления свободы; город, в котором я жил, менее всех других немецких городов мог помириться с моей пылкой головой. Льстить перед князьями, хотя бы они были злодеи, торжественно воспевать празднества, охоты, смотры, каждый милостивый поклон, каждое смутное проявление человеческого чувства, кланяться каждой придворной собаке, ничем не оскорблять партиальный дух той местности, где пишешь, смешить кофейни и возбуждать толки в народе, с другой стороны, коротко знать все партии Парнаса и лениво лавировать или мужественно биться за них, — вот неизбежные законы для каждого литератора, законы слишком трудные для меня, на исполнение которых у меня не хватало ни терпения, ни благоразумия. Я беспрестанно грешил против них». Шубарт закончил первые листы своей хроники следующими словами: «А я, подобно немцу, уезжавшему из Лондона, готов бросить вверх мою шляпу и воскликнуть: О Англия, дай мне хоть с эту шляпу твоих нравов и твоей свободы!» В сенате тотчас восстал против этого бургомистр Кун. «Появился какой-то бродяга, — объявил он, — требующий для своей безбожной газеты целую шляпу английской свободы. Он не получит и с ореховую скорлупу этой свободы!» Шубарт устроил также в Аугсбурге публичные чтения и произвел ими важный переворот во вкусе. «Я читал, — рассказывает он, — сначала новейшие произведения Гете, Ленца, Лейзевица и стихотворения из альманахов муз, сопровождая их пояснениями, потом, встретив полное одобрение слушателей, я выбрал «Мессиаду» Клопштока, чтобы посмотреть, могут ли быть перенесены на немецкую почву Оды древних. Успех превзошел мои ожидания. С каждой новой песней число моих слушателей возрастало. «Мессиаду» покупали нарасхват; вокруг меня царило торжественное безмолвие, голос поэта

Г. Шпангенберг. «Шубарт в Асперге»

пробуждал человеческие чувства, я видел ужас, слезы, восторг, я видел, что немецкая душа открыта для всего прекрасного, великого и возвышенного. Клопшток приобрел толпы поклонников в Аугсбурге; среди этих поклонников были и католики, и лютеране, знатные и простые, мужчины и женщины». В противоположность этой светлой картине, изображающей интерес публики прошедшего столетия к образцовым произведениям отечественной литературы, можно привести другую картину того же Шубарта из описания его путешествия в Ульм, где он хотел продолжать свою хронику после запрещения в Аугсбурге. «Со страхом приближался я к Гюнцбургу, я знал, что католики страшно ненавидят меня за то, что я писал против иезуитов в моей хронике. В Гюнцбурге, в трактире, я нашел целую толпу толстых священников, сидевших вокруг стола за кружками

пива. Один из последних номеров моей газеты лежал перед ними. Можно себе представить мой ужас, когда они завопили на своем готентотском наречии: «А, попался наконец этот висельник Шубарт! Вот как ему вырвут язык из глотки, сожгут его живьем, посмотрим, что-то он тогда напишет, собака!» Так бранились эти толстые пивные бочки и били кулаками по столу так, что стаканы звенели. Только один из всей компании, по виду светский чиновник, относился ко мне несколько справедливее и напрягал все силы своего голоса, объясняя этой грубой толпе, что моя газета, во всяком случае, доставила им несколько приятных часов, принесла некоторую пользу и удовольствие. Он упрекал их за слишком строгое суждение обо мне, но его слова были заглушаемы потоком их ругательств». В Ульме Шубарту очень понравилось. Он нашел, что там «жизнь ведется совершенно свободно. Церемонии и чинопочитание, кажущиеся смешными иностранцу, на самом деле не более как украшение весьма простой одежды. Кто заучит все общеупотребительные титулы и не забудет их при приветствии и за первым стаканом, тот потом избавлен от всех церемоний и может делать и болтать что хочет. Трактиры в городе и за городом служат сборными пунктами, где можно встретить самую пеструю смесь людей всякого рода: и патрициев, и священников, и купцов, и солдат, и бюргеров, и студентов, и ремесленников, и крестьян». В то время, как Шубарт свободно издавал в протестантском городе свою хронику, почти на глазах его в соседнем католическом прелатстве Виблингене разыгрывалась трагедия совершенно в средневековом духе. «Один католический юрист по имени Никель, — рассказывает он, — из любви к науке штудировал латынь в Лейпциге, против обыкновения своих сограждан. Он был родом из Зефлингена близ Ульма и во время каникул часто приезжал в город. Иногда он заходил и ко мне. Он бойко говорил по-латыни и был вообще очень неглупый господин. Он просил у меня каких-нибудь книг, и я дал ему новый, совершенно невинный роман. Но о религии мы с ним не говорили ни слова. Молодой человек имел неосторожность повторить в одном католическом трактире несколько вольтеровских изречений, слышанных им быть может в Тюбингене. На него донесли, засадили его в отвратительную тюрьму в монастыре Виблингене и, как гласит его приговор, «из милости и сострадания» обезглавили, сожгли и бросили пепел в Иллер». Происшествие в таком же роде случилось в Аале, на родине Шубарта, во время одной из поездок туда. «В то время в Эльвангене жил чудотворец патер Гаснер, выделывавший свои штуки в Баварии и Швабии в 1775—1779 гг.; вся дорога от Ааля до Эльвангена была запружена толпами жалких пилигримов, искавших помощи Гаснера. Всевозможные болезни, казалось, были собраны в этой стране. Все

гостиницы, конюшни и сараи были наполнены слепыми, хромыми, глухими, калеками, эпилептиками, подагриками и тому подобными несчастными. Болячки, раны, гнойные струпья, все самые страшные и отвратительные болезни, равным образом все душевные страдания, меланхолия, сумасшествие, бешенство — все это являлось сюда на костылях, на ногах, на лошадях, на носилках и в телегах и составляло самую безобразную толпу. Я сомневаюсь, видано ли было когда-нибудь в Германии зрелище более печальное и более унизительное, чем то, которое представляли эти люди, отправлявшиеся к Гаснеру. Сами католики устыдились этих сцен, и наконец, умное предписание императора Иосифа положило конец всей этой трагикомедии». В 1777 году Шубарт, поддавшись низкой хитрости, вышел из-под защиты ульмских стен и вступил на вюртембергскую почву; в Блаубере клевреты герцога, раздраженного сатирическими выходками против его особы и особы его последней любовницы, схватили и увезли его. В Кирхгейме арестант вынужден был выслушивать радостные крики филистеров: «Вот Шубарт! Вот этот негодяй! Теперь-то наконец почистят этого паршивца»! Герцог со своей любовницей, которую он похитил у ее мужа, барона фон Лейтрум, и наградил званием графини фон Гогендейм, лично приехал в Асперг присутствовать при заключении в башню смелого публициста. Страдания тюрьмы не могли потушить патриотического жара Шубарта. Нельзя читать без умиления заключительные слова его автобиографии, написанной в тюрьме, тайком: «Бог видит, как я любил тебя, моя родина. У тебя еще есть свободные, благородные, верные сыны, они еще живы, но они страдают, сдавленные оковами деспотизма; они осуждены, как Илий, оплакивать падение детей своих; подобно ему, им остается сесть под можжевельник и сказать: «Довольно, Господи, возьми душу мою к себе! Бог поможет тебе, если тебе еще можно помочь. Когда я соединюсь с моим народом, — а я надеюсь и после смерти на вечные времена оставаться вашим, мои немецкие братья, — я буду молиться о твоем спасении. Я благодарю тебя за все те бесчисленные радости, которые доставлял мне твой язык, твои обычаи, твои великие умы, твои мудрые и благочестивые мужи, кроткие души твоих женщин, твои дети, твои яства, твои напитки, твои прелестные ландшафты, твои горы, твои долины, твои реки, твой воздух, твой умеренный климат, твои города, твои деревни, твои сады! За все, за все это прими мою слезную благодарность. Я прошу у тебя еще только несколько футов земли на могилу и затем прощай навеки!».

В Юго-Восточной Германии Игнатий Феслер (род. 1756) имеет родственные черты с Шубартом, хотя общественное положение того и другого было весьма различно. Феслер тоже составил себе литературное имя

«просветительными романами», но еще более своей «Историей Венгрии». Терпимость и либеральные идеи он всосал с молоком матери. Мать Феслера была простая бедная женщина и очень благочестивая католичка, тем не менее в ее характере были драгоценнейшие черты, перешедшие и к сыну. Вот один рассказ из автобиографии Феслера. Однажды, 4-летним мальчиком, он присутствовал вместе с матерью на одном церковном празднике, где была и Мария-Терезия. Императрица обратила внимание на серьезную физиономию ребенка, приласкала его и, по своему обыкновению, позволила его матери просить у себя милости, какой она хочет. Но, к удивлению императрицы, эта простолюдинка, — да еще австриячка, — с гордостью ответила, что просит милостей для себя и своего сына у одного только Бога! Несколько лет спустя она объясняла сыну этот ответ тем, что «не хотела принимать милостей от государыни, позволявшей себе преследовать таких благочестивых людей, как лютеране». Феслер поступил послушником в монастырь капуцинов. Жизнь его в монастыре представляет нам картину постепенного освобождения здорового ума от пут мрачного монастырского невежества и постепенного восхождения его до вершины современной образованности. Пока монастырский лектор читал Феслеру и его сотоварищам разную схоластическую дребедень, наш послушник сумел добыть себе несколько развивающих книг. Эти книги, вместе с произведениями Сенеки, спасали его молодую душу от той нравственной грязи, которой могли загрязнить ее произведения вроде романов Гофмансвальдау, добытых и ссуженных нашему послушнику каким-то развратным патером; но, с другой стороны, они разрушили его веру в непогрешимость догмата. Посвященный в священники, Феслер служил свою первую обедню «без религиозного настроения ума, без веры в сердце». Понятно, что вскоре он сильно не поладил со своим начальством; монастырь капуцинов в Вене, куда перевели Феслера, тоже не мог быть пригодным местопребыванием для молодого вольнодумца. Здесь произошло событие, изменившее судьбу Феслера. «В ночь с 23 на 24 февраля 1782 г., — рассказывает он, — меня разбудил один белец: «Возьмите, — сказал он мне, — ваше распятие и идите за мной». В страхе я спросил: «Куда»? — «Куда я вас сведу». — «Что же я должен делать»? — «Это я вам скажу, когда мы придем». — «Я не пойду, не зная куда и зачем». «Настоятель приказал вам именем священного повиновения идти, куда я вас поведу». Когда напоминают о «священном повиновении», следует, безусловно, слушаться, всякое сопротивление считается серьезным преступлением. Со страхом взял я свое распятие и пошел за послушником, державшим в руках глухой фонарь. Мы прошли кухню, потом еще несколько комнат; когда открылась дверь в последнюю из них, брат

сказал мне: «7 ступеней вниз»! Сердце мое сжалось: я был уверен, что не увижу более дневного света. Мы вошли в длинный узкий коридор, направо, в его средине, стоял небольшой престол, налево заметил я несколько дверей, запертых висячими замками. Мой проводник отворил одну из этих дверей и сказал мне: «Там лежит умирающий — брат Никомед, вы должны напутствовать его душу. Я побуду здесь; когда он скончается, позовите меня». Передо мной на соломе лежал старик, в изношенной одежде, под шерстяным одеялом; капюшон закрывал его седую голову, белая борода доходила до пояса. Возле постели стоял старый соломенный стул и грязный стол, на котором горела лампа. Я заговорил с умирающим; он потерял уже способность говорить, но знаками объяснил мне, что понимает меня. В 3-м часу, после тяжелой 4-часовой агонии, его страдания окончились. Прежде, чем позвать послушника, я внимательно осмотрел тюрьму; над трупом умершего страдальца я дал себе клятву открыть императору эти злодейства. Когда на мой зов явился послушник, я сказал ему самым холодным тоном: «Брат Никомед скончался». «Он, я думаю, рад, что избавился от этой жизни», — отвечал мне проводник так же холодно. «Давно он здесь»? — «25 лет». — «Ну, он давно загладил свои преступления». — «Да, конечно». — «Зачем этот престол в коридоре»? — «Здесь священник постоянно служит обедню для львов и подает им причастие. Посмотрите, в каждой двери сделано маленькое отверстие, которое открывается; сквозь него львы исповедаются, слушают обедню и получают причастие». — «А много здесь таких львов»? — «Еще четыре, два священника и два послушника». — «Давно они здесь»? — «Один — 50, другой — 40, третий — 15, четвертый — 9 лет». — «За что»? — «Наш брат этого не знает». — «Отчего их называют львами»? — «Оттого, что я — сторож львов». Феслеру удалось довести все это до сведения императора. Было налажено следствие; оно открыло самые ужасные злодейства. Один из «львов» провел 42 года в страшной темнице за то, что в ответ на беспрестанные ругательства настоятеля дал ему две пощечины; другой в течение одного года получил 600 ударов воловьими жилами за то, что достал для прочтения сочинения Геллерта, Рабенера и Виланда. Еще большие жестокости были открыты в темницах женских монастырей. Иосиф II дал Феслеру место профессора теологии в Лембергской семинарии, но постоянные интриги монахов и иезуитов вскоре заставили его отказаться от кафедры. Интересны для характеристики тогдашнего австрийского дворянства слова, публично сказанные графом Каленбергом при приезде Феслера в Лемберг: «Человек низкого происхождения не может ничему порядочно научиться». Феслер принял лютеранство и переехал в Берлин, а впоследствии — в Россию; после многих превратностей

Ф. Фридрих. «Заклинание духов в Дрездене»

судьбы там он получил почетное место по управлению лютеранской церковью. В период своего пребывания в Пруссии Феслер одно время сильно интересовался масонством. По его собственным словам, он стремился «изгнать из лож обманчивые степени, таинственность и мистерии». Здесь кстати будет поговорить о тайных обществах того времени.

То был век всевозможной таинственности. С одной стороны, характер политики, основанной на интригах, уничтожал в обществе стремление к открытой деятельности, с другой стороны, игра в таинственность производила среди общего пресыщения приятное возбуждение. Иезуиты сумели внести свой обскурантизм и в тайные общества; хитрые искатели приключений закидывали в карманы простаков сети, сплетенные из мистицизма и чувственности; в заключение и либералы попробовали воспользоваться для своих целей аппаратом тайных обществ. Но попытка их оказалась неудачной. Идея свободы нуждается для своего развития в свете и воздухе гласности. Самым важнейшим между тайными союзами было масонство. Мы уже имели случай упоминать о происхождении его от средневековых лож строителей. Масонство пользовалось в Германии большим уважением; множество умных и талантливых людей, занимавших высокое положение в обществе, принадлежали к этому братству. Сам Фридрих Великий, будучи кронпринцем, был каменщиком и даже по вступлении на престол покровительствовал ордену. Перед Семилетней войной он

Жозеф Бальзамо

вышел из общества: ему надоели мистические представления, которыми стали злоупотреблять ложи. Мало-помалу они делались орудиями в руках ловких спекулянтов, начинавших царить над обществом. Общая мания к таинственности и пиетизму способствовала утверждению этого царства. Общество жаждало чудес и вскоре явились чудотворцы. В 1775 г. Месмер издал в Вене свои наблюдения над магнетической жидкостью; к научной стороне учения о магнетизме он присоединил еще и мистическую. В то же время Гаснер произвел свой известный скандальный опыт чудотворного лечения. Еще ранее содержатель лейпцигской кофейни Шрепфер показывал искусство вызывать духов. Шрепфер сам пал жертвой своего искусства, доведшего его до самоубийства. Граф Сен-Жермен, алхимик и производитель брильянтов, забавлявший некоторое время Людовика XV и Помпадур своим искусством и своими сокровищами, также посетил Германию. Он провел последние дни жизни у своего верного поклонника принца Карла Гессенского, наместника Шлезвиг-Гольштейна и умер на его руках в 1784 г. Сен-Жермен остался неразрешенной загадкой именно потому, что не делал ремесла из своей чудодейственной силы. Нельзя сказать того же о венецианце Казанове, о котором мы упоминали уже выше. Во Франции нашлась дура, маркиза д'Урфе, которая поверила ему и не пожалела миллиона, чтобы помолодеть и забеременеть от влияния лунных лучей! Сицилиец Бальзамо, известный под именем графа Калиостро, начал свою блестящую карьеру плута в немецких кругах, в Митаве в Курляндии. Там его восторженная поклонница г-жа фон Реке явилась и его обличительницей. В период высшей славы чудодея, во время знаменитой парижской истории ожерелья, так сильно повредившей Марии-Антуанетте, Гете выставил его на сцену в своем «Грос-Кофта». Он исчез впоследствии в тюрьмах римской инквизиции. На примере Калиостро мы можем видеть, какое обаяние на мечтательно-религиозные умы производила мистика и шарлатанская таинственность.

Лафатер, которого мы смело можем считать достойнейшим представителем религиозного направления времени, твердо и упорно верил в чудотворную силу Калиостро. «Калиостро был бы величайшим человеком, — восклицает он, — если бы мог оценить все величие евангельской простоты». В 1781 г. Лафатер отыскал чудодея в Страсбурге; но Калиостро встретил его довольно грубо: «Кто из нас умнее? — сказал он. — Если вы, то вам меня не нужно, если я, то мне вас не надо». Лафатер питал также глубокое уважение к Гаснеру. «Пусть души наши сообщаются тихотихо, — писал он ему. — Свет недостоин, чтобы мы бросали к ногам его силу Божию». Суеверный цюрихский пророк часто делался жертвой низких мистификаций: так, полоумный венский граф Тун рассказал ему историю о посещении его духом одного еврейского чернокнижника Габлидона, умершего до Р. Х., и Лафатер поверил. Кабаллистика, теософо-алхимическое шарлатанство существовало в Германии до XIX столетия. Одним из главных адептов его был ученый чудак Бейрейс, гельмштетский профессор, утверждавший между прочим, что у него есть алмаз весом в 6400 карат, заложенный китайским императором.

Все эти явления были, повторяем, тесно связаны с масонством. Около 1760 г. в среде этого масонства начало развиваться так называемое «тайное учение», утверждавшее, что древняя тайная мудрость Моисея и Зороастра перешла, посредством ордена тамплиеров, к какому-то Христиану Розенкранцу. В этой мудрости заключается тайна философского камня, т. е. тайна превращения неблагородных металлов в золото и приготовление жизненного эликсира. Люди, не жалевшие трудов для приобретения этой мудрости, соединенной с весьма реальными выгодами (особенно много их находилось в высших сословиях), стремились вступать в ложи, которые после упразднения иезуитского ордена папой Климентом XIV (Ганганелли) в 1773 году, сделались сборным пунктом оставшихся иезуитов. Хитрые обманщики основали так называемые «внутренние системы» и систему «строгого исполнения», где кроме трех прежних степеней, образовалось множество высших посвящений и где с помощью разных символов, иероглифов, клятв и фантастических церемоний ослепляли и водили за нос близоруких, легковерных любителей таинственности. Каменщики «строгого исполнения» были обязаны самым строгим образом повиноваться неизвестным начальникам, таинственного главу которых почитали под именем Eques a penna rubra (рыцаря Красного Пера). Эти начальники были никто иные, как иезуиты, употреблявшие влиятельных членов братства для своих целей. Дармштадтский придворный проповедник Шарк, низкий плут, барон фон Гунд, наконец какой-то Беккер, известный в ложах под именем Джонсона, занимали первое место среди всех

Папа римский Климент XIV

этих обманщиков. Джонсон утверждал, что он послан в Германию тайными начальниками ордена из Олд-Абердина в Шотландии, чтобы произвести реформу в масонстве. Ему удалось в 1764 году собрать для этой цели братьев «строгого исполнения» на конгресс в Калу близ Альтенбурга. Здесь герцог Карл Брауншвейгский был избран гроссмейстером. Джонсон уверял, будто Фридрих Великий преследует его, и потому во время конгресса расставил стражу из братьев в вооружении тамплиеров; пока они объезжали кругом патрулем, а прочие члены занимались своими комично-важными церемониями, он захватил всю кассу ордена и исчез с нею. Иезуито-аристократическая тенденция системы «строгого исполнения» встретила сильную оппозицию со стороны более либерального масонства и на большом конвенте каменщиков в Вильгельмсбаде близ Ганау в 1782 г. была совершенно побеждена партией, находившейся под предводительством И. И. К. Баде и Фрейгера фон Книле. Взамен ее для немецких лож была принята система так называемого эклектического масонства. Главы этой системы открыто объявляли, что цель ордена — уничтожение всевозможного суеверия и всякого рода деспотизма.

В этом масонство сходилось с орденом иллюминатов, основанным в 1776 г. ингольмтским профессором Адамом Вейсгауптом и студентом Цваком. Уже в 1778 г. иллюминаты насчитывали 12 лож в Баварии, Франконии и Тироле; между их адептами были люди вроде Зонненфельса в Вене. Иллюминатство было совершенной противоположностью иезуитству. Иезуиты ставили своею целью распространение царствия Божия, иллюминаты — «усовершенствование человека», почему они и назывались сначала перфектибилистами. Для достижения этой цели они считали необходимым союз людей всех сословий, без различия их религиозных убеждений и исповеданий. Просвещение должно было распространяться во всех классах общества, государи должны находиться под влиянием ордена: их следовало окружать братьями ордена, людьми испытанной честности, любящими правду и достаточно мужественными, чтобы открыто говорить ее земным владыкам. Книгге, благодаря своему полному знакомству с масонством, дал иллюминатству более прочную организацию и старался слить тенденции иллюминатов со стремлениями свободных каменщиков; но иезуитам и поклонникам Розенкранца, господствовавшим при баварском дворе, удалось сдержать развитие иллюминатства. Уже в 1784 г. было объявлено общее запрещение тайных орденов, в следующем году общество иллюминатов было запрещено в особенности. Его начальники подверглись ожесточенным гонениям. Под маской преследования иллюминатства эти гонения распространились на все светлые взгляды, на все благородные стремления общества; они шибко распространяли старый

древнебаварский мрак и заставляли всех проклинать дурное управление развратного курфюрста Карла-Теодора. Низкие плуты, вроде духовника курфюрста иезуита Франка и тайного советника Липперта, удалили от Карла-Теодора всех честных людей, просвещенные патриоты были вытеснены из управления. Происками этих недостойных интриганов следует приписать формальное учреждение будто бы для искоренения тайной ереси инквизиционного трибунала, заседавшего в известной «желтой комнате» Мюнхенского дворца — трибунала, который причинил столько бедствий Баварии.

А между тем, именно на этой стране лежал такой толстый слой средневековой грязи, что каждый мало-мальски добросовестный и предусмотрительный правитель должен бы был всеми силами стараться пролить луч света и порядка в этот хаос суеверия, грубости и безнравственности. Путешествие Рисбека показывает нам, что происходило в то время в «благочестивой» Баварии. «Бюргеры, чиновники, духовные лица, студенты и крестьяне бранятся самыми скверными словами; все соперничают в пьянстве, везде рядом с церковью стоит шинок и публичный дом». И в церквах, и в шинках, и в публичных домах с одинаковым бесстыдством являлось самое грубое пьянство, самый грязный разврат. «Тут священник гладит рукою прекрасную грудь девушки, полузакрытую нарамником. Там сидит прелестный ребенок и держит одной рукой четки, другою — приап. Эта женщина спрашивает тебя, одной ли ты с ней религии: с еретиком она не хочет иметь дела; та, среди буйного разгула, вдруг начинает говорить о своих духовных братьях, о своих путешествиях к святым местам, о приобретенных ею индульгенциях. Интересная сцена подобного рода произошла в знаменитой церкви св. Марии в Отинне: один богатый священник перед алтарем св. Марии овладел девушкой, за которой уже давно гонялся и которую мог поймать только в этом священном месте».

Подобное благочестие станет нам совершенно понятно, если мы взглянем, каким образом «слово Божие» проповедовалось несчастному баварскому народу. Путешественник Николаи, правдивость которого не подлежит никакому сомнению, передает нам в начале VI тома своих «Путешествий» проповедь в честь четок, сказанную одним священником 3 октября 1779 г. в Богенгаузене близ Мюнхена. Вот ее начало: «Так, так хорошо, честные поселяне, любезные христиане! Оно так и есть, святые четки побеждают козни дьявола. Святые четки — это поистине бич дьявола, поистине духовный пистолет против всех врагов. Святые четки — это поистине удочка, которой св. матерь Божия вытаскивает из грязной дьявольской лужи и доставляет на небо людей, почитающих их. Это острый дамасский меч, которым она отрубила хвост дьяволу. Точите его,

этих обманщиков. Джонсон утверждал, что он послан в Германию тайными начальниками ордена из Олд-Абердина в Шотландии, чтобы произвести реформу в масонстве. Ему удалось в 1764 году собрать для этой цели братьев «строгого исполнения» на конгресс в Калу близ Альтенбурга. Здесь герцог Карл Брауншвейгский был избран гроссмейстером. Джонсон уверял, будто Фридрих Великий преследует его, и потому во время конгресса расставил стражу из братьев в вооружении тамплиеров; пока они объезжали кругом патрулем, а прочие члены занимались своими комично-важными церемониями, он захватил всю кассу ордена и исчез с нею. Иезуито-аристократическая тенденция системы «строгого исполнения» встретила сильную оппозицию со стороны более либерального масонства и на большом конвенте каменщиков в Вильгельмсбаде близ Ганау в 1782 г. была совершенно побеждена партией, находившейся под предводительством И. И. К. Баде и Фрейгера фон Книле. Взамен ее для немецких лож была принята система так называемого эклектического масонства. Главы этой системы открыто объявляли, что цель ордена — уничтожение всевозможного суеверия и всякого рода деспотизма.

В этом масонство сходилось с орденом иллюминатов, основанным в 1776 г. ингольмтским профессором Адамом Вейсгауптом и студентом Цваком. Уже в 1778 г. иллюминаты насчитывали 12 лож в Баварии, Франконии и Тироле; между их адептами были люди вроде Зонненфельса в Вене. Иллюминатство было совершенной противоположностью иезуитству. Иезуиты ставили своею целью распространение царствия Божия, иллюминаты — «усовершенствование человека», почему они и назывались сначала перфектибилистами. Для достижения этой цели они считали необходимым союз людей всех сословий, без различия их религиозных убеждений и исповеданий. Просвещение должно было распространяться во всех классах общества, государи должны находиться под влиянием ордена: их следовало окружать братьями ордена, людьми испытанной честности, любящими правду и достаточно мужественными, чтобы открыто говорить ее земным владыкам. Книгге, благодаря своему полному знакомству с масонством, дал иллюминатству более прочную организацию и старался слить тенденции иллюминатов со стремлениями свободных каменщиков; но иезуитам и поклонникам Розенкранца, господствовавшим при баварском дворе, удалось сдержать развитие иллюминатства. Уже в 1784 г. было объявлено общее запрещение тайных орденов, в следующем году общество иллюминатов было запрещено в особенности. Его начальники подверглись ожесточенным гонениям. Под маской преследования иллюминатства эти гонения распространились на все светлые взгляды, на все благородные стремления общества; они шибко распространяли старый

древнебаварский мрак и заставляли всех проклинать дурное управление развратного курфюрста Карла-Теодора. Низкие плуты, вроде духовника курфюрста иезуита Франка и тайного советника Липперта, удалили от Карла-Теодора всех честных людей, просвещенные патриоты были вытеснены из управления. Происками этих недостойных интриганов следует приписать формальное учреждение будто бы для искоренения тайной ереси инквизиционного трибунала, заседавшего в известной «желтой комнате» Мюнхенского дворца — трибунала, который причинил столько бедствий Баварии.

А между тем, именно на этой стране лежал такой толстый слой средневековой грязи, что каждый мало-мальски добросовестный и предусмотрительный правитель должен бы был всеми силами стараться пролить луч света и порядка в этот хаос суеверия, грубости и безнравственности. Путешествие Рисбека показывает нам, что происходило в то время в «благочестивой» Баварии. «Бюргеры, чиновники, духовные лица, студенты и крестьяне бранятся самыми скверными словами; все соперничают в пьянстве, везде рядом с церковью стоит шинок и публичный дом». И в церквах, и в шинках, и в публичных домах с одинаковым бесстыдством являлось самое грубое пьянство, самый грязный разврат. «Тут священник гладит рукою прекрасную грудь девушки, полузакрытую нарамником. Там сидит прелестный ребенок и держит одной рукой четки, другою — приап. Эта женщина спрашивает тебя, одной ли ты с ней религии: с еретиком она не хочет иметь дела; та, среди буйного разгула, вдруг начинает говорить о своих духовных братьях, о своих путешествиях к святым местам, о приобретенных ею индульгенциях. Интересная сцена подобного рода произошла в знаменитой церкви св. Марии в Отинне: один богатый священник перед алтарем св. Марии овладел девушкой, за которой уже давно гонялся и которую мог поймать только в этом священном месте».

Подобное благочестие станет нам совершенно понятно, если мы взглянем, каким образом «слово Божие» проповедовалось несчастному баварскому народу. Путешественник Николаи, правдивость которого не подлежит никакому сомнению, передает нам в начале VI тома своих «Путешествий» проповедь в честь четок, сказанную одним священником 3 октября 1779 г. в Богенгаузене близ Мюнхена. Вот ее начало: «Так, так хорошо, честные поселяне, любезные христиане! Оно так и есть, святые четки побеждают козни дьявола. Святые четки — это поистине бич дьявола, поистине духовный пистолет против всех врагов. Святые четки — это поистине удочка, которой св. матерь Божия вытаскивает из грязной дьявольской лужи и доставляет на небо людей, почитающих их. Это острый дамасский меч, которым она отрубила хвост дьяволу. Точите его,

этих обманщиков. Джонсон утверждал, что он послан в Германию тайными начальниками ордена из Олд-Абердина в Шотландии, чтобы произвести реформу в масонстве. Ему удалось в 1764 году собрать для этой цели братьев «строгого исполнения» на конгресс в Калу близ Альтенбурга. Здесь герцог Карл Брауншвейгский был избран гроссмейстером. Джонсон уверял, будто Фридрих Великий преследует его, и потому во время конгресса расставил стражу из братьев в вооружении тамплиеров; пока они объезжали кругом патрулем, а прочие члены занимались своими комично-важными церемониями, он захватил всю кассу ордена и исчез с нею. Иезуито-аристократическая тенденция системы «строгого исполнения» встретила сильную оппозицию со стороны более либерального масонства и на большом конвенте каменщиков в Вильгельмсбаде близ Ганау в 1782 г. была совершенно побеждена партией, находившейся под предводительством И. И. К. Баде и Фрейгера фон Книле. Взамен ее для немецких лож была принята система так называемого эклектического масонства. Главы этой системы открыто объявляли, что цель ордена — уничтожение всевозможного суеверия и всякого рода деспотизма.

В этом масонство сходилось с орденом иллюминатов, основанным в 1776 г. ингольмтским профессором Адамом Вейсгауптом и студентом Цваком. Уже в 1778 г. иллюминаты насчитывали 12 лож в Баварии, Франконии и Тироле; между их адептами были люди вроде Зонненфельса в Вене. Иллюминатство было совершенной противоположностью иезуитству. Иезуиты ставили своею целью распространение царствия Божия, иллюминаты — «усовершенствование человека», почему они и назывались сначала перфектибилистами. Для достижения этой цели они считали необходимым союз людей всех сословий, без различия их религиозных убеждений и исповеданий. Просвещение должно было распространяться во всех классах общества, государи должны находиться под влиянием ордена: их следовало окружать братьями ордена, людьми испытанной честности, любящими правду и достаточно мужественными, чтобы открыто говорить ее земным владыкам. Книгге, благодаря своему полному знакомству с масонством, дал иллюминатству более прочную организацию и старался слить тенденции иллюминатов со стремлениями свободных каменщиков; но иезуитам и поклонникам Розенкранца, господствовавшим при баварском дворе, удалось сдержать развитие иллюминатства. Уже в 1784 г. было объявлено общее запрещение тайных орденов, в следующем году общество иллюминатов было запрещено в особенности. Его начальники подверглись ожесточенным гонениям. Под маской преследования иллюминатства эти гонения распространились на все светлые взгляды, на все благородные стремления общества; они шибко распространяли старый

древнебаварский мрак и заставляли всех проклинать дурное управление развратного курфюрста Карла-Теодора. Низкие плуты, вроде духовника курфюрста иезуита Франка и тайного советника Липперта, удалили от Карла-Теодора всех честных людей, просвещенные патриоты были вытеснены из управления. Проискам этих недостойных интриганов следует приписать формальное учреждение будто бы для искоренения тайной ереси инквизиционного трибунала, заседавшего в известной «желтой комнате» Мюнхенского дворца — трибунала, который причинил столько бедствий Баварии.

А между тем, именно на этой стране лежал такой толстый слой средневековой грязи, что каждый мало-мальски добросовестный и предусмотрительный правитель должен бы был всеми силами стараться пролить луч света и порядка в этот хаос суеверия, грубости и безнравственности. Путешествие Рисбека показывает нам, что происходило в то время в «благочестивой» Баварии. «Бюргеры, чиновники, духовные лица, студенты и крестьяне бранятся самыми скверными словами; все соперничают в пьянстве, везде рядом с церковью стоит шинок и публичный дом». И в церквах, и в шинках, и в публичных домах с одинаковым бесстыдством являлось самое грубое пьянство, самый грязный разврат. «Тут священник гладит рукою прекрасную грудь девушки, полузакрытую нарамником. Там сидит прелестный ребенок и держит одной рукой четки, другою — приап. Эта женщина спрашивает тебя, одной ли ты с ней религии: с еретиком она не хочет иметь дела; та, среди буйного разгула, вдруг начинает говорить о своих духовных братьях, о своих путешествиях к святым местам, о приобретенных ею индульгенциях. Интересная сцена подобного рода произошла в знаменитой церкви св. Марии в Отинне: один богатый священник перед алтарем св. Марии овладел девушкой, за которой уже давно гонялся и которую мог поймать только в этом священном месте».

Подобное благочестие станет нам совершенно понятно, если мы взглянем, каким образом «слово Божие» проповедовалось несчастному баварскому народу. Путешественник Николаи, правдивость которого не подлежит никакому сомнению, передает нам в начале VI тома своих «Путешествий» проповедь в честь четок, сказанную одним священником 3 октября 1779 г. в Богенгаузене близ Мюнхена. Вот ее начало: «Так, так хорошо, честные поселяне, любезные христиане! Оно так и есть, святые четки побеждают козни дьявола. Святые четки — это поистине бич дьявола, поистине духовный пистолет против всех врагов. Святые четки — это поистине удочка, которой св. матерь Божия вытаскивает из грязной дьявольской лужи и доставляет на небо людей, почитающих их. Это острый дамасский меч, которым она отрубила хвост дьяволу. Точите его,

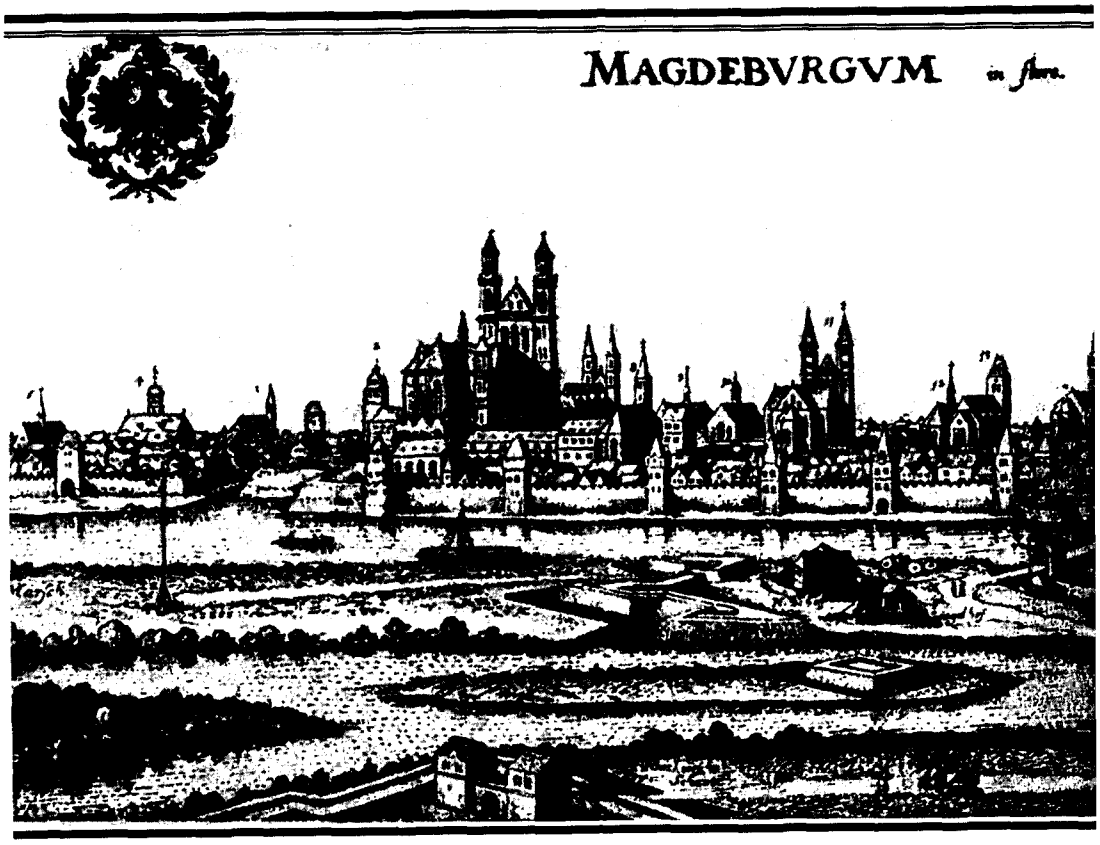
этих обманщиков. Джонсон утверждал, что он послан в Германию тайными начальниками ордена из Олд-Абердина в Шотландии, чтобы произвести реформу в масонстве. Ему удалось в 1764 году собрать для этой цели братьев «строгого исполнения» на конгресс в Калу близ Альтенбурга. Здесь герцог Карл Брауншвейгский был избран гроссмейстером. Джонсон уверял, будто Фридрих Великий преследует его, и потому во время конгресса расставил стражу из братьев в вооружении тамплиеров; пока они объезжали кругом патрулем, а прочие члены занимались своими комично-важными церемониями, он захватил всю кассу ордена и исчез с нею. Иезуито-аристократическая тенденция системы «строгого исполнения» встретила сильную оппозицию со стороны более либерального масонства и на большом конвенте каменщиков в Вильгельмсбаде близ Ганау в 1782 г. была совершенно побеждена партией, находившейся под предводительством И. И. К. Баде и Фрейгера фон Книле. Взамен ее для немецких лож была принята система так называемого эклектического масонства. Главы этой системы открыто объявляли, что цель ордена — уничтожение всевозможного суеверия и всякого рода деспотизма.

В этом масонство сходилось с орденом иллюминатов, основанным в 1776 г. ингольмтским профессором Адамом Вейсгауптом и студентом Цваком. Уже в 1778 г. иллюминаты насчитывали 12 лож в Баварии, Франконии и Тироле; между их адептами были люди вроде Зонненфельса в Вене. Иллюминатство было совершенной противоположностью иезуитству. Иезуиты ставили своею целью распространение царствия Божия, иллюминаты — «усовершенствование человека», почему они и назывались сначала перфектибилистами. Для достижения этой цели они считали необходимым союз людей всех сословий, без различия их религиозных убеждений и исповеданий. Просвещение должно было распространяться во всех классах общества, государи должны находиться под влиянием ордена: их следовало окружать братьями ордена, людьми испытанной честности, любящими правду и достаточно мужественными, чтобы открыто говорить ее земным владыкам. Книгге, благодаря своему полному знакомству с масонством, дал иллюминатству более прочную организацию и старался слить тенденции иллюминатов со стремлениями свободных каменщиков; но иезуитам и поклонникам Розенкранца, господствовавшим при баварском дворе, удалось сдержать развитие иллюминатства. Уже в 1784 г. было объявлено общее запрещение тайных орденов, в следующем году общество иллюминатов было запрещено в особенности. Его начальники подверглись ожесточенным гонениям. Под маской преследования иллюминатства эти гонения распространились на все светлые взгляды, на все благородные стремления общества; они шибко распространяли старый

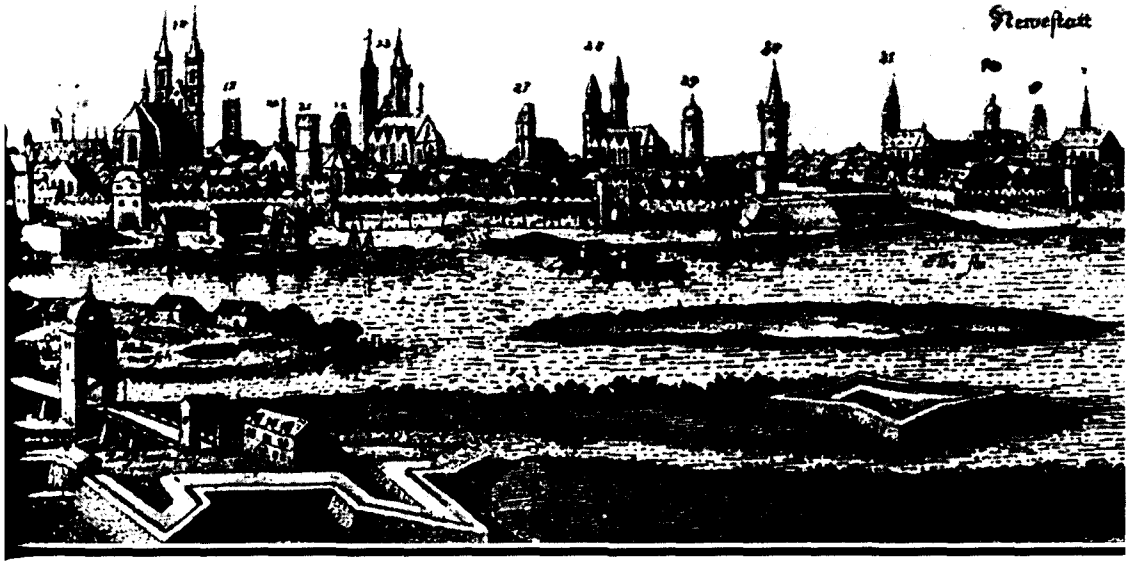
древнебаварский мрак и заставляли всех проклинать дурное управление развратного курфюрста Карла-Теодора. Низкие плуты, вроде духовника курфюрста иезуита Франка и тайного советника Липперта, удалили от Карла-Теодора всех честных людей, просвещенные патриоты были вытеснены из управления. Проискам этих недостойных интриганов следует приписать формальное учреждение будто бы для искоренения тайной ереси инквизиционного трибунала, заседавшего в известной «желтой комнате» Мюнхенского дворца — трибунала, который причинил столько бедствий Баварии.

А между тем, именно на этой стране лежал такой толстый слой средневековой грязи, что каждый мало-мальски добросовестный и предусмотрительный правитель должен бы был всеми силами стараться пролить луч света и порядка в этот хаос суеверия, грубости и безнравственности. Путешествие Рисбека показывает нам, что происходило в то время в «благочестивой» Баварии. «Бюргеры, чиновники, духовные лица, студенты и крестьяне бранятся самыми скверными словами; все соперничают в пьянстве, везде рядом с церковью стоит шинок и публичный дом». И в церквах, и в шинках, и в публичных домах с одинаковым бесстыдством являлось самое грубое пьянство, самый грязный разврат. «Тут священник гладит рукою прекрасную грудь девушки, полузакрытую нарамником. Там сидит прелестный ребенок и держит одной рукой четки, другою — приап. Эта женщина спрашивает тебя, одной ли ты с ней религии: с еретиком она не хочет иметь дела; та, среди буйного разгула, вдруг начинает говорить о своих духовных братьях, о своих путешествиях к святым местам, о приобретенных ею индульгенциях. Интересная сцена подобного рода произошла в знаменитой церкви св. Марии в Отинне: один богатый священник перед алтарем св. Марии овладел девушкой, за которой уже давно гонялся и которую мог поймать только в этом священном месте».

Подобное благочестие станет нам совершенно понятно, если мы взглянем, каким образом «слово Божие» проповедовалось несчастному баварскому народу. Путешественник Николаи, правдивость которого не подлежит никакому сомнению, передает нам в начале VI тома своих «Путешествий» проповедь в честь четок, сказанную одним священником 3 октября 1779 г. в Богенгаузене близ Мюнхена. Вот ее начало: «Так, так хорошо, честные поселяне, любезные христиане! Оно так и есть, святые четки побеждают козни дьявола. Святые четки — это поистине бич дьявола, поистине духовный пистолет против всех врагов. Святые четки — это поистине удочка, которой св. матерь Божия вытаскивает из грязной дьявольской лужи и доставляет на небо людей, почитающих их. Это острый дамасский меч, которым она отрубила хвост дьяволу. Точите его,



МАГДЕБУРГ


Newestatt

точите его усерднее! Любезные христиане! Бейтесь им с дьяволом, бейтесь в молодости, чтобы он не лишил вас невинности, бейтесь, пока холосты, чтобы он не вовлек вас в безнравственность, бейтесь в супружестве, чтобы не сделаться прелюбодеями, подобно Давиду, бейтесь на смертном одре, ибо там дьявол всего сильнее. Послушайте, я вам расскажу отличный пример того, на какие штуки подымается дьявол даже у смертного одра святых: одной святой настоятельнице монастыря св. Клары явилось перед смертью столько чертей, сколько деревьев в том ближнем лесу. Что же сделала святая настоятельница? Она взяла святые четки в руки, призвала матерь Божью на помощь. И что же!? Вдруг с неба явились ангелы — каждый с четками в руках. Что они сделали? Они стали бить четками чертей и выгнали их вон. Вот еще другой пример. Святая настоятельница зажгла семь свечей вокруг своего смертного одра, чтобы не поддаться дьявольскому наваждению. Что же случилось? Черт погасил все семь светильников. Тогда святая настоятельница схватила святые четки, ударила ими черта по морде и выгнала его. Любезные христиане! Братья во Христе! Запомните мои слова и не бросайте святых четок — это наше лучшее лекарство, оно поможет вам и на пути в вечность; им вы можете, как извозчик кнутом, отбиться от дьявола; пусть это лекарство никогда не переводится в вашей домашней аптеке, probatum est, оно по-

Э.Климш. «Песталоцци среди сирот Нидвальдена» (1798 г.)

могает, оно очищает вас от грехов, это лучшее слабительное небесной лечебницы. Но любезные христиане! один прием этого, хотя и дорогого лекарства, не может вам помочь, вы должны еще иногда прибегать к очистительному средству совести — к святой исповеди; не забывайте этой драгоценной микстуры святой христианско-католической церкви, если даже насмешники и грешники станут говорить вам, что она не помогает, не обращайте внимания на этих подлецов и суемудрых дьявольских собак»!

Г. Франц. «Лотта фон Ленгсфельд»

В то время, как в Баварии велась ожесточенная борьба против просвещения, в Пруссии, в правление Фридриха-Вильгельма II, руководимого жалкими обскурантами Вельнером и Бишофсвердером, тоже возникла сильная реакция. Бишофсвердер сделался необходимым для Фридриха, когда тот был еще кронпринцем: он готовил ему искусственные возбудительные средства, так называемые «диаволини». Вскоре он так оплел короля сетью мистических обманов, что «несчастное Величество» сделалось совершенно беззащитным от всевозможных, даже самых очевидных плутней, вроде вызывания духов, которыми дурачили его временщик и его креатуры. Графиня Лихтенау оставила нам интересный рассказ о том, как Фридрих-Вильгельм чуть не умер от страха при явлении душ Марка Аврелия, Лейбница и великого курфюрста, вызванных с помощью самого пошлого шарлатанства.

В то время, как в Берлине, еще так недавно служившем центром просветительных идей, постыдно господствовало розен-крейцеровское тупоумие и плутовство, в Кенигсберге уединенный мыслитель Кант создавал систему, с неудержимой смелостью разрушавшую все прежнее миросозерцание; в альпийских долинах Швейцарии Песталоцци собирал вокруг себя толпы нищих детей и с небесным милосердием проповедовал Евангелие просвещения бедным и униженным; а в различных местах Германии неутомимо трудились по распространению либеральных идей Вильгельм Людвиг Векерлин, забытый автор «Чудовища» (Grauen Ungefeures), так неутомимо бичевавший священников и дворян, А.Г.Ф. Ребманн, Ф.К. Мозер,

А.А. Ф. Геннингс и многие другие. Всюду, иногда почти рядом, являлись самые резкие противоположности. Вспомним, например, путешествие по Рейну молодого Гете в 1774 г. с Лафатером и Базедовым: Гете, переносивший на пантеизм Спинозы весь жар своей поэзии; Лафатер — полнейший идеалист, лозунгом которого было «или христианство, или атеизм» и Базедов, «циничный курильщик» и заклятый гонитель св. Троицы, — эти три личности всюду появляются вместе, в карете, на корабле, в обществе, и каждый из них свободно действует сообразно своим индивидуальным наклонностям. Какая прелестная жанровая картинка представится нам, если

Э. Климш. «Гете и Фредерика Брион»

мы вообразим их всех трех за трактирным столом Кобленца: Лафатер объясняет какому-то сельскому священнику тайны откровения св. Иоанна, Базедов старается убедить верующего танцмейстера, что крещение — уже отживший обряд, а Гете между тем со спокойным реализмом наслаждается тем, что дает в ту минуту жизнь.

Г.Франц. «Лотта фон Штайн»

Появление Гете составило эпоху не только в литературе, но и в общественной жизни. Гениальнейший представитель периода литературной «бури и вихря», он всюду разрушал оковы филистерства. Как победоносно действовал Гете уже одной своей личностью, можно видеть по письму Виланда к Якоби от 10 ноября 1775 г. «Во вторник 7-го Гете приехал в Веймар (куда, как известно, пригласил его молодой герцог Карл-Август). Что сказать тебе о нем, милый брат? До какой степени с первого взгляда этот человек овладел всем моим сердцем! Как я влюбился в него, когда мне пришлось на другой день сидеть за столом подле чудного юноши. С сегодняшнего утра душа моя полна Гете, как капля росы утренним солнцем». Молодой герцог, после императора Иосифа самый либеральный и гуманный государь того времени, завязал тесную дружбу с Гете и вполне вошел в тон поэта; между 1775—1776 гг. при веймарском дворе был дан полный простор гению, даже герцогиня-мать — веселая, умная Амалия, читавшая с Виландом Аристофана, не противоречила общему духу веселого остроумия. Виланд, по собственному выражению «любивший Гете до того, что готов был съесть его», несколько раз называет неугомонное времяпрепровождение этой компании «бешеным». Когда гении, и во главе их Гете, выражались стихами, они любили прибегать к доброму старому стихосложению, проза же их отличалась какими-то скачками, чем-то свободно-смешным, каким-то, так сказать, санкюлотством. В одном письме Виланда к Мерку, от 5 января 1776 г., Гете прибавил, например, следующую приписку: «Я рад, что ты не потерял свой юмор. Я действительно здесь порядочно бешусь. Мы возимся как черти. Ты, вероятно, скоро услышишь, что я откалываю трагические роли и на theatra mundi и отличаюсь во всевозможных

трагикомических фарсах». Для любовных писем также явился совсем другой слог. Исчезли гладкие, изящно украшенные и размеренные периоды, которыми Дафнисы и Миртилы писали Хлоям и Тиббенам; их заменил краткий выразительный афоризм, выражавший в немногих словах самые жгучие чувства. «Милая, — пишет Гете в январе 1776 года к Шарлотте фон Штейн, — позволь мне тебя любить. Если я кого-нибудь полюблю больше, я тебе скажу. Я не буду тебя мучить. Прощай, золото. Ты не понимаешь, как я тебя люблю». Загородный замок Этерсбург и деревня Штюцербах были главными театрами забав этой резвой юности, проводившей время то в охотах, то в попойках, то в театральных представлениях, то в любовных похождениях. Туда беспрестанно являлись разные бродячие гении. Часто они подходили к воротам Веймара в таких нарядах, что Бертух, казначей герцога, ввел в свои счета постоянную рубрику для записывания панталон, жилетов, чулков и башмаков, раздаваемых немецким гениям. Говорят, что тогдашние немецкие гении имели вообще весьма коммунистические понятия о собственности; входя в чужую комнату они, обыкновенно, без церемоний присваивали себе все, что им нравилось. Гете часто посылал к г-же Бертух за носовым платком или в гардероб герцога за белыми панталонами и жилетом — необходимыми принадлежностями наряда гения. Братья Штолберг также явились в Веймар, где их дикий тевтонизм производил меньше скандала при герцогском дворе, чем у цюрихских крестьян, которые как-то чуть не побили их каменьями за то, что они, в своем энтузиазме к природе и купанью, вздумали бегать днем голые по берегу Силя. Страсбургские товарищи Гете были также привлечены в атмосферу его веймарского счастья. Полоумный Ленц приехал сюда и известил о своем приезде друга словами: «Хромоногий журавль пришел и ищет куда поставить ноги». Клингер — эта странная смесь гранитного стоицизма и страстного увлечения природой — дебютировал в Веймаре. Он стал читать один раз перед обществом, собравшимся у Гете, какое-то свое новое произведение. Вдруг Гете вскочил и убежал со словами: «Что за дрянь написал ты опять! Это черт знает что такое». Клингер нисколько не сконфузился, спокойно спрятал свою рукопись и задумчиво проговорил: «Странно, уже во второй раз я слышу сегодня то же самое». Авантюристы и плуты также любили Веймар. Там явился, например, швейцарец Кауфман из Винтертура, впоследствии лекарь гернгутенского братства, старавшийся разыгрывать роль a la Калиостро. Над дверями его Гете написал следующую непереводимую на русский язык эпиграмму: «Ich hab' als Gottes Spurhund frei mein Schelmenleben stets getrieben; die Gottesspur ist nun Vorbei und nur der Hund ist ubrig bleiben».

Г. Франц. «Лотта фон Кальб»

Э. Хартманн. «Гете»

Впоследствии веймарская жизнь очистилась от грязной пены гениального общества; веселость перестала переходить в безнравственность; все наслаждения стали чище, благороднее. Имя маленького города, имевшего честь принимать в своих стенах Виланда, Гете, Гердера и Шиллера, неразрывно связано с блестящим периодом немецкой литературы. С ним связано также и имя Карла-Августа; дружба его с Гете делает такую же честь характеру немецкого народа, как и дружба Гете с Шиллером — это, по словам Вильгельма Гумбольдта, единственное явление в своем роде.

Разговорный язык образованного общества 70-х годов колебался между твердыми тонами a la Гец и мягкими a la Вертер. Веймарские гении предпочитали гецевскую грубость, между тем как в Геттингене преобладали сентиментальность и стремление к дружбе, еще более преувеличенные, чем стремление к любви. Выражения дружбы и сентиментальности, заимствованной у Стерна, преобладали у Глейма и его друзей; в своей нежно-братской переписке они предаются самым горячим излияниям. До крайних пределов сентиментальность дошла в «Гайнбунде» в Геттингене; патетическая чувствительность часто доходила там до смешного. Вот образчик подобного настроения: Фосс, грубоватая северогерманская натура которого казалась вовсе не склонной к сентиментальности, так описывает в одном письме прощанье Штольберга со своими товарищами, сочленами «Гайнбунда»: «На лицах некоторых видны были тайные слезы

Г. Франц. «Родной дом Шиллера»

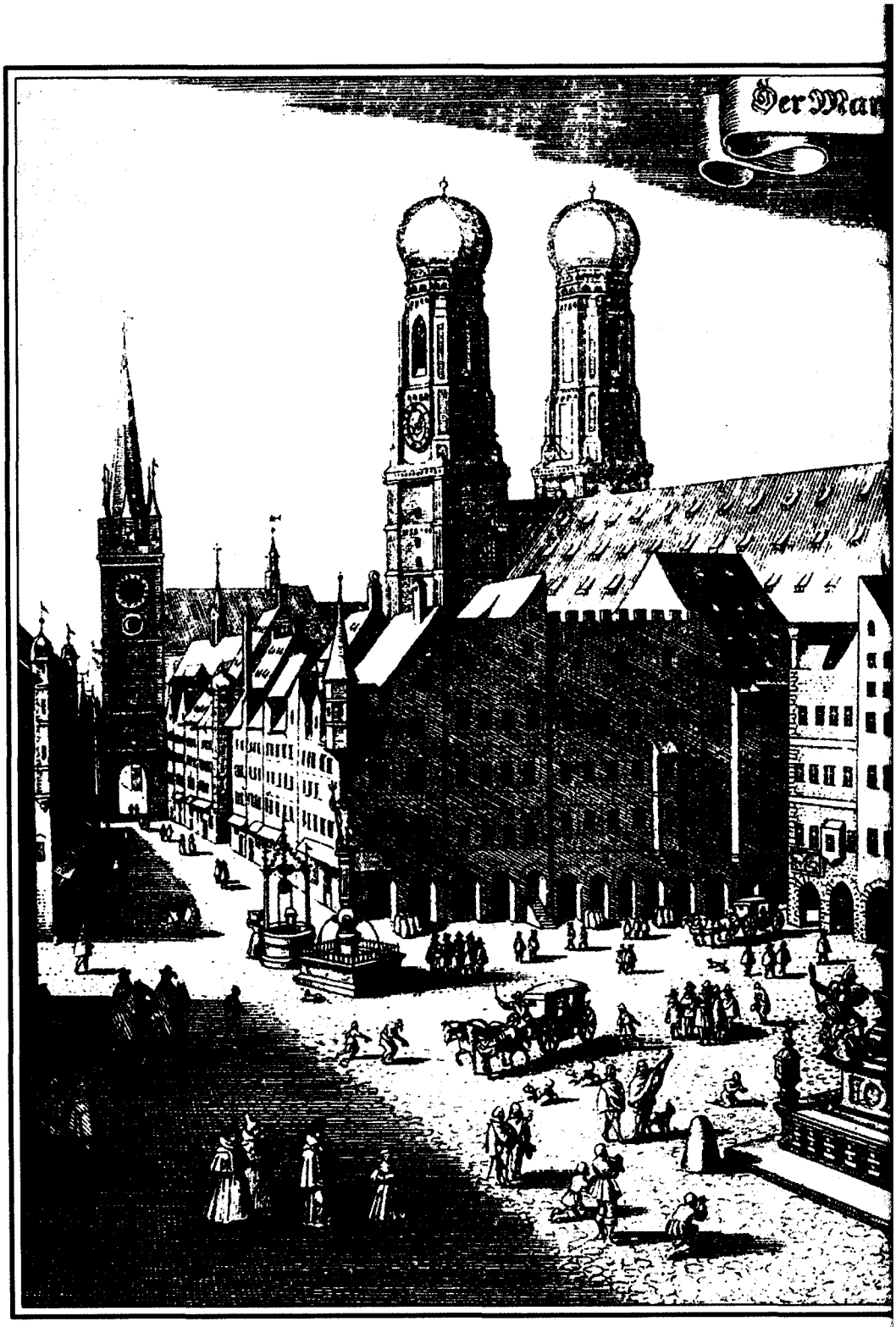
сердца, младший граф был страшен — кто может описать те ужасные три часа ночи, которые мы провели вместе? Слезы понемногу прекращались. Пробило три. Мы не могли более сдерживать горести и дали волю нашим чувствам». Как должен был смеяться впоследствии честный Фосс, вспоминая об этом слезливом энтузиазме к человеку вроде Фрица Штольберга, возбудившему впоследствии такое сильное негодование друга своим отступничеством от дела разума. Штольберг умолк в мистико-пиетическом кружке, образовавшемся в Мюнстере вокруг княгини Амалии Голицыной, там же окончил свою паразитическую жизнь и Гаманн. Этот кружок своим напыщенно-христианским платонизмом и своим аристократически-католическим ханжеством составлял резкую противоположность веймарскому веселому двору муз. В Веймаре мы видим самое сильное проявление эстетических наклонностей, отличающих конец XVIII и начало XIX столетия. Нам, холодным эпигонам, едва понятны чувства, одушевлявшие одну из дам веймарского общества — г-жу Амалию фон Войгт. Вот что рассказывает она в своих воспоминаниях: «После первых представлений Валленштейна мы не понимали, как могут люди думать о чем-нибудь, кроме судьбы Макса и Теклы, над которой мы пролили так много горьких

Г.Франц. «Родной дом Гете»

слез, мы не понимали, как можно спокойно есть и пить!» Блистательный триумф ожидал Шиллера в Лейпциге, куда он приехал осенью 1801 г. на первое представление своей «Девы Орлеанской». «Несмотря на жаркий день, театр был совершенно полон; всеобщее внимание было возбуждено до крайности. Едва опустился занавес после первого акта, как раздались единодушные крики: да здравствует Шиллер! Гром труб смешался с восторженными криками толпы. Поэт благодарил публику из своей темной ложи таким скромным поклоном, что только немногие могли его видеть. По окончании пьесы вся толпа бросилась смотреть на него. Большая площадь перед театром до самых ранштетских ворот была полна народа. Когда Шиллер вышел из театра, толпа расступилась и образовала для него проход. «Шапки долой!» — послышалось со всех сторон, и таким образом поэт проходил посреди своих поклонников, встречавших его с непокрытой головой, а сзади него отцы подымали вверх своих детей и говорили им: «Смотрите, вот он!»

В заключение, чтобы очертить еще с нескольких сторон немецкую культурную жизнь того времени, я расскажу судьбу одного из неудавшихся немецких гениев. Я говорю о Фридрихе Лаукгарде (род. в 1758 году). Мы можем проследить здесь его бродяжническую жизнь, благодаря подробной автобиографии, появившейся в 1792—1797 гг. Вот что рассказывает Лаукгард о своем первоначальном воспитании в школах Пфальца, ничем не отличавшихся от прочих немецких учебных заведений: «Катехизис Канизия был оракулом религии для католической молодежи. Латинский язык изучали по учебнику Альвари и по искаженным отрывкам

München.



МЮНХЕН

древних страниц. История преподавалась по учебнику, где на одной стороне — на дурном латинском, а на другой на страшном немецком языке рассказывались факты с иезуитской точки зрения, с примесью множества сказок и выдумок. С ранних лет в нас старались вселить самое сильное отвращение к еретикам и всевозможным реформаторам. Человек, вышедший из подобной пфальцской католической школы, туп как бык. Лютеранские и реформаторские школы еще в десять раз хуже. Там учат люди, не знающие положительно ни слова по-латыни. Школьные учителя подражают господам пасторам и предаются лени и пьянству». По выходе из школы Лаукгард посещал многие университеты. Рассказ его свидетельствует о том, какая значительная доля средневековой грубости еще сохранилась в этих обиталищах муз. «Жизнь студентов или буршей Гиссена, благодаря стараниям нескольких высланных туда йенских студентов, была устроена совершенно по образцу йенской. Кто хотел быть уважаемым буршем, тот должен был каждый вечер посещать по крайней мере одну пивную — рейнская кружка пива стоила два крейцера — и пить там до 10 или 11 часов. Говорить о научных предметах считалось педантством, поэтому разговор постоянно вертелся на делах буршей и часто переходил в сквернословие. Я помню, в пивной Эбергардс-Бум читались даже правильные лекции сквернословия по рукописному экстракту[5]. В Гиссене попойки были разрешены, и мы часто пьянствовали на улице. Большая часть студентов вела себя по-свински. Байковая куртка была их постоянным нарядом и в праздник, и в будни. Кроме того, студенты носили кожаные панталоны и длинные сапоги. Драки не были редкостью; дрались даже на улице. Вызывавший на бой шел под окна своего противника, стучал палкой по тротуару и кричал: «Pereat NN, собака, свинья»! Вызываемый являлся, завязывалась драка, наконец, приходил педель, разнимал врагов, сажал их в карцер и тем кончалось дело. Между грубыми непристойностями, бывшими в моде в Гиссене, замечательны так называемые генеральное испражнение и страшное лицо. Первое устраивалось так: 20 или 30 студентов, напившись порядком в пивной, становились перед домом, где жили женщины и по команде со свистом начинали все вместе мочиться, как животные. «Страшным лицом» называлась маска, обвязанная тряпками и приделанная к длинной палке. С этой маской студент подходил вечером к дому, где жили во втором этаже, и звонил. Когда кто-нибудь подходил к окну узнать, кто звонит, ему совали к лицу маску и до смерти пугали бедного человека. Лихорадочная страсть к исписыванию тетрадей не мучила гиссенских студентов. В других университетах я всегда находил завзятых тетрадеисписывателей, особенно в Галле; там студенты наполняли целые тома университетской мудростью.

Впрочем и галльские студенты были очень грубы. В Йене у каждого бурша была своя так называемая «шармант» — простая девушка, с которой он жил, пока оставался в университете, и которую, уезжая, передавал товарищу. В Геттингене, напротив, студенты старались сблизиться с женщинами высшего круга и ухаживали за ними. Обыкновенно дело кончалось одним ухаживанием и полным опустошением кошелька любезного кавалера. Иногда, впрочем, заходили дальше, и являлись живые доказательства отношений, связывавших дочь дворянина такими же тесными узами, как и услужливую полногрудую горничную».

Во время Лаукгарда процветали и различные академические ордены. Господствовавшая тогда страсть к тайным обществам не могла не коснуться студентов, и среди них возникли ордены, заимствовавшие свои формы и обряды у масонства. Одним из первых подобных союзов был «Мозельбунд», основанный в Йене в 1746 г.; из него в 1771 году образовался знаменитый орден амицистов со своим лозунгом «Истинная дружба — плод чести». Прием в орден был обставлен формальностями, изобретенными в ложах; при этом не был забыт и «ужас полуночного часа, глухой звон колоколов, таинственный стук в ворота, удары молота по алтарю, завязывание глаз, клятвы вечного молчания, тяжелые обещания, гром и молния, обнаженные кинжалы, песочные часы, мертвые головы, горящий спирт и черные свечи, краски и ленты, кресты и кокарды». В орден проникло несколько слабых лучей либеральных тенденций, но они погибли под суровым гнетом обычая. Студенческие общества всюду разделили академическое бюргерство на две партии: члены обществ с презрением смотрели на непосвященных, а эти в свою очередь восставали против их тирании. Такая рознь порождала кровавые битвы и возмущения студентов, вроде Гиссенского побоища 1777 г. Студенты, не принадлежавшие к орденам, всячески старались вредить им; кроме того, ордены, в особенности амицисты, скоро возбудили неудовольствие правительств: в них подозревали политические тенденции. Решением Регенсбургского рейхстага все студенческие ордены были внезапно закрыты. Несмотря на это, амицисты, предшественники буршеншафцев, продолжали собираться тайком, и потому академический сенат в Йене изгнал в 1798 году cum infamia двенадцать последних членов этого общества.

Вернемся к нашему искателю приключений. Он может сообщить нам много характерных черт и других слоев общества. Вот что рассказывает он, например, о миниатюрном владыке своего отечества графе фон Гревейлере: «У графа было около 40 000 талеров дохода, а между тем он жил по-царски, держал гайдуков и гусар, труппу придворных музыкантов, шталмейстера, берейтора и множество совершенно бесполезной прислуги.

Все это требовало больших денег, так что доходы графа оказывались недостаточными. Вследствие этого он вынужден был прибегнуть к займам; сначала они ему очень хорошо удавались. Но вскоре перестали верить и г-ну графу и его графскому слову. Что было делать? Он стал брать деньги на имя деревень, и крестьяне должны были подписываться поручителями. Таким образом ему удалось занять до 900 000 гульденов». При подписях делались самые грубые подлоги; часто люди, ничего не слыхавшие о займе, являлись поручителями на значительные суммы. Вся эта грязная история дошла наконец до Иосифа II. К чести императора нужно сказать, что он тотчас же формально освободил крестьян от их вынужденного или подложного обязательства; а виновника в подлоге, несмотря на коленопреклоненные просьбы его дочери, лишил права управления землями и засадил на 10 лет в крепость Кенигштейн близ Франкфурта. Лаукгард променял свое кандидатство на звание солдата, участвовал в прусском походе на Шампань и был свидетелем отвратительных поступков эмигрантов в рейнских городах. «Я был свидетелем, — рассказывает он, — грустной нравственной порчи, занесенной французскими эмигрантами в Германию. В Кобленце, говорил мне один честный старый трирский унтер-офицер, с 12-го года нет более девушек; проклятые французы так тут все взмутили, что грех и стыд сказать. И это было совершенно справедливо: все девушки и все женщины, не исключая даже старых монахинь, были развратны невыносимо. Дочь одного купца сознавалась открыто в обществе, что продала свою невинность французу за 6 каролинов. Нет, никогда прежде немецкие девушки не были испорчены до такой степени! И везде, куда ни попадали эмигранты, они делали то же, что в Кобленце. Весь бассейн Рейна от Кельна до Базеля был зачумлен и отравлен этим отребьем человеческого рода». Во время войны рядом с этой безнравственностью являлось и сильное одичание народа. В конце 90-х годов в окрестностях Рейна и Мозеля образовались шайки разбойников, грабивших и убивавших с необыкновенной дерзостью. Вообще, в конце прошедшего и в начале нынешнего столетий разбойничество сильно процветало во всей Юго-Западной Германии. Там отличались шайки Маттиаса Клостермайера, Якоба Рейнгарта, и Иоганна Бюклера; «подвиги» этих разбойничьих атаманов, часто замечательные своим грубым юмором, находили себе народных рапсодов. Из всей этой сволочи для нас всего интереснее, как психологический феномен, некий Иоганн Мюллер. Вследствие насилия, совершенного французскими драгунами над его женой, этот человек пришел в ярость, напоминающую нам кровожадность древних германцев. Он поклялся страшно отомстить французам за оскорбление, причиненное ему, и сдержал свою клятву, с неумолимой последовательностью убивая каждого члена ненавистной нации, попадавшего в его руки.

Глава

IV

КЛАССИЧЕСКИЙ ВЕК НЕМЕЦКОЙ НАУКИ И ИСКУССТВА

Зарождение и смысл Просвещения. — Английская философия здравого смысла. — Французский материализм. — Полемика Вольтера и религия природы Руссо. — Немецкие просветители. — Национальная литература. — Виланд. — Лессинг. — Кант. — «Sturm und Drang». — Гердер. — Общество «Гайнбунд». — Фосс. — Бюргер. — Штольберг. — Титанизм и гениальность. — Ленц. — Клингер. — Высшее проявление немецкого гения: Гете и Шиллер. — Научная дисциплина и ее представители. — Искусства. — Музыка. — Гайдн. — Глюк. — Моцарт. — Бетховен. — Театр. — Конец классического периода и переход в новоромантизм: Фихте и Жан-Поль.

Германию нельзя назвать страной инициативы. В немецком характере есть нечто тяжелое, способное приходить в движение только от внешнего толчка; но зато с другой стороны немцы обладают силой инерции, непреклонным постоянством, заставляющим их не покидать выбранного пути до конца, даже если бы этот путь лежал на краю пропасти, от которой кружится голова, среди дебрей бесчисленных предрассудков, даже если бы он приводил к тем воздушным высотам мысли, перед холодом которых невольно содрогнутся другие нации.

Со времен Возрождения идея гуманизма постоянно боролась против варварского теологизма, подкреплявшего собой столь же варварский авторитет светской власти. Германизм со свойственной ему восприимчивостью усвоил себе идею гуманизма и старался во время Реформации осуществить в форме религиозной свободы те начала, которые впоследствии развились так полно если не в Германии и Англии, так хоть в Америке. В XVIII столетии реформаторская деятельность Германии обратилась на науку и искусства, на освобождение индивидуальной мысли от господства догмата, на освобождение народного искусства от произвола романской теории. Толчок к подобному направлению был дан извне. Правда, Лейбниц положил основание самостоятельности немецкой науке, а Христиан Вольф (1679—1754) старался выработать из идей Лейбница полную систему наук, но деятельность того и другого была замкнута в тесном круге

Берлинский университет

ученой сферы, и к тому же узкий формализм Вольфа не мог оказать влияния на культурную жизнь народа. Чтобы сделаться тем, чем она стала впоследствии — самой интеллигентной, наиболее разносторонне и обширно развитой страной, страной образованной par excellence, Германия нуждалась во внешнем импульсе, в инициативе Англии и Франции, где теологическая язва исчезла ранее под влиянием свежего дуновения оппозиции. В Англии Локк и Юм, во Франции Пьер Бейль направили оружие скептицизма против твердынь слепой веры. В брешь, пробитую ими, бросились английские деисты, которых часто считали атеистами за то, что они отвергали не только догмат о святой Троице, но и вообще существование высшего существа, одаренного человеческими свойствами. Деистическая философия здравого смысла («common sense») нашла себе остроумных пропагандистов в лордах-литераторах Шефтсбери и Будденброке; вскоре она приобрела множество прозелитов среди высшего сословия. Эта философия породила французский эмпиризм, тесно связанный с антиримским и противоиезуитским направлением Рабле и Паскаля, — эмпиризм, основанный практическими мыслителями вроде Монтеня и Ларошфуко, развитый Кондильяком и, в заключение, под именем материализма пришедший к выводу, что существует только одно бытие — материя, что все сущее есть только видоизменение материи, что сама мысль — не что, иное как колебание мозговых фибр. Материалистическая философия положила начало полемической критике Вольтера и его последователей, которая разъяснила несостоятельность всех существовавших общественных отношений и громко заявляла требования иного, более разумного, общественного строя. Более полное и подробное применение этого критического направления представляет знаменитая энциклопедия Дидро и д'Аламбера,

по имени которой всю эту школу французских мыслителей называют обыкновенно энциклопедистами. Энциклопедия имела громадное влияние на Францию и на Европу, тем более что на помощь энциклопедистам вскоре явился гений Руссо. Пылкостью своего поклонения природе Руссо разбивал твердыни, устоявшие и против доводов и против едкого сарказма. Он зажег во всех умах стремление освободиться от неестественности и рабства. Исходной точкой философии и Вольтера, и Руссо был деизм, т. е. признание «высшего существа», «бесконечного», но являвшегося вследствие своей неизвестности в какой неопределенной и бессодержательной области, в то время как природа или конечные умственные принципы признавались источником истины, и все познаваемое заключалось в области конечного. Материалист Гольбах, немец, живший в Париже в обществе энциклопедистов, был вполне последователен, когда в своей «Systeme de la nature» совершенно устранил это неопределенное и ничему не служащее понятие о Боге.

В Германии дух оппозиции впервые нашел себе поддержку во Фридрихе II. Мы видели, что этот государь считал своей главнейшей задачей рассеивание средневекового мрака. Протестантский север Германии, и в особенности Берлин, стал центром нового направления. В правление Иосифа II это направление проникло и на юг. Оно получило прекрасное и вполне выразительное название просветительного направления, ибо оно должно было разогнать тьму суеверий, просветить густой мрак филистерского мировоззрения. «Просвещение, — говорит Кант, — есть выход человека из несовершеннолетия. Несовершеннолетие — это неспособность управлять собственным разумом без постороннего руководства. За эту неспособность люди должны винить самих себя: она происходит не от недостатка рассудка, а от недостатка решимости и мужества руководствоваться им, не прибегая к чужой помощи. Sapere aude! Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Это лозунг Просвещения». Немецкое Просвещение отличалось от французского не меньшей смелостью, но более глубоким характером. У французов движение, не заботясь о постепенном развитии, прямо обратилось на практические цели и интересы, прямо поставило себе целью создание свободного государства. У немцев же, вследствие их систематичного, методического характера, движение обратилось на посредствующее звено, связывающее свободную религию со свободным государством: на индивидуальную свободу в науке и искусстве. Правда, большинство просветителей приближалось к этой цели весьма издалека. Они вертелись в области деизма и только видоизменяли теологизм, не отказываясь от него вовсе. Но самобытный рассудок, который они противопоставляли наносным понятиям, все-таки

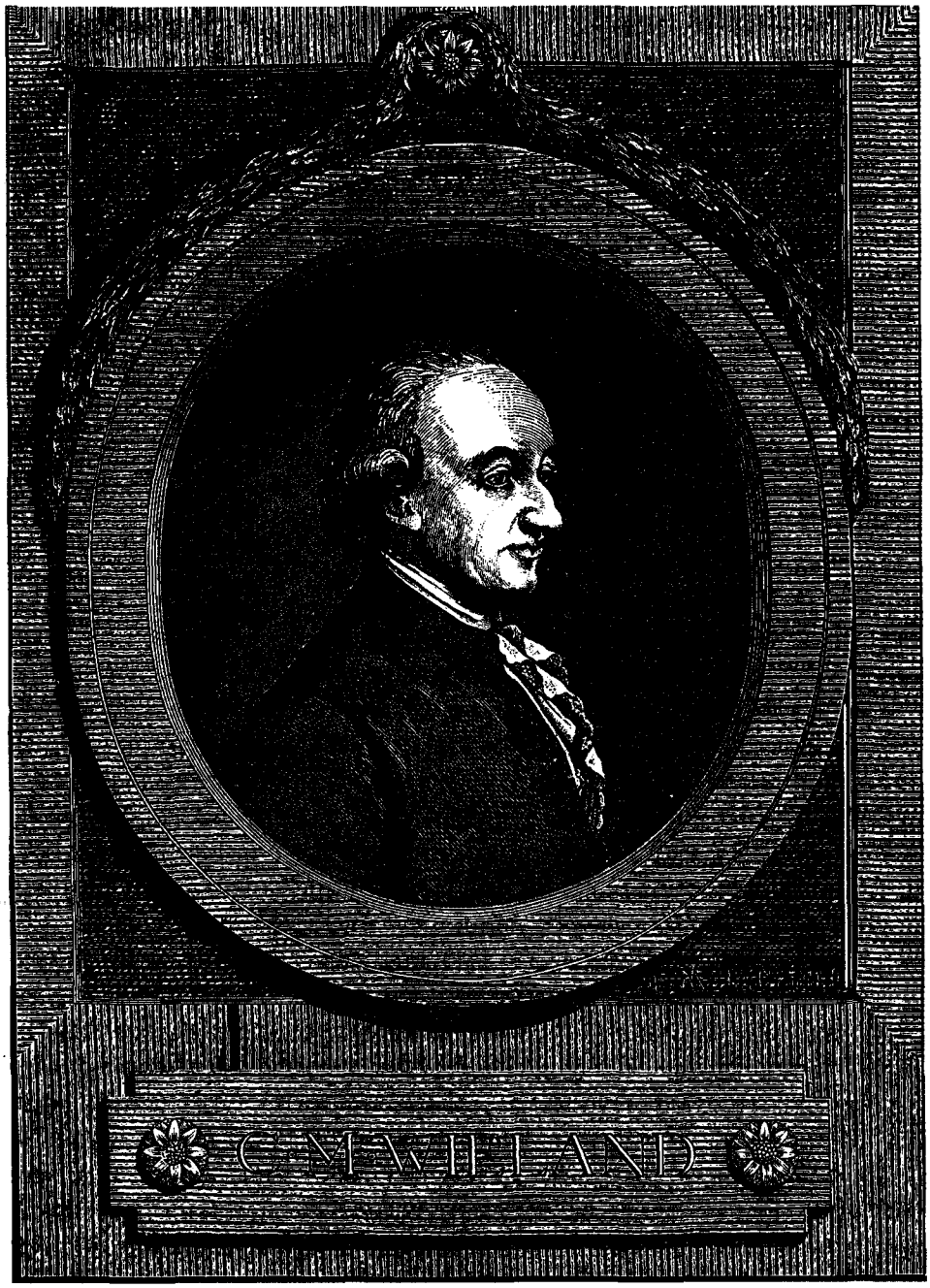
Винкельман

распространил множество здравых идей и повсюду проложил путь гуманизму. Они воскресили в Германии общественное мнение и сумели внушить к нему уважение.

Типичной личностью периода Просвещения является берлинский литератор и книгопродавец Фридрих Николаи (1723—1811). При содействии своих друзей (в числе коих был и популярный философ Мозес Мендельсон он издавал с 1759 г. «Литературные письма», производившие такое сильное впечатление на общество, а позднее, с 1765 г., — «Всеобщую немецкую библиотеку», периодическое издание, постепенно выросшее до 225 томов и, несмотря на многие слабые стороны, оказавшее важные услуги немецкой культуре. Тем же направлением отличались и «Геттингенские ученые ведомости», издаваемые Геттингенским университетом, открытым в 1735 г. и постоянно заботившимся о развитии реальных знаний, йенская «Литературная газета» и другие ученые и литературные журналы, расширявшие сферу знаний до небывалых дотоле размеров. При преобладании теологического настроения у немцев особенно важно было то, что просветительное движение проявилось даже в теологической среде. Выше на примере Эдельманна мы видели, каким образом из пиетической секты развился скептический критицизм. Теперь же мы увидим, как Земмер в Галле в противоположность пустому ханжеству пиетизма проповедовал принцип свободного исследования. Разумным защитником этого принципа является и Бардт, несмотря на всю свою склонность в шарлатанству[6]; но его критицизму не доставало благородной нравственной выдержки, отличающей Реймаруса, автора знаменитых «Вольфенбюттельских отрывков». Подобные теологи вместе с популярными философами

Э. Климш. «Песталоцци»

вроде Шпальдинга, Аббте, Штурца, Гарвея, Циммерманна мужественно боролись против иерархического фанатизма, против суеверия и мрачного ханжества; они предоставили господство либеральному образу мыслей о религиозных предметах, известному под общим именем рационализма, и посеяли чувство терпимости в тысячах сердец. В то же самое время люди, вроде Иоганна Конрада Мозера, Карла Фридриха Мозера, И. Ст. Пюттера, А. Л. фон Шлецера и Юстуса Мезера («Advocatus patriae»), продолжали труд, начатый в XVII веке Пуффендорфом: они старались осветить новым светом понятия о политической жизни, установить начала гражданского права, побороть несправедливость и насилие, возбудить в своих соотечественниках сознание гражданского долга. Всюду, куда проникали лучи Просвещения, вызывался дух исследования и реформаторской деятельности. Шрек и Планк положили начала беспристрастной критики в основу церковной, Шпаттлер и Геерен — светской, а Эйхгорн — культурной историографии; Винкельман, своими гениальными изысканиями в истории искусства прибавил к современной ему либеральной литературе сокровища, которыми с благодарностью пользовалась поэзия Гете; Гейне остроумной разработкой классиков давал новую пищу гуманизму, Базедов изгнал из педагогики пыль теологической схоластики и противопоставил ей в своем филантропизме гуманно-утилитарную систему воспитания; вслед за ним выступил благородный Иоганн Гейнрих Песталоцци (из Цюриха) со своей великой реформой элементарного и реального образования, основанной на математико-аналитическом методе предметных уроков, реформой, ставящей своего творца наряду с просветленнейшими благодетелями человечества. Если мы вспомним, кроме того, какой толчок политической и социальной жизни, земледелию, промышленности и торговле дан был периодом Просвещения, мы легко поймем всю неосновательность нападок нашего столетия на просветительское движение прошедшего. Период этот, без сомнения, имел недостатки и погрешности. Но считать эти недостатки его сущностью — это все равно, что считать сущностью христианства явления вроде инквизиции, избиения евреев и сожжения ведьм!



К. М. Виланд. Старинная гравюра на меди

В народной литературе просветительское направление проявилось впервые в сочинениях Христофа Мартина Виланда (1733—1813) из Обергольцгейма в Верхней Швабии. Впрочем, сочинения Виланда носят на себе скорее французский, чем немецкий отпечаток. Клопшток воскресил национальную литературу и отвел поэзии достойное место в умственной жизни немецкого народа. Святое величие его пафоса привлекательно действовало на молодые умы, но его поэзия не затрагивала самой влиятельной части общества. Люди высшего круга, воспитанные на французский лад и восхищавшиеся остроумием Вольтера, не могли сочувствовать псалмопевствующему христианству творца «Мессиады». Они не могли сочувствовать и его абстрактному тевтонизму, тем более что толпа бездарных подражателей вскоре довела до нелепости уже и само по себе бессодержательное песнопение «бардит».

Гораздо большую привлекательность представляло идиллическое направление, проявившееся в душистой прозе Соломона Геснера, а его культ дружбы отвечал общей склонности ко всякого рода союзам и тайным обществам. Публике нравились друзья, собиравшиеся вокруг «отца» Глейма, и она, кстати, уже благосклонно смотрела и на множество водянистых стихов, воспевавших вино, и на сократическую веселую дидактику Петра Уца, и на мечтательно-серьезные картины природы Эвальда Христиана фон Клейста. Но действительно живой интерес высшему обществу внушал только Виланд, противопоставлявший идеализму Клопштока роскошный реализм, — Виланд, и в прозе и в стихах выражавшийся с такой плутовской грацией, с таким остроумием, с такой снисходительной лукавой улыбкой, что публика с удивлением вынуждена была признаться, что «этот немец умеет писать не хуже французов». Виланд, как известно, подражал сначала клопштоко-баннеровскому серафизму и даже отчасти оправдывал насмешливое прозвание «серафизма», данное этому направлению Готшедом, но вскоре он понял свое настоящее призвание: открыть немецкой литературе при помощи светско-остроумной, чувственно-веселой поэзии доступ в высшее общество, возбудить в светских франтах, в скептиках и легкомысленных людях сочувствие к литературному движению Германии. Достижение этой цели было весьма важно для развития немецкой образованности — известно, какое влияние оказывают образованные классы на литературу — и Виланд вполне достиг ее; отбросив искусственную заоблачную манеру, сосредоточив все свое внимание на жизни, он создал длинный ряд поэтических рассказов и романов, начавшийся «Дианой» и «Эндимионом» (1762) и достигший в «Агатоне» (1766), в «Маусарионе» (1768), в «Гандалине» (1776) и «Обероне» (1780) своего высшего развития. Многие замечательные таланты — не говоря

уже о массе бездарных подражателей — продолжали начатое Виландом грациозное оправдание чувственности и здравого человеческого смысла. Самыми блестящими талантами в этом роде являются: Вильгельм Гейнзе, пылкий энтузиазм которого возвышается в его лучшем романе «Ардингелло» до социалистически революционных идей, и М. А. фон Тюммель, который в своем знаменитом романе «Путешествия по южным провинциям Франции» сумел соединить эпикуреизм Виланда с юмором Стерна.

Но хотя направление, созданное Виландом, и было проникнуто либерально-просветительскими идеями (до того даже, что Музеус переделывал народные предания и сказки в этом духе), оно все-таки не было в силах сообщить современному движению характер величавости и истинной положительности. Ему недоставало для этого серьезного содержания. Эта задача выпала на долю людей гораздо более крепкого закала: Лессинга и Канта. Один из них завершил просветительский период в национальной литературе, другой — в науке.

Несравненная критика Готгольда Эвфраима Лессинга (из Каменца в Обер-Лаузице 1729—1781гг.) дала могущественный толчок развитию немецкого духа; она раскрыла пред ним его собственные сокровища, зародила в нем сознание его силы и достоинства. Лессинг чудным образом соединял в себе ясное понимание вещей, честные стремления и изумительную активность. Его патриотизм представляет совершенную противоположность патриотизму Клопштока. Он не строил себе какого-то фантастического идеала германизма, но трезво смотрел на все недостатки немецкой жизни и деятельно искал средств к их уничтожению. Критика Лессинга была направлена главным образом на два предмета: с одной стороны, на теологическую узость немцев, с другой — на их рабское подражание иностранцам.

Его славная борьба против тупоумного изуверства, воплотившегося в лице гамбургского пастора Геце, бессмертна в летописях умственной жизни Германии. Геркулесовские усилия Лессинга вырвать немецкую цивилизацию из теологического болота и поставить ее на здоровую почву гуманизма не умрут в памяти немецкого народа. Его гордое восклицание «Найдите мне у великого Корнеля пьесу, которую я не мог бы написать лучше его!» знаменует собой начало новой фазы немецкого развития. Лессинг не только разъяснил всю постыдность умственной зависимости от Франции, но и доказал, что такая зависимость нелепа, ибо она основана на весьма шатких принципах. «Лаокон» и «Гамбургская драматургия» (1667—1668) Лессинг — произведения, которые по справедливости могут быть названы литературными памятниками эстетической свободы немецкого народа. Он создал самостоятельный немецкий театр: перед народ-

ными типами его знаменитой комедии «Минна фон Барнгельм» и не менее знаменитой трагедии «Эмилия Галлоти» побледнели образцы галломанского приличия. Вечно настороже, вечно готовый вступить в бой, Лессинг благородной сдержанностью еще более увеличивал действие своего мужественного самопожертвования. Чистый, светлый, энергичный поток его мыслей проник до самых отдаленных углов «авгиевой конюшни» немецкого филистерства. Он не ослеплялся никаким миражом, не обманывался никаким призраком, не смущался никакой софистикой. Твердо, неуклонно шел он вперед, попирая ногами ядовитых гадов мрака, всюду поражая безумие, возбуждая, указывая путь, подавая пример. Это был первый свободный человек, первый свободный исследователь, первый свободный художник Германии. Он хвалился своей любовью к родине и доказывал ее на каждом шагу. Но патриотизм не исчерпывал еще всей полноты его духовной жизни. Всеобъемлющее чувство, отождествляющее интересы человечества с его собственными, наполняло его душу, оно продиктовало ему в последние годы его жизни «Натана Мудрого» (1779) — дивное произведение, исполненное необыкновенного предвидения будущего и раскрывающее пред нами утешительные зрелища грядущего гуманистического развития человечества.

«Натан» ясно показывает нам всю противоположность и все превосходство Лессинга над Клопштоком. В то время как «Мессиада» Клопштока представляет собою попытку спасти религиозный авторитет при помощи поэзии, «Натан» Лессинга всего приличнее может быть назван провозглашением независимости разума, вступающего в свое царство. «Мессиада» завершила собой протестантско-теологический период немецкого развития. С «Натана», в котором, как в зародыше, заключалась вся немецкая классическая литература, открывается новый человечно-свободный период. При помощи теологической и эстетической критики Лессингу удалось завоевать разуму самостоятельность. К той же цели были направлены усилия Эммануила Канта (1724—1804) из Кенигсберга. Он достиг ее путем строго философского критицизма, который дал его системе название критического идеализма. Главнейшее произведение этого смелого мыслителя, перевернувшего вверх дном все прежнее мировоззрение и совершившего революцию в мире мысли, перед грандиозностью которой бледнеют все явления великого французского государственного переворота, есть его «Критика чистого разума» (1781). Эта критика разрушает как просвещенный деизм, так и все ортодоксальные фикции.

Доведя свой анализ до первых источников нашего знания и исследовав эти источники, Кант ставит человека средоточием мира. Самосознательное человеческое «я» априори есть центр, обуславливающий собою все

Иммануил Кант. Старинная гравюра на меди

предметы как объективирование того же познающего «я». Нетрудно вывести последствия этого положения: человек не может стать выше человечества, поэтому все понятия в сверхестественном суть не что иное, как игра фантазии, пустые призраки, переходящие по преданию от одного поколения к другому и не имеющие под собой ни малейшей реальности. В своих позднейших произведениях «Критика практического разума» (1785), «Критика суждения» (1787) Кант снова признает отвергнутые им в «Критике чистого разума» понятия Бога и бессмертия как необходимые постулаты практического разума, без которых невозможно разрешить противоречия, встречающиеся в мире. Философия Канта составляет гранитный фундамент, на котором покоится свобода немецкого ума. Восторженные ученики и толкователи критической системы, первое место между которыми бесспорно принадлежит, Рейнгольду, освободили ее от слишком тяжелой формы, и вскоре отпечаток ее сделался заметен на всех явлениях умственной жизни немецкого народа, ее влияние сказалось во всех областях знаний. Неумолимая логика кенигсбергского мыслителя расчистила тысячелетнюю копоть, затемнявшую немецкий ум, и придала немецкой мысли мужество бестрепетно созерцать строгий и блестящий лик незакрытой истины.

Высокий гений, подобный Канту, был необходим среди тревог и волнений, обуревавших умы Германии три последних десятилетия прошедшего века, он один мог указать движению его правильный путь. В то время как рассудительные люди вроде юмориста Гиппеля со спокойной умеренностью старались разрешать задачи прогресса, молодое поколение среди туманной, но титанической «бури и борьбы» тратило лучшие силы, преследуя неисполнимые предприятия и пустые мечты. Критика Лессинга раскрыла всю бедность немецкой литературы и ввела Германию в мир Шекспира, впервые сделавшегося известным немцам в переводе Виланда. В то же время Винкельману удалось открыть немецким глазам всю красоту изображений греческих богов и героев, а пламенное стремление Руссо к непосредственному общению с природой нашло отголосок во многих сердцах и по эту сторону Рейна; молодые умы провозгласили своим лозунгом — «Природа и свобода», и направили все свои усилия, чтобы расшатать столбы предания, поддерживавшие храм филистерства. Всему гнилому, заплесневелому и в области мысли, и в нравах, и в одежде была объявлена война, все сословные и корпоративные предрассудки были отвергнуты с презрением; насмешки сатир сыпались на все отжившие формы общественного строя. Среди всеобщего брожения перекрещивались самые странные противоположности. Против прогресса в стиле Фридриха и в стиле Николая, и на крайнем севере и на крайнем юге, возникла

Г. К. Лихтенберг

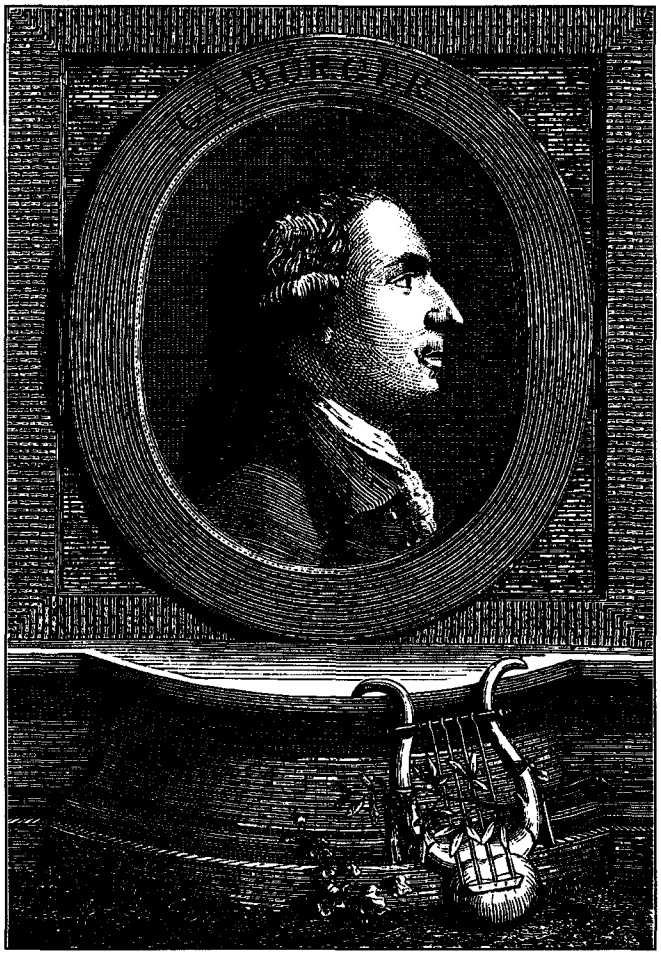
сильная реакция в духе бурной гениальности. Иоганн Георг Гаманн из Кенигсберга, «северный маг», мечтавший детской верой в Библию прогнать «старческий дух Просвещения», которым страдало общество, и Иоганн Каспар Лафатер из Цюриха, в котором приторная слезливость не исключала собой духа исключительного, нетерпимого фанатизма, — оба с авторитетом оракулов восстали против нового направления. Их мнения

нашли поддержку в учении мечтателя-духовидца Юнга Штиллинга и «философа чувства» Якоби. Игра в дружбу чередовалась с игрой в физиогномику и тайные общества. В Швабии весь вулканизм современного направления неистово выливался наружу в поэзии и публицистике Шубарта, но в Геттингене трезвый ум Кестнера и непогрешимо здравый смысл юмориста Георга Кристофа Лихтенберга сдерживали крайности. Это брожение было знаменательно. Просвещенный патриотизм Георга Форстера ясно предвидел сквозь его хаос настоятельную необходимость политического переворота.

Э. Хартманн. «Гердер»

Лессинг нашел продолжателя своей деятельности в Иоганне Готфриде Гердере (1744—1803) из Морунгена, в Восточной Пруссии. Культурно-историческую и национально-литературную задачу Гердера составляло примирение античного образования с христианским. Полной оценкой всех рассеянных повсюду сокровищ цивилизации он пытался уяснить космополитическое назначение немецкой литературы и запечатлеть ее навсегда печатью гуманности. Его плодотворные занятия Гомером, Шекспиром и Оссианом, восточной и испанской литературой расширили горизонт немецкого ума и образовали естественный переход от критики к оригинальному творчеству. Полное развитие деятельности Гердера представляют, с одной стороны, его «Голоса народов в песнях» (1778—1779), а с другой — «Мысли об истории человечества» (1784). Оба эти произведения, оказавшие столь благотворное влияние на поэзию и историографию, вполне проникнуты идеями гуманизма. И то и другое изображает процесс развития человечества; бесконечное усовершенствование нашего рода является как результатом этого развития.

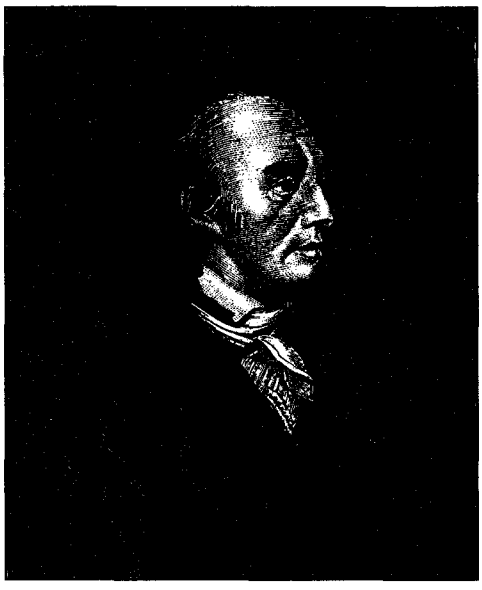
Переходя от Гердера, посредника между критикой и творчеством, к ближайшим проявлениям этого творчества, мы встречаемся прежде всего с геттингенским обществом «Гайнбунд». В Геттингене собралось несколько человек, живо сочувствовавших литературному движению и одушевленных искренним стремлением посвятить ему свои силы. С этой целью



Г. А. Бюргер. Старинная гравюра на меди

они основали, совершенно в духе всех обществ того времени, формальный союз поэтов с клятвой — сохранять «религию, добродетель, чувство и чистое невинное остроумие». Союз этот по господствовавшему в нем настроению и по всей своей внешности может быть назван прототипом позднейшего старонемецкого буршества. В основе «Гайнбунда», патроном которого признавался Клопшток, лежал клопштоковский тевтонизм, первобытный патриотизм и поклонение древним бардам, созданным новейшим воображением. Иоганн Генрих Фосс (1751—1826), два графа Штольберга, Христиан и Фридрих, Людвиг Гелли, Иоганн Мартин Миллер (впоследствии знаменитый автор чувствительно слезливого романа «Сигварт») и другие принадлежали к этому союзу. Буа и Гекинг редактировали орган общества, «Геттингенский альманах муз», основанный в 1770

году и вызвавший впоследствии множество подражаний. В более или менее близких отношениях с союзом состояли Лейзевиц, автор трагедии «Юлий Тарентский», Маттиас Клавдиус («Вандсбекерский вестник»), многие из глубоко прочувствованных песен которого пользовались необыкновенной популярностью, и Готфрид Август Бюргер (1748—49), выдающийся между сотоварищами своими несчастиями и своим гением, творец немецкой баллады, на вечные времена заслуживший себе любовь родины. «Гайнбунд» скорее замечателен как социальное, нежели как литературное явление. Его «песни бардов» давно забыты, но отношение его членов к современному им обществу, их участие в борьбе и неистовствах этого общества до сих пор представляют много интересного. Стремления их обратить поэзию в действительность представляют собой странную смесь безвредного идиллизма и идеалистического патриотизма; хотя эти стремления, как и можно было предвидеть, остались совершенно бесплодными, однако не следует забывать, что они сильно содействовали возрождению общественного мнения, обновлению немецкого ума. Фосс, автор прелестной идиллии из быта поселян, мелких бюргеров и пасторов, оказавший незабвенную услугу немецкой культуре своим переводом Гомеровых рапсодий, был душой общества. Он превосходно охарактеризовал его в своих письмах. «Ах! 12 сентября (1772) вам бы стоило быть здесь, — писал он одному другу. — Оба Миллера, Ган Геллти и я отправились с вечера в одну соседнюю деревню. Погода была превосходная, луна ярко светила. Мы полностью предались наслаждению природой. Мы поели в крестьянской избе молока и отправились в открытое поле. Здесь нам попалась маленькая дубовая рощица, и мы вздумали тотчас все вместе поклясться в дружбе под этими священными деревьями. Мы обвили шляпы венками из дубовых листьев, положили их под дерево, взялись за руки, стали танцевать вокруг, призывали луну и звезды в свидетели нашего союза и поклялись в вечной дружбе. Потом мы дали обещание сходиться на наши уже обычные собрания (для прочтения и разбора новых стихотворений) еще с большей аккуратностью и торжественностью. Я по жребию был выбран председателем». Дальше идет описание собраний общества: «По обеим сторонам стола, украшенного дубовыми листьями, сидели ученики бардов. Начали провозглашать тосты. Буа взял стакан, встал и вскричал: «Клопшток!» Каждый последовал его примеру: произносил имя великого человека и после нескольких секунд священного молчания выпивал свой стакан. Потом пили в честь Рамлера, Лессинга, Глейма и т.д. Кто-то назвал Виланда, кажется, Бюргер. Все встали с полными стаканами: «Смерть развратителю нравов Виланду! Смерть Вольтеру!». Или в другом месте: «День рождения Клопштока мы праздновали



И. Г. Фосс.
Гравюра на меди

великолепно. Накрыт был большой стол, украшенный цветами. На верхнем конце его стояло пустое кресло, предназначавшееся Клопштоку; на нем лежали все его произведения. Под стулом лежали сочинения Виланда. Они должны были служить зажигательной бумагой для сигар. Даже некурящий Буа должен был зажечь листок и стукнуть ногой по книге Виланда. Потом мы пили рейнвейн за здоровье Клопштока, в честь Лютера и Германа. Мы говорили о свободе, о Германии, о добродетели, и ты можешь, себе представить, как мы говорили. В заключение мы сожгли сочинения и портрет Виланда». Вот еще одна выписка: «Клопшток, величайший поэт, первый из современных нам германцев, благочестивейший человек, хочет принять участие в союзе юношей. Он хочет также пригласить Герстенберга, Шенбарна, Гете и других настоящих немцев, чтобы соединенными силами удерживать поток порока и рабства. Бог поможет нам, ибо мы берем лозунгом свободу и добродетель». Какой контраст между этими сценами академического «Гайнбунда» и дикой студенческой жизнью, изображаемой Лаукгардом! Но блестящие надежды, возлагаемые на общество Фоссом, не осуществились. Этот кружок не создал ни одного великого поэтического произведения — баллады Бюргера не имеют ничего общего с тенденциями «Гайнбунда», — и общество естественно распалось, как только прервана была связь академической жизни. Как разнородны были его элементы, можно видеть из последующей жизни двух замечательнейших личностей союза: Франца Штольберга и Фосса. Штольберг, доходивший в своих бардидах до громоносного безумия, одним salto mortale перескочил от первобытных лесов к восхищению французской революцией, но вскоре с сокрушенным сердцем возвратился к средневековому феодализму, принял католичество и кончил, по выражению Фосса, настоящим «попиком» Фосс, наоборот того, от тевтонской туманности перешел к ясному осознанию современных потребностей и оставался на всю жизнь заклятым врагом всякого мистицизма, безусловным демократом и рационалистом; он нанес тяжелый удар Штольбергу своим

сочинением «Каким образом Фриц Штольберг превратился в раба?» постоянно восставал против всякого романтизма и в своей упорной приверженности к принципам Просвещения не боялся даже казаться смешным, как, например, в своей деистической исповеди, кончающейся таким комично тривиальным заключением[7].

В то время когда геттингенцы старались осуществить свои поэтические идеалы при помощи тесно замкнутого союза, в прирейнских и примайнских странах формировалась другая группа молодых сторонников «бури и вихря». К этой группе принадлежали: Рейнгольд Ленц, безумно гениальные произведения которого перешли впоследствии в настоящее

В. Фридрих. «Основание геттингенского содружества поэтов «Роща»

сумасшествие, Фридрих Максимилиан Клингер, автор юношески-бурной драмы «Буря и Вихрь», давшей имя всему этому периоду литературы; Клингер, который впоследствии в длинном ряду трагедий и романов сумел соединить энтузиазм перед природой Руссо с покорностью стоицизма; потом Леопольд Вагнер и Людвиг Филипп Ганн, не оставившие после себя никаких замечательных произведений и, наконец, Гете. Живописец Фридрих Мюллер также может быть причислен сюда же, хотя первые стихотворения написаны в тевтонском, а позднейшие — в романтическом духе. Юные поэты прирейнских и примайнских стран были вполне проникнуты могучими революционными идеями своего времени. Любимой поэтической формой этих писателей была драма, в противоположность лирике членов «Гайнбунда»; «в быстром ходе действий смелые юные служители муз противопоставляли старым преданиям обуревавшие их чувства и убеждения». Их пророком был уже не Клопшток, а Шекспир, поклонение которому доходило до обожания. Описывая в автобиографии свою жизнь в Страсбурге, Франкфурте и Гиссене, Гете называет это время «временем требований; потому, говорит он, что мы обращались к себе и к другим с требованиями, которым до сих пор еще не мог удовлетворить ни один человек. Лучшие, мыслящие и чувствующие умы пришли к убеждению, что непосредственное, самостоятельное созерцание природы и деятельность, основанная на этом созерцании, есть лучшее благо, какого может пожелать человек. Стремление к свободе и к природе казалось всем делом весьма не трудным, каждый воображал, что без всяких внешних вспомогательных средств имеет довольно материала и содержания в самом себе и что надо только достаточно развить этот материал». Но именно это-то достаточное развитие удалось одному только человеку — Иоганну Вольфгангу Гете (1749—1842) из Франкфурта-на-Майне.

Гете осуществил требования, которые Лессинг и Гердер ставили немецкому гению. Весь ход немецкого литературного развития подготавливал собой появление настоящего первоклассного поэта, и Гете был этим поэтом. Гете совмещал в себе все, чего недоставало немецкой поэзии; народное содержание, облеченное в оригинальные формы, печать идеализма на реальном материале — все это дал своему народу автор «Геца фон Берлихингена» (1773) и «Страданий молодого Вертера» (1774). Эти произведения, написанные лучшей кровью того времени и, несмотря на всю свою неправильность, достигающие художественного совершенства, как громом поразили все умы. Они возбудили беспримерный восторг и стали памятником лучшей победы, одержанной великим гением в царстве прекрасного. Постоянное развитие Гете, пока он не достиг высшей степени

Э. Климш. «Мать Гете и мать Шиллера»

художественности как лирик в чудно-трогательных песнях, возвышенных одах и прелестных элегиях, как эпик в несравненных балладах, в «Вильгельме Мейстере» и в мещанском эпосе «Германн и Доротея», и как драматург в «Эгмонте», «Ифигении», «Тассо», и наконец, в своем лучшем произведении, составляющем гордость немецкого народа и представляющем величайшее создание европейской поэзии — в «Фаусте». Все это слишком хорошо известно каждому образованному человеку, так что нам нет надобности распространяться об этом.

Рядом с Гете продолжателем его деятельности, участником его славы является Иоганн Христоф Фридрих Шиллер (1759—1805) из Марбаха в Нижней Швабии. Его первые произведения принадлежат к периоду «Бури и Вихря». Титанические стремления этого периода нашли отголосок в его «Разбойниках» (1781), «Фиеско», «Коварстве и любви». Изучение истории и кантовской философии было столь же благодетельно для молодого поэта, как занятия естественными науками, изучение итальянской природы и древних образцов искусства для Гете. «Дон Карлос» и письма об эстетическом образовании человека знаменуют переход Шиллера

НЮРНБЕРГ

Э. Хартманн. «Шиллер»

Э. Хартманн. «Гете»

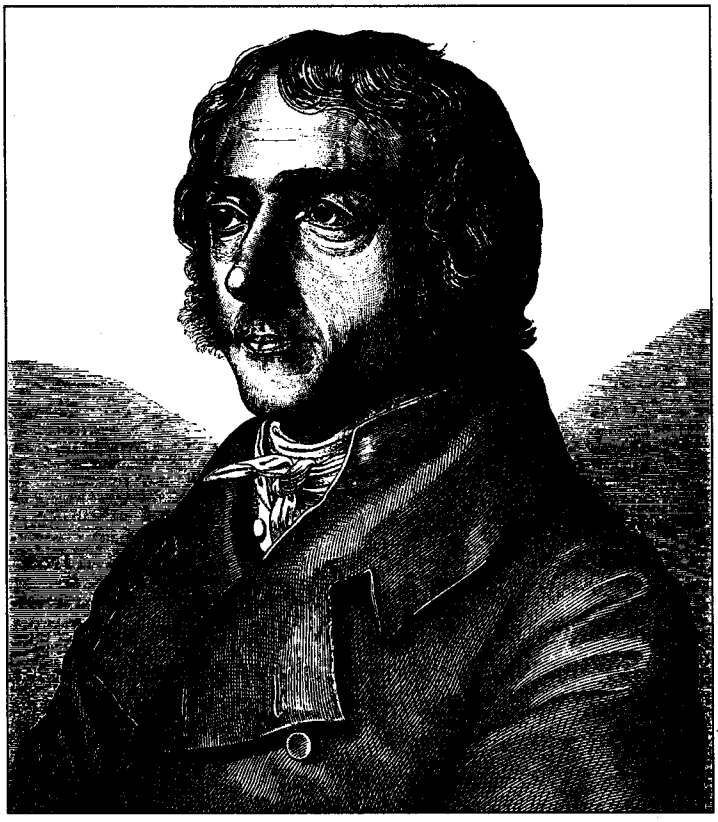
в высшую сферу искусства; в трилогии «Валленштейн» он достиг кульминационной точки этой сферы и распросщался с нею «Вильгельмом Теллем» в полной силе своего гения: «с высоты человеческого бытия он прямо перешел к вечному блаженству». С 1794 г. он был связан тесной дружбой с Гете. Вместе с ним в 1797 году вел он свой «великий суд» над всякой низостью, подлостью и гадостью в литературе, известный под именем «борьбы мнений». Как во взаимных отношениях Гете и Шиллера, так и в их произведениях реализм одного служит дополнением идеализму другого, к великому благу немецкого развития. В совокупности они представляли лучший цвет новейшего эллинства, гречески-благородную форму, проникнутую немецким духом. Но, несмотря на тесный союз, оба они выполняли свое призвание весьма несходным образом. Гете, как вполне свободный художник, завершает собой период эстетического развития немецкой культуры. В Шиллере мы видим переход от идеи красоты к идее свободы, от свободного искусства к свободному государству, от свободного человека к свободному гражданину. Гете — немецкий художник pat excelence, Шиллер — немецкий пророк, на закате жизни еще раз замечательно выказавший свой пророческий дар, указав в «Телле» переход немецкого духа от космополитизма к патриотизму.

«Когда короли строят — и извозчикам есть дело». Но извозчики сумели гораздо больше королей; толпа подражателей была так велика, что

за множеством подражаний не стало видать и оригиналов. Чувствительный Лафонтен со своими романами, бранчливый Лангбейн с неприличными шутками, авторы трогательных драм Шредер и Иффланд, Коцебу, виртуоз в драме и в различных подлостях, — вот каковы были подражатели юношеских произведений Гете и Шиллера, наводнявшие своими сочинениями и театр, и литературу. Изредка появлялся писатель вроде Гейнриха Чшоке (1771—1846), возвышавшийся от полного подражания до счастливой и полезной популяризации гуманных идей классиков. Но и классическая поэзия еще имела своих представителей. Над поэтической, ландшафтной живописью Маттисона и Салиса, над элегической дидактикой Тидже, как орел над стаей щебечущих ласточек, возвышается Фридрих Гельнер (1770—1853, из Лауффена в Швабии), могучий лирик, трогающий наше сердце не меньше Гете и представляющий нам чудную смесь германизма и гелленизма. Классическими можно назвать также идиллии Иоганна Петера Гебеля (1765—1826). Кроме истинно поэтического содержания и художественной формы, они замечательны еще и тем, что показали немцам (особенно южным), что такое верность природе и истинное чувство и поселили отвращение к плаксивости, введенной в моду разными Сигвартами и Иффландами.

Философия, подобная кантовской, не могла прозябать бесплодно среди своей школы, она неминуемо должна была оказать влияние на все отрасли умственной жизни. Посредственно или непосредственно она приводила всякого, кто не хотел оставаться позади своего времени, к мужественному образу мыслей, к самостоятельному исследованию. В то время, когда Гете и Шиллер своими творениями создавали славу немецкой литературе, немецкая наука торжествовала новые победы во всех отраслях знаний. Лингвистические и археологические изыскания Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835), который довел научную критику до художественного совершенства, и Фридриха-Августа Вольфа (1759—1824) дали совершенно новые выводы, очень благоприятные для гуманистических идей. Иоганн фон Мюллер (1752—1809) создал художественный слог немецкой истории. Бартольд Георг Нибур (1777—1831) впервые показал в своей римской истории всю тонкость и все беспристрастие немецкой исторической критики. Кантовская философия легла в основу достойной исторической деятельности Фридриха-Христофа Шлоссера (р. в 1776 году), с юношеской свежестью продолжавшейся до последнего времени. Густав Гуго (ум. в 1844 году), Ансельм Фейербах (ум. в 1833 году) и К. С. Цахариа (ум. в 1843 году) подвергли остроумным, гуманно-реформаторским изысканиям историю, теорию и практику права. Кантовские идеи подвинули вперед и естественные науки; в то же время ученые, вроде

Бамбергский собор



Бартольд Георг Нибур. Гравюра на меди

Эйлера усовершенствовали математику. Все чаще употребляемые понятие о природе как о целом организме принесло свои плоды в трудах Блуменбаха по физиологии, Землефинга по анатомии, Гуфеланда по практической медицине; оно же привело Абрахама Готтлиба Вернера, основателя научной геологии, к его великим открытиям.

Воспитать народ в свободе посредством поклонения красоте, положить знание, приобретенное путем спокойного, неудержимого прогресса, в основу гуманной деятельности, космополитическим направлением в литературе подготовить космополитическое влияние немецкого духа — вот цель, одушевлявшая немецких классиков; вот великая умственная революция, неразрушимые завоевания которой закреплены трудами Лессинга и Канта, Гердера, Гете и Шиллера в то самое время, когда французская революция разрушила феодальное государство. Творческий дух, воодушевлявший умственную жизнь Германии, отразился и на искусстве. Впрочем, его влияние не было особенно сильным на так называемых

пластических искусствах: архитектуре, скульптуре и живописи. Государи-меценаты принимали участие в составлении коллекций древних и новых образцов. В Дюссельдорфе, Дрездене, Вене, Берлине и других городах галереи наполнялись лучшими произведениями итальянской и нидерландской живописи, возникали новые школы искусства. Немецкая живопись была сильно продвинута вперед, благодаря трудам Рафаила Менга, Филиппа Гакерта, и Анжелики Кауфман; гениальный Кодовиеки усовершенствовал литографию. Но для того чтобы возможны были действительно оригинальные и великие творения как в живописи, так еще более в скульптуре и архитектуре, в плоть и кровь нации должны были войти, с одной стороны, убеждения, выработанные воскрешением античного искусства Винкельманом, а с другой — идеи, содержащиеся в творениях немецких классиков, — только при таких условиях пластические искусства могли достичь того развития, которого они дождались в XIX столетии.

Не то было с музыкой. Немцы всегда были одним из самых музыкальных народов и мало обращали внимания на слова одного древнего, что надо сочинять музыку там, где хотят иметь рабов. К несчастью, даже слишком мало. Изречение древнего мыслителя заключает в себе одну великую истину: излишнее развитие музыкальности притупляет умственную деятельность; разнеживая чувства, оно убаюкивает людей и постепенно увлекает их в рабство. Уже в средние века вокальная и инструментальная музыка была предметом школьного преподавания и изобретательный гений механики обогатил ее (особенно во время Реформации) многими важными изобретениями. Это искусство, менее всех других зависящее в своем развитии от внешних обстоятельств, наиболее соответствовало характеру немецкого народа. Развитие музыки неудержимо шло вперед, и в XVIII веке после Баха и Генделя она достигла в редком сочетании теории с практикой высшей степени человечно-свободной красоты. Все, что сделали в новейшее время для теории музыки Тибо, Винтерфельд, Кизеветер и другие, — все это основано на началах, положенных еще в прошедшем столетии Матесоном в его главном сочинении «Совершенный капельмейстер» — этом фундаменте немецкой музыкальной эстетики, и Марпугом в его трактатах о контрапункте, представляющих, по признанию французов и итальянцев, образцы немецкого глубокомыслия. С этой разумно выработанной теорией соединялась и творческая сила на практике. Георг Банда (1721—1795) своей «Ариадной» ввел в Германию мелодраму, Иоганн Адам Гиллер (1728—1804) — оперетту, а Иосиф Гайдн (1731—1809) создал свои прелестно-веселые симфонии и квартеты и чудные музыкальные картины: «Творение» и «Времена года». Христоф Глюк

Э. Хартманн. «Гайдн»

Э. Хартманн. «Глюк»

(1714—1787) был настоящим основателем более благородного стиля в музыке. Он противопоставил итальянской мягкости и изнеженности и французской вычурности и неестественности глубину и искренность немецкого чувства, возвышенный полет немецкой фантазии. Благодаря ему, немецкая музыка одержала блистательную победу в чужих краях: его опера «Ифигения в Авлиде» давалась в Париже среди неслыханного грома рукоплесканий; за 2 года она была повторена 170 раз. Позднейшие оперы: «Ифигения в Тавриде» и «Нарсис» суть лучшие произведения Глюка; его гений имел ту особенность, что он достиг своего полного развития только в зрелом возрасте. За Глюком следовал Иоганн Вольфганг Моцарт (из Зальцбурга, 1756—1791), великий и в церковной музыке и как автор симфоний, квартетов и сонат, но еще более великий как творец немецкой классической оперы. Мелодии и гармонии его опер «Похищение из сераля», «Свадьба Фигаро», «Волшебная флейта» приводили в восторг его современников и будут точно также восхищать их позднейших потомков, а «Дон-Жуан» с таким же правом может быть назван всемирным музыкальным произведением, как «Фауст» Гете — всемирным поэтическим произведением. В нем необъятно высокий гений соединил в одно художественное великое целое нежность, любовь, веселость юга и здоровое немецкое глубокомыслие. Подобно тому, как рядом с Гете стоит

Э. Хартманн. «Моцарт»

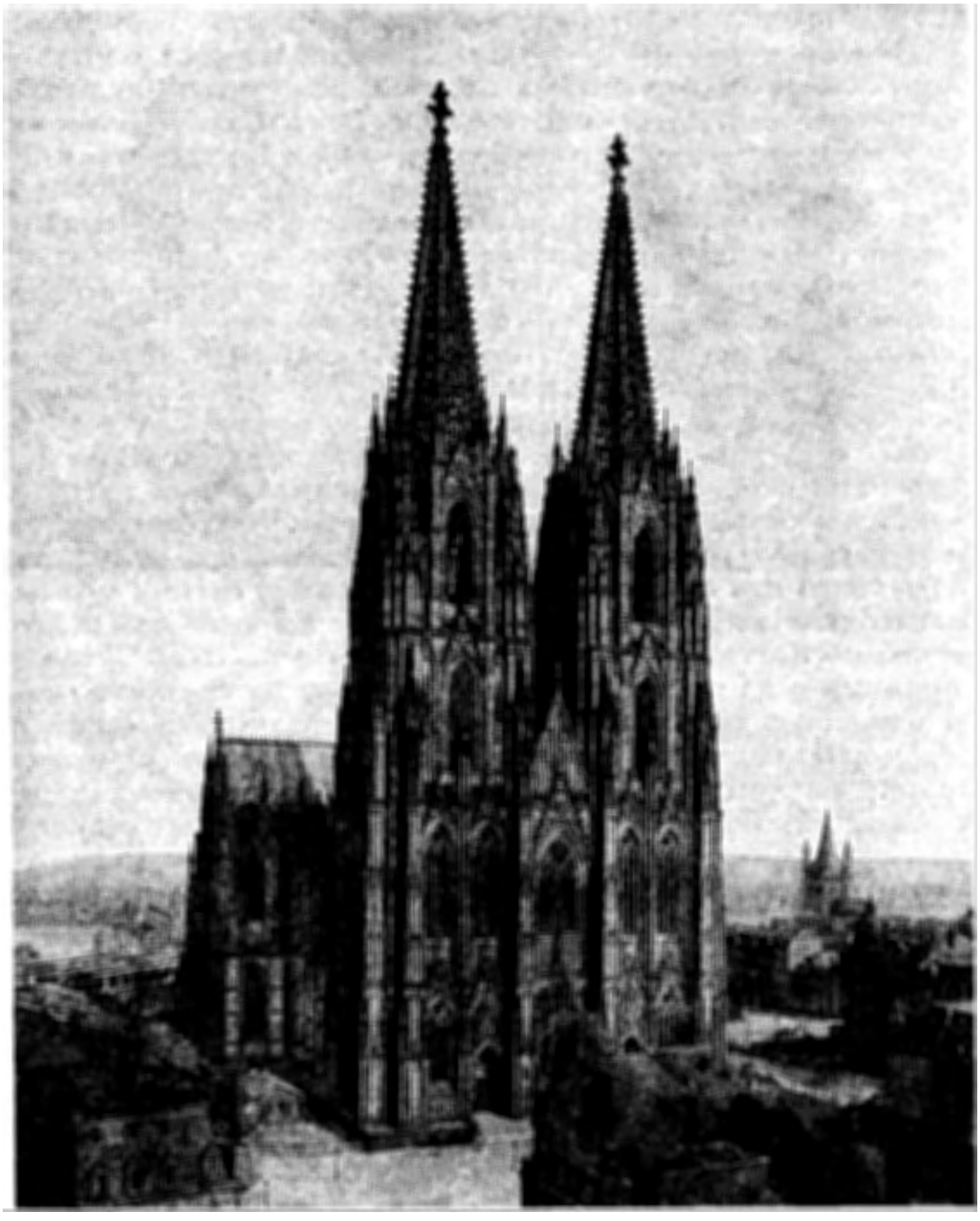
Э. Хартманн. «Бетховен»

Шиллер, так рядом с Моцартом является Людвиг ван Бетховен из Бонна (1770 – 1827). Бетховен, своими 9 симфониями доведший до высшего совершенства этот род музыки и уже за одну оперу «Фиделио» достойный величайшей славы, соединял со смелым, орлиным полетом идеализма самое свежее, неподдельное чувство. Один знаток отлично определил его отношение к Гайдну и Моцарту, сказав, что из прелестно- фантастичного загородного домика гайдновской музыки Моцарт выстроил великолепный дворец, а на этот дворец Бетховен поставил свою величественно-смелую башню, над которой едва ли кто-либо надстроит еще что-нибудь, не сломав себе шею.

Немецкой драме трудно было завоевать себе прочное положение и уважение, пока рядом с ней стояла опера, пользовавшаяся, как мы уже видели, покровительством дворов и поглощавшая огромные суммы. Однако мало-помалу драме удалось занять место подле блестящей соперницы. Первым шагом к этому успеху послужило основание постоянного театра. Первой постоянной труппой была гамбургская труппа Конрада Аккермана, к которой принадлежал и Конрад Экгов (1767). Здесь был основан первый немецкий «народный театр». Вслед за ним подобные театры явились и в других городах, как, например, в Вене, где Иосиф II

(1776) принял под свое непосредственное покровительство немецкую сцену и основал придворный театр, уничтожив дорого стоивший балет. Драматическая деятельность Лессинга, ближайшее знакомство с Шекспиром, электризовавшие публику юношеские драмы Гете и Шиллера, основание более обширных народных театров в Маннгейме и Берлине, появление таких талантливых актеров как Шредер, Белль, Бек, Иффланд и Флек — все это вместе содействовало возвышению народного театра и возбуждению общего к нему сочувствия. Высшего процветания театр достиг в веймарской школе в 1791 — 1805 гг. Когда Гете управлял веймарским театром; Шиллер равным образом оказывал на него влияние. Но веймарская сцена не долго могла оставаться на той идеальной высоте, на которую подняли ее великие друзья. И здесь явился обыкновенный трагикомический финал: оказалось, что самый лучший народный театр все-таки не более чем игрушка придворных. Гете как директор театра должен был наконец уступить — собаке. Да, это также характерная черта в истории немецкой культуры. Одна французская мелодрама — «Собака Обри», в которой главную роль играет пудель (живой пудель), произвела фурор в Германии (один комедиант путешествовал повсюду со своей собакой, выдрессированной для этой роли). Веймарские придворные дамы не могли противостоять искушению посмотреть, как выступает собака; Гете воспротивился этой пошлости, но знатные любительницы собак сумели склонить на свою сторону герцога. Гете отказали в должности директора. А пудель начал выделывать свои штуки (1817) там, где за несколько дней до этого образованные актеры создавали образы Валленштейна и Эгмонта. Эдуард Девриент сделал очень справедливое замечание по поводу этой истории: «Колыбель идеальной драмы, хранилище искусства, развившее в театре благородный вкус, возвышенный образ мыслей, — унизились до уровня собаки»!

Оглянувшись еще раз на классический период немецкого искусства, мы увидим в конце его две великие личности, которые служат в то же время как бы переходом к следующему фазису развития. Это были философ Иоганн Готлиб Фихте (из Рамменау в Обергаузице 1762—1814), и юморист Жан-Поль Фридрих Рихтер (1763—1825, из Вунзиделя в Фихтельгеберге). Первый из них завоевал полную свободу мысли, второй полную свободу чувства. Философия Фихте, как она выступает с полной смелостью и оригинальностью в его «Учении о науке», 1794), доводит критический идеализм Канта до абсолюта, теоретически доказывая абсолютную свободу субъекта и ставя самосознающее человеческое я высшим принципом, производительным фактором предметных объектов. Основываясь на этом я, Жан-Поль Рихтер в своих стихотворениях (оригинальные



Кельнский собор

Фихте

Жан-Поль Рихтер

свойства которых яснее всего проявляются в «Титане» 1800—1803), изощряет остроумие над чувственными предметами и, измеряя их идеалистическим масштабом, уничтожает посредством контраста с идеей. Необыкновенно роскошная фантазия юмориста, глубина и нежность его чувства доставляли романам Рихтера громкую известность. В особенности он был кумиром женщин. Увлекаясь его прелестными картинами природы и чувств, они не обращали внимания на недостатки романов. Главным достоинством этих романов было то, что в них предоставлялась полная свобода чувству, главным недостатком — то, что они провозглашали произвол гения высшим законом искусства и, кроме того, своим прославлением бедствий жизни развивали бесцельно сентиментальную мечтательность. Этого последнего Жан-Поль, конечно, не желал. И он, и Фихте — оба ужаснулись бы, если бы могли предвидеть, что проповедуемое ими учение о безусловном праве личности содержит в себе зародыши новой литературной школы, романтики, ставившей заносчивость на место свободы, бездушную иронию — на место святого энтузиазма, ограниченное, низкопоклонное германофильство — на место космополитической гуманности.

Глава V
ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Государственное управление, имперское войско и юстиция. — Прусское и австрийское войско. — Торговля людьми. — Кабинетная политика и кабинетное правосудие. — Реформы Фридриха и Иосифа. — Движения в католической и протестантской церквах. — Германия и французская революция. — Конец Священной Римской империи.

До катастрофы 1801 г., отдавшей левый берег Рейна в руки французской республики, политическая жизнь Германии как нации вращалась в устарелых формах механизма, созданного Вестфальским миром. Представителем империи считался по-прежнему избранный император, хотя Габсбурги сумели сделать это достоинство своим наследственным правом. Дела империи решались в высшей инстанции рейхстагом. Рейхстаг состоял из трех коллегий: курфюрстской, рейхсфюрстской и рейхсштадтской. Курфюрсты, как избиратели императора, посредством «условий избрания», предоставляемых ими будущему главе Священной Римской империи, довели мало-помалу до того, что императорская власть превратилась в пустой призрак и немецкое государственное устройство вполне приняло вид олигархии. В коллегии имперских князей, лично или через представителей, участвовали все духовные и светские князья Германии, так что до 1803 г. в коллегии считалось 63 голоса, принадлежащих светским, и 35 — духовным особам. Кроме того, в этой коллегии заседали с правом голоса графы империи и прелаты, но они вотировали не каждый отдельно, а по скамьям, на которых сидели человека по 2 или по 4; каждая скамья считалась за один голос. Коллегия имперских городов разделялась на две скамьи: рейнскую и швабскую, первая имела 14, вторая — 37 голосов. Средневековый обычай, по которому император и имперские чины лично являлись на рейхстаг, давно исчез. В 1663 г. император Леопольд I в последний раз появился на регенсбургском рейхстаге. С этого года рейхстаг из периодического превратился в непрерывный. Постоянные опасности со стороны Турции и вражда с Францией не допускали перерыва в занятиях. Поэтому уполномоченные представители государственных сословий на рейхстаге приняли постепенно характер посланников.

Леопольд I Германский

РЕГЕНСБУРГ

der Steinern
burg.
Regenſpurg.

Делами рейхстага, имевшего свое местопребывание в Регенсбурге, заправлял эрцканцлер империи, курфюрст Майнцский. Дела эти шли страшно медленно; среди мелочных формальностей, постоянной переписки и пересылки разных документов, повелений, и проч. забывались самые дорогие интересы отечества. Обсуждение какого-нибудь дела начиналось с представления императорского предположения и кончалось голосованием, после тяжелых и длинных прений коллегий, совещавшихся отдельно. Затем составлялся доклад и представлялся на ратификацию императору. Император мог согласиться или нет с мнением рейхстага; в последнем случае вся эта тяжелая махина снова пускалась в ход. Право самостоятельного выбора между коллегиями, несогласными по какому-либо вопросу, не было предоставлено главе империи. Самые важные дела, заключающие в себе тайну, решались депутациями, т. е. комиссиями, избираемыми из представителей сословий; отсюда произошло выражение — «Reichsdeputations haupschluss (главное решение имперской депутации»). Дело затягивалось до бесконечности, если возникали столкновения между двумя религиозными фракциями рейхстага — католической и лютеранской. А если мы прибавим еще постоянное соперничество между Австрией и Пруссией, тысячи неудовольствий и споров между сотней членов рейхстага, их напыщенное ученое педантство, прибавим все, что интриговало, полемизировало, протоколировало и протестовало в рейхстаге, — тогда мы легко поймем, почему Гете заставляет лягушку-патриотку петь в погребе Ауэрбаха: «Das liebe heil'ge ruishe Reich, wie hults nur doch zusammen?» («Дорогая моя Священная Римская империя, как это ты еще держишься, не распадаясь?»). Прения рейхстага о налогах и войске в ту минуту, когда император настоятельно нуждался в скорой помощи для спасения империи от опасности, заставляют нас отвернуться с горьким презрением от этого «национального собрания», в котором не было ни малейшей мысли о спасении чести немецкой нации!

Вопросы о превышении князьями власти рейхстаг спокойно мог и не поднимать: все государственное устройство ручалось за то, что его решения не будут приведены в исполнение. Одним словом, рейхстаг был мишенью для насмешек в собственном отечестве и предметом презрения для иностранных держав.

Та же судьба постигла и немецкую имперскую армию, особенно после того позора, каким она покрыла себя в Семилетнюю войну. Империя сама по себе не имела постоянного войска. Когда рейхстаг решал, что империя должна вести войну, армия собиралась из контингентов всех стран, входивших в состав империи. Ее наполняли обыкновенно инвалиды и разные негодяи. Каждый из округов, на которые делилась империя, выстав-

лял свой корпус, свой окружной генералитет и свою военную кассу. Генерал-фельдмаршал был главнокомандующим. Вооружение, дисциплина и вся организация армии были в высшей степени жалки, поэтому военные операции имперского войска имели самое поразительное и несчастное сходство с дипломатическими операциями рейхстага. Два высших судебных учреждения империи, рейхскамергерихт в Вецларе и рейхсгофрат в Вене, круг власти которых нельзя разграничить точно, равным образом страдали общей для всей империи вялостью. Однако они все-таки были лучшими учреждениями империи. Правда, процессы тянулись там целые сотни лет по пустыням бесконечных документов, но все же эти суды не раз доказывали, что существует граница, дальше которой немецкие государи не могут изощрять свою тиранию.

Лучшие силы немецкой земли гибли среди несчастной династической и кабинетной вражды. Эта вражда породила завоевательную, основанную на различных интригах, политику. За войнами за испанское и австрийское наследство последовала Семилетняя война. А вслед за тем дипломатическое ослепление вовлекло Германию в борьбу против французской революции — борьбу, доказавшую все бессилие, всю дряхлость немецкой империи.

Среди всех этих бедствий княжеская власть достигла утонченно-абсолютного совершенства. В продолжение целого столетия господствовал самый явный деспотизм. В развитии этого деспотизма мы можем отличить две совершенно противоположные фазы: до 1740 года он является грубо безнравственным, высокомерно жестоким, как у Людовика XIV; после этого времени деспотизм делается «просвещенным»: заботится о распространении знаний в народе и даже не брезгует взяться за учительскую указку, по примеру герцога Карла Вюртембергского, основателя училища Карла. Мы говорили уже во 2-й и 3-й главах об этих двух фазах развития власти, теперь мы только расскажем вкратце дальнейшие проявления немецкой государственной жизни. Солдатский король Фридрих-Вильгельм I был совершенно прав, когда утверждал, что политическое существование Пруссии может держаться только на ее военной силе. Он унаследовал от своего отца армию в 30 000 человек; в год его смерти эта армия доходила уже до 90 000 человек. Чтобы укомплектовать ее, он прибегал к жестокой системе вербовки, законность которой основывал на одном тексте Ветхого Завета, гласящем, что царю принадлежит божественное право «отнимать слуг и служанок, сыновей и ослов». Как приводилось в действительность это божественное право, можно видеть из следующего примера. Какой-то высокорослый столяр обратил на себя внимание вербовщика. Тот заказал ему сундук длиной и шириной в него

Зейдлиц

самого. Когда сундук был готов, вербовщик, барон фон Гомпеш, объявил, что он слишком короток. Чтобы доказать противное, столяр должен был лечь в сундук. Гомпеш тотчас же приказал своим людям закрыть крышку ящика и таким образом унес рекрута. Но несчастный не перенес операции; когда открыли сундук, его нашли там задохнувшимся. Ядро армии составлял знаменитый потсдамский полк гренадеров; для него были навербованы 3000 «верзил», вооружение которых должно было служить

образцом для немецкого войска. Их форма состояла из голубого сюртука с вырезанными фалдами, палевого жилета и панталон и белых гамаш. Коса и сильно напудренные волосы считались неизбежной принадлежностью военного костюма. Месячное жалованье равнялось 4 талерам, полковник получал в год 1200 талеров. Но одной вербовки было недостаточно для укомплектования войска, и потому в 1733 году король издал указ, в силу которого каждый пруссак обязан был исполнять военную службу. Исключение составляли только сыновья аристократов, малорослые, также дети бюргеров, имевших состояние от 6000 до 10 000 талеров, дети проповедников и единственные сыновья в семействе. Военная выправка состояла преимущественно в умении ловко владеть оружием и в машинообразном единстве упражнений. Один очевидец рассказывает, что Фридрих-Вильгельм заставлял свои полки стрелять побатальонно, поротно и повзводно с такой быстротой и точностью, как будто он играл на фортепиано. Завоевательная политика Фридриха Великого вынуждала его постоянно держать государство в состоянии принудительной военной монархии. В Пруссии, считая мальчиков и стариков, каждый 27-й человек должен был служить солдатом. После завоевания Западной Пруссии армия доходила до 20 000 человек. Содержание ее поглощало 13 миллионов талеров, т. е. более половины государственных доходов. С тех пор, как успех сражений стал все более и более зависеть от совершенства орудий, артиллерия была значительно усилена. В походе 1761 г. прусская армия имела 145 пушек и 30 гаубиц; в 1778 году, во время войны за баварское наследство, у нее уже было 595 пушек и 216 гаубиц. Фридрих ввел также конную артиллерию, преимущества которой русские весьма убедительно доказали ему в Семилетнюю войну. Чтобы возить оружие и обоз во время Семилетней войны нужно было 8600 лошадей, не считая конной артиллерии. Лучшими солдатами Фридрих считал померанцев.

Все офицерские места, за немногими исключениями, были заняты дворянами. Офицеры были отделены от солдат непроходимой бездной. Армия была безвольной машиной, непокорные элементы которой сдерживали с помощью дисциплины и страшных варварских наказаний (смерть на виселице, шпицрутены, увечье). Хотя при Фридрихе и не совершалось таких вещей, как при его отце, когда часто за малейшую ошибку солдата во время учения офицер ломал ему члены, выбивал глаза и тому подобное, тем не менее отношения между офицерами и солдатами оставались весьма непривлекательными. Так, в 1785 году генерал Меллендорф, губернатор Берлина, вынужден был запретить своим офицерам принуждать солдат к исполнению обязанностей посредством жестокостей, кнута, ударов и ругательств, «так как на службе его величества находятся честные

солдаты, а не мошенники, канальи, ракальи, и собаки». Фридрих был так уверен в покорности своего войска, что часто перед сражением отдавал приказ: «Сегодня не должно быть отступления». При Коллине он вернул в огонь своих отступавших гренадеров словами: «Ракальи, что вы, вечно что ли хотите жить?» Но все-таки он сознавал, что имеет дело с силой, сдерживаемой только с большим трудом. Когда перед началом первой силезской войны старый князь Дессаусский хвалил ему прекрасное состояние войска, Фридрих отвечал: «Меня более всего удивляет то, что мы безопасны среди этих людей; каждый из них — и ваш и мой непримиримый враг, их сдерживает одна только дисциплина и дух порядка». Впоследствии он мог бы прибавить: «и обаяние великого имени».

Когда после смерти последнего мужского потомка Габсбургов разразилась война за австрийское наследство, в австрийской армии насчитывалось 135 000 человек, конечно, только на бумаге; в действительности же под ружьем находилось 68 000 человек. Перед Семилетней войной армия была доведена до 200 000 человек и стоила ежегодно 14 млн. гульденов. Каждый полк пехоты состоял из 2408, каждый полк кирасиров и драгунов из 812 и каждый полк гусаров из 610 человек. Управление войском принадлежало гофкригсрату, который продолжал свою всезамедляющую деятельность даже во время революционных и наполеоновских войн; главное начальство над армией принадлежало генералиссимусу, под ведением его состояло 27 генерал-фельдмаршалов, 12 генералов от кавалерии, 19 генерал-фельдцейхмейстеров и 73 генерал-фельдмаршал-лейтенантов. Наибольшим великолепием отличалась придворная гвардия, гвардия драбантов, старая гвардия гатширов и венгерская гвардия дворян. Начальник последней, князь Эстергази, в торжественных случаях носил на своем мундире брильянтов более чем на миллион. В 1772 году, с введением военной конскрипции, постоянное войско Австрии получило прочное основание. Из всех немецких земель от конскрипции был избавлен один только Тироль. Даун значительно улучшил военные приемы, Лихтенштейн — оружие, однако Пруссия все-таки стояла выше в этом отношении. Война все еще велась старым варварским образом, с помощью отрядов волонтеров, вроде тех, которыми предводительствовали при Марии-Терезии знаменитые партизаны Франц Тренк и Иоганн Менцель. Эти господа и их солдаты производили буквально те же самые жестокости, которые мы описывали выше в главе о Тридцатилетней войне.

Как в Пруссии и Австрии, так и во всей Германии вскоре стало сильно чувствоваться пагубное обособление военного сословия и развитие особенных понятий о военной чести и военном долге. Солдаты, и еще более офицеры, считали себя неизмеримо выше кормившего их народа. Словами

«Я ношу королевский мундир» оправдывалось всякого рода насилие. Даже в самом конце XVIII столетия Фридрих-Вильгельм III был вынужден отдать следующий приказ, свидетельствующий об успехах гуманности и здравых идей: «С большим неудовольствием узнал я, что многие, особенно молодые, офицеры стараются выказывать свое превосходство над гражданским сословием. Я сумею внушить уважение к войску там, где это необходимо, на театре войны, где оно кровью и жизнью защищает своих сограждан. Но в остальное время никто из военных, к какому бы сословию он ни принадлежал, не должен сметь оскорблять кого-либо из граждан; граждане, а не я, содержат армию; их хлебом живет войско, вверенное моей власти, и потому арест, отставка и смерть будут наказанием, которому неизбежно подвергнется каждый ослушник настоящего приказа». Прежде на подобные поступки смотрели с совершенно иной точки зрения. Грубая, ограниченная солдатчина считалась единственной опорой княжеского деспотизма и привилегий высокомерного дворянства и нетерпимого духовенства. Поэтому старались систематически расширять пропасть, отделявшую военных от массы граждан. Едва прикрытой безнаказанностью нарочно поощряли солдатскую грубость. Результатом этого было то, что еще в половине XIX столетия офицеры совершали безнаказанно чуть ли не убийства и позволяли себе выделывать над беззащитными гражданами такие вещи, терпеливо сносить которые могло только немецкое добродушие.

С тех пор, как принц Евгений и Мальбрук затмили славу французского оружия, Германия выдвинула много замечательных полководцев. Припомним Людвига Баденского, Шуленбурга, Миниха, достигшего в России баснословного счастья и потом свергнутого с высоты его в бездну бедствия, этого типичного представителя немецких искателей приключений, нередко добивавшихся в прошлом веке власти и значения; затем Леопольда Дессауского, Морица Саксонского, Лаудана, Фердинанда Брауншвейгского, Фридриха Великого, его брата Генриха и его генералов Винтерфильда, Шверина, Циттена. Заметим, что многие немецкие «отцы народа» смотрели на своих подданных, насильно превращенных в солдат, как на удобный предмет торговли. Так, когда Англия начала войну со своими североамериканскими колониями, ландграф Гессен-Кассельский продал 16 992 человек своих подданных англичанам. Несчастных погрузили на корабль как стадо скота и перевезли через океан в жертву пулям американских стрелков и томагавкам гуронов. Эта афера была до того выгодна, что добрый «отец народа», несмотря на всю свою расточительность (одной развратнице, выписанной из Парижа, он положил 40 000 талеров годового содержания), оставил после себя чистыми деньгами около 60 млн. талеров.

Принц Евгений

Такой соблазнительный пример не остался, конечно, без подражателей. Добрые «отцы народа» в Брауншвейге, Аншпахе, Вальдеке и Ангальт-Цербсте конкурировали с герцогом Гессенским, поставляя на английский рынок запасы человеческого мяса; герцог Карл Вюртембергский в то же время продавал своих солдат французам и впоследствии голландцам. Одна из песен Шубарта превосходно изображает чувства продаваемых и их родственников. Вообще, Шубарт необыкновенно энергично характеризует «отеческую любовь» немецких князей к своему народу.

Луч света гуманной философии XVIII века постепенно проник сквозь варварский мрак законодательств. И здесь пример реформ подал Фридрих Великий. В то время, как во Франции «допрос под пыткой» продолжался еще со всей своей ужасающей гнусностью, Фридрих в 1794 г. совершенно уничтожил пытку и отменил обычай потопления детоубийц в закрытом мешке. Другие немецкие государства последовали этому примеру. Пытка была отменена в Бадене в 1767, в Мекленбурге в 1769, в Курсаксене в 1771, в Австрии в 1776 году. Вообще, уголовные наказания постепенно получили более мягкий характер. Относительно гражданских законов деятельность правительств ограничивалась пересмотром существовавших статутов и соединением бесчисленного множества частных постановлений в общие узаконения. Юстиция страдала от продажности судейских мест, почти всюду составлявших предмет торговли. Главным предметом изучения для правоведов все еще было римское право. В исследовании его многие немецкие ученые, как например Гепфер (ум. в 1796 году), приобрели европейскую известность. Но по мере постепенного освобождения государственной жизни от церковно-римского авторитета начала проявляться и оппозиция национального права против римского. В особенности она была заметна в Северной Германии. С улучшением судов возвысилось и доверие народа к защите законов, хотя кабинетные

суды все еще подрывали веру в право. Страшные примеры этого злоупотребления княжеской власти мы видим в процессе искателя приключений Климента при Фридрихе-Вильгельме I, в аресте без всякого суда и права Мозера, Ригера и Шубарта герцогом Карлом Вюртембергским и в аресте Фридриха Тренка Фридрихом Великим, который, однако, в другом, не менее известном, процессе Мюллера и Арнольда, доказал, правда, весьма самовластным образом, что не потерпит угнетения простолюдинов знатными. К чести великого короля нужно сказать, что он приказывал судам быть как можно снисходительнее в случае, если преступление совершено по бедности.

В тесной связи с произволом кабинетных судов находилась полицейская расправа. Впрочем, обилие границ и мелких владений защищало от жестоких преследований полиции. Это, конечно, было на руку и всевозможным бродягам, ворам и разбойникам. Одну из отраслей полицейской деятельности составляла цензура, которая еще значится в избирательных условиях двух последних императоров Леопольда II и Франца II в числе имперских учреждений. Фридрих Великий значительно ослабил ее силу, а Иосиф II совершенно уничтожил ее; но впоследствии, в нашем столетии, цензура явилась с новой силой, с новым значением и расширила круг своей деятельности. Со страстью к тайным союзам, присущей XVIII столетию, согласовалось пристрастие государственной власти к тайной полиции. Князь Кауниц был мастером этого дела, он умел пользоваться для своих дипломатических интриг не только шпионами, но и полнейшим систематическим нарушением тайн переписки на территории империи. В большинстве прочих немецких государств также существовали канцелярии для прочтения писем.

Впереди всех на поприще реформ как государственных, так и социальных является Фридрих Великий. Он продолжал труд, начатый отцом его — создание свободного крестьянского сословия. Эдикт 1764 г. разрешил крестьянам денежные ссуды, осушал огромные болота, закладывал новые деревни и обращал пустынные местности в плодородные земли. Так же деятельно покровительствовал он промышленности и торговле: в 1765 г. был учрежден Берлинский банк, в 1772 г. — Институт морской торговли. В 1785 г. в Пруссии изготавливалось уже 17 000 ф. шелку, а фридрихштетская шелковая фабрика нанимала 1500 рабочих. Также процветали фарфоровые заводы и изготовление золотых изделий. Король покровительствовал всем промышленным предприятиям; усердный приверженец кольберова меркантилизма, он поставил себе за правило выпускать из страны как можно меньше денег. При этом, конечно, он делал иногда грубые промахи: так, табачная и кофейная привилегии, устроенные на

Г. Франц. «Памятник Фридриху Второму работы Рауха»

манер французской, были настоящей пыткой для страны и приносили выгоду только французским капиталистам, пользовавшимся монополией. Кроме кофе и табака, еще около 500 видов товаров были монополизированы и могли ввозиться и продаваться только за счет казны или лиц, пользовавшихся особенной привилегией. Замечательно, что такой гениальный ум, как Фридрих, мог доводить принцип возможного накопления денег в стране до того, что даже умышленно не заботился о путях сообщения, «чтобы иностранные купцы ехали дальше по плохим дорогам и таким образом тратили больше денег». Уже по этому можно судить, какие странные политико-экономические понятия господствовали в то время на материке Европы. Еще более это заметно из стараний Фридриха скопить как можно больше денег (после его смерти в государственном казначействе нашли капитал более чем в 72 млн. талеров). Английский посланник Мальмсбюри, которого мы уже имели случай упоминать, не мог скрыть удивления, как это не нашлось никого, кто бы попытался объяснить королю, что страна беднеет от этого мертвого капитала, что система монополий стесняет торговлю и промышленность, что истинное богатство государства состоит в благосостоянии его населения.

Император Иосиф II, «деспотичный как день, солнце которого не терпит вокруг себя мрака и тумана», при самом вступлении на престол объ-

явил, что государство, которым он управляет, должно подчиняться его принципам. «Предрассудки, фанатизм, лицеприятие, рабство духа, — говорил император, — должны быть подавлены, и каждый из моих подданных должен наслаждаться естественной свободой». Указом о печати 1781 г. он даровал свободу мысли, слова и печати, отнятую впоследствии его преемниками, а указом о веротерпимости, изданным в том же году, положил конец преследованиям, которым подвергались некатолики. Из 2000 австрийских монастырей, обитателей которых император называл самыми вредными и бесполезными подданными страны, он уничтожил 700. Он вел непримиримую борьбу с фанатизмом и суеверием. Иосифу II обязаны своим основанием многие из заведений по распространению образования и для благотворительных целей, например, общая больница в Вене, приют для подкидышей, институт глухонемых, медико-хирургическая академия. Когда папская курия в противодействие реформам Иосифа II назначила новых нунциев в Германию, император отнял у нунциев их права. Эта мера, без сомнения, имела важное значение в то время, когда, например, папский нунций в Мюнхене велел представить на своих визитных карточках религию, разъезжающую в торжественной, запряженной львами колеснице, по людям, распростертым на земле! Иосиф II пробил брешь в стене австрийской дворянской олигархии. Щедро раздавая баронские титулы промышленникам и торговцам даже иудейского происхождения, император не раз выказывал пренебрежение к родовой аристократии. Графский диплом мог получить каждый за 20 000 гульденов. Иосиф II отменил крепостную зависимость во всей своей империи; в 1789 г. появился знаменитый указ о налогах, проникнутый физиократическими идеями, указ, в силу коего государственные повинности раскладывались на всех жителей государства. Еще прежде изданием уложения гражданских (1786 г.) и уголовных (1787 г.) законов было преобразовано сильно нуждавшееся в реформе законодательство. Оба уложения были написаны на общепонятном, немецком языке; они устраняли возможность бессовестных плутней адвокатов и устанавливали всеобщее равенство перед законом, так что к изумлению всей Австрии даже благородные преступники «для примера» подвергались позорному столбу, смирительному дому и работам на галерах. Во всем опережая свое время, император пытался отменить и смертную казнь. Хотя в этом случае, так же как и в вопросе о призрении бедных, о медицинской полиции, о земледелии и о путях сообщения, торопливость Иосифа II заставляла его проводить многие непрактичные, преждевременные меры, но во всяком случае его реформы, подкрепляемые примером личного бескорыстия императора, принесли благодетельные и прочные результаты, следы которых не удалось

уничтожить вполне его обоим преемникам. Собираясь сойти в раннюю могилу, приготовленную ему яростной враждой священников и аристократов и глупостью толпы, император имел полное право апеллировать к суду потомства. «Я знаю свое сердце, — говорил он. — Я вполне убежден в честности моих намерений и надеюсь, что, когда меня не станет, потомство справедливее, вернее и беспристрастнее оценит, рассмотрит и обсудит все, что я сделал для моего народа».

Реформы Иосифа II и Фридриха Великого, подготавливая собой падение феодальных отношений и форм общества, в то же время служили поддержкой оппозиции католической церкви в Германии против римско-иерархической курии. Немецкий католицизм не желал, да и не мог вполне отринуть себя от умственного движения XVIII века. Уничтожение иезуитского ордена еще более усилило стремление к независимости, сообщенное ему этим движением. Лозунг «Разум и просвещение!» послышался в самых темных углах Германии, повсюду общественное мнение неумолимо преследовало фанатизм. Благородный епископ трирский Николай фон Гантгейм (ум. в 1790 г.) издал под псевдонимом Фебрануса свою знаменитую книгу о состоянии церкви и о степени законности папской власти. Эта книга зародила мысль о возможности основания национальной католической церкви. Четыре архиепископа, недовольные притязаниями папских нунциев, собрали с этой целью конгресс в Энсе. Но предприятие их не удалось вследствие упорного сопротивления епископов, считавших более удобным повиноваться далеко живущему папе, нежели ближайшим архиепископам. К тому же, в правление курфюрста Карла-Теодора ультрамонтанство нашло себе точку опоры в Баварии и оттуда могло вести атаку против всякого рода национальных и рациональных стремлений католической церкви. Но, несмотря на это, либеральная партия продолжала свою деятельность. Ученые, вроде Блау, Гуга и Шальца, своей исторической и филологической критикой подготовили путь Гермесу (ум. в 1831 г.), провозгласившему требование, чтобы и в католичестве пользовались авторитетом только доказательства, основанные на научном убеждении. Это учение вместе с учением экс-иезуита Сайлера (ум. в 1833 г.) о замене мертвой догматики проповедью христианской нравственности, основанной на теплом чувстве, легло в основу оппозиции, развившейся в первые три десятилетия XIX века в лоне католической церкви, в особенности замечательной своим протестом против безбрачия. С этой целью даже собирались общества духовных лиц в Силезии (1826) и Южной Германии (1830). В период Реставрации немецкие князья пришли к убеждению, что их предшественники поступали очень глупо, помогая подкапываться под алтари, поэтому римской курии нетрудно было рядом конкордатов с

немецкими государями одержать ряд побед над немецкой национальностью. Влияние, приобретенное отныне ультрамонтанством в Германии, ясно выразилось в тех преследованиях, каким подвергался со стороны Рима честный Вессенберг.

В протестантской церкви движение выразилось в образовании новых сект. Гернгутерство, основанное Цинцендорфом и развитое Шпангенбергом, в высшей степени привлекало на себя внимание современников. Англия подарила Германии методизм, а Швеция — сведенборгианизм или церковь Нового Иерусалима, находившую себе особенно много поклонников в Вюртемберге. В 3-й главе нашей книги мы уже сообщали некоторые подробности о немецких сектах прошедшего столетия. Бездна, разделявшая верующих и мыслителей, раскрывалась все более и более. Скептицизм поднял свое знамя и по эту сторону Рейна. Лессинг пытался отделить этическое содержание христианства от его догматических формул. Шиллер отвергал христианскую догматику, а Гете, сам сознававшийся, что он хотя и не противник христианства, но положительно не христианин, при всяком случае осыпал ее насмешками. Он называл всю церковную историю «сплетением заблуждений и насилий» и отзывался о таинствах в таких выражениях, которые делают понятным, почему духовенство всех исповеданий преследовало неумолимой враждой «великого язычника». Гете много раз высказывал свое пантеистическое мировоззрение и всего полнее в Фаусте («Wer kann ihn nennen» и т. д.). Он не признавал самоцельности благочестия и считал его только средством для того, чтобы чистые, спокойные умы могли достичь высшей культуры. В этом смысле его «Ифигения» является в высшей степени благочестивой личностью. «Есть только две истинные религии, — говорил Гете, — одна из них признает и боготворит все святое, живущее в нас и вокруг нас, без всякой формы, другая боготворит его в прекраснейшей форме. Все, что не относится к этим двум религиям, — идолопоклонство». Или в другом месте: «Люди смотрят на Бога, как будто это непостижимое, невообразимое существо ничуть не выше их самих, поэтому-то понятие о Боге превратилось у них, особенно у священников, в бессодержательную фразу». Но Гете вполне признавал нравственное значение христианства. «Христианская религия, — говорил он, — есть та сила, которая одна могла поднимать по временам падшее и страждущее человечество».

Гердер, постоянно стремившийся к примирению древней и христианской цивилизаций, указал настоящее место Библии в истории развития человеческого ума. В том же духе действовали Михаэлис, Эрнести, Гризбах и некоторое время Землер. Какое влияние имела на протестантскую теологию философия Канта, лучше всего видно у Паулуса (1761—1851),

Г. Франц. «Памятник Гете и Шиллеру в Веймаре»

представителя крайнего рационализма, сочинение которого «Жизнь Иисуса» может служить образом преувеличенно рационалистической критики первых памятников христианства. Последователями и продолжателями направления Паулуса являются Вегшнейдер, Рер и Брегшнейдер. В двадцатых годах XIX столетия создание Фридрихом-Вильгельмом III унии лютеранской и реформатской церквей Германии вызвало довольно сильное движение в протестантстве, особенно когда король издал новую общую литургию (agenda) в 1822 г. Лютеранство воспротивилось этому нововведению, но потом, соответствуя, своему верноподданническому характеру, покорилось государственной власти, получив несколько формальных уступок в новой редакции Агенды (1828).

Возвращаясь к обзору политической жизни Германии, мы не можем не упомянуть к чести Фридриха, Иосифа и лучших из современных им государей, что они несравненно более понимали дух времени, нежели короли Франции вроде Людовика XIV, истощившего королевскую власть, благодаря своим стремлениям усилить ее, Людовика XV, обесчестившего и унизившего монархию или Людовика XVI, скрывавшего под филантропическими фразами бессилие ума и воли. Но несмотря на все, что было задумано и действительно выполнено Германией на поприще общественных реформ, немецкое общество все еще находилось в довольно жалком состоянии, пользовалось слишком небольшой долей свободы. Деспотизм государей, хотя и более просвещенный, все же оставался деспотизмом, римская курия все еще пользовалась слишком большим влиянием на дела, народ продолжал страдать от жестокой системы налогов, от продажности судей, от ужасающей грубости чиновников[8]. Низкопоклонство официальной учености дошло до невероятной степени: благород-

нейшие поэты и мыслители в царстве идеала и метафизики искали спасения от жалкой действительности. Все эти бедствия имели один источник: недостаток чувства национальности. Лучшие умы сознавали недостаток национального единства: космополит Гердер еще в 1778 г. обращался к императору Иосифу с просьбой дать немцам одно отечество; однако самый гениальный из его современников — Гете — сомневался в возможности создать это отечество. «Германия! — восклицает он. — Но где же она? Я не могу найти этой страны. Там, где начинается ученая страна, кончается политическая». И далее он обращается к своим соотечественникам со следующими словами: «Вы надеетесь образовать из себя нацию? Напрасно! Но зато вы можете образовать из себя свободных людей!».

Печальная разрозненность страны, безобразная гнилость ее политических учреждений, резко выказывавшаяся противоположность между выводами философии и существующим порядком вещей — все это заставляло немецкую фантазию увлекаться мечтами о радикальных преобразованиях. Эти мечты зашли так далеко, что победоносное окончание американской войны за свободу вызвало даже в Германии — в этой стране природного верноподданничества — республиканские чувства и республиканские стремления[9]. На этот факт нельзя не обратить внимания. Он объясняет нам и тот энтузиазм, с которым огромное большинство образованных людей Германии приветствовало французскую революцию. 66-летний Клопшток жалел в 1790 г., что не Германии суждено свершить дело освобождения. «Ах, не тебе, моя отчизна, — пел он, — суждено было возвыситься до вершин свободы, стать примером для всех народов: этот удел достался Франции! Ты не удостоилась этой величайшей чести, ты не сорвала ветви этой бессмертной славы»! Фриц Штольберг — впоследствии ренегат — писал в 1790 г. из Берлина: «Все, что я ребенком чувствовал под гнетом всеобщего противоречия, все, что я старался выразить в моем стихотворении «Свобода», — все это стало достоянием народов. Немецкие газеты, эти подонки пошлого малодушия и рабства, начинают высказывать истины, которые даже великий Монтескье не смел провозгласить открыто. Монархисты значительно сбавили тон, и никто не смеет назвать благородных бельгийцев мятежниками». Правда, год спустя он уже писал: «Энтузиазм прошел; я увлекался свободой Франции как только возможно, но теперь всякая надежда исчезла». Энтузиазм Фосса был прочнее: очевидец страданий мекленбургских крепостных крестьян, он понимал, что розовой водой не сделаешь революции. Когда в 1792 г. Австрия и Пруссия начали войну с молодой Французской республикой, Фосс писал: «Все-таки все кончится хорошо, если бы даже весь свет наполнился пруссаками и захотел поглотить свободу». В то время, как в Париже один

за другим сменялись акты бессмертной трагедии, добродушные немцы пугались все более и более, только сильные умы вроде Канта, Фихте и Форстера могли сквозь кровавое покрывало событий видеть будущее развитие человечества, понять историческую необходимость революционной трагедии. Но голоса этих людей не были слышны среди яростного шума обскурантов. Противники революции бушевали особенно сильно в Вене, где в правление Леопольда-Франца возникла реакция против периода Иосифа. Реакция восставала не только против французской революции и ее сторонников, но и против всякого разума и просвещения. Тому, кто желал бы поближе посмотреть, каким образом немецкие филистеры воевали против французской революции, мы рекомендуем обратиться к тем современным стихотворениям, которые неутомимо кропал престарелый Глейм, названный в «Альманахе обскурантов» 1798 года «певцом бедных тявок». Безумное ожесточение против революции идет в них рука об руку с поразительной лестью немецким князьям 18. Что касается Гете и Шиллера, то как по самой натуре своей, так и вследствие убеждения в необходимости спокойного прогресса для успеха цивилизации, они должны были неприязненно относиться к революционному движению. «Как прежде лютеранство, так теперь в эти смутные дни французы, — говорил Гете, — замедляют спокойный ход цивилизации». Он не ограничился этим: забывая историческое значение событий, Гете вздумал двумя весьма неудачными драматическими карикатурами на великое движение (der Burgergeneral, die Aufzgerechten) доказать свои права на звание истинного придворного поэта. Эта выходка ложится темным пятном на солнце его славы. Шиллер инстинктивно понимал великое значение революции, но она казалась ему недостаточно идеальной в своем развитии. Среди страшных катастроф того времени он основал свою газету «Die Horen» (1794), убежденный, как сам поясняет в предисловии, что «чем более узкие интересы минуты возбуждают, стесняют и порабощают умы, тем настоятельнее является необходимость освободить их посредством более общих и высших интересов и соединить разделенный политический мир под знаменем свободы и красоты». Вот что писал он Якоби, совершенно в духе своего Позы, до идеала которого еще не дозрело современное ему общество: «Телом мы должны быть гражданами нашего времени, если это необходимо; что же касается духа, то я считаю правом и обязанностью философа и поэта не принадлежать ни к какому времени, а в буквальном смысле быть современником всех времен». Но были и такие люди, которые телом и душой стремились быть гражданами своего времени, люди, которые, видя страшное истощение Германии, обращали взоры от своего отечества на Францию. В прирейнских областях дело французской

Майнцский собор

республики пользовалось сильнейшей симпатией. Майнцские и кобленцские клубисты открыто хлопотали о присоединении левого берега Рейна к Франции и уже считали себя французскими согражданами. Когда после заключения Пруссией сепаратного мира в Базеле в 1795 г. император, согласно условиям камноформийского договора, отдал французам ключ от империи-Майнц, Горрес в своем пламенном журнале «Das rothe Blatt» («Красный лист») разразился градом насмешек. «Неприкосновенность империи разрушена! — Восклицал он! — Граждане, Майнц наш! Да здравствует французская республика! 30 декабря 1797 г. в день передачи Майнца, в три часа пополудни в Регенсбурге скончалась тихо и спокойно Священная Римская империя, тяжелой памяти, имея от роду 955 лет 5 месяцев 28 дней; смерть последовала от общего расслабления и удара; покойница сохраняла полное сознание и выполнила все священные таинства. Боже мой, почему это твой гнев обратился прежде всего на это добродушное существо? Оно так безвредно и спокойно паслось на лугах своих праотцов, так покорно давало стричь себя по 10 раз в год, было постоянно так же тихо и терпеливо, как то презренное, длинноухое животное, которое бесится и лягается только когда резвые мальчишки вздумают засунуть ему в уши трут или помазать зад терпентином».

Да, дошло до того, что человек с умом и сердцем мог радоваться и смеяться, видя падение своего отечества. Страшное явление, полное печальных и важных уроков! Но предсмертная агония Римской империи еще не кончилась. Люневилльский мир (1801) отдал французам весь левый берег Рейна. Решение имперской депутации 1803 г. в Регенсбурге, продиктованное посланниками Франции и России, самым произвольным образом разделило области и порт между немецкими государями. Настала страшная анархия. Под вывеской рейнского союза немецкие князья, чтобы добиться от Наполеона титулов великих герцогов и королей, сделались сатрапами человека, подавившего республику и залившего кровью Германию. Никто не обратил внимания на императора Франца II, когда он сложил с себя корону 1 августа.1806 г. Священной Римской немецкой империи не суждено было даже умереть прилично. Она кончилась как глупая комедия бродячей труппы, сгоняемой со своих шатких подмостков свистками уличных мальчишек. И вот настало время, когда немцы превратились в спутников последнего великого самодержца, «поставившего — по его собственным словам — главной задачей своей политики уничтожение немецкой национальности», помогали ему выигрывать сражения при Йене и Ваграме и должны были влачить стыд и несчастие своей отчизны вплоть до смертоносных, ледяных степей России.

Глава

VI

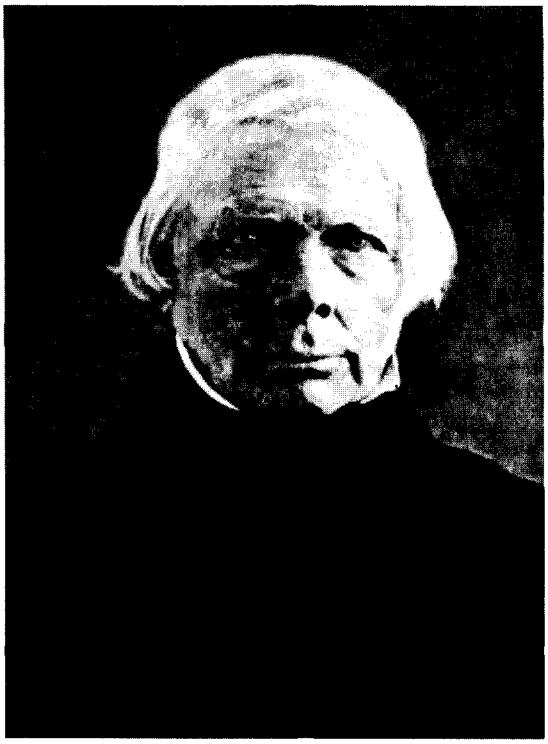
НОВАЯ РОМАНТИКА И ЛИБЕРАЛИЗМ

Йенский университет. — Шеллинг. — Новалис. — Братья Шлегели. — Тик. — Брентано. — Ахил и Беттина фон Арним. — Прочие романтики. — Берлинское общество в период неоромантизма. — Принц Людвиг и Рахиль Левин. — Иена и Тильзит. — Гейнрих фон Клейст. — Восстановление прусского государства. — Королева Луиза. — Г. фон Штейн. — Берлинский университет. — Речи Фихте к немецкому народу. — Союз добродетели. — Война за освобождение. — Венский конгресс. — Священный союз и политика реставрации. — Генц и Геррес. — Юные патриоты. — Бурши. — Старые немцы. Вартбургский праздник. — Полицейское государство. — Науки и искусства. — Либерализм: его характер, его стремления и его фиаско.

В эпохи, когда развитие умственной жизни так далеко опережает политическое развитие, как это было в XVIII ст. в Германии, — в такие эпохи прогрессивное движение, не встречая себе опоры в действительной жизни, не может быть прочно. В тщетных попытках практического применения своих идеалов оно не только теряет бесплодно время, но даже нередко вовсе отклоняется от истинного пути. Политические принципы Фридриха и Иосифа, казалось, давали надежду на то, что общественная жизнь Германии пойдет отныне решительным шагом по тому пути свободы и разума, который открывали ей немецкие классики. Но эта надежда скоро разрушилась. В Австрии борьба со средневековым мраком окончилась со смертью Иосифа, а в Пруссии знаменитый религиозный эдикт министра исповеданий Вельнера, в 1788 г., по которому протестантское духовенство снова обязывалось держаться одних лишь символических книг, ознаменовал собой возвращение к старым порядкам. Супранатурализм ободрился и, опираясь на невежество масс, повел ожесточенную борьбу против рационализма. Когда французская революция и связанное с ней революционное движение Западной Германии доказали с совершенной ясностью, что вместе с доверием к божественным правам духовенства исчезает и вера в божественное право королей, светская власть снова возобновила свой прерванный было союз с церковью. Явилась страшная реакция против направления XVIII столетия. Коалиционные войны против французской республики были лишь фактическим проявлением этой реакции, сообщившей новое направление умственной жизни Германии.

ГЕРМАНИЯ
во времена
Германского союза
(1815 года)
Масштаб 1:12000000
0 К востоку от Гринвича 5
10
55
50
45
5
10
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
КОР. ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОР. НИДЕРЛАНДЫ
КОР. БЕЛЬГИЯ
КОР. ПРУССИЯ
КОР. ГАННОВЕР
КОР. САКСОНИЯ
КОР. ВЮРТЕМБ.
КОР. БАВАРИЯ
КОР. ПЬЕМОНТ (САРДИНИЯ)
ВЕЛ. ГЕРЦ. ЛЮКСЕМБУРГ
ВЕЛ. ГЕРЦ. ГЕССЕН
ВЕЛ. ГЕРЦ. БАДЕН
ВЕЛ. ГЕРЦ. ГОЛЬШТЕЙН (НЕМЕЦКОЕ)
ГЕРЦ. ОЛЬДЕНБУРГ
ГЕРЦ. ГЕССЕН
ГЕРЦ. НАССАУ
ГЕРЦ. ВЕНЛАР
ГЕРЦ. ГЕССЕН
ГЕРЦ. ГАМБУРГ
ГЕРЦ. ЛЮКСЕМБУРГ
ГЕРЦ. ГОЛЬШТЕЙН
ГЕРЦ. КЕЛЬ
ГЕРЦ. ЛОТАРИНГИЯ
ГЕРЦ. ЛАУЕНБУРГ
ГЕРЦ. ЛЮНЕБУРГ
ГЕРЦ. ЛЮБЕК
ГЕРЦ. ЛЮБЕК
ГЕРЦ. ЛЮБЕК

15
20
55
50
45
Мемель
Нёман
Тильзит
Гумбинен
Вильно
о. Борнгольм
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Кенигсберг
Инстербург
Штольп
о. Рюген
Браунсберг
Сувалки
Данциг
Эльбинг
Летцен
Гродно
Кёслин
Кольберг
Мариенвердер
Нейштеттин
Нарев
Белосток
Штаргард
Грауденц
Торн
Бромберг
Остроленка
Ландсберг
Висла
Плоцк
Прага
Буг
Гнезно
Добречин
Познань
Варшава
Грохов
Вавер
Франкфурт
Губен
Лиса
Калиш
Котбус
Глогау
Петраков
Радом
Люблин
Лигниц
Замостье
Гиршберг
Бреславль
Бриг
Дрезден
Опельн
Сандомир
Траутенау
Швейдниц
Нейсе
Рудник
Гичин
Вейтен
Краков
Садова
Глац
Рацибор
Ярослав
Прага
Кёниггрец
Эльба
Маркгр.
Ольмюц
Пильзен
Куттенберг
Тробигау
Неймаркт
Санок
Иглау
Брюнн
Ваага
Кашау
Унгвар
Будвейс
Никольсбург
Нейзоль
Цнайм
Пассау
Кремс
Шемниц
Эрцгерц
Пресбург
Линц
Дунай
ВЕНА
Комори
Капольна
Штейр
Дебречин
Зальцбург
Геделе
Эденбург
Офен
Пешт
Гросс-Вардейн
Леобен
Герц. Штирия
Грац
Герц. Каринтия
Клагенфурт
Марбург
Драва
Гр. Лайбах
Вараздин
Гц. Крайна
Аграм
Триест
Пожега
Кармитадт
Фиуме
ПРУССИЯ
ВЕНГРИЯ
Галиция
Моравия
Богемия
Саксония
Силезия
Пров. Померания
Пров. Позен
Пров. Бранденбург
Пров. Саксония
Пров. Силезия
Пров. Штеттин
Пров. Тодельвиц
Пров. Берлин
Пров. Познань
Пров. Бреславль
Пров. Франкфурт
Пров. Герлиц
Пров. Гиршберг
Пров. Брюнн
Пров. Ольмюц
Пров. Прага
Пров. Пильзен
Пров. Будвейс
Пров. Цнайм
Пров. Кремс
Пров. Пресбург
Пров. Вена
Пров. Штейр
Пров. Зальцбург
Пров. Эденбург
Пров. Леобен
Пров. Грац
Пров. Клагенфурт
Пров. Марбург
Пров. Лайбах
Пров. Крайна
Пров. Триест
Пров. Венеция
Пров. Фиуме
Пров. Пешт
Пров. Дебречин
Пров. Гросс-Вардейн
Пров. Капольна
Пров. Комори
Пров. Офен
Пров. Геделе
Пров. Шемниц
Пров. Нейзоль
Пров. Никольсбург
Пров. Унгвар
Пров. Кашау
Пров. Санок
Пров. Ярослав
Пров. Краков
Пров. Вейтен
Пров. Сандомир
Пров. Рудник
Пров. Замостье
Пров. Люблин
Пров. Радом
Пров. Петраков
Пров. Калиш
Пров. Лиса
Пров. Губен
Пров. Котбус
Пров. Лигниц
Пров. Опельн
Пров. Бриг
Пров. Нейсе
Пров. Глац
Пров. Кёниггрец
Пров. Маркгр.
Пров. Куттенберг
Пров. Тробигау
Пров. Неймаркт
Пров. Иглау
Пров. Ваага
Пров. Пассау
Пров. Линц
Пров. Дунай
Пров. Штаргард
Пров. Бромберг
Пров. Ландсберг
Пров. Гнезно
Пров. Торн
Пров. Плоцк
Пров. Прага
Пров. Добречин
Пров. Грохов
Пров. Вавер
Пров. Франкфурт
Пров. Гичин
Пров. Траутенау
Пров. Дрезден
Пров. Гиршберг
Пров. Герлиц
Пров. Лигниц
Пров. Котбус
Пров. Глогау
Пров. Губен
Пров. Лиса
Пров. Калиш
Пров. Петраков
Пров. Радом
Пров. Люблин
Пров. Замостье
Пров. Сандомир
Пров. Рудник
Пров. Краков
Пров. Вейтен
Пров. Ярослав
Пров. Санок
Пров. Неймаркт
Пров. Кашау
Пров. Унгвар
Пров. Нейзоль
Пров. Никольсбург



Шеллинг

Сначала казалось, что это движение, вследствие присущего ему принципа национальности, будет лишь необходимым дополнением периода космополитического классицизма; но в позднейшем развитии его с такой силой выступили средневековые романтические тенденции, что все умственные приобретения классического периода немецкой цивилизации, казалось, готовы были погибнуть.

В последние десять лет XVIII века, в то самое время, когда во Франции Шатобриан старался реставрировать католичество посредством литературы, в Йене сгруппировался кружок многообещающих мужей и юношей. Там учили Фихте и впоследствии Шеллинг, братья Гумбольдты временами приезжали туда; Шлегели начали там свое критическое поприще и собирали вокруг себя толпу друзей, между которыми особенно отличались Новалис и Тик. В маленьком университетском городке закипела в высшей степени оживленная жизнь. Стечение гениев напоминало период «бури и вихря». Резкая противоположность между идеалами науки и искусства и филистерски жалкой действительностью, не могла не поражать развитую молодежь. Стремления примирить жизнь и поэзию, идеал и действительность и создать таким образом новую эпоху цивилизации были весьма естественны. Выразительницей этих стремлений является новая романтическая школа, это крайне замечательное явление немецкой цивилизации, в начале чистое и многообещающее, а в конце слившееся со стремлениями реставрационной политики, т. е. с тенденциями абсолютизма и дворянства, все усилия которых были направлены на то, чтобы отуплять народ!

Источником романтической школы была философия Фихте и Шеллинга. Верховное «Я» Фихте, эту душу юмора Жан-Поля, можно назвать отцом романтической иронии, а натурфилософию Фридриха Вильгельма Иосифа Шеллинга (род. в 1775 г. в Леонберге в Швабии) — матерью

романтического универсализма, т.е. той стороны романтики, которая служила продолжением идеи Гердера и Гете о всемирной литературе и сообщила конкретную основу космополитическим стремлениям немецкой литературы. Основная идея философии Шеллинга есть тождество идеала и действительности, вследствие коего природа является видимым духом, а дух — невидимой природой. Мир есть органическое единство, покорное принципу абсолютного разума; проходя все ступени естественного бытия как фазы совершенствования, оно достигает наконец в сознании человека свободы и самопознания. В дальнейшем развитии своей системы Шеллинг, желая создать мифологию своему Богу-миру, принимает христианское учение и таким образом показывает возвращение романтиков к вере в божественное откровение. То же видим мы и у Новалиса (Фридрих фон Гарденберг, 1772—1801), которого можно назвать пророком романтики, как мы назвали Фихте и Шеллинга ее зачинателями. Его не удовлетворяла пустота фихтевского свободного самопознания, и он всеми силами старался найти связь между мыслью и чувством, открыть точку, в которой могли бы встретиться и слиться воедино философия и религия, наука и поэзия. Эту точку он нашел, наконец, в христианстве и именно в его католической форме. Под впечатлением веры он написал лучшее свое произведение, свои духовные песни, выше которых, по пламенному искреннему чувству, вряд ли создаст что-либо религиозная лирика. Подробно и со всеми последствиями представляет нам романтическую доктрину Фридрих Шлегель (из Ганновера, 1772—1828). Его критическая деятельность началась попыткой доставить Гете абсолютное первенство в литературе и унизить Шиллера, идеи которого, всегда клонившиеся к свободе, неизбежно должны были прийти в столкновение

Л. Тик

Новалис

с тенденциями романтизма. Шлегель остроумно карал жалкие произведения Лафонтена и Коцебу, но в то же время сделал борьбу против периода Просвещения символом веры романтического направления. «Просветительный» и «пошлый» стали синонимами для романтиков, и они так успешно шли по этому пути, что в настоящее время выражения «романтик» и «реакционер» сделались тождественными. По учению Шлегеля, идеализм, проникнув в действительность, освободил бы общество от всякого филистерства, жизнь и искусство соединились бы в высшем единении религии. Для уяснения этого учения он написал свой роман «Луцинду» (1799). Вот основные идеи этого романа: после тщетных попыток раздвинуть пределы личности, человеческое я находит свое истинное удовлетворение не в энергичной деятельности, а напротив — в «богоподобном искусстве бездействия», в отсутствии всякой деятельности. В этом положении свобода гениального субъекта живет самонаслаждением. Чем божественнее человек, тем более походит он на растение — самую прекрасную и самую нравственную форму природы: высшая степень жизни есть, следовательно, прозябание. Это прозябание, высшая цель стремлений, и есть религия, и так как из всех форм религий римский католицизм, который Шлегель принял в 1805 г., более прочих сохранил характер прозябания, то переход к католицизму, а следовательно, и к средним векам, является необходимым выводом романтических посылок. В своих позднейших литературно-исторических и философских сочинениях Шлегель проводил эту мысль еще дальше и проповедовал папство как полнейшее слияние церкви и государства, народа и науки, искусства и жизни. Его брат Август Вильгельм Шлегель (1767—1845) не был таким ярым сторонником средних веков, хотя охотно вызвался пропагандировать в публичных лекциях (публичные лекции по эстетике были в большой моде у романтиков) идеи своего брата. Как поэты оба брата Шлегели — совершенная посредственность; скрывая свое поэтическое бессилие под механической виртуозностью формы, они положили начало пустому фразерству, преобладавшему некоторое время в немецкой поэзии. Впрочем, Август Вильгельм заслужил бессмертную славу как образцовый

переводчик Шекспира, Данте, Кальдерона и Камоэнса. Грис и впоследствии целый ряд переводчиков помогали ему на этом поприще; благодаря их усилиям ни одна из европейских литератур не может теперь соперничать в этом отношении с немецкой. Эти переводы, а равно и изучение национальной и всеобщей истории литературы, введенное также Шлегелями, раздвинули умственный кругозор немцев: они дали им возможность понимать идеалы красоты и характер цивилизации всех народов старого и нового времени и с помощью этого понимания самим в свою очередь воздействовать на ход цивилизации человечества.

Недостаток места не позволяет нам рассмотреть поодиночке все различные оттенки романтического направления: мистико-католический, фантастическо-юмористический, дворянско-рыцарский, патриотический, ультрамонтано-фанатический, политически-реакционный. В середине этой главы мы вернемся еще ко многим ветвям романтического древа, а теперь пока удовольствуемся перечислением важнейших его проповедников в поэзии. Первым из них является Людвиг Тик (из Берлина, 1773—1853); Тик полностью посвятил свой поэтический талант, особенно заметный в его сказках, служению романтической школе. Ради этого служения он писал литературно-полемические комедии, забытые вместе с предметами полемики, потом мистико-похотливо-католический роман «Франц Стернбальд», благодаря которому столько пустых художественных голов наполнились бессмысленным поклонением католичеству и украсились снаружи длинными волосами; наконец, сказочные и легендарные драмы «Геновева», «Октавиан» и «Фортунат». Все эти произведения встречались с энтузиазмом членами романтической школы; к счастью, нельзя сказать того же о воздействии их на общество. Влияние этих «недраматических драм» нельзя даже сравнивать с тем влиянием, которое оказывали когда-то стихотворения Гете и Шиллера. В «Геновеве», в особенности, кокетство средневековой непосредственности, предписываемое правилами романтизма, доходит до ребячески смешного. Впоследствии Тик написал длинный ряд новелл в гетевском стиле и род платонического диалога, в котором романтическая ирония обсуждает задачи и вопросы новейшего времени. И эти его произведения так же, как и первые производили впечатление только в кружках романтиков. Вне этих кружков не слышно было даже и его имени, точно так же, как и имен Клеменса Брентано (1777—1842) и Ахила фон Арнима (1781—1831). Оба этих писателя даром истратили свои действительно гениальные способности, не имея сил освободиться от заблуждений романтики. В их серьезных и комических драмах, в их романах и новеллах можно найти места, которые по богатству фантазии, полноте чувства и глубине юмора обещают чрезвычайно много, но не дают ничего,

К. Брентано

потому что романтический произвол постоянно мешал выработке положительного типа. Беттина, сестра Брентано и жена Арнима, метко названная сивиллой романтического периода, несмотря на всю свою гениальность, не может не набрасывать беспрестанно туманного покрывала ребячески-кокетливой фантастичности на лучи красоты и гуманности, так часто просвечивающиеся в ее сочинениях. Брентано и Арним издали вместе известный сборник старых и новых немецких народных песен «Knaben Wunderharn» (1808), имевший такое благотворное влияние на развитие немецкой лирики; этим они заплатили дань той стороне романтизма, которая усердно занималась восстановлением сокровищ древней литературы. Издание этого сборника указывает, кроме того, на пристрастие романтизма ко всему народному, «первобытному» или, по крайней мере, относящемуся к средним векам, когда, по мнению романтиков, «поэзия пронзала собой всю богатую и пеструю жизнь общества».

Это романтическое пристрастие к прошедшему, так помогавшее развитию изучения народных древностей, покровительствовало в то же время и развитию тупоумия, смотрящего с благоговением на всякий древний сор и хлам потому только, что он древний. Новалис, Тик, Арним и Брентано, все отличавшиеся той романтической особенностью, что наиболее широко задуманные произведения их представляются чем-то незаконченным (Ofterdingen, Sevennenaufruhr, Kronenwachter, Romanzen тот Rosenkranz), имели гораздо меньшее влияние на массы, чем Цахария Вернер (1768—1823) Фридрих де-ла-Мот Фуке (1777—1843) и Эрнест Теодор Амедей Гофман (1776—1826). Эти три писателя могут быть названы типичными представителями того времени, когда вместе с внешним распадением немецкой нации рука об руку шло и внутреннее, когда вместо сильной мысли и творческого духа классического периода выступали на сцену ложь, вычурность, двусмысленность. Что такое, в самом деле, было христианство романтиков? Не более как кокетливо разрисованная маска,

Эрнест Теодор А. Гофман

которой хвастались на романтическом маскараде. А слава? Пестрый, мыльный пузырь, пущенный в воздух кружком людей, теснившихся бессовестным самовосхвалением. Вернер явился истинным последователем секты, в которой обман женщин и другие подобные художества считались самыми обыденными явлениями. Он показал камелиям Парижа и Рима, до чего может дойти систематический разврат немца; впрочем, все это вело его к тому, чтобы с подобающим христианину смирением и раскаянием превратиться из грешника в проповедника покаяния, каким он явился после принятия католицизма в Вене, во время конгресса. Вообще, этот город со своими кремнистыми дукатами и хорошей кухней служил пристанью, куда любили направлять свои ладьи все романтики, начиная с Фридриха Шлегеля, Адама Мюллера и Генца до Фридриха Гуртера, не стыдившегося несколько лет получать в Шафгаузене жалованье в качестве главы протестантской церкви и быть в то же время тайным католиком. Вернер промотал свой замечательный драматический талант, проявленный лучше всего в его драме «Сыновья Таля». Он истощил его, наводняя сцену бессмысленным собранием чудес и фарсов и выводя в своей драме «Der vierundzwanzigste Februar» пародии на древний фатум. Этот фатум, с легкой руки Вернера ставший преобладающим элементом в трагедиях Мюллера и Гувальда, щекотал тупые нервы бессмысленной массы в то самое время, когда Гофман напрягал свой обезумевший от пьянства юмор для создания сказок и фантастических повестей, в которых человеческая жизнь является каким-то фарсом, игрой теней, освещенных голубоватым спиртным пламенем. Третий из этих популярных романтиков, Фуке, всеми силами старался доказать обществу, что и XIX век должен иметь своих Дон-Кихотов Ламанчских. Средневековое рыцарство сделалось его «идеей фикс», и он гарцевал «на светло-коричневой» Росинанте своих романов и драм по всем библиотекам до тех пор, пока сомнительное покачивание голов библиотекарей не показало ему, что средневековые фарсы надоели даже в казармах. Гораздо большим смыслом и художественным тактом отличались датчанин Адам Эленшлегер, познакомивший в своих трагедиях немецких читателей с истинно поэтическими сторонами средних

веков, и Эрнст Шульце, героическая поэма которого до сих пор принадлежит к наиболее читаемым произведениям романтики.

Мы уже упоминали о том нравственном разложении общества, которое сопровождало литературное падение романтики в переходную эпоху между двумя столетиями. Чтобы яснее показать это разложение, перенесемся в Берлин, где Фридрих-Вильгельм II оставил своему безукоризненному в нравственном отношении преемнику совершенно деморализированное общество. Даже при дворе безнравственность дошла до крайних пределов. Молодые благородные офицеры бессовестно воровали на придворных балах вещи со стола и из буфета. Вот что говорит о высшем берлинском обществе один достойный доверия современник, оставивший в своих интимных письмах описание тогдашнего состояния прусской монархии: «В столице физические наслаждения развиты до высшей степени утонченности. Офицеры, прежде всего преданные праздности и чуждые научных занятий, перещеголяли всех в искусстве наслаждаться. Эти привилегированные нарушители порядка попирают ногами все: религию, супружескую верность, все добродетели семейной жизни. Жены у них считаются общим достоянием; они их продают, меняют, увозят друг у друга. Женщины до того испорчены, что даже знатные дамы становятся сводницами, привлекают к себе молодых женщин и девушек высшего круга и соблазняют их. Многие жительницы публичных домов могут быть названы настоящими весталками в сравнении со знатными дамами, являющимися в обществе законодательницами моды. Важные барыни не стыдятся садиться в театре на скамьи публичных женщин, привлекают к себе любовников и отправляются с ними домой. Часто целый кружок развратных аристократок складывается вместе и нанимает меблированную квартиру, куда являются их любовники, чтобы там, ничего не стесняясь, справлять вакханалии и оргии, которые изумили бы новизной даже регента Франции. Так как Берлин составляет центр монархий, откуда распространяется на провинции все, и злое и доброе, то испорченность столицы постепенно сообщилась всей стране».

Прекрасный пример Фридриха-Вильгельма III не был достаточно силен для исправления его подданных. Король, счастливый в своем супружестве с прекрасной и благородной принцессой Луизой Мекленбургской, любил семейную жизнь. Коронованные супруги читали вместе сентиментальные романы Лафонтена и забавлялись детскими балами, этим глупейшим и вреднейшим изобретением аристократической скуки. Королева, так же как и король, не давала ни малейшей пищи скандальной хронике; зато эта хроника страшно злилась на нее и не могла простить прелестной молодой женщине невинного тщеславия, с которым она выказывала свою грацию в танцах. Представителем романтизма при прусском

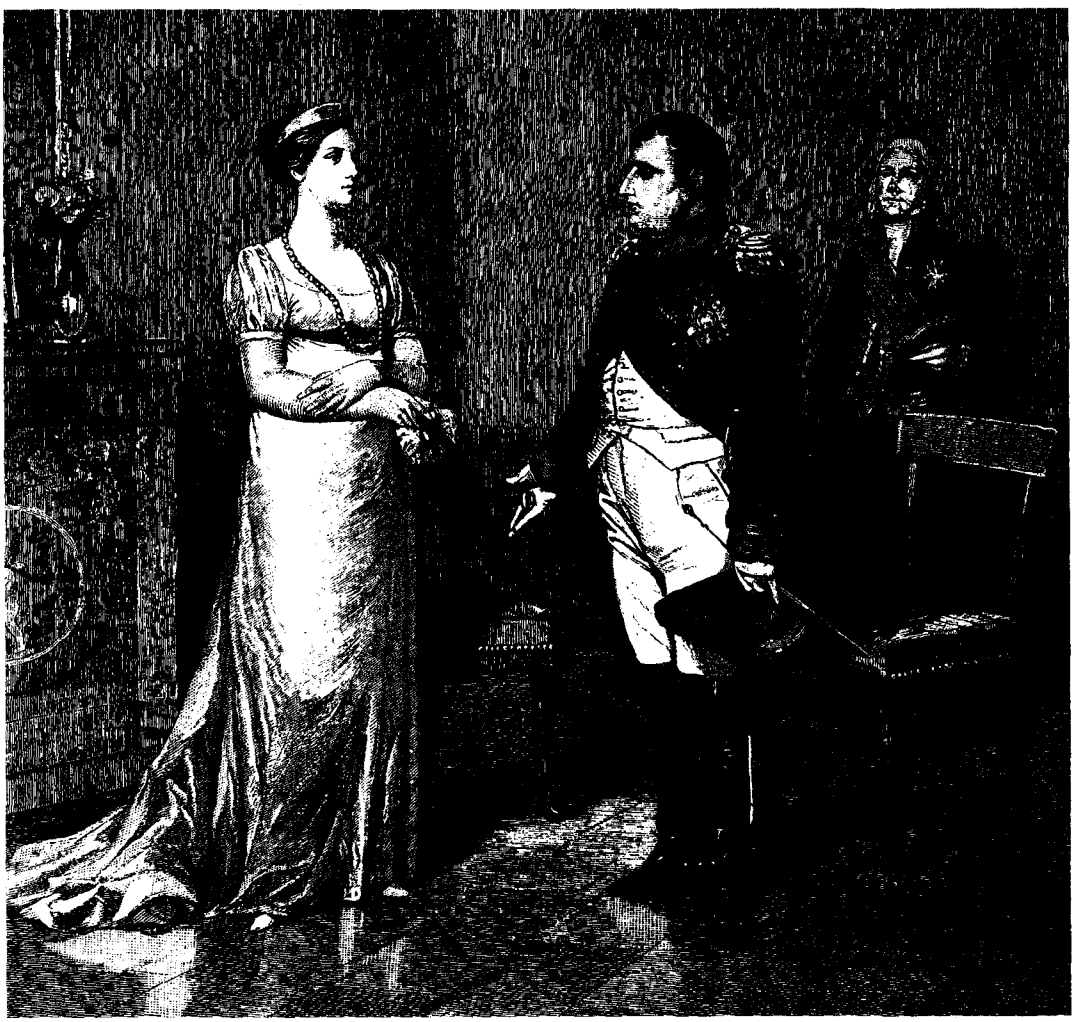
дворе являлся принц Людвиг, племянник Фридриха Великого. По своим гениальным способностям и своему образу жизни принц сильно напоминал того афинянина, имя которого ему часто придавали, называя его немецким Алкивиадом. Принц Людвиг с любовью собирал вокруг себя кружок умных и в то же время утонченных кутил вроде Иоганна фон Мюллера и Генца. Его загородный дом Шрике около Магдебурга был центром этих веселых собраний. Адъютант принца Карл Ностиц, впоследствии русский генерал, в дневнике, изданном в 1848 году, рисует довольно светлыми красками тамошнюю жизнь. «В Шрике мы проводили время очень весело, — рассказывает он. — В 10 часов утра нас будил лай охотничьих собак. Мы наскоро завтракали и отправлялись в сопровождении егерей и любителей охоты. В 5 часов мы возвращались, в 6 садились за стол. Здесь нас ожидало общество веселых мужчин и женщин. Изысканные кушанья и доброе вино, особенно шампанское, утоляли наш голод и жажду; обед, по обычаю древних сопровождаемый музыкой и разными развлечениями, продолжался необыкновенно долго. Подле принца стояло фортепиано. Среди разговора он оборачивался на стуле и брал несколько аккордов, капельмейстер Дуссек тотчас продолжал их на другом инструменте. На столе постоянно менялись кушанья и напитки, всякий мог выбирать себе что хотел по вкусу. Кто не пил и не ел, тот играл в карты и кости или занимался разговором со своим соседом. Женщины, развалясь на софах с античной свободой, шутили, пленяли, увлекали и сообщали обществу оттенок нежности и мягкости, немыслимый в грубой, односторонней компании мужчин. Часы быстро летели; незаметно проходили вечер и ночь, часто случалось, что мы расходились в 5, 6, 7 часов утра и многие вставали с того самого стула, на который сели вечером».

Прусский Алкивиад не мог обойтись без берлинской Фрины, Лаисы или Тимандры; все прелести и чары этих трех греческих гетер соединялись в Паулине Визель, публичной женщине, отличавшейся необыкновенной красотой и темпераментом Мессалины. При виде яростной страсти, внушенной принцу этим демонски-похотливым созданием, начинаешь понимать вампиризм славянских мифов и саг. Совершенно в другом роде и гораздо благороднее были отношения прусского Алкивиада к еврейке Рахили Девин, таившей в сердце пламенную любовь к этому «самому человечному из современных принцев», как она его называла, между тем как он видел и уважал в ней только «своего лучшего друга». Рахиль, впоследствии жена живописца на фарфоре Фарнгагена фон Ензе, по своему проницательному уму и по благородству своей души может быть названа одной из пленительнейших личностей реставрационного периода. Неизвестная как писательница, она много сделала для литературы личным

влиянием и письмами; между прочим, она содействовала ясному пониманию и оценке Гете. Рахиль и Беттина положили основание тому влиятельному положению женщин в немецкой литературе, которое хотя, с одной стороны, и способствовало развитию дилетантизма, но зато с другой — во многом помогало тому, чтоб результаты умственной деятельности глубже проникли в жизнь современного общества.

А между тем, пока берлинское общество погрязало в разврате, пока молодые гении задавали пиры в античном вкусе, над Пруссией собралась гроза, страшно разразившаяся при Ауэрштедте и Йене (1806). Гнилое государство, бесцельно блуждавшее из стороны в сторону под управлением грязной троицы Гаугвица, Ломбарда и Лукезини, рухнуло. Напрасно принц Людвиг, загладивший свое юношеское беспутство благородной смертью воина на полях Заальфельда, предсказывал, что «Пруссия не устоит против силы Франции, для которой война необходима, что она падет без помощи, может быть даже без чести». Его пророчество исполнилось. Несчастная разрозненность Германии, делавшая возможным злорадство Пруссии во время Аустерлицкого поражения Австрии, пала теперь тяжелым гнетом на саму Пруссию. Наполеон не мог надивиться быстроте и легкости своих побед в походе 1806 г., разрушившем монархию Фридриха Великого. «Пруссаки еще глупее австрийцев», — говорил он. Подлая трусость, с которой знатные прусские генералы почти без выстрела сдавали сильнейшие крепости королевства во власть врагов, показала, какую ненадежную опору для трона составляла в минуты опасности немецкая аристократия; прусское бюргерство дало, в лице честного кольбергского бюргера Неттельбека, хоть один пример того, что честь, мужество и сила еще не совсем покинули страну.

Тильзитским миром начинается период унижения Пруссии и вообще всей Германии. Но в то же время это был и период очищения. После несчастного похода 1809 г. и Австрия должна была признать власть великого полководца. Под свинцовым гнетом наполеоновского господства, испив всю чашу унижения, Германия нашла, наконец, на дне ее потерянное чувство национальной гордости. Надо прочесть письма и произведения Гейнриха фон Клейста, чтобы понять всю тоску, все негодование, наполнявшие в то время сердца патриотов. Клейст, лишив себя жизни в 1811 г., является лучшим представителем патриотической стороны романтизма; человек в истинном значении этого слова, он в то же время был и великим драматическим писателем[10]. При прусском дворе стали наконец понимать знамения времени. Из северного уголка государства, куда удалилось королевское семейство, королева Луиза писала своему отцу: «Я все более и более прихожу к осознанию, что все случилось именно так, как



Г. Франц. «Королева Луиза и Наполеон в Тильзите»

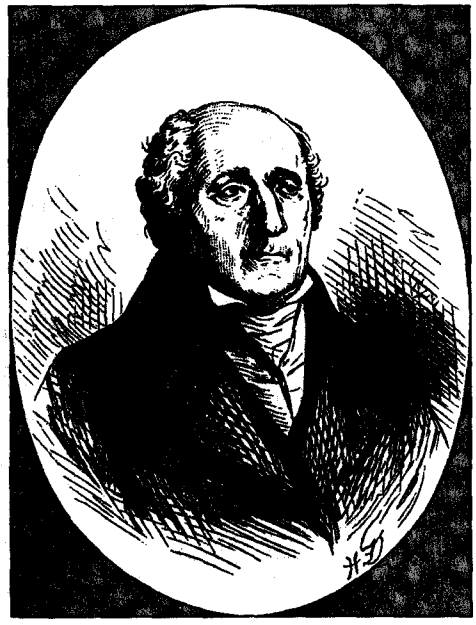
должно было случиться. Божественное Провидение ясно ведет мир по новому пути; настает новый строй жизни, ибо старый отжил свое время и падает под тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврах Фридриха Великого, мы не пошли за новым веком, им созданным, и век обогнал нас». Нашлись средства для обновления Пруссии, оказавшего в свою очередь влияние на возрождение всей Германии. Во главе армии, организация которой требовала коренных преобразований, появились люди вроде Шарнгорста, Гнейзенау и Бойена. Шарнгорст начал с уничтожения кос и палок. Введенная им военная система основана на обязанности каждого гражданина нести военную службу. Он уничтожил привилегию дворян на звание офицеров и предоставил право на повышение

Генрих фон Клейст

Г. Франц. «Королева Луиза»

благодаря знанию и храбрости, в каком бы сословии они ни проявлялись. Рядом с постоянным войском был учрежден ландвер и ландштурм, польза которых вскоре была доказана на деле. Все эти нововведения в войске были запечатлены тем либеральным направлением, которое одержало во французской революции победу над средневековым духом каст и автократическим деспотизмои; все они стремились пробудить и поднять чувство самоуважения в народе. То же самое можно сказать о реформах гражданского управления, во главе которых стоял энергичный патриот фон Штейн.

Направление Штейна ясно из слов, сказанных им еще в 1796 г. принцу Людовику: «Деспотические правительства портят характер народа, удаляя его от общественных дел и поручая их толпе корыстолюбивых чиновников». Это презрение к бюрократии выразилось и в реформах, которые Штейну удалось-таки провести, несмотря на яростные крики дворян и бюрократов. Конечной целью этих реформ было объединение всего немецкого народа посредством общего представительства. Наиболее славными между ними были: во-первых, уничтожение поземельной аристократии эдиктом 9 октября 1807 г., отменявшим личную и наследственную зависимость крестьян и разрешавшим покупку поместий бюргерами и крестьянами; и во-вторых, новое устройство городов на началах общинного самоуправления, провозглашенное эдиктом 19 ноября 1808 г. Эти ре-



Э. Хартманн. «Барон фон Штейн»

формы положили основание свободному крестьянству и свободному городскому сословию в Пруссии. По настояниям Наполеона Штейн был удален из министерства, но начатое им реформаторское движение продолжалось и после него. В королевском указе 1810 г. об уничтожении канцелярского слога во всех присутственных местах мы видим серьезное стремление к сближению правителей с управляемыми. Совет Штейна «поддерживать посредством литературы и воспитания здоровое и сильное общественное мнение» не был забыт его преемником Гарденбергом. Гарденберг понимал, что судьба Пруссии зависит от воспитания народа. Потому-то он и не жалел издержек на основание и содержание новых университетов в Берлине и Бреславле. В Берлин — план тамошнего университета составлен Вильгельмом Гумбольдтом — был приглашен Фихте, и здесь в зиму 1807—1808 гг., под шум барабанов французского гарнизона, гремевших на улицах города, мужественный философ произносил свои чудные речи немецкой нации — речи, в которых он развил величественный план народного образования и высказал все, что только можно сказать глубокого и прекрасного о любви к родине. К его голосу вскоре присоединился с юга Германии голос Жан-Поля; сочинения этого писателя составляют мужественное воззвание к национальному чувству немцев, униженному тщеславием Наполеона, и глубоко оскорбленному политической смертью патриота-книгопродавца Пальма.

Замечательно, что это угнетенное национальное чувство снова нашло убежище в одной из форм, созданных XVIII столетием, — в тайных обществах.

В период Просвещения иллюминаты пытались пересоздать социальный быт, теперь ненависть к чужеземному игу создала союз, который, впрочем, был тайной для одних только французов. «Союз добродетели» — так называлось это общество, основанное сначала 20 человеками в Кенигсберге и разветвившееся вскоре по всем провинциям Пруссии, — был учрежден с дозволения правительства, на утверждение которого представлялись его статуты. В этих статутах союз называется «нравствен-

В. Фридрих. «Расстрел Пальма»

но-научным обществом» — название, доказывающее его чисто немецкое происхождение. Чего хотело достигнуть это общество и какими средствами — все это ясно видно из следующих параграфов его устава: «Цель общества есть исправление нравственности и развитие благосостояния прусского и всего немецкого народа соединенными и общими трудами безупречных людей. Средства общества — слово, письмо и пример». Французы тотчас поняли все значение этого союза, как только узнали о его существовании. Они принудили короля Пруссии уничтожить союз. Но уничтожение это было только формальным, в действительности же общество продолжало существовать, и его влияние было тем значительнее, что в числе его членов — основательно или нет — называли многих лиц, занимавших высокое положение в обществе. Одним из самых деятельных членов союза был майор Шиль, известный своей несколько преждевременной и слишком смелой попыткой освободить Германию. Пример его геройской смерти одушевлял собой юных патриотов. Когда в 1813 году разразилась великая народная война против Наполеона, сгубившего лучшие силы своей армии во время несчастного похода в Россию, эти юноши показали, что реформы в Пруссии уже воспитали поколение, понимающее

значение слов «отечество» и «свобода». 17 мая 1813 г. Фридрих-Вильгельм издал знаменитое воззвание «К моему народу», а 25 марта явилась еще более знаменитая калишская прокламация, обещавшая немецкому народу внутреннюю и внешнюю свободу, «восстановление немецкой свободы и независимости и создание великого государства в духе немецкого народа, дабы соединенная воедино Германия, сильная и обновленная, заняла достойное место в ряду европейских держав». Великие, торжественные обещания, так скоро оказавшиеся печальным обманом!

Неслыханное воодушевление овладело населением Северной и Северо-Восточной Германии, постепенно оно сообщилось югу и западу. Эрнст Мориц Арндт и Макс фон Шенкендорф возбуждали энтузиазм масс своими пламенными, глубоко прочувствованными военными песнями. Теодор Кернер присоединил меч к лире и при Гадебуше кровью своего сердца запечатлел искренность чувств, которые патриотическая мысль, чистейшая и прекраснейшая мысль романтики, зажгла в сотнях тысяч сердец. После битв при Гросгершене, Бауцене, Дрездене, Кацбахе, Гросберене, Денгивице, Лейпциге Наполеон вынужден был отступить за Рейн. Германия освободилась от французов[11].

Во время «юной Германии» вошло в моду говорить с насмешкой и презрением о войнах за освобождение. Но это в высшей степени глупо, тем более что в этих войнах главную и лучшую роль играли немцы, особенно пруссаки. Правда, в конце концов войны за освобождение оказали помощь одному лишь абсолютизму; но правда и то, что немецкие народы не виноваты в этом результате. С Наполеоном французская революция потеряла свой космополитически-эмансипационный характер и увлеклась себялюбивой страстью к завоеваниям. Неужели же при таких условиях немцы не могли заменить и свой космополитизм национализмом и бороться против высокомерия завоевателей? В минуты воодушевления никто не мог и не смел предчувствовать страшных результатов войны за свободу. Даже самые пылкие патриоты, радовавшиеся как торжеству свободы падению немецкой империи, раздували теперь бурю против Франции. Пламенные речи Герреса в его «Рейнском Меркурии» сделали его общественной силой. Даже старый Гете не мог вполне устоять против всеобщего движения. Он, который еще весной 1813 г. в Дрездене говорил Кернеру и Арндту: «Гремите сколько хотите своими цепями, вы не разорвете их: этот человек (Наполеон) слишком велик для вас», теперь тоже начинает высказывать, правда, с величайшей осторожностью свой немецкий патриотизм. Так, в драме «Пробуждение Эпименида» он влагает в уста героя следующие слова: «Bruder auf, die Welt zu befreieu. Kometen winken, die Stund ist gross. Alle Gewebe der Tyranneien haut entzwei und

Ф. Дефреггер. «Андреас Хофер на Изельберге»

reiszt euch los» («Восстаньте братья, освободите мир! Кометы указывают вам, что великий час настал. Разорвите сети тиранов и вырвитесь на свободу»). «Глас народа прозвучал, глас Божий раздался», — восклицает он, забывая свое недавнее мнение, что «масса почтенна в битве, но жалка в суждениях».

«Что завоюет меч, того не отнимет перо»! — пророчески сказал както за тостом «Маршал, вперед!» прозорливый патриот и истинный вождь войны за освобождение Гебгарт Лебрехт Блюхер, этот демократ до мозга костей, нередко обзывавший на своем гусарском языке всех дипломатов именем «злобного стада тихоходов или толпы вредоносных лисиц». Однако его пророчество не сбылось. Перо отняло завоевания меча. В Вене собрался конгресс государей и дипломатов, долженствовавших устроить дела Европы. В то время нравственный уровень австрийской столицы был до того низок, что в знатных семействах 12-и 13-летние мальчики открыто держали любовниц. Вскоре всем проницательным патриотам стало ясно, что Германии нечего ждать от этого конгресса. Вот что пишет в своем дневнике полковник Ностиц, о котором мы уже упоминали выше: «16 января 1815 г. Все великие результаты конгресса, в конце концов, сво-

дятся к той же торговле человеческими душами, которая преобладала на аугсбургских и регенсбургских конференциях, когда люневильская медиатизация разделяла страну по кусочкам. Все это ничуть не лучше того, что делал и Наполеон. Все вращаются в той же дилемме своекорыстия, черствости и ограниченности. Дурные и посредственные министры заправляют безнравственной политикой и, не обращая никакого внимания на народ, мерят все на свой дрянной аршин». Те же жалобы повторяет патриот Штейн в письме своем от 16 ноября 1814 г.: «Настало время ничтожества, время посредственностей. Все они вылезают вперед и занимают свои старые места, те же, кто всем жертвовал для дела, забыты и устранены».

Члены конгресса танцевали и предавались наслаждениям. За шлейфами полдюжины развратных, продажных женщин большого света влачился весь сонм дипломатических знаменитостей. Женщины вертели всей политикой. Часто важнейшие переговоры откладывались потому только, что тот или другой спаситель государства занимался постановкой живых картин или румянил властительницу своего сердца. Среди этого водоворота пиршеств, любовных и денежных интриг некогда было думать о народе. Да в нем теперь и не нуждались: он уже пожертвовал всем своим достоянием и кровью для своих державных властелинов.

Правда, император Франц заметил как-то, что «Народ тоже что-нибудь да значит теперь!», но стоит ли обращать внимание на нечаянно

Э. Хюнтен. «Блюхер спешит в Ватерлоо»

Блюхер. Гравюра на меди

вырвавшуюся либеральную фразу, не имевшую никаких результатов. В начале конгресса прусские уполномоченные объявили, что «при составлении конституции будет обращено внимание не только на взаимные отношения различных дворов, но и на удовлетворение справедливых требований народа, который, помня старое устройство империи, погибшее лишь вследствие несчастных обстоятельств, проникнут убеждением, что его безопасность, благосостояние и процветание чисто народной цивилизации зависит от соединения Германии в одно твердое государственное тело и потому не желает более быть разделенным на части». Но все это оказалось лишь фразой. Вместо обещанной народу национальной конституции «в чисто германском духе» ему дали немецкий союзный акт (от 8 июня 1815 г.), по смыслу которого немецкий союз являлся «соединением государей и свободных городов, в котором, кроме императора австрийского и короля прусского, принимают участие еще 4 короля, 8 великих герцогов (из них один носит звание курфюрста), 9 герцогов, 11 князей и 4 вольных города». Все, что было обещано немецкому народу в союзном акте относительно свободы печати, сословной организации и пр. или совсем не было исполнено, или отменено на позднейших конгрессах вроде Карлсбадского (1819), который Вильгельм Гумбольдт называет «постыдным, противонародным, возмутительным для мыслящего народа». Некоторые честные, благородные немецкие князья, как например Карл Август Саксен-Веймарский, пытались держаться народной и либеральной политики, но вскоре и они были вынуждены отказаться от нее. Союзный сейм, собиравшийся во Франкфурте-на-Майне под председательством австрийских уполномоченных, был только слепым орудием политики Священного союза. Нет нужды рассказывать о том, как эта политика, лучшим изложением доктрин которой служит длинное феодально-поповски-абсолютическое сочинение швейцарского апостата Людвига фон Галлера «О восстановленном государственном праве» (1816), старалась, пренебрегая всеми требованиями справедливости, чести и стыда, восстановить доброе старое благочестивое время, как она отдала все дела в руки ока-

менелых, тупых и ленивых аристократов; как она преследовала каждый самый легкий намек немецкого народа на данные ему обещания, каждое напоминание о его правах, каждое проявление патриотического чувства, как развращала немецкую юность, как положила начало бюрократии, бесстыдно низкопоклонной с высшими и жестоко грубой с низшими, как старалась всеми силами выдать за национальную добродетель покорность, приводившую в негодование «собачью», даже Шлецера и Мозера, как сделала немцев рабами в их отечестве и предметом насмешек в чужих странах, как довела, наконец, до того, что орган английского правительства мог безнаказанно бросить нам в глаза смертельно-оскорбительное замечание: «Немцы — самый трусливый и подлый народ в свете!». Все это записано слишком болезненными чертами в сердце каждого честного немца, распространяться об этом будет совершенно излишне.

«Германия — это только географический термин», — сказал президент Венского конгресса, первый министр первой немецкой великой державы, князь Меттерних. Он получал от России ежегодно определенную сумму в 50 000, а впоследствии в 75 000 дукатов для покрытия «расходов на его корреспонденцию с царем». «На нас еще хватит apres nous le deluge», — вот высшая мудрость этого государственного человека, в 1822 г. позволившего себе такие выражения о домашних делах нескромного Гормайера, которые невозможно повторить здесь, но которые бросают своеобразный свет на нравственность «консерваторов».

От барина перейдем к лакею — к Фридриху фон Генцу, секретарю Венского конгресса и придворному публицисту реставрационной политики. Мы займемся на несколько минут этим гофратом, перешедшим из прусской службы в австрийскую. В Генце, этом олицетворении подлости и отступничества, ярче всего проявляются политические и нравственные последствия романтизма. Он показывает нам, в какое бездонное болото эгоистичного цинизма и подлой дряхлости пала ироническая гениальность романтиков. Публицистическая деятельность Генца носила на себе первоначально следы кантовских идей просвещения, как это видно из либерального письма, написанного им при вступлении на престол Фридриха-Вильгельма III. Позднее в его убеждениях проглядывает патриотическая сторона романтики: в записке от 1804 г. он доказывает, что все несчастье Германии происходит от ее разрозненности и выражает сожаление об этой разрозненности неоспоримо образцовым слогом. Заметив, что этот тон в моде, он стал публично торговать им, так что даже получил возможность «безумно хорошо устроить свою жизнь». Потом он сделался пенсионером европейских кабинетов или, лучше сказать, вице-пенсионером, так

Меттерних

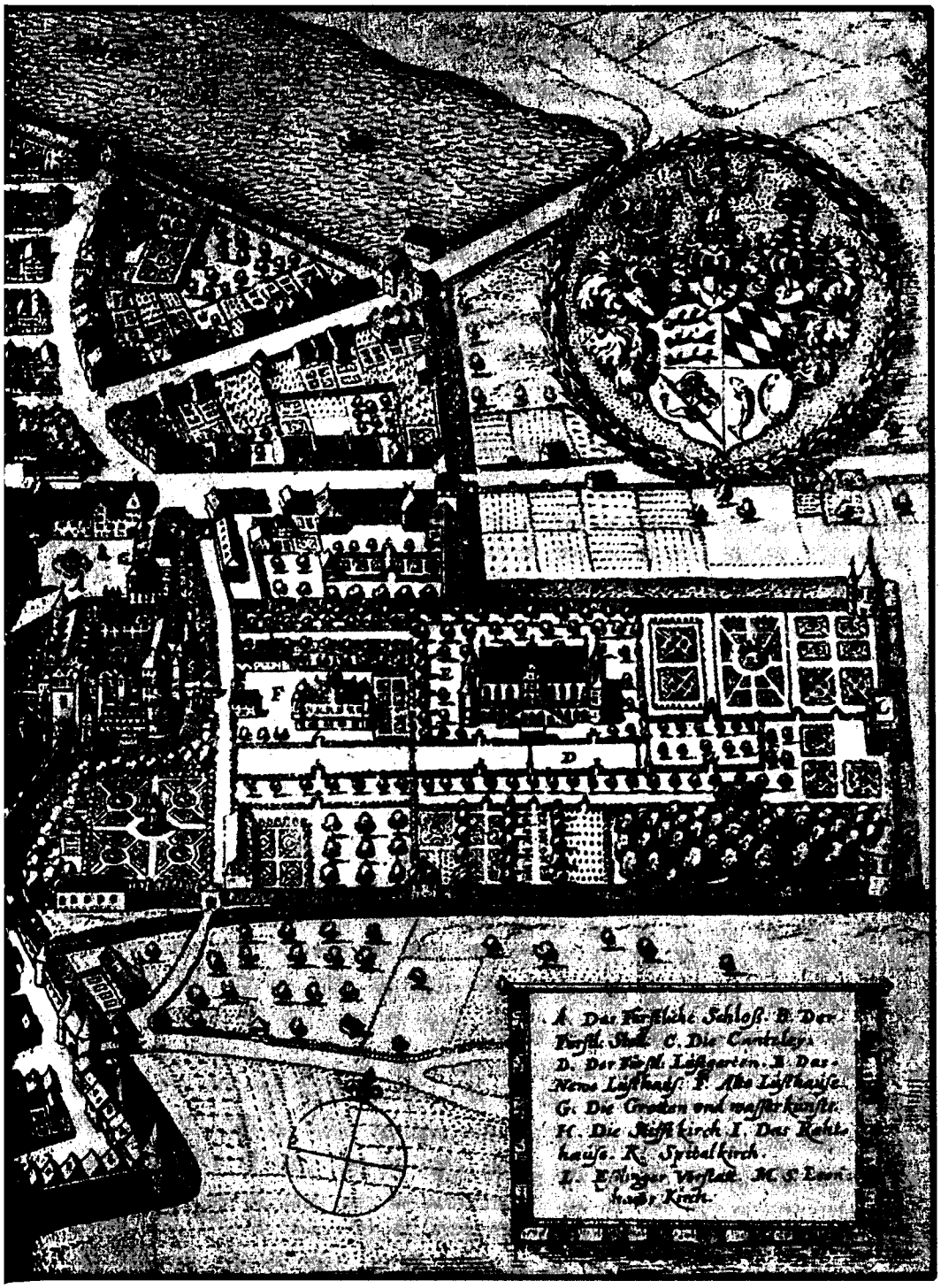
как звание пенсионера должно быть предоставлено его господину и наставнику Меттерниху. В апреле 1814 г. Генц писал Рахили: «Как только мне удается бросить перо, я занимаюсь убранством моих комнат и неутомимо придумываю, как бы мне истратить побольше денег на мебель, духи и все утонченности так называемой роскоши. Мой аппетит, к несчастью, исчез, одним только завтраком я еще сколько-нибудь интересуюсь». И дальше: «Какая страшно скучная вещь жизнь! Меня ничто не радует, я смотрю на все холодно, равнодушно, насмешливо, даже радуюсь внутренне, что так называемые великие события кончаются так смешно. Никто не знает современной истории так хорошо, как я. Жаль только, что мои знания пропадут и для современников и для потомков; для рассказов я слишком скрытен, слишком дипломатичен, слишком ленив, слишком зол; для писания мне недостает ни времени, ни мужества, ни, в особенности, молодости. Я сделался необыкновенно стар и дурен».

Геррес показывает нам другую сторону конечных результатов романтики. Генц закончил эгоистическим колебанием между страстью к наслаждению и скукой; на Герресе же мы можем видеть, к чему приводит романтическое кокетство средних веков, — к самому грубому папизму и обскурантизму. Отделавшись от увлекавших когда-то его идей ярко-красного якобинства и романтического патриотизма, Геррес отправился в Мюнхен и стал там во главе ультрамонтанов, с неутомимым усердием проповедовавших романтический мрак и вводивших в 19 столетии самые бессмысленные средневековые фарсы, самые бесстыдные оргии фанатизма. В Пруссии «германско-христианский» государственный принцип также вскоре приобрел себе сильную партию между духовными офицерами и чиновниками, зараженными романтикой.

Так действовали с юга и с севера католический и протестантский иезуитизм, эти заклятые враги, братски соединившиеся теперь, когда дело шло о том, чтобы задержать при помощи реставрационной политики всякое проявление немецкой народности. Замыслы этой политики ясно проглядывают в тайных решениях венской конференции министров от 12 июля 1834 г. Здесь прямо высказано, что конституционная форма правления навсегда должна остаться в Германии пустой комедией, что единственная годная для нее система есть патриархальная, при господстве которой на народы смотрят как на стадо овец. Само слово конституция было противно державным правителям. Один раз во время легкого нездоровья императора Франца придворный доктор сказал ему, что эта болезнь ничего не значит, ибо у Его Величества здоровая конституция. «Что это вы говорите? — закричал в гневе император. — Никогда не смейте произносить при мне этого слова. Скажите, что у меня крепкое здоровье, хорошее телосложение, как хотите, только не конституция. У меня нет конституции и никогда ее не будет». В тяжелое время у императора, как мы говорили, вырвалось выражение, что и народы теперь что-нибудь да значат; впоследствии он часто говаривал: «Народы? Что это значит? Я не знаю никаких народов, я знаю только подданных». В духовном завещании император оставил народу свою любовь — «amorem meum populis meis».

Вообще, все гордые надежды, возбужденные в Германии романтикой войны за освобождение, были немилосердно разрушены Венским конгрессом. Но патриотическое одушевление не умерло в сердцах лучшей части немецкого юношества. Она понимала идею «христиански-германского государства» совсем не так, как понимали ее г. фон Галлер и дипломаты вроде г. фон Генца. Она мечтала о единой, великой, свободной Германии. Эта основная идея представлялась ей совершенно ясно, хотя все подробности ее осуществления исчезали в тумане. В этом тумане смутно являлись представления и о первобытно-тевтонской грубой свободе, и о средневековой рыцарской любви, и об антиримском лютеранстве, и о шиллеровском прозаизме, и о кантовском просвещении, и о якобинском республиканстве, и над всем этим возвышался фантастический образ демократической республики со средневековым романтическим императором во главе. Впоследствии противоположности идеалов выступили резче, и постепенно рядом с монархическим патриотизмом образовался республиканский, на который повлиял отчасти итальянский карбонаризм и французские тайные общества. Вернувшись после битв за освобождение в университетские аудитории, образованная молодежь, научившаяся чувствовать во время своей добровольной военной службы, живо и горячо отзывалась на все великие вопросы времени. Немецкие университеты,

ШТУТГАРТ


A. Das Fürstliche Schloss. B. Der
Fürstl. Stall. C. Die Canteley.
D. Der Fürstl. Lustgarten. E. Das
Newe Lusthaus. F. Alte Lusthause.
G. Die Grotten und wasserkunste.
H. Die Stifftkirch. I. Das Rahts
hause. K. Spitalkirch.
L. Eßlinger Vorstatt. M. S. Leon
hauser Kirch.

всегда оказывавшие сильное влияние на народную жизнь, сделались теперь центрами патриотического романтизма, получившего новую закваску в гимнастических обществах. Эти общества, основанные Яноа и Гутсмутом, имели целью развитие как физической силы, так и нравственной бодрости: «бодрость, благочестие, веселость и свобода» были их лозунгами. Ободренная поддержкой своих учителей-патриотов, университетская молодежь мечтала о поддержании и развитии патриотических чувств. Для этой цели она прибегла в старому, хорошо знакомому немецким университетам средству — к составлению обществ. В Берлине кружок студентов основал общество под названием «буршество». Этот новый вид старых студенческих союзов приобрел полное значение только после 12 июня 1815 г., когда в Йене, этом центре высшего немецкого образования, было торжественно основано общество буршей.

Организация обществ буршей, быстро распространившихся в университетах, несмотря на вражду к ним старых союзов ландманшафтов или корпусов, была демократически-конституционная, в противоположность прежней — монархически-абсолютной. Уже одно это обстоятельство — микрокосм разумного строя общественной жизни — способствовало развитию в студентах более серьезных нравственных стремлений. Юношески восприимчивый ум был направлен к более возвышенным целям. Желание сделать честь отечеству приобретением полезных знаний, честностью и мужеством несомненно принесло лучшие плоды, чем пустая рутина прежней академической жизни. При этом не исчезла и веселость. В доказательство можно указать на шутовское пивное государство, герцогство Лихтенгайм, основанное в одной деревне в окрестностях Вены, по образцу монархическому (герцог Туз был его правителем ad infinutum), и на пивную республику Циленгайн. Впоследствии партия «древних немцев» заняла видное место среди буршей. Эти пуритане предавались мистическому аскетизму, часто прикрывавшему жалкое притворство и тщеславие. Они особенно напирали на слова «христиански-немецкий», не танцевали, мало пили, считали поцелуи и волокитство грехом и не допускали евреев вступать в ряды буршей. Они положили начало разным глупым чудачествам и смешному пуризму. Весь род человеческий они разделили на Vorburschen — предбуршей (мальчиков), Burschen — буршей (юношей и мужчин), Nachburschen — послебуршей (стариков) и буршинок Burschenfrau (женщин); отечество есть место буршеских упражнений (Burschenturnplatz), университет — место умственных упражнений (Vernunftturnplatz), профессор — ученый бурш (Lehrbursch). Чтобы и по наружности резче выказать свою противоположность с ландманшафтами, члены которых ходили в куртках, гусарских доломанах и уланских шап-

ках, бурши носили так называемую древнегерманскую одежду: короткий черный военный сюртук со стоячим воротником, на который выпускался широкий воротник рубашки, длинные волосы, голую шею, на голове черную шапочку с золотым желудем или с пером, кинжал, рукоять которого виднелась из бокового кармана, и ленту черно-красно-золотого цвета на груди. Многие молодые люди смотрели на все эти внешние формы, с прибавлением к ним еще гимнастических упражнений и разных технических терминов (Aldeifsche Treue, welfsche Tekeschuule Franzen и проч.), как на весьма существенные вещи. Они впали в мелочность и ограниченность. Другие думали о более серьезных вещах: они серьезно мечтали о политическом преобразовании Германии. Между буршами этого рода особенно замечателен Карл Фаллен; он состоял в сношениях с карбонариями и неутомимо старался опутать всю Германию цепью большого революционного союза; этот союз должен был делиться на союз юношей и на союз мужей и находиться под руководством тайных начальников, облеченных полной властью.

Карлу Фаллену приписывают обыкновенно так называемую «Большую песню», которая по своей напыщенной многоречивости представляет некоторое сходство с Марсельезой[12]. Менее достойной уважения личностью из среды буршей того времени является Вит, по прозванию фон Дорринг, полуфанатик и заговорщик, полумушар и доносчик, описавший впоследствии всю свою жизнь в пространных мемуарах, конечно, не очень заслуживающих доверия.

Замечательно, что в буршеских кругах снова выступили качества, отличавшие некогда «Гайнбунд». И здесь, как там, рядом с тевтонской грубостью являлась сигвартовская сентиментальность. Не знаешь, смеяться или печалиться, слыша рассказ о том, как бурш Карл Людвиг Ранд отправляется из Тюбингена в Ерланген, «с благодарной радостью» одевается в свой старонемецкий наряд, садится и составляет следующие правила союза буршей: 1) Наше время походит на всякое другое время крупных переворотов, особенно на время немецкой Реформации. Но теперь совершается более научно-бюргерский переворот. 2) Паролем немецких буршей должно быть: добродетель, наука, отечество. 3) Кто признает эту идею, тот наш любимый брат. С этих пор надо думать о начале новой жизни. 4) Для осуществления этой великой цели следует ввести общее свободное буршество во всей Германии. 5) Бурши не должны быть связаны клятвой, их должна соединять только идея. 6) Со всем нечистым, бесчестным, дурным каждый должен вступать в открытую борьбу собственной силой и волей. Целое же общество не следует вмешивать в эти столкновения. 7) Нашей дорогой немецкой земле нет другого спасенья, кроме этого общего

свободного буршества. Все истинно высокое и прекрасное станет присущим братски связанным благородным юношам Германии. 8) Главные правила в общих чертах должны быть одинаковы для всех буршей. 9) Врагами немецкого народа считаются: a) римляне, b) монашество, c) солдатчина. 10) Новый дух исходит от нескольких замечательных людей и юношей. Государи не умеют угадать его. 11) Главная идея союзного праздника: «Крещением все мы сделались священниками. Вы составляете царское священство и священное царство». Из всего этого хаоса разумных и неразумных мыслей видно только, что бурши отдельных университетов старались превратить свои общества в большой национальный союз; союз этот должен был сформироваться во время большого, национального праздника.

Таким праздником было торжество в Вартбурге по поводу 300-летнего юбилея Реформации. Первая мысль об этом празднестве принадлежит Масману, тогда еще студенту Йенского университета и страстному сторонник гимнастических обществ. 18 октября 1817 г. был отпразднован юбилей Реформации со всей помпой буршеской романтики, со всею серьезно-важной религиозной торжественностью. Вечером в Вюртемберге, напротив Вартбурга, развели большой огонь и среди восторженных речей предали пламени символы «периода кос»: шнуровку, косу и капральскую палку, а также антипатриотические и абсолютистические сочинения. Этот символический костер скоро навлек на буршей подозрение, ненависть и преследования со стороны правительства. Но, как бы то ни было, общее германское буршество было основано. На большом собрании буршей в Йене на святой 1818 г. оно получило более прочную организацию, которая давала буршам возможность трудиться для осуществления их идеала — основания единой Германии на началах народно-свободных учреждений. Но этот труд был прерван в самом начале. В марте 1819 г. низкий Коцебу, открыто игравший роль русского шпиона и предателя своего отечества, пал в Мангейме от руки эксцентричного Занда. Как будто только и ждали такого крайнего поступка со стороны патриотической романтики: сеть исполинского паука, называемого майнцской центральной следственной комиссией, тотчас же охватила собой буршество вместе со всем, что состояло с ним в какой-нибудь, хотя самой отдаленной, связи. Патриотический романтизм, шесть лет тому назад приветствуемый рукоплесканиями, был теперь заклеймен именем «проклятой демагогии». По всей Германии началось страшное гонение на демагогов, гонение, сгубившее столько юных сил, столько благородных стремлений! Дух Реставрации или «успокоения», как называли его в Пруссии, был неумолим. «Ужас демагогии» доходил до аффектации. Даже безупречно благонамеренный

«учебник» Арндта подвергся преследованию, а сам автор был лишен кафедры. При печальных звуках сложенной Бинцером песни «Wir hatten gebaut» торжественно разошлось в 1828 г. в лесочке около Йены общество йенских буршей. Однако в тайне буршества продолжали свое существование, замаскированное под названиями вроде арминиан, германцев и пр. В 1848 г. бурши неожиданно вновь выступила на сцену на большом студенческом конгрессе в Вартбурге. Подобно тому, как в прежних студенческих «корпусах» пользовался бессмертной славой «коммент» — это законодательство бессмыслия, с его идиотизмами и чисто механическими определениями чести, так и в союзах буршей наследственно передавались традиции патриотической романтики. Однако со временем в них проникли конституционно-либеральные и демократически-революционные идеи. Мы находим уже симптом огромной разницы между 1817 и 1848 гг.: на студенческом собрании этого последнего года многие восстали против пения означенного в программе праздника лютерского гимна «Ein veste Burg» на том основании, что «в числе присутствующих могут быть люди всех религиозных партий, и даже люди совсем не признающие религии».

После официального устранения патриотического романтизма общественная жизнь Германии 20-х годов замкнулась в формы механически-полицейского государства, в котором не было граждан, а были «только ленивые массы негодяев, управляемые на манер скота, которому дают известное количество света и воздуха, корма и питья, подстилки и места движения и покоя; где забота об общественном благе считается преступлением, где общая подлость обвивается цепью вокруг болезненного эгоизма, самопрезрения и умственного разлада — этих следствий насильственного стеснения общественной жизни». При таком положении вещей народ легко впадает в тупоумное прозябание, свинцовое однообразие которого нарушается только жаждой пошлых наслаждений. Но добрый гений немецкого народа хоть отчасти спас его от этого пагубного усыпления: лучшие силы нации снова устремились на ту область, разработка которой всегда служила для немцев утешением в политических несчастиях и неудачах, — на область идеальных интересов науки и искусства. И для того, и для другого натурфилософски-романтическое движение литературы принесло много плодотворных семян, развитию которых не в силах была помешать и душно-реакционерная атмосфера реставрационной политики. Попытки Шлейермахера — более или менее остроумные — примирить разум и веру внесли новые элементы в теологию. Элементы эти были разработаны Де Ветте и другими. В то время как Талук, Генгстенберг и Круммахер явились защитниками ортодоксии и довели мягкосердечный пиетизм до фанатизма испанских священников, среди католиче-

В. Фридрих. «Праздник буршей в Вартбурге»

ской церкви началась научная борьба с гермезианизмом, основными положениями которого воспользовался впоследствии Эллендорф для своей полемики против иезуитов. Борьба эта под влиянием романтики должна была привести к возрождению средневекового мистицизма, проявляющегося в сочинениях Баадера, и к восстановлению ультрамонтанских притязаний в их самой грубой форме. Неутомимой деятельности римской пропаганды помогало ученое усердие католических теологов вроде символика Молера. Филологические изыскания, которые с таким успехом продолжали по следам Гейне и Вольфа замечательные лингвисты и археологи вроде Бутмана, Германна, Бока, О. Миллера, Якобса, Тирша, получили значительную поддержку со стороны начавшегося теперь изучения восточных наречий. Это изучение, благодаря трудам целого ряда ориенталистов, во главе которых стоят Гаммер-Пургшталь, Болен, Флейшер, Лассен, Бенфей, Эвальд и Гициг, принесло громадные плоды. Важнейшим из его результатов было создание новой науки сравнительного языкознания. Светоч этой науки (отцом которой справедливо считается Франц Бопп) осветил нам густой мрак доисторической жизни народов. Данные, добытые с помощью изучения языка и литературы Востока, дали возможность с большей уверенностью спуститься к источникам наших

религиозных представлений и начать ряд тех религиозно-философских исследований, которые, начиная с попыток Крейцера и до трудов Роте, играли такую важную роль в деле развития научного сознания. Романтика, обращавшая свои взоры на прошедшее, указала Якобу и Вильгельму Гриммам во мраке древненемецких лесов и в сумерках средних веков путь, по которому эти исследователи, а впоследствии по их следам Дахманн, Цейс, Гаупт и др., своим неутомимым, беспристрастным исследованием саг, мифов, законов и языка дошли до столь величественных результатов и воздвигли патриотической науке бессмертные памятники вроде грамматики и немецкой мифологии Гримма. Исследование отечественных древностей, для которого открылись тысячи источников в заботливо извлеченной из мрака средних веков литературы, развивало в одно и то же время и энергичный патриотизм, и прозорливый универсализм. Благодаря этим исследованиям сделалась возможна новейшая историческая наука. Герен и за ним Шлоссер и Ранке, заслуживающие каждый в своем роде величайшего уважения, потом Раумер, Дальман, Гервинус, Лаппенберг, Лео, Вилькен, Шмидт, Зибель, Лобелль, Германн, Паули, Дункер, Моммзен, Курциус, Нейманн, Грегоровиус с необыкновенным успехом посвящали свои силы исследованию и изображению древней, средней и новой всеобщей и европейской истории. Со времени издания великого творения Лудена германская история была совершенно перестроена и освещена новым светом, благодаря трудам писателей вроде Пристера, Штенцеля, Коппа, Штелина, Раммеля, Вайца, Бартольда, Перца («Monumenta germaniae historica»), Гормайра, Вирта, Гизербрехта и Гейзера. Биографическое искусство было усовершенствовано Фарнгагеном, Прейсом, Перцом, Дройзеном и Гурайером. Железное терпение Ваксмута осилило обширный материал

Шлеермахер

Э. Хартман. Леопольд Ранке

Э. Хартманн. «Гервинус»

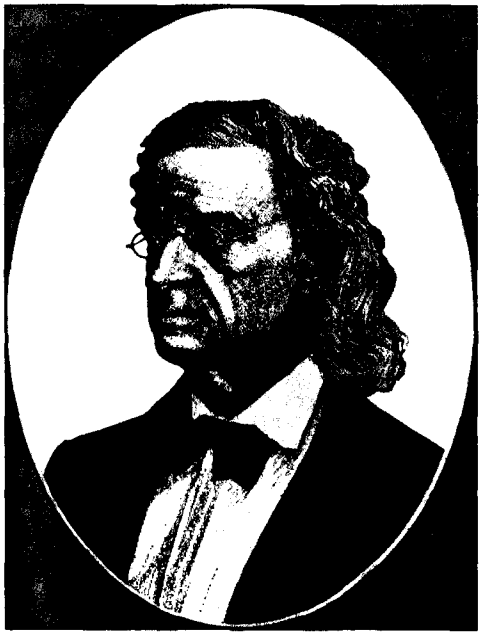
всеобщей истории культуры. Неандер, Гизелер, Тазе, Гфрорер и Гагенбах успешно боролись с громадностью материалов по истории церкви. Развитие философской мысли породило множество сведущих историков. Ни один народ не в состоянии представить нам произведений, стоящих наряду с сочинениями по немецкой литературе Гервинуса, Коберштейна, Гиллебранда, Пруца, Вакернагеля, с трудами по древней литературе Мюллера, Велькера, Бера, Боде и Бернгарди, с сочинением Гетнера по истории европейской литературы XVIII столетия, с трудами Дица — по провансальской литературе, Кларуса и Шако — по испанской, Рута — по итальянской, Ульричи — по английской, Тальви — по германской и славянской народной поэзии и наконец Вахлера, Бутервека и Грессе — по истории всеобщей литературы. Столь же глубоко научно и в то же время изящно разрабатывали историю пластических искусств Тирш, Штиглиц, Шорн, Вааген, Ухтриц, Шнаазе, Куглер, Буркгардт, Брун, Любке, Шпрингер и историю театра Альп и Девриент. Развитие археологии и истории в период Реставрации оказало влияние и на изучение права. Рядом с абсолютистски-иерархической теорией государственного права Галлера, переработанной впоследствии Шталем в христиански-германскую философию права, Клюбер с мужественным свободолюбием развил общественное право германского союза. К. Ф. Эйхгорн своей историей

немецкого государства и немецкого права и своим «немецким частным правом» положил начало разработке истории и теории права; по следам его с особенным успехом трудились Цопфль, Миттермайер, Гаупп, Гефтер, Вехтер, Вильда, Вальтер и др. По теории и истории римского права замечательны исследования Савиньи, основателя исторической школы права. Эта школа, в противоположность философской теории Тибо и Ганса, считавшей за источник права вечно живой деятельный дух народа, выводила право и закон из исторического развития правосознания. Пантеистический дух шеллинговой натурфилософии, нашедшей себе более или менее знаменитых поклонников в лице Шельфера, Шуберта, Стеффенса, Трокслера и Краузе, живительно действовал на естественнонаучный эмпиризм. На основах философской мысли, рассматривающей природу как один цельный организм, развилось величественное, всестороннее исследование природы, дивным результатом которого является целая цепь открытий, с каждым днем все яснее и яснее открывающих человеку его отношение ко Вселенной, открытий, разгоняющих все напускные, воображаемые призраки и иллюзии и несомненно приготовливающих в будущем полный переворот в мировоззрении и во всех социальных отношениях. За Океном следовал целый блестящий ряд натуралистов-открывателей, собирателей, систематизаторов и популяризаторов. Их труды в области геологии, минералогии, астрономии, физиологии, зоологии, ботаники, физики и химии неоспоримо доказывали всю гениальность и усидчивость немецкого народа. Всеми открытиями их в области естествознания гениально воспользовался Александр Гумбольдт. В главном произведении своей жизни, в «Космосе», этой всеобщей истории природы ему удалось уловить дух природы скрытый под покровом внешних явлений и овладеть при помощи идей грубым материалом эмпирического знания. Такое же всемирное значение, как естественноисторическая деятельность Гумбольдта, имели и географические изыскания и выводы Карла Риттера, творца сравнительного землеописания, соединившего все

Александр Гумбольдт

географические сведения старого и нового времени, все открытия и исследования немецких и иностранных путешественников в одну величественную картину земной поверхности.

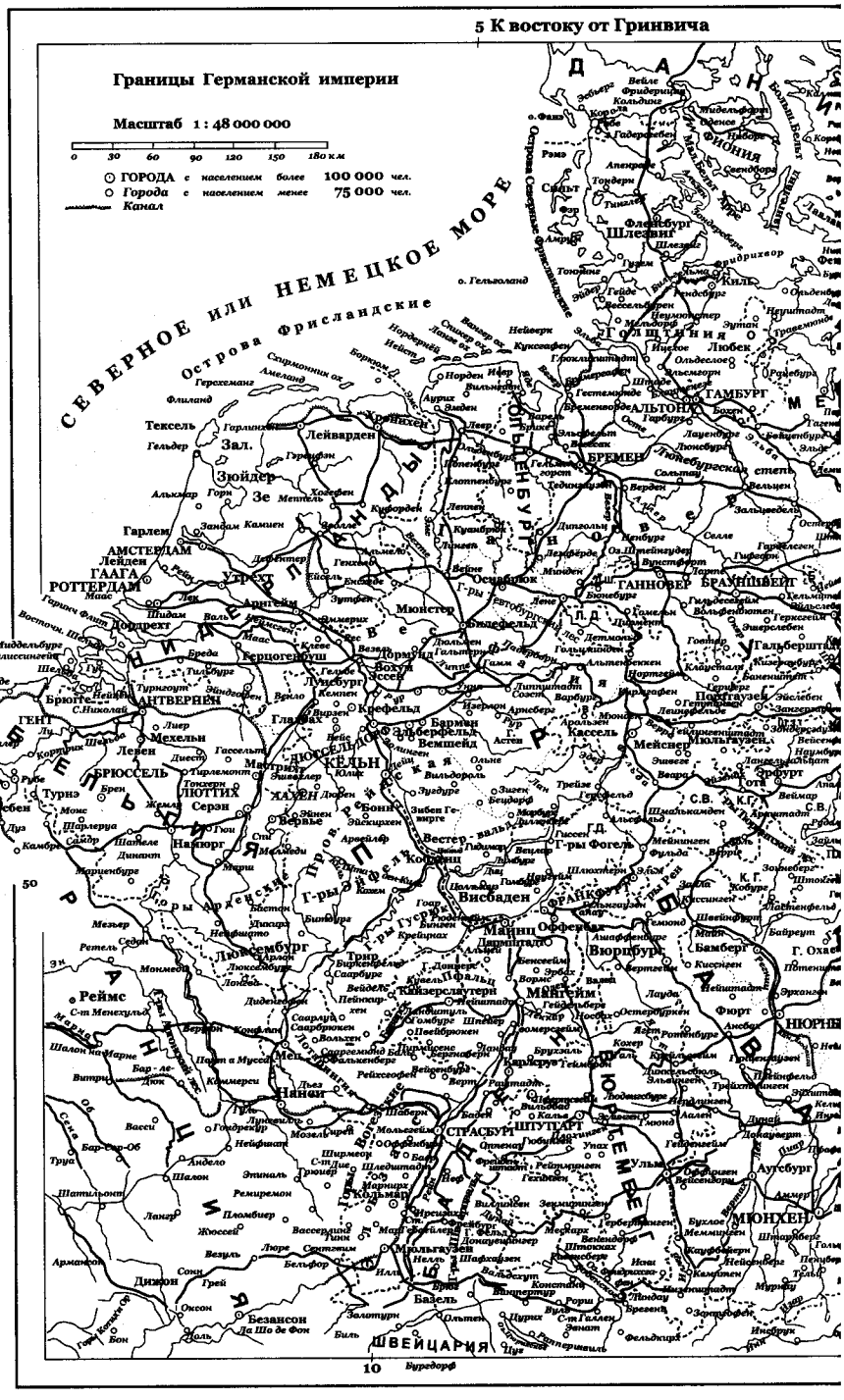
Подробное исследование развития романтики в немецкой поэзии 1810 – 1830 гг. не относится к задаче нашего труда. Это составляет предмет истории литературы. Мы должны ограничиться здесь указанием нескольких писателей, успевших возвыситься над романтическим эпигонством и достигнуть национально-литературного значения. Упомянем прежде всего о Людвиге Уланде и Фридрихе Рюкерте; оба они сделались поэтами под веянием духа *войны за освобождение*. Уланд своими мастерскими балладами создал из здоровых элементов романтики вполне художественные и в то же время популярные типы, а Рюкерт превратил патриотически-идиллические зародыши своей лирики в ветвистое вечнозеленое древо, в ветвях которого стоголосый птичий хор вечно распевает вариации на одну и ту же тему: всемирная поэзия есть всемирное примирение. В песнях Юстина Кернера, Вильгельма Миллера и Иосифа фон Эйхендорфа мы встречаемся уже с осенними цветами романтики, полными лирического благоухания и элегической прелести. Необыкновенное искусство Густава Шваба в создании исторических романсов доставило этому роду поэзии популярность, уступающую разве что популярности исторического романа. Образцом литературных произведений этого рода оставались попрежнему творения Вальтер Скотта, и лучшие попытки немецких романистов Рефуеса, Шпиндлера и Алексиса Геринга остаются далеко позади знаменитых рассказов гениального шотландца. Карл Зимрок своими перепевами древних национально-героических песен не без успеха пытался восстановить более строгие формы эпической поэзии. Его «Книга героев» была для дряхлеющей романтики свежим жизненным источником, из которого народная муза могла черпать новые силы. Романтика вышла в них на твердую почву. Она не блуждает более из стороны в сторону, не мечется беспокойно от одного образца к другому, как в высокоталантливых произведениях Карла Иммермана, искажавшего даже лучшие свои произведения, вроде великолепной вестфальской идиллии в «Мюнхгаузене», романтически-ироническими выходками. С гораздо большей энергией, нежели Иммерман, стряхнул с себя всю жалкую пустоту реставрационного времени Христиан Граббе: его гений был всецело направлен на решение высших задач поэзии. Но драмам Грабе не доставало почвы здоровой национальной жизни; на уединенных высотах абстракции поэтическая сила скоро превратилась в натянутость, и нередко гигантские образы, выводимые поэтом речами и действиями своими, ясно доказывали справедливость изречения, что от великого до смешного один только скользкий шаг.



Теодор Моммзен

Э. Хартманн. «Людвиг Уланд»

В пластических искусствах с конца прошедшего столетия мы замечаем признаки неутомимой деятельности, неудержимого стремления вперед к осуществлению великих задач. Критика Винкельманна и Лессинга, а равно и всего направления немецкой классической поэзии, не прошла бесследно для пластического искусства. Она навела художников на изучение антиков. Плодом этого изучения является реакция против пошлости стиля рококо. Шинкель устремляет все свои усилия, чтобы освободить от вычурной неестественности немецкую архитектуру, а Карстенс, Вехтер, Шик, Кох и Рейнгарт — немецкую живопись. Превосходные граверы вроде обоих Миллеров посвящали свой талант популяризации искусства. Даннекер и Шадов вместе с Шванталером и другими ввели естественность и благородство стиля в немецкую скульптуру и тем доставили гению Рауха и Ричеля возможность создать образцовые произведения, не виданные доселе в немецком искусстве. Не меньшей степени развития достигла в то же время архитектура и живопись. Вообще, эпоха романтизма необыкновенно плодотворно повлияла на искусство. Благодаря ему рядом с той односторонней формальностью, в которую начинало впадать подражание древним образцам, является уважение к немецкой глубине мысли, появляются образы и типы, художественно изображающие немецкий характер. Правда, и здесь не обходилось без крайностей и односторонностей. Так, в живописи односторонний романтизм довел до католического


5 К востоку от Гринвича
Границы Германской империи
Масштаб 1 : 48 000 000
0 30 60 90 120 150 180 км
ГОРОДА с населением более 100 000 чел.
Города с населением менее 75 000 чел.
Канал
СЕВЕРНОЕ ИЛИ НЕМЕЦКОЕ МОРЕ
Острова Фрисландские
Северное море
Ютландия
Шлезвиг
Киль
Любек
Гамбург
Альтона
Бремен
Бременская степь
Нидерланды
Ольденбург
Ганновер
Брауншвейг
Нидерландская Ост-Индия
Амстердам
Лейден
Гаага
Роттердам
Утрехт
Арнгейм
Зютфен
Дордрехт
Мюнстер
Оснабрюк
Лейварден
Зейдер
Зюйдер
Зе
Текселъ
Зал.
Гарлем
Гельдер
Бельгия
Антверпен
Брюссель
Гент
Мехельн
Левен
Лилль
Турнэ
Люттих
Серэн
Намюр
Вервье
Аррас
Валансьен
Дуэ
Камбрэ
Сомбр
Шатлэ
Динан
Мариенбург
Арденнские горы
Люксембург
Трир
Саарбург
Саарбрюкен
Саарлуи
Реймс
Мец
Нанси
Бар-ле-Дюк
Витри
Шалон на Марне
Сена
Марна
Мозель
Страсбург
Кольмар
Шпутгарт
Шлетштадт
Шарлевиль
Мезьер
Седан
Ретель
Монмеди
Арденнский канал
Рейн
Кобленц
Висбаден
Майнц
Оффенбах
Франкфурт
Дармштадт
Вормс
Шпейер
Карлсруэ
Бадэн
Кайзерслаутерн
Пирмазенс
Цвейбрюккен
Ландау
Вейсенбург
Ландау
Вюрцбург
Бамберг
Нюрнберг
Фюрт
Аугсбург
Мюнхен
Ульм
Кемптен
Констанц
Базель
Безансон
Дижон
Оксон
Бон
Швейцария
Боденское озеро
Рейнский водопад
Шаффгаузен
Цюрих
Санкт-Галлен
Аппенцель
Фельдкирх
Инсбрук
Бургдорф

20
55
50
38
Б А Л Т И Й С К О Е М О Р Е
Море Северное
Море Адриатическое
Море Средиземное
Море Чёрное
Море Северное
Море Балтийское
Море Ирландское
Море Ионическое
Море Эгейское
Море Мраморное
Море Тирренское

Э. Хартманн «Рюкерт»

спиритуализма, до так называемого назарейства, породившего столько ребяческих нелепостей; в архитектуре поклонение готическому стилю часто доходило до крайней аффектации. Самыми строгими представителями религиозно-спиритуалистического стиля в живописи являются Овербек и Фейт. Любимым убежищем искусства был Мюнхен, где король Людвиг I с необыкновенным усердием и постоянством разыгрывал роль мецената, правда, не без ущерба для других, более важных интересов страны. Во главе Мюнхенской школы живописи, отличавшейся «стремлением к величественности в стиле», стоял Корнелиус. Вокруг него группировались первоклассные художники в разных отраслях живописи: Шнор, братья Гец, Фолц, Нейрейтер, Генелли, Швинд, Раттман и другие. Самостоятельное, высокое положение в искусстве занимал Вильгельм Каульбах один из гениальнейших художников, как по богатству идей, так и по силе выполнения и необыкновенной производительности; талант, способный воплотить в художественных образах дух всемирной истории, и при всем этом еще замечательный юморист. Рядом с Мюнхенской процветала Дюссельдорфская школа живописи. Эта школа отличалась «более свободным и непринужденным натурализмом». Лессинг, Бендеманн, Гюбнер, Гильдебранд, Зон, Шредер, Ахенбах, Ширмер стоят во главе ее. Величественные исторические картины и необыкновенно пленительные ландшафты первого из них составляют гордость немецкого искусства. Новейшая немецкая архитектура, освобожденная от пут рококо благодаря усилиям Вейнбреннера и Моллера, точно так же полнее всего и разнообразнее развилась в Мюнхене. Здесь Фишер создал новый театр, Гертнер — церковь св. Людвига, Цибланд — базилику св. Бонифация, Кленце — гиптотеку, пинактотеку, дворец Валгаллу (в окрестностях Регенсбурга). Гейделов прославился как восстановитель древних архитектурных памятников. Необыкновенные успехи в резьбе, гравировании и типографском искусстве доказывают нам, что тот «genie aussi inventif que patient et laborieux», который, как мы видели в первой книге, французы прославляли в средневековых немцах, еще живее и успешнее

Э. Хартманн. «Карл Мария фон Вебер»

Франц Шуберт

проявлялся в новейшее время. Новейшая немецкая музыка не может похвалиться таким же успехом. Правда, Вебер, Мендельсон-Бартольди, Шпор, Крейцер, Ларцинг, Мейербеер, Шуберт, Шуман, Вагнер и другие создали много прелестных опер, серьезных и комичных, много ораторий, симфоний, песен, но ни в одном из них мы не замечаем шага вперед после Моцарта и Бетховена. К тому же еще, в Германию прокралась та жалкая, оторванная от всякой связи с народной жизнью, виртуозность, которая ставит себе единственной задачей механическое развитие пальцев и горла, и здесь она открыла шарлатанству обширное поле, на котором могло процветать все, кроме истинного искусства. В театральном искусстве Зейдельманн и Девриент могли стать наряду с первоклассными артистами.

Мы упоминали уже выше, что в 20-х годах общественная жизнь Германии совершенно замерла под тяжелым механизмом полицейского государства. Временами это государство любило украшать себя блестками так называемого христианско-германского государственного принципа. Тогда начинались толки о немецкой «верности и благочестии», о естественном, историческом развитии государства. Это случалось всякий раз, когда надо было противодействовать либеральным теориям, с такой ясностью и остроумием высказанным еще Монтескье в его «Esprit des lois» (1790). Либеральная теория, первоначальным типом которой служила английская

Роберт Шуман

Рихард Вагнер

конституция, сделалась евангелием европейской буржуазии. Этот класс общества во Франции достиг господства в 1789 г. Хартия Людовика XVIII после бурь революции и наполеоновского террора снова доставила ему влиятельное положение в государстве. Возрождение Пруссии после несчастного 1806 г., конституции, введенные после войн за освобождение в большинстве мелких немецких государств, — все это расширило значение буржуазии и по эту сторону Рейна. Несмотря на всю «бумажность» этих конституций, они все же были в руках высшего бюргерства оружием, пугавшим полицейское государство. Уже одно то, что «простые» бюргеры смели в камерах рассуждать об общественных делах и в особенности об общественных расходах, уже одно это приводило в ужас абсолютизм. Требования, которые либералы предъявляли правительству и отстаивали с достойным уважения мужеством, касались главным образом свободы печати и уничтожения цензуры, тупоумие и грубость которой доходили до невероятных размеров. Другими предметами желаний либералов были: право сходок, охранение судов от вмешательства кабинетной юстиции, большая самостоятельность общинного управления, уничтожение бюрократического произвола, гласность и публичность уголовного суда с присяжными, фактическое осуществление самоуправления в раскладке податей, иногда — эмансипация евреев и в самых крайних случаях — народное представительство на германском сейме. Нельзя отрицать, что все эти требования и многие другие были вполне справедливы. Один взгляд, брошенный, например, на немецкие суды, покажет нам,

до чего настоятельна была необходимость в коренном их преобразовании, необходимость, бросавшаяся в глаза каждому, не принадлежавшему к числу эксплуататоров полицейского государства. Истязания преступников дыбами и испанскими сапогами, мучительными скамьями и лестницами исчезли, но пытка продолжала существовать. Тайный инквизиционно-следственный процесс полностью предавал обвиняемого в руки следователя. Следователь, — не говоря уже о пытке постоянных допросов и коварного подсказывания ответов, — смело мог подвергнуть обвиненного телесным истязаниям, ударам кнута, голоду и жажде, аресту в темном карцере, лишению сна и т. п., для того чтобы «размягчить сердце преступника». Это породило множество чудовищных процессов, позорящих судебные летописи. Мы упомянем о некоторых, самых замечательных их них; это даст нам новое доказательство, что «доброе старое время» продолжало существовать и в очень близкую к нам эпоху. В 1800 г. в Южной Пруссии арестовано было 7 человек по подозрению в поджигательстве в городах Сираце и Варте. Тайное следствие, действительно, до того «размягчило» обвиняемых с помощью кнута и тому подобных мер, что все они сделали полное признание по главнейшим пунктам. По приговору суда их следовало тащить на коровьей шкуре к месту казни, обезглавить и казнить. Один из мнимых преступников уже оделся для казни и снова (как ведьмы на пытке) повторил свое признание, как вдруг, по какому-то счастливому случаю, оказалось и было неопровержимо доказано при вторичном расследовании, что ни один из 7 приговоренных к смерти не мог поджечь городов Варты и Сираца по той простой причине, что во время пожара все они были так удалены от него или находились под таким строгим надзором, что не имели никакой возможности совершить это преступление. В начале 1830 г. датский посланник в Ольденбурге г-н фон Куален найден был в своем саду убитым. Без всякой основательной причины подозрение пало на двух слуг покойного, не замеченных прежде ни в чем дурном. Они были арестованы, допрос и пытка продолжались 6 лет, 6000 листов бумаги было исписано; наконец, невиновность обоих была доказана. Но и после освобождения несчастные, измученные телом и душой, еще подвергались разного рода неприятностям. В 1830 же году начался знаменитый процесс столяра Венда в Ростоке, обвиненного своим подмастерьем Гейзером в отравлении жены и многих других лиц. Полная невинность Венда (обвинитель сам оказался преступником) была открыта только после 9-летнего тяжелого тюремного заключения. В 1820 г. один обвиненный (так же несправедливо) в убийстве живописца Кюгельхена и столяра Винтера в Дрездене уже после двухнедельного ареста был доведен до того, что два раза повторил признание во вменявшемся ему

преступлении. Только счастливый случай, открывший истинного преступника, избавил его от казни. Мы можем понять теперь, какой смысл имеет так часто повторяющаяся в протоколах следователей фраза: «Обвиняемого тщательно допрашивали». Если дело шло о политическом преступлении, усердие следователей при допросах подстрекалось еще приятной надеждой повышения в должности. Насколько силен был этот стимул, ясно видно из печальной истории гонения немецких патриотов 20-и 30-х годов. Мы не станем трогать всей этой мерзости, не станем даже касаться праха Вейдиха, отданного на медленное мучение беснующемуся в белой горячке следователю. И за что? За то, что он не мог разделять мнений князя Меттерниха, будто Германия есть и может быть только географическим термином. Припомнив только один этот факт, мы поймем, какой значительный шаг вперед сделает развитие гуманных начал, когда завершится начатое с 1848 г. дело введения в Германии национального, древнегерманского, антиримского уголовного суда с присяжными, когда этот суд распространится всюду и станет твердым непоколебимым учреждением. Либерализм первой половины XIX столетия играл обсолютно ту же роль, которая выпала в XVIII веке на долю рационализма. Отсюда его неполнота, колебание и двоедушие. Но как рационализм мы принимали за необходимую, переходную ступень от теологического усыпления народа к его возрождению в гуманизме, точно так же и на либерализм мы должны смотреть как на необходимый переход от абсолютизма к демократии. Где он захватывал в себя область демократизма и являлся через то с полной силой, там он превращался в радикализм. Так было в просвещенных кантонах швейцарского союза, перестроенных с 1830 г. на демократических началах, и перестроенных так, что назло всем французским и немецким реакционерам эта маленькая республика превосходит все государства Европы своим благосостоянием, процветанием земледелия, торговли и промышленности, заботой о бедных, устройством путей сообщения, целесообразностью и дешевизной управления. В Германии в начале либерализм не имел практического значения. Ему позволено было только отрицать. Июльская революция дала ему несколько больше воздуха и простора, пока наконец не настало время, когда либерально-конституционные доктрины, прославленные во «Всеобщей истории» Ротека и подробно изложенные в «Staatslexicon» Ротека и Велькера, приобрели в Германии господство над общественным мнением. Этот абстрактный либерализм, считавший ниже себя заботу о материальном, умственном и нравственном благосостоянии народа, либерализм, бывший исключительным выражением «буржуазии» (во французско-социалистическом смысле этого слова), иногда там и сям (например, в Бадене, своем глав-

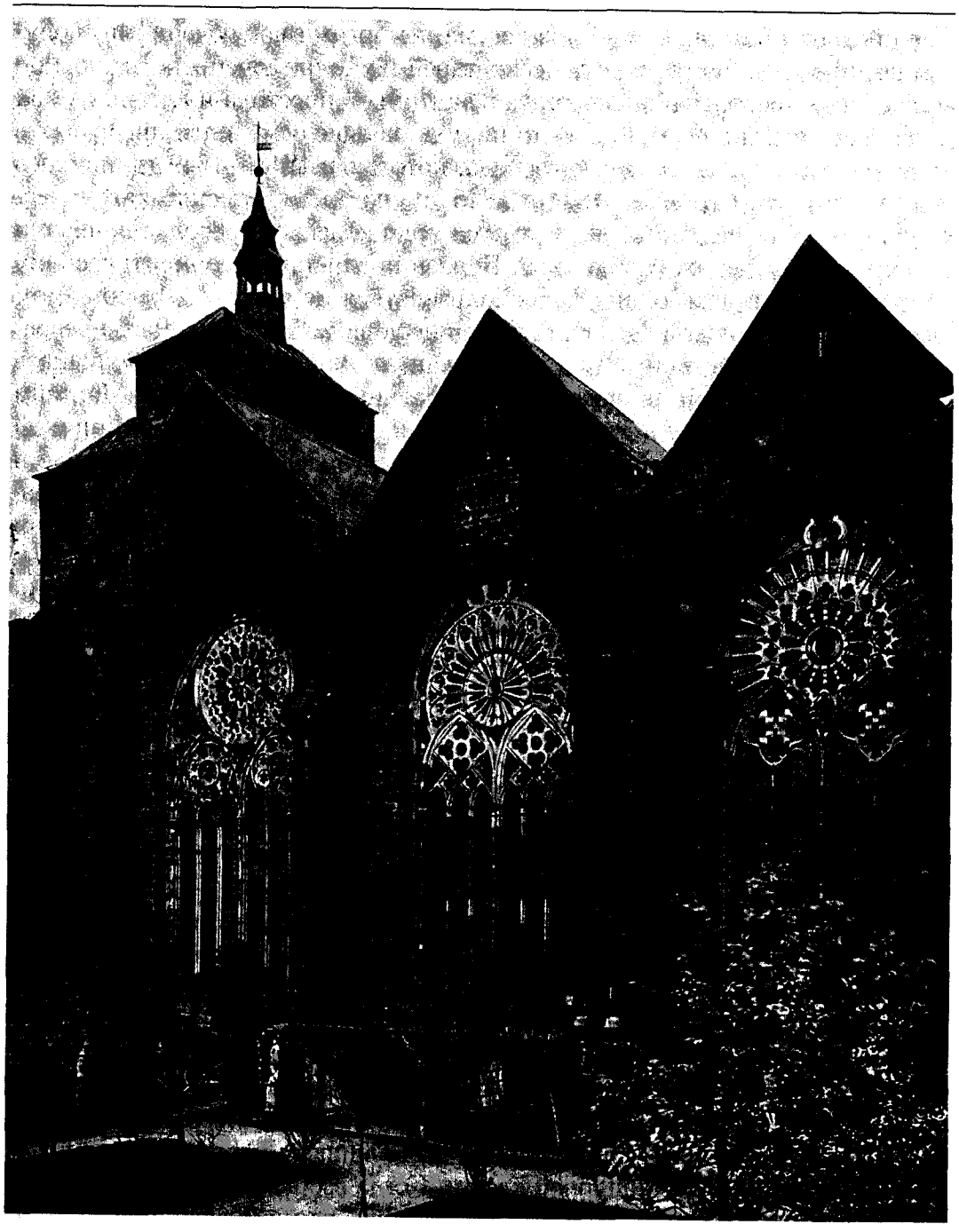
ном местопребывании) достигал минутного осуществления некоторых из своих требований, потоками напыщенных фраз изливался он в парламентских прениях, а между тем немецкий абсолютизм, оправившись понемногу от июльского страха, мало-помалу стал принимать меры, которые должны были зажать рот либеральным фразерам. Небольшая фракция отделилась от либеральной партии и стала преследовать революционные цели. Ее составляли, главным образом, молодые бурши, готовые променять романтическую ненависть к французам на французский республиканизм; но, кроме того, к ней принадлежали и люди вроде Иоганна Георга Августа Вирта, издателя журнала «Die deutsche Tribune», снова напомнившего своим соотечественникам язык патриотического гнева, Вирта, который продолжал относиться к французам в духе войн за освобождение и желал осуществления идеи республики только на чисто народных началах. Эта фракция основывала самые блестящие надежды на общее недовольство немецкого народа и на возбуждение умов вследствие июльских дней, бельгийской революции и трагической борьбы Польши; она была уверена, что в немецком народе, так горячо сочувствовавшем в 20-х годах освобождению «благородных» греков, а потом не менее горячо желавшем освобождения «благородных» поляков, можно, наконец, без особенного труда возбудить сочувствие и к его собственному освобождению. Демагоги — таково было их официальное название — жестоко ошибались: через горький опыт узнали они, что скачки могут быть возможны во французской истории, но уж никак не в немецкой. Огромное большинство народа оставалось совершенно равнодушно ко всей деятельности демагогов; в особенности сельское население, которое не понимало даже в чем дело. В доказательство мы приведем один пример, который можно было бы назвать смешным, если бы он не был так грустен. Один из вюртембергских демагогов поставил себе задачей склонить крестьян на сторону великой немецкой революции. Результатом всех его усилий было приобретение двух, только двух, прозелитов из крестьян; и то, надо заметить, что один из них был пиетист, согласившийся на увещевания демагога только вследствие уверенности, «что перед пришествием антихриста должна произойти великая революция»; революцией он хотел ускорить пришествие антихриста, а пришествием антихриста — тысячелетнее царство благодати. Гамбахерский праздник в мае 1831 г. был совершенно пустой демонстрацией революционной партии. Союзный сейм отвечал на него постановлениями от 28 июня и 5 июля, которыми «ради поддержания общественного порядка и безопасности» еще сильнее стягивалась железная сеть полицейского государства. Революционная партия могла противопоставить этому лишь неудавшееся франкфуртское покушение

(апрель 1833 г.) и ничем не кончившийся военный заговор в Вюртемберге. Это дало реакции предлог увенчать вышеупомянутые решения венской конференции и учредить в больших размерах розыск «политических преступников».

Спокойствие восстановилось в Германии, даже либерализм только робко осмеливался поднимать свой оппозиционный голос в камерах; прения превратились теперь в жалкую комедию. Однако пассивное сопротивление ганноверского народа нарушению конституции со стороны короля Эрнста Августа (1837), оппозиция немецкого национального чувства против одатчанивания Шлезвиг-Голштейна, восшествие на престол Пруссии Фридриха Вильгельма IV и, наконец, попытки эмансипации в религиозной области — все это снова несколько оживило надежды либералов. К немалому их удивлению, эти надежды неожиданно осуществились в мартовские дни 1848 г. Абсолютизм, не менее изумленный всем случившимся, в первую минуту, под влиянием страха, официально заявил о своей готовности слиться с либерализмом. Кормило правления досталось в руки прежней либеральной оппозиции. Она созвала немецкий парламент, погребла со всевозможными почестями мнимоумерший союзный сейм, прибегла для составления различных конституций к мудрости бесчисленного множества профессоров, внезапно превратившихся в государственных людей. По правде сказать, все эти конституции вышли совершенно «бумажными», даже макулатурно-бумажными. Нередко доводится слышать обвинения в измене, трусости и продажности, обращенные к немецкому либерализму за его управление делом революции в 1848—1849 гг., и действительно, многие факты говорят не в пользу бескорыстия и самоотверженности либералов. Относительно денежного вопроса я напомню только о том из предводителей либеральной партии, который прежде в баденской камере представителей громил своими речами соединение нескольких должностей в одном лице и грозно ратовал в своих статьях против растраты общественных денег, а потом, сделавшись уполномоченным «центрального правительства», не колеблясь, брал жалование в 14 000 гульденов в качестве посланника союзного сейма; или еще об одном весьма богатом либеральном тузе, который, получив звание государственного секретаря, не находил слишком для себя большим жалование в 4000—6000 гульденов, а напротив того, еще брал содержание как уполномоченный рейхстага, да кроме того, отсчитывал себе ежедневно по 40 гульденов за свои путешествия в качестве рейхскомиссара, которые ничуть не хуже его мог бы совершить любой почтальон. Нельзя также отрицать и того факта, что название «мартовский министр» в лучшем случае сделалось синонимом слабоумного, в худшем — изменника. Либераль-

ные предводители оппозиции, за весьма немногими исключениями, получив портфели министров, места секретарей и уполномоченных, как бы по волшебству превратились в верных защитников престола и алтаря. А как рассвирепели бы они, если бы кто-нибудь раньше осмелился предсказать им это превращение. Те самые господа, которые в 1848—1849 гг. явились покорным щитом трона, в 1844 и 1845 гг., во время немецко-католического движения, представлялись самыми ярко-красными революционерами в то время, когда даже обрюзглый Бунзен предоставлял романтическому королю Пруссии возможность воспользоваться немецким католицизмом для создания немецкой господствующей церкви, когда Бассерман, превратившийся впоследствии в духовидца, считал для себя честью украшать своей оппозиционной личностью триумфальный въезд Ранже в Мангейм и, пригласив «народ» в свой сад, разразился там грозной филиппикой против немецких князей; когда в Гейдельберге г. Велькер «со сжатыми кулаками и пылающим лицом» кричал апостолом немецкого католицизма: «Долой негодяев с престолов, долой теперь же! Мы теперь все можем сделать с помощью народа!». За неделю до этого я сам имел случай слышать, как в Штутгарте будущий глава вюртембергского мартовского министерства кричал начальникам заседавшего там немецко-католического синода: «Чего еще ждать для окончательного удара? Может ли народ когда-нибудь быть более возбужден, чем теперь? Вместо того чтобы вести завтра ваших 20 000 человек в Капштадт на глупую проповедь, ведите их во дворец — и король улетит к черту!» С этим самым господином вечером, накануне его вступления в мартовское министерство, я пел Марсельезу. А два дня спустя он уже нашел, что августейшие обитатели дворца «необыкновенно любезны», через год же рука его уже не дрожала, подписывая приговоры своим прежним сотоварищам.

Но надо сказать правду: либерализм судят совершенно несправедливо, исходя из предположения, что он должен был привести немецкое движение к хорошим результатам. Во всем, что он делал и чего не делал, либерализм оставался верным своей собственной природе. Ставя себе единственной целью достигнуть участия буржуазии в правлении, он удовлетворялся, когда видел, что его требования исполнены в отдельных государствах. Он был слишком ограничен для того, чтобы видеть всю призрачность своих приобретений, он был слишком упоен для этого счастьем своей минутной, мишурной власти. Когда взоры его выходили за пределы «отечественного», ему представлялось верхом государственной мудрости — перенести формы английской конституции на возникающую немецкую монархию. В народе он видел только субстрат парламентской власти, разделенной между аристократией и буржуазией так, чтобы первая



Минденский собор

образовала верхнюю палату знати, а вторая — нижнюю палату джентри. Эта идея сделалась idee fixe либерализма. Абсолютизм оставил ему эту игрушку, употребляя его лишь в качестве полицейского агента против всех проявлений демократии, оставил до тех пор, пока не окончил своих собственных приготовлений. Тогда закрыли парламентский кукольный театр, отбросили в сторону марионеток-профессоров рейхстага и мартовских министров и справедливо подняли на смех обманутых глупцов, находивших подобное обращение бесчеловечным. Вообще, нельзя отрицать, что либеральная партия была действительной представительницей несомненного большинства тех жителей Германии, которые интересуются общественной жизнью и получили какое-либо политическое образование. Прочное существование мартовских приобретений доказало бы только то, что прославленная политическая зрелость масс вполне соответствует политической прозорливости и честности их либеральных руководителей. Во всяком случае, при помощи свободы печати и права сходок общественное мнение в течение одного года получило много полезных уроков; но, когда народ угадал, наконец, настоящий характер своих «благороднейших и лучших мужей», было уже слишком поздно. Образовалась, правда, демократическая партия; но даже предположив весьма сомнительный факт, чтобы она могла дать лучшее направление судьбе Германии (во всяком случае), ее организация еще не давала ей возможности приняться за разумную единодушную деятельность, когда осенью 1848 и летом 1849 гг. на нее со всех сторон посыпались смертельные удары, а уничтожение конституций в Вене, Мангейме, Раштатте и Фрейбурге ознаменовало собой торжество абсолютизма. Испуганный грозой, немецкий народ в своей жалкой политической незрелости лениво-покорно позволял отнимать у себя одно за другим политические уступки 1848 г. 2 сентября 1850 г. вновь воскресили Союзный сейм, сопровождаемый в могилу такими патетическими речами, который снова занял свой дом на Эменгеймерской улице во Франкфурте, дом, на крыше которого полтора года развевалось черно-красно-желтое знамя... «Об остальном умолчим...»

Глава

VII

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ

Крестьянское сословие. — Уничтожение крепостного права и феодальных повинностей. — Успехи земледелия и скотоводства. — Народные обычаи и праздники. — Промышленность. — Монета. — Пути сообщения. — Торговля и торговая политика. — Населенность. — Государственные расходы и долги. — Пролетариат и пауперизм. — Социализм и коммунизм.

Выше мы уже упоминали о том, как новейшее государство еще в начале XVIII столетия было приведено к сознанию необходимости возвысить значение крестьянского сословия, чтобы поднять через это производительные силы страны. Со времен Фридриха и Иосифа освобождение крестьян от гнета феодального варварства составляет предмет постоянной заботы правительства. Французская революция ускорила решение этого вопроса и в Германии. Личная зависимость мало-помалу была отменена во всех немецких землях. Вслед за тем постепенно исчезли и все прочие, личные и вещественные, феодальные повинности: они были или просто уничтожены законодательным постановлением, или выкуплены, полностью или отчасти. Волнения 1848 г. дали окончательный толчок к уничтожению этих средневековых учреждений в тех странах, где они еще существовали.

Рука об руку с наделением крестьян гражданскими правами, шло и техническое усовершенствование всех родов земледелия. Уже к концу прошедшего столетия превосходство рационального хозяйства перед старой системой сделалось очевидным. Засевание клевера, разведение картофеля, систематическое орошение лугов, засевание яровым хлебом паровых полей, кормление скота в стойле — все это было слишком выгодно, чтобы оказывать долгое сопротивление. Даже упорное пристрастие крестьян к старым порядкам было побеждено. Мало-помалу и они приобрели доверие к новым способам земледелия. Развитие естественных наук должно было оказать огромное влияние на земледелие, особенно когда применением научных результатов в сельскохозяйственной практике занялся такой гениальный ученый, как Альбрехт Даниил Тэер (1752—1828). Его реформы представляют собой необыкновенно успешное соединение результатов естественноисторических исследований и практического

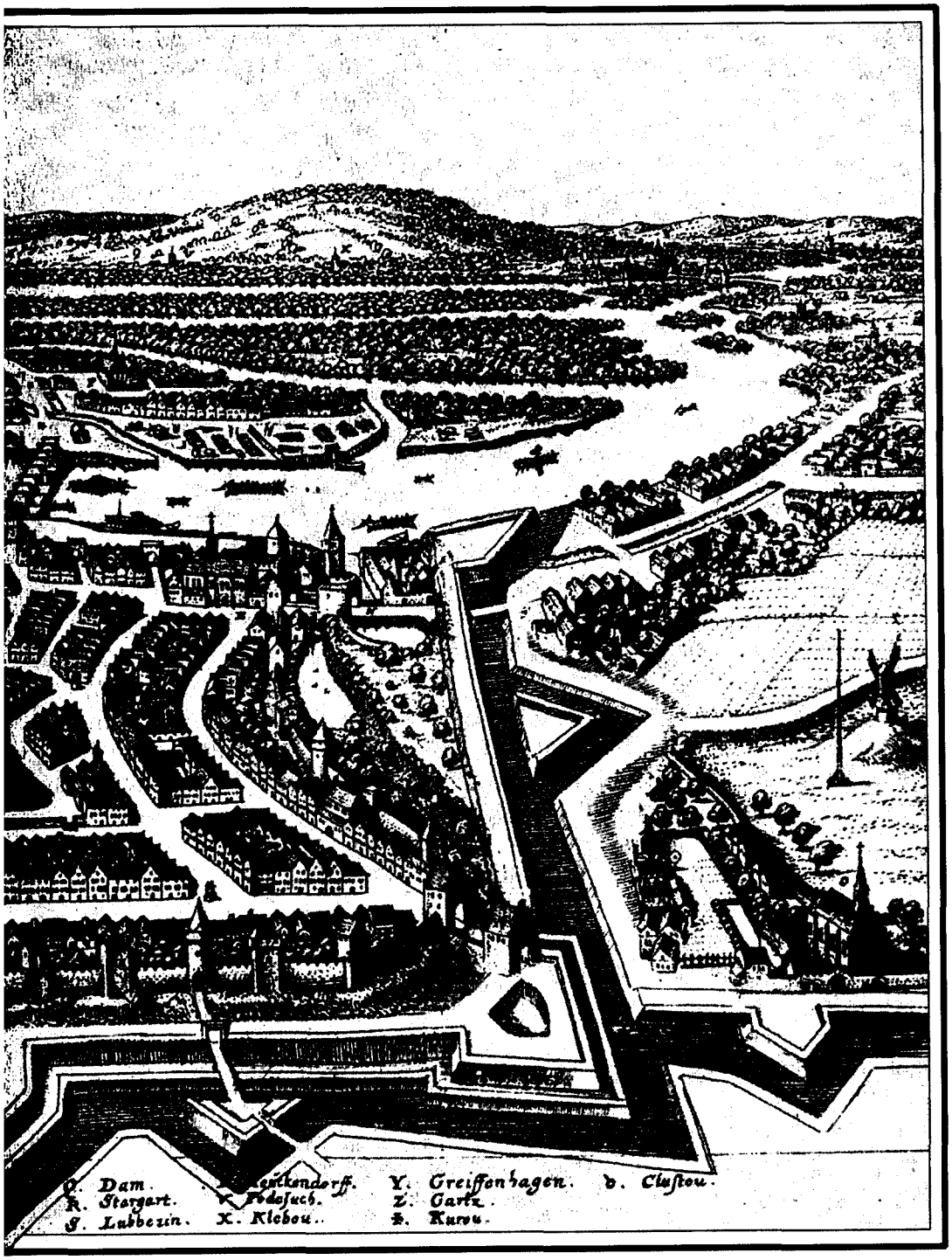
сельскохозяйственного опыта. Учительская деятельность Тэера в сельскохозяйственной академии в Меглине, в Пруссии, принесла самые плодотворные результаты. Вскоре по примеру Меглина подобные заведения для образования сельских хозяев и лесничих были основаны во многих других местностях, так, например, в Гогенгейме, Вюртемберге, Шлейзгейме, в Баварии, в Висбадене, Нассау, Таранде, Тифурте, Дрейсигакере в Саксонии, в Эльдене, Померании, Проскау в Силезии, в Гофвиле, Швейцарии. Еще прежде, чем были открыты официальные заведения для обучения сельскому хозяйству, были созданы особые союзы и общества с целью распространения агрономических знаний. В настоящее время в Германии существует более 500 сельскохозяйственных обществ, деятельность которых направлена на применение научных начал в практическом развитии земледелия и лесоводства; трудами Котты, Кенига и Гартига положено начало научному разведению лесов. Правда, попытки применения научных открытий в земледелии не всегда были удачны: так, например, опыты великого химика Либиха заменить натуральные удобрения химическим препаратом не имели успеха. Но зато, с другой стороны, наука обогатила сельское хозяйство несколькими совершенно новыми отраслями промышленности. Так, открытие химиком Маркграфом в 1762 г. сахара в свекле положило начало развитию свеклосахарного производства. Эта отрасль промышленности развивалась так быстро, что к 1841 г. в Германии насчитывалось уже до 141 свеклосахарного завода. Весьма полезное влияние на развитие земледелия и лесоводства имело ограничение вредной страсти к охоте. Успешный ход пчеловодства также был несовместим с развитием земледелия и дешевизной сахара. Зато шелководство, в особенности в Юго-Восточной и Юго-Западной Германии, развивалось чрезвычайно быстро. Хмель производили преимущественно в Богемии и Франконии; виноделием славились местности по Рейну, Неккару, Майну, Тауберу и Мозелю и некоторые местечки Северо-Восточной Швейцарии. Особенно успешно развивалось виноделие в Вюртемберге, виноградники занимали там около 84000 моргенов земли и давали пропитание более чем 18000 семейств. В 1788 г. сбор винограда принес 3 169 020 гульденов, в 1811 г. — 9 000 000, в 1834 г. — 9 684 220 гульденов. Лучшие виноградные вина выделывались, как известно, в Нассау (Иоганненсберг, Рюдесгеймер, Гохгеймер, Иссмахсгейер, Гейзенгеймер, Маркобруннер). Гессен-Дармштадт также по праву гордился своим ингельгеймерским, шарлахбергерским, нирстейнским, дейдесгеймерским, форстерским и дюркгеймерским вином; Баден — маркграфским и аффенталерским; Франкония — лейстенвейном и штейнвейном; Богемия — мельникским; Австрия — гутпольдскирхнерским; Тироль — траминерским, немецкая

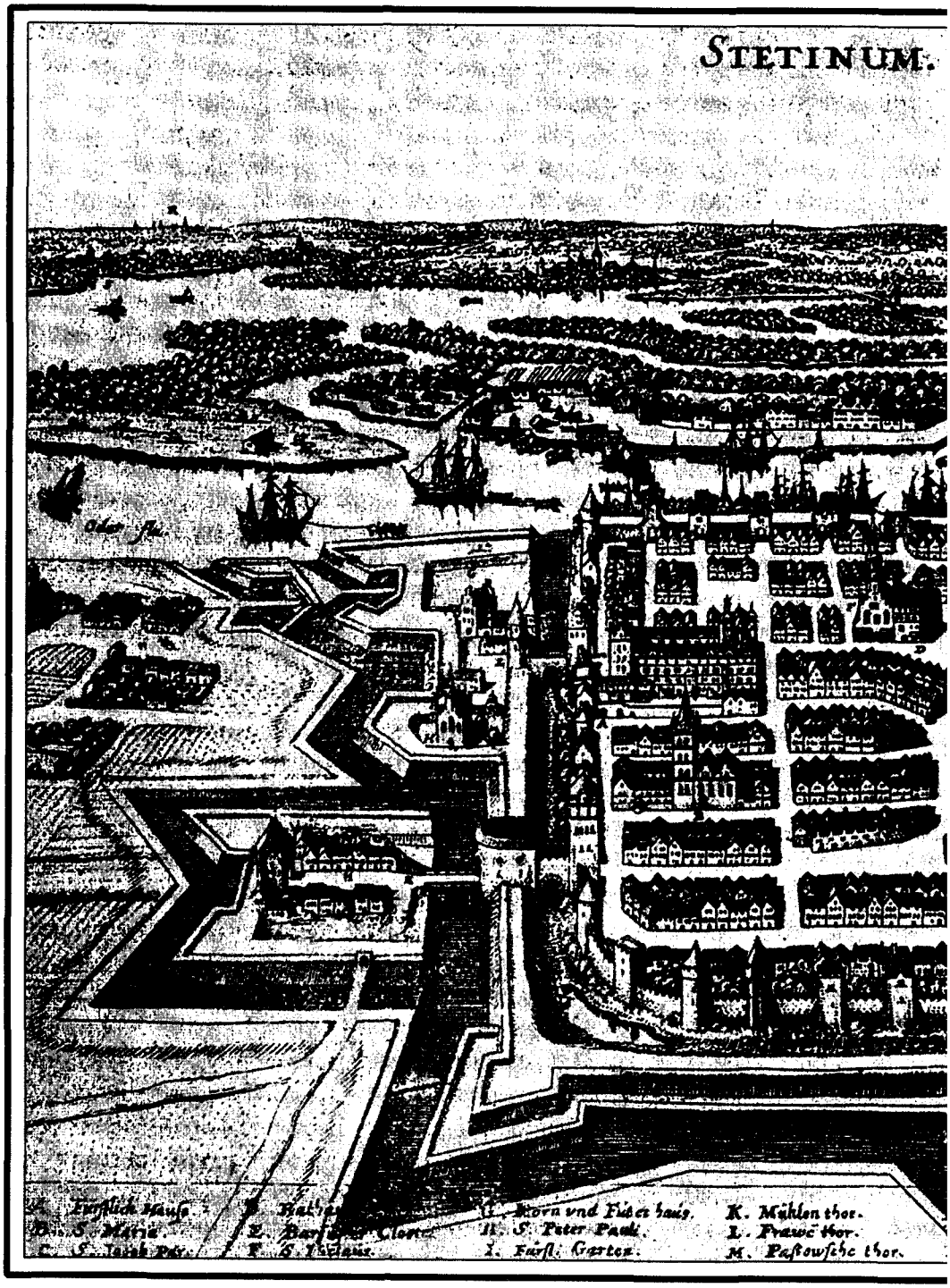
Швейцария — винтертурским, нефтенбахерским, маланзерским и клеттауэрским. Плодовые деревья также разводились в большом количестве, даже окраины дорог обсаживались иногда ими; свежие и сухие плоды вместе составляют важный предмет торговли для многих местностей. Во второй книге мы уже упоминали, что развитие более правильного вкуса изгнало из садов и парков Германии прямолинейный, французский стиль рококо. Величественный образчик садоводства — целое поэтическое произведение в форме сада — представляет нам парк, созданный князем Пюклером на сухой степной почве Лаузица в Мускау. Мы не станем перечислять здесь всех видов растений, которые новейшее садоводство акклиматизировало в Германии или для украшения ее садов или для добывания красок. Что касается скотоводства, то правительство много способствовало развитию одной из его отраслей — коневодству. В Австрии и Пруссии основаны превосходные конные заводы; Гольштейн и Мекленбург поддерживают древнюю славу своих лошадей. Вюртемберг также много способствовал улучшению конской породы. В 1850 г. число лошадей в этой стране доходило до 103 837 голов, ценностью 5—6 млн. гульденов. По красоте, величине и плодовитости рогатого скота северогерманская низменность и альпийские долины Швейцарии и Тироля оставляют далеко за собой все остальные местности Германии. Необыкновенное развитие шерстяного производства в Германии, сравнительно с теми странами, в которых оно процветало в прежнее время, можно доказать тем, что в 1800 г. из Испании и Португалии вывозилось 7 794 700 фунтов мериносовой шерсти, из Германии же только 421 350 фунтов, а в 1838 г. наоборот, из Германии — 27 500 000 фунтов, а из Испании и Португалии только 1 814 000 фунтов.

Преобладание той или иной системы сельского хозяйства обусловливается в различных частях Германии местными условиями. Так, на севере, где население менее густо, преобладает голштинская хозяйственная система, т. е. поля служат попеременно то для пашен, то для выгонов. Напротив, в средней Германии, т. е. в прирейнских областях: в Саксонии, Тюрингии, Вестфалии, Гессене, Баварии, Франконии, Швабии и Австрии — господствует трехпольная система, при которой паровое поле засевается в первый год клевером, викой, картофелем, овощами, во второй — озимым, а в третий — яровым хлебом. Наконец, на самом юге Германии, в альпийских долинах, преобладает система выгонного хозяйства, огородничество при этой системе весьма незначительно, зато луговодство развито весьма сильно. Превосходные кормовые травы возвышенных местностей, естественно, делают скотоводство главнейшим занятиям их обитателей. По мере того, как развивалось сельское хозяйство, крестьянское

сословие Германии постепенно освобождалось от средневековой грязи. Крестьянин, сознавая свое значение для государства, осознавал вместе с тем и свое собственное положение. Развитие этого сознания не везде имело положительный результат. Местами среди крестьян стали проявляться высокомерие, расточительность и, как следствие этого, нищета и сельский пролетариат. В Вюртемберге, например, в стране по преимуществу земледельческой, число аукционных продаж, в 1834—1835 гг. едва доходившее до 727, возвысилось в 1845—1846 гг. до 2397, т. е. возросло в большой прогрессии.

Масса немецкого крестьянства составляет сословие наиболее консервативное, и потому у крестьян, долее чем у кого-либо, сохранились старинные нравы и обычаи, старинная одежда и устройство домов. Жители городов, свидетели или участники живого движения народов, обыкновенно всеми силами стараются стереть с себя всякую провинциальную окраску, приобретение лоска светски образованной толпы составляет предмет их постоянных усилий; между тем, крестьяне в своих деревнях, удаленных от шумного торгового движения, сохраняют и в наречии, и в одежде, и обычаях своеобразный местный оттенок. Даже сама постройка деревень носит чрезвычайно разнообразный характер, в зависимости от климата и древних обычаев. На берегах Балтийского моря хозяйственные постройки раскинуты далеко друг от друга на широком дворе; дом обыкновенно низок, в комнате только одно окно и вовсе нет пола; высокая крыша, не оттененная фруктовыми деревьями, виднеется издалека среди голой равнины. Высокий широкий дом крестьянина Эльбы, Везера и Эмса стройно и красиво поднимается среди хлевов для скота. Характерный признак вестфальского дома составляет его уединенное положение и очаг, вокруг которого собирается все семейство. Дома тюрингенских деревень стоят близко друг к другу; они в два этажа, со множеством окон и до такой степени окружены плодоносными деревьями, что из-за леса этих деревень выглядывают только крыши домов да шпицы колоколен. На сеере хлева строятся возле жилья; тюрингинец же, напротив, любит жить над своим скотом. Гессен, Франкония, прирейнские земли и Швабия не отличаются ничем существенным в постройке своих домов от Тюрингии; хотя, впрочем, в каждой из этих стран существуют свои особенности; так, например, там, где процветает виноделие, наружные стены домов украшаются виноградными лозами. За Дунаем мы встречаем архитектуру другого рода, даже невнимательному наблюдателю она бросается в глаза своими выдающимися крышами, галереями вокруг дома и узкими простенками между окнами. По мере приближения к Альпам крыши становятся все более плоскими и переходят наконец в легкие, обложенные камнем,


Q. Dam.
R. Stargart.
S. Lubbezin.
X. Klebou.
Y. Greiffenhagen.
Z. Gartz.
b. Cluſtou.


STETINUM.
Oder flu.
K. Mühlen thor.
L. Frauc thor.
M. Pastowsche thor.

ШТЕТТИН

гонтовые покрытия альпийских домиков, столь стойкие против всевозможных бурь. Едва ли где-нибудь можно найти крестьянские домики красивее и стройнее тех, которые встречаются по пути из Ааргау в Берн и оттуда в Тун. Наряд ааргаусских, бернских и фризских поселянок также представляется мне самым красивым и удобным сельским костюмом. Заметим кстати, что в Швейцарии женское население придерживается обыкновенно народного костюма, тогда как мужское бросает его, в Германии же, наоборот, во многих местностях мужчины гораздо консервативнее в своем наряде, чем женщины.

В приальпийских странах более, чем где-либо в Германии сохранилось уважение к древним народным праздникам, соединенным с телесными упражнениями и проявлениями физической силы. Эти празднества не могли удержаться в остальной Германии, где лоск городской жизни в соединении с полицейской опекой сгладил все характерные черты народных увеселений. Во многих местностях старые масленичные и святочные празднества известны только по слухам. Из числа крестьянских и бюргерских праздников, которые праздновались в XIX столетии и сохранились еще и до сих пор, мы упомянем: ламбойский праздник в Ганау, церковный праздник в Наумбурге, страловский праздник рыбаков, праздник Роха в Бингене, петушиный танец в Бааре, бараний танец в Горнберге в Шварцвальде, праздники пастухов в Урахе и Маркгренингене, праздник роз в Капеллендорфе близ Вешпора, спуск кораблей в Ульме и прочее. Попытка превратить в национальный праздник годовщину лейпцигской битвы, 18 октября, как и надо было ожидать, оказалась совершенно неудачной. Более благородный вид народных празднеств представляют собой немецкие праздники певцов. В основе этих праздников лежит патриотическая идея, развиваемая по инициативе швейцарца Негеля различными певческими союзами и обществами. Величественным и истинно народным праздником нашего времени является, бесспорно, двухлетний праздник швейцарских стрелков, нашедший себе отголосок и в Германии.

Описание успехов промышленной и торговой деятельности Германии за последнее пятидесятилетие могло бы занять собою целую книгу, наполненную специальными статистическими данными. Мы, со своей стороны, не можем браться здесь за такую задачу, даже если бы и обладали всеми необходимыми для этого материалами. Нельзя не изумляться, рассматривая те великие завоевания, которые в сравнительно короткое время сделала в Германии промышленность при помощи постоянных, новых открытий в области механики, технологии и химии и в особенности при помощи могущественной, демонической силы пара. В этих завоеваниях лежит громадная непреодолимо реорганизующая сила: как старые цеха

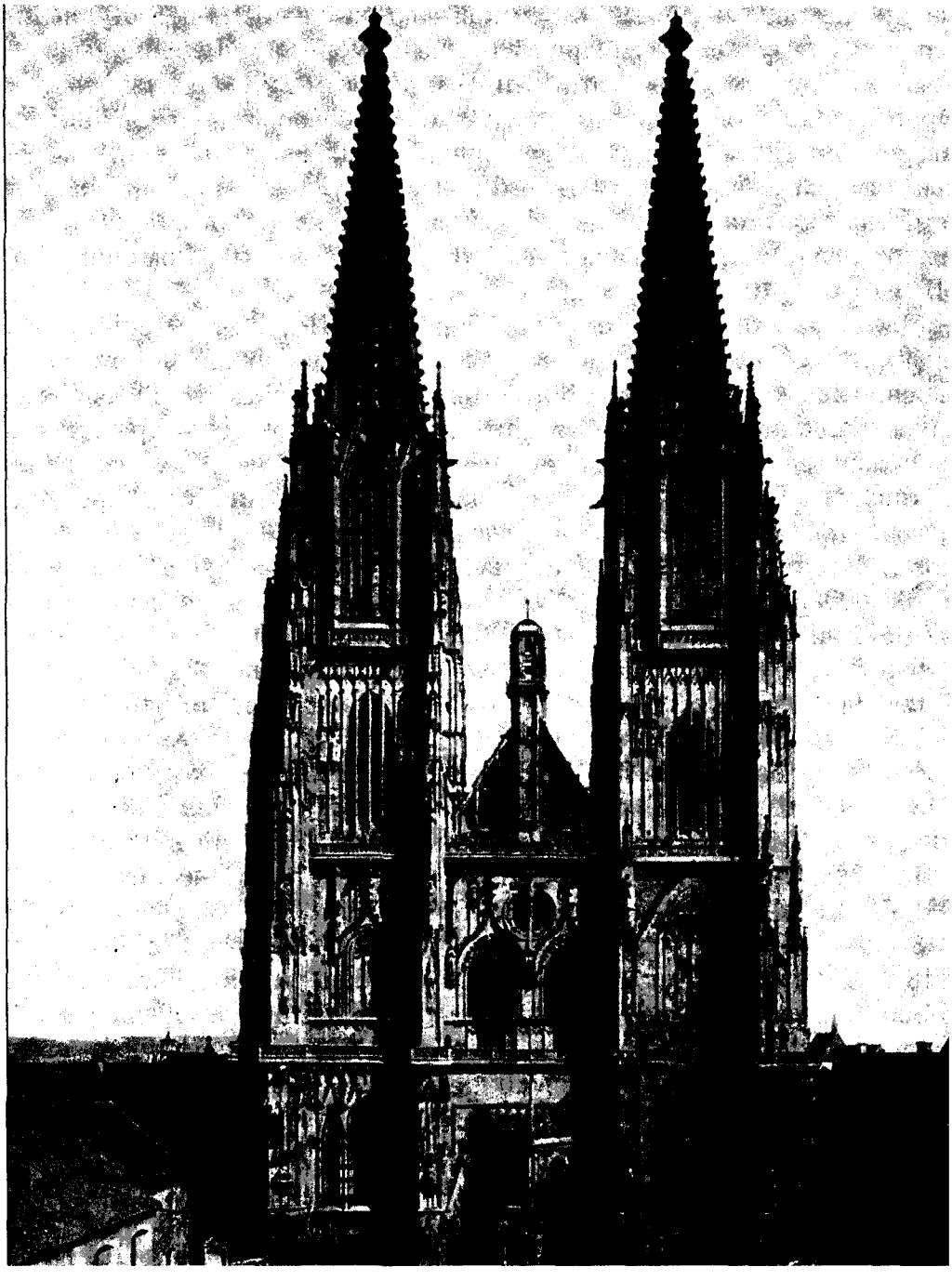
и ремесленные общества должны были уступить новейшим фабрикам и машинам, так точно под влиянием этих открытий — под носом у близоруких политиков — изменяются все условия нашей жизни, вся физиономия нашего общества. Промышленность — это бурный, все уравнивающий поток, который должен очистить Европу от старой грязи, чтобы она в обновленном виде могла с успехом соперничать с колоссом, восстающим по ту сторону океана. Но, во всяком случае, немецкая промышленность и в отдельных отраслях, и в общем еще далеко уступает английской, а политическое бессилие немцев порождает вялость в их торговле. Несмотря на это, немецкая настойчивость постоянно одерживает новые победы и в промышленности, и в торговле. Преграды, стеснявшие внутреннюю торговлю, были устранены наконец истинно народным учреждением — немецким таможенным союзом, возникшим в 1833—1835 гг. по инициативе Пруссии и установленным окончательно по торговому договору между Пруссией, Австрией и прочими немецкими государствами. Почтовое управление тоже постепенно приближается к национальной централизации. То же можно сказать и о монетной системе с тех пор, как на таможенном съезде 1838 г., была заключена конвенция, по которой $24^1/_2$ южно-германских гульдена были приравнены к 14 северо-немецким талерам, и после того, как вследствие соглашения таможенного союза с Австрией (1858) явился род союзной монеты. Для улучшения внутренних и внешних путей сообщения, для прокладывания дорог, каналов, железных дорог, для устройства судоходства по рекам, озерам и морям наше прогрессивное время сделало необыкновенно много. Так в 1816 г. во всей Прусской монархии было всего 522 мили искусственных путей сообщения, а в 1834 г. это число уже утроилось. В 30-х годах построена первая железная дорога в Германии, длиной только в 1 милю, между Нюрнбергом и Фюртом, а теперь вся Германия покрылась сетью железных дорог, построенных или на капиталы частных лиц или за счет государств.

Неизбежным следствием промышленного и торгового движения должно было явиться развитие политико-экономических понятий, серьезное изучение народного хозяйства. В лице Фридриха Листа (из Рейтлингена, 1786—1846), гений которого не находил себе достаточного круга деятельности в мелких немецких государствах, явился наконец проповедник политико-экономических начал, подобного которому не видала еще Германия. Вот главные положения его национальной системы политической экономии (1814): «Народное стремление к прочному развитию производительных сил стоит выше временных выгод отдельных классов или индивидов. Назначение каждого народа — прежде всего развить источники собственного благосостояния до возможной степени самостоятельности

и гармонии. Исполнение этого назначения должно предшествовать космополитическим целям и потому, пока собственная промышленность не стала на одну высоту с иностранной, ее следует поддерживать охранительными мерами». Эти принципы послужили основой немецкой торговой политики, впоследствии, под влиянием английских фритредеров, партия приверженцев свободной торговли горячо восстала против сторонников охранительной системы. Вообще, мы замечаем, что как в сельскохозяйственном, так и в промышленном отношении Германия постоянно идет вперед. Взглянем, например, на Пруссию, население которой с 1816 до 1839 года возросло от 10 349 031 чел. до 14 271 530 чел. Кадастр этого последнего года дал следующие цифры: в Пруссии находится 2175 квадратных миль пахотной земли, 43 квадратные мили садов, 3 мили виноградников, 18/10 мили табачных плантаций и 1116 миль лесу. Средним числом производится 16 600 000 четвериков пшеницы и 51 000 000 четв. ржи, овса и ячменя, кроме того 681741 ведро вина и 21 000 000 фунтов табаку. Общее число скота в конце 1837 г. доходило до 4 838 622 голов рогатого скота, 1 472 901 головы лошадей, 15 011 452 коз, 1 936 304 свиней. В 1841 г. поземельный доход, не считая солеварен и горных промыслов, каменоломен и рудных копей, доходила до $855^{1}/_{2}$ млн. талеров. Купеческих кораблей в Пруссии в 1839 г., не считая судов королевского института морской торговли, было 619, с весом в 78 647 тонн. После 1819 г. вывоз с каждым годом все более и более превышал ввоз. В 1857 г. население Пруссии доходило до 17 250 000 человек. За 30 лет, от 1819 до 1849 г., оно возросло на 47%. Если перевести в деньги всю сумму потребленных товаров, рассчитывая ее по рыночным ценам каждого года, то в 1806 г. на каждого человека приходилось 11 талеров 13 зильбергрошей, а в 1849 году — 26 талеров 21 зильбергрош и 3 пфеннига. Это доказывает, что с возрастанием народонаселения возросло и общее благосостояние. В то же время в Австрии производилось ежегодно 312 млн. четвериков сельских продуктов, число рогатого скота доходило до 7 млн. голов, лошадей — до 3 млн., коз — до 35 млн. Горные промыслы империи давали в 1847 году 27 906 901 гульденов, льняная и конопляная промышленность приносила ежегодно круглым числом 94 млн., шелководство — 59 млн. В торговле и промышленности швейцарцы опередили все прочие немецкие племена. В 1851 г. из Австрии вывезено в Североамериканские штаты товаров на 193 693 доллара, из всего немецкого таможенного союза — на 8 424 984, а из маленькой Швейцарии — на 6 008 785 долларов. Эти цифры очень красноречивы. Таможенный союз и Австрия располагали 3 морями, большими судоходными реками и множеством больших железных дорог. У швейцарцев не было ничего подобного; напротив, их пути

еще преграждались горами, самыми высокими и самыми недоступными в Европе. К тому же, Швейцария удалена от моря, все заграничные товары швейцарцы должны везти долгим и дорогим путем и оплачивать их дорогой пошлиной. Вероятно, вследствие этой последней причины, их товары сбываются преимущественно в отдаленные страны и сбываются с большим успехом. По статистике Франсцини уже в 1845 г. швейцарская торговля доставляла прибыли по 185 фр. на каждого жителя, между тем как торговля Австрии давала только 16, Пруссии — 40, Франции — 71, а Бельгии — 107 франков на человека.

Да, цифры бывают иногда красноречивы. Поэтому мы остановимся теперь на них несколько дольше и постараемся сообщить читателю — на основании сравнительной статистики финансов Реденга и вычислений Науверка (в немецкой Monatsschrift за 1851 г.) — некоторые данные о государственных расходах европейских наций. Мы будем переводить все цифры в гульдены. Общая сумма долга германских государств равнялась в 1848 г. 2 112 869 381 гульдену, а после 1848 г. — 2 937 337 460 гульд. В немецкой Австрии сумма расходов на 1847 г. равнялась 98 000 000, а в 1849 — 177 000 000. В Пруссии расходы в 1846 г. составляли 172 484 086; в 1850 — 218 666 959; в Баварии в 1842—1843 — 43 690 827, в 1849—1850 — 53 298 474; в Саксонии в 1846—1847 — 17 000 000; 1850-1851 — 24 116 619. В Ганновере в 1846—1847 — 15 549 937; 1848—1849 — 20 716 073. Двор стоил в Пруссии в 1849 — 9 916 893, в Баварии в 1849—1850 — 2 953 408, в Саксонии в 1846—1848 — 1 212 501, в Вюртемберге в 1846—1847 — 1 129 933, в Бадене в 1851 — 917 000. На содержание армии в Пруссии в 1850 г. шло 98 447 233, в Баварии 1850—1851 — 13 436 307, в Саксонии в 1850—1851 — 10 000 000, в Ганновере в 1850 — 3 480 440, в Вюртемберге в 1848—1849 — 5 748 859, в Бадене в 1848—1849 — 5 172 481. После 1848 г. Германия ежегодно тратила на содержание своих дворов 26 300 414, на содержание армии 256 432 434 гульдена. Общие расходы равняются 617 157 123 гульденам в год. За последние 5 лет они увеличились на 41%, расходы на войско — на 142%; расходы на содержание дворов составляли $4^1/_2$% общей суммы расходов. Расходы на содержание дворов, на армию, на проценты и на погашение государственного долга составляли 60% всей суммы расходов. Разделив сумму расходов на число жителей, получим на каждого человека 13 фл. 48 кр., из них на армию — 5 фл. 42 кр. и на содержание двора — 35 кр. В Швейцарии на каждого жителя приходится государственных расходов 6 фл. 40 кр., из них на армию — 51 кр. В Швейцарии чиновники не получают больших окладов, а о пенсиях там не имеют и понятия, между тем, как



Регенсбургский собор

в Англии на пенсии приходится 4% общей суммы государственных расходов, во Франции — 5%, в Германии 7—8$^{1}/_{2}$%. В бюджете В. Герцогства Баденского на 1833 год на пенсии назначалась сумма в 1 008 984 гульдена. Замечательно, кроме того, что в Пруссии, в этом «царстве интеллигенции», на народное образование идет только 1$^{2}/_{3}$% всех расходов, тогда как на армию тратится более 30% (в 1850 г. даже 45%); Австрия тратит на училища (по всей империи) около 3 млн. гульденов, Бавария — около 800 000 гульденов, т.е. все-таки больше Франции, из огромного бюджета которой (1867 г. — 1 994 966 319 фр.) не более 20 млн. предназначалось на народное образование, а Швейцарский союз выделяет $^{1}/_{8}$ часть из общей суммы доходов, т. е. более 2 500 000 фр., на училища.

Рука об руку с развитием промышленности идет и повсеместное развитие пролетариата. В Германии он не достиг еще таких колоссальных размеров, как в Англии, но зато и развитие немецкой промышленности может быть названо весьма скромным в сравнении с развитием английской. Однако пролетариат уже встречается местами в Германии со всеми своими характерными особенностями. Всего выгоднее положение рабочих должно быть в Швейцарии, где, с одной стороны, отсутствие больших городов препятствует скоплению больших масс пролетариев, а с другой — «фабричные» не полностью устранены от владения землей. В местностях, где не существует этого последнего условия (например во многих промышленных округах Германии), торговые кризисы нередко сопровождаются катастрофами голодной язвы, много раз в течение нынешнего столетия опустошавшей хижины прядильщиков и ткачей. Там голод выполнял то, что считает «политэкономической необходимостью» английский политэконом Мальтус, советующий для предотвращения чрезмерного размножения населения и пауперизма убивать бедных или их детей. Конечно, голодный тиф поступает не так деликатно, как советует Мальтус применять на практике свою теорию. Эта теория, хотя и выраженная «в нехристиански грубой форме», отлично согласуется с духом английской плутократии. Доказательством этого может служить английский закон о бедных (Poor law) и процветающие под его охраной рабочие дома (Workhouses). Сцены ужасающей нищеты и возмущающего скотства, происходящие там, к несчастью, нередки и в Германии. Стоит только вспомнить, что в Южной Германии крестьянский батрак получает кроме пищи всего 10—12 крейцеров, смотря по времени года и свойству полевых работ, а на Севере Германии и в Силезии — 4—8 зильбергрошей. На этот заработок, к тому же еще далеко не постоянный, он должен содержать свое семейство. Нетрудно представить себе после этого, каковы должны быть жилища этих пролетариев, каково должно быть физическое и нравственное состояние

их семейств! Без преувеличения можно сказать, что это такие же «белые рабы», как и их собратья по нищете в больших фабричных городах; их положение даже хуже: они не могут так легко менять места; да к тому же совершенно неверно было бы думать, будто крестьянин более снисходительный хозяин, чем фабрикант. Крестьянин, даже зажиточный и богатый, выказывает обыкновенно самое возмутительное равнодушие ко всем высшим интересам. Оттого во многих местностях Германии учитель сельской школы получает содержание хуже свинопаса. В Померании некоторые учителя живут доходом с поля в 46—50 квадратных рутенов и жалованьем в 42—60 талеров. Вот выписка из письма одного из этих «рабов интеллигенции» от 1846 г: «Я и мое семейство, мы живем не лучше тех 20—25 000 жителей Лондона, которые, вставая утром, не знают, чем проживут день. Другие дети наедаются досыта и веселятся, а мои, с пустыми желудками и исхудалыми лицами, только печально глядят на них. Человек, которому кусок хлеба никогда не стоил слез, не поймет страданий тех, для кого эти слезы нередко единственная приправа к пище. Часто дети мои с криком просят у меня куска хлеба и выманивают у крестьянина объедки, которых не ест ни он, ни его дети; да, нищета велика!».

Что касается «рабов промышленности», мы приведем об их средствах к жизни несколько достоверных данных: в 1845—1856 гг. в благословенной Вупперской долине большинство ткачей, работая по 15 часов в сутки, не получали и 2 талеров в неделю. Билефельдские прядильщики тонкой пряжи зарабатывали в день 2 зильбергроша, прядильщики ниток второго сорта — 7 пфеннигов; и на подобный заработок должно было жить 2/3 всего населения страны! Четвертая часть прядильщиков приходов Вертер и Дорнберг зарабатывала за 40 дней 3 талера, т. е. 2 $^1/_4$ зильбергроша в день; половина — 2 талера, т. е. 1$^1/_2$ зильбергроша (згр.), остальная четверть их получала только плату за лен. В Валленбрюке, Шпенге и Енгере четвертая доля прядильщиков получала за 40 дней 2 талера чистого барыша (1$^1/_2$ згр. в день), половина за 35 дней — 1 талер, т. е. 10—11 пфеннигов в день; остальные не получали ничего. Во многих местностях скудный заработок этих работников еще значительно уменьшался вследствие введения гнусной системы платы натурой: хозяин платил своим рабам не деньгами, а никуда не годным товаром, который они должны были перепродавать за бесценок, чтобы добыть себе кусок хлеба. В угольных копиях на Руре хороший работник мог за 8 часов непрерывной работы получить 9—11 згр.; но при этом он должен был жечь лампу, в которой сгорало за это время, по крайней мере, на 1 згр. масла. Только очень хороший работник мог заработать в месяц 9 талеров, большинство же получало не более 7—8 талеров. В больших городах

работа оплачивалась несколько лучше, но весь излишек платы поглощался дороговизной квартир и жизненных припасов. В Берлине в упоминаемое нами время плотник получал 20, сапожник — 15—20, портной — 15—22 згр. в день; прачка зарабатывала в день $17^1/_2$ згр., гладильщица — 10—15, цветочница — $7^1/_2$, вышивальщица — 3—12, перчаточница — 3, шляпочница — 4—8 згр.; при этом надо брать еще в расчет, что все эти работники и работницы теряли от 2 до 6 месяцев в год, когда они вследствие застоя в работах оставались без дела. До самых невероятных размеров нищеты промышленное рабство дошло в деревнях ткачей в рейхенбахском округе Силезии. Там прилежный ткач зарабатывал в неделю всего 3—4 згр. и должен был содержать на эти деньги себя и все свое семейство; так что рабочие там почти умирали с голоду. Впрочем, в зимы 1844—1847 гг. такая участь выпала на долю не одних только рейхенбахских рабочих. В Кельне в зиму 1844 г. 30 000 человек нищенствовали. Пролетарии добывали помои на водочных заводах и ели их вместо супа. Еще более страшная нищета господствовала во многих округах Восточной Пруссии: тысячи семейств не имели там ни топлива, ни хлеба, ни работы.

В неразрывной связи с пауперизмом развивались и все пороки и преступления, порождаемые бедностью. Жизнь пролетариев по большей части представляет более или менее быстрое умерщвление тела и духа. Сотни тысяч детей, прикованные с шестилетнего возраста к машинам на фабриках, погибают еще до совершеннолетия, оставляя единственным следом своего существования слезу сожаления в глазах поэта. И эти несчастные могут еще считаться счастливыми, что умерли так рано! Какая судьба ожидала бы их, под какими условиями прошли бы их юношеские годы! Пусть читатель прочтет в прибавлении к «Kenigsbuch» Беттины фон Арним строго фактическое описание жизни бедных в «семейных домах» так называемого Фогтланда перед гамбургскими воротами Берлина, и он поймет, что пролетариат почти насильно должен воспитывать в детях наклонности к преступлению. У нас есть отчет одного врача для бедных о состоянии жилищ пролетариев в Бреславле, вот что говорится там между прочим: «Жилища рабочих по большей части помещаются внутри дворов. Небольшое количество свежего воздуха, проникающее через соседние дома, окончательно портится вследствие испарений из конюшен и отхожих мест. Многие комнаты скорее походят на свиные хлевы, чем на человеческие жилища; все так ветхо, что здание дрожит от всякого сильного шума шагов; комнаты малы и низки, окна и печи дурны, печи дымят, а с дверей и окон течет вода. И за подобные конуры платят 20—24 и даже до 30 талеров! Дороговизна квартир заставляет многих людей ночевать вместе, в одной комнате, а так как бедняки должны беречь с

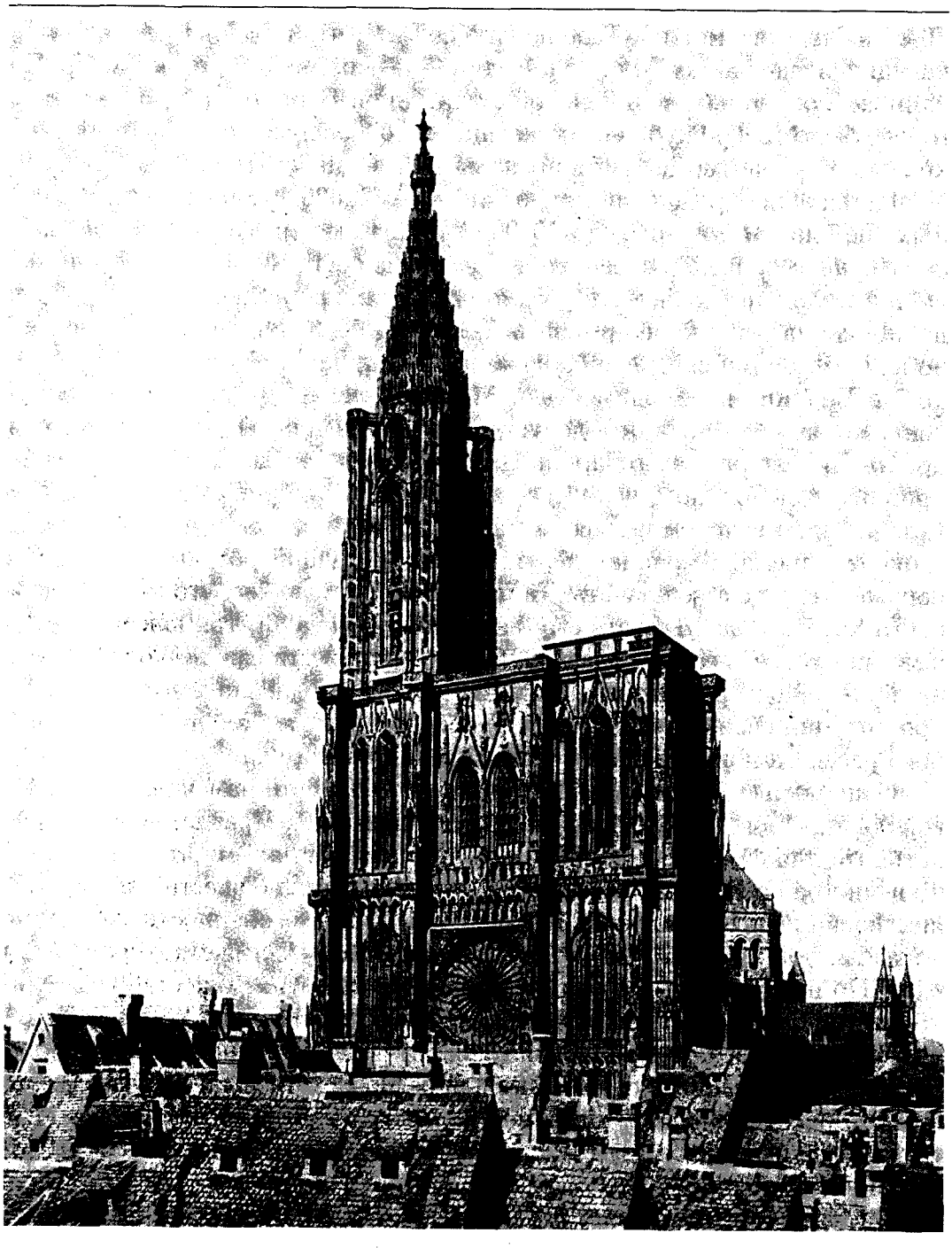
трудом добытую теплоту, то зимой они и не думают отворять двери или окна; от этого воздух в квартирах обыкновенно вонючий, наполненный водяными испарениями. Эта бедность жилищ в соединении со скудной и часто отвратительной пищей порождает спорадические и эпидемические болезни, так страшно свирепствующие среди пролетариев».

Нравственное положение пролетариев точно так же печально, хотя конечно, можно привести бесчисленное множество примеров истинно геройской энергии, с которой пролетарии и их семейства боролись против экономического и нравственного падения. Правда, эта борьба по большей части оказывается бесплодной. Число нищих и преступников, возрастающее из года в год, служит лучшим доказательством этого. Проступки против собственности занимают, само собой разумеется, первое место среди преступлений, совершаемых пролетариями. В 1844 году в одном берлинском уголовном суде велся 3221 процесс и среди них — 1115 о воровстве; в том же году в правительственном округе Дюссельдорфа совершено 5269 преступлений, из них 4361 — против собственности. Более грубые преступления совершались по большей части вследствие пьянства. Пролетарий, «которому нет места на жизненном пиршестве», ищет в винных парах минутного забвения от своих страданий. Часто медленная работа этого страдания сокращается самоубийством. Случаи самоубийств повторяются все чаще и чаще. В Берлине, например, в начале нынешнего столетия одно самоубийство приходилось на 1000 смертных случаев, в 1822 г. уже на 200, в 1830 г. на 100 и теперь, вероятно, не менее как на 50. В 1810 г. в Гамбурге случилось только 10 самоубийств, в 1827 г. — уже 60. Почти в таком же соотношении увеличивается и число сумасшествий. Дочери пролетариев почти неминуемо делаются жертвой проституции. Богатые развратники покупают за деньги невинность несчастных девушек, которые, раз отдавшись соблазнителю, быстро доходят потом до самых высших степеней разврата. Молодая, красивая собой фабричная девушка обыкновенно становится жертвой своего хозяина. Я мог бы назвать множество богатых фабрикантов, которые умеют извлекать из этого злоупотребления еще и денежную выгоду: они отнимают у своих жертв деньги, заплаченные им за грех, под предлогом вычета за «потерянное время». Во многих местностях число незаконных рождений относится к числу законных как 1 к 6, даже как 1 к 5 и к 4. В этом отношении пальма первенства перед всеми немецкими городами принадлежит Мюнхену. В 30-х годах в столице Баварии жила женщина, имевшая 24 незаконных ребенка; в 40-х годах в том же городе в одном доме жили вместе 3 сестры, у которых было 45 незаконных детей. Между 1854—1864 годами, в Мюнхене на 49 512 рождений приходилось 23 714 незаконных, т. е. около

50%; после этого можно безошибочно сказать, что из двоих детей, встречающихся на улицах Мюнхена, один — непременно незаконный. По данным, собранным полицейской статистикой Берлина, в 1846 г. в этом городе было 10 000 публичных женщин и 10000 служанок, из которых по крайней мере четвертая часть преданы если не проституции, то разврату; 2000 незаконных рождений приходилось на 11 000 законных; число больных сифилисом доходило до 10 000 в год. Как характеристику берлинских нравов приведем здесь один рассказ из обыденной жизни столицы. «Один молодой лекарь жил в бедном семействе ремесленников. Старшая дочь должна была конфирмоваться, но бедные люди были положительно не в состоянии сшить ей сколько-нибудь приличное платье, что считается в Берлине необходимостью. Молодой лекарь только что получил деньги и вздумал подарить девушке платье и вуаль. И дочь, и родители пришли в восторг и благодарили его со слезами на глазах. Но какой сюрприз ожидал молодого человека, когда в день конфирмации он возвратился поздно вечером в свою комнату. На его постели в ночном наряде спокойно дремала молодая девушка, как цветущий розовый бутон. Он поражен, смущен, зовет мать. Та приходит и объявляет, что из благодарности хотела пожертвовать ему невинностью дочери, так как все равно не может уберечь ее от соблазна!» Я мог бы привести еще несколько вполне достоверных рассказов о том, как мужья продавали и вынуждали к проституции своих жен, матери — дочерей. Но уже и одного приведенного рассказа довольно для осуществления нашей цели.

Социальные бедствия, на которые мы только что намекали, слишком вопиющи, чтобы не возбудить всеобщего внимания. Правда, нельзя отрицать, что для смягчения пауперизма и его последствий многое уже сделано и многое предпринимается. Основано множество обществ для вспомоществования и образования рабочих классов; в особенности женщины доказали при этом, что на их сострадание можно всегда смело рассчитывать. Но не говоря уже о том, что большинство этих обществ суть только орудие для пропаганды идей религиозных партий, они, во всяком случае, могут служить только паллиативными мерами. Точно так же недостаточны и общественные учреждения для бедных; хотя мы и допускаем, что в некоторых местностях, например во многих кантонах Швейцарии, где тратится на помощь бедным около 5 500 000 и более, они основаны на довольно гуманных началах.

Споры о том, составляет ли пауперизм следствие раздробления поземельной собственности и уничтожения обязательных отношений, как это утверждает реакционная партия, или же он порожден свободой промышленности и ремесел, — все эти споры, в сущности, не ведут ни к чему.



Страсбургский собор

Важен тот факт, что зло существует и что оно принимает ужасающие размеры. Глухой ропот этой страшной лавины должен беспрестанно напоминать каждому о необходимости социальной реформы. Первая мысль об этой реформе теряется среди ранних исторических воспоминаний человека. Начиная с Моисея и Платона и до нашего времени, во все века находились благородные умы, которые делали предметом своих изысканий превращение социальных диссонансов в социальную гармонию. В XVI столетии англичанин Томас Мор написал свою «Утопию» (Utopia, 1516), в XVII итальянец Кампанелла — свое «Царство солнца» (Civitas solis, 1623); оба эти произведения, основанные на началах платоновской «Республики», во многих отношениях служат выражением идей новейшего времени. Более всего эти идеи разрабатывались во Франции. Теории Бабефа, Сен-Симона, Фурье, Каабе, Луи Блана и Прудона поочередно занимали общественное мнение; благодаря усердным пропагандистам они вызвали в пролетариях и по эту сторону Рейна смутное осознание права участвовать на жизненном пиршестве. Партия немецких социалистов и коммунистов до сих пор сделала мало, она даже почти совсем не высказывала оригинальных мыслей. Ее главная заслуга состоит в разносторонней критике существующих общественных условий; реформаторские проекты этой партии почти постоянно составляли лишь отголосок французского социализма и коммунизма; часто эти проекты превращались в пустые химеры[13]. Но оставляя в стороне все иллюзии и мечты сторонников социализма, мы найдем, что социалистическое движение имело один полезный результат: оно пробудило в четвертом сословии, в пролетариате, чувство человеческого достоинства и права и всеми силами побуждает его стремиться к освобождению от деспотизма денежной аристократии подобно тому, как некогда бюргерское и крестьянское сословия освободились от феодальной знати.

Глава VIII
СВЕТ И ТЕНИ

Из уголовной статистики XIX столетия. — Религиозные заблуждения. — Ультрамонтаны и пиетисты. — Религиозная драма — «Наука понятного движения» и религиозное рабство. — Оппозиция и реакция. — Общества. — Гегель и его система. — Литература периода Реставрации. — Юная Германия. — Литературный демократизм. — Юные гегельянцы и тюбингенская школа. — Материализм. — Заключение.

Камера-обскура, в которую мы попросим теперь заглянуть читателя, покажет ему очень мрачные картины, до того мрачные, что мы даже рискуем навлечь на себя целую бездну порицаний со стороны благонамеренных людей, желающих набросить патриотический покров на все пороки отечества. Но страх этих порицаний не должен отклонять нас от исполнения наших культурно-исторических обязанностей, тем более что на долю именно нашего времени выпала трудная задача избавить народ от пут самоослепления, от того несчастного обольщения призраками, которое имело такое сильное и такое пагубное влияние на всю немецкую историю. Гордясь своим умственным богатством, немцы слишком легко забывают, как много еще нужно сделать для того, чтобы это богатство стало доступным народу, чтобы золотые и серебряные слитки науки превратились в ходячую монету; иными словами, чтобы лучи знания и гуманности проникли к тем слоям общества, на которых еще и в XIX столетии лежит такой густой мрак. Глубоко ошибаются люди, считающие умственные и нравственные заблуждения, о которых мы скажем сейчас, только единичными болезненными явлениями, не заслуживающими серьезного внимания. Эти заблуждения суть симптомы болезни, распространенной во всем общественном организме. Проявления этой болезни вызывались большей частью материальными недостатком, поэтому мы и коснулись их в предыдущей главе, но пауперизм нельзя однако считать единственным источником преступления. Преступления нередко совершаются в средних и даже в высших классах общества и совершаются часто с еще большей грубостью и, во всяком случае, с большей злобой, чем в беднейших. Мы видим отсюда, какие трудности предстоит еще преодолеть немецкому народу на его пути к общей гуманизации всех классов общества.

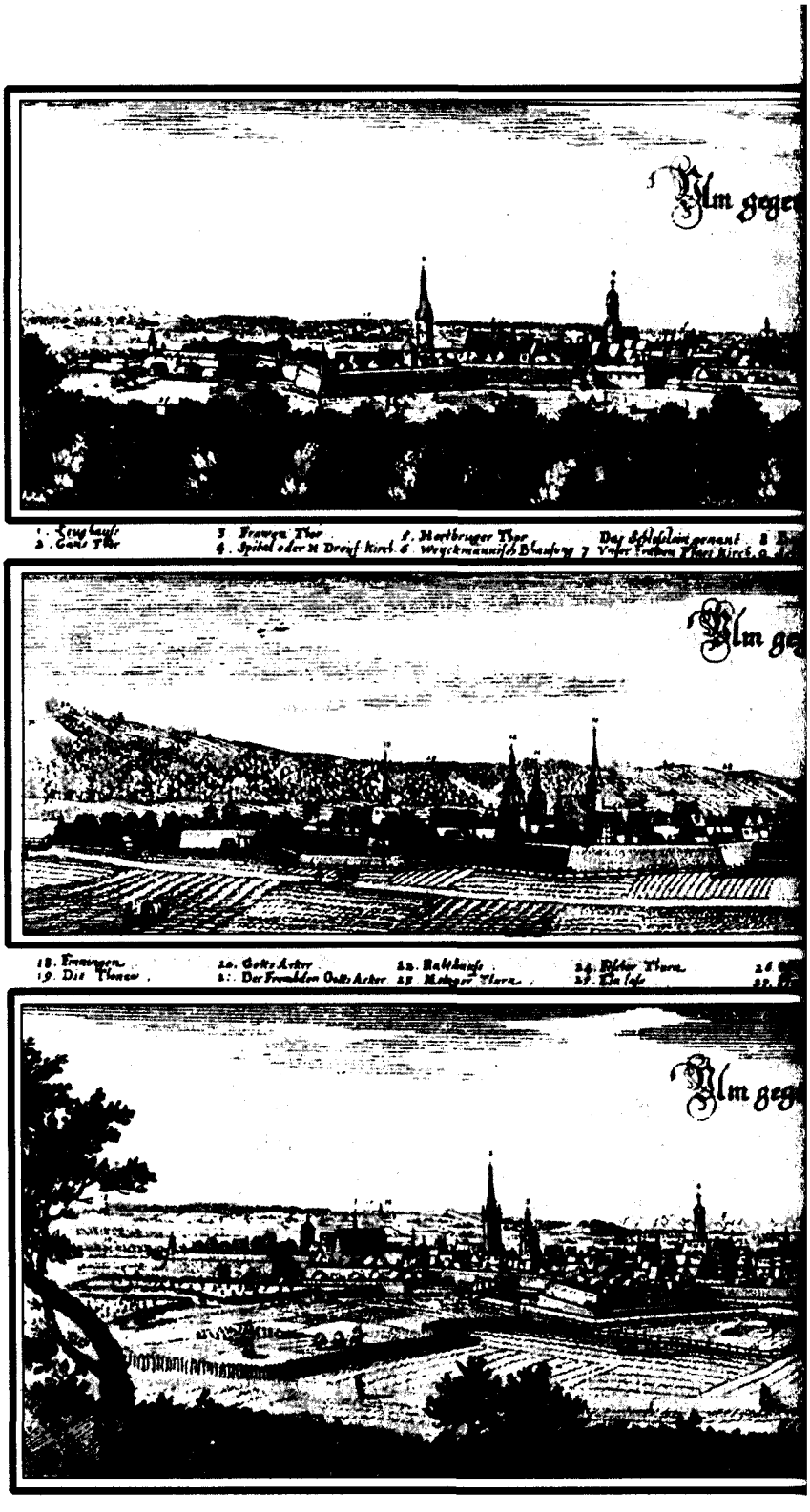
Я заговорил о преступлениях. И в Германи уголовная статистика XIX столетия может найти ряд преступлений, доходящих до чудовищности. Безнравственность знатных слоев общества и здесь нередко ознаменовывала собой гнусности, вроде тех, которые открыл во Франции процесс Праслина, а в Бельгии — процесс Бакарме. Если мне возразят, что немецкая аристократия не доходила до подобных мерзостей, я напомню моим противникам скандальный бракоразводный процесс графа Гацфельда или историю того саксонского дворянина, который оскопил своего воспитанника, единственного сына своего умершего брата, чтобы, убив таким образом в его лице целое поколение, воспользоваться для себя или для своих детей наследством этого несчастного! Впрочем, было бы несправедливо считать ослабление семейных уз привилегией одного высшего круга общества. Нередко оно приводило к ужасным преступлениям и в бюргерском, и крестьянском кругу. Припомним рассказ Фейербаха об ужасной трагедии, разыгравшейся на одной уединенной мельнице в баварской Франконии, — трагедии, которая окончилась детоубийством. В той же Баварии священник Римбауер под маской почитаемого народом святого скрывал в себе ужасного преступника, изверга, в котором к ненасытной корысти и сластолюбию примешивалась еще варварская страсть к убийству. В Саксонии один протестантский теолог священник Тиниус несколько раз совершал убийства — из библиомании. Вообще, три первые десятилетия нынешнего столетия ознаменованы крупными уголовными процессами, носящими на себе отчасти характер таинственности. Припомним дело Фонка и Гамахера в Кельне, убийство старосты Келлера в Люцерне, 17 лет скрывавшего сладострастно кровавые похождения «убийцы девушек» Бертле в Аугсбурге, детоубийство, совершенное в Рейтлингене подмастерьем Бремом, тоже слывшим в народе за святого. Но верх бесчеловечности представляет нам отравительница Гезина Маргарета Готтфрид в Бремене, далеко превзошедшая на этом поприще своих предшественниц, тайную советницу Урсинус и Анну Маргарету Цванцигер. Готтфрид казнена в 1831 г. Эта необыкновенная в своем роде женщина, живое олицетворение тщеславия, злобы и лицемерия, дошла до какой-то демонической страсти к убийству. Отравив своих родителей, детей, мужа и нескольких женихов, она стала наконец чувствовать какую-то непреодолимую наклонность подносить смертоносный порошок каждому, кто стоял ей поперек дороги. Что сказать о женщине, которая, умертвив всех, связанных с ней тесными узами родства и дружбы, потом ради удовольствия зазывала к себе с улицы чужих детей и угощала их бутербродами, посыпанными мышьяком! Это уже не человеческая страсть, а какое-то животное влечение. Такое же влечение характеризует и убийство в Край-

легейме в окрестностях Вюртемберга в 1841 году: молодая жена одного старика сговорилась со своим любовником убить мужа. При помощи местной бабки решение это было осуществлено и притом самым жестоким образом. Всего возмутительнее в этом деле то, что преступная чета тотчас же по совершении преступления легла на ту самую постель, на которой только что в страшных мучениях скончалась их жертва. Каннибальство, которое сказывается в этих преступлениях, а равно и в тех доводах, которые приводились в оправдание одной старухи из кантона Цюриха, задушившей новорожденного ребенка своей дочери: «Да ведь это была такая крошка», — это каннибальство открывает нам такие страшно возмутительные стороны народной жизни, что уж лучше поскорей перейти от этих ужасных картин к другим образам, рисующим нам нежное чувство и геройскую самоотверженность. Подобную картину представляет, например, один эпизод печального события, совершившегося 30 сентября 1852 г. в леймпигской железной рудокопи, неподалеку от Гофа в Баварии. В этой рудокопи работали 4 брата. Старший брат случайно уронил подсвечник в шахту, которая — по причине дурного воздуха — была доступна только зимой; чтобы достать его, он спускается вниз по висячей лестнице, но, задохнувшись на пути от дурного воздуха, падает в бездну. Второй брат тотчас же спускается вслед за ним и подвергается той же участи. То же делает третий и наконец четвертый, несмотря на все предостережения и просьбы. Когда шахту очистили, их нашли там всех четверых. Они были мертвы, но их безмолвные уста красноречиво говорили о силе их братской любви.

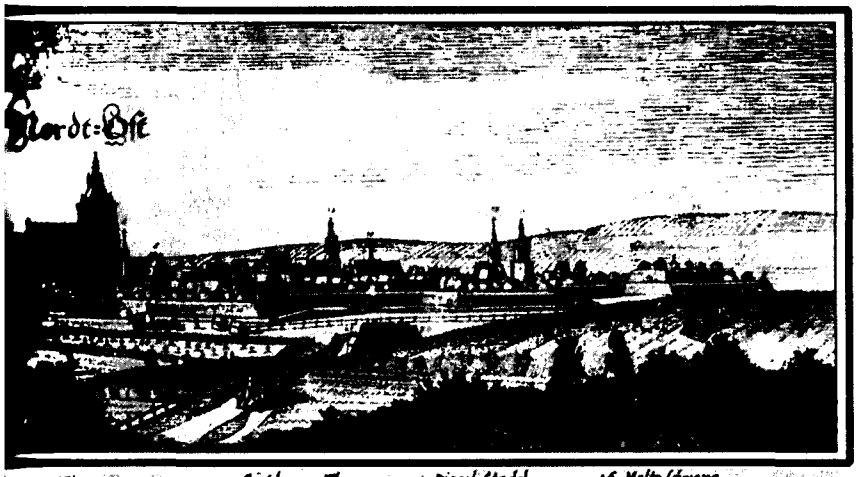
Говоря о нравственных заблуждениях, мы не можем не затронуть и религиозных, часто непосредственно с ними связанных. Но для этого нам надобно вернуться несколько назад. Реакция против просветительного направления XVIII столетия нашла себе во Франции пророков в лице мистико-католических писателей вроде Бональда, де Местра и Шатобриана. В Германии она вдохновила романтиков. Немецкий романтизм, тесно связанный с антиреволюционной политикой, высшим выражением которой служил Священный союз, был порожден частью сознанием несоответствия между идеалами эллинствующего немецкого классицизма и действительностью народной жизни, частью теми же неопределенными идеальными стремлениями души, которые не находили себе удовлетворения в узких рамках сухой протестантской догматики. Хотя романтизм явился впервые на севере Германии, тем не менее настоящей отчизной должна считаться католической, Южная Германия. Оттуда он оказывал сильное влияние и на север. Немецкая жизнь в период Реставрации получила вполне католико-романтический оттенок. Римская иерархия при помощи

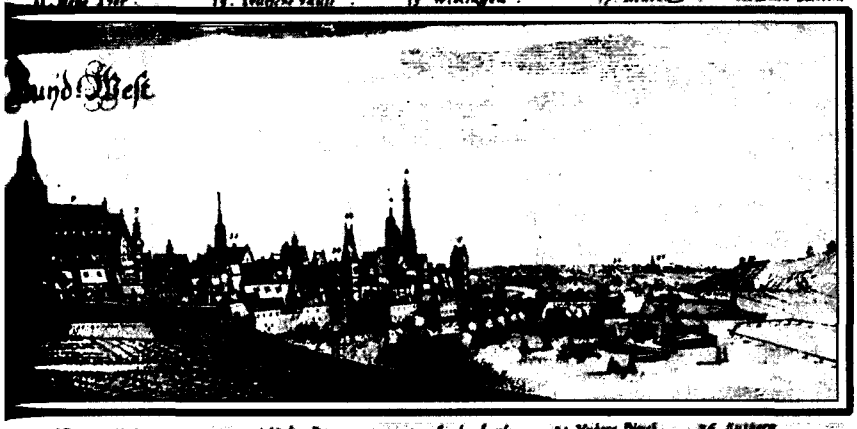
иезуитов, опять открыто выступивших на сцену истории после 1814 года, сумела снова приобрести громадное влияние на Германию. Ультрамонтанство выступило с давно неслыханной смелостью. Горрес, прежний арлекин якобинства, проповедовал теперь в Мюнхене такой фанатизм, который возмутил бы и католиков и протестантов прошлого столетия. В своей «Христианской мистике» 1836 г. он достиг апогея безумия: он защищает в ней самым положительным образом процессы ведьм и т. п. Вообще, эта книга — настоящий «шабаш абсолютной нелепости». Бавария со своими 132 монастырями, восстановленными при короле Людвиге, представляла ультрамонтанам такое свободное поле деятельности, какого они не находили даже в Австрии при Меттернихе, неудивительно поэтому, что там снова повторились времена Гаснера, роль которого взял теперь на себя князь Гогенлоэ, каноник в Бамберге. В других местах также начали появляться чудеса и знамения; так, например, монахиня Эммериха в Дюльмене в Вестфалии воспроизводила на своем теле знаки ран Господа; Мария фон Морл в Кальдерне в Тироле питалась одним воздухом. Но, конечно, чудо воскресения не свершилось над той несчастной девушкой, которую католические изуверы одной деревни близ Линца принесли в Страстную пятницу 1817 г. в жертву Богу, «чтобы она, по примеру Христа, умерла за своих братьев и сестер».

Римская курия подняла голову. Казалось, настало то время, когда она могла решительно приняться за осуществление своего старого заветного плана раздвоения Германии, уже подготовленного трудами иезуитов. Поднялся вопрос о смешанных браках. К стыду немцев надо сознаться, что они серьезно занялись этим вопросом, который не заслужил бы ничего, кроме смеха их отцов и дедов. Дело было фактически решено в пользу Рима. Мало того, в этом нелепом споре, нанесшем такие глубокие раны немецкому патриотизму, даже умственный перевес был на стороне ультрамонтанов. Ни один протестантский писатель не мог сравниться с пламенной диалектикой Горреса, автора памфлета «Athanasius» и редактора основанной в то время в Мюнхене историко-политической газеты «Historisch politische Blatter», главного органа папизма. Невыдержанность и дряблость протестантизма ясно высказалась в его столкновении с целостным и последовательным католичеством. Как уверено было последнее в своей победе, с каким высокомерием праздновало оно свое торжество, мы можем видеть из суеверных празднеств, установленных в Трире епископом Арнольди в 1844 г., из воскресшей с новой силой тецелевской нелепости — продажи индульгенций; наконец, из деятельности иезуитов в Швейцарии — деятельности, имевшей прямой целью расторжение союза. Нельзя без содрогания читать цинично-варварских посланий



УЛЬМ


Nord-Ost


Sund-West

Mitternacht

отцов иезуитов. Мы не станем касаться той грязи, которой эти служители Евангелия щедро покрывали все, что касалось половых отношений. Скажем только, что патер Бургсталлер в одной из своих проповедей сравнивал Бога с бешеной собакой, которая яростно бросается и кусает людей! «А для того чтоб Бог в своем бешенстве действительно не погубил благочестивых крестьян Люцерна и Унтервальдена, святая церковь поставила хранителями их (конечно, за известное вознаграждение) духовенство и особенно св. отцов Иисуса». Какие вещи выделывали эти хранители, можно судить по тем скандальным мерзостям, которые позволял себе викарий Ральфут с монахинями штейнбергского монастыря в Швице и священник Расглин с «кровоиспускательницей» Терезой Стадели в Цуге.

Католицизм превосходит протестантство могуществом, но в усердии о сохранении Царствия Божия протестантство смело может соперничать с ним. Протестантские пиетисты не уступают в этом отношении католическим ультрамонтанам. В основе всех разветвлений пиетистического направления, несомненно, лежит древняя кровавая теология поклонников Молоха, дополненная культом сладострастия, подобно тому, как и у древних финикийцев храм Астарты стоял рядом с храмом Молоха. Оттого-то в их речах так часто проглядывает демоническое сладострастие и кровожадность. Вообще, отличительной чертой их религии следует назвать полное признание власти злого духа над человеческим сознанием. Это следует уже из процессов ведьм. Черт, полное падение человеческой природы, вследствие прародительского греха, проклятие которого распространяется даже на бездушных тварей, на животных, на растения, на сам земной мир. Кровавые преследования в делах веры, возведение половых отправлений на степень богоугодного дела, порицание общественных удовольствий, фанатическая ненависть против всех, не принадлежащих к «царству благодати», маскировка этой ненависти и непомерного высокомерия под личиной благочестиво ласковых фраз и печально воздыхательных физиономий; ад с его вечным серным пламенем и наконец собачья покорность перед сильными покровителями — вот ингредиенты того кушанья, которым апостолы пиетизма угощали немецкий народ, кушанья, которое они предлагали вместо здоровой и питательной пищи даже в университетах и учительских семинариях, не говоря уже о прочих школах. В учительской семинарии в Карлсруэ, например, диктовалась семинаристам следующая остроумная топография ада: «Внутренность земного шара пуста, там пребывают души грешников. Рационалист может заметить, что диаметр земли равняется только 120 милям и если, по учению Св. Писания, спасутся лишь немногие, то грешники никаким образом не поместятся там. Но им можно ответить так: души могут вставляться одна

в другую (как маленький ящичек в большой); по премудрому соизволению Божию это еще увеличивает их заслуженное мучение».

Этот пример с достаточной ясностью показывает нам, как относятся пиетисты к науке. Касательно их отношений к нравственности тоже можно привести много еще более назидательных примеров. Мы напомним только о том члене тайного общества Шраде в Швабских Альпах, который именем Св. Духа собрал почти все женское население деревни в свой гарем; или о сепаратистах в окрестностях Пфорцгейма, Берна, которые создали себе целый культ разврата, евангелием которого служила особая книжка «Glieder bechlein», составленная будто бы из текстов Библии. Гнусная трагедия пиетизма, разыгравшаяся в Вильдисбухе, кантоне Цюриха, между 1819—1843 гг. в семействе зажиточного крестьянина Петера, представляет нам пример того, как религиозность в умах некоторых людей может соединяться с крайним сластолюбием и жестокостью. Героиня этой трагедии Маргарита Петер совмещает в себе в высшей степени все эти три качества. Пройдя через все крайности религиозного энтузиазма и грязного сластолюбия, эта несчастная закончила тем, что 15 марта 1823 г. распяла свою сестру, «чтобы победить сатану», и в заключение заставила своих безумных родственников распять себя саму! Собравшиеся пиетисты в окровавленной комнате, в присутствии двух трупов прославляли это ужасное происшествие. «О, если бы я мог умереть, как эти святые»! — восклицал один из них. Другой жалел только об одном, что жертва принесена не в пятницу на страстной неделе. Через всю эту мрачную религиозную драму, в которой ясно высказалось молохское зверство пиетизма, пробивается только один светлый луч. Я говорю о трогательном самоотвержении одной бедной сапожницы, которая для спасения чести своего мужа выдала ребенка, прижитого им со святой Маргаретой фон Вильдисбух, за своего собственного и воспитала его как свое детище. Пример невежественного ханжества более безвредного характера представляют нам один вюртембергский булочник из Кретингена, сошедший с ума на сочинениях Сведенборга и считавший себя Спасителем, а одну красивую девушку — Девой Марией, и пастух Франк из Гейнингена в Филстоле, который выдавал себя за чудесного целителя, заклинателя духов, освободителя душ и производителя золота и добыл себе таким образом состояние, с которым мог вести жизнь важного барина. Успех подобных обманщиков ясно показывает нам, какие нелепые предрассудки еще продолжали господствовать в народе. «Наука понятного движения» делала всевозможные усилия, чтобы поддержать дорогое ее сердцу господство. В то же время романтика своими драмами и романами, где черти и привидения являются чуть ли не главными пружинами действия, укреп-

ляла в умах то антинаучное направление, которое развилось потом в туманные теории сомнамбулизма и магнетизма и дошло наконец до сумасбродств спиритизма; это направление при помощи учений о «темных сторонах природы», о «вмешательстве духов» и других мистических нелепостей приобретало себе толпы прозелитов среди женщин и расслабленных сластолюбцев. Совершенно в духе романтизма клеймило оно здравый человеческий смысл именем пошлости и издавалось в шутовских сочинениях вроде «Seherin von Prevorst» над современным развитием ума. Самые жалкие и вместе с тем наглые фарсы шарлатанства находили в нем усердного покровителя. С трудом верится, но, к сожалению, совершенно справедливо, что в Германии до сих пор еще всякий шарлатан, спекулирующий на глупости, может смело рассчитывать на успех. Тесная связь религиозного обскурантизма с политическим рабством ясна сама по себе, но если бы кто захотел убедиться, до какой низости доходила рабская покорность пиетистов, мы рекомендуем тому прочитать изданные в 1847 г. в Ярфуе «Kenigsworte in Volksliedern» Рядом с этими проявлениями сознательной подлости следовало бы привести несколько схваченных из народной жизни примеров наивной глупости: это развеселило бы читателя. Но, к сожалению, место не позволяет нам сделать этого[14].

Царство тьмы сменяет обыкновенно светлый день; общественное сознание восстает против недавно торжествующей темной силы. Трирские празднества и систематическое помрачение умов протестантским пиетизмом вызвали реакцию. Среди католиков явились так называемые «друзья света», возникли свободные общества. Одновременно с этим возникает оппозиционный элемент и в протестантизме. Хотя начиная с 1849 г. он подвергался постоянному систематическому гонению, тем не менее семена, посеянные его неусыпной деятельностью, обещают обильную жатву в будущем. Более успешный исход имела оппозиция германизма против романизма в Швейцарии. Там даже удалось в 1847 году вовсе изгнать иезуитов из территории союза. После неудачных революционных попыток 1848 г. обскурантизм приобрел новую силу в Германии. Иезуитские миссии стали ходить по всей Германии. Эти «внутренние миссии» (внешняя миссия выманивает ежегодно десятки тысяч из кармана народа для обращения «несчастных слепых язычников по ту сторону океана») служат орудиями для методического распространения пиетизма. На каждом шагу наталкиваемся мы на плоды этого возродившегося слепого ханжества. Мы находим отпечатки его даже на судебных протоколах. В 1850 г. мюнхенский суд разбирал дело Лехля и Лакля о заклинании духов и искуплении душ; подробности этого дела могли бы занять почетное место в «Молоте ведьм». В то же время в тюбингенском суде рассматривалось дело

Якоба Китера и товарищей, обвиненных в «обращении заклинания духов в ремесло». В 1852 году на скамье обвиненных в эслингенском суде сидел изгнатель бесов, выманивший у одного глуповатого крестьянина 600 фл. под предлогом отыскания клада и получивший, кроме того, как значилось в счете, 92 фл. за «миро, которым был помазан Христос». Вскоре после того суд присяжных в Людвигсбурге произнес приговор над одним из важнейших пиетистов, главой тайного общества, Готтфридом Венгелем из Лауффена, который склонил дочь свою к прелюбодеянию и убил потом рожденного ею ребенка по «повелению Божию», как объявил он на суде. В великом герцогстве Гессенском в 1853 году следствие раскрыло проделки одного пиетиста, школьного учителя, который в продолжение целых 10 лет развращал своих молодых учениц посредством различных религиозных выдумок. В Бадене, в одной местности, где иезуитская миссия только что окончила свою деятельность, в лесу появилась Пресв. Богородица во весь рост и даже для утешения верующих опустилась на какую-то сосну или ель. Не надо думать, что подобное ханжество распространялось только среди простонародия. Аристократия также сделалась необыкновенно благочестива. Графиня Ида Ган-Ган, так досаждавшая когда-то благонамеренным мужам своими литературными трудами по вопросу об эмансипации женщин, приняла католичество, публично покаялась и основала монастырь. Тысячи образованных людей верят предсказаниям вертящихся столов и стучащих духов. «Наука» тоже не отстает в этом благочестивом стремлении: в 1852 г. некий Д. Рихтер заявил в «ученой статье», что охлаждение земной коры происходит вследствие преумножения греховности людей. Ничто не возбуждало такой ярости всех этих ханжей, как великие произведения периода немецкого классицизма. Так, 24 января 1866 г. на одном «ученом собрании» в Штутгарте, директор гимназии Д. Таушер прочел «ученую лекцию», в которой доказывал, что «Натан» Лессинга — весьма жалкое произведение и в научном, и в эстетическом, и в нравственном отношении.

Нельзя не сожалеть о той флюгерообразной покорности, с которой немецкая наука подчиняется направлению ветра, господствующему в высших слоях общества. Когда в 1847 г. профессор Раумер, которого, конечно, уже никто не заподозрит в революционных стремлениях, в одной из академических речей привел классические слова «старого Фрица» о терпимости всех религий, большинство членов берлинской академии тотчас же отправило к королю письмо со смиренными извинениями. Письмо это было написано в таком тоне, что показалось низкопоклонным даже Allgemeine Zeitung и заставило ее вспомнить негодование Мозера и Шлецера против «собачьего смирения» и «политического лакейства» немцев.

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

FRANCOFVRTVM
Der Mayn

Религиозная и политическая реакция тяжелее всего отразилась на народном образовании; дорого должны были бы поплатиться педагоги за свои мечты об отделении школы от церкви. После Песталоцци народное образование в Германии достигло такого цветущего состояния, о котором соседние страны, например, Франция, не имели ни малейшего понятия. Бестолковая рутина в преподавании постепенно уступала место предметным урокам Песталоцци, звуковому методу и одновременному обучению чтению и письму. В материальном отношении также многое было сделано для преподавания, особенно в то время, когда правительства были проникнуты духом просветительного периода. Всюду возникали семинарии для образования учителей; почти по всей Германии были учреждены народные школы и введена система обязательного учения. Вот статистические данные, свидетельствующие о развитии народного образования в Пруссии: в конце 1851 г. там была 24201 народная школа с 30864 учителями и 2 543 062 учениками, 505 бюргерских училищ с 2269 учителями и 69302 учениками, 383 женские школы с 1918 учителями и 53270 ученицами, 117 гимназий с 1664 учителями и 29374 учениками, 46 учительских семинарий с 2411 воспитанниками, 7 университетов с 4306 студентами. Чтобы судить об успехах учеников народных школ, интересно просмотреть данные сравнительной статистики относительно грамотности рекрутов различных стран Европы. В Англии в 1864 г. из 1000 рекрутов 239 не умели ни читать, ни писать; во Франции между 1855 и 1859 гг. из 1000 318 рекрутов были неграмотны. В 1864 г. 27% французских солдат не умели ни читать, ни писать.

В бывшем Германском союзе, включаю Пруссию, число неграмотных равняется 4%; в Австрии — 19%; в России — 41% (в регулярном войске); в Испании — 38%; в Португалии — 29%; в Италии — 31%; в Бельгии — 17%; в Голландии — 8%; в Дании — 12%; в Швеции — 9%. В Швейцарии отношение грамотных к неграмотным различно, смотря по кантонам. Более всего грамотных солдат в Базеле и Цюрихе, менее всего в Тессине, Валлисе, Граубиндене и Ури; в Берне, Фрейбурге, Золотурне и Ааргау заметен сильный прогресс в этом отношении.

Сторонники «науки регресса» вроде Шталя и компании, в своих нападках на народные школы исходили, как известно, из того положения, что эти школы чрезмерно развивают ум «в ущерб сердцу». С этой точки зрения они считали вредными и гнали даже фребелевские детские сады: они знали, что с добродушным немецким сердцем легче справиться, чем с проницательным немецким умом. Насколько понимали эти обскуранты подробности научного преподавания, можно видеть из следующего курьезного факта: по предписанию австрийского министерства народного

Гегель

просвещения в 1852 г. все древние классики, изучаемые в школах, должны быть сокращены и изуродованы, т.е. очищены от всяких республиканских выражений, «чтобы юношество не заражалось возмутительными идеями». Интересно знать, что сказал бы о нашем современном преподавании Гете, еще 30 лет тому назад находивший, что «у нас только и бьются, чтобы как можно раньше сделать юношей смирными, изгнать из них всякую естественность и оригинальность и в конце концов превратить их в чистейших филистеров». Церковь, в особенности католическая, недовольна подчинением школ государству. Ей хотелось бы снова забрать их в свои руки. В этом подчинении школ церковь видит один из существеннейших элементов той автономии, к которой после 1847 г. стремится немецкий епископат. Гораздо более скромным характером отличается протестантское «общество Густава Адольфа»; общество это весьма плохо соответствующее своему названию, служит новым доказательством старой истины, что настоящее назначение лютеранства — помогать княжескому деспотизму в качестве полиции совести. Повторяем опять, учреждение обществ составляет один из характерных признаков нашего времени. В Германии существуют всевозможные общества, начиная с Таможенного

союза и заканчивая обществом поставки гробов. Этот все более и более захватывающий принцип ассоциации служит неоспоримым доказательством преобладания демократического духа, отстраняющего на задний план личности и выдвигающего вперед массы. Реакционеры, составлявшие тайные общества в 1848—1849 годах, и не подозревали, какую уступку делают они демократической идее, облекаясь в присущую ей форму. Конечно, в этих союзах и обществах можно найти столько же ребяческого и пустого, как и в страсти немцев к памятникам; но даже и этой последней страсти мы должны быть благодарны за то, что она украсила многие немецкие города статуями великих людей, и таким образом хотя бы отчасти помогла познакомить народ с лучшими двигателями его прогресса. Из мира мрачных теней мы перешли постепенно в более светлую область. Нам остается теперь познакомить читателя с главнейшими из современных философских учений. Прежде всего, мы должны обратить его внимание на философскую систему Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (род. в 1770 г. в Штутгарте, ум. в 1831 г. в Берлине), завершившую собой все, что было сделано до того времени в области философской спекуляции. Проникнутый духом немецких классиков, Гегель понимал и проповедовал разум как настоящую сущность всеобщего бытия. В разуме уничтожалось противоречие между умом и чувственностью, интеллигенцией и природой, субъектом и объектом; они сливались во всеобъемлющем бытии, в абсолюте, в бесконечном процессе, в вечно прогрессирующем движении, осуществляющем идеальное содержание мысли в формах внешнего бытия. В своем выполнении, не имеющем ничего подобного по строго замкнутой методе и логическому развитию понятий, гегелевская философия абсолютного идеализма является систематизацией всей прежней умственной жизни. Потому-то, распространенная усердными учениками, она стала для XIX столетия тем, чем была кантовская философия для XVIII, — заключением культурного периода и зародышем будущего развития. Из гегелевской системы почерпнула историческая критика те орудия, которыми она пользовалась впоследствии в своих бесчисленных битвах против притязаний романтизма; Гегель восстановил в немецкой литературе господство разума вместо романтического произвола; всесторонний критицизм, явившийся следствием такой реформы, обратил в ничто призраки романтизма. Но даже и такой великий ум, как Гегель, должен был заплатить дань своему веку. В тех частях его системы, которые обращены к практической стороне жизни, ясно чувствуется политическая атмосфера реставрационного периода. Гегеля по справедливости можно назвать прусским придворным философом; его общеизвестное изречение: «Все существующее разумно и все разумное существует», — несмо-

Э. Хартманн. Шопенгауэр

тря на все прикрасы толкователей, служит превосходным оправданием немецко-китайского абсолютизма. Теология также пыталась извлечь пользу из этой двусмысленности, чтобы не сказать двуличности, гегельянства, она постоянно напирала на то, что Гегель признал христианство абсолютной религией и вообще старалась представить всю его систему одной лишь софистической формалистикой. Но никто не сумел выставить все недостатки и слабости гегельянства с такою беспощадной резкостью, как это сделал Артур Шопенгауэр — философ, проповедующий систему какого-то отчаяния и доведший философскую мысль до сознательного нигилизма, не находящего счастья ни в чем, кроме буддийской «нирваны».

Литература Реставрации впала наконец в жалкую бесцветность. Бездарные посредственности возродили пошлые литературные приемы Коцебу; подлаживаясь под самые дурные инстинкты масс, они господствовали в театре и библиотеках. Интересы и стремления романтики скоро утратили все свое значение, но следы ее традиций заметны даже на таких авторах, которые, подобно онемеченному французу Шамиссо, чуяли уже веяние свободного духа времени. Поэзия превратилась в поэзию альманахов муз и карманных книжек. Не появляется ни одного великого самобытного творения. Но зато являются произведения, носящие на себе отпечаток времени, произведения, знаменующие переход этого времени от задач, решенных классиками XVIII века, к новым задачам, от свободного искусства — к свободному государству. Освободившись от туманности романтизма, Платен противопоставлял «романтическим дрязгам» полемический жар своих аристофановских комедий, а слезливым отголоскам абсолютистского квиетизма — свои превосходные политические стихотворения. Пылкий патриотический юмор Людвига Берне расплавил ледяной покров филистерской покорности и апатии, в который заковала Германию «умиротворяющая» политика. Генрих Гейне и в стихах, и в прозе справлял вакхический праздник самоуничтожения романтики; от песен, исполненных мировой скорби, он перешел впоследствии к политической

Э. Хартманн. Генрих Гейне

сатире, необыкновенная меткость которой возвысила остроумие до степени национально-литературной силы. С Берне и Гейне во главе, и, в то же время, под влиянием Байрона и французского неоромантизма, так называемая «юная Германия», поносимая и гонимая Менцелем во имя «христианско-германской романтики», пыталась сделать производительным то настроение умов, которое характеризуется словами: «раздвоенность», «мировая скорбь» и пр. Но нельзя сказать, чтобы ей удалось перейти от недовольства и критики к творческой деятельности, — в этом отношении она не была счастливее романтизма, тенденции которого, хотя с несколько иным оттенком, часто пробиваются наружу и в «юной Германии», самым влиятельным учителем которой был Винборг. Так, например, мысль о так называемом «освобождении плоти», с которой после Гейне носились некоторое время Мундт и Лаубе, еще раньше была уже довольно шумно заявлена романтиками. С особенным жаром принялась «юная Германия» за разработку так называемой «социальной» новеллистики; вскоре произведения этого рода, в особенности благодаря трудам женщин, стали занимать почетное место в литературе или, по крайней мере, в библиотеках. Впрочем, многие «юные германцы», порисовавшись некоторое время a la Ардингело Гейнза, очень скоро превратились в почтенных гофратов. Лаубе писал впоследствии охотно читавшиеся исторические романы и недурные театральные пьесы, Кюне замечателен как изящный публицист, более прочной известностью пользуются только сочинения Гуцкова — самого замечательного таланта этого кружка. Его юношеское произведение «Мала Гуру», драма «Уриель Акоста» и современный роман «Рыцари духа» упрочивают за ним право на известность.

С начала 30-х годов немецкая лирика развертывает перед нами самые роскошные, здоровые и свежие цветы. В своих полных чувства соловьиных песнях несравненный Ленау символически изображает нам все, что движется, борется и страдает в таинственной глубине души истинного поэта, вполне проникнутого скорбью своего времени. Напротив того, сти-

хотворения Грюна (граф Ауерсперг, также австриец родом), бодрящие нас как звучные трели жаворонка, полны радостной надежды и уверенности в грядущей победе принципа свободы. Фрелиграт обогатил немецкую поэзию множеством богатых и оригинальных материалов, а Зеальсфилд (Postel) оказал ту же услугу роману. Стремление к свободе, приобретавшее с начала 40-х годов все большую и большую силу и страстность, вылилось у Гервега в возвышенно-патетические выражения гнева и наполнило собой легкие, шутливо-язвительные песни Гофмана фон Фаллерслебена, между тем как, с другой стороны, Гейбель в своих звучных прекрасных стихах отстаивал монархию и церковь. Явились целые легионы тенденциозных, социально-политических лириков. Нередко эта поэтическая оппозиция, по примеру Шатена, облекалась в аристофановскую маску. Иногда плодом этого были весьма удачные произведения вроде «Die Mondzugler» Гейнриха Гофмана и «Die Politische Machenstube» Пруца. Комедии эти замечательны особенно потому, что в них через всю горечь сарказма проглядывает патриотический жар, доказывающий, что, несмотря на все унижения и гонения, чувство национальности все-таки жило еще и росло постоянно.

Другое проявление новейшего демократического направления мы видим в рассказах из сельского быта. Здоровый жанр этих очерков (значение которых иногда, впрочем, слишком преувеличивали) представляет хороший противовес расслабленности немецкой тенденциозной новеллистики. Бертольд Ауэрбах разрабатывал этот материал с художественной стороны, Иеремия Гаттгельф (Бициус) — с реалистической. Бесплоднее всего были попытки на драматургической почве. Единичные талантливые произведения старых и молодых авторов вроде трагических стихотворений Грильпарцера (Sapho, Medea и Hero, Judith Гебеля и Makkabeer Людвига) не могли заполнить собой пустоты сцены; по-прежнему она оставалась в руках толпы драматических и драматургических шарлатанов. Вообще, тот факт, что настоящее время отличается более отрицающим и разрушающим, чем положительным и творческим характером, подтверждается и литературой. Она почти совершенно лишена творческой силы. Все, что она создает, существовало уже прежде; она только воспроизводит и часто воспроизводит нелепости. Во время реакционой горячки 50-х годов новый ряд безмозглых или голодных романтиков чуть было даже не воскресил и тупоумие Фуко. Немецкая жизнь страдает отсутствием народного фундамента, на котором могли бы развиваться в здоровой гармонии материальные и духовные силы. Общество погибает в эгоистическом индивидуализме, усердно разжигаемом полицейским государством, влияния которого мы уже коснулись выше. Самые богатые дарования,

Бауэр

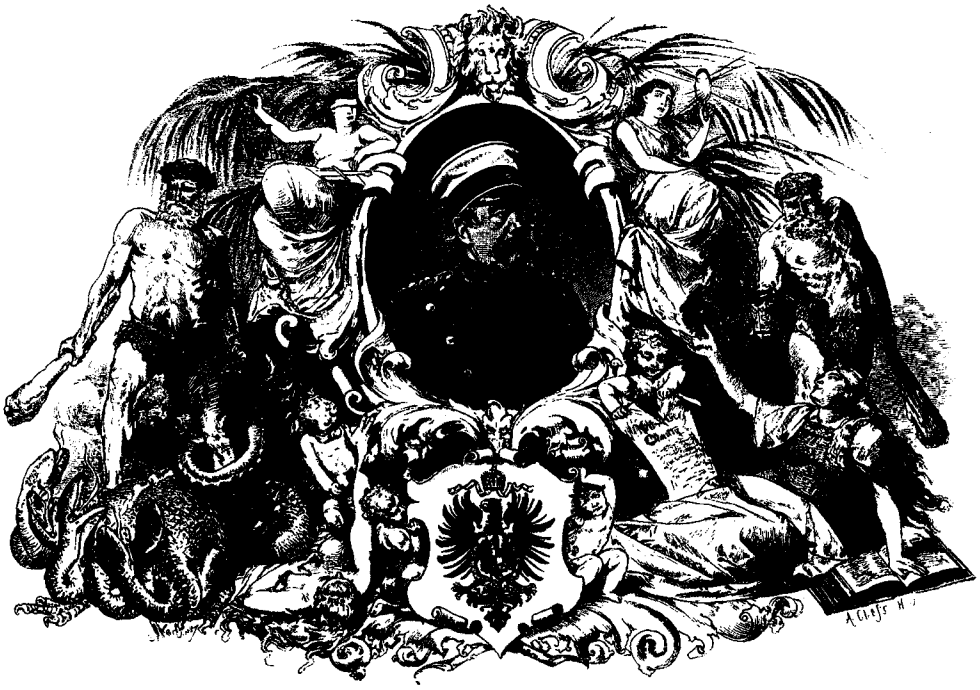
Фейербах

самые благородные стремления не находят поприща для своей деятельности среди этого мертвого государственного механизма. Всюду заметно недовольство, пресыщение, разочарование; нервная чувствительность и болезненное развитие рефлексии достигли высшей степени: в 1834 году Шарлотта Штиглиц решилась даже на самоубийство в надежде воспламенить этим странным самопожертвованием угасающий поэтический жар ее мужа.

«Чтобы спасти человечество, нужно новое открытие, старые наскучили!» — сказала одна гениальная женщина еще в начале нынешнего столетия. Открытие сделано, но оно не ново и не должно быть новым. Это открытие есть идея гуманизма, одушевлявшая классиков XVIII столетия и воскресшая благодаря новейшему развитию научного сознания. Это развитие лишило гегелевскую систему ее отрешенности от человеческой жизни, придало философии практически влиятельное положение и теоретически победоносно окончило борьбу против романтизма в его религиозных, литературных и политических проявлениях. Главным органом этой борьбы были так называемые летописи, «Jarbecher», сначала «галльские», потом «немецкие», издаваемые с 1838 г. Арнольдом Руге и Теодором Эхтермейером; Руге продолжал их с достойной энергией до 1843 г., когда они были запрещены. Кружок юных гегельянцев — так называли сторонников галльских летописей — и часто соприкасавшийся с ним

А. фон Вернер. Мольтке

историко-критический кружок Христиана Баура в Тюбингене дали целый ряд замечательных научных произведений. Давид Штраус (Leben Jesu, 1835) и Бруно Бауэр (Kritik dere vangelischen Geschichte», 1841) подвергли критическому анализу первые памятники христианства. Л. Фейербах нанес окончательный удар теологической метафизике и поставил гуманизм целью жизни. Он отвергал спиритуалистическое отрицание природы и красоты, и считал человека и его положение в обществе, одним словом, гуманизм, центром, вокруг которого должна вращаться всемирная история. Предчувствие этой же идеи замечаем мы и у пантеиста Леопольда Шеффера, так поэтично и нежно изобразившего ее в своем «Laienbrevier». Всякий, кто в силах уловить в случайных оттенках отдельных фактов



Фр. Скарбина. «Бисмарк»

общие знамения времени, согласится, что гуманизму суждено основать новый фазис культурного развития, в котором искусство, наука и поэзия достигнут небывалого доселе процветания и развития. Появление новых открытий, знаменующих собой прогрессивное развитие естественных наук, истории и сравнительного языкознания, влечет за собой возникновение нового периода цивилизации.

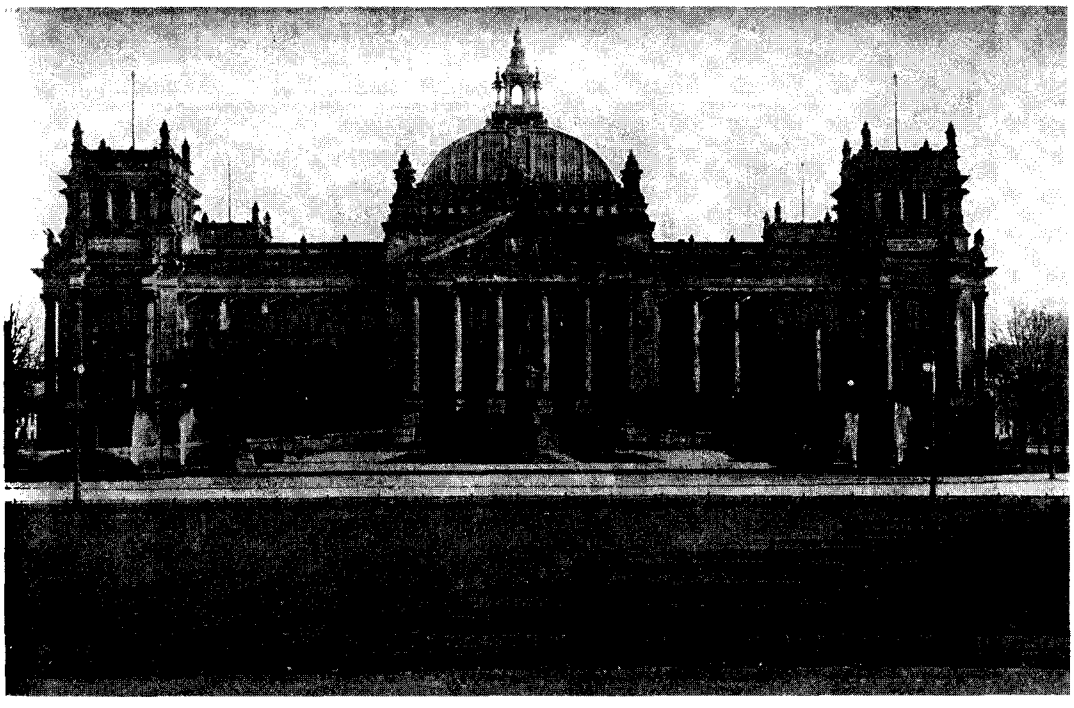
Правда, смутно и печально брожение умов и чувств современного нам поколения, утратившего веру в прошедшее и неуверенного в будущем; правда, из этого брожения выходят иногда весьма странно окрашенные пузыри, распространяющие самое неприятное зловоние вроде ромерской арлекиниады, разыгравшейся в 40-х годах на берегах Лиммата. Всюду нам бросается в глаза противоположность между слабостью воли и смелостью мысли. Какое-то нравственное усыпление заставляет нас останавливаться во всем на полпути, в нас нет достаточной энергии, чтобы стремиться к полному совершенству. Но, к счастью, это усыпление не всеобщее. Народ, среди которого и в наше время могут вырабатываться такие непоколебимо честные характеры, как Шлоссер и Уланд, народ, в котором и до сих пор еще встречаются примеры самоотвержения во имя идеи, не должен беспокоиться за свою будущность. Нация, достигшая такой степени умственного развития, какой достигли немцы; нация, на всех поприщах, медленно, но постоянно

Император Вильгельм. Фотография Лешера Петша

следовавшая внушениям гуманно-свободного времени и распространившая милосердную заботу не только на бедных и безумных, но и на преступников, не только на кретинов, но и на животных; нация, которой и по врожденным свойствам, и по чувству, и по образованию предназначено быть проводницей гуманизма, — такая нация не может впасть в варварство, которое предсказывает ей патриотический пессимизм. Даже и не убаюкивая себя оптимистическими мечтами и иллюзиями, по самому ходу немецкой цивилизации можно смело предсказать, что Германия справится с задачей политической и социальной свободы точно так же, как справилась уже с задачей религиозного и эстетического освобождения.

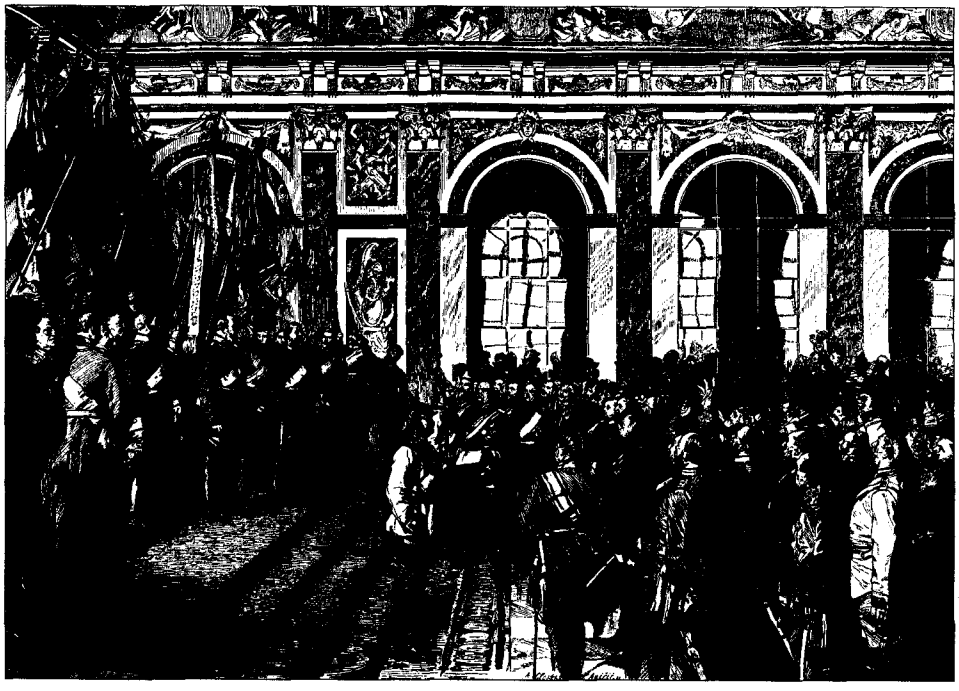
Г. фон Ангели. «Наследный принц Фридрих Вильгельм»

Настоящее положение дел может омрачить, но не убить эту надежду. Материализм, господствующий на практике над всеми формами нашей жизни и стремящийся в теории облечься в научные формы, может еще ослеплять или пугать слабые умы, но ему не смутить сильных сердцем. Его всемирно-историческую задачу составляет великое дело всеобщей нивелировки, конечного и полного уничтожения следов феодализма. Но все-таки материализм нашего времени представляется нам чем-то прозаичным, даже неприятным. Не станем спорить. Действительно, в древности,



Рейхстаг

когда вся жизнь была проникнута идеей государства, и в средние века, когда точно так же преобладала религиозная идея, материальные интересы не могли выступить на первый план с такой силой, как в наше время, когда развитие индивидуализма не допускает поглощения личности ни государством, ни церковью. Но на наш взгляд, в этом преобладании материальных интересов нет еще ничего плохого. Мы видим в нем скорее хороший симптом, хотя в наше переходное время он и является нам больше со своей грозной, чем утешительной стороны. Во всяком случае это явление вполне естественное: развитие новейшей цивилизации, о котором ни древность, ни средние века не имели ни малейшего понятия, обязательно предполагает соответствующее развитие материальной основы; но о преобладании материальных интересов мало сказать, что оно естественно. Оно оказывает положительно благодетельные результаты. Материальное развитие из года в год, изо дня в день, из часа в час расширяет круг людей, способных пользоваться благами жизни и величайшим из этих благ — просвещением; оно до бесконечности усиливает гибкость человеческого ума, увеличивает средства к жизни и таким образом подает надежду, что настанет время, когда все человечество будет иметь



Да здравствует Германский император Вильгельм!

возможность жить человеческой жизнью. А такая жизнь и предполагает необходимость развития идеальных сил.

«О, могуча ты, идея отечества»! — это пророческое слово поэта стало после его смерти истиной в Германии. Из простого «географического» понятия единая Германия превратилась для каждого мыслящего и чувствующего германца в нравственную идею. Этим уже многое сделано, но еще далеко не все. Еще до сих пор можно повторять желание Риккерта:

Wenn nur Glieder nicht die kleinen,
Statt ein Leib zu sein vereint,
Selber Leiber wollten scheinen
Oder gar dem Ganzen feind,
Zu welch hohem Riesenleibe,
Einer Riesin voller Mark,
Kenntest du aus schvachem Weibe
Waschen Deutschland grosz und stark.

Мы твердо верим, что настанет день, в который исполнится это желание и исполнится не с помощью предсказываемого лжепророками разбой-

нического присоединения, а силой самого немецкого народа, созревшего наконец умом, волей и энергией. Конечно, мыслящие патриоты не должны обманываться на этот счет — об этом не может быть и речи до тех пор, пока нация не обратит более серьезного внимания на два разъедающих ее недуга: на партикуляризм, который, к сожалению, существует на самом деле, и на пошлый либерализм, который существует на одних словах и всегда готов во все горло кричать: «Да здравствует король!», — едва король вздумает топнуть на него ногой. Исстари разъедающий Германию партикуляризм и вульгарный патриотизм связаны между собой гораздо теснее, чем это обыкновенно считают. Все либеральные крикуны еще до сих пор принадлежат к тому же разряду «политиканов», которые в 1848 году так несчастно и так позорно не сумели воспользоваться счастливой возможностью, не повторяющейся и в 1000 лет при одинаково благоприятных и удачных обстоятельствах, — возможностью сделать из Германии что-нибудь порядочное, — все они в глубине сердца партикуляристы. Инстинкт тщеславия подсказывает им, что на политической арене единой Германии им нет ни малейшего шанса на успех, а между тем теперь, при существовании целых 30 немецких отечеств, ничто не мешает им первенствовать в болтовне разных камер и камерок и даже иногда пробовать свои силы в игре в министры. Пока нация не будет развита до того, чтобы окончательно бросить эту «либеральную систему», т. е. эту политику двуличности, притворства и подлости, до тех пор она останется тем, что она есть теперь т. е. нулем в системе европейских государств. Но мы надеемся, что даже немецкое терпение не станет более переносить это положение. Оно слишком унизительно и постыдно для народа в 50 миллионов, для народа, который изобрел порох и книгопечатание, для народа, учителями которого были: Лессинг и Кант, Гете и Шиллер. Спящий великан, проснись! Очнись, расправь свои члены и преврати нравственную идею немецкого отечества в политический факт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К стр. 19. Слово «рококо» (по крайней мере по изысканиям одного прирейнского антиквария) новейшего производства. Г. фон Штрамберг рассказывает, таким образом, его происхождение: «Возвращаясь в веселом расположении духа с обеда, один французский принц и другие кобленцские эмигранты спросили у прохожего на улице, где можно найти торговца старой мебелью и платьями. Добрый немец старался объяснить им на своем отечественном языке, что перед лавкой этого торговца висит ein Rocr (сюртук). Oui, oui, roc, roc, rococo! — вскричал принц смеясь. Во время реставрации анекдот этот был рассказан за королевским столом и выходка принца найдена, конечно, в высшей степени остроумной».

[2] К стр. 54. Когда священники просили при восшествии Фридриха на престол о выдаче им снова натурой хлебной субсидии, которую Фридрих-Вильгельм заменил денежной, король отвечал: «Нет, пусть все останется по воле покойного короля, и если сегодня 100 священников выйдут в отставку, завтра мы найдем на их место 1000. Солдатам нужен хлеб, а священники живут небесной манной, падающей свыше; их царство не от мира сего; ни Павел, ни Петр не получали хлеба, и нигде в Новом Завете не говорится об апостольских магазинах». Когда потсдамский придворный проповедник Кохиус хлопотал в 1771 г. о получении лучшего места, король написал ему в ответ: «Иисус говорит: царство мое не от мира сего. Так должны думать и проповедники, тогда они будут проповедовать после своей смерти в новом Иерусалиме.» В 1745 г. партия пиетистов, господствовавшая в Галльском университете, просила об изгнании комедиантов из этого города, потому что студенты передрались в театре. Король написал на полях просьбы: «Во всем этом виноваты поповские штуки. Пусть продолжают играть, и Г. Франке, или как там зовут этого негодяя, также должен там быть и дать публичное удовлетворение студентам за свое глупое представление, а мне пусть комедианты пришлют свидетельство, что он там был. Священников в Галле распускать нельзя. Это все евангелические иезуиты, и им ни в каком случае нельзя давать воли». На просьбу генерал-майора Броникovского о разрешении брака его сестры с корнетом Змиевским последовала такая резолюция: «Нет, гусары должны завоевать себе счастье саблей, а не венцом». В числе слабостей Фридриха можно назвать его несомненное пристрастие к аристократии. Он хотел иметь офицерами только аристократов и очень не любил браков между дворянами и дочерьми бюргеров. Несмотря на то, он часто самым энергичным образом смирял излишние притязания дворян. Когда гофмаршал граф Шуленберг просил для своего сына офицерского места на том основании, что он граф, король отвечал ему: «Молодые графы, которые ничему не учатся, считаются невеждами во всех государствах, в Англии сын короля поступает матросом

на корабль, чтобы изучить маневры морской службы. Если случайно произойдет такое чудо, что из графа выйдет что-нибудь порядочное, то он не должен много воображать о своим титуле и происхождении, это пустяки, все зависит от его личных достоинств».

[3] К стр. 60. 13 июня 1787 г. Иосиф II написал к коадьютору Дальбергу следующее письмо, одинаково делающее честь как уму, так и сердцу императора: «Я получил, любезный барон, через графа Траутманнсдорфа письмо ваше и прочел его с большим удовольствием. Охотно принимаю я ваше предложение сообщить мне средства к устройству благосостояния всей Германии — нашего общего отечества, я охотно называю ее этим именем, я ее люблю, я горжусь тем, что я немец... Подобно вам, я часто думал о том, каким образом осчастливить наше отечество, я вполне согласен с вами, что единственным средством для этого может служить тесная связь императора с государственным телом Германии и с государствами, составляющими это тело; но каким образом устроить эту связь, вот в чем камень преткновения. Устранить этот камень тем труднее, что надо примирить самые разнообразные интересы, в особенности людей преданных, которые преднамеренно запутывают дела Германии и доводят их до невыносимого педантизма с целью запугать государей, отклонить их от самостоятельной деятельности, скрыть от них их собственные интересы, держать их в постоянной зависимости и таким образом упрочить свое влияние, поддерживаемое всевозможными сказками и распространением нелепейших идей, служащих полной основой всей деятельности под видом несомненных фактов. Каждое общество, какого бы оно ни было рода, соединяется во имя общей идеи; слово патриотизм, повторяемое в настоящее время всеми, должно иметь реальное значение: а между тем мы видим, что интересы минуты, тщеславие отдельных личностей, *политические интриги поражают союзы и возбуждают стремления, которым* готово подчиняться все, даже решения юридических дел между частными лицами. Хорошо, если бы наши добрые немецкие соотечественники выработали себе по крайней мере патриотический образ мыслей; если бы они оставили галломанию и англоманию, и пруссоманию, и австроманию и приобрели свои взгляды, не заимствованные у других; если бы они по крайней мере захотели сами видеть собственные убеждения и изучить свои собственные интересы, вместо того чтобы служить лишь отголоском горести низких педантов и интриганов».

[4] К стр. 67. Ненависть и недоверие ортодоксии к пиетизму проглядывается в бесчисленном множестве сочинений того времени. Укажем для примера на стихотворение, написанное в 1710 г. Раухбаром фон Ленгенфельд, придворным в графстве Вальдек, против пиетистов. Вот что в нем говорится:

Церковь Божия окружена тысячью бедствий, волки забрались в овечий хлев, почти все противятся истине, лживые проповедники совращают людей. Хитрости анабаптистов, мечты квакеров, сумасбродство хилиастов и богемские бредни — все это снова возродилось; толпа пиетистов, ворвавшись силой, своим лицемерием и ханжеством вновь оживила все эти заблуждения. Они повергают дом Божий в бездну бедствий, они бросают помет Белиала на пашню Иона.

[5] К стр. 98. Ланкгард сообщает следующее описание «настоящего» бурша того времени, сделанное в стихах каким-то Гельдом и доказывающее, что немецкий студент 70—80-ых годов прошедшего столетия как две капли походил на реномиста Цахарию:

Кто истый бурш? Кто днем кутит, ночью бродит по улицам, точит рапиру, ревет и шумит, презирает филистеров, осмеивает профессоров и дружит лишь

с буршами своего закала; кто вечно сидит в карцере, входит в комнату как свинья, всюду напивается и боится лишь позора; кого со временем, когда он вдоволь прославится, для пущей чести выгонять из Гиссена, — вот истый бурш. И кто не сходен с ним, кто не живет день за день, кто стремится лишь к своей цели, никогда не напивается в кабаке и ходит только в коллегию — тот что за человек? Просто слабительное.

[6] К стр. 104. Карл Фридрих Бардт (родился в 1741 г. в Бишофсвердене, умер в 1792 г. в Галле) — один из замечательнейших ученых искателей приключений в прошедшем столетии. Смешно слышать, как выражались о Бардте его прихожане, когда он был назначен графом фон Лейнинген Дагсбург суперинтендантом в Тюкгейм на Гаорде. Он не верит в Бога, говорит один. Нет, отвечал другой, он не верит только в Отца. Э, нет, замечал третий, он отрицает Сына. В черта не верит, прибавлял четвертый. Дело в том, что Бардт отрицал в то время догмат Св. Троицы, учение об искуплении, веру в благодать, в прародительский грех и в вечность адских мук, но держался веры в воплощение Иисуса Христа и в божественное происхождение Библии.

[7] К стр. 117. Благородный ум не привязывается к праху, он возвышается над временем и званием; его не связывают ни народные обычаи, ни верованья, ни пол, ни отечество. Солнце восходит и садится: для него все братья, кельт, грек и готтентот поклоняются одному и тому же Богу.

[8] К стр. 148. Это зло Германии начинает мало-помалу исчезать, но еще недавно немецкие крестьяне со страхом и ужасом входили во всякое присутственное место, даже занятое самыми неважными чиновниками. Самая страшная грубость бюрократов господствовала в Вюртемберге, в Баварии и Австрии. Честный Зейме рассказывает таким образом трагикомическую сцену выдачи ему паспорта в Австрии на путешествие в Сиракузы в 1802 г. Президент итальянской канцелярии в Вене, обязанный визировать паспорт путешественника, встретил его словами: «Кто вы?» «С этим вопросом на самом грубом колбасном венском диалекте обратил он на меня свои выпученные воловьи глаза. Я уважаю всякое провинциальное наречие, насколько оно служит подтверждением гуманности, и честные добродушные венцы редко заставляли меня считать их выговор дурным. Я прочел втайне коротенькую молитву гуманности, прося у нее терпения, и сказал свое имя, указывая на паспорт. «Куда едете?» — «В паспорте написано: В Италию». — «Италия велика». — «Сначала в Венецию а потом дальше». — «Много такой сволочи туда таскается нынче». Ну, друзья, что мне было делать? Отвечать этому господину, как он того заслуживал? Он легко нашел бы возможность задержать меня по крайней мере на неделю или даже отослать меня назад, ведь он был верховный властитель по своей части; я счел за лучшее сдержать свой гнев. «Куда вы еще пойдете?» — «Главным образом в Сицилию». Он снова выпялил на меня глаза и спросил: «Что вы там будете делать?» — «Я буду там изучать Теокрита». Бог знает, что он подумал обо мне: он посмотрел на меня, посмотрел на паспорт и опять посмотрел на меня и наконец написал что-то на паспорте — приказание выдать мне другой, как я узнал после. «Но, пожалуйста, не оставайтесь долго в Венеции». «Я и не думаю там оставаться, — отвечал я со всей угрюмостью рассерженного человека, — довольно побыть здесь, чтобы получить отвращение к Венеции». Он снова уставился на меня, дал мне паспорт и я ушел».

[9] К стр. 149. Я мог бы привести множество подобных заявлений, но ограничусь одним из самых замечательных: эта ода, напечатанная в 1787 г. (заметьте: в 1787 г.!), воспевает войну за освобождение Америки и заканчивается следующей строфой:

И ты, Европа, подними голову! И для тебя настанет день, когда ты разорвешь свои цепи, ты, благородная, станешь свободной, прояснишь своих князей и расцветешь счастливым народным государством.

[10] К стр. 164. Стихотворение Гейнриха фон Клейста «Fermania on ihu Kander» неподражаемо передает всю ярость немецкого патриотизма того времени, всю жажду мести, доходившую у немцев до жестокости.

[11] К стр. 169. Ничто, по моему мнению, не передает так верно характера бурного народного движения 1813—1814 годов, как «Призыв на бой» романтика Клеменса Брентано, вставленный им в его драму, написанную между Кульмским и Лейпцигским сражениями.

[12] К стр. 179. Знаменитый Вит говорит, что нигде дух времени не высказался так ясно, как в «Великой песни» и присовокупляет: «Уже в конце 1818 г. мы часто совещались о том, как бы основать положительный союз на жизнь и на смерть и для этой цели думали сойтись отовсюду к Вестервальду. В церкви одного священника, принадлежащего к нашему кружку, должны были пропеть великую песню и праздник союза следовало закончить общим ужином».

В 1-й книге своих стихов Гейне поместил едкую сатиру на буршеское движение. Иммерман в одном из своих произведений пародирует способ выражения бессмысленно экзальтированных буршей. Вот как говорит у него один из таких буршей: «Настало великое время, мы должны совершать великие дела, чтобы быть достойными его. Мы должны схватиться за колеса, плыть по течению, сломать плотины и подводные камни, которые ад ставит нам на пути. Мы должны быть просветителями народа. Благочестие, бодрость, веселость, свобода — это главное. Нечего жалеть для дела головы или костей; они ведь могут только убить нас и ничего более. Государство должно быть разделено на 10 округов по карте Гоманна; так будет вернее. Завтра решим, что делать с государями: переколоть их всех или помиловать нескольких. Крепости все наши, около пруда Эльмюллера есть потайной ход, майора мы назначим главнокомандующим. Я овладею Мекленбургом, исключая Гюстрова, с которым справится Шнеппе из Грейфсвальда. Берлин мы сроем, и Ян построит новую столицу на Эльбе. Мы сделаем его главным смотрителем за продовольствием. В союзной кассе у нас 16 талеров; каждую минуту может начаться дело».

[13] К стр. 217. Во втором томе «Jahbucher zur gefelljaftichen Reform» (1846) в статье под заглавием «Apres Ie deluge» (стр. 226) мы находим план нового общественного устройства, составленный одним немецким коммунистом. Некоторые выписки из него подтвердят сказанное нами в тексте. «Государство преобразуется в огромную общину. Право наследства уничтожается. Все здоровые, способные к труду члены общины обязаны сообща трудиться для удовлетворения потребностей общины. Со своей стороны община дает каждому как средства для умственного развития, так и все необходимое для материального благосостояния. Нет никаких высоких и низких работ: каждый труд, служащий на благо всем, заслуживает почтения.

Общине не нужно правительства; ей нужно лишь высшее управление, которое бы контролировало начальство общин и заботилось о равномерном распределении производительности и потребления, чтобы предупредить неправильные отношения между трудом и наслаждением. Община предоставляет каждому из своих членов здоровое, удобное, хорошо меблированное жилище, приличную и изящную одежду, белье, освещение и отопление, достаточное количество здоровой пищи, медицинскую помощь,

свободное и для всех равное образование. Высшее управление избирается абсолютным большинством голосов всех совершеннолетних членов общины и на определенное время. Никакая общественная должность не предоставляет занимающему ее каких-либо прав. Торговля частных лиц с чужими народами запрещается. Управление доставляет общине все необходимые предметы, обменивая произведения своего земледелия и искусства на продукты других стран. Внутренний государственный долг уничтожается. Долговые обязательства каждого жителя страны относительно его сограждан уничтожаются со вступлением его в общину. Община не чеканит монеты. Тюремное заключение и смертная казнь уничтожаются. Проступки, как-то: леность, неумеренность и проч., наказываются выговорами, лишением работы, устранением от должностей управителей; неестественные преступления, как убийство и варварство, наказываются удалением из общины.

Священники не получают жалованья. Все мнения и убеждения терпимы, всякое выражение их дозволено. Для законности брака нужно не благословение священника, а просто публичное перед членами общины заявление о своей любви со стороны желающих вступить в брак. Брак разрушается, когда взаимная любовь прекратится и супруги публично объявят это. Образование общее, т.е. каждый получает на счет общины одинаковые средства для развития своих сил. Основным принципом воспитания полагается развитие физически здоровых, умственно развитых и нравственных людей.

Все науки делаются общим достоянием, т. е. из них изгоняется всякая таинственность, всякое шарлатанство. Искусство также становится общим достоянием, оно приобретает жизненную силу, т.е. сознает свое назначение — служить ко всестороннему украшению человеческой жизни».

[14] К стр. 226. Чтобы убедиться в справедливости высказанных нами мнений, стоит только просмотреть одну из книжек с песнями, бывшими в ходу в пиетистических обществах. Там найдете вы под покровом братской любви такие сладострастные напевы, которые без больших изменений можно бы петь в храме Баальтисы. С другой стороны, знаменитая «Bundenlib» годится, по нашему мнению, разве только для жертвенного праздника Молоха или Гуйцилопохтили.

Приложение I

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ*

I. ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЫТ

№ 1. «Германия» Тацита

Гл. 4. ...У германцев, несмотря на всю их многочисленность, одна и та же внешность, грозные голубые глаза, рыжеватые волосы, тело крупное: столь сильное в нападении, но без всякой выдержки в невзгодах и трудах; менее же всего они способны переносить жажду и жару, а к холоду и голоду они привычны благодаря климату и почве.

Гл. 5. Хотя страна и не бедна разнообразием, но все же преобладают страшные леса и ужасные топи...; для хлебов — пригодна, для плодовых деревьев — неблагоприятна, скотом — обильна, но скот — невзрачный. Даже волы лишены своей красы — могучих рогов. Количеством скота они дорожат; это их единственное, любезнейшее сердцу богатство. В серебре и золоте боги им отказали, по благосклонности ли или гневаясь — не решусь сказать. Не говоря, конечно, что в Германии совсем не родится золота и серебра; кто ее обследовал! Да и нет там болезненного стремления обладать и пользоваться [этими богатствами]. Есть у германцев и серебряные сосуды, данные в дар их послам и князьям, но они не в лучшем почете, чем горшки, вылепленные из глины. Правда, ближайшие к нам, благодаря торговым сношениям, умеют ценить золото и серебро, различают и даже хорошо разбираются в некоторых видах наших монет, но дальше все еще прибегают к более первобытному и старинному

* Нумерация источников дается по изданию «Средневековье в его памятниках». М., 1913 г.

способу меновой торговли. Монету они предпочитают старинную, давно знакомую, зубчатку и с колесницей*. Серебро берут охотнее золота, — не по какой-либо особой склонности, а потому, что счет на серебро легче при обычных мелочных сделках.

Гл. 6. Немного у них и железа, как видно по их вооружению. Мало кто имеет меч или длинное копье; они вооружены копьями — по-ихнему «фрамеи» — с узким и коротким железным наконечником, но таким острым и удобным, что одним и тем же копьем, смотря по необходимости, они могут биться и в рукопашную, и на расстоянии. Щитом и фрамеей довольствуются и всадники, пешие же бросают еще и дротики, каждый по несколько штук, притом на громадное расстояние, будучи совсем нагими или налегке, в коротком плаще. Никакого щегольства в вооружении; только щиты расписаны лучшими красками. Редко у кого панцирь, почти ни у кого нет шлема, железного или кожаного. Кони и по виду, и по быстроте неважные; не учат их, как у нас, разным вольтам: они идут либо прямо, либо поворачивают, но лишь направо, да таким сомкнутым строем, что никто не отстает. Говоря вообще, их главная сила в пехоте, поэтому они бьются смешанным строем: легкость пеших, — отборной молодежи, которую они ставят в передние ряды, — делает их годными и приспособленными для боя вместе с конницей. Число их — определенное, по сто от каждого округа; «сотней» они себя и сами называют, и то, что прежде было числовым обозначением, стало теперь названием, и притом почетным. Строй у них — клином. Бежать, лишь бы вновь напасть, они считают тактикой, а не трусостью. Своих павших, даже при неудаче, они подбирают. Бросить щит — верх позора; опозоренному нельзя участвовать ни в жертвоприношении, ни на вече; и много таких, уцелев на войне, полагали конец своему позору петлей.

Гл. 7. Конунгов они выбирают по знатности, герцогов — по доблести. Конунги не имеют безграничной и полной власти; герцоги выдвигаются скорее личным примером, нежели властью; если они смелы, всегда на виду, бьются впереди всех — почет им.... Особенно возбуждает их храбрость то обстоятельство, что отряды и «клинья» составляются у них не случайно и как попало, а по семьям и родам; совсем же вблизи — дорогой заклад битвы: несется оттуда вопль жен, плач младенцев; они для каждого — вернейшие свидетели, лучшие вдохновители...

Гл. 11. О делах маловажных совещаются старейшины, о важнейших — все; но так, что вопрос, подлежащий суждению всего народа, сперва рассматривается в среде старейшин. Сходки их, если не произойдет

* Монета с зубчатыми краями и изображением парной колесницы времен республики массами найдена археологами в Германии.

чего-либо случайного или чрезвычайного, собираются в определенные дни, в новолуние или полнолуние; ибо для всяких дел это время они полагают наиболее благоприятным. Считают же они не «по дням», как мы, а по «ночам». Ночами определяются сроки и явки; ночь, по их мнению, приводит день. От вольности их та лишь беда, что они собираются не дружно, как по приказу, а дня два-три уходит на поджидание собирающихся. Когда народу соберется достаточно, они становятся на места вооруженными. Жрецы, имеющие в этом случае и власть наказывать, объявляют молчание. Затем выслушивают конунга или старейшину, в зависимости от возраста, знатности, боевой славы, уменья говорить, причем больше влияет убедительность речи, нежели власть говорящего. Не понравится предложение — оно отвергается общим гулом; понравится — стучат фрамеями. Одобрить оружием — высший род одобрения.

Гл. 12. Перед сходкой можно выступать и с обвинениями, возбуждать дела уголовные. Наказания по преступлениям разные. Изменников и переметчиков вешают на деревьях; трусов, дезертиров, развратников топят в болоте или поганой луже, набросав сверху хвороста. Различие казни клонится к тому, чтобы преступление путем наказания выставлялось напоказ, позорное же деяние скрывалось. Но и за меньшие преступления наказания различны; уличенные уплачивают известное число лошадей или скота. Часть пени идет конунгу или общине; другая — потерпевшему или его родственникам. На этих же сходках выбираются и начальники, которые творят суд по волостям и селениям....

Гл. 13. Всякое дело, общественное или частное, они совершают вооруженные. Носить же оружие никому не полагается до тех пор, пока община не признает его достойным. Тогда на самой сходке либо кто-нибудь из старейшин, либо отец, либо родственники украшают юношу щитом и фрамеей; это их «тога», это первое юношеское отличие; до сего он был лишь частью семьи, отныне он член государства. Высокая знатность или особые заслуги предков обеспечивают внимание вождя даже совсем молодым людям; их причисляют к другим, более возмужалым и уже испытанным; и никому не зазорно находиться среди дружинников; да и вся дружина распределяется по степеням волею вождя; велико соревнование и среди дружины в том, кто займет при вожде первое место, и среди вождей — у кого будет самая большая и самая лихая дружина. Дружина — почет, она — сила; быть окруженным избранными юношами в мирное время — отличие, на войне — оборона. Не только в своем племени, но и у соседей имя и славу имеет тот, кто выделяется размерами и доблестью дружины; их осаждают посольствами, осыпают дарами и нередко гроза их имени прекращает войны.

Гл. 14. В бою позорно для вождя не быть первым по храбрости, а дружине стыдно отстать от него в удали. Бесчестье на всю жизнь и позор — вернуться с поля, пережив вождя. Защищать вождя, охранять его, свои подвиги приписывать его славе — вот первая их присяга. Вожди бьются за победу, дружина — за вождя. Если родная их страна погружена в продолжительный мир и бездействие, многие благородные юноши сами идут к тем племенам, где идет как раз война; ибо ненавистен им покой, и слава легче всего добывается опасностями, а большие дружины всегда питаются насилием и войной. Давай им щедрый вождь боевого коня, давай им кровавую победную фрамею! Пиры и угощения, обильные, хоть и не изысканные, получают они, но не жалованье, средства же для такой щедрости дают война и грабеж. Распахать землю и ждать урожая не уговоришь их; легче им вызвать врага на войну, нажить себе раны. Лентяем и разиней считается тот, кто потом приобретает то, что можно добыть кровью.

Гл. 15. Когда нет войны, они мало даже охотятся; пребывают в праздности, спят да едят. Любой храбрец и вояка ничего не делает, поручив дом, хозяйство и поля женщинам, старикам и иным маломочным домочадцам; сам же точно застыл. Странная игра природы: одни и те же люди так любят бездействие и так ненавидят покой. У племен есть обычай: каждый добровольно приносит вождю скот или плоды; это и почетный дар, и удовлетворение потребности. Особенно радуют вождей подарки соседей, не только от частных лиц, но и целых народов: отборные кони, полное вооружение, бляхи, украшения; а мы научили их брать еще и деньги.

Гл. 16. Известно, что у германцев нет городов, и не терпят они кучных поселений. Живут они врозь, в разных местах, кому где приглянется ручей, поляна, роща. Деревни ставят они не как у нас, смежной и сплошной стройкой: каждый окружает свой дом пустырем, либо чтобы уберечься от пожара, либо по неуменью строить. Не в употреблении даже камень или кирпич; лес же идет всюду цельный, без вида и отделки. Отдельные части дома они очень старательно обмазывают какой-то землей, столь чистой и блестящей, что она заменяет и окраску, и роспись. Выкапывают они также ямы в земле, наваливают на них сверху массу навоза; это их убежище на зиму и хранилище для хлеба; так они борются с суровой зимой; если же придет враг, он грабит то, что видно, а схороненное и зарытое остается незамеченным....

Гл. 18. Приданое приносит не жена мужу, а муж жене. Присутствуют родные и близкие, смотрят подарки, а подарки — не для женской утехи, не для наряда молодой, а волы, объезженный конь да щит с фрамеей

и мечом. За эти дары получается жена; и она в свою очередь приносит мужу что-нибудь из оружия....

Гл. 20. Голышами и замарашками растут они [дети] в любой семье, а вырастают те мускулы, те тела, которым мы дивимся. Каждого вскармливает грудью собственная мать; не поручают их служанкам и кормилицам. Господина не отличишь от раба ни по каким тонкостям воспитания: одинаково растут они среди стад, на той же почве, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока не скажется благородная кровь... Дети сестры в той же чести у дяди, что и у отца. Многие прямо-таки считают это родство по крови более священным и близким и в заложники требуют именно их, так как этим будто бы задевается и более сильное чувство, и более широкий круг наследников. Наследники же и преемники — лишь собственные дети, и завещания не бывает. Если детей нет, то следующий круг наследников — братья, дядья по отцу, дядья по матери. Чем больше родственников, чем многочисленнее свойственники, тем безмятежнее старость; бездетность же там совсем не ценится.

Гл. 21. Взять на себя и вражду и дружбу отца или сродников — обязательно; но вражда идет не непримиримая: даже убийство выкупают определенным количеством крупного и мелкого скота; выкуп же достается всей семье. Польза отсюда и всей земле, ибо при их вольности свары особенно опасны.

Нет народа более радушного и гостеприимного. Не пустить человека под свой кров считается бесчестием. Всякий по средствам своим и принимает, и кормит. А не хватит — хозяин тотчас указывает другой приют, провожает, и оба входят в ближайший дом без приглашения; но ничего — их принимают с той же обходительностью. Знакомого от неизвестного в деле гостеприимства никто не отличает. Уходящему, коли он что попросит, принято уступать вещь; зато столь же проста и встречная просьба. Подарки любят, но дают их без корысти, берут без обязательства.

Гл. 22. Прямо со сна, который часто захватывает и день, — умывание, чаще всего теплое, как везде, где преобладают холода. Вымывшись, принимают пищу: каждый на особом месте и за особым столом. Затем за дела или столь же часто за пиры они принимаются вооруженные. День и ночь пропьянствовать — никому не укор. Постоянные, как бывает с пьяными, ссоры редко разрешаются руганью, чаще убийствами и ранами. Уладить взаимные распри, породниться путем брака, наметить начальников, наконец, обсудить мир или войну — все делается на пирах, словно ни в какое другое время человек не бывает столь доступен мыслям бесхитростным и столь способен разгораться высокими помыслами...

Гл. 23. Для питья — напиток из ячменя или пшеницы, испорченный в какое-то подобие вина. Ближние к Берегу* покупают и вино. Пища — простая: дикие плоды, свежая дичь, кислое молоко; без изысканностей, без приправ утоляют они голод. В борьбе с жаждой они не столь воздержанны. Коли потакать их пьянству, подвозя им вина, сколько пожелают, их не труднее победить их же слабостью, чем оружием.

Гл. 24. Удивительно: в кости играют трезвые, точно дело делают, с такой отчаянностью в выигрыше и проигрыше, что, потеряв все, они последней и решительной ставкой ставят свою свободу и себя. Проигравший идет в добровольное рабство; хотя бы он был моложе и сильнее, он дает себя вязать и продать. Таково их упорство в деле скверном: по-ихнему это «честность». Рабов такого происхождения они сбывают подальше, чтобы и самим избавиться от постыдного торжества.

Гл. 25. Другими рабами они пользуются не по-нашему, распределяя службы между всей челядью: каждый [раб] — владыка в своем жилье, у своих пенатов. Оброк хлебом, скотом, холстом определяется, как [римскому] колону, господином, и обязанности раба этим кончаются; домашние же дела справляют жена и дети. Бичевать раба, наказывать оковами и тяжкой работой — дело редкое; чаще убивают: но это не суровое наказание, а вспышка гнева, как против врага, с той лишь разницей, что сходит это безнаказанно.

Гл. 26. Земли занимаются, по числу хозяев, сообща всей общиной; затем делят их между собой сообразно достоинству; легкость раздела полей дается огромностью пространства. Пашню меняют ежегодно, и земли остается вдоволь. С плодородием и размерами земли не спорят они своим трудом, не насаждают плодовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов: от земли требуют лишь хлеба.

№ 2. Салическая правда

I. О вызове в суд**

II. О краже свиней

1. Кто украдет поросенка-сосунка и будет уличен в этом, повинен будет заплатить 120 денариев, что составляет три солида.

Добавление: Если же кто украдет поросенка из хлева, а хлев имел засов, повинен заплатить 45 солидов.

---

* Берег — пограничная линия Рейн-Дунай.

** Обозначения глав приведены полностью для более ясного представления о характере и составе памятника.

2. Кто украдет поросенка, который может жить без матери, и будет уличен в этом, платит 40 денариев, что составляет 1 солид.

4. Кто украдет годовалого поросенка...* платит 3 солида сверх стоимости его и проторей.

5. Кто украдет свинью двухгодовалую, платит 15 солидов сверх стоимости ее и проторей**.

6. Каковое количество следует соблюдать и при сходной покраже двух свиней.

7. Кто же похитит трех или больше, платит 35 солидов.

11. Кто украдет хряка или свинью-вожака, платит $17^1/_2$ солидов.

14. Кто украдет 25 свиней, и больше в том стаде не было, платит $62^1/_2$ солида.

15. Если же там были еще свиньи и остались не украденными, то платит 35 солидов.

III. О краже [крупного] скота

3. Кто украдет быка или корову с теленком, — 35 солидов.

4. Кто украдет быка, который ведет стадо и никогда не был под ярмом, — 45 солидов.

5. Если же бык общественный, на три поселка, то тот, кто его украдет, платит втройне, — 45 солидов.

Доб.: Кто украдет быка королевского, — 90 солидов.

IV. О краже овец

V. О краже коз

VI. О краже собак

1. Кто похитит или убьет охотничью собаку обученную, — 15 солидов.

Доб.: Кто убьет собаку, знакомую с привязью, после захода солнца, платит по вышеуказанному.

2. Кто украдет или убьет пастушью собаку, — 3 солида.

VII. О краже птицы

1. Кто украдет [охотничьего] ястреба с дерева, — три солида.

2. Кто украдет ястреба с шеста, — 15 солидов.

3. Кто украдет ястреба из-под запора, — 45 солидов.

Доб.: Кто украдет петуха, — 3 солида, курицу, — 3 солида.

---

* Стереотипные формулы: «и будет уличен», «повинен будет заплатить», а также счет в денариях — в дальнейшем опускаются.

** В дальнейшем приводится лишь размер штрафа и опускаются указания на возмещение убытков потерпевшего.

4. Кто украдет гуся или домашнюю утку, — 3 солида.

Доб.: Кто украдет голубя из чужого силка, — 3 солида.

Доб.: Кто сломает или оберет недикую яблоню во дворе или на краю двора, — три солида.

Доб.: Если она в саду, — 15 солидов.

Доб.: Повелеваем сей закон соблюдать и относительно виноградных лоз.

Доб.: Кто украдет нож, — 15 солидов.

Доб.: Кто в чужом лесу украдет деревья, или сожжет их, или разрубит, или кто украдет чужие дрова, — 15 солидов.

VIII. О краже пчел

IX. О вреде, нанесенном полям или какому-нибудь огороженному пространству

1. Кто застанет на своем поле крупный скот, лошадей или мелкий скот, никоим образом не должен их уничтожать. Если же сделает это и сознается, то должен возместить их стоимость; сам же пусть берет себе изувеченный скот. Если же не сознается, и его уличат, то кроме стоимости и проторей платит 15 солидов.

Доб.: Кто такой скот... пометит своим клеймом, — 15 солидов.

2. Кто застанет на своем поле чей-либо мелкий скот без пастуха и загонит его и никому об этом не сообщит, и часть этого скота падет, тот возмещает стоимость и кроме того платит 35 солидов.

4. Если чьи-либо свиньи или иной мелкий скот забегут на чужое поле и владелец их отрицает это, а его уличат, — 15 солидов.

5. Кто дерзнет отгонять или отбивать скот, загоняемый или уже загнанный за потраву, — платит 30 солидов.

Доб.: Если кто из вражды или произвола разберет чужую ограду и пустит скот в поле, луг, виноградник или на какой-либо иной чужой труд, и если тот, чей труд, уличит его со свидетелями, то виновный возмещает учтенный убыток и сверх того платит 30 солидов.

X. О краже рабов

1. Кто украдет раба, коня или кобылу, — 30 солидов*.

Доб.: Кто убьет, продаст или отпустит на свободу чужого раба, — платит 35 солидов.

---

* Во Фризской Правде еще определеннее: «кто украдет раба, рабыню, коня, быка, овцу или какое-либо вообще другое животное... ».

Доб.: За винодела, кузнеца, плотника, конюха, если они стоят по 30 солидов, уплатит 85 солидов.

XI. О краже и взломах свободных людей

1. Если свободный совершит покражу в два денария вне избы, он платит 15 солидов.

2. Если вне избы он украдет на 40 денариев, — то 35 солидов.

3. Если свободный совершит кражу со взломом на два денария, платит 30 солидов.

4. Если же более 5 денариев, — 35 солидов.

5. Если же проникнет в дом, сломав замок или подобрав ключ, и унесет оттуда что-либо, то платит 45 солидов.

6. Если же ничего не унесет, а только сам убежит, — 30 солидов.

XII. О кражах и взломах рабов

1. Если раб украдет вне избы на два денария, он получит 120 ударов и растяжку.

XIII. О похищении свободных

1. Если трое похитят свободную девушку, то принуждаются платить по 300 солидов*.

2. Остальные, сверх этих трех, платят по 5 солидов.

4. Сам же похититель [жених] платит 63 солида.

7. Если же отрок короля [министериал] или лит увезет свободную, он отвечает своей головой**.

8. Если свободная девушка по своей воле пойдет за раба, она теряет свою свободу.

9. Если свободный женится на чужой рабыне, он терпит то же.

10. Если кто увезет чужую невесту и соединится с ней браком, — 63 солида.

XIV. О нападениях и грабежах

1. Кто нападет на свободного человека и ограбит, — 63 солида.

2. Если римлянин ограбит салического варвара, соблюдается вышеказанная ставка.

---

* Несмотря на такой высокий штраф, умычка «шайкой» была обычным явлением, как видно из меровингской же формулы (Marculfi II, 16): «Дражайшей супруге твоей (имярек). Когда я без твоего и твоих родителей согласия, составив «шайку», преступным похищением соединился с тобой в браке»... Сама Салическая Правда иногда (XXV, 9) заменяет «женитьбу» — «насильственным увозом».

** Не всегда равна смертной казни, чаще выкуп вергельдом.

3. Если франк ограбит римлянина, — 35 солидов.

4. Если кто-либо хочет приселиться, имея грамоту от короля, и развернет ее в собрании-сходне, а кто-либо дерзнет выступить против королевского веления, — он платит 200 солидов*.

6. Кто нападет на чужой дом, то, сколько окажется в этой шайке, каждый платит 63 солида.

Доб.: Кто нападет на чужой дом, сломает там двери, убьет собак, изранит людей и увезет оттуда что-нибудь на возу, — 200 солидов.

Доб.: Кто воровски ограбит спящего человека, — 100 солидов.

Доб.: Кто ограбит мертвеца до предания его земле, — 100 солидов.

Доб.: Кто отроет труп и ограбит его, — 200 солидов.

XV. Об убийстве и если кто увезет чужую жену

Кто убьет свободного или увезет чужую жену от живого мужа, — 200 солидов.

XVI. О поджогах

1. Кто запалит дом над людьми спящими, то все свободные, сколько их было внутри, должны привлечь его, и если что внутри сгорит, — 63 солида.

2. Кто подожжет дом, клеть или [иное] жилье, — 63 солида.

3. Кто подожжет амбар с хлебом или гумно, — 63 солида.

4. Кто подожжет хлев со свиньями или стойла со скотом, — 63 солида.

5. Кто подожжет чужой забор или изгородь, — 15 солидов.

XVII. О ранах

1. Кто захочет убить другого и это не удастся, — 63 солида.

2. Кто захочет поразить другого отравленной стрелой и промахнется, — 63 солида.

3. Кто ударит другого по голове, так что виден станет мозг и выпадут три кости, которые находятся над самым мозгом, — 30 солидов.**.

4. Если же удар придется в ребра или в живот, так что будет открытая рана, доходящая до внутренностей, — 30 солидов, да на лечение 5 солидов.

5. Кто ударит человека так, что кровь польется на землю, — 15 солидов.

---

* Алеманская Правда, XXVII, 1; Кто презрит печать, грамоту или любой знак герцога [заменяющий печать или грамоту], — 12 сол.

** Рипуарская Правда, LXVIII, 1: Если кого ударят по голове или по иной части тела и выпадет кость, которая, будучи брошена на щит, издаст звук, слышимый через дорогу в 12 футов, — 36 сол. 2. Если же выпадет больше костей, то за каждую звучащую кость прибавляется солид.

6. Если свободный ударит свободного палкой, а кровь не пойдет, то по трех ударов, за каждый, — 3 солидов.

7. А если кровь пойдет, он платит такую пеню, как будто ранил железом.

8. Кто кулаком ударит другого трижды, — 9 солидов, так чтобы за каждый удар дал он по 3 солидов.

XVIII. Кто невинного обвинит перед королем

Кто обвинит перед королем человека невинного, отсутствующего, — 63 солидов.

Доб.: Если же он возведет на него такое преступление, за которое, будь это правда, полагается смерть, — 200 солидов*.

XIX. О чародействе

1. Кто даст другому испить зелье, так что тот умрет, — 200 солидов.

2. Кто сотворит колдовство** над другим, а тот спасется, — 63 солида.

Доб.: Если женщина околдует другую, чтобы она не имела детей, — 621/2 солида.

XX. Кто тронет руку или палец свободной женщины

XXI. *О краже лодок*

1. Кто тронет чужую лодку, не спросив хозяина, и на ней переправится, — 3 солидов.

2. Кто же украдет и самую лодку, — 15 солидов.

3. Кто украдет лодку под запором, — 35 солидов.

XXII. О краже на мельнице

Если свободный украдет на мельнице чужое зерно, — мельнику 15 солидов, а тому, чье зерно, еще 15.

Доб.: Если он украдет там что-либо из железа, — 45 солидов.

Доб.: Если кто испортит мельничную плотину, — 15 солидов.

XXIII. Кто сядет на чужого коня, не спросив его хозяина

Кто проедется на чужом коне, не спросив хозяина, — 30 солидов***.

---

* Алеманская Правда, XIII: Если свободный взведет на свободного преступление, за которое полагается смерть, и обвинит его перед королем или герцогом, и обвинение не будет доказано ничем иным, кроме его слов, то обвиняемому дозволяется очистить себя обнаженным мечом [сражаясь] с обвинителем.

** Отравление считалось видом колдовства.

*** Русская Правда: Аже кто всядет на чюжь конь не прашав, то 3 гривны.

XXIV. Об убийстве малолетних

1. Кто убьет мальчика моложе десяти лет или на десятом году, до его стрижки, — 600 солидов*.

Доб.: Кто убьет свободную женщину, — 600 солидов.

3. Кто ударит свободную женщину, беременную, и она умрет, — 700 солидов.

Доб.: Кто острижет без согласия родителей свободного мальчика, еще не стриженного, — 45 солидов.**.

5. Если какую-либо вину совершит мальчик до 12 лет, то мировые деньги (fredus) с него никоим образом не берутся.

Доб.: Кто убьет свободную девушку, — 300 солидов.

6. Кто убьет свободную женщину после того, как она уже имела детей, — 600 солидов***.

7. Если она уже не может иметь детей, то за ее убийство — 200 солидов.

XXV. О прелюбодеяниях рабынь

XXVI. Об отпуске на [полную] свободу

1. Если свободный «денарием» отпустит чужого лита перед королем, не спросив господина его, — 100 солидов. Имущество же лита возвращается по закону****.

2. Кто «денарием» освободит чужого раба перед королем, платит господину стоимость раба, а кроме того 35 солидов.

XXVII. О разных кражах

1. Кто украдет бубенчик [с вожака] чужого свиного стада, — 15 солидов.

2. Если же украдет с [других] свиней, — 3 солида.

3. Кто возьмет путы с чужой лошади, — 3 солида.

4. Если же лошади от этого пропадут, он возмещает их стоимость.

5. Кто воровства ради пустит скот свой на чужой посев, — 15 солидов.

Доб.: Кто воровства ради будет жать чужую ниву, — 15 солидов.

---

* Стрижка — внешний признак совершеннолетия. Стригли, оставляя чуб.

** Либо эмансипация от власти родителя, либо тяжкое оскорбление: наголо острижены были рабы.

*** Баварская Правда, IV, 29: За женщину же... всегда платят вдвойне. Так как женщина не может защищаться оружием, она получает двойной вергельд. Если же по отваге своего сердца захочет биться, мужу подобно, то вергельд ей будет не двойной. И пусть имеет она столько же, сколько братья ее.

**** Рипуарская Правда, VII, 1: Если кто сам или через другого, в присутствии короля, отпустит своего полусвободного (libertus) на свободу, по закону Рипуарскому и вышибет денарий, о чем дана будет грамота, то мы никоим образом не позволяем вернуть его в рабство, но пусть он останется свободным, как остальные рипуарцы.

6. Кто воровства ради залезет в чужой сад, — 15 солидов.

7. Кто воровства ради заберется на гряды с репой, бобами, горохом или чечевицей, — 3 солида.

8. Кто с чужого поля украдет лен и увезет его на лошади или на телеге, — 15 солидов.

9. Если же столько, сколько может унести на спине, — 3 солида.

10. Кто покосит на чужом лугу, теряет свой труд.

11. Если же оттуда он свезет сено к себе домой и свалит его, — 45 солидов.

12. Если же украдет столько, сколько может унести на спине, — 3 солида.

13. Кто воровства ради соберет виноград в чужом винограднике, — 15 солидов.

14. Если же свезет его домой и сложит там, — 45 солидов.

15. Относительно жатвы следует сохранять тот же порядок.

16. Кто украдет чужие деревья из чужого леса, — 3 солида.

17. Кто срубит дерево год спустя после его пометки, в этом нет вины.

18. Кто украдет с реки нерето для ловли угрей, — 45 солидов.

19. Кто украдет невод, тройную сеть или вершу, — 15 солидов.

20. Кто взломает клеть без запора, — 15 солидов.

21. Кто взломает клеть с запором, — 45 солидов.

22. Кто вспашет чужое поле без позволения хозяина, — 15 солидов.

23. А если его засеет, — 45.

24. Кто затеет что-нибудь с чужим рабом без ведома господина, — 15 солидов.

Доб.: Кто свезет чужой дом без согласия владельца, — 30 солидов.

XXVIII. О подстрекательстве

XXIX. Об увечьях

1. Кто лишит другого руки или ноги, глаза или носа, — 100 солидов.

2. Если же рука изувечена и висит, — 63 солида.

3. Кто отрубит большой палец на руке или на ноге, — 50 солидов.

5. Если же отрубит второй палец, которым стреляют, — 35 солидов.

Доб.: За следующий палец, — 15 солидов.

Доб.: За четвертый, — 9 солидов.

Доб.: За маленький палец, — 15 солидов.*.

XXX. О брани

Кто назовет другого паскудным, — 3 солида.

4. Кто назовет другого лисицей, — 3 солида.

---

* Дальше расцениваются ноги, глаза, нос, ухо, язык, зубы.

6. Кто упрекнет другого, что он бросил щит, и не сможет доказать этого, — 3 солида.

7. Кто ославит другого доносчиком или мошенником и не сможет доказать этого, — 15 солидов.

XXXI. О бесчестии

1. Кто свободному мужу (baromen ingenuum) преградит путь и толкнет его — 15 солидов.

2. Кто свободной женщине преградит путь и толкнет, — 45 солидов.

Доб.: Кто заградит дорогу на мельницу, — 15 солидов.

XXXII. О самоуправстве над свободным

1. Кто без нужды свяжет свободного человека, — 30 солидов.

2. А кто связанного уведет куда-либо — 45 солидов.

Доб.: Если римлянин свяжет франка — 30 солидов.

Доб.: Если франк римлянина, — 15 солидов.

Доб.: Кто хитростью или насилием выкрадет у графа заключенного, выкупается жизнью.

XXXIII. О краже охотничьей добычи

XXXIV. О нарушении изгороди

1. Кто перерубит три прута из тех, которыми изгородь связана наверху и которыми она поддерживается, или кто унесет или вырвет три кола, — 15 солидов.

2. Кто протащит борону по чужой пашне, после того как посев взойдет, или кто без дороги проедет по ней в телеге, — 3 солида.

3. А если кто пройдет, без дороги и межи, по чужой ниве, уже заколосившейся, — 15 солидов.

XXXV. Об убийстве рабов и ограблении их

1. Если раб раба убьет, убийца делится между обоими господами*.

2. Если свободный ограбит чужого раба и отнимет у него более, чем на 40 денариев, — 30 солидов.

3. Если же меньше, чем на 40 денариев, — 15 солидов.

Доб.: Если кто изобьет чужого раба и помешает его работе более, чем на 40 дней, — солид с третью.

4. Если свободный ограбит чужого лита, — 35 солидов.

---

* Canones Wallici (памятник англосаксонского периода), 39: Если чей-либо бык или корова забодает чужую скотину, и живой, и мертвый принадлежат сообща обоим хозяевам.

5. Если чужой раб или лит убьет свободного человека, сам убийца передается родственникам убитого взамен половины выкупа, хозяин же раба пусть знает, что ему платить другую половину.

XXXVI. О четвероногих, если они убьют человека

Если какой-либо человек будет убит каким-либо домашним животным, то хозяин животного должен уплатить половину вергельда, а за остальную половину он дает самое животное*.

XXXVII. О преследовании [вора] по следу

XXXVIII. О краже коней и лошадей

XXXIX. Об увозе

1. Кто захочет сманить чужого раба, — 15 солидов.

2. Кто увезет свободного человека, но прямого доказательства** не будет, ставит присяжников, как и при убийстве; если же не сможет найти присяжников, платит 200 солидов.

3. Если увезет римлянина, — 63 солида.

XL. Если раб обвиняется в краже

1. Если дело будет такое, что свободный должен платить 15 солидов., то рабу, растянув его на скамье, дать 120 ударов.

2. Если же он сознается до пытки, то хозяин его, буде захочет, дает за его спину 3 солида.

3. Если же вина больше, где свободный платил бы 35 солидов, раб получает все те же 120 ударов.

5. Если же раб привлекается по еще большему преступлению, за которое свободный платил бы 45 солидов, то, буде он сознается под пыткой, подлежит смертной казни.

XLI. Об убийстве свободных

1. Кто убьет свободного франка или варвара, живущего по салическому закону, — 200 солидов.

---

* Алеманская Правда, XCIX, 19: Если чужой пес загрызет человека, платится половина вергельда. А если спросят полный вергельд, то закрываются все двери, кроме одной, через которую он [потребовавший полного вергельда] входит и выходит; и в девяти футах от порога вешают собаку, [и висит она] пока совсем не сгниет и сгнивши не упадет, а кости ее пусть лежат там же; и нельзя входить или выходить через другую дверь. И если он отшвырнет собаку или будет в дом входить другим входом, пусть вернет половину вергельда.

** В данном случае — со стороны самого увезенного.

2. Если же бросит тело в колодезь или в воду или прикроет его для сокрытия ветвями или чем-либо иным, — 600 солидов*.

3. Если же убьет дружинника королевского или свободную женщину, — 600 солидов.

4. Если же бросит их в воду или колодезь, — 1800 солидов.

5. Кто убьет римского мужа, сотрапезника короля, — 300 солидов.

6. Если же римлянин не землевладелец и не сотрапезник королевский, — 100 солидов.

7. Если же убьет римлянина из податных, — 63 солида.

8. Кто на перекрестке найдет человека без рук и без ног, которого бросили враги**, и добьет, — 100 солидов.

Доб.: Кто дерзнет снять голову человека, которую враг его выставил на колу, без разрешения судьи или того, кто ее выставил, — 15 солидов.

XLII. Об убийстве, совершенном шайкой

1. Кто, набрав шайку, нападает на свободного в его доме и убьет его там, то если убитый был в дружине короля, — 1800 солидов.

2. Если же убитый не из дружины, — 600 солидов.

3. Если на теле убитого три раны или больше, то трое из тех, кого обвинят в принадлежности к шайке, должны уплатить вышеуказанную ставку. Следующие трое из той же шайки платят по 90 солидов. А следующие трое, на третьем месте, — 45 солидов.

4. Относительно римлян, литов и [королевских] отроков закон сей соблюдается в половину.

XLIII. Об убийстве, совершенном шайкой

1. Если на пиру, где было пятеро, кто-нибудь из них убит, то оставшиеся или должны выставить одного виновника, или совместно оплатить эту смерть. Каковой закон остается до семи человек.

2. А если на пиру том более семи человек, не все отвечают, но те, которые будут уличены, платят по закону.

XLIV. De reipus***

XLV. О приселяющихся

1. Если кто-либо хочет приселиться в чужой поселок, и если один или несколько из живущих в поселке хотят его принять, а хотя бы один выступит против этого, то приселяющийся дозволения не получит.

---

* Убийство как акт родовой мести совершается открыто. См. § 8.

** Частная расправа (кровавая месть) еще сильна.

*** Плата жениха, сватающегося ко вдове.

3. Если же кто приселился и в течение 12 месяцев никто не возражал, пусть себе поживает, как и остальные соседи.

XLVI. De acfatmire*
XLVII. De filtortis**
XLVIII. О лжесвидетельстве
XLIX. О свидетелях
L. Об обязательствах
LI.***.

Доб.: Кто побудит графа беззаконно конфисковать что-либо, — 200 солидов.

2. Если же граф, будучи призван, осмелится отнять что-либо не по закону или свыше должного, пусть выкупает себя или платится жизнью.

LII. О вещи, данной в ссуду
LIII. О выкупе руки от котелка

1. Если кто-либо привлечен будет к котелку, то может случиться, что оный привлеченный захочет выкупить руку свою и выставить соприсяжников. Если дело таково, что в случае уличения он по закону должен уплатить 15 солидов, то руку свою он выкупает за 3 солида****.

2. Если же за выкуп руки он даст больше, он платит графу мировые деньги (fredus), сколько полагается за это дело, если бы он был уличен.

5. Кто обвинит другого в сумме вергельда и привлечет его к котелку и [потом] сговорятся выставить соприсяжников и выкупить руку, то выкупает ее за 30 солида.

6. А кто даст больше, платит графу мировые деньги с вергельда.

LIV. Об убитом графе.

1. Кто графа убьет, — 600 солидов.

LV. Об ограблении мертвецов.

1. Кто ограбит тело убитого человека до предания его земле, — 63 солида.

2. Кто отроет погребенное уже тело и ограбит его, будет вне закона до того дня, пока он не вступит в соглашение с родственниками умершего, и те должны просить за него, чтобы ему позволили жить между людьми.

---

* Передача имущества путем сложной процедуры усыновления.
** О способах вернуть похищенное.
*** Заглавия нет.
**** Выкуп от Божьего суда (ordale) выгоден для обвиняемого и невыгоден для казны. Обычно сумма выкупа (устанавливается он сторонами) много выше указанной в Правде нормы; поэтому во всех таких случаях казна обеспечивает себе обычную треть пени (= fredus).

И кто, до примирения его с родственниками [умершего], даст ему хлеба или пристанище, будь то родичи или собственная его жена, платит 15 солидов.

3. Сам же он, который совершил сие, платит 200 солидов.

Доб.: Кто подожжет церковь, где почиют мощи, или [вообще] освященную уже церковь, — 200 солидов.

Доб.: Кто священника убьет, — 600 солидов.

Доб.: Кто дьякона убьет, — 300 солидов.

Доб.: Кто епископа убьет, — 900 солидов.*.

LVI. О том, кто не пожелает явиться в суд

LVII. О рахинбургах**

LVIII. De chrenecruda***

Кто убьет человека и, дав все свое имущество, не сможет покрыть всей пени, тот должен выставить 12 соприсяжников в том, что ни над землей, ни под землей не имеет имущества сверх того, что им уже дадено. И после этого он должен войти в свой дом и с четырех углов взять в руку земли и потом стать на пороге лицом во внутрь дома и затем через левое плечо бросить эту землю на того, кто будет ему ближайшим родственником. Если же отец и братья уже платили, тогда он должен бросить землю на сродников, именно на трех лиц со стороны матери и на трех со стороны отца, притом на ближайших. А потом в рубашке, распоясанный, разутый, с посохом в руке, он должен прыгнуть через забор, дабы те трое уплатили половину из того, сколько он обязан был по закону платить; то же самое должны делать те, которые с отцовской стороны. Если же из этих ближних кто-либо не имеет столько, чтобы заплатить полностью, то более бедный снова бросает хренекруду на того, кто имеет больше, чтобы тот уплатил всю пеню. Когда же и у того не хватит заплатить полностью, то [родственники убитого] выставляют убийцу на собрании-сходе, и так четыре раза... Если же его никто не выкупит в той сумме, которой он не доплатил, тогда он отвечает своей жизнью.

LIX. Об аллоде

1. Если кто умрет и не оставит детей, а мать останется, — ей наследство.

---

* Баварская Правда, I, 10: Если кто убьет епископа, которого поставил король и которого народ избрал себе в архипастыри, пусть платит королю и народу либо родственникам, согласно следующему: пусть сделают свинцовую сорочку в рост убитого, и сколько она весит, столько золота пусть даст убийца. А если нет у него золота, пусть дает другие ценности: рабов, землю, свое хозяйство или иное достояние, пока не наберется нужное. А если у него не хватит имущества, пусть отдаст себя, жену и детей в рабство церкви, пока не выкупится!..

** О судебных заседателях.

*** Некоторые рукописи прибавляют: а сие соблюдали в языческие времена.

2. Если матери нет, а остались брат или сестра, — им наследство.

3. Если их нет, — сестре матери наследство.

Доб.: Если нет сестер матери, сестры отца вступают в наследование.

5*. Земля же отнюдь не переходит к женщине, но должна идти в мужские руки**.

LX. О том, кто хочет выйти из родства

Он должен пойти на собрание-сход и здесь перед тунтином сломать над своей головой четыре ольховых прута. И их он должен на сходе бросить на все четыре стороны и тут же должен сказать, что он изъемлет себя от соприсяжничества, наследования и всякого [родового] дела. И вот, если после этого кто-нибудь из его родственников будет убит или умрет, то не будет ему ни наследства, ни вергельда, наследство же после него идет в казну.

LXI. Об ограблении

LXII. Об оплате убийства

1. Если убит чей-либо отец, то половину вергельда получают сыновья, а другую половину делят между собой ближайшие родственники с отцовской и с материнской стороны.

2. Если нет родственников ни с отцовской, ни с материнской стороны, то часть эта идет в казну.

LXIII. О свободном, убитом в походе

1. Если убит свободный в походе..., — 600 солидов.

2. Если же убитый состоял в королевской дружине, — 1800 солидов.

LXIV. De herburgium [?]

Доб.: Если колдунья съест человека и будет это доказано, — 200 солидов.

LXV. О павшем коне, ободранном без позволения хозяина, Капитулярий*** [Хлодвига].

9. О человеке, убитом меж двух поселений.

---

* Знаменитый «Салический закон».

** Тюрингская Правда, 31: Кому наследование земли, тому и военная одежда, т.е. кольчуга, и месть за родича, и уплата вергельда.

*** Капитулярии к Салической Правде — пополнение, разъяснение или отмена отдельных постановлений основной Правды.

Если, как случается, близ поселения или меж двух соседних поселений убит будет человек, и убийца не обнаружится, то судья, т.е. граф, должен прибыть на место и протрубить тамтам в трубу. И если из явившихся никто не опознает тело, то соседи, на чьем поле или рубеже найдено тело, должны соорудить помост вышиной в пять футов и в присутствии судьи поднять туда тело. И должен судья возвестить и сказать: человек сей убит на вашем поле и рубеже. Требую, чтобы до семи дней его не снимали, а в убийстве этом зову вас на суд; явитесь в ближайший судный день, и вам скажут, что, по закону, вы должны исполнить. После этого соседи, коим сие объявлено было судьею, до истечения 40 суток должны очиститься: вядшие с шестьюдесятью пятью соприсяжниками, в том, что они не убивали и не знают, кто убил; молодшие же с пятнадцатью....

№ 3. Из Саксонской Правды*

XXI. Кто убьет человека в церкви или украдет там что-либо, или взломает ее, или сознательно даст ложную клятву, — казнить.

XXIII. Кто устроит засаду и убьет человека, идущего из церкви или в церковь в праздничный день, т.е. в воскресенье, Пасху, Пятидесятницу, Рождество Христово, Рождество Богородицы, св. Иоанна Крестителя, св. Петра, св. Мартина, — казнь....

XXIV. Кто злоумыслит против государства, или короля франков, или сыновей его, — казнь**.

XXV. Кто убьет своего господина, — казнь.

XXVII. Кто ради мести убьет человека в его доме, — казнь***.

XXVIII. Осужденный на казнь нигде не имеет мира; если убежит в церковь, — выдается.

XXIX. Кто коня украдет, — казнь.

XXX. Кто украдет улей из огорода — казнь.

XXXII. Кто ночью, подкопав или взломав чужой дом, украдет на два солида, — казнь.

XXXIII. Кто украдет из клети, — казнь.

XXXIV. Кто ночью украдет четырехлетнего быка стоимостью в два солида, — казнь.

XXXV. Кто днем или ночью украдет на три солида, — казнь.

---

* Издана для завоеванной Карлом Саксонии, отсюда суровость возмездия.

** Алеманская Правда, XXIII: Если кто-либо злоумыслит против жизни герцога, он платится либо жизнью, либо выкупается, как постановит герцог и князья народа.

*** Фризская Правда, Add. I, 1: Преследуемый родовой местью имеет мир в церкви, в своем доме, на пути в церковь и из церкви, на пути в суд и из суда.

LXVI. Солид двоякий: один в две доли, что равняется двенадцатимесячному бычку либо овце с ягненком; другой солид в три доли, т.е. шестнадцатимесячный бык.

II. РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО

№ 4. Эйнгард. «Житие Карла»

Гл. 7. Не было войны более затяжной, жестокой и тяжкой для народа франкского, чем война с саксами. Ибо саксы, как почти все народы, населяющие Германию, жестокие по природе, преданные служители демонов, супротивники веры нашей, не считали зазорным осквернять и преступать законы божеские и человеческие. Были и другие причины, которые ежедневно расстраивали мир: наши и их границы почти всюду соприкасались, притом на ровном месте, за исключением немногих местностей, где либо большие леса, либо горные хребты определенно разграничивали земли обоих; на ровных-то местах и происходили беспрерывные взаимные убийства, грабежи и пожары. Всем этим франки настолько были ожесточены, что сочли необходимым не платить им тем же, а прямо начать с ними войну.

И вот началась против них война, которая велась с великим взаимным ожесточением, но с большим все же вредом для саксов, чем для франков, целых тридцать три* года. Могла бы она кончиться и скорее, если бы не вероломство саксов. Трудно сосчитать, сколько раз они были побеждены и сдавались на милость нашего государя, обещали исполнять все по приказу, немедленно давали требуемых заложников, принимали отправляемых к ним посланцев; не раз бывали настолько укрощены и замирены, что даже обещали бросить служение демонам и подчиниться христианской вере. Но насколько они иногда бывали готовы исполнять все это, настолько же они всегда бывали склонны и нарушать...

Никогда государь не давал им безнаказанно совершать подобное, мстя им за измену и карая по заслугам, либо сам приводя войско, либо посылая его со своими графами. Наконец раздавив всех, кто то и дело восставал, и окончательно подчинив их, он перевел десять тысяч человек, живших по обе стороны Эльбы, подняв их вместе с женами и детьми, и всячески распределил их по всей Галлии и Германии. Известно, что эта

* 772—804 гг.

война, тянувшаяся столько лет, закончилась на следующих условиях, предложенных государем и принятых ими: отречься от служения демонам*, бросить дедовские обряды, принять таинства и обряды христианской веры и, слившись с франками, образовать с ними один народ.

«Отрекаешься ли от дьявола? Отвечает: я отрекаюсь от дьявола. — И от всякой дьявольской жертвы? Отвечает: отрекаюсь я и от всякой дьявольской жертвы. — И от всякого дьявольского дела? Отвечает: отрекаюсь я и от всякого дьявольского дела и слова, от Донара, и Вотана, и Тиу, и от всей нечисти, им сопутствующей. Веруешь ли в Господа, Всемогущего Отца? Я верую в Бога, Всемогущего Отца. — Веруешь ли в Христа, Сына Божия? Я верую во Христа, Сына Божия. — Веруешь ли в Духа Свята? Я верую в Духа Свята».

Гл. 9. В то время, когда шла упорная и почти беспрерывная борьба с саксами, Карл, расставив гарнизоны в надлежащих пограничных местах, пошел на Испанию с возможно большими силами. Он перевалил через Пиренейские горы, все города и крепости по пути его сдались, и он уже возвращался со здравым невредимым войском; и только в самих Пиренеях, на возвратном пути, ему пришлось несколько испытать баскское вероломство. Именно когда войско шло растянутой линией, насколько позволяла теснота ущелья, баски, устроив засаду на вершине горы, напав сверху, сбили... [арьергард].... В этом сражении со многими прочими погибли Эггигард, начальник государева стола, Ансельм, пфальцграф, и Роланд, начальник Бретанского рубежа. И это деяние до сих пор не могло быть отомщено; ибо враг по свершении сего так рассеялся, что нельзя было даже узнать, где искать его.

Гл. 13. Наиболее крупной из войн, которые имел Карл, была — помимо Саксонской — война с аварами, или гуннами. Да он и вел ее особенно энергично и с наибольшими приготовлениями. Но лично совершил он лишь один поход, в Паннонию (эту область в то время занимали авары), все остальные поручил он сыну своему Пипину, областным начальникам, графам, и даже посланцам; и хотя те вели войну деятельно, она кончилась лишь на восьмом году. Сколько было сражений, сколько было пролито крови, об этом свидетельствует безлюдная Паннония, а также место, где была ставка кагана*, — такая пустыня, что нет даже следов обитаемости. Вся знать гуннов погибла в этой войне, вся слава исчезла. Вся казна их и накопленные за долгое время сокровища были отняты; и не было, сколь упомнят, войны против франков, в которой бы они более

* До нас дошла формула отречения VIII-го века, один из древнейших памятников немецкого языка.

** Сан-Галленский монах, II, 1.

обогатились и приобрели. До этого времени они казались почти бедняками; теперь же было найдено столько золота и серебра в ханской ставке, столько добыто драгоценностей в сражениях, что поистине можно сказать: франки справедливо отобрали у гуннов то, что гунны несправедливо до этого отобрали у других народов*.

...Земля гуннов, говорил он [один из участников похода], опоясана девятью кольцами... Защищена она девятью валами... Ширина первого кольца... равна расстоянию между Цюрихом и Констанцем; устроен вал из дубовых, буковых и сосновых бревен, так что от края до края двадцать футов ширины и столько же высоты; середина же вся наполнена каменными глыбами и вязкой глиной; а поверхность валов покрыта цельным дерном. Вблизи валов сажали кустарник, который, как известно, будучи подрезан и распластан, дает чащу из ростков и листьев. Между этими валами расположены были деревни и дворы на расстоянии человеческого голоса. Напротив этих строений, в этих недоступных валах устроены были не очень большие и неширокие ворота; через них выходили на грабеж и ближние, и дальние. И второе кольцо, построенное так же, как и первое, имело до третьего ширину в 20 немецких или сорок италийских миль; и так до девятого кольца, хотя сами кольца всякий раз значительно сокращались. А от кольца до кольца поселки и жилища были так распределены, что условные трубные звуки слышны были всюду.

Карл, Божией милостью король франков и лангобардов, и патриций — любезной и возлюбленной супруге нашей, имярек королеве.

Мир и любовь во Господе поспешаем послать тебе сим посланием, а через тебя — дражайшим дочерям нашим и всем остальным верным, с тобой пребывающим. Извещаем тебя, что, по милости Божией, мы здоровы и невредимы.

Гонец возлюбленного сына нашего, имярек [Пипина, короля Италии], известил также о здравии его и святого отца, равно и о благополучии земель наших, в тех местах лежащих. Чем мы весьма обрадованы.

А еще сообщил он нам: отряды наши, которым мы раньше велели проникнуть в Аварию и засесть в таких-то имярек местах, проникли в пределы их 23 августа. И сошлись с ними в битве. И дал им Господь по милосердию своему победу, и множество этих аваров они перебили, столько, что, как говорят, давно уже не было этим аварам такого избиения. И взяли их вал; и сидели там всю ночь и следующий день до третьего часа. И разобрав добычу, вернулись с миром. И сто пятьдесят этих аваров захватили живьем и сохранили их до нашего повеления, что с ними делать. Верные Господа Бога и наши, которые совершили это, были: такой-то епископ, такой-то герцог и такие-то графы... Вассалы же наши

* Письмо Карла к жене его Фастраде (сентябрь 791 г.).

были такие-то. Мы же, помощью Господа устроили трехдневное моление, в понедельник, 5-го сентября, и во вторник, и в среду, испрашивая милосердие Божье, дабы он даровал нам мир и здравие, победу и счастливый поход... А от вина и мяса, предписали священники наши, пусть воздержатся те, кто могут воздержаться по состоянию здоровья, возраста и сил; кто же хочет откупиться, чтобы иметь разрешение вина в эти три дня, то люди богатые и видные пусть дадут за каждый день по солиду, а маломочные по силе возможности; а коли потом он не может дать столько же, а вино пить хочет, пусть даст хоть один денарий. Милостыню же пусть каждый творит по доброй своей воле и по силе возможности. И каждый священник пусть справит особую мессу, буде здоровье позволит. А клирики, знающие псалмы, каждый пусть споет их пятьдесят. И пока совершается моление, пусть все ходят босые. Так предложили священники наши; мы же согласились и с Божьей помощью исполнили это.

А посему хотим мы, чтобы ты вместе с такими-то и такими верными нашими обсудила, как все эти моления совершить и там. Что же касается тебя, то мы предоставляем это на твое усмотрение, насколько тебе позволит твое недомогание.

И удивляемся мы, что после Регенсбурга к нам не было от вас ни гонца, ни письма. А посему хотим мы, чтобы ты чаще отписывала нам о своем здоровье и об ином, что захочешь. Еще раз кланяемся тебе много во Господе.

Гл. 17. Создал он также флот против норманских набегов, построив для этого корабли по рекам, которые из Галлии и Германии втекают в Северный океан. И так как норманны беспрерывно тревожили и опустошали берега Галлии и Германии, то он по всем гаваням и речным устьям, куда могли войти суда, расставил посты и дозоры так, что враг не мог уйти*. То же самое сделал он и с полуденной стороны, по берегам Нарбоннской и Септиманской провинции, а также по всему итальянскому берегу вплоть до Рима против мавров, недавно принявшихся за морской разбой. И таким образом во дни его ни Италия от мавров, ни Галлия и Германия от норманнов не терпели тяжкого ущерба; только Чивитавеккия, город Этрурии, изменой был взят маврами и опустошен, да во Фризии ограблено было норманнами несколько островов, смежных с германским берегом.

Раз как-то во время своих разъездов Карл неожиданно прибыл в какой-то приморский город Нарбоннской Галлии. В эту гавань во время его трапезы, не зная о нем, показались разведчики норманнов-разбой-

* Сан-Галленский монах, кн. II, гл. 14.

ников. Когда при виде кораблей одни говорили, что это еврейские купцы, другие — африканские, третьи — британские, всемудрейший Карл, догадавшись по оснастке кораблей и по быстроте их, что это не купцы, а враги, сказал своим: «Нет, эти корабли не товарами полны, но чреваты злейшими врагами». Услышав это, его люди, опережая друг друга, быстро бросились к кораблям, но напрасно: норманны, узнав, что он здесь, кого они привыкли называть Карл Молот, [боясь], что оружие их притупится об него или разлетится в мельчайшие части, обратились в невиданное бегство, избегая не только мечей, но и взоров преследователей. Благочестивейший же Карл, праведный и грозный, восстав от стола, подошел к окну на восток; и залился несчетными слезами; и никто не смел обратиться к нему; наконец он сам объяснил доблестнейшим своим приближенным свой поступок и свои слезы и сказал: «Знаете, други мои, отчего я так плакал? Я не того боюсь, что эти ничтожные людишки мне причинят какой-нибудь вред; но я безмерно скорблю, что они уже при моей жизни дерзнули коснуться этих берегов; и терзаюсь я величайшим горем, ибо предвижу, какие беды причинят они моим потомкам и их подданным».

Гл. 23. Он носил национальную одежду, т.е. франкскую. На теле — льняную рубаху. И исподние надевал льняные. Поверх — тунику, обшитую шелковой каймой, и штаны. Голени стягивал онучами, а ступни — башмаками. Плечи и грудь зимой он защищал накидкой из шкур выдры и соболя. Поверх всего — голубой плащ. Всегда он был опоясан мечом с золотою или серебряною рукоятью и перевязью. Изредка носил он и меч с самоцветными камнями, однако лишь при особых празднествах или на приеме иностранных посольств. Чужеземные же одеяния, хотя бы и самые красивые, отвергал. И не терпел никогда, чтобы его одевали в них: только в Риме, раз по просьбе папы Адриана, а другой раз — по настоянию его преемника Льва, он облекся в длинную тунику и хламиду и надел также обувь римского образца. На празднествах он выступал в златотканной одежде, в обуви с самоцветными камнями, плащ застегивал золотой пряжкой, корона из золота и драгоценных камней украшала его чело. В иные же дни его одежда мало отличались от обычной простонародной.

Гл. 24. В пище и питье умерен, но в питье умереннее, ибо противно было ему опьянение во всяком человеке, тем более собственное или приближенных. От еды же он не так мог воздерживаться и часто жаловался, что посты вредят его здоровью. Пиры давал очень редко, в особо торжественных случаях, но тогда уже многолюдные. Обычная трапеза состояла из четырех только блюд, не считая жаркого, которое охотники приносили

прямо на вертеле; и эту пищу он предпочитал всякой другой. Во время обеда он слушал рассказчиков или чтеца. Читали ему из истории о деяниях древних. Нравились ему также книги блаженного Августина, особенно та, что озаглавлена «О Граде Божием». В вине и других напитках он был до того умерен, что за обедом редко пил больше трех раз.

Летом после полуденной еды — ел он лишь фрукты и пил лишь раз — он снимал платье и обувь, как на ночь, и отдыхал часа два или три. Ночью же прерывал сон не только просыпаясь раза четыре или пять, но и вставая.

Во время одевания и обувания он допускал не только приближенных, но когда пфальцграф говорил о какой-нибудь тяжбе, которая не может быть решена без его приказа, он немедленно повелевал ввести тяжущихся и, словно на суде, разобрав дело, постановлял приговор. И не только такие дела справлял он в эту же пору, но и всякие, какие на сей день предстояли ему или передавались чиновникам.

Гл. 25. Речь его текла богато, и свободно мог он выразить все, что хотел. Не довольствуясь родной речью, он старался изучить и иностранные языки; латынь он изучил настолько, что умел говорить на ней, как на родном языке; по-гречески же лучше понимал, чем сам объяснялся. Он был так речист, что мог даже казаться болтливым.

Он ревностно занимался «свободными науками»; высоко чтя учителей этих наук, он осыпал их великими почестями. Грамматику он изучал у старца диакона Петра Пизанского. В других науках наставником его был Альбин, прозываемый Алкуином, тоже дьякон, из Британии, человек саксонского племени, муж всячески ученый; ему Карл уделил особенно много времени и труда, изучая с ним риторику, диалектику и особенно астрономию. Учился он и искусству счета; ревностно, тщательно и проникновенно исследовал течение звезд. Пытался и писать; для этого возил с собою на постели под подушкой дощечки и листки [пергамента], чтобы в свободное время приучить руку выводить буквы. Но мало имел успеха труд, начатый не в свое время, слишком поздно.

Гл. 28. Причиной последнего приезда его [в Рим] было... то обстоятельство, что римляне нанесли папе Льву многие обиды, вырвали глаза и отрезали язык и тем принудили его прибегнуть к защите короля*. И вот, прибыв в Рим для восстановления столь жестоко потрясенной церкви, он провел здесь всю зиму. В это время он и принял наименование императора и августа, чем на первых порах он так тяготился, что утверж-

* В так называемых Анналах Эйнгарда под 799 г. читаем: «...папа Лев был сброшен с коня и ногой полуживым оставлен на улице, и некоторым показалось, что ему вырвали глаза, а также отрезали язык».

дал: знай он заранее намерение папы, он в тот день, несмотря на великий праздник, не пошел бы в храм. Ненависть вознегодовавших на него за принятие этого титула римских императоров он сносил с великим терпением; оскорбительные выходки их он победил великодушием, чем он много превосходил их, отправляя к ним частые посольства и величая их в письмах братьями

Гл. 29. По принятии императорского титула, когда он заметил, что многого недостает в законах его народа — у франков ведь два закона, во многом сильно расходящихся* — он замыслил прибавить недостающее, объединить расходящееся, а негодное и искаженное исправить. Но в этом смысле им было сделано немного: он прибавил к этим законам лишь небольшие капитулярии, да и то неразработанные. Правообычаи же всех племен его державы, которые еще не были записаны, он приказал записать и издать.

Точно так же он велел записать и спасти от забвения стариннейшие народные (barbara) песни, в которых воспевались дела и войны древних королей. Думал он также о грамматике родного языка.

Гл. 33. Велел он составить завещание... смысл и содержание которого следующие: Во имя Всемогущего Господа Бога, Отца и сына и Святого Духа. Опись и распределение, сделанные славнейшим и благочестивейшим государем Карлом, августейшим императором в год от воплощения Господа Нашего Иисуса Христа 811-й, царствование же его во Франции 43-й, в Италии 37-й, императорства в год 11-й, индикта 4. Составить оные он велел по благочестивом и мудром размышлении и с Божьей помощью выполнил и относительно сокровищ своих, и относительно денег, какие в тот день оказались в его казне. Сим хотел он прежде всего обеспечить, чтобы не только щедроты и милостыни, какие по обычаю у христиан выдаются из их имуществ, выдавались также за упокой его души, из его денег, по чину и порядку — но чтобы и наследники его, отбросив всякие ухищрения, ясно могли бы уразуметь, что кого касается, и без спора и ссоры правильным дележом поделить между собой его имущество.

И вот, наметив эту цель, он все свое имущество и утварь, какие в этот день, как сказано, оказались в казне его: золото, серебро, драгоценные камни, царское убранство, — разделил первоначально на три части. Затем из двух частей, подразделив их, он сделал двадцать одну долю, а третью часть оставил нетронутой.

И деление двух частей на двадцать одну долю сделано было в следующем соображении: так как в державе его, как известно, двадцать одна

* Салический и Рипуарский.

митрополия, то чтобы каждая из этих долей передана была наследниками и друзьями его каждой митрополии в качестве милостыни; и чтобы архиепископ, который в то время окажется в главе той церкви, принимая долю, следующую его церкви, разделил ее со своими соепископами так, чтобы треть досталась его церкви, а две трети поделены были между его соепископами.

...Имена же митрополий, коим следует предоставить сию милостыню и щедроты, суть: Рим, Равенна, Милан, Фриуль [Чивидале дель Фриуль], Градо, Кельн, Майнц, Зальцбург, Трир, Санс, Безансон, Лион, Руан, Реймс, Арль, Вьенн, С. Мустье [в Савойе], Эмбрён [в Дофинэ], Бордо, Тур, Бурж.

Третьей же части, которую он оставил неразделенною, назначение следующее: в то время как две части, разделенные на вышесказанные доли, спрятаны за печатями, эта третья должна остаться на ежедневные надобности. По кончине же его или по добровольном удалении от дел мирских эта часть расчленяется на четверо: одна четверть присоединяется к вышеупомянутой двадцать одной доле; вторая достается сыновьям, дочерям, а также сыновним сыновьям и дочерям и делится между ними справедливо и по правилу; третья, по обычаю христиан, — на потребу бедным; четвертая идет, тоже в виде милостыни, на поддержку слуг и служанок, состоящих при дворце.

К этой третьей части всего имущества, которая подобно другим двум состоит из золота и серебра, он изволил присоединить сосуды и утварь из меди, железа и других металлов, а также оружие и одежду вместе с иной разной рухлядью, дорогой и простой, как-то: занавеси, покрывала, ковры, войлоки, кожи, вьючные седла и все, что найдется в этот день в его казне, чтобы от сего крупнее были доли этой третьей части и милостыня пошла бы большему числу людей.

Капеллу же, т.е. церковно-служебные предметы*, как те, которые он сам пожертвовал и собрал, так и те, которые достались ему по наследству от отца, он повелел оставить неприкосновенными и ни в коем случае не делить.

Если же где найдутся сосуды, книги или иные драгоценности, которые заведомо не были пожертвованы им капелле, то тот, кто пожелает иметь их, пусть покупает и владеет, заплатив настоящую цену. Равно и о книгах, которых он в своей библиотеке собрал великое множество, он

---

* Сан-Галленский монах, I, 4: ...Карл взял в свою капеллу, каковым именем франкские короли обычно называют свой реликварий [и свою домовую церковь] из-за плаща (сарра) св. Мартина, который они всегда брали с собой на войну своей ради охраны и на одоление врагам.....

постановил: пусть желающие иметь их выкупят их по должной цене, деньги же пойдут на бедных.

Известно, что среди прочих сокровищ и ценностей есть три стола серебряных и один золотой отменной величины и веса. О них он определил и постановил: один из них, четырехугольной формы, тот, на котором изображение града Константинополя, пусть отправлен будет среди прочих даров, к сему предназначенных, в Рим, в базилику св. Петра апостола; а другой, круглый, который украшен видом города Рима, передать соборной Равеннской церкви; третий же, который значительно превосходит остальные и красотой работы, и весом и, состоя из трех кругов, содержит в тонком и точном изображении картину всего мира, равно и тот золотой стол, который назван был четвертым, Карл определил в третью часть для ее увеличения, на раздел между его наследниками и на милостыню.

(Свидетелями были присутствовавшие 11 епископов, 4 аббата, 15 графов).

№ 5. Отчет государевых посланцев (804 г.)

Когда по повелению благочестивейшего и великого государя Карла, императора, и сына его, Пипина короля, мы, рабы их, а именно пресвитер Izzo и графы Cadolao и Ajo, посланы были в Истрию ради дел святых церквей Господних, для правды государей наших, для защиты народа, бедняков, сирот и вдов от насилия, — мы прежде всего прибыли в округу Капрейскую*, в местечко Ризано, и здесь совокупно с досточтимым мужем, патриархом Фортунатом, а также с епископами... и другими властями и народом провинции Истрии набрали мы из разных областей и мест именитых людей (caprulai), числом 172, и велели им поклясться на святом Четвероевангелии и на мощах святых, что обо всем, что они знают и что мы спросим, ответят по правде....

И представили они нам грамотки по отдельным областям и местам..., что со стороны церкви нет им помощи, ни взноса обычных податей. Фортунат же патриарх давал ответ, говоря: «Не знаю я, хотите ли вы говорить что-либо против меня. Вы, конечно, знаете, что подати, которые святая церковь моя издревле и поныне платила в ваших местах, вы отпустили мне; а за это я, где мог, и был, и сейчас хочу быть вам в помощь; и вам ведомо, сколь много даров и послов посылал я к государю императору ради вас. Ныне же пусть будет так, как вам будет угодно»....

И все сказали: «Да, это правда... И о патриархе мы больше ничего сказать не можем... А об епископах у нас много, что сказать».

1. Для государевых посланцев, а также для всяческих дач и сборов половину давала [прежде] церковь и половину народ....

* Caprulae, на с.-в. от Венеции, епископская резиденция.

8. И даже в самом море, где всякий свободно рыбачил, мы вскоре не дерзали производить лов, ибо они избивали нас палками и резали наши сети.

А что спрашивали вы о насилии, какое чинил нам герцог Иоанн, то скажем всю правду, насколько знаем:

Захватил он наши леса, где предки наши пользовались травой и желудями.... Посадил он также славян на наши земли; пашут они наши земли и перелоги, косят наши луга, пасут на наших пастбищах и за наши эти земли дань платят Иоанну. И не остается у нас ни скота, ни лошадей. А если мы что скажем, они грозятся убить нас. Отнял он у нас домишки наши, которые предки наши устроили согласно старинному обычаю....

Войскового провианта мы никогда не ставили, на господском дворе никогда не работали, на виноградниках [барских] никогда не работали, известковых печей не делали, домов никогда не строили, постоев никогда не имели, собак никогда не выкармливали, поборов никогда не имели, как ныне имеем: с каждого вола даем по модию; с овец никогда ничего не платили, как теперь платим: каждый год даем и овец, и ягнят. На кораблях ходим и в Венецию, и в Равенну, и в Далмацию, и по рекам, чего никогда не делали раньше, и делаем все это не только для самого Иоанна, но и для сыновей, и для дочерей, и для зятя его. Когда ему приходится отправляться к государю императору или посылать к нему своих людей, он берет наших лошадей, силой уводит с собой наших сыновей и заставляет их везти свой обоз.... Домой они возвращаются безо всего, лошадей же наших он либо оставляет во франкской стране, либо раздаривает их своим людям.

Говорит, бывало, народу: «Давайте соберем подарок государю нашему императору, как это мы делали во времена греков, и пусть идет от народа посланец вместе со мной и пусть поднесет он дары государю императору». Мы собираем с великою радостью. А когда дело доходит до отъезда, он говорит: «Не надобно вам ездить; я буду предстателем за вас перед государем императором». И вот он с нашими дарами идет к государю императору, добывает почет себе и сыновьям своим, а мы пребываем в великой тесноте и обиде.

Во времена греков мы раз в год, буде необходимо, делали сбор для императорских посланцев: с сотни овец, у кого она была, одну овцу; ныне же, у кого не более трех, отбирается одна, и не знаем, как оборониться. Весь год его люди отбирают все это. На свою потребу герцог Иоанн имеет то, чего никогда не имел управитель (magister militum) греческий... Десятину, которая должна бы идти святой церкви, вот уж три года мы даем поганым славянам, с тех пор как он послал их на наши и церковные земли себе на грех, а нам на погибель... От всего вышеуказанного пришли

мы все в разорение... Коли поддержит нас государь Карл, император, мы сможем подняться; если же нет, то лучше нам умереть, чем жить».

Тогда сказал герцог Иоанн: «Относительно лесов тех и пастьбы, на которые вы указываете, я полагал, что они императорские и поэтому должны быть общими; ныне же, раз вы говорите под присягой, я их вам верну; поборов овец впредь производить не буду, иначе как по старинному вашему обычаю. Так же и насчет подарка государю императору. Относительно же работ, плавания и частой поставки подвод, если это вам кажется тяжким, то впредь этого не будет... А что касается славян, то мы, по вашему указанию, прибудем на те земли, где они сидят, и разберем: где они могут оставаться без ущерба для вас, пусть остаются; если же причиняют какой-либо ущерб полям, лесам, перелогам или чему-либо, мы выгоним их вон»...

Тут мы, государевы посланцы, озаботились, чтобы герцог Иоанн дал [во всем этом] поруку..., а народ, со своей стороны, разрешил ему известковые печи, но с таким условием, чтобы больше он ничего подобного не требовал...

Так рассудили и согласились в присутствии посланцев государевых — Изона пресвитера, Кадолая и Айя, и собственноручно подписали в нашем присутствии: Фортунат и т. д.

№ 6. Охрана государственных интересов при Карле Великом (805 г.)

§ 15. О свободных людях, которые хотят отдать себя Богу. Да не делают они этого, пока не испросят нашего разрешения, поелику мы слышали, что некоторые из них поступают так не столько из благочестия, сколько чтобы избежать воинской или иной королевской службы; другие же, обманутые, как мы слышали, теми, кто стяжательства ради восхотел их имения, — и сие мы также воспрещаем.

§ 16. Об укреплении бедняков свободных. Да не терпят они никакой несправедливости и злого насилия, так что против воли продают или передают свое имущество. Посему мы и выше (§ 15) и теперь говорим о свободных: не лишать родственников наследства вопреки справедливости, дабы королевское дело не терпело ущерба, а сами наследники из-за маломочности не стали нищими, разбойниками и злодеями...

§ 17. О церквах и новоявленных угодниках. Без ведома епископа не чтить их. В этом, как и во всех церковных делах, нерушим авторитет церкви.

№ 7. Страсбургская присяга

И вот 14-го февраля [842 года] Людовик и Карл собрались в городе, который некогда звался Аргентария, ныне же в просторечии Страсбург; и произнесли они нижеприведенные клятвы, Людовик на языке роман-

ском, Карл же на тевтонском. А перед присягой обратились они к окружающему народу, один на тевтонском, другой на романском языке. Людовик, как старший, говорил первым: «Сколь часто Лотарь после смерти родителя нашего пытался извести меня с братом, вы хорошо знаете. Когда же ни братское, ни христианское чувство, ни все старания наши не могли привести к тому, чтобы был между нами мир без нарушения правды, тогда мы поневоле передали дело суду Всемогущего Господа, чтобы Он, на удовлетворение всех нас, указал, что кому следует. На сем суде мы, как вы знаете, милосердием Господа оказались победителями, он же, побежденный, вместе с присными удалился туда, где была еще у него сила. Проникнутые братской любовью и из сострадания к люду христианскому, мы не пожелали его преследовать и уничтожить, но и теперь, как и раньше, поручили [себя Господу], чтобы каждому наконец воздано было по справедливости. А он и после этого, недовольный Божьим судом, все снова и снова преследует нас с братией войной, а народ наш пожарами, грабежом и убийством; а посему мы, вынужденные необходимостью, собрались ныне и, предполагая, что вы сомневаетесь в прочности и силе нашей братской верности, порешили принести присягу в вашем присутствии... Если же — да не будет этого! — я нарушу клятву брату моему, то этим я разрешу всех вас от подданства и от присяги, которую вы принесли мне». После того как Карл провозгласил то же самое на романском языке, первым принес клятвенное обещание Людовик, как старший, в следующих выражениях: «Из любви к Господу, ради христианского и общего нашего спасения, отныне и впредь, насколько Господь Бог даст мне разумение и силу, я поддержу сего брата своего Карла и [военной] подмогой, и всяким другим делом — так, как и всякий человек воистину должен поддерживать брата своего, — если он мне ответит тем же. А от Лотаря я не приму никакого условия, которое заведомо будет в ущерб сему брату моему Карлу». Когда Людовик окончил, Карл произнес в тех же словах клятвенное обещание на тевтонском языке...

III. НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

№ 8. Capitulare de villis

§ 1. Мы желаем, чтобы поместья наши, кои мы определили быть для нужд наших, служили всецело нам, а не другим людям.

§ 6. Мы желаем, чтобы управители (judices) наши от всего прибытка давали бы полностью десятину церквам, находящимся в наших поме-

стьях, а в церковь другого лица нашей десятины не давать, разве что истари так заведено. А церкви наши пусть будут не у чужих клириков, а только у наших, — либо из челяди нашей, либо из нашей капеллы.

§ 8. Чтобы управители наши приняли наши виноградники, которые тоже в их владении, и держали бы их в порядке, а само вино сливали в добрые сосуды и тщательно смотрели, чтобы никоим образом не было утечки. Другое же вино, простое, покупать там, откуда оно может быть направлено в наши поместья. И если этого вина будет приобретено больше, чем нужно, отправить в наши поместья и известить нас, дабы мы сообщили, какова наша на этот счет воля. Лозы с наших виноградников посылать нам по нашей надобности. Оброки с наших поместий, если кто платит вином, содержать в наших погребах.

§ 9. Мы желаем, чтобы всякий управитель в своем ведомстве имел такие же меры — модии, секстарии, ситулы, что в восемь секстариев, и коробья, — какие и у нас во дворце нашем.

§ 10. Чтобы старосты (majores) наши, лесничие, конюхи, ключники, десятские, сборщики и прочие дворовые справляли свой полевой урок* и давали поросят со своих участков, взамен же барщины исправно несли свои службы. А староста, имеющий бенефиций, пусть пошлет взамен себя человека, который должен отбыть вместо него барщину и иные повинности.

§ 16. Мы желаем, чтобы все, что прикажем какому-нибудь управителю мы, или королева, или служащее наши, дворецкий или чашник, нашим именем, выполнялось в тот срок, как было приказано; а кто по небрежности ослушается, пусть воздержится от питья с того времени, как ему об этом объявить, и до той поры, пока он не явится перед очи наши или королевы и не испросит у нас разрешения от воздержания. А если управитель будет в войске, на сторожевой службе или в каком-либо отъезде по нашему делу, и меньшим его будет что-либо приказано, а они не исполнят, тогда пусть они придут пешими во дворец и воздержатся от вина и мяса до тех пор, пока не представят объяснение, почему они сделали это упущение; и тогда выйдет им решение — на спине их или иначе, как заблагорассудится нам с королевой.

§ 17. Сколько каждый имеет в своем управлении поместий, столько он должен держать особых людей, которые заботились бы о пчелах для нашей надобности.

§ 18. Чтобы при мельницах наших, смотря по роду их, держали как можно лучше кур или гусей.

§ 19. При амбарах наших пусть держат: в больших имениях не менее 100 кур и 30 гусей, на хуторах же не менее 50 кур и 12 гусей.

---

* Вспашка определенного небольшого участка барской земли.

§ 21. Пусть каждый управитель в тех поместьях наших, где есть пруд, поддерживает его и, буде возможно, расширяет, а где пруда нет и вырыть его можно, пусть устроит его заново.

§ 23. В каждом поместье нашем пусть управители имеют коровники, свинарни, овчарни, хлева для коз и козлов; иметь их как можно больше и всенепременно. А кроме того пусть имеют они скот, раздаваемый нашим рабам для справления их работ, но так, чтобы барское дело — хозяйственные продукты и подвоз их — не потерпело ущерба. И пусть имеют они, когда придется посылать им убоину, — волов не заморенных, коров и лошадей не больных, а также и мелкий скот в хорошем теле, чтобы, как мы уже сказали, не страдало продовольственное и подвозное наше дело.

§ 25. Об [осенней] пастьбе свиней они должны давать знать к 1-му сентября, состоялась она или нет.

§ 26. Староста пусть имеет в ведении своем не больше, чем сколько он в один день может обойти и осмотреть.

§ 27. Покои наши должны иметь очаги, а при них постоянных сторожей, чтобы они оставались в целости, т.е. не сгорали бы. Когда же к нам или от нас идут посланцы или послы, то никоим образом не иметь им постоя в наших домах, если не будет на это особого повеления нашего или королевы; а граф, в силу своей должности, и те люди, которые издавна обязаны заботиться о посланцах и послах, пусть заботятся и впредь обычным образом о них, о лошадях и о всем необходимом, чтобы они благополучно и с честью совершали свой путь к нам и от нас.

§ 28. Желаем, чтобы ежегодно в Четыредесятницу, в Вербное воскресенье, которое зовется Осанною, согласно приказу нашему, доставлялись деньги с нашего хозяйства после того, как мы проверим, сколько в истекшем году было прибытков с нашего хозяйства.

§ 32. Чтобы каждый управитель заботился иметь всегда добрые и наилучшие семена для посева, хотя бы покупая их.

§ 34. Особенно тщательно нужно смотреть, чтобы все, что делается и изготовляется руками, как-то: свиное сало, вяленое мясо, солонина, мясо свежего просола, вино, уксус, тутовое питье, наливка, рыбная соя, горчица, сыр, масло, солод, пиво, мед для питья, мед пчелиный, воск, мука, — было сделано и изготовлено с величайшею опрятностью.

§ 35. Желаем, чтобы приготовлялось сало от жирных баранов и свиней; кроме того, в каждом поместье чтобы было не менее двух откормленных волов; от них добывать сало на месте или пригонять их к нам.

§ 36. Чтобы леса и рощи наши хорошо охранялись; и где были места, назначенные под расчистку, — их расчищать и не давать полям зарастать лесом; а где должны быть леса, не позволять их рубить зря и губить;

а звериицы наши в лесах тщательно охранять; равным образом припасать соколов и ястребов для нашей надобности; а оброки собирать усердно. Управители же, если они пустят своих свиней для откорма в наши леса, также старосты наши и их люди, сами первыми пусть вносят «десятину», подавая этим добрый пример, чтобы затем другие тамошние люди давали десятину сполна.

§ 39. Желаем, чтобы кур и яйца со служб и за землю держали в запасе год; буде же не понадобятся нам — озаботиться продать.

§ 40. Чтобы управитель каждого поместья, сообразно нашему достоинству, непременно держал... павлинов, фазанов, уток, голубей, куропаток, горлиц.

§ 42. Чтобы в каждом поместье в кладовых имелись постели, пуховики, подушки, простыни, столовые скатерти, постилки на лавки, посуда медная, оловянная, железная, деревянная, таганы, цепи и крюки [для подвешивания котлов], струги*, топоры, т.е. колуны, сверла, т.е. буравы, ножи и вообще всякие необходимые орудия, чтобы в случае нужды не приходилось занимать где-нибудь или заказывать. Доспехи же, которые на их ответственности, должны быть в исправности, когда их берут в поход, а также когда их возвращают и убирают в кладовые.

§ 43. Пусть наблюдают, чтобы вовремя давали на женскую половину нашу, как установлено, лен, шерсть, вайду, разные красные краски, ворсянку, бодяк**, мыло, масла, сосуды и остальную мелочь, необходимую там.

§ 44. Из постного две части ежегодно доставляются нам на нашу потребу, как овощи, так и рыба, сыр, масло (butirum), мед, горчица, уксус, пшено и просо, сушеные и свежие травы, редька, также репа, воск, мыло и прочая мелочь; а о том, что будет не дослано, пусть отпустят нам и не уклоняются от этого, как они делали до сих пор, ибо мы по этим двум частям желаем знать, сколько остается в той третьей.

§ 45. Пусть всякий управитель в хозяйстве имеет добрых ремесленников, т.е. кузнецов, знающих также золотое и серебряное дело, шорников, резчиков, плотников, бочаров, рыболовов, птицеловов и птичников, мыловаров, квасоваров, т.е. таких, которые могут сварить и пиво, и квасы яблочные и грушевые, и иные разные напитки, приятные для питья; пекарей, чтобы печь белый хлеб для нашего стола, людей, хорошо плетущих сети для охоты, рыбной ловли и ловли птицы, равно и прочих мастеров, перечислять которых было бы долго.

---

* Простейшая форма рубанка.

** Разновидности репейника, употреблявшиеся для начеса шерсти (ворсянка, ср. «ворс»).

§ 48. Чтобы давильни в наших имениях были хорошо устроены; и пусть смотрят управители, чтобы виноград наш никто не смел давить ногами, но чтобы все делалось чисто и честно.

§ 51. Пусть смотрит каждый управитель, чтобы лихие люди никоим образом не могли спрятать часть наших семян под землю или еще куда, от чего урожай наш станет хуже. Равно пусть смотрят за другим их колдовством, чтобы они не сделали чего-либо.

§ 53. Пусть каждый управитель смотрит, чтобы люди наши, служащие, отнюдь не были разбойниками и колдунами.

§ 58. Буде щенята наши поручены будут для вскорма управителям нашим, то сам управитель пусть кормит их от себя или поручает их сподручным своим, т.е. старостам, десятникам и ключникам, чтобы они кормили их как следует и из своих припасов, разве что будет приказ наш или королевы — кормить их в нашем поместье нашими припасами; и тогда управитель пусть приставит особого человека к этому делу, чтобы он кормил их как следует, и пусть отделит им корм, чтобы оному человеку не было надобности ежедневно бегать в амбары.

§ 60. Старост никоим образом не назначать из людей более сильных, а из людей средних, да повернее.

§ 62. Пусть управители наши ежегодно к Рождеству Христову извещают нас точно, раздельно и по порядку о прибытках наших, дабы мы могли знать, сколько чего мы имеем по разным статьям: сколько обработано нашими быками и пахотниками, сколько сработано надельниками, которые обязаны пахать, что получено поросятами, что с цензов*, сколько примирительных и штрафных денег**, сколько за зверя, ловленного без разрешения нашего в лесах наших, сколько за разные преступления, сколько с мельниц, с лесов, с пекарен и пивоварен, с мостов и перевозов, сколько со свободных людей и общин, которые тянут к нашему фиску, сколько с торжищ, сколько с виноградников и с тех, кто платит вином, сколько сена, дров, лучины, сколько осей и других изделий,... сколько овощей, сколько пшена и проса, сколько шерсти, льна и конопли, сколько фруктов, крупного и мелкого ореха, сколько с привитых разных деревьев, сколько с огородов, репных гряд, сколько с садков, сколько кож, шкур, рогов, сколько меду и воску, сколь разных масел... и мыла, сколько тутового питья, наливок, меда и уксуса, пива, вина молодого и старого, сколько хлеба нового и прежних урожаев, сколько кур, яиц, гусей; сколько получено с рыбаков, кузнецов, бочаров, шорников, со щепного дела, с сундучников, с резчиков, с седельщиков, сколько с рудоплавилен и

* Плата за пользование землей, при Карле В. исключительно натурой.

** На «деньги» только считали, платили же обычно натурой.

рудников, как железных, так и свинцовых, сколько с податных людей, сколько коньков и кобылок.

§ 63. Всем вышесказанным пусть не тяготятся управители наши, раз мы этого требуем; ибо мы желаем, чтобы и они равным образом от своих подручных требовали безропотного выполнения, дабы все, что любому человеку подобает иметь в доме своем или поместье, управители наши обязаны были иметь в поместьях наших.

§ 64. Чтобы повозки наши, «бастерны», которые идут в поход, сделаны были хорошо, и чтобы верх их был хорошо закрыт кожами, так сшитыми, чтобы, в случае необходимости перейти реку вброд, можно было переправляться со всею кладью, и вода никоим образом не смогла бы проникнуть вовнутрь, и государево добро переправилось бы, как сказано, в сохранности. Желаем также, чтобы в каждую повозку на потребу нам положена была мука, а именно 12 мер; а на которых везут вино, чтобы было его 12 модиев нашей меры; и при каждой повозке пусть будет щит, копье, колчан и лук.

§ 69. О волках пусть сообщают нам во всякое время, сколько кто словил, а самые шкуры пусть предъявляют нам; а в мае месяце пусть выслеживают волчат и истребляют их порошком, капканами, ямами и собаками.

§ 70. Желаем, чтобы в садах имелись всякие растения: лилии, розы, донник, костпинии, шалфей, рута, божье дерево, огурцы, дыни, тыквы, фасоль, тмин, розмарин, дикий тмин... [перечислено всего 73 растения]. Из деревьев пусть имеются яблони разных родов, груши разных родов, сливовые деревья разных родов, рябина, кизиль, каштаны, персики разных родов, айва, ...миндальные деревья, тутовые, лавры, пинии, фиговое дерево, орешники, вишня разных родов. Перечень ядовитых растений....

№ 9. Описи церковных и государевых имений (ок. 810 г.)

На острове, называемом Штаффельзее*, находится церковь во имя св. Михаила [далее следует подробнейший инвентарь данной церкви].

Там же находится господский дом и двор, который вместе с другими постройками тянет к вышеуказанной церкви. К этому же двору принадлежит: пахотной земли 740 моргенов**, а лугов столько, что можно собрать 610 возов сена. Хлеба мы совсем не нашли, кроме тридцати возов, которые мы дали людям, находящимся на месячине, и они обеспечены до дня св. Иоанна, а число их 72. Солода 12 модиев. Лошадей объезженных

* На озере того же названия, к югу от Аугсбурга.

** Морген — количество земли, обрабатываемое в день парой волов.

1. Волов 26. Коров 20. Быков 1. Окота, не вошедшого еще в пору, 61 голова. Телят 5. Овец 87. Ягнят 14. Козлов 17. Коз 58. Козлят 12. Свиней 40. Поросят 50. Гусей 63. Кур 50. Пчелиных ульев 17. Окороков с салом и постных — всего 20. Сала 27 кусков. Кабанов битых и вяленых 1. Сыров 40. Меда полсикля*. Масла (butirum) 2 сикля. Соли 5 модиев**. Пуховиков и подушек 5. Грелок медных 3; железных 6. Крюков [для подвешивания котлов] 5. Светец железный 1. Кадок с железными обручами 17. Кос 10. Серпов 17. Стругов 7. Топоров 7. Козлиных шкур 10. Овчин 26. Невод для рыбной ловли 1. Есть там девичья, (genitium), в ней женщин 24. Платков шерстяных 5. Льняных портянок 4. Рубах 5. Мельниц там одна и дает она [доходу] в год 12 модиев.

К этому же двору тянут 22 свободных (ingenuiles) манса, все заняты (vestiti). Из них 6 ежегодно дают по 14 модиев хлеба, по 4 поросенка, домотканого холста 1 сайгу***, кур пару, яиц десяток, льняного семени секстарий, чечевицы секстарий; работают ежегодно [на барщине] по пять недель, пашут по 3 югера, косят и свозят господского сена по одному возу; ставят подводу. Другие 6 мансов пашут, засевают, убирают по 2 югера; косят на господском лугу по 3 воза и свозят их; барщины отбывают 2 недели; дают с двух мансов одного вола для похода, если сами в поход не идут; с конями идут, куда прикажут. Еще 6 мансов дают по два вола в год, с конями идут, куда прикажут. Еще 4 манса пашут, засевают и убирают по 9 югеров в год; косят на господском лугу по 3 воза и свозят их; барщины отбывают 6 недель; подводы дают для перевозки вина; унаваживают господской земли по одному югеру; дров дают по 10 возов. А еще один манс пашет, засевает и убирает 9 югеров; косит на господском лугу 3 воза и свозит их; дает подводу и подставу; работает на барщине 5 недель.

Несвободных (serviles) же мансов, занятых (vestiti) — 19: каждый из них дает ежегодно по поросенку, по 5 кур, по десятку яиц, кормит четырех господских поросят, обрабатывает полполя; барщины в неделю три дня; дает подводу и подставу. Жена же держателя манса дает рубаху и шерстяной платок, варит солод и печет хлеб.

Есть в данном епископстве еще 7 господских дворов, которые не вошли в эту опись, а лишь даны в общем итоге. А именно: имеет Аугсбургское епископство свободных мансов — занятых 1006, пустующих 35; несвободных же — занятых 421, пустующих 45; а всего свободных и несвободных, — занятых 1427, пустующих же 80.

Конец.

* Сикль равен 30 литрам.
** Модий равен 60 литрам.
*** Мера; также и монета.

Находится в государевом имении Гаснапе* королевский дворец, изрядно построенный из камня. Хором трое; кругом всего дома галерея; горниц 11; внизу погреб 1; входов два. Других строений на дворе, деревянных, 17, столько же горниц, хорошо снабженных всем необходимым. Конюшня 1, кухня 1, пекарня 1, амбаров 2, сараев 3. Усадьба хорошо защищена тыном, ворота каменные, а над ними вышка. Малый двор также огорожен тыном, хорошо устроен и засажен различного рода деревьями.

Мягкой рухляди: постель 1, скатерть на стол 1, ручник 1.

Всякой кузни: тазов медных 2, кубков 2, котлов медных 2, железных 1, пивной котел 1, сковорода 1, таган 1, канделябр 1, топоров 2, струг 1, сверл 2, колун 1, нож 1, больших скобель 1, малый 1, кос 2, серпов 2, лопат железных 2.

Деревянной снасти — сколько нужно в доме.

Запасов: полбы прошлогодней 90 коробьев, из которых можно получить 450 «пензов» неопределенная мера веса муки; ячменя 100 модиев. В нынешнем году полбы было 110 коробьев: на посев пошло 60, остальное оказалось налицо; пшеницы 100 модиев: посеяно 60, остальное — налицо; ржи 98 модиев, высеяли всю; ячменя 1800 модиев: посеяно 1100, остальное — налицо; овса 430 модиев; бобов 1 модий; гороху 12 модиев.

С 5 мельниц получено 800 малых модиев; дано людям, находящимся на месячине, 240 модиев, остальное — налицо. С 4 пивоварен и пекарен — 650 малых модиев. С 2 мостов — 60 модиев соли и 2 солида. С 4 садов — 11 солидов, меду — 3 модия.

От оброка получено: масла (butyrum) 1 модий; окороков прошлогодних с салом 10; свежих окороков, постных и с салом, 200; сыру нынешнего года 43 «пенза».

Скота: маток 51 голова, трехлеток 5, двухлеток 7, нынешнего года 7; коньков — двухлеток 10, годовалых 8, жеребцов 3; волов 16, ослов 2, коров с телятами 50, телок 22, годовалых телят 38, быков 3; свиней 260, поросят 100, хряков 5; овец с ягнятами 150, ягнят годовалых 200, баранов 120; коз с козлятами 30, козлят годовалых 30, козлов 3, уток 30, кур 80, павлинов 22.

...Мера модиев и секстариев оказалась такою же, как и во дворце**. Но не нашли мы там на службе кузнецов золотого, серебряного и железного дела, не нашли ловчих, не нашли других мастеров***. А из садовых

* Вероятно, теперешний Genner на Маасе близ Клеве.
** Ср. Capitulare de villis § 9.
*** Ср. Capitulare de villis, § 45.

растений мы нашли лилию, кост, мяту, петрушку, руту [и т. д.*]. А из деревьев — груши, яблони, мушмала, персики, орехи простые и королевские, тутовое дерево, айва.

№ 10. Выговор управляющему за нерадение (ок. 830 г.)

Во имя Отца и Сына. Эйнгард своему управляющему.

Весьма удивляемся, почему получилась такая задержка во всем, что мы поручили тебе сделать. Ибо нам стало ведомо, что хлеба, который ты должен был послать в Мюльгейм для помола и для выработки солода, ты не послал вовсе; и прислал всего только тридцать свиней, да и тех неважных, посредственных, да еще три меры овощей, только и всего. Мало того, за всю эту зиму мы не видели ни тебя, ни твоего посланного, кто бы доложил, что делается в ваших краях. Коли мы не можем получать с Фрицлара большего прибытка, то не знаем, к чему нам держать этот бенефиций. Так вот, если ты сколько-нибудь дорожишь нашей милостью, изволь исправить свое небрежение и вскоре поставь нас в известность, чего нам ждать от тебя.

№ 11. Столовые доходы германского короля (1064—1065 гг.)

Вот статьи, который относятся к столу Римского короля в Саксонии [затем перечисляются 20 статей, причем указано, что с одной идет 5 служб, с другой 40 и т. д.; и в одном случае солеварня]. Всего с этих статей столько служб, сколько дней в году, да еще 40. Мы также указываем вам, что такое королевская служба в Саксонии: 30 свиней, 3 коровы, 5 поросят, 50 кур, 50 яиц, 90 сыров, 10 гусей, 5 возов пива, 5 ф. перцу, 10 ф. воску, а вино собственное в Саксонии. [Затем перечисляются статьи во Франконии по Рейну: 2 с одной службой, 7 с двумя, 4 с тремя, одна с четырьмя, 3 с семью и 4 с восемью службами]. Каждая служба: 40 свиней, 7 молочных поросят, 50 кур, 5 коров, 500 яиц, 10 гусей, 5 ф. перцу, 90 сыров, 10 ф. воску, 4 больших воза вина. И вот статьи в Баварии... причем величина службы та же, что во Франконии.

А вот статьи Ломбардские [службы в большинстве случаев переведены на деньги].

Таковы Ломбардские статьи. Дают они столько, сколько никто не может ни рассказать, ни подсчитать, пока мы не явимся в Ломбардию.

* Всего дано 20 названий. Ср. Capitulare de villis, § 70.

№ 12. Дарение императора Конрада церкви (1035 г.)

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Конрад, Божией милостью Римский император, священный. Да будет известно всем верным Христу и нам, ныне живущим, и будущим, как я, Конрад, вместе с супругой нашей императрицей Гизелой для спасения души нашей передаем в собственность храму сему, нами во славу и хвалу Божию сооруженному, из вотчин наших [8 деревень в нижнем Пфальце близ Вормса] со всеми статьями, как-то: рабами, усадебными местами, строениями, землями, возделанными и невозделанными, пашнями, лугами, выгонами, водами, реками, мельницами, рыбными ловлями, полями, лесами, охотами, границами и межами, дорогами и тропами, с тем, что есть и впредь найдется, со всеми пользами, какие только записать либо назвать можно, — с тем, чтобы аббат этого места с той же властью и пользой, как и мы, впредь этим свободно владел и все, что оттуда получит, обращал бы на потребу церкви и братии. И чтобы дар наш оставался в постоянной и нерушимой силе, мы приказали составить эту хартию, собственноручно подтвердив ее приложением нашей печати. Но, чтобы кто-нибудь из последующих аббатов не требовал от «подданных» (familia ecclesiae) больше, чем следует, ни «подданные», забыв за давностью лет свою обязанность, восставая против аббата, не пренебрегли бы исполнением повинностей, следуемых церкви, мы решили определить, что может требовать, если нужно, аббат и что обязаны исполнять «подданные». Каждый мужчина ежегодно платит по солиду, а женщина по 6 денариев, или же как мужчина, так и женщина работают 1 день в неделю на барщине. Аббат имеет власть также над их еще не вступившими в брак детьми: кого хочет, пошлет на кухню, кого захочет — на пекарню, кого захочет — на портомойню, кого хочет — стеречь табуны, вообще кого угодно — на любую службу. А из женатых, кого угодно и во всякое время, аббат назначает в экономы, в ключники, в таможенники и в лесники. Если же кого из вышеупомянутых аббат пожелает иметь в личном услужении, сделав его своим стольником, или чашником, или воином и даст ему какой-нибудь бенефиций, то пока он будет исправно служить аббату, бенефиций будет за ним, если же нет, то пусть вернет в прежнее состояние. После смерти мужа лучшая голова его скота отойдет к аббату, после смерти жены — лучшая одежда. Если серв убьет серва, пусть уплатит за него $7^1/_2$ф. да еще обол. Если женщина выйдет замуж вне поместья, то уплатит свой ценз, т.е. 6 денариев. Таков устав [4 деревень]. Тот же устав имеют шиферштадцы, только ничего не платят в случае смерти. У зюльцбахцев такой же устав, кроме так называемых литов: если литы имеют бенефиций, то должны в любой день отправиться верхом, куда бы ни приказал аббат. Кто же не имеет

бенефиция, должен перевозить вино и хлеб аббата от Зунделингена* до Вормса и Павлиньих ворот. Гретенцы же..., ежедневно отбывая барщину, ни при жизни, ни при смерти не платят никакой повинности. У всех же вышеупомянутых положение: если они заключили брак с чужими «подданными», то если аббату угодно, он может произвести обряд развода. Если же проживут вместе, то после смерти мужа $^{2}/_{3}$ его имущества отойдут аббату, а третью часть получит жена и дети...

№ 13. Отчет об управлении императорским имением (1242—V—2)

Конрад, сын священного императора Фридриха... Настоящим постановлением объявляем всем, что верный наш Герард фон Синциг в присутствии наших чиновников дал годичный отчет в управлении имением.

Доход: деньгами получил этот Герард из доходов 29 марок без четверти. Еще с евреев получил 5 марок. Еще с жены фогта 15 марок. Еще с прекарии 50 марок. Еще с евреев 15 марок. Еще собрано на борьбу с ослушниками государевыми 105 марок. Еще хлебом и пшеницей $38^{1}/_{2}$ мальтеров**, овсом $30^{1}/_{2}$, — же продал за 9 марок без четверти. Еще получил вином 16 возов, которые отослал Брабантскому герцогу. Итого получено $227^{1}/_{2}$ марок.

Расход: значится в его расписке, что мы должны этому Герарду по его последнему счету 28 марок и 8 солидов кельнского чекана. Еще должны ему за его военную службу, которую он несет, 20 марок. Еще дал Иоанну Доброму в качестве замкового лена*** 8 марок. Еще Эбергарду de Merdorp в качестве замкового лена 6 марок. Еще за косьбу 18 марок. Еще в счет наших расходов Синцигу 62 марки 26 денариев. Еще на расходы рыцарей, идущих за нами в поход, 32 марки без четверти. Еще выдал на жатву и сбор плодов 6 марок 4 солида. Еще для нашей службы трем рыцарям на боевого коня 60 марок. Еще двум оруженосцам за лошадей, которых они потеряли в битве на нашей службе, 16 марок. Еще за 3 лошади, погибшие при сожжении поместья А., 15 марок. Еще 6 стрелкам из баллист, задержанным на 3 месяца, 18 марок. Еще на наши расходы в Трире 8 трирских ливров. Еще на его расход в Ахене 3 марки. Еще на его расход в Кельне 3 марки. Еще на его расход в Майнце 4 марки. Итого израсходовано 306 марок.

---

* На Майне около Гехста.

** Мальтер — около $^{1}/_{4}$ четверика.

*** Свободный гарнизон вознаграждался за службу землей или рентой.

Сосчитав затем все вместе и отдельно, мы обязуемся уплатить вышеназванному Герарду $78^{1}/_{2}$ марок, и он будет занимать должность до ближайшего праздника св. Маргариты. Говорит также Герард, что в течение 16 недель содержал он 50 вооруженных со столькими же лошадьми на нашей службе, за которых он не получил никакого возмещения. Дом его, Синцига, сгорел, вино и хлеб расточены, и владения подожжены. Каких имел пленных, отпустил, освободив их по нашему велению, а с них, как говорит, мог иметь 400 марок. За что и ждет милости императорской и нашей.

IV. ФЕОДАЛИЗМ

№ 14. Из писем Эйнгарда
Письмо 815 (?) года

Велелепному, досточтимому, именитому мужу М., славному графу, Эйнгард посылает благословение Божие, навеки нерушимое.

Вассал государев А., брат жены графа Б., отягченный и старостью, и болезнью ног, собирался явиться к господину нашему императору, но не в силах был по немощи своей. При первой возможности он явится на службу. А пока он просит разрешения удержать за собою дарованный ему императором Карлом бенефиций в Бургундии, в области Женевской, удержать до того, как он явится перед очи государя, чтобы коммендировать себя в его руки. И на мой взгляд справедливо и полезно сделать так, как он просит, ибо он муж добрый и мудрый и на хорошем счету у соседей. И вы сделаете дело доброе, если соблаговолите помочь ему.

Желаю вам во Господе доброго здравия.

Письмо Эйнгарда. 830 г.
(Отпуск придворного; бенефиций живописцу)

Возлюбленному брату нашему, славному графу Г... Всегда чувствовал я Ваше ко мне благорасположение, но в особенности теперь, когда Вы выхлопотали мне разрешение пойти послужить святым Марцеллину и Петру*. Они же за это явятся заступниками вашими перед Господом**...

* *Обитель Зелигенштадт около Франкфурта-на-Майне.*

** Своеобразное (почетное) прикрепление видных и нужных людей к каролингскому двору. Архиепископ Арнон, например, более 10 лет тщетно просился у Карла Великого в свою епархию.

А еще прошу вас, не согласитесь ли вы сделать доброе дело — помочь живописцу N., смиренному молельщику вашему, и заступиться за него перед императором, если представится удобный случай, дабы он по чьей-либо злобе не лишился бенефиция, полученного за добрую службу своим государям. Мне нет нужды называть вам тех, кого он в этом деле опасается: они и мне, и вам равно известны. Прошу лишь помочь ему, насколько будет возможно.

Письмо Эйнгарда королю (Людовику II) о бенефиции-пенсии

Осмеливаюсь просить милости Вашей для некоего N., моего друга и родственника, а вашего верного слуги, чтобы Вы приняли его к себе и, когда он коммендируется в ваши руки, утешили бы его каким-нибудь бенефицием из тех, которые в нашей округе окажутся свободными и незанятыми. А человек он доброго рода и доброй веры, к тому же сведущ в служении по всякому делу, какое ему поручат... Ведь он верно и ревностно служил еще деду вашему; так готов он служить и Вам, если Господь продлит дни его и дарует здравие. Теперь же он тяжко болен и потому не может предстать перед очи ваши; но явится, как только сможет.

Посему умоляю милость Вашу, чтобы Вы, в случае согласия, сообщили мне, что я могу обещать ему от щедрот ваших, дабы он, обнадеженный, жил себе, пока не сможет предстать перед ваши очи.

№ 15. Коммендация. Кто поручает себя власти другого

Вельможному господину (такому-то) я, а именно (такой-то). Понеже всем хорошо известно, что нет у меня ничего, на что кормиться и одеваться, я прибег к вашей благости, и вышло мне решение, чтобы я стал под ваше покровительство, т.е. коммендировался; так я и сделал. А именно, чтобы вы помогали и утешали меня как пропитанием, так и одеждой, сообразно с тем, насколько я послужу вам и заслужу; я же на всю жизнь свою обязуюсь служить тебе, как служат свободные, и следовать за тобой. И из-под власти вашей и покровительства во всю жизнь свою не имею права уйти, иначе не пребуду я под властью и охраной вашей во все дни моей жизни. Отсюда следует, что если один из нас захочет изменить что-нибудь в этом соглашении, он платит другому* (столько-то) солидов**.

---

* В тексте стоит: «своему ровне (pari suo)»; они «пэры», так как оба «свободны».

** Далее идет, по-видимому, позднейшая прибавка: «Отсюда следует, что они должны между собой составить об этом и утвердить две грамоты одного содержания, что они и сделали».

№ 16. Пожалование помещику юрисдикции (888 г., июль)

Арнульф, Божией споспешествующею милостью король. Да будет ведомо всем нашим и святой церкви верным, ныне живущим и будущим, что некий министериал по имени Геймон ходатайствовал перед светлейшим нашим величеством, чтобы в восточных землях наших, в области Grunzwiti*, где пограничным графом оказался Арбон, мы даровали ему [Геймону] в собственность право суда на его собственности**.

Мы уже охотно согласились на его просьбу, памятуя многократную преданную его службу, и постановили: быть по сему. И дали мы ему, с ведома вышеуказанного графа, сии права на его вотчине в вечное владение и повелели..., чтобы ни вышеуказанный граф, ни какой-либо судья или иное лицо с судебной властью не дерзали, вопреки авторитету сего нашего установления, чинить какое-либо притеснение или иное беззаконие в делах собственного его суда, наказывая людей его, свободных или несвободных. Но пусть он и наследники его пользуются сим правом спокойно и мирно во-веки, с тем лишь условием, чтобы люди его вместе с пограничным графом, где тот укажет, построили «город+; в случае нужды, пусть хоронятся туда, спасаясь сами и с имуществом; пусть несут также сторожевую службу с другими, по обычаю, на общее свое спасение и для наблюдения за кознями врагов.

Сам же Геймон или викарий его, чтобы вчинить иск или ответствовать, должны отправиться в общий суд вышеуказанного графа. Если же возникнет дело с кем-либо из Моравской державы, и если оно таково, что сам Геймон или его викарий не смогут разрешить его, то оно решается властью того же графа...

№ 17. Фридрих Барбаросса на Ронкальском поле (1154)

И в месяце ноябре стал он на Ронкальском поле, на реке По, недалеко от Пьяченцы. У королей же франкских, они же и тевтонские, есть обычай: каждый раз, когда они соберут войско для похода за Альпы, чтобы приять корону империи Римской, они останавливаются на вышеуказанном поле. Здесь водружают шест и вешают на него щит. Затем государевы глашатаи приглашают всех рыцарей, держащих феоды, явиться в следующую ночь быть стражей при государе. Следуя сему, и отдельные князья его свиты требуют каждый своих ленников через глашатаев. А если на следующий день обнаружится, что кто-нибудь в ночной страже не был,

* Нижняя Австрия, на запад от Вены.
** Нарочитое сочетание слов; земля эта — аллод.

он вновь призывается перед лицо государя, князей и вельмож. Таким образом все, имеющие бенефиций и оставшиеся дома без согласия своих сеньоров, лишаются бенефициев. Следуя этому обычаю, государь отнял не только феоды светских людей, но и некоторых епископов, а именно Гартвига Бременского и Удальрика Гальберштадтского.

№ 18. Ронкальские постановления Фридриха I о феодах

Фридрих, Божией милостью Римский император, и всегда священный.

1. ...Когда мы по обычаю предшественников наших восседали на Ронкальском общем съезде, получили мы изрядные жалобы от итальянских князей, как епископов, так и иных верных королевства, что бенефиции и феоды, которые вассалы от них держали, они без позволения сеньоров отдали в залог или обманным образом отчудили под видом наследственных аренд; отчего утратилась обязательная служба и умалилась честь империи и численность нашего благополучного народа.

2. Поэтому, имев совет с епископами, герцогами, маркграфами, графами, их судьями и иными вельможами, сим императорским законом с Божией помощью вечно и навсегда утверждаем:

Никто не может феод целый или какую-либо часть ни продавать, ни закладывать, ни отчуждать каким-либо образом, ни отдавать на помин души без разрешения высшего сеньора, от которого идет феод. Поэтому император Лотарь, заботясь прежде всего о будущем, чтоб этого не случалось, обнародовал закон.

3. Мы же, заботясь о вящей пользе королевства, не только будущие, но и все до сих пор уже совершенные незаконные отчуждения этого рода настоящим своим указом отменяем и сводим на нет, причем никакая давность не препятствует добросовестному покупателю вести против продавца иск о затратах. Кроме того, противодействуя хитрым ухищрениям неких, которые, получив деньги под видом инвеституры, будто бы им дозволенной, продают феоды и переводят их на других, мы, дабы не придумывался подобный обман или иной обход нашего постановления, всячески запрещали это. Наказанием же установляем, что продавец и покупатель, уличенные в столь незаконной сделке, теряют феод, который беспрепятственно отойдет к сеньору; писавший же заведомо такой документ, теряет должность бесчестием и лишается руки.

4. Далее, если кто-нибудь, получив феод, будучи старше 14 лет, по своей беззаботности или небрежности, пробудет год и день, не прося инвеституры феода от своего сеньора, то по прошествии этого времени теряет феод, который вернется к господину.

5. Накрепко также постановляем как для Италии, так и для Германии, что если кто, будучи после объявления похода призван своим сеньором к участию в походе, дерзнет совсем не явиться в срок и пренебрежет послать сеньору вместо себя приемлемого заместителя и не послужит сеньору половиной годового дохода с феода, то потеряет феод, который держит от епископа или другого сеньора, и сеньор может вернуть феодальное пользование.

6. Кроме того, пусть герцогства, маркграфства и графства впредь не делятся. Иные же феоды по соглашению совладельцев могут делиться так, чтобы имеющие часть этого феода либо до, либо после раздела принесли присягу верности сеньору; так, однако, чтоб вассал не принуждался при одном феоде иметь несколько сеньоров, а сеньор не переносил бы феод без воли вассалов другому лицу.

7. Сверх того, если сын вассала оскорбит сеньора, то отец, по требованию сеньора, пусть представит сына для удовлетворения сеньору или прогонит от себя сына, иначе лишится феода. Если же отец хочет представить его для удовлетворения, сын же пренебрежет, то да не наследует после смерти отца феод, пока не удовлетворит сеньора; равным образом вассал отвечает за всех своих домочадцев.

8. Предписываем также следующее: если вассал на своем феоде имеет другого вассала, и вассал вассала оскорбит сеньора своего сеньора, то, — если только он сделал это не по службе другому своему сеньору, которому он обязался верной службой раньше, — он теряет свой феод, и феод возвращается к сеньору, от которого он держал; разве только по вызову сеньора не изъявит готовности удовлетворить высшего сеньора, которого он оскорбил; если же вассал, он же и сеньор, не востребует оскорбителя для удовлетворения, то сам теряет свой феод.

сеньор
высший сеньор
сеньор-вассал
другой сеньор
вассал

9. Далее, если есть спор между двумя вассалами о феоде, то спор разрешается сеньором. Если же спор возникнет между сеньором и вассалом, то он разрешается курией равных, связанных между собой клятвой верности сеньору.

10. Постановляем, чтоб при всякой присяге на верность делалась оговорка относительно императора*.

* Ленной верностью нельзя злоупотреблять против императора.

№ 19. Libri feudorum*

Книга 1-я

Глава I. О тех, которые могут давать феод, и которые нет; как феод получается и как удерживается

Так как мы собираемся вести речь о феодах, то рассмотрим сперва, кто может давать феод. А давать феод могут архиепископ, епископ, аббат, аббатисса, пробст, если право давать феод было у них исстари. Также могут давать феод герцог, маркграф, граф, которые собственно зовутся капитанами государства или государя. Есть и другие, получающие феоды от вышеназванных и собственно именуемые вавассорами государства или государя, но ныне они зовутся капитанами, и сами могут давать феоды. Те же, которые от них получают феод, зовутся меньшими вавассорами.

§ 1. Рассмотрев лиц, рассмотрим, каково было начало феодов. В отдаленнейшее время зависело от власти господ, когда угодно отобрать вещь, данную ими в феод. После этого пришли к тому, что феод был неотъемлем только год; затем установилось, что феод держался в течение всей жизни вассала. Но так как феод не переходил к сыновьям по праву наследования, то дальше пришли к тому, что он стал переходить к сыновьям, а именно к тому из них, за которым сеньор хотел укрепить бенефиций. Ныне же установилось так, что он переходит одинаково ко всем.

§ 2. Когда же Конрад отправлялся в Рим, вассалы, состоявшие на его службе, просили, чтобы он обнародованием особого закона соизволил передавать феод внукам по сыну, и чтобы по смерти брата, умершего без законного наследника, брат наследовал бенефиций, находившийся в руках их отца.

§ 3. Если же один брат получит феод от сеньора, то, по смерти его без законного наследника, брат не наследует феода, ибо, даже если бы они получили феод вместе, один другому не наследник, если это прямо не оговорено....

§ 4. А вот что надо заметить: хотя дочери по законам наследуют отцам, как и мужской пол, однако, они устраняются от наследования феода; равным образом и сыновья их, если не будет особо оговорено, что наследование распространяется и на них.

Глава V. Каким образом утрачивается феод

...Теперь посмотрим, как феод утрачивается. Если сеньор будет сражаться в открытом бою, и вассал покинет его в самом бою не мертвого и

* Ломбардское феодальное право, принятое (реципированное) в Германии.

не смертельно раненного, то вассал лишается феода. § 1. Равно если вассал наставит рога своему сеньору, или замыслит сделать это, или срамно поиграет с его женой, или если вступит в связь с дочерью, либо с внучкой по сыну, либо с невесткой его, либо с сестрой сеньора, то по закону лишается феода. Равным образом, если нападет на сеньора, или замок его, зная, что там находится сеньор или жена сеньора. Равно, если убьет его брата или племянника, т.е. братнего сына.

Глава VII. О природе феода

Природа феода такова, что если государь инвестировал каким-либо феодом своих капитанов, т.е. маркграфов, графов и тех, которые ныне называются капитанами в собственном смысле, то он не может лишить их феодов без вины. § 1. То же самое, если инвеститура совершена капитанами и старшими вассалами, которые ныне называются капитанами не в собственном смысле. Если же инвеститура совершена меньшими или самыми младшими вавассорами, тогда иное дело. Таких можно лишать феода помимо всякой вины, если только они не находятся в Римском походе (в таком случае к меньшим вассалам отношение то же, что и к большим) или если они не купили себе феода (тогда надо вернуть его цену), согласно давнему и разумному обычаю. Нынешние же различают не так тонко и говорят, что к меньшим вассалам надо применять то же, что сказано про старших.

Глава XIII. Об отчуждении феода

Если вассал захочет отчудить часть своего феода до половины без разрешения сеньора, он волен сделать это; дальше половины он идти не может, согласно справедливому и правому обычаю; иначе он теряет феод, а сделка его недействительна.

Глава XXI. Феод без вины не утрачивается

Мы постановляем, чтобы ни один рыцарь не утрачивал своего бенефиция без установленной вины, если он приговором своих равных не будет уличен в нарушении обязательств, обычно перечисляемых рыцарями, когда они приносят присягу верности своим сеньорам, либо если он не откажется служить своему сеньору, — тогда, по выяснении проступка, назначается срок для вытребования феода, с которого он не служит сеньору. Ибо если будет установлено, что он не служил своему сеньору двадцать лет и свыше, а сеньору в этой службе не было нужды, то он не теряет феода.

Глава XXVI. Если между сеньором и вассалом возникает спор из-за инвеституры

Если между сеньором и вассалом возникнет спор из-за инвеституры, причем сеньор будет утверждать, что он не давал инвеституры, и дело не может быть доказано свидетелями, то оно решится присягой владеющего [феодом]. То же соблюдается относительно их наследников. Если же присутствовали свидетели, и вассал приглашает их свидетельствовать, то дается вера их свидетельству под присягой. Свидетели же — пэры его, держащие феоды от того же сеньора. Если же таковые при инвестировании отсутствовали, то допускать и чужих, которые равным образом, дабы они при желании не могли скрыть правду вследствие приязни, корысти или иной какой-либо причины, принуждаются к присяге графом и народом в том, что они не скажут лжи и не утаят правды. Если же те не принудят их, то вассал с сеньором поспешают к императору, выясняют ему дело, и, что меж ними порешит император — соблюдается. Если же вассал обещается прийти лично или послать кого-нибудь, то со времени обещания в течение года он спокойно пользуется [феодом]. Если же в течение года не явится к королю и никого не пошлет, то дело окончательно решается клятвой сеньора. Если же свидетели, дав вышеуказанную клятву, [как-нибудь] скажут, что они не присутствовали, то дело вершится сообразно клятве [одного] сеньора.

Книга 2-я

Глава II. Что такое инвеститура

Инвеститурой называется собственно владение; обычно же инвеститурой зовут, когда копье или что-либо другое вещественное передается господином феода со словами, что он дает инвеституру...

Глава V. Как вассал должен приносить клятву верности сеньору

Посмотрим, как вассал должен приносить клятву верности. Клясться он должен так: клянусь на сем Святом Евангелии, что отныне и впредь буду я верен такому-то, как должен быть верен вассал своему сеньору, и не сообщу сознательно кому-либо в ущерб сеньору, что он мне доверит во имя верности...

Глава XXII. О вассале-рыцаре, который слагает с себя военные доспехи

Если рыцарь, держащий бенефиций, но не имеющий детей, вступит в честную обитель и, отказавшись от мира, сложит военные доспехи, наденет монастырское одеяние и так обратится к Богу*. Он пытается удержать феод, покуда жив, а сеньор или родня доказывают, что феод идет

* Далее сообщается предполагаемый типичный случай (casus).

[теперь] им. Постановлено: сеньор или родня более правы, ибо тому, кто перестал быть воином мира сего и стал воином Христа, не идет тому служилая земля (beneficium), ибо нет у него службы (officium).

Глава XXII. О рыцаре-вассале — ослушнике

Призывает сеньор рыцаря, держащего от него феод, указывая, что он впал в вину, за которую должен потерять феод; а тот не отзывается; спрашивается, что делать сеньору? Ответ: призвать его в курию, и если не явится, звать вторично, и так до третьего раза, определяя сроки, согласно указанию курии, *в семь или десять дней. Если не явится на третий зов,* тем самым теряет феод. И тогда курия вводит сеньора во владение...

Если же вассал имеет жалобу на сеньора, например, что тот вступил в феод не по закону; сеньор же отвечает уклончиво; что, спрашивается, делать вассалу? Ответ: вассал должен воззвать к курии и в ней заявить жалобу на сеньора. Курия же должна обратиться к сеньору и с надлежащим почтением принудить его либо вернуть владение и успокоиться, либо предоставить решение дела курии. Если тот после троекратного увещания не выполнит этого, тогда вассал может пойти к иной высшей власти и найти себе там управу. А если сеньор не захочет соблюсти его права, он может его грабить.

Глава XXIV. Какова *первая причина потери бенефиция*

Первая причина потери бенефиция такова: если вассал через год и день после смерти сеньора все еще не явится с обещанием верности и просьбой об инвеституре к наследнику своего сеньора, как неблагодарный, теряет он бенефиций. И наоборот, если сеньор жив, а умрет вассал, и сын его в течение того же времени не озаботится о получении инвеституры, он теряет бенефиций...

Далее, если он нападет на своего сеньора или на деревню, в которой находится сеньор, или поднимет где бы то ни было свои нечестивые руки на особу сеньора, или нанесет ему иные тяжкие и позорные обиды, или посягнет на жизнь его ядом, мечом, или иначе как — теряет бенефиций. Самая же справедливая причина отнять бенефиций, если та служба, за которую дан бенефиций, не исполняется.

№ 20. Статут графа Раймунда Беренгария 1235 г.

О помощи и талье

Постановляем, что государь граф может требовать помощь в нижеследующих случаях. А именно: один раз, отправляясь к императору не оружный, и каждый раз, если он по требованию императора идет к нему оружный.

А если мы сказали «один раз не оружный», то мы имели в виду поездку того же графа к одному императору. Также, если посвящается в рыцари он или старший сын его, будущий граф, он может требовать помощь. Также, если он выдает дочь или дочерей замуж, он может требовать помощь на каждую из них, но лишь единожды. Если же мы говорим «буде он идет к императору оружный», или за море, то мы имеем в виду, что нет тут ни обмана, ни хитрости. Если же кто из баронов или рыцарей оружно идет с графом к государю императору, то граф не должен требовать помощь с людей их... А когда мы говорим «если он оружно пойдет за море», то мы имеем в виду, что он переправился с войском крестоносцев на помощь святой земле... Постановляем также, что ни в каких других случаях государь граф не может требовать помощь ни от рыцарей своих, ни от других подданных. Постановляем также, что государь граф, кроме вышеуказанной помощи, может требовать... с дыма по шести королевских солидов, но не более, кто бы это ни был. «Дымом» же владеет тот, кто имеет собственный дом в городе, замке или деревне.

№ 21. Феод епископского плотника (XIII в.)

Вот феод Леобина плотника.

Да имеет он [землю] с доходом в 50 солидов и с правом продажи [дохода], а также все права и преимущества, кроме суда крови и поединка*. За это он собственной персоной обязан работать, буде понадобится, в доме епископа, а также на его винодавильне. И каждый день, когда он работает здесь, полагается ему утреник и обед достаточный, а также вино в час девятый и в вечерю, а на дом два белых хлеба и полсекстария вина; то же, кроме утреника и вина в девятый час, получает он по воскресным и праздничным дням. А какие нужны ему будут во все время работы инструменты, он должен все иметь сам, а дать ему их не могут. И дается ему особая горница, куда класть инструмент железный. А во время уборки винограда давать по секстарию винограда и виноградного сока. Железный же инструмент его, буде он поломается или сносится в работе на епископа, возмещается за счет епископа. И во все дни, когда епископ Шартрский будет в Шартре, пусть обедает, буде захочет, при дворе его за общим столом**. Во время сбора винограда должен охранять он винный погреб денно и нощно, за что и получать соответствующее вознаграждение: за ночь два денария (por haste) [за возложенную сторожевую службу]; а за каждый день, который он пребывает в погребе, получать ему для

* «Высшие» судебные права.

** По этикету того времени господин (в данном случай епископ) всегда кушал за отдельным столом.

отсылки домой по два белых хлеба и полсекстария вина. В праздники Св. Девы, в Рождество, Пасху, Вознесение, Троицын День и Всех Святых получать ему по четыре белых хлеба и по секстарию вина для отсылки домой; в заговенье* — четыре белых хлеба, да секстарий вина, да курицу, да кусок солонины.

№ 22. Девизы средневековых сеньоров

Иногда в виде игры слов, например, девиз графов Немур Савойских (de Savoie).

Suivant sa voye. Иду своей дорогой.

Часто в виде гордых заявлений. Например, девиз Филиппа Доброго, герцога Бургундского:

Autre naurai. Другим не стану.

Или Жана de la Tremouille:

Ne moubliez. Помни меня.

Или Шарля de Croy:

Je maintiendray. Я удержусь.

Девиз его отца, Филиппа de Croy:

Jy parviendray. Я добьюсь.

Девиз баронов Coucy:

Je ne suis roy ne prince aussi, je suis le sire de Coucy. Я не король и не князь, я барон де Коку.

Девиз Роганов:

Roy ne puis, duc ne daigne, Rohan suis. Королем быть не могу, герцогом — не соблаговолю; я — Роган.

№ 23. Из рыцарского быта (1248 г.)

В эту пору причинили мне беду и обиду те двое, которых я сейчас назову. Один из них был рыцарь Пильгрим, старинный наш вассал, немало послужил он мне, благоволил и я ему — часто бывал он у меня; и мы вместе пировали. Другой — Вейнгольд, я его тоже искренно любил; много с ним было смеху: мужчина он был преогромный; телом неуклюжий, всегда хитроумен в речах, а в душе своей, один Бог ведал, какую таил измену. Дело было на третий день после св. Варфоломея**, в полдень; после бани я отдыхал у себя, когда те подъехали к воротам Фрауэнбурга***. Челядь моя приветствовала их, как полагается; они поблаго-

* Католическое заговенье — вторник на первой неделе Великого поста.

** 24 августа.

*** В Штирии, в округе Юденбург.

дарили по-благородному, ласково, и рыцарь Пильгрим сказал: «Скажите-ка, что делает мой господин?». А мои отвечали: «Господин лег соснуть». Тогда он сказал: «Что за лень! Пойдите и попросите-ка его встать, — желаю с ним немедленно поговорить». Постельничий мой пришел ко мне и известил меня. Я тут же встал, вышел к ним и принял их задушевно; а одет я был в штаны, льняную рубаху, меховую безрукавку и плащ. Я обнял обоих и сказал: «Разлюбезные друзья, привет вам в Господе», — взял их за руку и подвел их к красивой скамье под балдахином. Гостеприимства ради я велел подать выпить и спросил их: «А есть вы хотите?». «Кто спрашивает, знать, угощать не хочет», — ответил Пильгрим. Принесли нам еды, меду и вина. Ели мы и веселились довольно.

И вот начал рыцарь Пильгрим: «Господин мой, не устроить ли нам сегодня к вечеру соколиной охоты?» — «Нет, ради бани на сегодня откажусь». И сказал тогда вероломный: «Ну, сделайте это ради меня, премного вам буду благодарен. Захватили мы с собой двух кречетов и надеялись здесь поохотиться». Тогда я сказал: «Друг, если я могу вам этим услужить, то сейчас же поеду с вами». И вот я велел объявить своим людям, чтобы они вывели в поле и собак, и птицу. Так я отослал своих, и лишь немногие остались со мною, но и тех Пильгрим разогнал, посылая их то за одним, то за другим. Когда я остался наедине с ними, он мигнул своим оруженосцам; из них двое стояли наготове и подошли теперь к моей башне. Вейнгольд же и Пильгрим вскочили, выхватили ножи, набросились на меня и нанесли мне три раны, а Пильгрим обмотал мне шею моей же безрукавкой и плащом и поволок меня к моей башне. Я громко и жалостно взывал: «Горе, горе! Что я вам сделал? Ради Создателя, пощадите мою жизнь!»

Слуг своих они до того оставили при воротах, а теперь те осмелились ворваться в дом и выгнали оттуда всех моих людей, какие только были там. Жена моя подбежала ко мне и воскликнула: «Батюшки, что же это такое!» Тогда те вероломные сказали: «Коли дорога вам честь ваша, государыня, уходите-ка сейчас за ворота, там найдете вы своих людей, с ними и убирайтесь. Нам же нужен он и все его добро, не то пришел его последний час». Посмотрела она, сердечная, на меня со слезами, я же сказал: «Уходите скорей, ибо дорога ваша честь, и не пребывайте долее со мною». И пошла она с детьми к воротам. «Государыня, оставьте-ка у нас своего сына», — сказал ей Пильгрим, схватил у нее ребенка и отобрал у женщин одежду и драгоценности; все это он взял вопреки рыцарскому обычаю, а их выгнал за ворота; сын же мой остался со мной.

И пришлось жене моей и челяди поневоле уйти, и отправились они в скорбях прямым путем в Лихтенштейн*. Скоро разнеслась весть по

* Недалеко от Фрауэнбурга.

всей округе, и немедля собралось друзей моих сотни две с половиной, а то и больше. И вот юденбургские друзья мои быстро снарядились и подступили к Фрауэнбургу, не на радость мне, ибо я из-за этого чуть жизни не лишился. Как только они подошли к бургу, взял меня Пильграм, вывел на балкон и сказал: «Коли хотите сохранить свою жизнь, так велите им убраться». И накинул он мне веревку на шею и воскликнул: «Вот я вас сейчас повешу с балкона, прямо перед ними, чтобы у них прошла охота идти на нас приступом. Мне же они ничуть не страшны». Жалостно возопил я тогда к своим друзьям: «Что вы делаете, безумцы, убить вы меня хотите! Не освободить вам меня таким образом из этой беды! Подойдете вы — конец мне, а с ним вы все равно ничего не поделаете». И грозил я, и умолял, пока они не ушли, оставив меня в плену. Великую скорбь претерпел я в эту ночь, не раз мне грозили смертью, как только рассветет. С наступлением дня стал я готовиться к смерти. Пошарил я, нет ли в башне, где меня держали, хлеба; я нашел несколько крох, со слезами подобрал их, преклонил колени и оплакал грехи свои перед Тем, Кто видит сердце людское, перед Кем ничто не утаится; со слезами приобщился я хлебом, как Телом Его, и поручил Ему свою душу.

Тут вошел ко мне Пильгрим, грозя меня убить. «А коли хотите еще пожить, сказывайте, сколько дадите». Я ответил: «Даю вам все, что есть у меня, и что я когда-либо смогу добыть». Как ни был он злобен, слова эти помогли, и я был спасен; видно, он думал: возьму его добро, а затем все-таки натешусь над ним. И велел он приковать меня к тяжелой — претяжелой цепи, и тяжко потянулись отныне дни мои. И в этой скорби сердце подсказало сложить песнь даме моей. Многим, пожалуй, покажется удивительным, что я сложил новую песнь, находясь в такой беде; я же лишь помнил ту, которую я избрал владычицей жизни моей.

В плену я пробыл год и три недели. Много я пережил жуткого, не раз смерть стояла предо мной; сколько раз тот в гневе своем бросался на меня с ножом или мечом и едва не убивал меня.

Но вот император поставил над Штирией графа Мейнгардта. Когда честному мужу сему сообщили о моем пленении, он опечалился в сердце своем; бесстрашно подступил он со многими рыцарями к Фрауэнбургу и освободил меня; в обеспечение договора я должен был оставить двух сыновей да еще двух детей*. Впоследствии я выкупил свой бург; какой ценою — умолчу, лучше поговорю о чем-нибудь повеселее. Избавившись от опасности, я опять стал тем, чем был прежде; много потерял я добра, но — что важнее — я вернул себе прежнюю жизнерадостность и стал слагать

* Т.е. двух дочерей; считали обыкновенно только мальчиков.

новые песни. Но захирела подлинная радость в Штирии и Австрии, жили все тускло: богачи ненавистничали и обижали друг друга, помышляя только о грабеже; служение даме иссякло; кто моложе, порочно расточали свое добро: разбойничать стало им впривычку, и худой им был конец.

V. МОНАСТЫРЬ И ЦЕРКОВЬ

№ 25. Монашеский устав Бенедикта

I. О различных видах монахов

Как известно, существует четыре вида монахов. Во-первых, киновиты, т.е. братия монастырская, живущая по уставу и под началом аббата. Затем второй род — анахореты, т.е. такие отшельники, которые не с пылом молодого послушника, а испытанные долгим монастырским пребыванием научились, на утешение многим, сражаться с дьяволом и, уже хорошо наученные и наставленные, выступив из братского строя на единоборство, в добром уповании, одни, без поддержки кого-либо, единолично и собственноручно достойно борются, с Божьею помощью, против вожделений плоти и мысли.

Третий же род монахов — мерзейшие сарабаиты; они, как известно, не искушенные никаким уставом, не испытанные ничьим учительством, подобно золоту в горниле, но, размягченные, подобно свинцу, хранят верность делам века сего, а Бога обманывают своей тонзурой; вдвоем, втроем или водиночку, без пастыря, живут они не в Господней овчарне, а в своей собственной; закон их — веление страстей; что помыслят и пожелают, то им и свято; что не по ним, то не дозволено. Четвертый род монахов — бродячие (gyrovagi), которые всю жизнь свою кормятся в разных местах, оставаясь три ли, четыре ли дня; вечно они шатаются, нигде не оседают, служа страстям своим и поддаваясь соблазну обжорства; во всем они еще хуже сарабаитов; о всей скверностной жизни тех и других лучше умолчать, чем говорить.

V. О послушании

Первая ступень смирения — беспрекословное послушание. Сие надлежит всем, для кого ничего нет дороже Христа. Ради святого служения, которое они обещали, или ради страха геенны, или ради славы жизни вечной, они не должны ни мгновения медлить, раз что-либо прикажет старший, как если бы это приказал сам Бог. О сих говорит Господь:

«Слухом ушей повиновался мне». Он же говорит ученикам своим: «Слушающий вас Меня слушает».

Итак, сии, оставив немедленно все свое, отказавшись от собственной воли, вскоре освободив руки свои и оставив неоконченным занятие свое, послушной стопой поспешают делами своими за гласом приказующего, и точно в единый миг веление наставника и исполнение ученика — то и другое, окрыляемое страхом Божьим, — совершается одновременно, наибыстрее.

Кого охватит любовь к достижению вечной жизни, те и взыщут узкого пути (поелику Господь говорит: «Тесен путь, ведущий в жизнь»), так что, живя не по своему хотению и повинуясь не своим стремлениям или вожделениям, но ходя под чужой волею и властью, живя в киновиях [общежитиях], жаждут иметь над собой аббата. Таковые, без сомнения, подражают словам Господа, говорящего: «Я не пришел творить волю Мою, но Того, Кто послал Меня». Но самое послушание сие тогда будет угодно Богу и приятно людям, когда повеленное исполняется бестрепетно, безропотно, безотлагательно, ревностно и безответно, ибо послушание, оказываемое старшим, Богу воздается; ведь сказано: «Слушающий вас Меня слушает». И повиноваться ученики должны с ясным духом, ибо «доброхотно дающего любит Бог». Когда же ученик повинуется не от души и ропщет хоть не устами, а только в сердце своем, то, и исполнив, не угоден он будет Господу, видящему ропот его сердца, и таковым исполнением не достигнет он милости, но подпадет каре, положенной за ропот, если не исправится и не искупит вины своей.

VI. О молчании

Будем поступать по словам пророка [Псал. 38, 2—3]: «Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои; я был нем и безгласен и молчал даже о добром». Так свидетельствует пророк. Если же иногда добрых речей не следует говорить ради молчания, то тем паче надлежит отказаться от дурных слов ради страха греха.

А посему даже добрые, благочестивые и назидательные речи пусть разрешаются и совершенным ученикам*, ради великой важности молчания, лишь изредка, ибо сказано: «При многословии не миновать греха», и еще: «Смерть и жизнь — во власти языка». Ибо говорить и поучать приличествует наставнику, молчать же и выслушивать надлежит ученику...

* Т.е. монахам, не послушникам.

VII. О смирении

Взывает к нам, братия, Св. Писание: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится». Говоря сие, Писание указует, что всякое самовозвышение — род гордости; сего надлежит остерегаться, как наставляет пророк, говоря: «Господи, не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое. Не смирял ли я и не успокаивал души моей, как дитяти, отнятого от груди матери?»

Отсюда, братия, если хотим мы достичь вершины высшего смирения и скоро дойти до того небесного возношения, до которого восходят через смирение в жизни здешней, то в деле нашего восхождения должна быть воздвигнута та лестница, которая явилась во сне Иакову...

Итак, первая ступень смирения, когда человек, всегда имея перед собою страх Божий, николи не забывает это, всегда помнит все, что заповедал Господь... [Далее: нужно обуздать свои 1) мысли, 2) волю и 3) хотение]...

Шестая ступень смирения, если монах остается доволен при всяком утеснении и крайности, и, что бы ему ни приказывали, он должен считать себя недостойным и дурным исполнителем, говоря с пророком: «Был я невежда и не разумел; как скот был я перед Тобой. Но я всегда с Тобою».

Седьмая ступень смирения, если не только на словах объявит он себя ниже и хуже всех, но будет верить этому в глубине сердца своего, говоря с пророком: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе»....

Десятая ступень смирения, если не легко и не быстро предается смеху, ибо сказано: «Глупый в смехе возвышает голос свой».

Одиннадцатая ступень смирения, если монах говорит мягко и без смеха, смиренно, но значительно, говорит мало и рассудительно и не громогласен в речи своей, ибо сказано: «Муж благоразумный проявляет себя в немногих словах»*.

Двенадцатая ступень смирения, если монах обнаружит смирение перед всеми, смотрящими на него, не только духом, но и телом, т.е. в деле Божьем, в храме, в монастыре, в саду, в пути, в поле и где бы то ни было, сидя, идучи и стоя, пусть всегда будет с наклоненной главой и устремленными в землю глазами...

XVI. Как на дню служить Богу

Говорит пророк: «Семикратно в день прославляю тебя». Это семеричное священное число нами исполнится, если мы будем совершать долг

* Указанного текста в Вульгате нет.

нашего служения в заутреню, в час первый, третий, шестой, десятый, в первую и вторую вечери*...О ночной же службе тот же пророк говорит: «В полночь вставал славословить тебя». А посему... и ночью поднимемся славословить Его.

XXX. Как наказываются мальчики меньшего возраста

Всякому возрасту и разуму — особливые меры. А посему, если мальчики, по малолетству или по малому разумению, совершат грех, за который полагается отлучение, то их усмиряют строгими постами, обуздывают тяжким сечением, дабы исцелились.

XXXII. О железных** и иных вещах монастыря

Пусть аббат из монастырского железа, одежды или иных вещей раздает тем братьям, в благонравной жизни которых он уверен, и пусть обозначит он точно, по своему усмотрению, что нужно сохранить и вернуть. И пусть аббат ведет этому список, чтобы он — хотя братья и меняются в работе — знал, что дано и что обратно получено. А кто неопрятно или небрежно будет обращаться с монастырскими вещами, наказывается; если не исправится, подвергнется наказанию по уставу.

XXXIII. Должны ли монахи иметь какую-нибудь собственность

Особливо этот порок нужно с корнем вырвать из монастыря. Чтобы никто не смел что-либо давать или принимать без благословения аббата, или иметь что-либо в виде собственности, никакой вообще вещи ни книги, ни дощечки для письма, ни грифеля, ни вообще чего-либо.

XXXIX. О количестве пищи

Полагаем достаточным для ежедневной еды как в 6-й, так и в 9-й часы*** во все месяцы, по два горячих блюда, ради болезненности многих, дабы, если кто-нибудь не может есть одно, он питался другим. Итак, два горячих блюда достаточны для всей братии, буде же случатся яблоки или овощи, то прибавляется и третье. Фунта хлеба весового должно

* Заутреня — в три часа утра; час первый — 5 час. утра; час третий — 8 ч.; шестой — 11 ч.; девятый — 2 ч. дня; вечеря — 4 ч.; вторая вечеря — 6 час.

** Железо — редчайший предмет. Даже в XI в. поэт (Robert Wace), восхваляя безопасность во владениях герцога Роллона Норманского, говорит: «Пусть никто не снимает железа с сошника и не скрывает его в бороздах и не уносит домой, опасаясь воровства».

*** Т.е. 11 или 12 часов и 2 или 3 часа дня.

хватить на день, будет ли одна трапеза или завтрак с обедом. Если полагается обед, то из того же фунта третья часть удерживается келарем для раздачи обедающим. Если случится большая работа, то от власти и благоусмотрения *аббата* зависит, буде нужно, прибавить, но избегая, паче всего, объеденья; дабы никогда несварение не касалось монаха, ибо ничто столь не противно христианину, как объеденье. По словам Господа Нашего: «Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объеденьем»... От еды же мяса четвероногих пусть все и всегда воздерживаются, кроме совершенно слабых и больных.

XI. О количестве вина

...Полагаем полмерки* вина достаточной на день для каждого. Кому же Господь дает силу воздержания, те пусть ведают, что будет им особливая мзда [на небесах]. Если же условия местности, или тяжелый труд, или летний зной потребуют большего, то давать по усмотрению аббата, соблюдая всячески, чтобы не дошло до пресыщения и пьянства. Конечно, мы читали, что пить вино — не монашеское дело, но так как в наши времена убедить в этом монахов нельзя, мы согласились хотя бы на том, чтобы не пить до пресыщения, а умеренно, ибо «вино развращает и разумных». Если же по условиям местности нельзя достать вышеуказанного количества, а много меньше или совсем ничего, то пусть обитающие там благословляют Господа и не ропщут, памятуя прежде всего, что надлежит им быть безропотными.

XLIII. О ежедневных трудах

Праздность — враг души, а посему в определенное время братья должны быть заняты трудом телесным, в другое же время — душеспасительным чтением. А посему считаем нужным распределить то и другое время так, чтобы от Пасхи до 1-го октября, выйдя рано, с часа первого** и почти по четвертый, они работали, что будет нужно; с четвертого же часа и вплоть до шестого пусть слушают чтение***. После шестого же часа, поднявшись от стола, пусть отдохнут на ложах своих при полном молчании; буде же кто захочет читать для себя, пусть читает так, чтобы не беспокоить другого. Час девятый совершается раньше, в половине восьмого часа, и вторично пусть работают, что нужно, до вечери. Если же местные условия или бедность потребуют, чтобы они сами занялись сбором

* Т.е. полсекстария; секстарий равен 0,89 бутылки.
** Счет «часов» см. в примеч. к гл. XVI.
*** Так наз. lectiones.

лодов, да не огорчаются, ибо тогда они воистину монахи, буде живут рудом рук своих, как отцы наши и апостолы. Все же работы пусть начаются точно из-за малодушных.

От 1-го октября до начала Четыредесятницы пусть слушают чтение плоть до исхода второго часа. Во второй же час исполняется служба часа третьего, и до девятого часа пусть все работают свое дело, какое им укажут. При первом же ударе к девятому часу пусть всякий отрывается от работы и ждет, пока ударят во второй раз. После же трапезы пусть слушают чтение или поют псалмы.

В дни же Четыредесятницы с утра и вплоть до третьего часа пусть слушают чтения, а [затем] вплоть до десятого — работают, что им прикажут. В эти дни Четыредесятницы пусть все получат из библиотеки по книге, которую и читают по порядку, целиком; книги эти выдавать в начале Четыредесятницы. Пусть будут также приставлены один или два старца обходить монастырь в часы, когда братия прилежит чтению, и смотреть, чтобы кто-либо из братьев не впал в уныние, предаваясь праздности или празднословию, и, не прилежа чтению, не был бы не только бесполезен себе самому, но и вреден другим... И да не ходит брат к брату в неуказанные часы. В день же воскресный пусть прилежат чтению все, исключая лишь тех, которые поставлены на разные службы.

LIII. О приеме странствующих (hospites)

Все странствующие без разбору принимаются, точно Христос, ибо сказал Он: «Я был странником, и вы приняли меня»... А посему, как только доложат о страннике, пусть встретят его и аббат, и братия со всяким делом любви, и прежде всего пусть помолятся вместе и так воссоединятся в мире. И чтобы поцелуй мира, в виду дьявольских наваждений, дался лишь по произнесении молитвы... С особым же тщанием принимать нищих и пилигримов, ибо в лице их более всего принимается Христос; ведь богатого чтут уже из боязни.

Кухня аббата и странноприимный дом (hospicium) чтобы были вместе, дабы приходящие в разное время странники — а их всегда много в монастыре — не беспокоили братию.

LIV. Может ли монах получать письма и иное что

Монах никоим образом не должен получать писем от родных или от кого-либо из мира, ни писать им, а также не должен принимать или дать приношения и подарки без благословения аббата.

LVIII. О порядке принятия новых братьев

Если кто внове приходит для вступления в монастырь, не делать ему вступление легким, ибо говорит апостол: «Испытывайте духов, от Бога ли они». А посему, если пришедший настоятельно будет проситься и в течение четырех или пяти дней, по-видимому, терпеливо будет переносить наносимые ему обиды и отказ в принятии и будет настаивать на своей просьбе, то разрешить ему вход: пусть будет несколько дней в помещении странников; потом же пусть будет в помещении испытуемых, там он и размышлению предается, и ест, и спит. Там приставляют в нему старца, опытного в просветлении душ... По истечении двух месяцев читается ему сей устав по порядку и говорится ему: «Вот закон, коего воином ты хочешь быть; коль можешь соблюсти, вступай; если не можешь, отыди с миром». Если и тут он будет стоять на своем, то снова отводится он в помещение испытуемых и снова испытуется во всяческом терпении. И по истечении [еще] шести месяцев [опять] читается ему устав, чтобы знал он, на что идет. Если и теперь стоит на своем, то через четыре месяца ему опять читается устав... [дальше идет описание обряда принятия, между прочим и следующее указание: Если есть у него имущество, пусть раздаст сперва бедным или торжественным дарением передаст монастырю, ничего себе самому не оставляя, ибо с этого дня, пусть знает, ничто не принадлежит ему, даже собственное его тело].

LXVI. О монастырских привратниках

К вратам монастырским приставляется старец мудрый, способный выслушать и передать ответ; зрелый возраст его не позволит ему отлучаться без нужды...

Монастырь же, если сие возможно, так должен быть устроен, чтобы все необходимое, т.е. вода, мельница, рыбный садок, огород и разные ремесла были внутри монастыря, дабы не было монахам необходимости выходить за стены, что вовсе не служит на пользу душ их.

А сей устав пусть читается возможно чаще в общем собрании, дабы никто из братии не мог извиняться незнанием.

№ 26. Учреждение монастыря и история его владения (полов. XIII в.)

О личности учредителя

Был некогда клирик по имени Николай, происходивший от родителей не очень знатных, но и не слишком низких, а из среднего дворянст-

ва Краковской земли. Сей Николай во времена славного герцога Генриха скромно прибыл в нашу землю Силезскую и не имел в то время здесь ни вотчины, ни иных владений, ни вообще какого-либо клочка земли. Пристроился он с первых же пор у некоего каноника Лаврентия, который в то время был главным нотарием вышеупомянутого герцога Генриха. Но так как Николай имел перо быстрое и соблюдал себя во всей строгости, Лаврентий приблизил его к себе и, узнавая его все лучше и лучше в делах герцогства, все чаще стал расхваливать его перед герцогом, когда оставался с ним наедине.

...И случилось вскоре, что сей Лаврентий вознесен был на кафедру Любужской* церкви, а Николаю была поручена самим герцогом, по единогласному решению старших, должность главного нотария, т.е., вернее сказать, управление всей землей Силезской. Велико произведение Господа! Как некогда Иосифа в Египте, так ныне Николая в нашей земле возвысил Он во славу имени своего, чтоб один помог присным своим в годину бедствий, а другой, устроя монастырь сей**, приумножил пути спасения и вечного блаженства для многих подвизающихся здесь...

И явился у Николая достаток, стал он обогащаться и приобретать с разрешения герцога вотчины и владения в разных местах. Герцог полагал, что по смерти Николая все эти вотчины вернутся к нему и его потомкам. Так думал герцог, но Господь Всемогущий просветил сердце раба Своего святым помыслом.

...Стал Николай помышлять, как бы положить начало монастырю и осуществить его, насколько хватит средств, во славу Господа и Иоанна Крестителя***...

Названия поместий господина нашего Николая

Вот поместья, какими владел при жизни своей господин Николай и какие закрепил за монастырем и братией герцог. Прежде всего Генрихово с округой, где и учрежден монастырь; затем....

О том, что Генрихово составлено из многих частей

Относительно Генрихова заметь, что ранее оно называлось Янушево, и по следующему соображению. Там, где берет начало ручей, протекающей через поместье, сидели в старину два мелких дворянина, родные братья; старшего звали Янушем, откуда и само место в то время

* Теперь Leubus, на Одре, севернее Бреславля.

** Heinrichow, на юг от Бреславля.

*** Далее подробно сообщается, как Николай при содействии местных епископов добился разрешения (и подтвердительной грамоты) герцога; учрежден монастырь «серых братьев» (grisei), т.е. цистерцианцев.

прозывалось Янушевым; младшего звали Доброгостем*. Его, именно Доброгостя, еще до того, как он женился, за разбой изгнали из Силезии; брат же старший, Януш умер без наследников. Посему Николай наш, служивший в то время герцогу, видя, что вотчина сия пустует, испросил ее себе в дар от герцога.

Первое владение господина нашего Николая

Это было первое владение, полученное господином Николаем в земле сей. А было Янушево в то время размеров малых.

О происхождении названия Генрихова

Был в то время некий Генрих, который сидел около истока того ручья, который впадает в Морину, протекающую около монастыря. Этот Генрих жил, как рыцарь (habebat se pro milite), а границы его владений доходили до ручья, который прозывался у древних ляхов Яворовка, называясь так по своему источнику**. Ручей этот ныне протекает через Генрихово, а в то время разделял Янушево и владения рыцаря Генриха. А Генрих сей — родоначальник тех, которые теперь прозываются Челавичи***.

О месте, где ныне монастырь

В то время жили по эту сторону Янушева некие крестьяне герцога, имевшие добрую долю земли; жили они на том месте, где теперь стоит монастырь. Заметь, что среди этих крестьян двое выдавались своим значением. Одного звали Крепким, другого Суком, почему и место называлось Суковичами. И возникла ссора между Крепким и Суком, так что они друг друга убили. А по смерти тех разбежались все остальные крестьяне****. Тогда господин Николай, видя поля Суковичей пустующими, с согласия герцога присоединил их к своему владению Янушеву. Заметь, что вышеуказанные крестьяне владели землей вплоть до дороги, которая теперь разделяет Челавичи и Мужковичи*****.

О мене господина Николая с Генрихом******

...А теперь скажем, почему вся земля, на которой построен был монастырь, стала называться Генрихово... В древние времена в Янушеве сто-

---

* И поныне в небольшом отдалении существует деревня Dobergast.

** См. ниже на этой странице.

*** Еще и теперь деревня Zesselwits в непосредственном соседстве с Heinrichow

**** Избегая, по-видимому, родовой мести, т.е. дальнейшей цепи убийств.

***** Ныне Moschwitz.

****** В результате этой мены (очень мелкой) к монастырю отходит часть владений рыцаря Генриха.

ло большое дерево, платан, по-польски зовется «явор». Подле дерева был сточник, получивший по дереву название Яворовка; из этого источника ерет свое начало ручей, ныне протекающий через Генрихово, и зовется Ягельно потому, что древние ляхи по берегам его часто сеяли просо*...

О срубке сего прославленного дерева

Когда же господин Николай обменялся с вышеуказанным Генрихом, н велел срубить упомянутое дерево и этим уничтожил название поместья нушево, которое вместе с землей Суковичей и назвал Генрихово в честь ерцога.

О Колочеве** с округой

В давние также времена... сидел некий крестьянин герцога, по имеи Клоч***. Но так как в те времена земля была лесиста и не населена, о сей крестьянин господствовал тогда над многими рощами и лесами в крестности. Посему и вся округа издревле зовется Колочево...

Каким образом господин Николай получил Колочевскую долю

...Знай, что потомство Клоча, увеличиваясь из поколения в поколение, се более и более слабело [от разделов], и господин Николай застал наледников этого крестьянина в скудном достатке. И вот, в виду их бедости, он одарил их и с их доброго согласия удалил с этих земель, а поля х, сколько они имели, присоединил к своему Генрихову.

Кончается рассказ о причине, почемумонастырь зовется Генрихово.

Теперь, братие, известно вам, из каких малых частиц собрано Генриово и почему оно так прозывается. О Генрихове довольно. Теперь о Зенковичах****.

А о Зенковичах скажем, как и почему монастырь владеет частью их. те времена, когда учреждался монастырь, жил некий рыцарь, не из оследних, по имени Альберт..., сидевший в Теплых Водах*****. Сей Альерт женился на дочери некоего знатного по имени Дирзикон******. Роилась у них дочь, а мать при ее рождении тут же умерла. По кончине ее льберт отдал монастырю [небольшую] часть вотчины своей в Теплых

---

* Iagel — просо.
** Деревня, ныне не существующая.
*** Cloc — чурбан.
**** Ныне деревня Zinkwiz.
***** Ныне Tuppliwode.
****** Близкого соседа; в 6 верстах от Теплых Вод и ныне село Diersdorf.

Водах... Дарение сие совершилось в 1229 году. В этот же год Альберт за грехи отца своего и свои собственные пошел в Пруссы*. Но прежде чем пуститься в сей поход, он перед лицом герцога и баронов обещался: если он-де не вернется, то монастырь получит всю его землю в Теплых Водах в вечное владение; если же вернется, то монастырь будет владеть лишь той частью, которую он подарил раньше. Но так как в те времена люди были просты, без всякой хитрости, то не испрошены были на это грамоты от господина герцога. А он, т.е. Альберт, вернулся из Пруссов цел и невредим, женился затем на немке, и родились у него сыновья и дочери. Монастырь же при нем и его сыновьях в течение многих лет мирно владел землею, дарованной в Теплых Водах.

Что приключилось в земле сей после нашествия поганых**

Когда же поганые вступили в сию землю, причинили много зла и горя и убили славного герцога, тогда рыцари стали распоряжаться в земле сей; и каждый тянул себе из вотчин герцога ту, которая ему полюбилась. Тогда и Альберт приобрел для себя две соседние вотчины герцога, а именно Зенковичи и Кубичи***, за бесценок у юного герцога Болеслава****.

[Затем Альберт присоединил эти вотчины к Теплым Водам, поселил здесь немцев и для испомещения их уговорил аббата монастыря обменять монастырский участок в Теплых Водах на равный участок в Зенковичах].

Вот, братие, изложены вам причины, почему вы владеете Зенковичами. Но так как мы написали сие, то подобает сказать нам и о тамошней десятине и ее сборе. Начинается рассказ о десятине с Зенковичей.

[Относительно величины десятины было соглашение между епископом Бреславльским и Альбертом, почему часть десятины, падавшей на монастырские владения в Зенковичах, вносилась монастырем не прямо епископу, а Альберту].

По смерти Альберта сыновья его... стали говорить, что это платеж не десятины, а ценза. А посему старший между ними, злой тиран, неоднократно утеснял монастырь. Когда же он умирал, то, желая оказать Господу Богу великое послушание, он отказался от ценза. Но вы, братие, и ныне живущие, и будущие, знайте, что никому и никогда ни с этого владения, ни с иного какого-либо вы не должны платить ценза, а только десятину в Зенковичах да еще кое-где.

---

* Т.е. отправился в крестовый поход.

** Т.е. татар (1241 г.).

*** Ныне Kaubitz.

**** Покупка сказочно дешевая: 30 серебряных марок за 30 мансов земли, т.е. всемеро дешевле обычной цены.

Вот начинается рассказ об обмене с Михаилом из Николаевичей*

Среди многих напастей, которые в разные времена после нашествия поганых постигли монастырь, было и то, что некий Михаил... был соседом монастыря... Михаил этот, часто досаждавший монастырю, испоместил на вотчине своей немцев, а посему с тех пор женщины и девушки по праздникам около наших стен водили хороводы. Видя сие, аббат того времени Бодон, исполнившись великой печали, говорил в сердце своем: «Если эти хороводы здесь утвердятся и войдут в обычай, то со временем может произойти великая погибель душ в монастыре сем». А посему, дабы удалить соблазн от монастыря, он часто и много говорил с указанным Михаилом об обмене владений.

[Мена состоялась, а немецкие колонисты были удовлетворены особо: им заплатили за землю, мелиорации, постройки, инвентарь].

Рассказ о Гламбовичах**

...В древние времена, при герцоге Генрихе, недалеко от сего леса сидел некий рыцарь по имени Стефан, а по прозвищу Кобылья Голова***. Сей самый Стефан после смерти господина Николая****, подбил неких крестьян, которые прозывались Пирвошовичами, чтобы они у герцога испросили себе лес Гламбовичи. А так как крестьяне эти были люди герцога, богатые (они ведь были наследными держателями Зенковичей), то они сказали герцогу: «Господин! Лес сей отнят у нас насильственно нотарием твоим, господином Николаем. Мы же, если на то будет твоя милость, должны владеть им по праву наследства: ведь древний Гламб был единоутробным братом деда нашего Пирвоша*****». Герцог поверил им, как людям своим, и отнял лес у монастыря и дал его тем крестьянам. А Стефан Кобылья Голова, видя, что хитрость его удалась, приступил к герцогу и подарил ему боевого коня, который при дворе оценен был в 28 марок серебра. Герцог охотно принял коня и сказал Стефану: «За твою любовь и твой дар проси, что хочешь». Услышав это, Стефан почтительно и радостно обратился к герцогу со словами: «Господин мой, тебе ведомо, сколь охотно я тебе служу, но владения мои скудны. А посему прошу тебя, дабы я мог лучше служить тебе, господину моему, удостой меня пожалованием леса, который только что отошел к тебе». Услышав это,

---

* Деревня ныне не существует. По контексту видно, что она была совсем рядом с монастырем.

** Лес, стоящий и поныне у монастыря.

*** Cobylaglova; отсюда и ныне деревня Kobelau.

**** Т.е. 30/XI 1227 г.

***** Пирвош (Pirwosz) — «Первый», т.е. первый засельник этого края.

герцог велел позвать вышеупомянутых крестьян и пожаловал Стефана вышеуказанным лесом.

Таким образом отошел от нас этот лес в первый год после смерти господина Николая. Вышеназванный Стефан владел некоторое время этим лесом, а затем стал предлагать его в продажу разным лицам, ибо он нуждался и в то время вовсе не дорожил владением-пустошью. Жил в то время в Каменце* некий настоятель по имени Винцент... Ему Стефан и предложил лес Гламбовичи, но оный настоятель, муж престарелый и почтенный, не захотел лишить наш монастырь того леса. И послал он к нашему аббату гонца по этому поводу, советуя ему каким бы то ни было способом выкупить этот лес для своего монастыря. Узнав сие, аббат наш собственноличо отправился к Винценту и сказал: «Коли я куплю этот лес, явятся потом Стефановы наследники и по польскому праву потребуют его обратно». Но тот ответил: «Никоим образом. Оно, конечно, так, отче: издавна повелось у отцов и дедов наших, что коли кто-либо племени польского продаст какую-либо свою вотчину, то наследники могут ее впоследствии выкупить. Но, быть может, вы, немцы, не совсем точно знаете, что такое вотчина. Чтобы вы ясно поняли, я вам разъясню. Если я владею чем-либо, что оставили мне в наследство дед и отец, это и есть подлинно моя вотчина. Если я ее кому-либо продал, мои наследники, по праву нашему, могут вернуть ее. Владение же, которым пожаловал меня герцог за службу мою и верность, я могу продать кому угодно, даже вопреки желанию моих присных, ибо такое владение мои наследники не имеют права требовать обратно. А посему, так как доподлинно известно, что упомянутый лес Гламбовичи не был и не есть вотчина Стефана, а пожалование герцога, вы можете ее спокойно и безбоязненно купить, не опасаясь, что какой-либо наследник Стефана имеет или будет иметь право обратного выкупа, если только в вашем монастыре есть и будут люди, которые сумеют в данном случае отстоять себя по польскому праву».

Вот и разумейте, братие, из сего рассуждения, как вам надобно держать ответ наследникам Стефана Кобыльей Головы

Услышав такую речь, господин аббат купил у Стефана Кобыльей Головы вышеупомянутый лес за 28 марок серебра в вечное владение монастырю. После этой покупки, когда Стефан перед лицом герцога должен был отказаться от леса в пользу монастыря, господин наш герцог, государь дальновидный и богобоязненный, сказал Стефану: «Желаем, чтобы сие было крепко и навеки. Узнай же, что лес сей прежде, в силу моего пожалования, принадлежал господину Николаю, который все свои

* Верстах в 20 к югу от Генрихова.

владения с моего разрешения закрепил за монастырем Генриховом. Иди же и предо мною и моими баронами откажись в пользу монастыря от того, что и прежде принадлежало ему, а господин аббат вернет тебе коня твоего, т.е. столько денег, во сколько он был оценен тогда, а именно 28 марок*». Когда Стефану Кобыльей Голове вручены были тут же деньги, герцог сказал: «Господа бароны и все вы, здесь присутствующие, знайте, что Стефан, грехов своих ради, восстановил и вернул монастырю Генрихову лес свой Гламбовичи, которым владел не по праву, хотя и по нашему пожалованию, ибо лес сей [уже] прежде был собственностью монастыря».

№ 27. Владения монастыря

О пределах бенефиций сего Фульденского монастыря, как мы узнаем из неких свидетельств древних и как находим в истинном предании неких записей многовековой древности, между собой не разнствующих.

В провинции Саксонии сей монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так чтобы каждый имел по пятьсот мансов. Но, о горе! иной князь, побуждаемый жадностью, которая никогда не чувствует себя удовлетворенной, владеет более чем тремя тысячами мансов! И, мало того, влеченные алчной жадностью свыше меры, князья, домогаясь и разинув пасть, вторгаются в священные поместья, вожделеют поглотить доходы братии, своевольно, не по праву берут церковные десятины, присваивают себе людей св. Бонифация и выколачивают из них ценз, какой только хотят. Творя сии и подобные дела, они являются не ревнителями, но гонителями монастыря; навлекая на себя тяжесть апостольского отлучения и поступая вопреки предписаниям королей, они снискивают себе вечное проклятие.

В провинции Тюрингии Фульденский монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так чтобы каждый имел по пятьсот мансов. Но, о горе!... (и т. д.)

[То же самое повторяется относительно владений монастыря в провинциях Гессен, Ветерау, Рейнской, Вормсской, Баварии и Аллеманнии].

Кроме сих князей, наделенных бенефициями, есть еще великое множество герцогов, маркграфов, пфальцграфов, графов, фогтов, судей и прочих князей саксонских, гессенских, тюрингенских, франконских, аллеманских, фризских, лотарингских и других провинций, князей и господ, наделенных бенефициями из владений святого Бонифация, кои, как приличествует, хранят верность и преданность сему монастырю и аббатам и братии, усердно служащим в нем Богу.

* Итак, аббат еще не заплатил условленной суммы.

И пусть никто из читающих не думает, что сие написано в осуждение или для соблазна, но пусть размыслит, что истинно то, что сказали мы. Разве ландграф и сын короля Конрада не стяжали себе бенефиции множества князей — и все еще не сыты? Подобным же образом и многие другие, пораженные недугом алчности, всегда разевают пасть, чтобы насытить свою жадность. И, однако, волей-неволей, умирая, все оставляют здесь. Если кто хранит верность церкви и трудится на защиту дома Божия, тот может надеяться на заступничество святого Бонифация. Ныне же, чтобы не сказать в обиду тем, кто не обращает внимания, какою силою святых отцов основан сей монастырь, сколь великими привилегиями и клятвами апостольского престола укреплена сия досточтимая киновия, сколь великими указами королей и императоров вооружено сие собрание верующих мужей, и сверх того, сколь великими благословениями епископов, архиепископов, кардиналов и прочих святых мужей освящена сия обитель, — скажем, что следует страшиться, как бы после неправого обладания земными благами не обрести вечного проклятия, от него же храни Господи!

№ 28. Заклады монастырю (1236 г.)

Альберт Росбахский*, юстициарий императорской курии, всем верным империи, которые увидят настоящую грамоту, — вечное спасение. Заседали мы вместе с господами знатными и другими заседателями, и предстал перед нами почтенный Зигфрид, аббат Маульброннский*, и получил оный аббат такое наше решение: если кто-либо поручит или заложит что-нибудь из своего имущества, будь то золото, серебро или иное что, аббатам Цистерцианского или иного ордена, то порученное имущество должно быть выдано или возвращено только тому, кто его вручил или тому, кому он сам лично велит выдать...

№ 31. Stabat Mater**

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушеньи
Матерь сыну на кресте:
Душу, полную любови,
Сожаленья, состраданья,
Растерзал ей острый меч.
Как печально, как прискорбно

* В Вюртемберге.

** По францисканской традиции, наиболее вероятной, автором является Джакопоне из Тоди (* 1306). Приводим часть этого гимна в переводе Д. С. Мережковского.

Ты смотрела, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!

На Голгофе, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестного, где был
Распят Сын Твой, — и, разящий,
Душу Матери Скорбящей
Смертной муки меч пронзил.
Как он умер, Сын Твой нужный,
Одинокий, безнадежный,
Очи видели Твои.

Не отринь меня, о Дева,
Дай и мне стоять у Древа
Обагренного, в крови,
Ибо, видишь, сердце жаждет
Пострадать, как Сын Твой страждет.
Дева дев, Родник Любви,
Дай мне болью ран упиться,
Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего,
Чтоб огнем любви сгорая,
И томясь, и умирая,
Мне увидеть славу рая
В смерти Бога моего!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
Сына — Бога твоего!
Кто из нас не возрыдает,
Зря святую Матерь Бога
В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-Сыном
Безотрадно плачет мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдает себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;
Видя, как в тоске последней,
Он, хладея, умирая,
Дух свой Богу предает?
О святая мать любови,
Влей мне в душу силу скорби,

Чтоб с тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью —
Весь проникнут верой сладкой
К искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор его, и муки
Неизменно я носил;
Чтоб во дни земной печали
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил;
Чтоб душе моей Спаситель
Славу рая отворил.

№ 32. Епископское предписание об исповеди (XIII в.)

Если монашествующий [исповедуется]..., то спрашивать о трех главнейших правилах устава*... У белого духовенства... опрашивать, не торгуют ли, и обо всем, что касается корысти и наживы... У князей, замковых начальников, рыцарей и их бальи (bajuli) спрашивать, соблюдали ли они и заставляли ли соблюдать постановления и предписания о правах и свободе церкви, творили ли они суд правый, не отягощали ли подданных своих незаконными налогами и поборами, часто и помногу. А также о разбое... У купцов и горожан... спрашивать, не творили ли лжи, обмана, ростовщичества, [лихвенных] ссуд, [неправого] обмена, не обмеривали ли, не обвешивали ли... У крестьян спрашивать о воровстве, главным образом [об утайке] десятины и первых плодов, податей, четвертных взносов, земельных повинностей, а также о нарушении меж и захвате чужой земли, а также о налогах и поджогах. У батраков, воловодов, работников, пастухов и иных подобных людей пусть спрашивает священник, верно ли блюли они имущество господ своих, верно ли справляли они работы и службы, на них возложенные.

VI. ИМПЕРАТОР И ПАПА

№ 34. О четырех монархиях (Из «Саксонского Зерцала»)

В Вавилонех первее всего явилось царство и велико оно было над всеми землями; его разрушил Кир, и обернул он царство на Персию; там стояло

* Известные три обета: послушания, целомудрия, бедности.

оно до Дария последнего, его же победил Александр и повернул царство ко грекам; там оно стояло, доколе Рим не подчинил его, и не сделался кесарем Юлий. Посему Рим и поныне сохранил меч светский, ради же св. Петра имеет он и меч духовный; посему и зовется он главою всего мира.

№ 35. Григорий VII о папской власти

Папа начертал:

1. Римская церковь создана Единым Богом.
2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским.
3. Только он один может низлагать епископов и восстановлять их.
4. Легат его на соборах занимает первое место перед всеми епископами, даже будучи в низших степенях [священства], и может приговаривать их к низложению.
5. Папа может низлагать отсутствующих.
6. С отлученными им не должны мы, между прочим, находиться в одном и том же доме.
7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты* превращать в аббатства, и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.
8. Он один вправе распоряжаться** знаками императорского достоинства.
9. Одному папе все князья лобзают ноги.
10. Только его имя поминается в церквах.
11. Он один в мире именуется папой.
12. Он может низлагать императоров.
13. Он может, по мере надобности, перемещать епископов с кафедры на кафедру.
14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков.
15. Поставленный папою может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно и не может принимать высшей степени от какого-либо епископа.
16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим (generalis).
17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его санкции.
18 Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.
19. Никто ему не судья.

---

* Общежития, представляющие собой неполные, так называемые «светские» монастыри.

** Или — носить? (possit uti insigniis).

20. Никто не смеет привести в исполнение приговор над апеллирующим к папскому престолу.

21. Крупные дела любой церкви должны восходить до него.

22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться.

23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра, непреложно получает святость...

24. По его изволению и разрешению подвластные могут жаловаться.

25. Без собора он может низлагать и восстановлять епископов.

26. Не считается католиком тот, кто не согласен с Римскою церковью.

27. Подданных может он освобождать от присяги негодным владыкам.

№ 36. Отлучение Генриха, тевтонского короля

(на соборе в Риме, февраль 1076 г.)

Святый Петр, князь апостолов, склони, молю тебя, благой слух твой и услышь меня, раба твоего, коего ты от детства вскормил и по сей день охранил от руки злодеев, ненавидевших и ненавидящих меня верности твоей ради. И ты, владычица моя, Матерь Божия, и святый Павел, брат твой, будьте мне свидетелями во святых: святая Римская церковь твоя привлекла на управление себе меня не хотящего, и не воровское замышляя* вступил я на престол твой; скорее хотел бы я провести жизнь свою в странствиях, нежели ради славы мирской захватить место твое мирским помышлением. А посему, в силу твоего изволения, а не моих заслуг, исповедую я то, что и было, и есть угодно тебе: да повинуется мне народ христианский, тебе особливо порученный. Нарочито в замещение тебя мне поручена и твоим соизволениением передана богоданная власть вязать и решить на небеси и на земли.

Надеясь и уповая на сие, ради чести и защиты церкви твоей во имя Всемогущего Бога Отца и Сына и Духа Святого, твоею властью и велением Генриха короля, сына Генриха императора, который в неслыханной гордыне восстал против церкви твоей, лишаю правления всем царством Тевтонским и Италией; всех же христиан от уз присяги, которою они перед ним связали или свяжут себя, разрешаю; и чтобы кто-либо служил ему, как королю, воспрещаю. Подобает бо, чтобы тот, кто, помышляет умалить достоинство церкви твоей, сам бы лишился достоинства, в коем мнит себя. И поелику он, будучи христианином, презрел послушание и не вернулся к Богу, от Которого отступился, общаясь с отлученными, творя многие неправды; пренебрегая моими увещаниями, которые я, ты свиде-

* Григорий VII употребляет терминологию своих политических противников.

тель, посылал ему, отделяясь от церкви твоей в намерении расколоть ее, — я, викарий твой, предаю его анафеме. И тако связываю его от имени твоего, дабы знали и ведали народы, что ты еси Петр и на камне твоем Сын Бога Живого воздвиг церковь свою, и врата адовы не одолеют ее.

№ 37. Григорий VII уведомляет духовных и светских князей Германии о Каноссе

Поелику вы, возлюбя справедливость, приняли на себя, совместно с нами, Христову службу, все тяготы и опасности, то мы с искренней любовью спешим известить ваше усердие, как король в уничижении и раскаянии достиг снятия отлучения, а также как все это дело свершилось, начиная с прихода его в Италию и до сих пор.

Как было условлено с послами, которые к нам были присланы вами, мы прибыли в Ломбардию дней за 20 до того срока, когда на перевале должен был встретить и проводить нас кто-нибудь; мы и ждали их прихода, чтобы переправиться по ту сторону. И вот, уже по истечении срока, нам сообщили, что в это-де время, в виду многих затруднений (а сему мы охотно и сами верим), не могут быть нам посланы навстречу проводники, а иначе переправляться к вам мы не имели возможности, то мы охвачены были немалой заботой, как же нам лучше всего поступить.

Тем временем мы узнали наверняка, что король приближается. Еще не вступив в Италию, он отправил сперва к нам послов, с мольбою предлагая во всем удовлетворить Господа, святого Петра и нас, и вновь обещал соблюсти полную покорность, дабы исправить жизнь свою, лишь бы удостоиться от нас милости отпущения и апостольского благословения. Когда же мы вследствие долгих обсуждений откладывали это дело и через всех послов, которыми мы с ним пересылались, снова и снова горячо уличали его в его деяниях, он, наконец, по доброй воле, не выказывая ни вражды, ни дерзости, с малыми количеством людей прибыл к стенам Каноссы, где мы имели пребывание. И здесь целых три дня у ворот замка, отбросив все царственное, в жалком виде, разутый и в рубище, обливаясь непрестанными слезами, взывал он о помощи и утешении апостольского нашего милосердия, так что всех, кто был здесь или до кого дошла молва об этом, он довел до чувства жалостного сострадания: вступаясь за него и просьбами, и слезами, все дивились необычной жесткости нашего характера, а некоторые вопили, что мы являем не суровость грозного апостола, а лютость свирепого тирана.

Наконец, покоренные силой его раскаяния и великой мольбой всех присутствующих, мы, сняв с него узы отлучения, приняли его в лоно святой матери нашей церкви на благое с ней общение. При этом мы взяли

с него нижеприведенное обещание; скреплено оно рукой аббата Клюнийского и возлюбленных дщерей наших, Матильды и графини Аделаиды, и других князей, духовных и светских, которые нам для сего дела казались полезными.

И вот, когда все свершилось так, что мы, благодаря Богу, можем лучше прежнего устроить все — в церкви мир, а в государстве согласие, как мы всегда того желали, — мы стремимся при первой возможности перейти [через горы] к вам.

Одно же, возлюбленные мои, да будет ведомо вам: все это дело, — как вы можете видеть, и на основании приложенного обещания, — так далеко еще от разрешения, что и прибытие наше, и единодушие ваших действий являются в высшей степени необходимыми. А посему тщитесь все пребывать по прежнему в верности и любви к правде, и ведайте, что не иначе обязался я королю, как только словесно — таков мой обычай, — сказав ему, что он может надеяться на меня лишь в том, в чем я могу поддержать его по справедливости или по милосердию, на благо и честь ему, но не подвергая опасности ни его души, ни нашей.

Клятва короля тевтонского Генриха

Я, король Генрих, в виду ропота и неудовольствия против меня архиепископов, епископов, герцогов, графов и прочих князей Тевтонского царства и иных людей, которые примкнули к ним в этом, — в срок, который укажет господин наш, папа Григорий, приму на себя всю правду суда его или учиню согласие по указанию его. Если же мне или ему помешает явное препятствие, то, по миновании его, я готов буду совершить вышеуказанное. Также если оный господин наш, папа Григорий, пожелает перейти через горы или отправиться в иные земли, он будет в безопасности от покушения, членовредительства или плена как с моей стороны, так и со стороны тех, над кем я буду властен, — и сам он, и свита его, и провожатые, равно и все, кто им посылается и кто к нему из разных краев земли приходит, — и во время пути туда, и во время пребывания там, и на обратном пути. И не будет ему, с моего ведома, никакой помехи, никакой порухи его чести; если же кто учинит подобное, я по совести и в меру сил своих окажу ему [папе] помощь.

Свершено в Каноссе, 28 января, в год Господа Нашего 1077-й.

№ 38. Об императоре Фридрихе I и папе Александре и о том, как произошел раскол Монаха Рихерия

Прежде дней тех был один император по имени Фридрих, герцог Швабии, из рода которого раньше ни одного императора не бывало. И

был он во времена папы Александра. Он столь безмерно стал нападать на церковь, что повсюду, где только находил вотчину святого Петра, захватывал ее себе и подчинял ее своему суду. Посему и был отлучен самим папой Александром III он сам и все присные его. Когда же он увидел, что некоторые по причине приговора папы избегают его, то, усугубляя злобствование свое, с одобрения всех князей, почти всех архиепископов и епископов и всего прочего клира, он поставил своего папу и определил быть ему в Милане. Так что весь клир и другие присные упомянутого императора посещали курию упомянутого лжепапы, и все, что вязал папа Александр, сей разрешал, всех, кого тот отлучал, сей освобождал; архиепископов, епископов и прочий клир он наделял почестями и бенефициями или лишал оных, когда и кого хотел. И император вместе с сим жалким папой столь жестоко теснил упомянутого папу Александра, что сей, оставив свое местопребывание в Риме, принужден был бежать в земли Франции. Король же Франции со всею тою западной церковью принял сего папу со столь великою радостью и ликованием, что папа возжелал остаться, буде возможно, в землях Франции на все дни своей жизни. Архиепископы же и епископы и прочие клирики в землях упомянутого императора по мановению своего папы возводились в саны не священные, но, скажем, святотатственные. И в то время, как тот смердящий папа, вознесшийся столь высоко в своей гордыне, мнил наслаждаться долгие времена столь великою властью, порвались нити сестер*: он был захвачен жестокой лихорадкою, наказан достойною смертью и за святотатственное первосвященничество, коим он столь малое время обладал, сделался первосвященником адского князя Сатаны, — не для того чтобы там пользоваться какою-либо властью, но для того чтобы нести без конца достойную кару по заслугам, как самый злосчастный из злосчастных. И говорят, что тот же император Фридрих, в довершение своего безумия, выбрал после этого двух других пап, которые, прожив мало времени, пораженные таким же злосчастием, как и первый, переселились в Тартар.

№ 39. Император (Фридрих I) и выбор епископа (1167)

Фридрих, Божией милостью, император Римский и всегда священный, своим возлюбленным верным, достопочтенному клиру, бенефициатам Камбрейской церкви — свою милость и всякое благо.

Поелику красота и подпора крепчайшего дома опирается на неподвижных и крепких колоннах, потолику выдающаяся слава Римской империи покоится на поддержке славнейших князей: положение обоих

* Парки.

[т.е. дома и империи] сохраняется невредимым и с трудом может подвергнуться какому-либо разрушению или гибельному несчастию. Так как наш возлюбленный князь Николай, епископ ваш, по донесению достопочтенного аббата С. Гислена* и других ваших вестников, умер, то воистину, о потере столь великого мужа скорбит монархия всей Римской империи, ибо его преданным старанием, полезнейшим благоразумным советом, удивительно энергичной помощью она до сих пор поддерживалась, словно недвижимым столпом. Исправляя столь великое зло славнейшей Камбрейской церкви и леча новым и спасительным лекарством неисцелимую рану, нанесенную его смертью, ваша церковь должна была мужественно подняться с тем более доброхотной заботой и преданностью более горячей души, чем менее кто-либо может сомневаться, что она, находясь как бы в самых крайних пределах империи, слишком сильно стонет и вполне гибнет от долгих бедствий и сильнейших напастей, которые ее посетили. Поэтому, услышав и вполне поняв ваших вестников, как сами одни, так и в многочисленном собрании, мы не могли превозмочь удивления и тяжко страдали, что множество столь славных мужей, выдающееся благолепие столь священной коллегии клириков не смогли найти спасительного средства для настоящей и слишком тяжелой нужды; что свобода выбора, которая всегда должна привести к желаемому выходу, имела, благодаря разделению партий, столь вредное препятствие, и что несогласие членов расстроило единство капитула, в котором заключается все их спасение — расстроило единство и плодотворность столь великого дела. Хотя, при вашем несогласии, мы могли бы по праву императорской власти назначить вам любое подходящее лицо, и так как у вас нам было отказано в императорских правах, каковой порухи и оскорбления мы нигде не получали: а именно, что имущество епископа после смерти его не вернулось в ту руку, из которой оно, как известно, в качестве подарка, изошло, — то следовало бы прибегнуть к ним, в ущерб вольности вашей, если бы мы не ожидали, сообразно с императорской милостью, которая имеет обыкновение оказывать благодеяния даже не заслуживающим, вашего достойного исправления. Из снисхождения и милосердия, драгоценнейшего украшения человеческой природы, и по общему совету князей, как духовных, так и светских, вместе с вашими вестниками отправляем к вам наших послов: Эрлебольда, аббата Стабло, князя нашего великого... и других, людей верных и почтенных, чтобы вы сообща позаботились о благе вашей церкви; увещеваем настойчиво ваше благочиние, давая вам эту свободу избрания, в силу которой с того дня, как вышеупомянутые

* Вблизи Jemappes.

наши послы к вам явятся и представят вам сии священные письмена, в течение шести недель вы бы выбрали единодушно господином и пастырем лицо, угодное Богу и империи, подходящее для служб церкви и империи, знающее божественные и человеческие законы, выдающееся житием праведным, добростарческим, чтобы через него воздавалось империи должное послушание и порученная ему церковь получила бы приятное Богу возвеличение, т.е. такое [лицо], какое подобает вашему преподобию представить нам, а нашему величеству — ввести в епископское достоинство. Если вы в течение даже такого срока, дарованного вам благочестивейшей властью нашей, согласным избранием, единогласно не сумеете сойтись на одном, то мы, в силу чрезвычайной императорской власти, поставим вам в господа и епископы лицо, выбранное по Божественной воле и совету князей, лицо подходящее. Впрочем, мы утвердим, что установят у вас вышеупомянутые почтенные апокризиарии [посланцы].

№ 40. Вормсский конкордат (23 сентября 1122)

I. Грамота императора

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Я, Генрих, Божией милостью император Римский, священный, из любви к Богу, святой Римской церкви и владыке папе Каликсту и ради спасения души моей уступаю Господу Богу, и святым Его апостолам Петру и Павлу, и святой вселенской церкви всякую инвеституру кольцом и посохом и предоставляю во всех церквах, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владения же и державные права св. Петра, кои от начала сей распри и до нынешнего дня при отце моем или при мне были отняты, возвращаю оной святой Римской церкви, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе (in werra ista), я, с согласия и приговора князей, верну, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папою Каликстом, со святою Римскою церковью и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо святая Римская церковь потребует помощи, я неложно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все сие совершено с согласия и совета князей, коих имена ниже следуют: Адальберт, архиепископ Майнцский; Ф., архиеп. Кельнский; Г., еп. Регенсбургский; О., еп. Бамбергский; Б., еп. Шпей-

ерский; Г. Страсбургский; Г. Утрехтский; У. Констанцский; Э., аббат Фульденский; герцог Генрих; герцог Фридрих; герцог С.; герцог Пертольф; маркграф Типольд; маркграф Энгельберт; палатин Годфрид; пфальцграф Оттон; граф Беренгарий.

Я, Фридрих, архиепископ Кельнский и архиканцлер, скрепляю.

II. Грамота папы

Я, епископ Каликст, раб рабов Божьих, тебе, возлюбленному сыну моему, Генриху, Божией милостью императору Римскому, священному, предоставляю: избрание Тевтонской земли епископов, а равно и аббатов, от местной власти зависящих*, производить в присутствии твоем без помощи и какого-либо насилия, с тем, чтобы ты, буде возникнет разногласие, по совету и решению митрополита и соепископов, поддержал бы правую сторону и помог ей.

Избранный же да получает от тебя державные права передачей скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

Посвященный же в других частях империи да получит от тебя в шестимесячный срок державные права через передачу скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

А если ты будешь мне жаловаться на что-либо и просить помощи, я по долгу служения моего окажу тебе надлежащую помощь.

Заключаю честный мир с тобою и со всеми, кто есть и был на твоей стороне во время сей распри.

№ 41. Марсилий Падуанский: «Защитник мира» (около 1324 г.)

Выводы. 1. Необходимо верить, что одно лишь священное, т.е. канонически признанное Писание.... в истолковании, сделанном Вселенским Собором верующих, — истинно, и ему лишь нужно следовать для достижения вечного блаженства... 2. Истолковывать спорные места божественного закона.... может только общий собор верующих или громада народа, которая еще сильнее собора;... ни одно отдельное лицо, какое бы положение оно ни занимало, а также ни одно ограниченное собрание не могут иметь власти устанавливать толкования. 3. Соблюдать предписания божественного закона под страхом наказания или земной кары Евангелие никого не заставляет. 5. От предписаний или запрещений Нового Завета ни один смертный не может освобождать (dispensare); препятство-

* Часть аббатов (князья-аббаты) зависели, непосредственно от Рима.

вать же дозволенному... может только всеобщий собор или боголюбивый законодатель людской (legislator humanus). 6. Законодателем же людским может быть только вся совокупность граждан или большая их часть. 7. Законы и декреты римских или иных каких-либо святителей, купно или в отдельности, поставленные без согласия законодателя людского, не могут никого обязать наказанием или карой вещественной и светской. 9. Государь по избранию или иная какая-либо власть, происходящая от избрания теми, кои имеют право на это, не нуждается ни в чьем согласии или утверждении. 14. Права принуждения и власти карательной по отношению к любому клирику или мирянину, хотя бы и еретику, не имеет ни епископ, ни священник. 16. Отлучать кого-либо или лишать божественных служб без согласия боголюбивого законодателя людского не предоставлено ни епископу, ни иерею, ни целому их сонму. 17. Все епископы имеют одинаковую власть непосредственно от Господа, и божественным законом не докажешь, чтобы в духовных или в материальных делах кто-либо стоял выше или ниже другого. 18. По Божьему указанию, с согласия и разрешения боголюбивого законодателя людского, другие епископы, совокупно и в отдельности, могут отлучать римского епископа и творить над ним всякое иное изволение, равно, как и он.

№ 42. Манифест Людовика Баварского о независимости светской власти (8 августа 1338 г.)

Людовик, Божией милостью, император Римский и всегда священный. На вечную память о сем. Хотя свидетельства обоих прав* явно указывают, что императорское достоинство и власть сначала произошли непосредственно от Единого Бога, и Бог через императора и царей мира давал законы роду человеческому, и что император единственно в силу избрания теми, кому избрание надлежит, становится истинным императором и не нуждается ни в чьем утверждении или одобрении (confirmatio seu approbatio), так как в мирских делах не имеет высшего на земле, но ему подчинены все народы и языки, и сам Господь Иисус Христос приказал воздавать Божие Богу, а кесарево кесарю; но так как некоторые, ослепленные жадностью и властолюбием и не знающие никакого толку в Писании, но сбившиеся с пути смысла и вовлеченные во вредные кривотолки и гнусные утверждения, подрывают силу и авторитет императорской власти и права курфюрстов, других князей и верноподданных, ложно и обманно утверждая, что императорская власть и достоинство исходят от папы и что избранный императором не есть истинный император

* Гражданского и канонического.

и король, доколе он не будет папой или апостольским престолом утвержден, одобрен и венчан; и так как подобными вредными утверждениями и тлетворным учением древний враг создает споры, возбуждает ссоры, порождает столкновения, уготовляет мятежи, то посему, для избежания столь великого зла, объявляем, с совета и согласия курфюрстов и других имперских князей, что императорское достоинство и власть — единственно от Бога и что по праву и исстари принятому обычаю империи, раз кто избран курфюрстами единогласно или большинством в императоры и короли, он тотчас, в силу одного лишь избрания, должен признаваться и именоваться истинным королем и Римским императором, все же подданные империи обязаны ему повиноваться, а он имеет полную власть блюсти права империи, совершать все, что надлежит истинному императору, не нуждаясь ни в одобрении, ни в утверждении, ни в авторитете, ни в согласии папы, апостольского престола, ни кого бы то ни было...

№ 43. Римский поход. Ратная подмога Оттону II (981 г.)

Епископ Страсбургский пошлет 100 латников. Аббат Марбахский приведет с собой 20. Шпейерский епископ пошлет 20. Вормсский приведет 40. Аббат Визенбургский отправит 50. Аббат Лоршский приведет 50. Майнцский архиепископ пошлет 100. Кельнский — 100. Вюрцбургский епископ — 60. Аббат Герсфельдский — 40. Граф Герберт приведет 30 и сын его брата или пусть придет с 30 или пришлет 40. Мегингауз с подмогой Бурхарда пусть приведет 30. Брат императора — 20. Герцог Карл [Нижней Лотарингии], оставленный дома как защитник страны, пошлет Бозона с 20... Гельдульф с помощью аббатов [двух] приведет 12... Маркграфы Готфрид и Арнульд — 40...

Архиепископ Зальцбургский — 70. Столько же Регенсбургский епископ... Епископ города Аугсбурга... 100. [Всего духовные выставляют около 1500 человек, а светские около 500].

№ 44. Римский поход. Угроза постоем

Есть у веронцев древний обычай, которым они пользуются, как давней императорской привилегией: и по пути из-за Альп в Город и при возвращении оттуда повелители Римские* не проходят через город [Верону], дабы своим приходом не подвергнуть его опустошению, а переправляются несколько выше города через реку Эч по мосту, наводимому для них веронцами.

* Т.е.: туда «король Римский», оттуда — «император»..

№ 45. Вибальд извещает папу об избрании Фридриха I [Вибальд пишет папе Обращение]

Вот, Достопочтенный Отец, чего я боялся, то и случилось. И недаром я, как бы под влиянием божественного и предвидящего духа, в бытность мою у Вас не скрывал и немолчно предлагал и настаивал, чтоб Вы безотлагательно заключили с римским народом мир, если только он почетен и верен. Хотя мы совершенно не предчувствовали этот случай*, о котором мы по справедливости горюем, но все-таки были теснимы таким предчувствием будущего, как бы Ваша надежда, которую Вы возымели относительно будущего похода, не поколебалась тем или иным исходом событий, ибо многое из того, что мы прочли, услышали и увидели о делах и словах между досточтимыми первосвященниками Города, устрашало нас должным беспокойством. И хотя Ваша осведомленность обо всем положении германского королевства ныне узнает подробно как из писем славного сына вашего, господина нашего, непобедимейшего Римского короля Фридриха, так в особенности из писем преданных сынов ваших, именно некоторых епископов, однако наша преданность Вам и матери нашей, святой Римской церкви, не должна ослабевать в посильном предуведомлении вашего Величия о делах, особенно Вас касающихся. «Всякий поступай по удостоверению своего ума».**

Когда, возвращаясь от Вас, мы прибыли в Шпейер, до нас дошла молва ужаснее всякого слуха, страшнее фурии, что за 3 дня покинул эту жизнь сладчайший и преданнейший сын Ваш Конрад, Римский некогда светлейший король. Пусть не сомневается и не спрашивает Ваша Чуткость, сколь великая скорбь объяла наши души вследствие потери государя милостивого и милосердого к нам, вследствие опасения будущих изменений в империи. Посему мы с величайшей быстротой отплыли в Кельн, чтобы Кельнский [архиепископ] в предстоящем выполнении государственного дела был столь же осторожен и независим, сколь он среди своих обеспечен от всякого натиска бурного собрания.

Затем начали высшие князья пересылаться вестниками и письмами о предстоящем совещании для избрания короля. И так случилось, хотя рассчитывали на прибытие весьма немногих, однако громадное количество оптиматов собралось на 13-ый день после смерти упомянутого великого государя в город Франкфурт. И вот, при единодушном согласии, вернее, при дружном соревновании всех, был избран с сильнейшим одобрением всех тот, кто теперь владеет,— Фридрих, прежде герцог Швабский.

* Смерть Конрада III.
** К Римлянам, XIV, 5.

И затем на пятый день с равной радостью и изумлением, священным миропомазанием первосвященников, по обычаю предков, был возведен в Ахене на королевский престол...

Многие говорили, чтобы он вслед за возложением короны подтвердил и осуществил Итальянский поход, который его дядя твердо решил. На следующий же день совет и увещание как Кельнского, так и присутствовавших там епископов были: в тот же день, приняв воинскую присягу, предпринять Итальянский поход для отвращения обид от апостольского престола. Но светские князья, может быть, по простоте настойчиво подговаривали, не подобает-де при таком положении государю связываться столь тяжким обещанием, дабы наглость бунтовщиков, когда узнают о спешном его выступлении, не дошла бы до крайней степени безумства; подобало бы также, чтобы он пришел по вашему зову, а не по собственному почину. Вот как легко деятельность превратилась в покой. Но сердце царево в руце Божией и по заслугам подданных Он обращает его, куда хочет.

...И да будет с Вами ангел премудрости, чтобы Вы объявили его королем и защитником Римской церкви и внушили делать ему самому и его князьям то, что послужило бы на славу вселенской церкви и на спасение христианского народа.

№ 46. Фридрих I извещает папу Евгения о своем избрании (1152 г.)

Возлюбленнейшему отцу своему во Христе, Евгению, верховному первосвященнику святой Римской церкви, Фридрих, Божией милостью, король римлян и всегда священный, во всем сыновнюю любовь и должное в Господе почтение.

Отцу отечества подобает бдительно исполнять и соблюдать постановления прежних королей и неукоснительно придерживаться священных постановлений, дабы сумел врученное ему Богом царство не менее украсить законами и нравами, чем защищать оружием и войной. Поэтому, следуя священному обычаю Римской империи, переданному нам нашими прадедами, императорами и королями, мы решили отправить посла нашего, мужа верного и доброго, почтенного Эбергарда, епископа Бамбергского, присоединив к нему Элина, нареченного Трирского епископа, и Адама, аббата Эбербахского, к вашему Святейшеству и к Городу, чтобы Вы могли узнать как из данных настоящего письма, так и из их устного сообщения о нашем воцарении и о положении всего королевства и церкви. Итак, когда угодно было грозному Судии, дыхание князей пресекающему, грозному земным царям, в руке Коего всякая власть и сила царств, вызвать из этой жизни блаженной памяти нашего дядю и кормильца славного Римского короля Конрада, то все князья королевства как

бы Святым Духом подвигнутые на 17-ый день после его кончины сошлись в город Франкфурт, как сами, так прислав добрых представителей, и без какого-либо замедления в тот же день с великим согласием, ниспосланным от Бога, сами князья и остальные вельможи, при одобрении и радости всего народа выбрали нас на вершину царства. Затем, на пятый день, т.е. едва прошла середина Великого Поста, с равным и таким же согласием, при благожелательных одобрениях народа, в городе Ахене царственно помазали елеем освящения руками преданного вашего сына Арнольда, Кельнского митрополита, и почтенных епископов и с торжественным благословением отвели на царский престол. Мы же верностью светских князей, равно как и святым благословением архипастырей, облеченные многообразными знаками царского достоинства, восприяли дух царский, стремясь всеми силами души, согласно нашему торжественному обещанию, которое мы прияли из уст православного священства во время венчания и помазания на царство, Вам являть почет и любовь; матери нашей, святой Римской церкви, и всем людям ее — быструю и должную справедливость и защиту; вдовам, сиротам и всему народу, нам вверенному, — сохранять управу и мир. Поелику есть два начала, коими всецело сей мир управляется, — чин духовный и власть царская, — мы готовы благоговейно преклонить выю под власть всех служителей Христа, дабы Божиим споспешествованием во времена нашего правления слово Божие не оскудевало и никто не осмеливался бы без тяжкого наказания нарушать святоотеческие правила, постановления святых соборов, дабы постоянным рвением нашим церковь вселенская украшалась достойными ее привилегиями и величие Римской империи вернулось бы с помощью Божией к древней силе. И ведая, что дух вашего Блаженства по справедливости смятен кончиной упомянутого светлейшего государя, нерушимо обещаем Вам, яко дражайшему отцу нашему, что, унаследовав царский престол от сего, некогда славного, короля, восприяли наследственно как особливую любовь к особе вашей, так и ревностнейшую и преданнейшую защиту матери нашей, святой Римской церкви в том смысле, что все, что он предпринял и повелел в видах свободы и возвеличения апостольского престола, мы неустанно потщимся выполнять, согласно завету Божьему; мы будем врагами врагов ваших и поразим ненавидящих Вас. Засим усердно поручаем вышеупомянутых послов наших вашей Благости...

№ 47. Князья извещают Иннокентия об избрании императором Оттона (1198 г.)

Святейшему отцу и господину Иннокентию, высшему первосвященнику священного Римского престола, князья и бароны Германии, духовные и светские, — должное во Христе почтение и искреннее повиновение.

Поелику Тому, Кто пресекает дыхание князей и Кто велик и страшен над царями земли, угодно было взять от жизни сей господина нашего, императора Генриха [VI], то нам показалось необходимым иметь переговоры и съезд о замещении престола. Посему мы не раз сходились и, перечисляя несчастия и притеснения, которые мы перенесли до сих пор, воспрянули духом лишь на общем собрании всех князей: рассуждая о том, что в особенности полезно чести церкви Божией, миру и спокойствию подданных, окончательно, казалось, избирали то одного, то другого. Но вот Тому, без Кого нет разумения, нет власти, нет совета, Тому, Который провидел жертву Авраама, хотевшего заклать сына, Тому, Который избрал Давида, из братьев младшего, от стад, и Матвея из числа учеников поставил на жребий апостольский, — Тому угодно было нежданно навести нас на светлейшего господина нашего Оттона, сына Генриха, некогда саксонского герцога, и отозвать его от мест земного его странствия на царство Римское. Итак, призвав милость Святого Духа, мы вышеназванного господина Оттона, преданнейшего радетеля христианской веры, ходатая и вернейшего защитника святой церкви, справедливейшего блюстителя правосудия, давнего и древнего царского корня, одинаково благородного по отцу и матери, законно и правильно вознесли, как требуется, на престол Римский, согласились все на его избрание и посадили его на престол Карла Великого в Ахене, и рукой Адольфа, господина нашего Кельнского архиепископа, счастливо и с подобающей торжественностью украсили его короной и венцом королевским. Мы же, князья, которые выбрали королем вышеназванного господина Оттона, получая из его руки феоды, которые держим от империи, принесли ему оммаж и дали присягу верности. Пресветлый же государь наш, считая столь высокое звание скорее даром Божией милости, чем делом своих заслуг, посвятил первое царское деяние свое Господу и, по собственному хотению своему, подтвердил присягой по совести сохранять и держать права прежде всего святой Римской церкви, а также и всех иных церквей, и по силе своей помогать и оберегать своим судом подданных империи, в особенности обездоленных и насильственно изгнанных из владений. Кроме того, уничтожая в корне злой тот обычай, в силу которого императоры, его предшественники, вплоть до нынешнего дня, захватывали движимость и живое имущество* усопших князей — епископов и аббатов, — он, в царственном своем благоволении, раскрепостил нас, церковных князей, освободив от сего недостойного притеснения, и милостиво постановил, что имущество умирающих должно сохраняться их преемниками. Поэтому мы дерзаем умолять Вас,

* Рабы и скот.

святейшего отца, дабы Вы, во внимание к верности и преданности господина нашего короля, а также в память заслуг славнейшего отца его, Генриха, герцога Саксонии, который никогда не отступал от повиновения святой Римской церкви, и заботясь о мире и спокойствии Вашим и нашем, по Божьему указанию и нашему усердию удостоили утвердить авторитетом Вашим его избрание и помазание и с отеческою любовью согласиться на императорское его венчание. Кроме того, преклоненно молим ваше Святейшество призвать, мерами церкви, к согласию князей и баронов, не согласных со столь целесообразным избранием и, освободив их ключом Петра от недозволенной верности противоположной партии, побудить вашим авторитетом на верность и подчинение господину нашему королю. А что господин наш король сохранит неприкосновенными и не уменьшенными права Римской церкви, как сказано выше, в том мы свято обязуемся и клянемся за господина нашего короля.

[Архиепископ Кельнский, 2 епископа, 3 аббата, 1 герцог, 1 граф].

VII. ГОРОД

№ 48. *Возникновение города Брюгге (862 г.)*

После этого для нужд и потребностей обитателей замка начали стекаться к воротам его моста торговцы или продавцы более ценных вещей, затем лавочники, затем содержатели постоялых дворов для прокормления и приюта тех, кто вел торговые дела в присутствии государя, который часто бывал там же, стали строить дома и устраивать гостиницы, где помещались те, кто не мог обитать внутри замка; и вошло у них в обычай говорить: «Идем к мосту»; здесь поселение настолько разрослось, что вскоре образовался большой город, который по сию пору в просторечии носит имя моста, ведь, на их наречии Брюгге значит «мост».

№ 49. Учреждение рынка в Магдебурге (965 г.)

Оттон, Божией споспешествующей милостью император... Рынок в Магдебурге, монету, а также доходы и прибытки от всяких пошлин, взимаемых и получаемых со всякого товара, будь он привезен на судах, телегах или иным каким-либо способом, будь он доставлен пришлыми людьми всякого рода и звания, конным или пешим, равно всякий доход, до сих пор принадлежавший нам по державному нашему праву, — все сие полностью предоставляем Господу Богу и св. Маврикию в Магдебурге.

№ 50. Рынок в Гальберштадте (989 г.)

...Оттон, Божией споспешествующей милостью король... Возлюбленному и верному нашему Хильдиварту, церкви Гальберштадтской досточтимому епископу... жалуем... чтобы он у себя в Гальберштадте отныне держал рынок и чеканил монету, и пользовался пошлинами и банном; и таковыми правами и доходами с означенного рынка, с монеты, с пошлин и с банна пусть владеют и пользуются отныне и сам он, и его преемники, подобно остальным городам, Магдебургу и другим, которым подобные права уступлены и пожалованы были согласно указам предшественников наших, сиречь императоров и королей...

№ 51. Торг на погосте превращается в рынок

Фридрих... император Римский... да ведают люди, как мы императорским нашим авторитетом разрешили спор... о рынке в Штаффельштейне*... И начал Адальберт стеснять братию бамбергскую в рынке, который им был дарован предшественником нашим, блаженной памяти императором Лотарем, по всем обычаям, публично передачей перчатки и утвердительный грамотой, дабы они воздвигали у себя крест и учредили открытый рынок, тогда как раньше бывал у них лишь мелочной торг — по праздникам, когда народ стекался в церковь, без пошлин, надзора или иных правил, вытекающих из рыночного права, жалуемого императором или королем. И так этот вредный давнишний обычай, возникший на погосте приходской церкви, которая по территории тянула к Вюрцбургской церкви, давал повод к раздорам и ссорам с бамбергским настоятелем и соборными канониками. Мы же, выслушав обоюдные притязания... присудили и утвердили за канониками бамбергскими рынок Штаффельштейн, владение коим на основании императорской милости они доказали и устными, и письменными свидетельствами. Тем не менее, вступаясь в это дело ради доброго мира, мы с согласия бамбергской братии так видоизменили решение: жительствующие на землях св. Килиана в Штаффельштейне имеют право продавать и покупать, — но лишь внутри своих жилищ, — без хитрости и злого умысла, не платя мыта или иных рыночных сборов. Если же они что-либо купят на рынке или по обычаю торговцев пожелают иметь ларь или стойку и выставить свои товары на улице, то подлежат уставу рынка. Точно так же, если они с улицы, рынка или из-за города заведут в свой дом скот или что-либо иное, предназначенное для продажи на рынке, дабы избежать этим рыночных повин-

* Город на Майне близ Бамберга.

ностей, они платят, как и все другие, надлежащую пеню шультхейсу и мытнику настоятеля и братии бамбергской.

№ 52. Насильственное уничтожение рынка

...Герцог [Генрих Лев] обратился к графу: «Уже давно нам доносили, что город наш Бардевик терпит великое умаление вследствие рынка в *Любеке, оттого что все купцы перекочевывают туда. Жалуются также и* люнебургские жители на то, что солеварня наша пришла в упадок из-за солеварни, которую вы стали держать в Ольдесло. Посему мы требуем, чтобы вы предоставили нам город ваш Любек и солеварни исполу, чтобы нам легче было переносить разорение нашего города. Иначе мы распорядимся, чтобы в Любеке вовсе не торговали. Ибо для нас недопустимо из-за чужих удобств терпеть разорение наследия отцов наших». Когда же граф отказал в этом, считая подобное соглашение для себя невозможным, герцог распорядился, чтобы в Любеке впредь вовсе не было рынка и чтобы нельзя было ничего ни покупать, ни продавать, кроме съестных припасов. А товары велел везти в Бардевик для поднятия своего города. Одновременно с этим велел забросить соляные источники, находившееся в Ольдесло.

№ 53. Любек. Городское право императора Фридриха I от 19 октября 1188 г.

Фридрих, Божией споспешествующей милостью император... Ввиду того что верные наши, граф Адольф Шауенбургский и граф Бернгард Рацебургский, вели тяжбу с горожанами нашими из Любека о границах и пользовании землями, мы внимательно выслушали в присутствии своем обе стороны и, разобрав предмет тяжбы, ради того чтобы упрочить между ними мир, побудили вышеназванных графов, чтобы оба они... возвратили нам право, которого они домогались, а мы, с их согласия, передали его жителям вышеназванного города, дабы они впредь обладали им без всякой помехи.

1. Итак, вот пределы, предоставленные на пользу этому городу, нам подвластному, в силу нашего пожалования: от города на восток до реки Стубницы и вверх по Стубнице до Радигоща..... В этих пределах все населяющие город наш Любек, какого бы они ни были положения, будут иметь право всяческого пользования: путем и беспутьем, полями и пустошами, водами и рыбными ловами, лесами и пастбищами... Эти права, возвращенные нам графом Бернгардом Рацебургским, мы пожаловали нашим горожанам.

2. Равным образом граф Адольф вернул нам, а мы передали горожанам, пользование угодьями в нижеописанные границах: от города вверх до местечка Ольдесло так, чтобы по обоим берегам реки Травы они пользовались лесом на две мили расстояния, притом дровами, лугами и пастбищами, за исключением части леса, приписанного к монастырю Девы Марии. Сверх того, предоставлено будет самим горожанам и их рыбакам заниматься рыболовством, как они привыкли делать во времена герцога Генриха, от вышеупомянутого Ольдесло до моря, за исключением тоней графа Адольфа. Также будут они всячески пользоваться лесами... с тем, что могут рубить в них деревья, как для топки, так и на корабли, на дома и прочие городские постройки, но рубить без обмана, а именно: не продавать без разбору и без необходимости удобных и еще пригодных для себя кораблей и не строить взамен других, а также не сплавлять лесу на продажу другим народам. Сверх того, пусть они пасут своих свиней, мелкий и крупный скот по всей земле графа Адольфа, однако с тем чтобы свиньи и весь скот могли в тот же день вернуться с пастьбы в загоны, откуда они вышли утром.

3. Сверх того, на удовлетворение их нужд мы пожаловали им все права, которые уступил им и скрепил своей привилегией первый основатель места Генрих, некогда герцог Саксонский, а именно: патронат над приходской церковью Девы Марии, чтобы по смерти одного священника горожане, как бы патроны, выбирали себе другого, кого захотят, и представляли его епископу.

4. К тому же пусть они свободно передвигаются с товарами своими по всему герцогству без поборов и без пошлины, за исключением Артеленбурга*, где пусть уплачивают 5 денариев с телеги; сюда присовокупляем, что если они в течение года и дня вернутся, то могут провезти обратно без пошлины, свободно столько телег, сколько провезли туда, уплатив за них вышеупомянутую пошлину.

5. Если кто-либо из них замешан будет в каком-либо деле, то в пределах всей нашей империи и в [саксонском] герцогстве пусть оправдывается перед судьей данной местности, не подвергаясь заключению, по праву уже упомянутого города.

8. А если кто-нибудь умрет там и окажется, что у него не будет наследника, мы постановили, чтобы все его наследство и пожитки в течение года и дня неприкосновенно хранились в доме, где он умер, если случайно не явится в течение указанного срока кто-нибудь, ему близкий, который и получит [наследство] согласно городскому праву. Если же в течение этого

* На Нижней Эльбе.

времени не придет никто из его ближних, все, оставленное им, выдается королевской власти.

9. Русские, готы, норманны и прочие восточные народы пусть являются в неоднократно названный город и свободно уходят из него без пошлины и без торговых поборов.

10. Также и купцы любого королевства, любого города пусть являются сюда и свободно покупают, пусть только платят положенную пошлину...

11. Также если кто-нибудь захочет менять деньги в этом городе, то пусть свободно меняет в любом месте, где представится случай, но только не перед монетным двором.

12. Консулы же, согласно нашей привилегии, имеют право испытывать монету столько раз в году, сколько захотят. И если монетчик сплутовал, то пусть уплатит пеню; из пени половина пойдет гражданам, а остальное королевской власти.

13. Сверх того, нарочитым пожалованием мы подтверждаем им, чтобы никто, ни знатный, ни подлородный, не захватывал своими зданиями или укреплениями территории вышеназванного города ни внутри, ни вне его пределов; если же кто-либо каким-либо способом соорудит укрепление на суше или на воде, то пусть они, опираясь на нашу волю, его извлекут, а укрепление уничтожат. А кто преднамеренно захватит здания города и будет уличен, платит 60 фунтов.

14. А граждане упомянутого уже города не будут ходить в поход, а будут только защищать свой город.

15. Также если свободное состояние кого-нибудь из этого города где бы то ни было подвергнется сомнению, то он, где бы он ни был заподозрен, доказывает свою свободу единоличной клятвой.

16. Если кто-либо из чужих коварно заявит притязание на свободу кого-либо из горожан, то горожанину будет легче доказать свою свободу единоличной клятвой, чем чужаку доказать противное. Если же кто-либо из окрестной земли* станет оспаривать чью-либо свободу и заподозренный сможет доказать, что он год и день прожил в городе без чьего-либо протеста, то заподозренный выходит из дела чист.

17. И так как мы желаем, чтобы права вышеназванных горожан наших нами ни в чем не были умалены, а наоборот, во всем, насколько это нам покажется полезным, возросли, то мы, кроме того, жалуем им нашею милостью, чтобы они в пределах до того места, куда заходит во время разлива река, называемая Трава, пользовались во всем тем же судом и свободой, как и в пределах города. Также желаем мы, чтобы они в пределах до моста пользовались тем же судом и свободой, как и в городе.

* Шауенбургских и рацебургских владений.

№ 54. Любек. Привилегия [грамота] Фридриха II. Июнь 1226 г.

Фридрих Второй, Божией споспешествующей милостью император Римский, король Иерусалимский и Сицилийский... жалуем...:

1. Пусть вышеназванный город Любек будет всегда свободным, а именно особенным городом и имперским местом, зависящим непосредственно от императорской власти, никогда и ни в какие времена не отторжимым от сей власти.

2. Постановляем также, чтобы всегда при назначении империей для управления этим городом какого-либо фогта на эту должность не назначалось лицо не из соседних и сопредельных с самим городом мест; равным образом также, чтобы укрепление, называемое Травемюнде, находилось в управлении того же фогта.

3. Кроме того, желая в благополучное правление наше расширить и увеличить пределы самого города, мы жалуем и присоединяем к его пределам....

4. Также жалуем вышеназванным бюргерам, чтобы ни с кого из них не взыскивалась пошлина в Ольдесло.

5. Сверх того, мы жалуем им чеканить в самом их городе монету с обозначением нашего имени, каковое право продержится в течение жизни нашей, равно и возлюбленного сына нашего Генриха, славного короля Римского; и за это они будут ежегодно предоставлять курии нашей шестьдесят марок серебра. А с выступлением нового преемника нашего право чекана монеты при условии того же взноса будет возобновляться на весь срок его жизни. И так, как выше сказано, мы постановили соблюдать относительно монеты преемственно всем нашим потомкам.

6. Сверх того, мы постановляем и жалуем, чтобы ни мы, ни кто-либо из императоров, преемников наших, не требовал от них заложников; соблюдение же верности империи пусть покоится единственно на их присяге, чему и верить.

7. Сверх того, все верные купцы, прибывающие в самый город сушею или морем ради торговых дел своих, пусть всегда прибывают сохранно и уходят безопасно, только бы платили налог, какой полагается.

8. Сверх того, мы совершенно избавляем вышеупомянутых любекских бюргеров, когда бы они ни отправились в Англию, от того дурного злоупотребления и тяжелого вымогательства, которые кельнцы, тильцы* и их союзники, говорят, придумали против них; означенное злоупотребление мы совершенно уничтожаем; но пусть они пользуются тем же правом и

* Жители Тиля в Голландии на Ваале, рукаве Рейна, ниже Нимвегена.

положением, каким пользуются, как известно, кельнцы, тильцы и их союзники.

9. Уступаем им также лежащий против замка Травемюнде остров, называемый Priwolc, пусть они владеют им на городском праве, которое называется правом городской черты (Weichbild).

10. Сверх того, мы желаем и приказываем соблюдать накрепко, чтобы никто, знатный или подлородный, церковник или мирянин, никогда не вздумал соорудить укрепления или замок близ реки Травы, в пределах от города вверх по течению реки до ее истока, и от города вниз до моря, и по обе стороны реки на расстоянии двух миль; при этом строжайше воспрещаем какому бы то ни было постороннему фогту в пределах городских проявлять свою власть или творить суд.

11. И так как мы желаем впредь уберечь упомянутых бюргеров от всяких дурных и неположенных взысканий, то мы накрепко запрещаем на всем пространстве герцогства Саксонского взимать или взыскивать с них тот побор, который зовется ungelt*.

12. Кроме того, никто из князей, господ или знатных из прилегающих областей да не дерзнет воспрепятствовать подвозу всего необходимого в город Любек, откуда бы то ни было, из Гамбурга ли, или из Рацебурга, или из Виттенберга [на Эльбе], или из Шверина, или даже изо всей земли Бурвина** и сына его; и по самим этим землям любой любекский бюргер, богатый ли, бедный ли, пусть проходит для купли и продажи беспрепятственно.

14. Сверх того, мы желаем и строго предписываем, чтобы, если вышеупомянутые граждане когда бы то ни было и где бы то ни было в империи потерпят крушение, все, что из их вещей будет спасено тогда от такого бедствия, было целиком возвращено им без всяких препятствий и спора.

16. В неиссякающей милости нашей мы также жалуем и укрепляем за ними навеки все добрые права и обычаи, каковыми они, как известно, пользовались со времен императора Фридриха, блаженной памяти деда нашего, и доныне...

№ 55. Основание Гамбурга. 1189 г.

...Мы, Адольф, Божией милостью граф [Голштинии]... объявляем всем... что Вирад Бойценбургский получил от нас на наследственном праве город Гамбург, лежащий по реке Альстер, а также и пригородную землю

* Всякий чрезвычайный побор или добавочные пошлины.

** Князь славянской земли — Мекленбурга.

до половины реки Альстер для свободного заселения по праву рынка, чтобы он вместе со своими засельниками, которых он туда приведет, устроил гавань, годную для посещения разными людьми из окрестных земель.

А чтобы это место охотно посещалось, мы жалуем участки под свободное заселение по Любекскому праву, а также прилегающее озеро и остров на Альстере, а также пастбища и леса в совместное пользование с местным крестьянством.

Сверх того, мы желаем, чтобы эти засельщики (coloni) были свободны от всякой пошлины во всех бургах, местечках и городах или каких-либо иных местах, принадлежащих к державе нашей.

А относительно суда так: где бы кто ни прегрешил, он отвечает по праву Любекскому.

Кроме того, все судебные доходы наши мы предоставляем на три года жителям этого бурга, за исключением случаев, грозящих руке или голове. А по прошествии трех лет все, что промыслит себе судом вышеупомянутый Вирад или его преемник, пойдет ему, за исключением дел, грозящих руке и голове, с чего он станет получать третью часть.

Кроме того, всякий ценз за городские участки мы навеки прощаем вышеуказанным жителям.

Дважды в году будет у них рынок [ярмарка], а именно в Успеньев день и на св. Вита [15—V], сверх торга, который будет совершаться еженедельно в день, о котором последует наш указ.

Относительно всего этого мы даем грамоту Вираду и его засельникам, дабы в будущем все вышесказанное не забывалось и не нарушалось, а также торжественно обещаем взять на себя половинные издержки при ходатайствовании другой грамоты, от господина нашего императора.

№ 56. Грамота императора Фридриха I городу Гамбургу (7 мая 1189 г.)

Мы Фридрих, Божией милостью император... объявляем... что мы, по ходатайству любезного и верного нашего графа Адольфа Шауенбургского, жалуем и даруем его горожанам, живущим в Гамбурге, чтобы они свободно приходили и уходили со своими кораблями, товарами и людьми от моря до вышеуказанного города, не платя мыта и пошлины. Если же они везут добро [чужеземных] гостей, то пусть они посылают верного гонца в Штаде*, который под присягой положит пошлину по количеству товара. Если же сборщику покажется, что тот в чем-либо утаил пошлину, то пусть он следует за ним в Гамбург, чтобы тот заплатил пошлину и пеню

* Городок при Эльбе ниже Гамбурга.

по закону. И на всем протяжении державы вышеуказанного их господина графа мы освобождаем горожан от взимания мыта и пошлины.

Им же даруем мы привилегию, чтобы никто не строил какого-либо бурга около их города и на две мили в окружности... [Дальнейшие статьи тождественны по содержанию с Любекской грамотой № 55, только изложены короче]... Дано в Нейбурге на Дунае*.

№ 57. Страсбург. Древнейшее городское право (приблизительно, конец XII в.)

1. По образу других городов основан Страсбург с такою льготою, чтобы всякий человек, как чужой, так и местный уроженец, всегда и ото всех пользовался в нем миром.

2. Кто совершил преступление вне города и из страха наказания убежал в него, пусть пребывает безопасно. Никто самоуправно да не посягнет на него, он же послушно и с готовностью предстанет перед судом.

3. Никто да не приносит в город добычу или награбленное и да не осмелится хранить там, если не готов ответствовать перед всяческим истцом.

4. Никто да не приводит в город пленника без предъявления его шультхейсу или судье, который до суда будет держать его.

5. Все должностные лица сего города ходят под властью епископа, так что назначает их либо он сам, либо те, кого он поставит; старшие определяют младших, как если бы они были подчинены им.

6. А епископ не должен давать общественной должности иначе как лицам из мира местной церкви.

7. Четырех должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своею властью, а именно шультхейса, бургграфа, мытника и начальника монеты.

О шультхейсе, который зовется также causidicus** мы скажем прежде всего.

8. Шультхейс вправе иметь в своем распоряжении двух помощников, которых обычно зовут судьями, людей настолько почтенных, чтобы горожане могли, не роняя своего достоинства, стоять на суде перед ними.

9. Шультхейсу предоставлено также назначать трех лиц, которых мы зовем геймбургами, одного во внутреннем старом городе, а двух — во внешнем, и начальника острога, или тюрьмы, где содержатся заключенные.

А вот обязанности их в отдельности:

---

* Монастырь, ныне Klosterneuburg, дачное место под самой Веной. Грамота дана Фридрихом I на пути в крестовый поход.

** Латинский термин, транскрибированный с немецкого.

10. Шультхейс будет судить за татьбу, предерзостные поступки (frevela), по денежным делам (geltschulda) всех граждан города и всех пришлых со всего епископства, если они не предъявят законного отвода, кроме министериалов церкви и тех, кто состоит в челяди епископа или подведомствен ему самому.

11. Власть же понуждать и наказывать преступников, называемую банн (bannus), он получает не от епископа, а от его фогта (advocatus). Ибо власть, направленную к пролитию крови при повешении, отсечении головы, изувечении и т.п., не может иметь духовное лицо, не может ее и передавать. А посему, после того, как епископ назначит фогта, император дает ему банн, т.е. право наказания мечом...

12. И так как власть эту он имеет лишь в силу фогтского своего звания, то справедливо, чтобы он никоим образом не отказывал в ней шультхейсу, мытнику, начальнику монеты, которых поставил епископ, от коего он сам держит фогтскую власть.

14. У судей, которые состоят под шультхейсом, нет судебной власти в делах татебных и разбойных, а только денежных.

15. Место судебных заседаний — на рынке у св. Мартина. А потому никто, на кого подана жалоба, не может быть вызван на дом к шультхейсу или судье, а только в вышеозначенное общественное место.

16. Если же судьи или шультхейс вызовут кого-либо к себе на дом и те не придут, то за это они не подвергнутся никакому взысканию.

17. Обязанность начальника острога или тюрьмы состоит во внимательном присмотре за всеми вверенными его охране.

18. А если он кого упустит, то ответит вместо него, если только того не отбили силой.

19. Его же обязанность выводить приговоренных к повешению к виселице, повязывать глаза приговоренного повязкой, воздвигать виселицу, приставлять лестницу, подводить осужденного к самой лестнице. Тут только примет его заместитель фогта и, накинув на шею петлю, повесит.

25. Он же обязан вызвать в суд вытребованных шультхейсом или судьями.

26. Форма же вызова такова: называя по имени истца, он должен объявить обвиняемому, что его вызывают на суд, и сделать это либо изустно, встретив его где бы то ни было, либо объявить об этом перед его домом в первый, второй и третий раз в суточные сроки.

27. Если по первому, или второму, или третьему вызову он не явится и посланный от судьи докажет сам-третей, что он совершил упомянутые три вызова или только один, но лицом к лицу, то тот уплатит судье тридцать солидов.

29. Шультхейс и судья имеют право судить только по делу, с которым обратились именно к ним. Уличенный в том, что сделал что-нибудь без соблюдения судебного порядка и без правильного суда, теряет по закону свою должность.

30. Горожанина, собравшегося в путь-дорогу, т.е. садящегося на корабль, либо на лошадь, или в повозку, никто из его сограждан не смеет задерживать подачей жалобы; но так как он столь небрежно отнесся к своим интересам, что отложил дело до такого момента, то справедливо отложить свои на того претензии до его возвращения.

31. Если кто-либо обвинял своего согражданина за пределами города перед лицом чужого судьи, то за эту вину он обязан уплатить штраф и судье своего города, и тому, кого вызвал на суд, и вернуть ему убытки, понесенные им от его жалобы.

32. Штраф платится только тому, кому он присужден.

33. ...Судье идет третья часть всякого штрафа.

38. Слуги монастырские из любого монастыря подсудны шультхейсу своею личностью, а именно в делах, касающихся торговли, если они станут торговать.

40. Из всех присужденных за татьбу или иные преступления штрафов две части идут шультхейсу, третья фогту.

42. Фогт должен судить исключительно в дворце епископа. Также если он вызовет кого-либо к себе на дом, то непошедший не платит за это никакого штрафа.

43. Когда же фогт умрет или по какой-либо причине фогство останется вакантным, епископ никого не должен назначать фогтом без избрания и согласия каноников, министериалов и бюргеров.

44. Среди обязанностей бургграфа — назначение начальников всех ремесел вообще в городе, а именно седельников, кожевников, перчаточников, башмачников, кузнецов, мельников, и тех, которые приготовляют винные бочки и кружки, и тех, которые выделывают печи, и тех, которые продают яблоки, и шинкарей. И все они подсудны ему, если в чем-либо погрешат в своем ремесле.

45. Местом же суда над ними и расправы является епископский дворец.

47. В полномочия бургграфа входит также получение некоторых пошлин, так, например, с мечей в ножнах, выносимых на рынок для продажи. А с других, привозимых на кораблях из Кельна или откуда бы то ни было, пошлину получает мытник.

48. Точно так же с масла, орехов, яблок, привезенных откуда бы то ни было и проданных за деньги, пошлину получит бургграф. Если же

продают за соль, вино, хлеб или какой-либо другой предмет, то пошлину поделят бургграф с мытником.

49. Кроме вышеназванных, все остальные пошлины относятся к должности мытника. А бывают они разные.

50. Если кто перегрузит свои товары с одного корабля на другой, уплатит по 4 денария с каждого корабля.

51. Если какой бы то ни было купец пройдет через этот город со своими товарами, ничего не продав и ничего не купив, то не платит никакой пошлины.

52. Если кто бы то ни было из епископских людей, мужчина или женщина, продаст в этом городе продукты, изготовленные собственноручно или им самим взращенные, то не платит пошлины. И если купит что-либо для своих надобностей, а не для перепродажи, то равным образом не платит пошлины. Если же, однако, кто-либо станет укорять его, что проданные продукты взращены не им, изготовлены не им либо он купил их для сбыта, то пусть он оправдается единоличной клятвой.

53. Если кто купит или продаст менее, чем на 5 солидов, — не платит пошлины.

54. С пяти солидов платит денарий, с таланта — 4, с коня — 4, с муки — 4, с осла — один денарий.

55. Пошлину с угля и веревок мытник не получает: ее до сих пор получали епископы, так же как получали они пошлину вином и хлебами, называемыми «господским хлебом» (Bernbrot).

56. К должности мытника относится удостоверять наложением клейма всякие меры, малые и большие, для соли, вина, масла, зерна, изготовленные старшиной шинкарей; и их он никому не должен давать, разве только своему согражданину для нескольких ведер вина или четверти пшеницы и т.п. пустяков, притом бесплатно.

57. А если кто-либо из горожан пожелает иметь их для своей надобности, то это можно, но так чтобы мытник добросовестно и самолично наложил на них клеймо, точно так же как всякому горожанину можно держать у себя в доме свои весовые гири, но только чтобы они были изготовлены начальником монеты.

58. В обязанностях мытника в новом городе, а бургграфа в старом городе, — сооружение мостов, сколько их понадобится, и такой прочности, чтобы всякий мог безопасно пройти по ним с повозками и вьючным скотом. Если же от ветхости или изношенности или какой-либо неисправности мостов кто-нибудь потерпит убыток, то мытник или бургграф обязаны возместить по закону каждый за свое.

Об обязанностях начальника монеты:

59. Он по праву имеет судебную власть по подделке монеты и над самими фальшивомонетчиками, как в городе, так и вне его, по всему епископству, без всякого препятствия со стороны какого-либо судьи.

60. Где бы по всему епископству он ни сыскал фальшивомонетчика, он приведет его в город и будет судить по городскому закону.

61. Монета же должна быть такого веса, чтобы в марке было двадцать солидов, а денарии «полновесные»*. И эта монета, постоянная и устойчивая, должна обращаться в епископстве сем, если только не появится подделок. В таком случае совещанием мудрых произведено будет изменение ее формы, но не веса.

62. Место чекана монеты — «У рыбаков». Чеканить денарии надо в одном помещении, чтобы все взаимно видели работу рук своих.

63. Никто, не принадлежащий к миру церкви сей, не должен делать денариев.

64. В месте, где сидят менялы, никто не должен покупать серебра, кроме только чеканщиков монеты. В других местах по всему городу пусть покупают и продают серебро все желающие, если это не будет воспрещено из-за нового чекана монеты.

70. Если епископ захочет пустить в сплав свое палатное серебро и чеканить из него денарии, то принимает начальник монеты и распределяет между монетчиками, а те выделывают из него денарии. И если денарии окажутся полновесными, то он сдаст на каждую марку 20 солидов без двух денариев.

71. Если же чекан будет на сколько-нибудь легче, он все-таки сдаст на марку на два денария меньше.

72. Из епископской казны отпускается ему уголь. На марку выдается три секстария угля.

73. Когда епископ приказывает чеканить новую монету, то прежде всего выделывается 5 солидов вида и веса предстоящей к обороту монеты.

74. Их будет хранить бургграф, доколе эта монета останется в ходу, на тот предмет, что если явится подозрение в подделке этой монеты, ее можно будет испытать и удостоверить этими пятью солидами.

75. Монетчик присягнет также, что станет чеканить монеты того именно вида и веса, как эти 5 солидов.

76. Когда монетчик будет возвращать епископу железные орудия для выделки монеты, он должен выдать ему оба штампа для пфеннигов и оба штампа для полушек. И все остальное он вернет целиком и присягнет, что у него больше ничего нет и что он не знает никого, у кого бы осталось что-

* Pfundig, т.е. 240 денариев (чтобы равнялись 20 солидам или 1 марке) составляли фунт.

нибудь. При этом штампы уничтожаются и ломаются, а обломки возвращаются начальнику монеты либо последний получает их целыми и неповрежденными с разрешения епископа.

77. Всякий, желающий получить право чекана, уплатит епископу полмарки золота, начальнику монеты — пять денариев золота, монетчикам — 20 солидов полновесной монеты.

80. Кто повредит городские стены или вал, платит бургграфу штраф в 40 солидов.

81. Кто застроит улицу, уплатит тот же штраф бургграфу. Он никому не должен давать разрешения.

82. Никто не должен вываливать навоз или отбросы перед своим домом, если только он не желает немедленно вывезти его, за исключением предназначенных для сего мест, а именно около мясного рынка, также около св. Стефана, около колодца на Конном Торгу и у места, называемого Gewirke.

83. Городской внешний ров должен иметь ширину в 60 футов, а внутренний у стены — тридцать футов.

84. Желающий устроить мельницу просит разрешения у бургграфа и согласия у горожан. Заручившись тем и другим, уплатит бургграфу золотой.

85. Никто не платит пошлины с рогож, кур, гусей, яиц, чесноку, капусты и каких-либо иных овощей, с мисок, кружек, если продаст меньше, чем на 5 солидов.

86. Никто не должен держать в городе свиней, если не поручает их пастуху.

88. Право епископа — иметь из данного города двадцать четыре лица, исключительно из купеческого звания, своими посланцами. Их обязанность исполнять, в пределах только епископства, поручения епископа к его людям. Если же они между прочим понесут какой-нибудь ущерб для своей личности или имущества, находящегося с ними в пути, то епископ обязан возместить.

89. Отдельные из них обязаны ежегодно выполнять три таких поручения с расходами за счет епископа. Со стороны епископа им должен оказываться такой почет, чтобы они при торжествах, когда он приглашает своих людей, имели за столом почетные места в его присутствии, дабы они тем виднее стали в глазах этих самых людей.

90. Когда епископ вступит в город, кони его должны быть размещены в господской конюшне...

91. Если коней у него окажется больше, то их примут шультхейс и судьи его вместе с конюшим [епископа] и разместят их по домам, где обычно получают приют пришлые. Если коней окажется и того больше,

он не имеет права размещать их в каких-либо иных городских домах, разве если добьется разрешения просьбой.

92. Если же вступит в город император или король, его кони ставятся всюду.

93. Отдельные горожане обязаны также отбывать ежегодно пятидневную барщину, за исключением монетчиков, которые принадлежат к епископским людям, и за исключением двенадцати из кожевников, за исключением всех седельников, четырех из перчаточников, четырех из булочников и восьми из сапожников, всех кузнецов и плотников, мясников и кадашей, изготовляющих винные бочки.

94. На господский двор, находящийся внутри города, шультхейс будет ставить в епископские плуги 13 волов, полученных им при случаях смерти епископских людей*, и одну лошадь, на которой будет ездить дворецкий и возить на поле семена.

95. Также даст двенадцать свиней и двух боровов, одного — для надобностей епископа, а другого — для горожан.

96. На тот же двор епископ ставит управляющего, дает плуг и борону.

97. Все остальное необходимое предоставляет шультхейс, за исключением оплаты и пропитания служащих.

98. Из судей каждый даст во время жатвы 5 солидов, старшина мельников — один солид, старшина шинкарей — один солид на покупку хлеба во время жатвы.

99. А когда обмолачивается хлеб епископа, он даст каждому судье по мерке зерна, ибо судьи и герольды обязаны стеречь епископский хлеб во все время жатвы.

100. Волов, назначенных в епископские плуги, шультхейс не должен употреблять для других надобностей, разве только для обработки положенного ему участка, но и епископ не должен переводить их на другую работу, кроме своей пашни.

101. Если среди этих волов один, или два, или несколько вследствие дряхлости или иной причины, кроме заразной болезни, сделаются не пригодными для работы, то мясники обязаны продавать их мясо, а деньги отдавать шультхейсу. И тем временем никакого другого мяса продавать нельзя.

102. Среди кожевников двенадцать человек обязаны за счет епископа приготовлять кожи и шкурки, сколько понадобится епископу. Необходимый на это материал старшина кожевников закупает на деньги епископа в Майнце или Кельне, прихватив с собой для этой цели сколько нужно человек из упомянутых двенадцати. Если дорогой они

* Так наз. Besthaupt.

потерпят какой-либо ущерб в имуществе или вследствие плена, — возмещает епископ.

103. Обязанность кузнецов состоит в следующем: когда епископ отправится в императорский поход, каждый кузнец даст по четыре подковы со своими гвоздями; из них бургграф даст епископу на 24 коней, остальное удержит себе.

104. Когда епископ отправляется к [королевскому] двору, каждый даст по две подковы со своими гвоздями; из них бургграф дает епископу на 12 коней, остальное удерживает себе.

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадобится епископу в его дворце, а именно по части дверей, окон и разных вещей, которые делаются из железа; при этом дается им материал и отпускается продовольствие на все время.

106. Если епископ осадит какой-нибудь замок или осажден будет один из его замков, они дадут триста стрел. Если епископу понадобится больше, ему отпустят в достаточном количестве из его материала и за его счет.

107. Замки и цепи, необходимые для замыкания городских ворот, они обязаны сделать из отпущенного городом материала и за счет города.

108. Среди сапожников восемь человек обязаны давать епископу, при его отправлении ко двору или в поход государев, чехлы для подсвечников, тазов и посудин. Все остальное, что понадобится для вышеуказанного или [при поездках] для осады замков, как-то мешки и коробья или какие-либо иные нужные вещи, должно быть изготовлено из черной кожи, причем издержки относятся на счет епископа.

109. Четверо среди перчаточников, при отправлении епископа ко двору или в государев поход, будут давать ему сколько окажется необходимо белой кожи на чехлы для подсвечников, тазов и посудин. Все остальное, сколько окажется нужным для вышеуказанных дел и при осаде крепостей, они будут делать из белой кожи, причем издержки падают на епископа.

110. Седельники, при отправлении епископа ко двору, будут давать ему два вьючных седла, а для государева похода — четыре. Если ему понадобится больше, они сделают их с отнесением издержек на счет епископа.

111. Когда епископ отправляется в поход или ко двору, те, которые выделывают мечи, должны отчистить мечи и шлемы дворецкого, конюшего, кравчего, виночерпия, ключника и всех ближайших повседневных слуг епископа. Кроме того, они будут чистить также охотничьи копья епископские, если окажется необходимым.

112. Кружечники будут выделывать за счет епископа все кружки, какие понадобятся епископу при его дворе, или при дворе императора, или при поездках к императору. Необходимый материал для этого — дерево

— будет давать старшина кружечников. Кроме того, он будет ежедневно давать дерево кружечникам епископа.

113. Кадаши, получив от своего старшины необходимый материал — доски, а от епископского ключника — обручи и связки, будут выполнять все, что окажется необходимым епископу, пребывающему дома, или императору, или императрице, если они будут здесь, для их бани, а кроме того для кухни и для надобностей виночерпиев... Кроме того, они будут набивать обручи на все винные бочки епископа, малые и большие, за его счет.

114. Обязанность шинкарей — чистить каждый понедельник нужник епископа и закром его, если он этого захочет.

115. Мельники и рыболовы обязаны возить епископа по воде, куда бы он ни пожелал между Р. и В. Лодками их будет снабжать в необходимом количестве мытник. Весла они приносят свои; и до епископского сада они отводят лодки так же, как раньше отправились оттуда, за счет епископа. Рыболовы будут давать двух гребцов, мельники — третьего. Если они по небрежности своей погубят суда, то заплатят; если их отнимут силой, то отвечает епископ.

116. Рыболовы обязаны рыбачить для надобностей епископа между Рождеством Пресвятой Богородицы и Михайловым днем* ежегодно в течение трех дней и трех ночей со всеми своими снастями, когда река окажется всего удобнее [следуют географические определения].

В этих пределах никто не имеет права согнать их с каких бы то ни было вод, исключая вод заповедных.

117. В Брейше**, от верхнего городского вала и до нижнего у св. Стефана, никто да не осмелится ловить рыбу без разрешения епископа или его кравчего.

118. Плотники обязаны каждый понедельник выходить на работу к епископу за его счет. Явившись ко дворцу самым ранним утром, да не осмелятся они уходить до колокольного звона, призывающего к ранней обедне. Если они тем временем не будут использованы на работу для епископа, то могут свободно уйти на этот день. Нельзя заставить их пойти на работу для кого-либо другого, кроме епископа.

№ 58. Второе городское право Страсбурга [1214 г.]

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Аминь. Да ведомо будет всем верным во Христе, современникам и потомкам, как граждане города Страсбурга, мудрейшие и почтеннейшие, возлюбив справедливость и

* С 8 по 29 сентября.

** Приток Илля около Страсбурга.

правду, собрались по велению разума и после совещания, с согласия господина епископа, фогта и всех именитых людей сего города, постановили и приказали записать следующие уставы:

I. 1. Постановлено, чтобы двенадцать человек, а если нужно и больше, людей честных и достойных, мудрых и надежных, из среды как министериалов, так и горожан, ежегодно назначались городскими консулами; из них один или двое, коли понадобится, избираются бургомистрами. Все они пусть поклянутся ревностно блюсти во всем честь церкви, епископа и города, защищать по силе и разумению своему город и всех горожан, больших и малых, богатых и бедных, от всякого зла и справедливо судить всегда согласно истине.

2. А заседать для суда (как трибунал) они будут каждую неделю дважды, именно в третий и пятый день недели, если только не придется пропустить по случаю праздника. И суд ведет бургомистр, приговор постановляют консулы.

3. Никто из консулов не должен передавать чьих-либо речей и не должен без разрешения бургомистра и консулов обращаться за советом по судебным делам к кому-либо из друзей.

4. Не допускается одновременное избрание в консулы отца с сыном или двух братьев.

5. Когда приходится перед лицом епископа или где-либо в ином месте разбирать сложные дела, то сначала собираются вместе консулы, и, если понадобится, призываются в совет скабины.

6. Консулы будут судить не по земскому праву, которое называется Landrecht, а по правде и по нижеизложенным городским установлениям:

II. 7. Постановлено, что если кто бы то ни было осмелится словесно оскорблять или бранить кого-нибудь и перед городским советом будет уличен в этом двумя или тремя свидетелями, то уплачивает штраф в 30 солидов денариями* и, не взирая ни на какие просьбы, останется за пределами города до тех пор, пока не уплатит этих 30 солидов и не удовлетворит потерпевшего.

8. А кто схватит другого за волоса или побьет кулаком или каким-либо иным способом без пролития крови и будет уличен в этом двумя свидетелями, уплатит 5 фунтов.

9. А если кто ранит кого-либо оружием и будет схвачен, то пусть содержится в общественной тюрьме до выздоровления или смерти потерпевшего и подвергнется наказанию сообразно вине.

---

* См. § 61 предыдущего документа.

10. Если потерпевший умрет, виновник подвергнется смертной казни. Если же уцелеет, то за пролитие крови виновник, по постановлению шультхейса, подвергнется в остроге отсечению правой руки.

11. Если же виновник убежит, то, коли он владеет благоприобретенным или наследственным имуществом, дом его подвергнется разрушению, или же, по воле консулов и шультхейса, дом становится общим достоянием и открывается для всех, двери и окна его вынимаются, до тех пор пока владелец не помирится с потерпевшим и не уплатит штрафа консулам, шультхейсу, фогту, а также и городу.

12. А уплатит он консулам пять фунтов, шультхейсу и фогту тридцать солидов.

13. Если же он не имеет благоприобретенного или наследственного имущества, то в распоряжение совета поступает движимое имущество виновника, чтобы дать удовлетворение судьям и самому потерпевшему.

15. Если кто-либо, войдя в чей-либо дом или усадьбу, словом или делом обидит хозяина или его домочадцев, и если хозяин, в состоянии обороны, расправится с ним и причинит вред ему самому, то за это он не обязан платить ни вознаграждения, ни штрафа. Если же пострадавший пожелает оказаться невиновным и притянет хозяина к суду, хозяин очистится на суде единоличной присягой.

16. Если кто-либо в обещание [уплаты] штрафа даст судье прут и по забывчивости оставит его у судьи, и судья притянет его за это к ответственности, то он уплатит судье за этот проступок девять денариев*.

17. Люди, числящиеся за святителями нашими или вообще за церквами и подчиненные другому праву, будут платить судье на суде штраф, так называемую Wette под присягой, согласно принадлежности своей и своему праву.

19. А кто от себя лично составит ватагу для насильственного нападения на своего согражданина в его доме, тот пусть за себя платит штраф, как за троих людей. А затем каждый из его соучастников за себя пусть платит тридцать солидов.

20. Если между гражданами возникнет какое-либо разногласие или ссора и отсюда произойдет сборище, то никто не возьмется за оружие, не представ предварительно перед членами городского совета у монастыря Девы Марии и не получив от них указаний. Советники же ради блага мира и ради усмирения раздора обязаны браться за оружие.

21. Итак, за исключением последних, всякий, кто вне своего дома возьмется за оружие для оказания помощи своим друзьям, уплатит городу

---

* Прут или соломинка — символ торжественного обещания как в германском, так и в русском праве. Ср. поговорку: «Сила солому ломит» в смысле: «Сила нарушает право».

пять фунтов. Если их у него не окажется, то пусть будет изгнан из города, пока не уплатит штрафа по назначению совета.

22. Кроме того, постановлено, что если кто-либо из жителей области осмелится оскорбить или обидеть какого-нибудь нашего согражданина лично или в его имуществе, и если обидчик до уплаты штрафа вступит в наш город, а потерпевший или кто-либо из его друзей отомстит ему, он за это не подлежит никакому штрафу, если только жалоба раньше подана была совету и объявлена обвиняемому.

III. 23. Сверх того, по общему соизволению, избраны и назначены скабины, люди честной жизни и доброй славы, которые при избрании обязаны поклясться в присутствии консулов, что они непрестанно будут свидетельствовать согласно с истиной обо всем, что увидят или услышат.

24. Их и следует привлекать во свидетели при продажах и покупках, при займах и платежах должников, и во всяких делах. И впредь не надо требовать с них присяги при каждом деле, а надо расспрашивать их на основании первой их присяги.

25. Если же кто-либо, мужчина или женщина, в присутствии двух таких свидетелей или в присутствии двух членов совета признает свой долг кредитору, и впоследствии, при возникновении кого-либо спора, один из них станет отрицать, то пусть [должник] будет изобличен единоличным показанием другого из двух вышеназванных людей перед лицом совета или судей, и уличенный пусть уплатит консулам карруку вина и фунт денариев, шультхейсу и фохту — тридцать солидов и тому скабину, чьим показанием он был уличен, — пять солидов; [сделано это] ради того, чтобы реже прибегали к нарушениям клятвы, которые слишком часто совершались на суде по недоказанности.

26. Женщины же, которые до сих пор обычно не платили долгов за своих мужей, обязаны будут, уличенные показанием, платить кредиторам те долги, которые признали за собой в присутствии свидетелей-скабинов.

27. Кроме того, постановлено, что если кто-либо в доказательство долга не пожелает прибегнуть в городе к призыву свидетелей, то он не может преследовать своего должника поединком, но тот, принеся присягу, останется безответственным.

28. Наконец, те, которые по ночам станут ходить с ножом или иным орудием, наказываются как подозреваемые в злых умыслах, если не смогут оправдаться законным объяснением.

IV. 29. Постановлено также, чтобы никто из сограждан наших, держащих пекарни, не давал в праздник св. Мартина своим пекарям вино или другое угощение, а в Рождество Христово и в другие праздники не приглашал их к трапезе.

30. Равным образом, кто держит камнетесов и плотников, не должен давать им харчей и приглашать их к трапезе в праздники.

31. А кто даст харчи или примет их, уплатит городу 20 солидов.

32. В пределах города никто не должен кормить свиней вне своего дома. И всякий, кто захватит свинью, бродящую по улице без провожатого, может задержать ее, если пожелает, пока не получит шесть солидов от владельца свиньи.

33. А те из горожан наших, которые зовутся лодочниками, пусть перевозят бесплатно взад и вперед всех сограждан наших, богатых и бедных, как их собственную особу, так и их лошадь, на которой они едут, и притом пусть делают это столь быстро, чтобы никто не мог поставить им в вину, что они помешали важному делу и задержали его самого. А кто будет уличен в этом, пусть платит городу 20 солидов.

34. Купцы, если даже это наши сограждане, со скота или иного своего товара, которого они не в состоянии нести на себе или везти на коне, на котором едут сами, обязаны платить установленную плату за перевоз. Лично же они, едут ли они на коне или идут пешком, от платы свободны.

35. Как вознаграждение за этот труд установлено, чтобы никто никого не перевозил за исключением вышеназванных лодочников, которые получили от господина фогта право перевоза.

36. Мясники никоим образом не должны держать на продажу внутри мясных недоброкачественную финнозную свинину, а только снаружи.

37. Запрещено до ранней обедни откупоривать и продавать вино, выставленное на продажу на лодках по реке Брейше или перед монастырем на телегах.

V. 39. Точно так же воспрещается и с общего согласия окончательным постановлением заказывается, чтобы никто из наших сограждан, ни мужчина, ни женщина, не отдавал своего имущества, находящегося в городе, в приданое чужому человеку за пределы города в области, но чтобы делал это в городе, публично, в присутствии честных людей.

40. Когда господа придут в дом какого-либо нашего согражданина и если в это время в доме этом будет есть шут, то хозяин дома уплатит городу один фунт, если этот шут не прибыл в город из области вместе с гостями.

41. Кадаши должны выделывать бочки до сорока ам* без просмолки.

43. Нельзя после одного вина продавать другое. Никакого вина нельзя после другого продавать по той же цене в один и тот же день, в том же погребе или трактире. Кто нарушит сие постановление, платит городу 20 солидов.

---

* Ама — 4—5 ведер.

44. Точно так же тот, кто неверно станет отмеривать вино, с крыши сбрасывается в нечистоты, а хозяин, чьи вина, платит талант.

45. Кроме того, воспрещаются всякие обычаи вроде посетительских колец, венчальных колец и всяких подарков, которые иногда раздаются вместо колец.

46. Также воспрещаются денарии, которые давались женщинам при родах и назывались hantgiftphenninge in natalibus; так чтобы ни один мужчина и ни одна женщина не осмеливались никому давать денария, кроме как лицам своей семьи, которые живут у них в доме.

47. На брачном пиршестве за столом должно оставаться не более восьми мужчин и восьми женщин, приглашенных в равном количестве роднею обеих сторон, да четыре скомороха — мужчины, а не женщины. Сверх этого, никаких других скоморохов или шутих не допускается и не дается им никаких подарков.

48. А кто будет иметь на свадьбе большее количество мужчин, женщин и скоморохов или осмелится раздавать кольца, тот проведет вне города целый месяц за пограничным столбом и не войдет в город, пока не уплатит консулам пяти фунтов.

49. Если же какой-либо скоморох или шутиха осмелятся без приглашения пировать за чьим-либо столом, то хозяин дома уплатит в наказание десять солидов денариями, а служители судей возьмут одежду скомороха.

50. Если же кто-либо из наших горожан осмелится преступить или нарушить какое-нибудь из вышеназванных постановлений, то будет платить в наказание 10 фунтов денариями, причем половина поступает в пользу города, а другая — городским консулам и блюстителям вышеназванных постановлений.

51. А блюстителей назначается ежегодно четверо вместе с обновлением совета, притом двое из консулов и двое из скабинов, которые будут присягать на ревностное соблюдение вышеназванных предписаний.

VI. 52. Если кто-нибудь из сограждан наших уйдет со своим оружием воевать в чужой город без разрешения бургомистра нашего и совета и станет выступать и нападать с теми гражданами, то уплатит 5 фунтов и лишится права нашего города.

53. Если кто-либо подаст бургомистру жалобу на нанесенное ему оскорбление или обиду и вследствие поданной жалобы вторично будет подвернут обиде, то тот, кто совершил сию дерзость, уплатит городу тройной штраф, именно пятнадцать фунтов, за повторное нарушение порядка, а каждый из его сообщников уплатит пять фунтов.

54. Когда между гражданами нашими произойдет ссора и свара, и бургомистр с консулами прикажет для блага мира соблюдать перемирие,

то тот, кто восстанет на бургомистра и не пожелает соблюдать перемирие, если он консул или скабин, отстранен будет от высокой должности. Всякое же другое лицо, не консул и не скабин, платит 5 фунтов и будет изгнан на год за пределы города.

55. Городские судьи должны заседать в суде при первом звоне к ранней обедне. Вызванные же на суд должны явиться до окончания второго благовеста и потом могут уйти. И если в этот промежуток времени обвинитель не явится, то уплатит штраф судье.

56. Серые сукна, не имеющие в ширину двух локтей с четвертью, должны быть сожжены. И если к сукну подмешан волос, то оно точно так же подлежит сожжению. И у приезжих точно так же не должно покупать сукон меньшей ширины и с подмесью волоса. Если же подобные сукна будут куплены и приняты, их точно так же сжигать.

57. Вот монастыри, которые в городском походе ставят коней для колесницы со знаменем... [следует перечень семи монастырей]. Настоятель же св. Арбогаста будет снаряжать одного парадного коня, на котором будет ехать шультхейс, сопровождая колесницу. Знамя делается евреями.

№ 59. Основание и дальнейшее развитие города Стендаля

а) Основание рынка (около 1151 г.)

Альберт, Божией споспешествующей милостью маркграф Бранденбургский. Да ведомо будет, что я... в подвластной мне области, которая зовется Бальсамарланд, учредил рынок для разных торговых дел в собственной моей деревне, которая зовется Стендаль, так как до сего времени соответствующего рынка в области той не было; для привозящих сюда свои товары нам угодно было постановить следующий устав:

1. Чтобы со дня учреждения этого рынка впредь в течение пятилетия их никоим образом не понуждали к уплате торговых пошлин.

2. Жителей же упомянутой деревни мы освобождаем навсегда от всякого взимания торговой пошлины в подвластных мне городах: Бранденбурге, Гавельберге, Вербене, Арнсбурге, Тангермюнде, Остербурге, Зальцведеле и во всех прилегающих местах.

3. Сверх того, пожаловали мы им суд во всех делах по праву граждан Магдебурга; если же когда-либо случится, что его осуществление вызовет в них сомнение, то надлежит им искать себе права в городе Магдебурге.

4. Участки вышеупомянутой деревни мы пожаловали им в свободное наследственное обладание, так чтобы они имели полную возможность отчуждать их и располагать ими по усмотрению; однако с тем, чтобы они впредь ежегодно выплачивали с этих участков по 4 монеты.

5. Судебная власть, начальство в суде деревни Стендаль пошло от меня на праве бенефиция человеку моему Оттону, причем две части из судебного дохода достаются мне, третья же часть — вышеупомянутому Оттону или его преемнику.

6. Мы постановили: пусть этот рынок для всех, которые придут поселиться туда впоследствии, будет в одинаковом пользовании с прежними поселенцами как в отношении воды, так и пастбищ, лесов и во всем остальном.

в) Город освобождается от бургграфов (1215 г.)

...Альберт II, Божией милостью маркграф Бранденбургский... По воле нашей да будет ведомо, что мы, на просьбу возлюбленных наших граждан стендальских и мудрых мужей консулов, совершенно отменили тяготы, понесенные стендальцами от пребывания у них бургграфа, и постановили, чтобы горожане впредь не обязаны были стоять под началом бургграфа и под его судом.

с) Пожалование маркграфских мясных лавок и рынка городу (14 февр. 1227 г.)

Иоанн I, Оттон III, маркграфы Бранденбургские... Имев соображение относительно возлюбленных наших граждан стендальских... мы передаем им пользование мясных наших ларей, а также тринадцати лавок под домом кожевников и всех, какие еще окажутся отданными каким-либо частным лицам на феодальном праве, при условии, чтобы они, как полагается, выкупили их законным выкупом. Сверх того, и весь рынок, который до сих пор был у нас в совместном владении, мы милостиво передали на пользу общине в вечное владение и на благое пользование.

d) Уступка торгового подворья (21 апр. 1243 г.)

Иоанн и Оттон, Божией милостью маркграфы Бранденбургские... Мы желаем объявить, что мы решили передать возлюбленным нашим бюргерам стендальским все свои права собственности на подворье в Стендале, чтобы они означенное подворье обратили в свое пользование и владели им на правах собственности вовеки, за изъятием той части, по которой Бодо из Вустербуша до сих пор несет нам феодальную службу, и право собственности на эту часть мы решили удержать за собой...

e) Дарение городу земли под виноградники (18 апреля 1249 г.)

Иоанн и Оттон, Божией милостью маркграфы Бранденбургские... И вот мы желаем объявить, что мы, по настоятельной просьбе вышеупомянутых стендальских наших бюргеров, даровали этому городу два манса, содержащих в себе 60 югеров, расположенных у самого города, каковые мы решили пожаловать этому городу на правах собственности для разве-

дения виноградников путем новой посадки, притом с условием, что если кто-либо из бюргеров этого города впервые обработает какую-либо часть этого поля под виноградник, то он пусть и пользуется на правах собственности этой частью или этими частями для себя и на правах наследства для своих наследников. Мы же уступили вышеупомянутые участки упомянутому городу нашему со всею полнотою прав, какие мы на них имели...

f) Установление еженедельного торга. 8 июня 1277 г.

...Иоанн, Оттон и Конрад, Божией милостью маркграфы Бранденбургские... Мы желаем объявить... что мы на вечные времена пожаловали в прибавку городу нашему Стендалю еще один рыночный торг, а именно каждый четвертый день недели [среда]. Если же кто-либо в необдуманном дерзновении посмеет нарушить этот рынок или воспрепятствовать свободе его, то против него, с полного нашего согласия, должны выступить судьями консулы вышеназванного города. Если же в исправлении этого дела консулы означенного города окажутся слабыми и беспомощными, то против такового нарушителя упомянутого рынка на помощь вышеназванным консулам явимся мы...

№ 60. «Городской воздух делает свободным» (Из городского права, дарованного императором Фридрихом II городу Гослару 13 июля 1219 г.)

1. Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет называть его рабом или низводить в рабское состояние.

2. Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом не признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет объявлять его своим рабом.

№ 61. Бремен: право городской черты. 28 ноября 1186 г.

Фридрих, Божией споспешествующей милостью император... Ценя честную и постоянную преданность горожан города Бремена и желая по заслугам воздать за их верность, мы уступаем им и утверждаем за городом Бременом те права, которые блаженной памяти император Карл по настоятельной просьбе св. Виллегада, первого святителя церкви Бременской, уступил этому городу, а именно:

1. Если какой-либо мужчина или женщина пробудет беспрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечье называется Weichbild'ом [городская черта], в течение года и дня, и если кто-либо

после этого вздумает [пожелает] оспаривать его свободу, то, наложив молчание на жалобщика, пусть будет предоставлено тому доказать свою свободу ссылкой на вышеуказанный срок; изымаются все люди Бременской церкви и всех церквей, примыкающих к ней по правовому своему положению.

№ 62. Постановление об условиях возврата несвободных, ушедших в города, их господам [16 дек. (1224), при Генрихе VI]

Генрих, Божией милостью Римский император и т.д. Объявляем... что так как между эльзасскими городами нашими и знатными министериалами сей области возникает спор насчет собственных их людей, которые уже перешли и впредь станут переходить в эти города, то чтобы тяжба эта навсегда прекратилась и обе стороны могли пользоваться своим правом, нами постановлено такое решение: если какой-либо человек, принадлежащий какому-либо знатному или министериалу, уйдет в наши города ради пребывания там и господин пожелает его вытребовать обратно, то сам господин с 7-ю родственниками своими с материнской стороны... должен доказать, что он принадлежит ему на праве собственности, и взять его. Если же господин почему-либо не может представить родственников или близких, то он, взяв с собою двух верных свидетелей по соседству тех мест, откуда родом человек, чьей выдачи требуют, пусть докажет, что тот человек, прежде чем ушел в наши города, принадлежал ему на праве полной и нерушимой собственности, и после того с семью себе равными пусть подтвердит это, прикоснувшись к святым реликвиям; и тогда человек его пусть будет отдан ему обратно.

Мы постановляем также и накрепко предписываем, чтобы все знатные и министериалы, как уже сказано, желающие вернуть своих собственных людей, вступали в города наши под охраной нашего мира и уходили оттуда без тяготы и обиды, и чтобы должностные лица и совет городов наших охраняли их во время их розысков...

№ 63. Берн. Людовик Савойский вступает в гражданство. 25 февраля 1297 г.

Мы, Людовик Савойский, владетель Ваадта, объявляем во всеобщее сведение, что мы сделались гражданином в городе Берне и присягнули его гражданству и приняли его на следующих условиях, а именно: что мы, в случае чьей-либо жалобы на нас, перед лицом... шультхейса... консулов и граждан Берна не должны отвечать на их суде и нести наказание, а также не обязуемся в силу нашего гражданства вносить или уплачивать

какие бы то ни было налоги или поборы. И да ведомо будет, что мы, приняв упомянутое гражданство и присягнув ему, вполне сохраняем над собой и особо оговариваем [власть] пресветлых... короля Франции в звании графа Бургундии до тех пор, пока он будет владеть этим графством, и господина Амедея, герцога савойского, дражайшего нашего господина и брата...

№ 64. Кельн. Присяга при принятии в гражданство (около 1355 г.)

Вот в чем должны присягать те, которых заново принимают в бюргеры Кельна:

1. Во-первых, они должны присягнуть в том, что будут верны и преданы Совету и городу Кельну и будут стоять за его добро и боронить его от всякого зла, по крайнему своему разумению.

2. Также будут выходить на зов набатного колокола и иметь полное свое собственное снаряжение на благо Совета и города Кельна.

3. А когда они принесут таковую присягу, то могут быть приняты в гражданство со всеми свободами, какими пользуются другие бюргеры. Если окажется при этом, что он уже три года жил в Кельне и жил своим домом, то пусть внесет 6 гульденов самых полновесных; а если окажется, что он сидел меньше трех лет, то пусть внесет 12 гульденов.

4. Далее следует также спрашивать их, не чьи ли нибудь они люди. И вот если возникнет дело, что они чьи-либо и их потребуют в течение года после выдачи грамоты на гражданство, то следует отдать его господину, и его бюргерское звание не должно давать ему прикрытия.

№ 66. Из городского права, данного Вене Леопольдом VI (18 октября 1221 г.)

24. Также предписываем, чтобы ни один чужак не входил в город с налаженным луком, [но] у ворот города он должен снять тетиву с лука; и если у него есть какое-либо дело в городе, пусть он оставит лук в своей гостинице, а, покончив дело, уходит из города также не наладив лука. А если кто поступит вопреки этому, то у него пусть отымут лук и стрелы без всякого разговора. Также да не будет позволено никому из граждан входить или выходить из города с налаженным луком. Кто поступит вопреки этому и у кого захвачены будут в городских стенах стрелы с железными наконечниками, тот уплатит судье нашему 72 денария.

25. Если в доме какого-либо горожанина возникнет пожар, так что пламя видно будет над крышей его, то он уплатит судье 1 фунт. Если же сгорит весь тот дом, то он судье ничего не платит, довольно с него собственного убытку.

VIII. ТОРГОВЛЯ И ИНДУСТРИЯ

№ 71. Базель. Запрещение конфисковать имущество бюргеров за долги епископа. 17 июня 1274 г.

Рудольф, Божией милостью король... Благосклонно снизойдя к просьбам верных наших подданных, базельских граждан.... мы в полноте королевской [своей] власти сочли нужным соблаговолить, чтобы ни один маркграф, герцог или граф, человек высокородный или худой, духовный или светский, не затевал и не осмеливался привлекать их к ответственности или налагать запрещение на их имущество по случаю долгов досточтимого местного епископа базельского, возлюбленного князя нашего и Римской империи, его ли самого или какого-либо другого лица, или под предлогом жалоб на них.

№ 72. Регенсбург. Из городского права Фридриха II. 4 сентября 1230 г.

15. Также если какой-либо горожанин потерпит кораблекрушение и по этой причине кто-нибудь ограбит у него имущество, то сам грабитель вследствие этого проступка пусть подвергнется имперской опале.

№ 73. Отмена «берегового права» 8 сентября 1308 г.

§ 2. Сверх того было прибавлено, что если люди или купцы королевства Норвежского потерпят кораблекрушение — дай Бог, чтобы этого не случилось — в графстве Фландрском или, наоборот, люди графства Фландрского в пределах королевства Норвежского, то им пусть будет предоставлено эти потерпевшие крушение или поврежденные корабли со всем их имуществом мирно и свободно, самолично или с помощью других, чинить, подбирать и владеть, пока они сами не станут считать все это за брошенное; бальи же, который в данное время окажется тут или там, где и когда случится произойти кораблекрушению, должен верно защищать и охранять от набегов со стороны беспокойных и грабителей и самих потерпевших крушение и их разбитые суда, и отдельные предметы из их имущества, иначе он да подвергнется наказанию сообразно размеру проступка или нерадения.

№ 74. Права регенсбургских купцов в Австрии. 9 июля 1192 г.

Леопольд, Божией милостью герцог Австрии и Штирии... Оценив верность регенсбургских граждан, каковую они многократно выказывали нашей светлости, мы сочли достойным почтить их паче остальных, ибо

преданность их по сравнению с другими мы столько раз с убедительной очевидностью испытали на деле.

1. И вот из пошлин, которые уплачивались нам с предметов, ввозимых в нашу землю на продажу или увозимых от нас, мы с обычной щедростью часть сложили с них.

2. А против бесчинства должностных наших лиц мы им [гражданам Регенсбурга] как людям близким даруем постоянное право, и впредь незыблемо устанавливая, что если кто-нибудь из них ранит человека так, что отсюда произойдет поражение членов, в просторечии называемое калечением, то он уплатит судье десять талантов. Если же раненый окажется без указанного членовредительства, то за пролитие крови пусть уплатит судье три таланта.

3. Далее, если кто-нибудь из них убьет кого-нибудь, мы не назначаем определенного штрафа, но пусть он сообразно тому, как может, уладит с судьей. Однако мы прибавляем, что если он случайно наткнется на судью чересчур придирчивого во взыскании, то пусть войдет в соглашение с государем страны, буде пожелает.

4. Кроме того, постановляем, чтобы тот, который ударит кого-нибудь кулаком или палкой так, что от этого появится опухоль, уплатил судье три таланта. А если этих денег он уплатить не сможет, судья получит власть распорядиться его шкурой и волосом*. Это же наказание понесет и тот, кто ранит другого без членовредительства, если он не сможет уплатить положенных за это денег.

5. А кто выдерет у человека волосы или ударит в зубы, уплатит 3 солида. Если же не сможет заплатить установленных денег, то получит сорок ударов палкой в присутствии судьи.

6. А если кто-нибудь скажет другому оскорбительные слова, уплатит сорок денариев. Если же назовет собачьим сыном или вором, то подвергнется тому же штрафу, какой мы назначили выше за выдирание волос и удар в зубы.

7. Если кто-нибудь станет учить свою прислугу ударами или каким бы то ни было способом, то он за это не ответит судье.

8. Если прислуга кого-нибудь из них совершит что-нибудь против закона, то пусть ее судят по установленному закону, а господин ее останется в покое и без докуки со всем своим имуществом.

9. Если судья кому-нибудь из них в чем-нибудь предъявит обвинение и не окажется по этому делу обвинителя или жалобщика, то обвиняемый может очиститься единоличной клятвой.

---

* Наказание, сопряженное с обесчещением (Саксонское Зерцало).

10. Если случайно возникнет жалоба по поводу торговых сделок, то те, которые называются litcoufare [мелкие трактирщики], не допускаются свидетелями против них; почтенные же люди, которые зовутся хозяева (hospites), сиречь wirte, и которым по заслугам следует верить, будут ли они из Вены или Регенсбурга, пусть будут выслушаны в их деле.

13. Если где-нибудь в другом месте, не в нашей стране, кто-либо из них ранит кого-либо, и после этого пострадавший найдет его здесь и подаст на него жалобу, он будет судиться в вышеустановленном порядке. Если же пострадавшего не окажется налицо, то никому другому виновник за это не ответит.

14. Если кто-либо из них одному из граждан продаст какой бы то ни было товар, и если покупатель не разглядит того, что покупает и увезет за пределы города, а потом станет уличать продавца перед судьей в обманной продаже, продавец не ответит за эту продажу. А если по совершении продажи горожанин усмотрит скрытый изъян и гость захочет изъян этот возместить без судьи, то судья после этого уже не будет иметь никакого дела к гостю по этому поводу.

15. Если гость кому-либо из горожан даст подрезанную штуку сукна и покупатель из-за этого привлечет продавца к судье, то, если гость единолично поклянется, что он не знал этого, он ровно ничего не заплатит за это судье, а только возместит убыток. Далее, если не захочет поклясться, уплатит полталанта судье да глашатаю двенадцать денариев.

16. Соизволяем также, чтобы они без всякого затруднения покупали золото, кожи и все, что пожелают, за исключением серебра.

17. Также за груз телеги, который в просторечии называется ein Wagengiwand, когда его везут из Кельна в тамошней упаковке, пусть платят три таланта. Если же мытарю покажется, что сукна превышают вышеуказанный груз, то гость единоличной клятвой удостоверит, что лишка нет.

18. Равно если кто-либо случайно или по необходимости развяжет подобную поклажу и снова ее свяжет, то он единоличной клятвой удостоверит, что он связывал то же количество сукна, какое связанным шло из Кельна.

19. Также за полвоза сукна пусть уплачивается 12 солидов, за четверть воза — 6 солидов, за сотню кож — 50 денариев, за 15 центен воску — 50 денариев. При плавании вниз уплачивается 52 денария судье в Вене, в Меделихе — 36, у св. Ипполита — 4, в Тульне — 12 с воза сукна.

20. А когда они предпочтут со своими повозками отправиться сухим путем, а не на судне, или когда вследствие суровой зимы иначе сделать и нельзя, то прибывающие уплатят с повозки сукна два фунта, а возвращающиеся — полфунта.

21. Если мелочные торговцы везут своего товара, который называется «cramgiwant» столько, что можно приравнять полуповозке сукна, то будут платить 12 солидов, если четвертую часть, то 6 солидов; за различные выделанные кожи никто мыта платить не будет.

22. За цент меди, олова, колокольной меди будут платить 10 д. в Штейне*, в Матузине — ничего. За груз сельдей, называемый ластом, будут платить 50 денариев в Штейне, в Матузине — ничего.

23. Люди с Руси (Ruzarii) в какое бы время они ни шли, пусть платят 2 фунта, а на обратном пути из Руси — полфунта; двенадцать денариев они будут платить за вход куда бы то ни было.

№ 75. Из грамоты Леопольда VI городу Вене (18 октября 1221 г.)

§ 23. Да не будет позволено ни одному из жителей Швабии, Регенсбурга или Пассау въезжать со своими товарами в Венгрию. А кто поступит вопреки сему, заплатит нам 2 марки золотом. И никто из иноземных купцов да не остается в городе (Вене) со своими товарами более двух месяцев и да не продает какого-либо привезенного им товара чужому, а только лишь горожанину. И пусть не покупает золота или серебра; если же у него есть золото или серебро, то он может продать их только нашей казне.

№ 76. Немецкий Двор в Венеции (Fondaco dei Tedeschi)

Из Капитуляриев а) 1268; в) 4—VII—1302; с) 13—II—1329 гг.

а) 2. Постановлено было Большим Советом, что должны быть избраны трое вицедоминов, которые должны жить во Дворе, а также двое писцов. И вицедомины, и писцы, и смотритель Двора не смеют и не должны ни покупать, ни продавать чего бы то ни было, ни поручать покупать в самом Дворе или вне его, а также никто никоим образом не станет давать справок ни лично, ни через какого-либо купца, который явится в этот Двор. Наоборот, вицедомины, писцы и смотритель подворья обязуются не получать ни прямо, ни косвенно и не принимать в силу своей должности никоим образом и ни от кого никакой услуги или подарка под страхом штрафа в 50 фунтов, за исключением только получаемого ими от общества жалованья. И если узнают, что кто-либо получил, пусть заставят вернуть как можно скорее.

3. И каждый раз, когда во Двор привезен будет какой-либо товар стоимостью выше 90 фунтов, он должен быть оценен общественными оценками.

---

* На Дунае, около Кремса.

4. Писец же должен также ежемесячно вместе со смотрителем Двора покупать вино. И один не может покупать его сам по себе, без другого.

5. Никто не может ночевать в названном Дворе, если он не купец или не слуга у купца.

6. Равно и все артельщики [misseta, misseta] Двора должны быть подсудны консулам, как и раньше. Тем не менее и вицедомины обязуются, если какой-либо артельщик, или упаковщик, или носильщик подвергнется обвинению, вицедомины должны старательно расследовать этот случай и в порядке изложить его письменно. И когда разыщут, показать упомянутым консулам, а консулы должны подвергнуть этих нарушителей порядка заслуженному ими наказанию.

b) 7) 1302 года в 4-й день месяца июля, индикта 15-го, принято было Советом, чтобы ни один упаковщик с Немецкого Двора не смел выходить за пределы квартала Риальто упаковывать что бы то ни было без разрешения вицедоминов означенного Двора под угрозой нарушения этого правила. И обвинитель пусть получит половину штрафа, взысканного за вину того...

9. Также чтобы артельщики обязаны были записывать все товары, какие куплены, что именно, сколько и за сколько, и давать эту запись вицедоминам, прежде чем купец получит свой прилавок. И запись эта должна быть составлена в присутствии по крайней мере одного из вицедоминов. И если какой-нибудь купец увезет что-либо в кредит, то вицедомины должны искать и расследовать правду, и то, что они найдут, должны указать консулам купцов. Точно так же ни один купец не может ничего оставить на складе в Венеции, если обычным порядком не записал этого в опись вицедоминов, вицедомины же обязаны хранить и беречь означенную опись под замком.

10. Также чтобы лодочники не смели и не должны были разгружать что бы то ни было из имущества купцов, прибывающих во Двор, разве только по приказу вицедоминов, под страхом потерять лодку и, больше того, по усмотрению вицедоминов, независимо от Совета, у которого на этот счет определено другое наказание, поменьше.

11. Также чтобы вицедомины имели полномочие приводить к присяге разных лиц, как им заблагорассудится в силу их звания. И чтобы могли налагать разные штрафы, если кто-либо станет уклоняться от присяги, а нотариусы обязаны взыскивать эти штрафы.

12. Также чтобы вицедомины имели полномочия следующим образом и порядком причислять купцов к уполномоченным: пусть они имеют два ящика, в которого должны положить имена уполномоченных подворья, записанные на бумажки, так, чтобы нельзя было знать имени, написан-

ного на каждой записке. И вот, когда явится купец, он должен вынуть одну из этих записок и будет иметь артельщика, которая он вынул таким образом. И так пусть поступают со всеми остальными до конца. А записки, которые будут вынуты, должны быть положены в другой ящик, пока не перейдут в него все записки из первого ящика. И тогда можно начать сначала, как делалось раньше.

13. Также постановлено, чтобы вицедомины сами предоставляли ящики уполномоченных купцам, когда этого пожелает уполномоченный, а не допускали бы, чтобы их предоставляли другие.

c) 33. Также я ежемесячно буду совершать расчет со своими товарищами обо всем, что мы получим, и будет составляться подсчет как привоза, так и вывоза. И эти итоги я в первую неделю следующего месяца буду представлять господину Дожу и Совету...

№ 81. Торговый договор империи с Фландрией. 29 мая 1173 г.

Фридрих, Божией милостью король

1. Объявляем всем верным нашим, что мы согласно просьбе возлюбленного нашего Филиппа, графа Фландрского, *установили для* фландрских купцов четыре ярмарки, а именно: две на суше, в Ахене, а *две других в Дюисбурге на воде, с тем, чтобы они соблюдались* в определенные сроки.

2. Начало же одной ярмарки у Дюисбурга будет в праздник святого Варфоломея (24 августа), и продолжается она четырнадцать дней; начало другой с воскресенья 5-й недели поста, и действовать она будет столько же дней. В Ахене же одна ярмарка будет начинаться в начале Великого Поста, продолжаться четырнадцать дней, а другая на св. Михаила (29 сентября), и открыта на тот же срок. По окончании в отдельности каждых двух недель, фландрские и иные купцы должны потом в течение других двух недель пребывать в покое, не продавая ничего из своих сукон; а затем, после этого срока, пусть свободно продают все. А в Дюисбурге они платят ту же рыночную пошлину, какую по обычаю платят в Кельне, и уплату пусть производят с веса.

3. А чтобы купцы имели большее удобство, приказали мы чеканить новую монету: в Дюисбурге в денариях, а в Ахене в оболах, причем марка будет на денарий тяжелее кельнской. Эти же денарии и оболы граф фландрский повелит принимать по всей своей земле.

8. Никто не будет вызывать Фландрского купца на поединок, но если будет иметь что-нибудь против него, то обязан принять его клятву на веру.

9. Те же купцы под нашей охраной, с ответственностью за их личность и имущество, будут иметь право плавать вверх и вниз по Рейну и на других водах и землях, находящихся в империи нашей; а кто замыслит совершить над ними насилие или оскорбить их, то будет лишен нашей милости...

№ 84. Прирейнская пошлина

Генрих III... Да ведомо будет, как Бруно*, епископ Трирский, в третий год своего епископства обратился к нашей милости с просьбой о том, чтобы мы, ради вечной памяти о нас и о нем, на пользу нынешним и грядущим поколениям, императорским нашим авторитетом подкрепили со своей стороны право на пошлину в Кобленце, древле переданную архиепископом Трирским Поппоном** братии св. Симеона, пошлину, про которую сам достопочтенный епископ Бруно тщательным образом расспросил скабинов данной местности Беревиха, Годоберта, Эренберта, Вихарда и всех монастырских людей, увещая их говорить правду, какая с кораблей из разных местностей уплачивается на основании древнего обычая пошлина в данном месте, и подтвердил епископским своим авторитетом, чтобы и впредь на вечные времена оставалось так.

Мы благосклонно отнеслись к благочестивой просьбе оного и утвердили, о чем он просил. Размеры же этой пошлины таковы: прибывающие из Гюи (Hoio)*** должны давать с каждого корабля по одному медному котелку, по два таза и по две денариаты вина. Из Динана*** также. Из Намюра*** также. Из всех мест, прилегающих к Мозелю, также. Прибывающие из Лейдена должны давать две козьих шкуры, два таза и две денариаты вина. Прибывающие из земель Балдуиновых должны давать баранью шкуру для седельной части, по-немецки называемой hulft [лука], один сыр и две денариаты вина. Из Антверпена также. Из Боммеля**** должны давать один сыр и две денариаты вина. Из Геревардена**** должны давать одного доброго лосося. Прибывающие из Тиля**** и всех прилегающих мест должны давать с каждого корабля по одному доброму лососю в знак уважения и по две денариаты вина. Прибывающие из Утрехта от Пасхи до осени должны давать одного доброго лосося, с осени до Пасхи — 120 сельдей и две денариаты вина. Прибывающие из Девентера от начала Недели Православия до Пасхи должны давать с каждого корабля 120 сельдей, от Пасхи до осени 20 угрей и две денариаты вина.

---

* 1102—1124 гг.
** 1016—1047.
*** На Мозеле.
**** На Ваале, рукав Нижнего Рейна.

Прибывающие из Дюисбурга* должны давать круг воску и 1 денариату вина. Из Нейса** также. Из Дейтца*** должны давать 1 денарий и 1 денариату вина. Из Кельна должны давать 4 денария и 1 денариату вина, осенью сверх того должны давать с каждого корабля 1 круг воску и 1 денариату вина. Из Майнца должны давать 4 денария и 1 денариату вина. Из Бингена и Лорша также. Из Бонна также. Из Вормса и Шпейера также. Из Страсбурга должны давать 6 денариев и 2 денариаты вина. Прибывающие из Констанца должны давать 1 шекель. Из Цюриха также; а кто привезет медь, должен давать с каждого центнера (cententre) по 4 денария. Прибывающие из Регенсбурга должны давать 6 денариев и 2 денариаты вина. Из Вюрцбурга также. Прибывающие из Трира должны давать 4 денария и две денариаты вина. Прибывающие из Метца должны давать 8 ден. и 2 денариаты вина. Из Туля так же.

С каждого вьюка**** уплачивается 4 д. С покупки раба 4 д. Продавцы мечей должны отдавать десятый меч. С каждого продажного ястреба 4 д.

Булочники, кто бы они ни были, местные или пришлые, продающие там хлеб, каждое воскресенье отдадут сборщику пошлин по хлебу или по оболу в две недели. Сапожники, пришлые со стороны, не посмеют продавать там обувь без разрешения сборщика пошлин или его приказчика. Сапожники местные собираются трижды в определенные сроки, без особого приглашения, и тогда каждый даст 1 денарий, да в праздник св. Мартина 5 денариев. Будет дан им сбор податей с сапожников пришлых от праздника Девы Марии до праздника св. Мартина*****. А за это они дадут сборщику пошлин и восьми старейшинам добрый пирог, а сборщик пошлин даст им 6 секстариев вина и сыр, какой можно поднять одной рукой. В Праздник Девы Марии епископский эконом будет получать половину пошлины в течение целого дня и двух полудней...

№ 85. Вот обычные рыночные пошлины (1036 г.)

Узаконенные рыночные пошлины в Аррасе, которые славный король Франции Тьерри, во спасение своей души и душ своих предков и потомков, даровал в милостыню церкви Ведаста-исповедника на пользование братии, Богу там служащей.

Всякий, кто имеет пребывание вне указанных пределов, будет ли он из приписанных к св. Ведасту или нет, а именно за мостом Биез, за

* На Рейне ниже Кельна.
** На Рейне выше Дюисбурга.
*** Против Кельна.
**** Характерно, что таможенные пошлины взимаются по лодкам и вьюкам и совершенно нет гужевой перевозки.
***** 15 августа — 11 ноября.

мостом Венден*, за мостом Оньи, за мостом Сальши, за Денпре... и т.д., обязан платить рыночную пошлину; всякий же, кто пребывает внутри указанных пределов, будет ли то клирик или мирянин, если только он торговец, обязан платить рыночную пошлину св. Ведасту, кроме приписанных к св. Ведасту или к св. Марии, что в городе, — платить как с продажи, так и с покупки, а именно: с сукна и более крупных товаров пошлина с каждых 20 солидов весу равняется 4 денариям, а с 5 или 4 солидов 1 денарию.

С марки — 6 ден.
С фунта — 4 ден.
С 5 солидов веса — 1 ден.
С 4 солидов веса — 1 ден.
С 3 //—// 1 обол.
С 2 //—// обол.

С рыбы
С осетра — 4 ден.
С морской свиньи** — 2 ден.
С лососки — 1 ден.
С тележки сельдей, или палтусов, или трески — 1 ден.

Если воз нагружен будет рыбой, то с воза — 4 ден., а с дышла [пароконный воз] — 5 ден.

С воза хлеба, если один воз — 4 ден.
С цента бешенки — 4 ден.
С цента китового мяса (!) в кусках — 4 ден.
Отрез (sulceus?) китового мяса — 1 ден.

С разных предметов

Все лари, с которых продаются на площади съестные припасы, должны каждую субботу, хотя бы выручка была в обол, платить 1 обол.

Тележка с хлебом — 2 ден.
Тележка со всякими плодами — 2 ден.
Тележка синильнику — 2 ден.
Тележка золы — 2 ден.
Тележка с деревянной посудой — 2 ден.

Тележка соли платит рыночного сбора — 2 ден., и за каждый шестерик — 1 ден.

Воз соли рыночного сбора — 4 ден., и за каждый шестерик — 2 ден.

* Все близ Арраса.
** Особый вид дельфина.

И один раз в год мерку соли вместо 1 ден., ибо мы обязаны дать графу два модия соли в год.

Тележка с вином — 1 ден.

Воз с вином — 9 ден.

Если вино продается или покупается с пробой, то с каждого бочонка продавец платит 2 ден., да покупатель 2 ден.

С животных

С коня — 2 ден.

С коровы — 1 ден.

С осла — 1 обол.

С овцы — 1 обол.

С барана — 1 обол.

С козы — 1 обол.

Со свиньи — 1 обол.

Со свиньи с поросятами сунками — 1 ден.

Если кто станет продавать или покупать три предмета: золото, козу, раба или рабыню, тот никоим образом от уплаты рыночного сбора не освобождается, будет ли он из приписанных к св. Ведасту или нет.

С мясных товаров

С окорока ветчины — 1 ден.

С сала — 1 обол.

С пяти солидов весу солонины привозной — 1 ден.

С ларей, находящихся на площади

Лари с холстами и сукнами, новыми или подержанными, в месяц — 1 ден.

Лари с веревками, в месяц — 1 ден.

Лари с ножами по 1 ножу в год.

Лари торговцев восковыми свечами — 3 солида в год, будет ли один ларь или несколько.

Ларь всякого кузнеца, в праздник св. Ремигия (1 октября) — 4 ден.

Связка [30 штук] железных прутьев [для слесарной надобности] — 1 обол.

Связка стальных прутьев — 1 обол.

Кузнец, продающий серпы, — в год по серпу.

Кузнец, продающий железные лопаты, в год — 1 железную лопату, а продающий рукоятки к лопатам, в год — 1 рукоятку.

Продавец копий — 1 копье в год.

Ларь скорняка на площади, — каждую субботу 1 обол., если продаст что-нибудь.

Цент ягнячьей шерсти — 4 ден.

Шкура ягнячья или баранья — 1 ден.

Шкура пестрая или беличий мех — 4 ден.

С кошачьей или кроличьей шкуры — 2 ден.

Со шкуры оленя — 1 ден.

С кожи дубленой — 1 обол.

С солонины в 5 солидов — 1 обол.

Со шкуры свежей — 1 обол.

Со связки шкур [10 штук] — 2 ден.

Ларь с веревками, в месяц— 1 обол.

Мерка меду — 4 ден..

Ларь торговца восковыми свечами, в месяц — 1 обол.

Кладь* масла, вымеренная — 4 ден.

Большой фунт шерсти, пряжи, жира, масла, английского сыра, рыночн. пошлины — 3 ден.

Кладь масла, немерен. — 4 ден.

Кладь хлеба — 1 обол.

Кладь рыбы — 1 обол.,

1 ден. с бочки с тех, кто обязан платить рыночную пошлину; а с тех, кто не обязан, — 1 обол.

Кладь плодов — 1 обол.

Связка железных или стальных прутьев — 1 обол.

С шерсти, весом в 5 солидов — 1 ден.

С пряжи, весом в 5 солидов — 1 ден.

Фунт фламандского сыра — 2 ден.

В виде рыночной пошлины с бочки все платят — 1 обол.

№ 86. Нарбонна. Маклерские пошлины (XIII в.)

I. Ставки, которые должны быть уплачиваемы маклерам за те товары, которые они продают.

3. Цветное и белое французское сукно... 6 нарбоннских денариев с куска.

4. Красное сукно, окрашенное кошенилью, — 12 денариев с куска.

5. Груз (carga) кошенили, с груза, 2 солида.

6. Фижакское, Каперское и Альбийское сукно, с куска, 2 денария.

7. Леридское сукно, коричневое и пурпуровое, с 20 кан 3 денария.

---

* Единицей клади считается груз осла — Summa.

8. Нарбоннское сукно, что продается менее, чем за 40 солидов кусок, 1 денарий.

9. Грубые полотна (vintenas) и холст, с корды (corda) 1 денарий.

10. Шампанские полотна, что продаются за 15 солидов или дороже [кусок], с корды полденария (mesala).

II. Реймсские полотна в 7 кан, с куска, 1 денарий.

13. Этамин [ткань], с 12 корд, 2 нарбоннских денария.

14. Белая и цветная ломбардская бумазея, с куска, пол денария.

15. Пестрая ломбардская и барселонская бумазея, с куска, 1 нарбоннский денарий.

16. Белая и крашеная барселонская бумазея, с куска, пол нарбоннского денария.

17. Со всякого изделия из овчины пол нарбоннского денария.

18. Со шкуры быка 1 нарбоннский денарий.

20. Кордовская кожа и бараньи шкуры, подбитые кордовской кожей, с дюжины, 2 нарбоннских денария.

21. Оленьи шкуры, с цента, 15 нарбоннских денариев.

22. Красная кордовская кожа, с дюжины, три нарбоннских денария.

23. Дубленые бараньи шкуры [с дюжины], нарбоннский денарий.

24. Кроличьи и беличьи шкурки и бараньи шкуры, с цента, два нарбоннских денария.

25. Кроличий мех, за мех, 1 нарбоннский денарий.

27. Со шкуры выдры 1 нарбоннский денарий.

29. Шкуры козлят, с цента, 1 нарбоннский денарий.

30. Кипрский... индиго, с груза, 2 нарбоннских солида.

31. Всякий другой индиго, красное дерево [красильное], ладан и всякие пряности, с груза, 12 денариев.

32. Воск и голова сахару, то и другое, с груза, 6 денариев.

33. Квасцы..., римский тмин, миндаль, камедь, чернильный орешек,... рис, шерсть (lana de pressez), лен, конопля, медь, латунь... олово, железные горшки, бургундская и иная проволока, с каждого груза, 6 денариев.

34. Железо, с квинтала, 1 нарбоннский денарий.

35. Сталь, с квинтала, 1 нарбоннский денарий.

37. Шелк сырец, с груза, 12 нарбоннских денариев.

38. Шелк и шафран, с фунта того и другого, 1 нарбоннский денарий.

39. Белила и твердое мыло, с груза, 6 нарбоннских денариев.

40. Жидкое мыло, с квинтала, 1 нарбоннский денарий.

41. Тортозская смола, с корзины (sporta), 1 нарбоннский денарий.

42. Пюисская смола, с квинтала, пол нарбоннского денария.

43. Крупичатая мука, с квинтала, 2 нарбоннских денария.

44. Свинец, с груза, 1 нарбоннский денарий.

45. Фиги, изюм, каштаны, мед, сера, красильный желтник, деготь, солонина, с квинтала, пол нарбоннского денария.

46. Подпруги, с 12 связок (liam), 1 нарбоннский денарий.

47. Тетивы, с дюжины, пол нарбоннского денария.

48. Веревки (cordas mijanas), с дюжины, 1 нарбоннский денарий.

49. Орехи, с мешка, 2 нарбоннских денария.

50. Финики, с квинтала, 2 нарбоннских денария.

51. Миндаль в скорлупе, с сетье, 1 нарбоннский денарий.

52. Жир, сало и сыр, с квинтала, 1 нарбоннский денарий.

53. Масло (растительное), с сетье, 1 нарбоннский денарий.

54. Вино, с мьюи 2 нарбоннских денария.

55. Рожь, с сетье, 1 нарбоннский денарий.

56. С лошади, что продается за 20 ливров или дороже, 2 нарбоннских солида.

57. С мула или вьючной лошади, 12 нарбоннских денариев.

58. С осла 6 нарбоннских денариев...

59. С груза мытой шерсти... 3 нарбоннских денария, а с груза немытой шерсти полтора нарбоннских денария.

60. С быка 6 нарбоннских денариев.

61. Овцы и козы, с дюжины, 4 нарбоннских денария.

62. Наконечники копий и металлические пластинки, с большой дюжины (dotzena grossa), 3 нарбоннских денария.

63. Стремена, с малой дюжины (dotzena pausa), 3 нарбоннских денария.

64. Шпоры, с дюжины, 2 нарбоннских денария.

65. Шерстяные одеяла, с дюжины, 3 нарбоннских денария.

66. Каракатица, с цента, 1 нарбоннский денарий.

67. Чашки, с тысячи, 5 нарбоннских денариев.

68. Обработанный букс, с тысячи, 3 нарбоннских денария.

69. Необработанный букс, с тысячи, 1 нарбоннский денарий.

70. Зеркала, с цента, 1 нарбоннский денарий.

71. Ложки, с тысячи, 3 нарбоннских денария.

72. Серебро, с пол фунта (marc), пол нарбоннского денария.

73. Золото, с полфунта, 12 нарбоннских денариев.

74. Всякое земельное владение в городе, с ливра [стоимости], 1 нарбоннский денарий.

75. Всякое земельное владение вне города, с ливра, 2 нарбоннских денария.

76. Виноград, сколько может поднять мул (saumoda), пол нарбоннского денария.

78. Панцирь..., с фунта, 2 нарбоннских денария.

81. Бумага, с коробки (caissa), 6 нарбоннских денариев.

83. Корзины, с дюжины, полнарбоннского денария.

85. Кочерги, с дюжины, полнарбоннского денария.

86. Сошники и мотыги, с дюжины, полнарбоннского денария.

87. Стаканы, с сотни, 1 нарбоннский денарий.

88. Сосуды, в пол меры (mieja migeira) с сотни, 1 нарбоннский денарий.

89. Со всякого товара, который доставивший, или доставившая его, или аукционист, продаст за 2 солида или дешевле, должно быть уплачено полнарбоннского денария; если за цену от 2 солидов до 10, то 1 нарбоннский денарий; если за цену от 10 солидов до 20, то 3 нарбоннских полуденария; если за 20 солидов, то 2 денария; и с этой цены вверх [должно быть уплачено] по вышесказанному расчету, за исключением того, что сказано выше о нарбоннских сукнах.

90. И та цена, которая будет предложена за товар на аукционе, должна оставаться без изменения, после того, как она будет предложена, в течение всего того дня. И тот, кто предложит эту цену, не имеет права отказаться от нее в течение всего того дня.

91. С торговой сделки и с займа, какие будут заключены, с ливра, пол нарбоннского денария.

92. Со сделки займа, когда занимается имущество, которое тут же будет продано, должно быть уплачено с имущества, а не с денариев*, и маклер не должен получить более одной ставки (reva) с каждого, т.е. с дающего взаймы, именно того, который пожелает дать взаймы, с покупателя и с продавца.

93. Ни один маклер не должен занимать под залог, который ему будет доверен на хранение, сверх той суммы, которую заемщик ему поручит занять.

94. Ни один маклер не должен иметь в своем доме более одного участника.

95. Ни один маклер не должен иметь доли ни в каком имуществе, которое он покупает от другого лица или продает для другого лица, и не должен допускать, чтобы то лицо, которое является его участником и у которого лежит его капитал, имело долю в этом имуществе.

96. Установлено, чтобы все вышесказанные ставки были уплачиваемы, как сказано, нарбоннскими денариями.

---

* Которые за него будут уплачены, или за которые оно будет продано?

№ 87. О пошлинах. Из постановлений «Имперского мира» императора Фридриха II в Майнце. 15 августа 1235 г.

7. Если прикосновение к чужому имуществу без ведома хозяина происходит не без нарушения права, то тем более виновен уличенный в воровстве или подлоге, чем наглее он присвоил себе что-либо из общественного достояния. Посему мы постановляем, чтобы все пошлины, как сухопутные, так и водные, введенные кем бы то ни было и где бы то ни было после смерти божественной памяти родителя нашего, императора Генриха, были совершенно отменены, если тот, который имеет право пошлины, не докажет, как то требуется, перед лицом императора, что он держит пошлину по праву. Также мы постановляем, чтобы надбавка всяких пошлин была отменена и совершенно прекратилась, и чтобы пошлина оставалась в прежнем положенном размере. Если же кто-либо окажется нарушителем этого нашего постановления или станет насильственно вымогать что-либо сверх положенного по уставу и в неуказанном месте, то уличенный в этом по закону перед своим судьей, пусть он будет наказан, яко тать и грабитель на большой дороге. Мы желаем также, чтобы сборщики пошлин как на суше, так и на воде положенным способом были понуждаемы к исправлению мостов и дорог, а проезжающим и плавающим, с которых они получают пошлины, обеспечивали мир, безопасность и сопровождение, словом, чтобы они на протяжении своего участка ничего не упускали, верно служа по мере сил своих. А кто трижды уличен будет по закону перед нами в том, что он не соблюл этого постановления, пусть вернет право пошлины господину, от которого он его держит.

8. Сверх того, строго наказываем, чтобы господа и города под предлогом сооружения укреплений или по другой какой-либо причине не установляли пошлин и поборов, в просторечии называемых ungelt, с пришлых и чужих, или с их имущества, но пусть всякий господин строит на свой счет или на счет своих людей; нарушителей же этого нашего указа, как разбойников на большой дороге, наказывать.

9. Если возникает война или усобица между людьми, из которых один или оба держат дорожную пошлину или конвой, то ни один из них и вообще никто не должен похищать чего-либо у проезжих в отместку за провинность того, в чьих руках находится право пошлины и конвой. Кто поступит вопреки этому, пусть будет наказан как явный грабитель.

10. Мы предписываем также держаться всегда публичных дорог, а частных избегать совершенно.

11. Твердо установляем совершенно прекратить всякий чекан монеты, установленный где бы то ни было и кем бы то ни было после смерти

божественной памяти родителя нашего, императора Генриха, разве только пользующийся этим правом докажет перед нами, как то требуется, что он получил право чекана от императора. А кто станет чеканить монету незаконно, пусть будет наказан как подделыватель. Старинное же монетное право будет охраняться...

№ 88. Пошлины с судов за плавание по Сене, вверх и вниз по течению, от устья до Арочного моста (1315 г., 8 июля)

Засвидетельствованная копия, сделанная в присутствии Парижского парламента, за королевскою печатью, 8-го июля 1315 года.

Ввиду протеста, предъявленного старшиной и эшевенами парижского купечества от себя и от купцов и перевозчиков Парижского водного пути о том, что они, будучи вправе привозить и отправлять свои припасы и товары из Парижа по реке Сене вниз по течению, проезжая непосредственно под Руанским мостом до самого моря, и обратно, поднимаясь от моря вверх по течению, под тем же мостом до Парижа, тем не менее встречали в этом препятствие со стороны жителей Руана, что являлось явным ущербом для них самих и для всех других добрых городов сего королевства, которые в этом были заодно с ними. Между названными жителями Парижа и других городов, по указанию и решению чиновников *означенного сеньора, установлены были нижеследующие условия* соглашения:

1. Всякого звания люди, как нашего королевства, так и пришлые, могут всегда свободно возить сами или через других, как вверх, так и вниз по течению, всякие свои припасы и товары, отправляясь вниз от Мантского моста прямо под Руанский мост до самого моря, и обратно, поднимаясь от моря до упомянутого Мантского моста, проезжая в том и другом направлении под упомянутым Руанским мостом без всякой опасности и без всякой помехи в плавании взад и вперед между мостом Парижским и Мантским, за исключением того, что исстари обусловлено обычаем между горожанами, парижскими, руанскими, компьенскими и других добрых городов, которые обычно возят свои припасы и товары по Сене и Уазе, и с сохранением за упомянутыми парижскими горожанами, независимо от заключенного соглашения, всех их вольностей, привилегий, обычаев и прав, даже там, где дело идет об ущербе и опасности, какие получаются на имуществе, припасах и товарах, которые находятся... на реке между упомянутым Парижским мостом и мостом Мантским. Тут ни в чем не должно быть нанесено ущерба или ухудшения, за исключением дорожной пошлины, которую обязательно платить согласно обычаю в силу виконтского права на воды и других обычных его прав и старинных

дорожных пошлин, которые всегда уплачивались согласно обычаю, и вместе с ним ввозить и вывозить когда угодно и что угодно из упомянутых их припасов, товаров и другого имущества в гавань и в город Руан, ввозить обратно и отсылать обратно, как им будет угодно, и продавать и торговать в городе Руане на воде и на суше столь же свободно, как это делают купцы и горожане Руана, и все это согласно тому, как они привыкли делать, когда упомянутый мост был открыт, и за все это упомянутый сеньор должен был взыскивать в виде дорожной пошлины ниже объявленные ставки со всякого рода имущества и товаров, нагруженных на протяжении упомянутого водного пути от того места, где Сена впадает в море, до Арочного моста (Pont d'Arches), как вверх, так и вниз по течению, откуда бы ни происходили товары и куда бы их ни везли, на сумму до 60.000 парижских ливров, и какого бы звания людям они ни принадлежали, за исключением всякого клирика и всякого знатного, которые не должны торговать, и за исключением горожан Руана, пока упомянутый сеньор не издаст иного приказа.

2. Пшеница, овес и всякий иной зерновой хлеб с клади* качеством 8 денье — за меру 4 су.

3. Вино французское, за бочку 40 денье.

4. Вино оксеррское, за бочку 5 су.

5. Вино из Beane и Saint-Poirsaint, считая две полубочки за одну бочку, за штуку 5 су.

6. Вино из Saint-Jehan в Анжу и Гасконское, за штуку 7 су.

7. Вино из Garnache, за полубочку 20 су.

8. Вино греческое и испанское, за бочку 10 су.

9. Уксус и виноградный сок, за бочку 20 су.

10. Сидр, за бочку 10 денье.

11. Соль крупная, за полмеры 20 денье.

12. Соль английская и всякая другая мелкая, за полмеры 2 су 6 денье, а за меру 4 су 2 денье.

13. Сельдь белая, за тысячу 13 денье.

14. Сельдь копченая, за тысячу 10 денье.

15. Треска и угри соленые, за сто ливров 2 су 6 денье.

16. Лососина соленая, за сто ливров 5 су.

17. Макрели и дорши соленые, за сто ливров 7 д.

18. Китовый жир свежий, за сто ливров 3 с. 4 д.

19. Китовый жир старый, за сто ливров 5 с. 20 д.

20. Каракатицы за тысячу 3 с. 4 д..

21. Соленая рыбка, за тысячу 10 д.

* Единицей клади считался груз осла. См. стр. 170.

22. Окорока — штука 5 д.
23. Сало и жир, за сто ливров 15 д.
24. Масло ореховое, маковое, конопляное 20 д.
25. Масло оливковое, сельдяной жир и всякий другой рыбий жир, за бочку 10 су.
26. Мед за бочку, считая две полубочки в бочке, 10 с.
27. Масло, за 100 фунтов 7 д.
28. Сыр, за 100 фунтов 10 д.
29. *Свинец и смола, за 100 ф.* 7 д.
30. Олово, сплавы и медь, за 100 ливров 20 д.
31. Рис обыкновенный и красный, за 100 фунтов 7 д.
32. Фиги и изюм испанский, за мерку 10 д.
33. Фиги с Мальты, за штуку [?] 10 д.
38. Кожа из Севильи, Эстремадуры и Португалии за lot. 5 су.
39. Кожа из Ирландии, Шотландии и Марокко, и всякая другая кожа, lot. 11 д.
48. Фрукты, корзина 2 д., а без корзины — по стоимости.
49. Орехи, за мерку 20 д.
50. Горчица — кладь 20 д.
56. Перо из Англии, за сто ливров 10 д.
57. Каменный уголь, за полумеру 14 д.
79. Шерсть английская, шотландская и ирландская за верный мешок 16 су.
80. Шерсть местная, за верный мешок 7 д.
81. Шкуры с волосом, за сто ливров 5с.
90. Пряжа лионская, за сто ливров 40 д.
91. Пряжа пеньковая, за сто ливров 20 д.
92. Кудель испанская 20 д.
93. И всякие другие припасы применительно к вышеприведенным ценам, и вся эта расценка сделана по турской монете.

№ 90. Купеческая гильдия

Вот обычаи купеческой гильдии

1. Если какой-либо купец, пребывающий в нашем городе или в пригороде, не пожелает вступить в нашу гильдию и, отправившись куда-либо, будет прогнан, или лишится своего имущества, или будет вызван на поединок, то мы никоим образом за него не заступимся.
2. Если кто-либо из негильдейских приторгует какие-либо съестные припасы или что-либо подобное, и кто-либо из гильдейских вмешается, он и покупает, невзирая на него, то, к чему другой приценивался. Если

же кто-либо из гильдейских приторгует какой-либо товар, не относящийся к съестным припасам, стоимостью в 5 больших солидов и выше, а кто-либо другой, тоже из гильдейских, вмешается, то он, если пожелает, примет участие в этой сделке, и если при этом приторговавший станет отказывать вмешавшемуся в его доле, и перед деканом при двух свидетелях из гильдии можно будет установить, что он отказывал ему в его доле, то он заплатит штраф в два солида.

3. С наступлением времени пития полагается, чтобы деканы уведомили свой капитул в назначенный день принять участие в питие и предписали, чтобы они мирно явились в девятом часу на свое место и чтобы никто не затевал ссоры, поминая старое или недавнее.

4. Постановлено также, что если кто приведет с собой на попойку кого-нибудь, сына, племянника или слугу своего, то за каждого заплатит 12 денариев; из этого постановления мы исключаем магистров.

5. Если же на попойку явится кто-нибудь не из гильдейских, будет пить тайком и будет накрыт при выпивании, то заплатит 5 больших солидов, либо пусть тут же вкупится в гильдию; отсюда исключаем клириков, рыцарей и чужеземных купцов.

6. Если кто принесет в гильдголлу шахматы или кости, то уплатит пол унции серебра или 10 денариев.

8. Если кто ударит кого-нибудь кулаком, или хлебом, или камнем, а к другому оружию не прибегнет, — уплатит две унции.

10. Если кто в гневе на другого вскочит со своего места, уплатит одну унцию.

11. Если кто после звонка будет шуметь или вскочит, уплатит полунции.

12. Если кто вынесет чашу с напитком из гильдголлы без дозволения, уплатит пол унции.

13. Если кто не явится по первому звону в свой капитул, уплатит 12 денариев, а кто уйдет без дозволения, если только его не принудит болезнь, уплатит 12 денариев.

14. За всякую глупость, словом или делом, в течение двух дней попойки, следует держать ответ перед деканами, а не перед иным судьей; ибо так было определено во времена кастеляна Гулурика Рабель*.

15. Постановлено, что на вино и все, необходимое для гильдии, расходы покрываются гильдейским имуществом.

16. Во время попойки нашей стражники, открывающие двери горожанам, являющимся на попойку или на капитул, получают каждый одну порцию, каждый из запивал — по одной порции за каждые сутки; каждый из стерегущих входную дверь — одну порцию; если кто из гильдейских

* Уври Рабель, кастелян Сент-Омера приблизительно с 1072 г. по 1083 г.

захворает, что и будет удостоверено соседями, получает по порции в сутки. Если кто будет за пределами своей страны, то жена его за каждые сутки будет получать по порции. Если же он будет на свадьбе, то гильдия никому не обязана выдавать его порцию. А все священники, являющиеся к вечерне, получают каждый по порции в сутки; так же и все те, в чьих разных приходах мы состоим прихожанами. Причетник св. Одомара, отзванивающий первый звон, по которому мы собираемся на наш капитул, и убирающий для нас реликвии, получает по порции в сутки.

А поручителей берут четырех, и пока один из них жив, он и платит один столько, сколько все четверо. А раз должник умер, все поручители свободны.

17. Если кто вкупится в гильдию, молодой или старый, должен до внесения в список уплатить два денария писцу, деканам тоже два денария.

18. Деканы же имеют право два дня [в неделю] до звона вместе со своим письмоводителем столоваться на общественный счет в палатах гильдголлы, и будет у них тогда вино; если же кто-либо из деканов этого сделать не может, будучи занят [своим] делом, то каждый из них у себя дома получит от капитула полусекстарий вина; письмоводитель же — одну порцию промочить утром горло. А в другие дни, которые указаны и распределены сообразно справедливости, каждый декан получает у себя на дому секстарий, а письмоводитель — полсекстария. Если кто захочет войти в двери с оружием, то стражники должны отбирать оружие, пока он не соберется уходить или пока его друг или какой-либо другой знакомый не засвидетельствует того, что он мирный. По окончании попойки и выплате всех издержек, если что останется, пусть будет отдано на общественную пользу, либо на починку улиц или ворот, или на укрепление города, а затем напоминаем всем [нашим] потомкам во Христе, да пожалеют они бедных и прокаженных.

№ 91. Суконная ганза (половина XIII в.)

Перечень двадцати двух городов, входивших в состав Лондонской Суконной ганзы.

Вот названия 17-ти городов.

Аррас, Амьен, Аббевилль, Монтрейль, Реймс, Сен-Кантен, Сент-Омер, Камбрэ, Турнэ, Обантон, Валансьенн, Гент, Брюгге, Иперн, Диксмуйден, Лилль, Дуэ, Шалон, Бовэ, Гюисс, Байель, Перонн.

№ 92. Ганза семнадцати суконных городов (1343 – 1344 гг., март)

Да ведают все, кто увидит или будет держать в руках настоящую грамоту, как между гражданами семнадцати городов, как фландрских, так

и брабантских, равно и шампанских и других, посещающих обычные ярмарки королевства Франции, с отдаленной древности, с таких времен, что иного порядка никто не помнит, вошло в обычай и поддерживалось соглашение, которое называют ганзой; это соглашение и распорядок является и должны быть таковы, что если бы какой-либо гражданин из городов, которые входят в означенную ганзу, в городе, где он состоит гражданином, потребовал или велел подвергнуть задержанию личность или имущество одного из граждан какого-либо из городов, участвующих в ганзе, а гражданин, чья личность или имущество были бы предметом иска или задержания, как было сказано, сослался бы на то, что он гражданин одного из городов, принадлежащих к ганзе, то должен быть сделан запрос у эшевенов того места, на которое он ссылается, через эшевенов того города, откуда был истец, свидетельствующий, что он действительно их гражданин, и должно быть дано обещание учинить гражданину, предъявившему иск, скорую и быструю расправу с их гражданином, и эшевены того города, откуда был гражданин, который вчинил иск или наложил арест, должны дать знать об этом эшевенам города, откуда был тот, личность или имущество которого подверглись иску или наложению ареста; пусть знают также, как города Иперн и Лилль издревле принадлежали к означенной ганзе, и вот однажды в давние времена приключилось, что один гражданин упомянутого города Иперна, бывший как раз фогтом в упомянутом городе Иперне, по собственному своему желанию, без приказания и согласия эшевенов и совета упомянутого города Иперна, ответил на одно послание упомянутого города Лилля, которое послано было туда на основании вольностей упомянутой ганзы, что никакой ганзы нет, равно он ни о какой ганзе не знает; таковые слова, по-видимому, означали полное непризнание упомянутой ганзы, и хотя упомянутый фогт произвольно отрекся от упомянутой ганзы, без разрешения и согласия эшевенов и совета упомянутого города Иперна, как уже было указано, тем не менее мы, фогты, эшевены и консулы города Иперна, с одной стороны, и мы, мэры, эшевены и консулы города Лилля, с другой, по общему нашему соглашению желаем, принимаем и соглашаемся на возобновление обычаев и соглашения упомянутой ганзы, ради общего блага, ради единства и любви, хранить и поддерживать между гражданами и купцами упомянутых двух наших городов; пусть соглашение упомянутой ганзы держится между нами и гражданами нашими, подобно тому как она поддерживалась и действовала, и как к ней исстари привыкли, в той форме и в том виде, как выше объявлено, невзирая ни на какие подвохи, в былое время учиненные некими лицами.

№ 93. Ганза

Первое постановление: а) в Висмаре 24 июня [1260—1264 гг.]; в) 1265 г.

а) Мы желаем довести до сведения вашего о решении, которое с обдуманною предусмотрительностью постановлено благоразумными и честными людьми на поддержку всех купцов, пользующихся и управляющихся Любекским правом.

1. Во-первых, пусть каждый город по силе возможности защищает море от пиратов и других злоумышленников, так чтобы торговцы морские могли свободно справлять свою торговлю.

2. Далее, если кто-либо вследствие проступка изгнан будет одним городом, то не будет принят ни в один из других.

3. Далее, если какой-либо горожанин будет взят в плен, то его не должно выкупать [ганзе] никакими средствами, а следует послать ему его пояс и нож.

4. Далее, ни один купец не должен покупать другого, если тот попал в плен, и не принимать его ни от кого за деньги. Если он сделает это, то потеряет оседлость свою в том городе и во всех, где действует Любекское право.

5. Далее, если кто-нибудь за грабеж и разбой будет ошельмован в одном городе, то он ошельмован будет и во всех.

6. Далее, если какой-нибудь государь станет осаждать какой-нибудь город, то никакой другой город в ущерб первому ни в чем не окажет поддержки осаждающему, если только последний не сеньор его.

7. Далее, если в стране будет война, ни один город из-за этого не станет телесно или имущественно вредить какому-либо гражданину из этих городов, но искренне его поддержит.

8. Далее, если кто-нибудь возьмет жену в каком-нибудь из этих городов, и нагрянет первая жена и потребует его и сумеет подходящими свидетелями доказать то, что он ее законный муж, то он будет обезглавлен.

9. Далее, если какой-нибудь горожанин выдаст дочь свою или внучку за кого-либо, а другой скажет, что она его законная жена, и подходящими свидетелями этого доказать не сможет, то он будет обезглавлен.

Настоящее решение действительно на один год, а как после этого постановят действовать, об этом город городу даст знать письменно.

Дано в день Иоанна Крестителя, в Висмаре.

в) 2. Далее, однажды в год мы должны собираться, где постановим, ради дел городов*.

5. Далее, если на морях соберутся пираты, все города должны, сообразно раскладке, производить затраты на уничтожение их.

---

* Ганза еще не чувствует себя прочным и постоянным союзом; она, скорее, временное и срочное соединение «городов».

№ 94. Рейнский союз: Съезды. 1254—1256 гг.

I. Съезд в Майнце 13 июля 1254 г.

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Аминь. Судьи и консулы и все горожане Майнца, Кельна, Вормса, Шпейера, Страсбурга, Базеля и иных городов, клятвенно связанных союзом священного мира, привет всем верным во Христе во имя Того, Кто зиждитель мира и источник спасения.

1. Поелику бедствия в землях [немецких] и дорожные напасти уже издавна в конец разорили многих из наших и привели к упадку многих добрых и степенных людей, так что ни в чем не повинные люди терпят утеснения безо всяких оснований, то подобало в предупреждение подобных бурь и напастей посмотреть да поискать, как бы нам, отбросив всякие отступления от справедливости, вернуть к мирному состоянию хотя бы наши пределы и округа.

2. Вот почему мы настоящей своей грамотой желаем объявить всем, что мы, с помощью Господа Нашего Иисуса Христа, миротворца и миролюбца, источника всякого блага, ради соблюдения мира и охраны справедливости, единодушно согласились на следующем: взаимно обязавшись присягой, мы поклялись нерушимо соблюдать общий мир от ныне предстоящего праздника св. Маргариты* сего 1254 года на десять лет.

2 а. На этом мире вместе с нами присягнули также и достопочтенные отцы архиепископы Герард Майнцский, Конрад Кельнский, Арнольд Трирский, епископы Рихард Вормсский, Генрих Страсбургский, Яков Метцский, Бертольд Базельский, а также многие графы и знатные господа, причем они, как и мы со своей стороны, благосклонно и щедро уменьшили тяжкие поборы как на суше, так и на воде.

3. Силой этого договора будет охраняться таковое обещание, что не только старшие среди нас будут наслаждаться этой общей охраной, но и все младшие вместе со старшими, церковные люди и монахи всех орденов, миряне и евреи, пусть с радостью пользуются этой охраной и благоденствуют, пребывая в спокойствии священного мира.

3 а. А кто нарушит или смутит мир сей, против тех мы поднимемся всеми силами своими, пока не заставим их дать подобающее удовлетворение.

4. Относительно же вопросов, которые уже возникли между заключившими союз мира или, быть может, возникнут впоследствии, чтобы из-за них ни теперь, ни в будущем — да не случится этого — не возникало очага раздора или повода к разногласию, остановились на таком спасительном лекарстве: пусть каждый город и каждый сеньор, вошедший в наш

* 13 июля.

Союз, изберет нарочито для этого четырех присяжных, достойных доверия людей, которые, в силу переданных им на этот предмет полномочий, под обязательной присягой будут решать все вопросы путем полюбовного соглашения или суда.

7. Если во владении какого-либо сеньора или в каком-либо городе мир будет нарушен, упомянутые четверо, предназначенные для этой цели сеньорами или городами, соберутся из-за нарушения мира, а также для обсуждения дела о мире и будут обсуждать общим советом, как можно почетным способом поправить дело и восстановить священный мир.

II. Собрание в Вормсе. 6 октября 1254 г.

Во имя Господне, аминь. В 1254 году, в неделю св. Михаила в городе Вормсе собрались воедино мы, связанные присягой для охраны мира, города, как верхние, так и нижние, имели съезд и тщательно обсуждали то, что касается общего мира, во славу Бога и матери нашей, святой церкви, а также и священной империи, во главе которой ныне стоит светлейший государь наш Вильгельм*, король Римский...

1. Во-первых, мы постановляем, что не станем совершать никаких походов иначе, как по общему и зрелому обсуждению всех городов, и притом прежде всего в такие места, где они наиболее необходимы, взаимно помогая друг другу по мере сил и равномерно неся все тяготы.

2. Также постановили мы, чтобы ни одному сеньору, противнику заключенного нами на присяге мира, ни один город не доставлял припасов, ни один сеньор, связанный с нами договором, не доставлял оружия или другого вспоможения, никто, ни христиане, ни евреи.

3. Также чтобы не оказывалось никакого кредита и не давалось никакого займа в городах наших тем, кто противник мира и наш.

4. Также мы постановили, чтобы никто из граждан ни в одном городе не имел с ними никакого общения ни советом, ни помощью, ни одолжением; так что если это станет известным и очевидным, а именно, можно будет доказать это его собственными словами, то виновный изгнан будет из города, а с движимого и недвижимого его имущества взыскано будет столько, чтобы другим впредь было неповадно.

5. Также если кто-нибудь из рыцарей за пределами земель своего сеньора, враждебного нам, преследует нас или утесняет, помогая своему сеньору против общего мира, то мы заприметим себе это лицо и поступки его, кто бы это ни был, дабы расплатиться с ним каким-нибудь способом. Если же он будет схвачен в каком-нибудь городе, то мы задержим

* Вильгельм Голландский (1248—1256 гг.)

его до надлежащего удовлетворения. Если же вилланы, для которых мы хотим быть хранителями и защитниками от обид, — раз они будут жить с нами в мире, — выступят против нас, то мы восстанем на них с должным возмездием и, схватив их, накажем их в городе, как злодеев наших.

6. Также мы желаем, чтобы все города привлекли и притянули к себе суда с ближайших переправ, чтобы не было ни одной переправы за пределами городов, вошедших в союз, чтобы противникам мира не оставалось ни одной переправы через Рейн и чтобы они, вследствие этого, не могли пользоваться никакими удобствами.

7. Также постановляем, что если кто-нибудь из сеньоров или рыцарей поклянется стоять за наш мир, то он и будет охраняться миром в меру сил наших; а кто не заключит с нами мира, тот останется выключенным из общего мира.

10. Превыше всего тщимся мы и желаем с величайшим усилием трудиться над тем, чтобы сеньоры и земляки наши счастливо жили в мире и согласии с нами, а мы с ними, так, чтобы и сами они оставались при своем праве и мы пользовались своими правами.

11. Также запретили мы накрепко под страхом наказания, чтобы никто из граждан никоим образом не объявлял файды* сеньорам, хотя бы они были и нашими противниками; этим мы вовсе не отказываемся от взыскания с них за обиды, однако сначала попробуем усовестить самих сеньоров, чтобы они прекратили обиды, не принуждая нас выступать против них.

12. Также распорядились мы, чтобы из города Майнца отписано было низовым городам все, что касается данного дела, а из Вормса — городам верховым: как жалобы, так и всякие другие наши дела пусть излагаются ими письменно, а к обидчикам нашим пусть обращаются с увещанием; обиженные же обязаны посылать гонцов на свой счет.

13. Также обещали мы, чтобы в то место, где назначим мы съезд, — а в этом часто бывает нужда, — господа и города посылали тех самых четырех, которые предназначаются для этой цели, или часть их, согласно тому, как этого требует ход разбираемого дела: послы эти должны иметь полные полномочия от своих городов для решения предстоящих дел и тут же сообщать своим городам постановления. Все же, приехавшие с городскими послами или прибывающие к ним, будут неприкосновенны, так что их нельзя подвергнуть никакому суду.

15. Также обещали мы накрепко, что если кто-либо из соучастников союза нарушит мир, то мы выступим против него скорее, чем против чужого, и принудим его к подлежащей расплате.

---

* Частная война.

16. Также обещали мы честно предупреждать посредством грамот друг друга и состоящих с нами в союзе сеньоров обо всем, что мы разузнали про наших соперников или про иных, могущих нам повредить, для того чтобы своевременно предусмотреть все.

17. Также постановили мы, чтобы никто не смел насильственно проникать во дворы или дома церковных людей, всяких монахов и монахинь, серых, черных, белых и всяких других орденов, и не смел требовать от них, против их желания, приюта, съестных припасов, или услуг, или чего бы то ни было и никоим образом не смел вымогать. Буде же кто-нибудь нагло дерзнет сделать такую попытку, то будет сочтен за нарушителя мира и подвергнут суду.

18. Также постановили мы, чтобы каждый город требовал и добивался от всех тех своих соседей, которые еще не примкнули к союзу, чтобы они присоединялись. Если же те этого не сделают, они будут совершенно лишены и отстранены от мира, так что никто не станет считаться нарушителем мира по отношению к их личности или имуществу, если сделает что-нибудь против них.

19. Также мы желаем, чтобы все участники союза, как господа, так и города, и все другие, надлежаще и сообразно своему званию заготовляли бы себе вооружение, с тем чтобы они в любое время, когда нам понадобится и когда от них этого потребуют, были наготове.

20. Также мы постановили, чтобы города от впадения Мозеля до Базеля приготовили сто, а низовые города пятьсот добрых военных кораблей, да со стрелками, и чтобы каждый город, по мере средств, надлежащим образом запасался оружием, всадниками и пехотинцами.

III. Второй съезд в Майнце 29 июня 1255 г.

1. ... на съезде послов от союзных господ и городов... накрепко постановили под штрафом в десять марок кельнских, уплачиваемых монетой того города, где совершено правонарушение, — чтобы ни один еврей не брал более двух денариев с фунта* в неделю... Если же заем сделан был на год, то еврей должен брать 4 унции с фунта ($33^1/_3\%$)... Нужда была в этих постановлениях, так как христиане-заимодавцы отлучаются от церкви и по суду принуждаются возвращать рост...

IV. Второй съезд в Вормсе. 15 августа 1255 г.

1. Также во время съезда городов в Вормсе... мы постановили, чтобы во всех городах и местностях, примкнувших к союзу, всякий человек, владеющий недвижимым имуществом по оценке в пять фунтов местной

* Годовых около 43%.

монеты или больше, платил ежегодно Великим постом по денарию; каковые деньги в каждом городе будут собираться четырьмя добрыми людьми, приставленными к этому под присягой. Из лепты этой будет сооружаться храмина мира...

V. Третий съезд в Вормсе. 14 октября 1255 г.

1. Также назначили мы съезд в Страсбурге в Михайлов день [29 сентября] для обсуждения дел мира. Ехавшие на этот съезд послы городов были захвачены... Эмиконом, графом Лейнинген, воровски, в тиши ночи, а именно, Арнольд казначей, Фридрих, староста майнцский, Вольфрам рыцарь и Генрих, сын Рихера, оба из Вормса, и отведены были в замок Ландек, в самый канун Михайлова дня...

2. После этого мы сейчас же собрались для суждения о случившемся в Вормсе в день св. Калликста [14 октября]. Постановили впредь иметь четыре общих съезда по делам святого мира в следующие сроки: первый в Кельне, в Богоявление Господне; второй в Майнце, на Пасхальной неделе; третий в Вормсе, в день апп. Петра и Павла; четвертый в Страсбурге, в Рождество Пресвятой Богородицы.

VI. Список участников союза

1. Имена господ, вступивших в священный союз на присяге с городами: Гергард, архиеп. Майнцский, Конрад, архиеп. Кельнский, Арнольд, архиеп. Трирский, Рихард, еп. Вормсский, Генрих, еп. Страсбургский, Бертольд, еп. Базельский, Иаков, еп. Метцский, аббат Фульдский, Людвиг, пфальцграф Рейнский и герцог Баварский... Дитрих, граф Кацснэленбоген, Фридрих, граф Лейнинген, Бертольд, граф Цигенгаген... госпожа София, ландграфиня Тюрингенская,... госпожа Адельгейда, графиня Лейнинген... [всего 28 господ, из них 8 духовных].

2. Имена городов: Майнц, Кельн, Вормс, Шпейер, Страсбург, Базель, Цюрих, Фрейбург, Брейзах, Кольмар, Шлетштадт, Гагенау, Вейсенбург, Нейштадт, Вимпфен, Гейдельберг, Лаутербург, Оппенгейм, Франкфурт, Фридберг, Ветцлар, Гельнгаузен, Марбург, Альсфельд, Грюнберг, Герсфельд, Вальдек [?], Мюльгаузен, Ашаффенбург, Зелигенштадт, Бинген, Дибах, Бахарах, Везель, Боппард, Андернах, Бонн, Нейс, Ахен стольный; в Вестфалии Мюнстер и другие города, числом более 60 с городом Бременом.

IX. Третий съезд в Майнце. 12 марта 1256 г.

1. По преставлении светлейшего государя нашего Вильгельма, блаженной памяти короля Римского, собрались мы в Майнц 1256 года на второе воскресенье Великого поста, где также обсуждали многое, для святого

мира важное. Осиротев без царя, мы постановили тут, чтобы каждый город по мере сил приготовился к войне, имел также копейщиков (soldarios) и стрелков, с которыми, буде нужда, мы сможем быстро прийти на помощь друг другу. Тем же господам, рыцарям или иным, которые не поклялись в мире, мы не окажем никакой помощи.

2. А все, что идет королю, мы обещались на все время бескоролевия всеми силами охранять, а также обеспечить всякому владение и имущество*.

3. На благо также всего народа и земли мы постановили и обещали там же под обязательством клятвы, что если господа князья, от которых зависит избрание короля, может быть, изберут в короли более одного, то мы не станем поддерживать ни одного из них ни словом, ни делом и не окажем ему никаких услуг ни тайно, ни явно, и не дадим взаймы и не впустим ни в один город и не принесем присяги на верность.

4. Если же какой-либо город это постановление нарушит, то будет считаться клятвопреступным и лишенным чести, и мы всеми силами восстанем против него до полного его разрушения.

5. Если же князья выберут одного, мы немедленно и беспрекословно окажем ему должные службы и почести.

XI. Съезд в Вюрцбурге. 15 августа 1256 г.

Во имя Господне, аминь. В 1256 году, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в Вюрцбург на общий съезд посланцам от городов присланы были через достопочтенного господина брата Вальтера письма от нижепоименованных князей, составленные в таких выражениях:

Альберт, Божией милостью герцог Саксонии... любезным ему гражданам Майнца, Кельна, Вормса [следует ряд участвовавших в Рейнском союзе городов]... и всем городам, объединенным в договоре святого мира, изъявляет всегдашнюю готовность и благорасположение. Радуемся честным и святым во Господе стремлениям вашим, коими вы проявили или проявляете любовь и благорасположение к миру и общему благу церкви, от всего сердца воздаем благодарность всему союзу вашему и желаем оказать вам услуги, не щадя ни живота, ни казны своей, так как вы, стремясь к устроению и сохранению мира, столь ревностно стараетесь побудить нас и других князей к общему и дружному избранию короля Римского, преданно оказывая совет свой и поддержку. И вот, так как и мы, и другие князья сходимся с вами в стремлении восстановить мир, ныне

* Король — источник всякого права, также и права собственности. В данном случае города взялись обеспечить как частную собственность, так и государственные регалии.

нам стало ясно, что для столь священной цели не найдется никто иной, как пресветлый муж, возлюбленный родич наш Оттон, маркграф Бранденбургский; ему, если он вознесен будет на царство, мы не откажем ни во всякой помощи, по мере сил наших, ни в совете; и сам он, имея совет с нами и другими князьями и господами, а также с вами и другими своими друзьями, никоим образом не откажет в том же.

[Следуют письма Иоганна Бранденбургского и Альбрехта Брауншвейгского, сходные между собою и почти дословно повторяющие предыдущее; далее идет письмо самого кандидата, Оттона Бранденбургского, тоже сходное с предыдущими, подчеркивающее его готовность служить делу мира и призывающее во Франкфурт на выборы следующими словами]:

Мы просим также вашу милость, чтобы вы явились на избирательный съезд, который справлен будет во Франкфурте в Рождество Пресвятой Богородицы, с тем чтобы в случае возможности там раздора между кем-нибудь — чего да не случится — та сторона, которой нанесут обиду, могла бы опереться на вашу поддержку*.

№ 96. Дортмунд. Запрещение трогать руками выставленные на продажу продукты (XIII в.)

Если какой-нибудь горожанин наш, находясь на нашем рынке, желает купить свежее мясо или свежую рыбу, он должен сказать торговцу: «Переверни мне вон ту рыбу». «Переверни мне вон то мясо», — но отнюдь не должен трогать собственной своей рукой. Если же тронет и уличен будет двумя очевидцами, то без всяких возражений уплатит 4 солида.

№ 97. «Мертвый сезон». 1350—1351 гг., март

Выслушав прошение закадычных товарищей Гюга из Аргени, утверждавших, что сукновал Гапот из Теруана, подойдя к самому дому Гюга, обнажил свой меч, говоря Гюгу, что тот коварно прогнал его со службы в мертвый для его ремесла сезон...

IX. ГОСУДАРЬ И ЕГО ВЛАСТЬ

№ 98. Ограничение императорской власти (1152 г.)

Король [Фридрих I] вступил в пределы Баварии и в столице этого герцогства, Регенсбурге, в день святых апостолов [15 июля], в монастыре св. Эммерамна — ибо собор вместе с несколькими кварталами города сгорел — венчается на царство. Здесь на сейме... государь пожелал про-

* Оттон не прошел в императоры.

явить доблесть духа, в нем обитавшую, и (поелику в пределах государства его все обстояло вполне благополучно) объявить войну венграм и вернуть их снова под сень империи. Но так как он, по каким-то не выяснившимся причинам, не мог получить согласие князей и поэтому не в силах был осуществить свою заветную мечту, он отложил поход до более удобного времени.

№ 99. Завещание Оттона IV

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Оттон IV... своим верным, своему брату Генриху, пфальцграфу Рейнскому, своим министериалам, всем гражданам в Брауншвейге и всем, видящим эту грамоту...

1) Дабы бренные деяния человеческие не стали жертвой непостоянного времени, они должны быть запечатлены в памяти свидетельством письмен. Итак, мы, составляя для спасения души нашей завещание наше, просим со всей любовью, с какой можем, тебя, брат Генрих, пфальцграф Рейнский, чтоб ты, если Господу Богу, — ибо все во власти Божией, — угодно будет призвать нас на путь всякой плоти, чтобы ты ради любви к Богу и ради верности вассальной и братской нам сохранил в течение двадцати недель по кончине нашей святый крест, копье, венец, зуб святого Иоанна Крестителя и императорские регалии, кроме нашей мантии, которую отдать св. Эгидию; и ни единому человеку на свете их не отдавай, кроме того, которого единодушно и законно изберут князья, или тому, который выбран теперь, если на нем согласятся князья, и за передачу их, ради Господа и спасения ради нашего, никаких денег не бери, разве только за регалии ты сможешь вернуть нашу и твою вотчину; если это не станется, то предоставь все вышеуказанное на благость того, кто наследует царство. Просим также вас, вернейшие министериалы, по долгу верности, и вас, возлюбленные и верные граждане наши Брауншвейга, чтобы вы, как мы на вас надеемся, верно и крепко помогли в исполнении всего этого.

3) Все реликвии, которыми владел отец наш и мы, навеки жертвуем Господу Богу, св. Иоанну Крестителю и св. Власию в Брауншвейге, кроме одной руки, которая будет предоставлена нашей супруге. А что в золоте, самоцветных камнях и в драгоценностях, то даем супруге нашей.

4) Мы желаем, чтоб укрепления в Кведлинбурге прежде возврата настоятельнице были разрушены; по разрушении их, все место с церковью возвращается настоятельнице, а тамошние наши хлебные запасы и все иное, за что можно выручить деньги, отдается для спасения души нашей настоятельнице и ее монастырю, опричь баллист, которые, чтоб они заработали против врагов Бога, дать тем, кто собирается за море; хлеб же, отнятый в Ашерслебене, отдать тамошним людям.

6) Замок Гарцбург предоставить империи, и к ней же отойдет башня, которую возвели мы там. Графам Зальденбергским остается их феод, Лютарду Мейнерсгеймскому — его феод, Аларду Бургдорфскому — его башня с феодом, и иным оставляются их феоды в том виде, как они держали их от империи. Замок Левенбург вернуть племяннику нашему Оттону, ибо это его отчина и отходит к его доле. Замок Гарсфельд вернуть Гардольфу, но если брат наш захочет иметь его, то пусть даст за него 100 марок.

7) Все владения наши в Кефернбурге [следует перечень угодий] жертвуем Господу Богу, св. Деве Марии и св. Власию в Брауншвейге с тем, однако, чтобы монастырь св. Власия поставил там священника, дьякона, иподьякона, чтобы там беспрестанно происходили божественные службы во славу Бога и Пресвятой Девы Марии за спасение нашей души, остальное же все пусть обратят с пользой на трапезу братии. Просим и тебя, дражайший брат, со всяким прилежанием и старанием, чтоб ты держал это наше постановление крепко и нерушимо, ради любви к Богу и ради нашего и твоего спасения, ибо надеемся и верим, что сие и Богу будет угоднее и душе нашей и твоей спасительнее, чем если вышеозначенные земли, спасению нашему во вред, без проку погибнут в теперешнем своем состоянии.

Дано в Гарцбурге.

№ 100. Привилегия Фридриха II князьям церкви (1220 г.)

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Фридрих II, споспешествующей Божьей милостью Римский король, всегда священный, и король Сицилии. Размышляя с должным вниманием о том, с какой силой и верностью возлюбленные и верные наши князья-епископы до сих пор помогали нам, возводя нас на высоту престола, поддерживая нас на оном и наконец благосклонно и согласно выбрав своим королем и господином сына нашего Генриха, мы решили всегда возвеличивать тех, кто возвеличил нас... А посему, ввиду того что на тягость им наросли во время долгой смуты в империи, ныне, благодарение Создателю, рассеянные, разные обычаи, или, вернее, злоупотребления, как-то: новые таможни, монета, которая зачастую сама себя обесценивает сходством чекана*, нападения адвокатов** их церквей и иные беды, коим несть числа, — мы решили воспротивиться сим злоупотреблениям помощью некоторых постановлений.

---

* Выпускалась плохая монета с чеканом полноценной.

** Адвокаты церкви (фогты) — светские люди, которым вверена защита той или иной церкви.

1) Во-первых, обещаем, что никогда впредь при смерти кого-либо церковного князя не будем присваивать фиску его наследства, также запрещаем любому мирянину присваивать его себе под каким бы то ни было предлогом, но пусть отойдет оно к преемнику, если предшественник умер без завещания; его завещание, если сделает таковое, мы считаем действительным. Если же кто, вопреки этому постановлению, осмелится присвоить себе наследство, то пусть считается опальным и вне закона и пусть навсегда лишится феода или бенефиция, буде имеет таковой.

2) Также впредь не будем без их совета или против их воли вводить новые пошлины и новые монеты на их территориях или в подсудных им областях, но будем крепко и неизменно сохранять и защищать старые пошлины и монетные права, уступленные их церквам, и сами не будем их нарушать и не позволим нарушать другим, а обычно монеты из-за сходства чекана смешиваются и обесцениваются, чему мы всячески будем препятствовать.

3) А людей, состоящих в крепостной от них зависимости того или иного рода и уклонившихся по какой-либо причине от своих к ним обязанностей, мы не станем принимать в города наши, во вред их господам. Желаем также, чтоб это вообще соблюдалось как ими самими между собой, так и светскими господами по отношению к ним.

4) Также постановляем, чтоб никто не причинял вреда какой-либо церкви в ее землях из-за фиска этих земель; а если причинит вред, то возместит вдвойне и уплатит казнь 100 марок серебра.

5) Также если кто из них своего вассала, который его оскорбил, изобличит по феодальному праву и тем вернет феод, мы охраним этот феод для него. И если он по своей доброй воле и щедрости захочет нам передать феод, то мы примем его, независимо от нашей дружбы или вражды. Но если у церковного князя случится пустовать каким-либо образом феоду, даже благодаря смерти инфеодованного, то мы собственной властью, точнее, насильем, в него ни в коем случае не вступим, если не сможем получить по доброй воле и щедрой уступке, а наоборот, всемерно будем защищать феод для него.

6) Далее, как справедливо, мы будем избегать отлученных ими, но только в том случае, если они укажут нам их устно, или письменно, или через добрых и надежных послов; и пока не снято будет отлучение, не позволим им участвовать в суде с тем различием, что отлучение не освобождает их от ответа обвинителям, однако же, без защитников, но они лишаются права участвовать в судоговорении, давать показания и обвинять других.

7) И так как меч светский создан в помощь мечу духовному, то вслед за отлучением, если одним из вышеуказанных способов нам станет известно,

что они состоят в отлучении более шести недель, последует наша опала, и она не отменяется до снятия отлучения.

8) Так и всеми иными способами, а именно справедливым и грозным судом, мы накрепко обещаем помогать им и оборонять их, и они в свою очередь клятвенно обещали посильно и действенно помогать против всякого, кто насильственно сопротивлялся бы нам, когда мы судом своим хотим поддержать их.

9) Также постановляем, чтобы никакие постройки, именно замки и города, не воздвигались в поместьях церквей либо для фогта, либо под каким-нибудь другим предлогом. И если какие случайно воздвигнут против воли тех, кому принадлежат поместья, то пусть будут королевской властью разорены.

10) Также по примеру деда нашего, блаженной памяти императора Фридриха, запрещаем кому бы то ни было из королевских чинов наших присваивать себе в городах этих князей какую-либо юрисдикцию и в таможенных, и в монетных, и в иных делах, кроме как в течение недели до заседания нашей курии, там всенародно объявленной, и в течение недели после нее. Но и в течение этих дней пусть не осмеливаются они в чем-либо преступать юрисдикцию [местного] государя и обычаи города. Всякий же раз, как мы вступим в какой-либо город не ради заседаний государственной курии, они в нем не будут иметь никаких прав, но местный государь и господин пусть пользуется всей полнотой власти.

11)...Постановляем, чтоб наследники наши и преемники во власти нерушимо сохраняли это, исполняли и всемерно принуждали светских [господ] соблюдать на пользу церквей.

А чтобы ведомо было потомкам, и не выпало из памяти и из ведения современников, мы приказали приписать это к сей грамоте и грамоту снабдить подписью имен присутствующих, т.е. князей, и скрепить печатью нашей...

Свидетелями были [4 архиепископа; 9 епископов].

№ 101. Отмена городских и ремесленных вольностей (1231—1232 гг.)

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Фридрих II... Пожелав, чтобы вольности и милости, которыми, по высочайшему нашему дарению, ныне и впредь будут обладать наши имперские князья, толковались самым широким образом и применялись вполне свободно и беспрепятственно, мы санкцией настоящего эдикта совершенно отменяем и кассируем во всех городах и местах Германии коммуны, советы, бургомистров, ректоров и всяких других должностных лиц, которые ставятся городской

общиной без соизволения архиепископов или епископов. Отменяем также и кассируем для всех ремесел братства или товарищества, как бы они ни назывались в народе. Также мы решили постановить санкцией этого эдикта, чтобы в каждом городе или месте, где существует чекан монеты, ни товары, ни съестные припасы не продавались и не покупались на иные деньги, кроме тех денариев, которые приняты в данном городе или месте. Как в былые времена города и владения, даруемые императорским величеством, находились в ведении архиепископов и епископов, так и ныне мы желаем, чтобы они неизменно оставались в ведении их самих и их чиновников, нарочито ими назначенных; а обычай какого-либо города, буде он и противоречит, — тому не помеха: мы его считаем фактом, а не правом. И вот, чтобы столь чудовищный лжеобычай был совершенно устранен и не прикрывался каким-либо авторитетом, мы отныне и впредь окончательно отменяем и объявляем совершенно ничего не значащими и пустыми все привилегии, патенты и грамоты, данные либо нашей милостью, либо предшественниками нашими, а также архиепископами и епископами какому-либо городу относительно сообществ, коммун и советов в умаление власти князей, империи или частных лиц. При этом мы заявляем, что положения настоящего нашего постановления, составленные на основании законов кесарей и в полном сознании нашей правоты, вышли в форме имперского постановления. А посему постановляем и скрепляем императорским эдиктом, чтобы ни один человек, ни из знатных, ни из простых, ни из церковных, ни из светских, никогда и никоим образом не осмелился противодействовать или не подчиняться сему нашему торжественному постановлению. Если кто отважится, то пусть знает, что, кроме немилости нашей, он подвергнется штрафу в 40 фунтов чистого золота, который пойдет в наш фиск.

[Засвидетельствовано 14-ю архиепископами и епископами, 3-мя герцогами, 6-ю графами и другими лицами].

№ 102. Избрание Рудольфа Габсбургского (Князья извещают папу. 1237 г.)

2) Так как несколько времени империя сиротствует, то, чтоб не блуждать нам долее без головы, собрались мы в день, для сего нами всеми указанный и согласно принятый, во Франкфурте для заботы об империи; наконец, после долгого рассуждения о назначении будущего короля, на славного мужа, господина имярек*, призвав сперва благодать Св. Духа с должной и обычной торжественностью, сохранив во всем подходящие чин и порядок, все и каждый по общему согласию, единодушно, обратили

* Перед нами обычная велеречивая формула, в которую заносится лишь соответствующее имя.

наши взоры, как на лицо наиболее полезное и подходящее, и имея особливое попечение о деле Божием и государственном, мы единодушно и единогласно избрали его по указанию Всевышнего в короли римские и будущие императоры.

3) Когда это избрание было отпраздновано по правилам, или, лучше сказать, как Бог велит, мы торжественно повели его с несказанно великой радостью, при рукоплесканиях всех знатных и в сопровождении ликующего народа, и с поздравлениями, воспевая хвалу Всевышнему, провели в Ахенскую соборную церковь, которая полагает первую ступень возвышения и славы королевской. Здесь он в день такой-то нами, кельнским архиепископом, коему издревле надлежит сообщать королям благодать помазания, был коронован на престоле Великого Карла и помазан елеем священнейшего помазания.

4) А чтобы честная мать наша, святая Римская церковь, возрадовалась еще большею радостью о личности короля, тако избранного и венчанного, ведайте: он — по вере православен, ревнитель храмов и блюститель правды, лепен разумом, сияет милостью, грозен своей силой и поддержкой могущественного родства, любезен, как твердо верим, Богу, приятен людям, и, кроме того, крепок телом и удачлив в военных делах против супостатов...

5) Посему просим Вас, святейший отец, примите благосклонно сего сына, в коем Вы, без сомнения, найдете бестрепетного борца за матерь нашу, церковь, и непобедимого защитника веры православной. Действо же, столь мудро, столь верно, столь своевременно о нем совершенное, одобрите милостивым согласием и благосклонным утверждением (approbatio) и довершите дело Божие... соблаговолив, когда угодно и удобно будет вашей Святости, всемилостивейше призвать его к сиянию императорского венца, да ведает и уразумеет вселенная, что Господь поставил Вас светочем миру, и что изволением вашем воссияет желанный после мрака светлый день.

№ 103. Обещания графа Адольфа Нассауского при избрании, данные Кельнскому архиепископу*. 27 апреля 1292 г.

Мы, Адольф, Божией милостью граф Нассауский..., если мы будем избраны Римским королем, то обязуемся:

1) Церкви и церковных людей, в особенности церковь Кельнскую, которая уже давно лежит повергнутая и страждущая, охранять в их пра-

* Так называемая «избирательная капитуляция».

вах и вольностях и защищать их, а нарушенное привести опять в должное состояние.

2) На избрание же наше соглашаемся и никоим образом и никогда не отступимся от права державы нашей, полученной через избрание наше господином архиепископом Кельнским, даже если некоторые князья Германии при избрании разойдутся с господином архиепископом.

3) И так как империя не может счастливо процветать, пока святая церковь Кельнская, как сказано, повергнутая и страждущая, оправится помощью империи, то мы обещаем и обязуемся, по нашей доброй и свободной воле верностью и клятвой, как только особа наша архиепископским избранием будет вознесена, вручить архиепископу, его преемникам и Кельнской церкви замки и бурги*... для защиты и вящего охранения королевских державных прав наших в тех местах, равно и для защиты Кельнской церкви против ее врагов и супостатов; означенные места мы освободим и изымем из рук теперешних их держателей для того, чтобы архиепископ, его преемники и церковь Кельнская во все дни жизни нашей мирно и спокойно держали, имели, владели со всеми правами, доходами, юрисдикциями, таможнями, прибытками и со всем прочим... с сохранением лишь для нас, буде понадобится, против врагов наших, невозбранного входа и выхода.

4) Ввиду того что тот же архиепископ и церковь Кельнская для освобождения самого архиепископа вместо некой суммы денег отдали благородному Адольфу, графу Бергскому, в залог замки кельнского архиепископства... [следует 5 названий], и церковь Римская этому графу, под страхом отлучения и интердикта, предписала возвратить названные замки вполне и без оговорок архиепископу и церкви его, с чем святой отец и обратился к ныне в Бозе почивающему Рудольфу, Римскому королю, — мы обещаем принять меры, чтобы оный граф и его наследники все вышесказанные замки и поселок Дейц** вернули и очистили церкви Кельнской в полной исправности и без всякого выкупа.

6) Также обещаем, что будем поддерживать и охранять архиепископа, его преемников и церковь в обладании замками Вассенберг и Лейберг, будем им могучей рукой против герцога Брабантского, графа Фландрского и всех других, желающих ради сих владений напасть на них.

7) Также обещаем, что если архиепископ, его преемники и церковь Кельнская захотят сами вновь выстроить замки... [7 названий] и иные укрепления, разрушенные во время плена архиепископа, оградим их от

* Пригород Кельна, на другом берегу Рейна.
** Всего вместе в Прирейнской области.

насилия и усмирим королевскою властью всех, желающих препятствовать им в этом строительстве.

8) Также обещаем, что подтвердим таможни в Андернахе и Берке* архиепископу и церкви Кельнской и обновим привилегии, уступленные Кельнской церкви императорами и королями.

9) Также обещаем восстановить архиепископа и церковь Кельнскую во владении замком и угодьями Цельтингена**, которые во время плена архиепископа граф Вальденский*** захватом отнял, а самый замок велим очистить для архиепископа Кельнской церкви.

10) Также обещаем позаботиться, чтобы кельнские горожане за свои преступления воздали должное Кельнской церкви и архиепископу по полной его воле; иначе мы без всякого возражения, по требованию архиепископа, его преемников и церкви Кельнской, ввиду того что названные горожане пробыли в отлучении год и день и их преступление доказано, кладем на них опалу и конфискуем их имущество... и не прекратим преследование и не заключим с ними мира, перемирия или соглашения без воли и ясно выраженного согласия архиепископа...

11) Также обещаем, что если состоится полюбовное соглашение с кельнскими горожанами или их подчинение архиепископу, то мы никоим образом не станем вступаться за город Кельн и не примем ни от кого из горожан вассальной присяги, так как весь город в мирских и в духовных делах в полном обладании кельнского архиепископа.

12) Также обещаем обновить и подтвердить опеку над Корвейским монастырем****, порученную императором Рудольфом архиепископу Кельнскому...

13) Далее, так как епископу... приходится делать на службу Римской империи необходимые, полезные и неизбежные траты, то мы обещаем дать 25 000 марок серебра этому архиепископу и церкви Кельнской на подмогу в их тратах. А для более верного обеспечения вышеуказанного обещаем: замки Нассау, Дилленберг, Гинсберг, Зеген, долю графа Генриха Нассауского, с свободного и определенного согласия самого графа Генриха, его жены и его брата Эмикона, а также Браубах, Рейнфельс, Лимбург, равно замок и город Вольмар*****, с согласия и доброй воли владельцев этих крепких мест и их наследников, мы своими силами отберем, вернем себе,

---

* Выше и ниже Кельна по Рейну.

** Известно вином.

*** Ближайший сосед Цельтингена.

**** Древний (основан при Карле Великом) богатейший монастырь на Везере, изъятый из-под власти местной иерархии и непосредственно папе подчиненный.

***** Упомянутыми местностями почти исчерпываются нассауские владения Лимбург — часть приданого жены Адольфа.

очистим [от прежних обязательств] и велим передать в обладание архиепископу, его преемникам и Кельнской церкви; сверх того, мы выставим добрыми и законными поручителями 50 рыцарей, свободных и министериалов, и с этими поручителями мы, по первому требованию архиепископа, его преемников и церкви Кельнской, в двухнедельный срок, сядем в Бонне, откуда не выйдем, пока не выполним всего обещанного во всех частях, или пока относительно неисполненного не будет дано полного обеспечения по усмотрению архиепископа.

14) Далее, мы сами решаем и полагаем, что если мы, да не будет этого, окажемся нарушителями всего вышесказанного или части его, а также не дадим полного обеспечения архиепископу, по его усмотрению, то тем самым отпадает всякое избрание наше, а от избрания и царство*. Откажемся тогда и навсегда от всяких прав, которые подлежат или могут подлежать нам в королевском нашем звании; не коря, а благодаря, если князья, которым надлежит избрание на царство, приступят к выборам иного короля, как сие будет угодно архиепископу.

18) Обещаем также снискать благосклонность и дружбу славного князя господина Оттона «Со стрелой», маркграфа Бранденбургского**...

21) Обещаем также... графа Бергского и Маркского, а также герцога Брабантского и иных недругов церкви Кельнской в совет наш и ко двору не принимать без согласия и соизволения архиепископа, его преемников и церкви Кельнской.

Во свидетельство сего прилагается с полного нашего ведома и приказания печать наша...

№ 104. Низложение*** Адольфа Нассауского. 23 июня 1298 г.

...Хотя мы с надлежащим почтением и мягкостью неотступно настаивали и просили светлейшего господина нашего Адольфа, первейшего из светских князей, о соблюдении общего мира, о том, чтобы он сам исправился, искупил свои проступки и достойно загладил бесчинства, — оный князь, — хотя мы его увещевали не раз, а много, униженно и преданно, — подражая жестоковыйности фараоновой и, яко аспид, затыкая уши свои, презрел с гордым упрямством и упрямой гордостью сии наши просьбы и спасительные увещания. А посему, не в силах без тяжкого оскорбления Христа переносить дольше его несправедливости, мы принуждены,

* Низложение Адольфа, см. № 104.
** Участник будущего низложения Адольфа, см. № 104.
*** См. № 103 условия избрания Адольфа.

уязвленные голосом нашей собственной совести, всемерно покарать его по всей справедливости.

Ведь в его царствование, чтоб умолчать о других его преступлениях, что, увы, доказывают со дня на день как очевидность дела, так и общий крик народа, поднимающийся со вздохами и слезами к небу, — в наши дни, говорим со скорбью, право, порученное охране его меча, в делах служителей церкви и государства, распинается им самим и его клевретами, разнузданными донельзя; страх же Божий забыт, и деяния сии являют неистовства язычников и явно оскорбляют веру христианскую. Ведь он и его приспешники, врываясь святотатственно и насильственно в разные церкви, бросали, — о чем страшно подумать и на что нельзя молча, без содрогания, глядеть, — бросали величайшую церкви Божией святыню, самое тело Господа нашего Иисуса Христа, бросали, кощунственно схватив дарохранительницу, на землю, как вещь обыденную. [Далее] даже священники, церковные люди и монахи — не говоря уже о мирянах и простых, — спасающиеся в церковь Божию к самому престолу, после похищения чаш и церковных украшений подвергаются даже во время богослужения ограблению вплоть до нижнего платья, избиваются и порой убиваются; алтари обнажаются, баптистерии взламываются и церкви поджигаются, после того как со святотатственным дерзновением похищены вещи бедных и богатых, положенные там на сохранение; церковные судьи и светские власти за правосудие, оказанное жалобщикам, неправосудно наказываются; честные же иереи, поставленные канонически, согласно церковному обычаю, местным епископом, низлагаются, а на их место злоупотреблением власти светской ставятся нечестные, которые посвящены неизвестно кем.

Кроме того, совершаются бесконечные другие печальные преступления, которых вполне не описать ни в каких фолиантах...

И, чтобы теперь молчать об остальных преступлениях вышеназванного короля, он свершил нечто весьма тяжкое, чего нельзя скрыть никаким вилянием: он многократно осквернял общий земский мир, скрепленный присягой как его самого, так и жителей германского королевства, знатных и простых, неся насилие и разорение и совершенно не соблюдая также присяжных договоров между ним и нами о сохранении прав нашей церкви.

Совершил также святотатство, приказывая хватать прелатов, клириков, монахов и [приписанных к церкви] мирян; кроме того, много издал он статутов и ввел обычаев на подрыв церковной свободе, желая подчинить церковь рабству и государственным повинностям, от которых она вполне освобождена, и что еще тяжелее: у епископов и прелатов, добива-

ющихся принадлежащих им прав, он исторгает большие дары мерзкой симонии; даже, что всего хуже, совершенно отказывает им в праве, если они наперед не дадут и не назначат ему что-либо из своего имущества и из владений своей церкви. Итак, благодаря ему, как бы главному гонителю церкви, извращается церковный чин и ослабляется основа церковной дисциплины.

Также, против Бога и справедливости, словно сеятель несогласия, многократно пытался он, без разумной причины, посредством хитрости, обмана и неких дьявольских козней, ли шить званий, почестей, имущества и прав князей Германии, как духовных, так и светских, архиепископов, епископов, прелатов, герцогов, маркграфов, графов и баронов; и вознамерился истребить в корень князей...

И вот, по голосу собственной совести и по многократному призыву славнейших князей Германии, которым вместе с нами принадлежит право избрания короля, будущего императора, в заботах лежащей на нас обязанности намедни решили: не только вышеназванных князей, но и самого короля, ради восстановления святого мира, ради возобновления согласия, ради благополучия государства и блага всей земли, созвать на 15 июня, если это не праздничный день, а иначе — в ближайший непраздничный день*, в какой они непременно соблаговолят явиться в Майнц для обсуждения и решения о смутах и настроениях царства, Господу Богу на утешение, и людям на пользу. Итак, когда приблизился вышеназванный срок и был продолжен до кануна святого Иоанна Крестителя**, вследствие упорного уклонения короля и отсутствия некоторых курфюрстов, славные князья, а именно: господин Альберт, герцог Саксонии, за себя и за славного Людовика, пфальцграфа Рейнского, и господин Оттон «Со стрелой», господин Генрих и господин Герман, маркграфы Бранденбургские, и многие другие князья, графы и ба роны Германии заодно с нами***, а мы замещаем достопочтенного отца Викбальда, святой Кельнской церкви архиепископа, равно и пресветлого государя Вячеслава, короля Чехии, по специальному поручению сих князей и в силу переданных ими нам неограниченных полномочий, в указанное время и в указанном месте, в общем и в частностях сошлись на вышеуказанном и на нижеследующем.

По рассмотрении и тщательном обследовании князьями и иными бывшими налицо мудрыми людьми, вышеназванный король Адольф, вследствие устных свидетельств очень многих честных людей и других законных

* 15 июня в 1298 году как раз пришлось на воскресенье.
** 23 июня.
*** Т.е. с архиепископом Гергардом.

данных, оказался явно и доподлинно замешанным в упомянутых бесчинствах и преступлениях. Сверх того, король этот был найден недостаточным и бесполезным *для столь великого правления и столь великой власти*, как это доказала тяжелая, все более и более разраставшаяся по всей Германии бранная смута, безумно вызванная им самим и его людьми, т.е. теми, которые скорее должны были ее утишить.

Посему, после тщательного рассуждения с курфюрстами, епископами, прелатами, герцогами, графами, баронами и всеми мудрыми, здесь находящимися, по общему решению, воле всех и единодушному согласию всех тех, кого это касается, вышеназванного господина Адольфа, который оказал себя столь недостойным королевской власти и который за свои злодейства и прочие дела отвергнут Богом, мы лишаем царства — да не царствует более! — и открыто заявляем, что лишил его Господь, и тем самым, согласно единодушно выраженному решению курфюрстов, постановляем освободить от нерушимой присяги всех тех, кто связан с ним оной, накрепко запрещая кому-либо впредь повиноваться и служить ему как королю.

Дано в Майнце в год 1298, в канун святого Иоанна Крестителя.

X. СУД

№ 110. Графский суд (807)

Во имя Господне. Когда сиятельный муж Винфрид, ретийский граф, восседал в палате, в Фельдкирхе*, в судебном заседании, для выслушивания и правильного решения всяких дел, явился туда некий человек по имени Ротельм и заявил ему, что у него противозаконно отняли его землю (mansus), которая досталась ему с жениной стороны, ему и Флавину, и земля эта была его собственностью и по закону должна быть таковою, ибо жене его она пошла от прапрадеда, а посему должна быть его землей. Тогда вышеуказанный граф, созвав свидетелей из данной округи и напомнив данную ими государю нашему присягу**, велел сказать по правде, что они об этом знают. А те сказали: «Во имя присяги нашему государю. Мы хорошо знаем, что был некий человек по имени Мадон, который имел в тех местах собственную землю, границу которой мы знаем; прилегает и граничит его земля с тем мансом, из-за которого идет дело, там, где находятся древесные насаждения; и с одной стороны меж ними

* Долина Рейна, выше Боденского озера.

** По-видимому, новая «императорская» (802 г.) присяга.

граница — ручей, а дальше — камни и деревья; он* — владелец; ибо как крышей объединяется весь дом, так и они** дедом их Квинтом, а посему земля этих людей — их собственность и по за кону должна быть таковой». Тогда вышеназванный граф приказал, чтобы свидетели пошли на место и указали границы, о которых говорили, что и было сделано, и они установили границы, которые разделяли оба владения. И присутствовало там несколько именитых людей, которых сам граф направил с ними, и все было справлено досконально. По совершении сего граф спросил скабинов, что они пожелают решить в данном деле. Те же сказали: «По свидетельству тех людей и по вашему расследованию постановляем: пусть те люди владеют вечно и невозбранно тою землею, согласно с тем, как она существующими пограничными знаками [издавна] отделена и от граничена. А за разбор дела в государевом суде и за установление границ свидетелями пусть идет надлежащее государю». Кроме того, Ротельм и Флавин, а также и наследники их пожелали иметь от графа и скабинов такую грамоту, в силу которой они впредь могли бы владеть данной землей во все времена неоспоримо.

Совершено в Фельдкирхе, в палате, на суде, в год 7-й империи августейшего Карла, царствования же его у франков в 39-й, в Италии — в 34-й. Дано 13-го февраля при графе Винфриде. Господи, благослови! Аминь.

Вот имена свидетелей... (следует 15 имен). А вот име на скабинов (перечислено 6, с прибавкой «и т. д.»). Я же, Бавкон, по просьбе писал и подписал.

№ 111. Судебный поединок

I. Алеманская Правда

Если произойдет спор между двумя родами из-за земли, то... [в присутствии графа] они уговариваются о поединке двух бойцов. Когда они готовы к битве, то между ними кладут ту землю***, и они касаются ее своими мечами, которыми будут сражаться, и призывают Бога Творца в свидетели, чтобы, на чьей стороне правда, тому даровал Он победу; а затем сражаются. А кто победит, того род и владеет спорной (землей), противники же за непризнание собственности платят 12 солидов.

II. Саксонское Зерцало

Каждый может отказаться биться с тем, кто ниже его по рождению... Судья должен дать двух пособников каждому из тех, кто будет биться,

* Т.е. Ротельм.

** Т.е. Ротельм и Флавин; последний, очевидно, родня жены жалобщика.

*** Кусок дерна, взятый при соблюдении определенных обрядов со спорного участка.

а они смотрят, чтобы бойцы снарядились по праву и обычаю; кожи и холста могут они надеть на себя сколько захотят; голова и ноги у них должны быть спереди неприкрыты, а на руках — ничего, кроме нетолстых перчаток; в руках — обнаженный меч, а [кроме того] они могут опоясаться одним или двумя мечами — это предоставляется их желанию; в другой руке — круглый щит, из дерева только да кожи, а в середке, конечно, может быть [выпуклая] бляха из железа; поверх доспеха — камзол без рукавов. Объявляется «полю» мир, и поплатится головой, кто станет мешать их бою. Каждому судья дает по человеку, который держал бы ему жезл*; человек этот не должен мешать им ни в чем, разве что кто-нибудь из них упадет, тогда он должен оградить его жезлом, или если кто будет ранен, или сам попросит [охраны] жезла: но этого он не должен делать без разрешения судьи. После того как «полю» объявлен мир, они должны просить «поля» по обычаю, и судья должен разрешить его. Железные наконечники своих ножен они должны отломить, разве что судья разрешит им этого не делать. Они должны выступить перед судьей во всех доспехах и поклясться: один, что обвинение, с которым он выступил против другого, — правда, и да поможет ему Бог; другой, что он невиновен, и да поможет ему Бог. К солнцу надо ставить их в одинаковое положение, когда они сходятся в первый раз; если побежден будет тот, кого обвиняли, его подвергают наказанию; ес ли же он одолеет, он свободен от пени и кары.

№ 112. Испытание водой

Благословение** на испытание

Боже, о Котором сказано, что Ты справедлив и праведен суд Твой, сотвори с сими рабами Твоими по милосердию Твоему, чтобы не по прежним грехам своим судимы были, но что бы именно в сем деле, по великой благости Твоей, прияли за служенный праведный суд. Аминь. Ибо праведен Ты, любишь правду, лицо Твое видит праведника; сделай перед лицом народа Твоего, чтобы никаким злым наваждением не затемнилось проявление правды Твоей. Аминь...

Затем пусть заклинает воду, куда отправляет заподозренных.

А вот заклинание воды.

Боже, Ты, Который через водную стихию совершал суд Свой и, потопляя водами потопа многие народы, счел Ноя и присных его праведными и достойными спасения; Боже, Ты, Который вверг полчища египтян

* Символ защиты, служивший для того, чтобы разнимать бойцов.

** Слова произносятся священником; до этого, после трехдневной подготовки постом, совершалась так называемая предсудебная месса (missa judicii).

в Чермное море, а народу израильскому дал бестрепетно пройти, исполни благодатью Своей сии воды и удостой явить в них новое и чудесное знамение, дабы они невинных в грабеже, убийстве, прелюбодеянии или ином позорном деле, приняли в себя и погрузили, как то свойственно воде; виновных же в сих злодеяниях отвергли и выбросили, и не прияли бы тело, которое, лишенное груза добродетели и раздутое ветром беззакония, удерживается на поверхности. Ибо в ком нет веса добродетели, в том да не будет собственного веса в стихии водной.

Или еще:

Заклинаю тебя, вода, Божья тварь, именем Бота Отца Всемогущего, Который создал тебя сначала и повелел служить нуждам людским, Который велел отделиться тебе от вод вышних. Заклинаю тебя также неизреченным именем Иисуса Христа, Сына Бога Живого, под стопами Которого море и воды текучие явили собою твердь и Который пожелал даже креститься в стихии водной. Заклинаю тебя также Духом Святым, Ко торый сошел на Господа Крещаемого. Заклинаю тебя именем Святой и Нераздельной Троицы; ее волею разделились воды, и народ израильский прошел, точно посуху; призвав Ее, Елисей заставил топор, сорвавшийся с топорища, всплыть на поверхность воды*; Ею же заклинаю тебя, чтобы никоим образом ты не приняла этих людей, если они повинны в том, в чем обвиняются, делом, советом, словом или помышлением: сделай тогда, чтобы они плавали на твоей поверхности. И да не сможет быть против тебя какое-либо заклятие или иное наваждение врага человеческого, что могло бы скрыть [правду]. Заклиная тебя именем Христа, повелеваем тебе повиноваться именем Того, Кому служит всякая тварь, Кого славят херувимы, вопия: Свят, Свят, Свят Господь, Бог сил!..

После сих заклинаний воды, люди, которым предстоит испытание водой, снимают свои одежды, прикладываются каждый в отдельности к Евангелию и кресту, затем все окропляются святой водою, причем все, кто хочет присутствовать, должны раньше поститься. Затем их в отдельности бросают в воду**.

№ 113. Тайный суд (Vehme)

Карл Великий вел многочисленные войны с вестфальцами, нанес им тяжелые поражения и принудил их принять веру христианскую и

* IV Царств, 4, 4–7.

** Уже Людовик Благочестивый в 829 г. пытается запретить испытание водой: «Чтобы испытание холодной водой, которое доныне совершается, было запрещено нашими посланцами, дабы впредь его не было». Однако оно удержалось до очень позднего времени (XIV в.).

расстаться с идолопоклонством. А так как они неоднократно отрекались от христианства и не соблюдали присяги, то он, чтобы ослабить дух возмущения страхом наказания, установил тайных судей, которым дал такое полномочие: как только они узнают, что кто-либо нарушил присягу, или отступил от веры, или совершил какой-либо иной проступок, они могут подвергать его казни, как только удастся схватить его, без всякого предварительного вызова на суд и не допуская никакой защиты. Избрал он для этого людей степенных и правдолюбцев, таких, которые едва ли допустили бы кару невинных. Вестфальцы были застращены и в конце концов удержаны в вере христианской, когда то и дело в лесах находили повешенными и именитых, и средних людей, которых ни в чем предварительно не обвиняли. По расследованию же дела оказывалось, что те, кого находили убитыми, либо отступили от веры, либо совершили какое-либо иное крупное преступление. Суд оный существует и поныне и зовется тайным судом. Участники этого суда зовутся скабинами, и притязания их таковы, что они стремятся распространить свои полномочия на всю Германию. У них особые обряды и некая таинственность, с которою они судят злоумышленников. И не нашлось ни одного, кто за деньги или из страха выдал бы эту тайну. Значительная часть самих скабинов тоже остается неведомой: есть такие, что разъезжают по областям, отмечают преступников и докладывают о них на суде, обвиняя и доказывая свои обвинения, как это у них принято; осужденные заносятся в книгу, выполнение же казни поручается младшим скабинам. Виновный, не ведая о своем осуждении, подвергается казни где бы его ни нашли. Однако суд этот выродился, ибо, с одной стороны, в состав его попадают отдельные негодные лица, а с другой — он дерзает разбирать гражданские дела, тогда как ему дана была власть лишь в уголовных делах.

XI. НЕОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖИЗНИ

№ 115. Голод. 1032 г.

В следующем году голод по всей земле стал усиливаться, и гибель угрожала почти всему роду человеческому. В погоде наступило такое безвременье, что нельзя было найти дней, подходящих для посева или удобных для уборки хлеба, вследствие того что поля были залиты водой. Казалось, что все стихии вступили между собой в ожесточенную борьбу, между тем как, без сомнения, они являлись карой за гордыню человече-

скую. Непрерывными дождями вся земля была залита до того, что в течение трех лет нельзя было найти борозды, годной для посева. А ко времени жатвы сорные травы и проклятый куколь покрыли поверхность всех полей. Мера семян, где они хорошо всходили, давала секстарий ($^1/_6$ меры), а с секстария едва получалась горсть.

Появился голод этот — в отмщение за грехи — впервые на Востоке; обезлюдив Грецию, пошел на Италию, распространился отсюда по Галлиям, перекинулся ко всем народам Англии. И весь род человеческий изнывал из-за отсутствия пищи: люди богатые и достаточные чахли от голода не меньше бедняков; ибо при всеобщей нужде сильным не приходилось больше грабить. Если кто-либо находил что-нибудь съестное для прода жи, то мог запрашивать какую угодно цену — и получил бы сколько угодно. Ибо почти везде мера хлеба продавалась за 60 солидов, а кое-где за секстарий платили 15 солидов. Когда съели весь скот и птицу и голод стал сильнее теснить людей, они стали пожирать мертвечину и другие неслыханные вещи. Чтоб избежать грозящей смерти, некоторые выкапывали лесные коренья и водоросли; но все было тщетно, ибо нет убежища от гнева Божия, кроме Него Самого. Страшно рассказывать, до ка кой степени доходило падение человеческого рода. Увы! Горе мне! То, о чем раньше и слышать редко приходилось, — к тому побуждал теперь бешеный голод: люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали. Многие, гонимые голодом, переходили с места на место; их принимали на ночлег, ночью душили, и хозяева употребляли их в пищу. Некоторые, показав детям яблоко или яйцо и отведя их в уединенное место, убивали и пожирали. Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода. И эта безумная ярость дошла до того, что звери, жившие уединенно, в отдалении от людей, были в большей безопасности, чем люди. Ибо есть мясо людей казалось до такой степени обычным, что некто вынес его вареным на рынок в Турнюс, как какую-нибудь говядину. Его схватили, он не отрицал своего преступления: его связали и сожгли на костре. Мясо же, зарытое в землю, ночью другой вырыл и съел; его также сожгли...

Тогда в этих местах стали пробовать то, о чем раньше никто никогда и не слыхивал. Многие вырывали белую землю вроде глины и из этой смеси пекли себе хлебы, чтобы хоть так спастись от голодной смерти. В этом была их последняя надежда на спасение, но и она оказалась тщетной. Ибо лица их бледнели и худели; у большинства кожа пухла и натягивалась. Самый голос у этих людей делался так слаб, что напоминал собою писк издыхающих птиц. И тогда волки, привлеченные трупами, оставшимися

из-за множества покойников непогребенными, стали делать своей добычей людей, чего уже давно не было. И так как невозможно было, как мы сказали, из-за многочисленности погребать каждого покойника в отдельности, в некоторых местах люди богобоязненные рыли ямы, а народ называл их «свалками». В этих ямах хоронили сразу 500 и даже еще больше трупов, сколько войдет. И валили туда трупы без всякого порядка, полунагие, без саванов; даже перекрестки дорог и поля, лишенные жнивья, шли под кладбища. Если же где проносился слух, что будет лучше, коль уйдешь в другие места, [они шли], но многие в пути, ослабев, умирали. Свирепствовал этот ужасный голод по всей земле в меру грехов человеческих целых три года. На нужды бедных растрачены были все церковные сокровища, исчерпаны все вклады, поначалу предназначенные согласно грамотам на это дело. Но так как мера праведной мести Божией не было удовлетворена, то в большинстве мест даже церковных сокровищниц не хватало на нужды бедствующих. Люди, истощенные продолжительным голодом, если им удавалось наесться, распухали и тотчас же умирали. Другие же, прикасаясь руками к пище и пытаясь поднести ее ко рту, падали в изнеможении, будучи не в силах исполнить свое желание.

№ 116. Набеги на империю в X в.

А. Затем он [Генрих Птицелов] вступил с войском в Данию, при первом же столкновении настолько устрашил короля Горма, что тот обязался исполнять все его повеления и униженно просил мира. Так Генрих Победоносный установил границу царства своего у Шлезвига... посадил там маркграфа и велел быть там саксонскому поселению.

Б. 32. И вот опять [924 г.] венгры разлились по всей Саксонии, предавая огню города и поселения, производя повсюду такое избиение, что угрожало полное обезлюдение. Государь же [Генрих Птицелов] заперся в стенах города Werlao*, ибо не доверял он своему еще неопытному войску, не привыкшему к правильной войне, да еще с таким грозным народом. А сколь великое избиение произвели они в ту пору, и сколь много монастырей они пожгли, об этом считаем лучше умолчать, чем возобновлять словами былые бедствия. Но довелось схватить некоего князя венгров, связать его и привести к королю. Венгры же так любили этого князя, что предложили за него выкуп — несчетное множество золота и серебра. Король же пренебрег золотом, а потребовал мира и наконец добился, что за выдачу пленника и за подарки устанавливался мир на девять лет.

* Впоследствии запустел; находился вблизи Гослара.

35. Так король Генрих получил мир от венгров на целых девять лет. С какою мудростью он стоял на страже отечества, укрепляя его и покоряя варварские народы, — сказать выше наших сил, но молчать об этом мы никоим образом не можем. А именно. Прежде всего он из «поселенных министериалов»* взял каждого девятого и заставил их жить в [укрепленных] городах, с тем чтобы каждый из них для своих восьми товарищей устроил восемь обиталищ и получал третью часть всякого урожая и хранил ее; остальные же восьмеро сеяли, жали и собирали плоды и для девятого и берегли их в надлежащем месте. Всякие сходки, сборища и празднества он приказывал справлять в этих городах. Над построением их трудились денно и нощно, дабы в мирное время научаться тому, что придется делать против врага в минуту опасности. Кроме этих городов, укреплений либо вообще не было, либо были плохие.

№ 117. Первый «имперский мир»

В год от воплощения Господа 1103 император Генрих в Майнце скрепил своей рукой мир и установил, также руку приложили архиепископы и епископы. Принес присягу сын короля и первые люди всего королевства, герцоги, маркграфы, графы и многие другие. Герцог Вельф, герцог Берхтольд и герцог Фридрих принесли присягу этому миру до Пятидесятницы и затем на 4 года. Принесли присягу на мир церквам, клирикам, монахам, мирянам, как-то: купцам, женщинам, не похищать их насилием, и евреям.

Присяга такова: никто да не нападет на чей-либо дом, не разоряет пожаром, не захватывает из-за денег, не ранит, не бьет, не убивает. А кто сделает это, теряет глаза или руку. Если кто его будет защищать, понесет то же наказание. Если убежит в замок, то присягнувшие миру, осадив его, через 3 дня воюют его. Если кто уйдет от кары, то бенефиций, если таковой у него есть, отбирается сеньором, а вотчина отходит к его родственникам. Если кто украдет на 5 солидов или больше, теряет глаза или руку. Если украдет меньше, чем на 5 солидов, лишится волос, будет сечен розгами и отдаст украден ное; и если трижды произведет такое воровство или грабеж, те ряет глаза или руку. Если в дороге встретится тебе твой враг и ты можешь вредить ему, вреди; если убежит в чей-либо дом или двор, пусть останется невредим.

Этой присягой друзья короля пользуются как щитом, врагам же ни в коем случае она не помогает.

---

* Milites agrarii в противоположность «городовым» служилым (milites burgenses).

№ 118. «Имперский мир» Фридриха I

Фридрих, Божией милостью Римский император и всегда священный. По обязанности императорского служения мы должны по всей нашей империи предписывать мир, сообразно с нуждой и положением провинций, а предписав, охранять его нашей властью. Итак, когда в первое воскресенье Великого поста... мы восседали для суда в городе Вейссенбурге, причем при нас сидели князья и знатные той земли, а стояли министериалы и люди той земли и все вместе хотели древнего мира, установленного нашим предшественником, Карлом, божественным августом; мы его возобновили и приказали с ближайшей Пасхи, в течение двух лет, ненарушимо хранить. Содержание же его таково:

1. Селения, жители их клирики, монахи, женщины, купцы, земледельцы, мельницы, евреи, подчиненные императорскому фиску, охотники и звероловы... во всякий день да пользуются миром, кроме тех, которые ставят сети или закладывают капканы; эти нигде и никогда не должны иметь мира.

2. Если кто имеет врага, которого хочет преследовать, то пусть преследует его на поле, без вреда для его имущества, и если захватит, то пусть тотчас представит его судье для суда. Если преследуемый прибежит к плугу, на мельницу или в деревню, то получает полный мир.

3. Преследовать же врага можно только в определенные дни недели, именно II, III, IV до захода солнца. В течение остальных четырех дней пусть враг имеет полный мир.

4. Если кто-либо преследует бегущего врага до поселка, и внесет его в поселок стремительность коня, а не собственная воля, то в воротах поселка пусть отбросит копье и оружие, от которого сможет освободиться; в поселке же он должен подтвердить присягой, что попал в него не по собственной воле, а по стремительности коня; иначе будет нарушителем мира.

5. Если кто нарушит этот мир убийством, то, если будет пойман, подвергнется смертной казни. Если кого ранит — отнимут руку.

6. Если обвиняемый, совершив злодеяние, убежит, то пусть будет призываться на суд трижды, с промежутками по 14 дней. Если явится, пусть очистится сам-сем, если только кто-либо из друзей убитого или раненого не пожелает вызвать его на поединок. Если обвиняемый будет побежден, то коли он убийца — повесить, коли он только пролил кровь — лишить руки.

7. Если убийца или членовредитель будет захвачен на месте и будет утверждать, что сделал это, защищая свою жизнь, то пусть очистится самсем с добрыми и честными мужами, если только друг убитого или раненого не захочет обличить его поединком.

9. Если лиходеи, законным образом вызванные в суд, в три двухнедельных срока, презрят явиться, то, кроме обвиняемого, подвергаются опале укрыватели и соумышленники, если только они не очистятся от этого обвинения единоличной присягой. Судьи, произнеся опалу на лиходеев, должны явиться перед императором и просить его, чтобы он, милостивец, своей властью наложил на них опалу. Они же сам-сем должны доказать, что три двухнедельных срока действительно были даны и притом по закону.

10. Если же опальные пробудут в императорской опале год и день, то будут вне закона и лишены впредь всякого права и не будут иметь никакого права ни на бенефиции, ни на аллоды. Таких опальных ни император, ни другой судья не должен освобождать от опалы раньше, чем удовлетворят истца.

11. Нарушитель мира, вызванный судьей на суд, должен прийти только с 30 мужами — не больше двадцати девяти, чтобы сам он был тридцатый; все они да не носят другого оружия, кроме меча...

13. Если путнику на коне необходимо покормить коня, то пусть поставит одну ногу на дороге и серпом или ножом срежет, сколько нужно, злаков и подкрепит коня своего на дороге, но ничего с собой не увозит; траву же может не косить, но пустить лошадь на самый луг и пасти, сколько нужно. Кто поступит иначе, будет нарушителем мира.

14. Крестьяне и люди их состояния, выходя за околицу, да не носят другого оружия, кроме меча. В селениях же пусть не носят ни мечей, ни другого оружия. В домах же пусть имеют какое угодно оружие, так что если судья будет нуждаться в их помощи для восстановления нарушенного мира, они оказались бы готовыми, с оружием, так как в этом они обязаны повиноваться судье, сообразно с его приказанием и обстоятель ствами дела.

16. Постановляем также и предписываем императорской властью князьям, знатным, свободным и министериалам преследовать грабителей, разбойников, воров, фальшивомонетчиков и их укрывателей...

№ 119. «Имперский мир» (1224?)

Вот мир, господином нашим, королем Генрихом*, в Вюрцбурге со князьями установленный и клятвенно скрепленный.

1) Клирики, женщины, монахи, пахари, купцы, законные охотники, рыболовы, евреи всегда и во все дни будут иметь крепкий мир и лично, и в имуществе.

* Сын Фридриха II, избранный заместителем отца в Германии.

2) Церкви, погосты, плуги*, мельницы и селения внутри своей ограды будут иметь тот же мир.

3) Все дороги, как на суше, так и на воде, будут иметь тот же мир и право, какие имели издревле.

4) Кто имеет явного врага, может по понедельникам, вторникам и средам, исключая вышеуказанные случаи, наносить ему вред личный, но не имущественный, не захватывая его. В четверг, пятницу, субботу и в день Господень всякий человек будет иметь крепкий мир и в личности, и в имуществе.

5) Если кто, против установленного мира, убьет кого-либо, пусть будет казнен отсечением головы; если ранит, пусть потеряет руку. Если кого ударит с пролитием крови, то уплатит судье 60 солидов, а пострадавшего удовлетворит, по его желанию. Если не имеет имущества, чем уплатить, то пусть с него сдерут шкуру.

6) Если кто-либо в те дни, когда может вредить своему врагу, будет его преследовать, и конь против воли внесет в ограду деревни, то пусть отбросят оружие как главарь, так и его соучастники; и если из страха за себя не посмеет тотчас при нести присягу в самой деревне, пусть впоследствии поклянется в присутствии судьи, что попал туда не по своей воле.

7) Похищение девиц или насилие карается отсечением головы. Если виновный скроется, то укрыватель, от которого судья потребует выдачи виновного, подвергнется одинаковой каре и приговору с обвиняемым.

8) Путник, стоя одной ногой на дороге, может ножом, мечом или серпом срезать хлеб, чтоб покормить своего коня, но при этом ничего не брать с собой. Если же иначе как срежет хлеб или сколько-нибудь возьмет с собой, он — на рушитель мира, повесить вора.

10) Кто сделается врагом другого и пожелает объявить ему файду, пусть заявит на 3 дня раньше, чем примется причинять ему вред; в противном случае будет считаться нарушителем мира и верности.

11) Кто убьет или ранит другого ножом, будет виновен в преступлении, которое зовется mord.

12) Никто не изгоняется из владений своих, если только эти владения не отойдут от него по суду.

13) Кто заявит, что нарушен его мир и не докажет этого перед судьей, сам сочтется за нарушителя мира.

15) Кто совершит грабеж, называемый reraup** или straz raup*** или преступление, называемое scoch****, то подвергнется усечению головы,

* См. выше № 118,2.
* Ограбление мертвого.
** Грабеж на большой дороге.
*** Набег.

если захваченный на месте будет представлен судье. Если же скроется и в течение 15 дней не явится на вызов суда, будет объявлен ошельмованным. Если же тако го, отыскиваемого судом, кто-либо осмелится, вопреки закону, держать у себя или защищать, то подвергнется опале как сам укрыватель, так и любое место, в котором он укрывается. Если укрыватель после своей опалы не образумится на второе и третье увещание судьи, то подвергнется одинаковым с обвиняемым шельмованию и приговору. Если же обвиняемый по вызо ву судьи предстанет на суд и станет отрицать деяние, то обвинитель может его обличить посредством поединка, как сам, так и через другого, а обвиняемый защищается лично. Если обвинитель не пожелает, то обвиняемому предоставляется очищение сам-сем...

16) Те же, кто имеет дурную славу, что зовется loimunt, допускаются к очищению только в публичном суде; и очищение их судья, по своему усмотрению, может усложнить. Если же надо доказать чью-либо порочность (loimunt), то это достигается заявлением нескольких и при том лучших людей округи.

19) Если кто подвергнется опале, то не иначе сможет освободиться от опалы, как представив двух или трех поручителей, которые имеют в том же округе столько феодальных или аллодиальных владений, чтобы могли возместить убытки, пеню и штраф судье*.

20) Никто да не вредит своему врагу в фогтствах, потому что это заведомо церковные владения и состоят под покровительством папы и императора; если кто сделает иначе, подвергнется опале и отлучению.

21) Если кто захватит другого не в явной войне (guerra — «файда») или [захватит] того, на кого не подавал жалоб судье, и если плененный, несмотря на требования судьи, не будет выпущен, то как захватчики, так и место плена подвергнутся опале.

23) Еретики, заклинатели, колдуны, действительно изобличенные и пойманные, подвергнутся должному наказанию по усмотрению судьи.

24) Кого епископ отлучит, сообщив об этом письменно или устно императору или королю, того император или король объявят в опале, и от этой опалы обидчик не раньше освободится, пока не даст удовлетворения.

№ 121. Против поджигателей (1186 г.)

Фридрих, Божией милостью Римский император... Соображая, какой ущерб и какие опустошения в людях и землях про изошли от смут и пожаров и какие страхи прошлое несет будущему, мы желаем, чтобы всем

* Т.е. все три возможные формы материальной ответственности перед потерпевшим, государством и отправителем правосудия.

верноподданным империи нашей ведомо было, что с согласия и совета князей и иных верных наших, как свободных, так и министериалов, мы нашей императорской властью постановили для подавления дерзо сти поджигателей, и повелеваем накрепко соблюдать то, что мы постановили и утвердили в бурге нашем Нюренберге.

1) Посему прежде всего скажем о поджигателях вообще. Если свободнорожденный, свободный, министериал, или иной какого бы то ни было состояния учинит пожар, вследствие своей частной файды за друга, за родственника или по случаю какой-либо другой причины, пусть считается тотчас подверженным опале по императорскому мнению и решению. Исключаются, если кто в открытой войне открыто берет укрепления и при этом сжигает предместья, конюшни или другие строения, лежащие перед укреплениями. Исключаются и судьи, которым придется по постановлению суда применять против лиходеев кару сожжения [дома].

3) Кто примет заведомо поджигателя в своем доме и даст ему совет или помощь, пусть возместит потерпевшему вред и ущерб по своему состоянию; судье же уплатит 10 монет того округа, в котором совершено преступление, а государю императору по воле и милости его.

4) Если же кто захочет доказать свою невинность в этом преступлении, то пусть очистится с двумя правдивыми мужами в присутствии судьи.

6) Государь император никого из опальных не освободит от опалы, разве тот сперва вполне удовлетворит пострадавшего, но сделав это непременно по соглашению с судьей.

7) Опального же, о котором всем будет известно, что подвергся опале за поджог, епархиальный епископ, буде тот окажется неподатливым, отвергнет от общения с церковью Божией и верными Христу и сделает его «внешним* (extraneum idat) и не разрешает его, пока тот не вернет потерпевшему всего ущерба.

И наоборот, кого епископ, после вызова в законные сроки, исполнив все, отлучит по чину и об этом уведомит судью, того судья да покарает своей опалой и снимет ее не раньше, чем тот перед лицом епископа даст удовлетворение в том, за что осужден.

8) Если кто будет вышесказанным образом освобожден от опалы и готов будет повиноваться своему епископу, то пусть он сперва поклянется впредь не поджигать, затем пусть будет в благоусмотрении епископа, какое возложить на него послушание: посетить ли гроб Господень или порог апостола Иакова.

---

* Так назывались в раскольничьей терминологии все, стоящие вне данного «согласия».

9) Если же опальный пожелает вышеуказанным образом удовлетворить императору, тогда пробудет вне империи год и день.

10) Если же кто в течение года и дня не будет освобожден от опалы и отлучения, то пусть считается лишенным всех прав, земли и защиты законов, так что никоим образом не будет допускаться к даче показаний и вообще ведению дел. Навсегда будет лишен также всякого феодального права.

11) Если же в походе какого-либо сеньора, при сеньоре, который затеял этот поход, кто-нибудь, как это часто бывает, учинит поджог, то сеньор, который затеял этот поход, пусть поклянется на мощах, что это сделано без его ведома, желания или приказания, а виновному откажет и никогда к себе не примет. Если же впоследствии примет его до расплаты, то обязан возместить ущерб, который тот причинил.

13) Если же поджигатель будет захвачен и вздумает перед судьей отрицать свой поджог, то пусть будет казнен, ес ли судья с семью свидетелями может изобличить его, если только это не будет заведомо известно провинции. Если же заведомо известно, то не надо искать никакого свидетельства, а тотчас рубить голову.

14) Если вассалы какого-нибудь сеньора, спустившись из бурга своего сеньора, учинят поджог в отсутствие из области сеньора, то бург сеньора за это не подлежит сожжению, но пусть будет сожжено имущество поджигателей все, какое найдется вне бурга. После же возвращения сеньора, если он захочет удержать поджигателя и не прогонит от себя, то равным образом подлежит сожжению его бург.

15) Если же подвергнутый опале за поджог спрячется в какой-либо дом, откуда его нельзя взять, не поджигая дома, то за такой поджог никого нельзя считать поджигателем, но ущерб за поджог восстановить нужно.

16) Если же преследуемый поджигатель убежит в какой-либо бург, и господин бурга будет случайно его сеньором, или вассалом, или родственником, то он не обязан выдать его преследователям, но поможет ему уйти из бурга в лес или в другое место, которое ему кажется безопасным. Если же он не сеньор, не вассал, не родственник, то пусть тотчас выдаст его преследователям или же будет с ним в одном ответе.

17) Определяем также и накрепко постановляем настоящим эдиктом, что если кто намеревается другому нанести вред, ему или его имуществу, то по крайней мере за 3 дня он должен объявить ему файду через верного вестника. Если потерпевший станет говорить, что файда объявлена не была, то тот же вестник, если жив, пусть присягнет, что он от лица господина своего в указанное время и в указанном месте объявил о расторжении мира. Если вестник умер, то пусть присягнет господин с двумя

правдивыми мужами, что он расторг с ним мир, дабы кто-либо по злобе не мог его попрекать нарушением мира.

18) Постановляем также, чтобы никто, установив мир (treugas dare) с другим, если не сделано исключений и определений, на каких условиях он его соблюдает или не соблюдает, никоим образом не мог расторгнуть его ранее установленного срока. Если же это сделает, пусть считается нарушителем мира.

19) Также, кто причинил вред вестнику за то, что тот послан расторгнуть мир, тот лишил себя доверия и навсегда теряет честь, и впредь никто не обязан предупреждать его о расторжении мира.

20) Постановляем также о сыновьях священников, дьяконов, крестьян, чтобы они никак не присваивали себе рыцарского пояса, а те, которые уже присвоили, пусть судьей провинции будут лишены рыцарства. Если же господин кого-либо из них будет стараться его удержать в рыцарстве, вопреки запрету судьи, то сам господин пусть будет принужден к уплате 10 ф. судье; серв же пусть лишится всех прав рыцарства.

22) Постановляем также, что если кто вырубит виноградник или фруктовые сады, то подвергнется опале и отлучению.

23) А дабы сие столь полезное установление навеки осталось действительно и нерушимо во всем своем содержании, повелели мы оное включить в закон предшественников наших, императоров и королей, и блюсти, как непременный закон. Если же кто в дерзновении своем осмелится идти против, да падет на него во веки гнев Всемогущего Бога и наш. Тако да будет. Аминь.

№ 122. Расправа императора Фридриха I с князьями-насильниками (1152 г.)

Направился император к Рейну и отпраздновал Рожде ство Христово в Вормсе. Область сия, через которую протекает Рейн, благороднейшая река, одна из знаменитейших трех рек Европы, является рубежом, с одной стороны — Галлии, с другой — Германии, изобильна хлебом и вином, богата дичью и рыбой; со стороны Галлии соприкасается она с лесами Вогез и Арденн, а со стороны Германии тоже с немалыми лесами, до сих пор еще носящими варварские названия; в такой области очень долго могли укрываться заальпийские* князья. Сюда, в королевскую курию, явились Арнольд, архиепископ Майнцский, и пфальцграф Герман и обвинялись в том, что в отсутствие государя расстроили ту землю грабежом и пожаром; оба с их участниками были признаны виновными, но один из них прощен ради

* Т.е. германские, считая от Рима.

почтенных седин его и из уважения к архипастырскому сану, другой же подвергнут должной каре. А именно. Есть древний обычай у франков и швабов, превратившийся почти в закон: если свободный, министериал или виллан уличены будут соответствующим судьей в подобного рода преступлениях, то еще до смертной казни, для вящего бесчестия, должны они нести в соседнее графство: свободный — собаку, министериал — седло, виллан — колесо от плуга*. Соблюдая сей обычай, император заставил оного пфальцграфа, великого вельможу империи, вместе с десятью графами, его сообщниками, нести собак целую немецкую милю. Когда молва о столь строгом приговоре распространилась по всей Заальпийской империи, то такой страх напал на всех, что все готовы были скорее притихнуть совсем, чем бросаться в пучину насилия.

№ 124. Объявление файды Эльзасским графом (около 1279 года)

Сигберт, граф Верде, обращается к мудрым и рачительным магистру, консулам и всем горожанам страсбургским с приветом и, как водится, с готовностью к услугам. Поелику господа из Ландсберга и многие другие благожелатели наши жаловались нам на великие бесчинства и тяготы, какие господин Либинцеллер, согражданин ваш, непрестанно и без зазрения совести причиняет Вальтраму по прозвищу Пес, о чем дух наш скорбит и тревожится, то да ведомо будет вам, что нам, хоть и против желания, приходится вместе с нашими ви карными** и людьми принять на себя иго войны.

№ 125. Подмастерья сапожного цеха в Лейпциге объявляют файду студентам (1471 г.)

Мы, нижеупомянутые братья Лаврентий Стойк, да Петр Стойк, да Стефан Стойк, да Петр Тиле, да Матвей Шмидт, да Валентин Шмидт, объявляем всем и каждому из студентов Лейпцигского университета, какого бы они ни были звания, докторского, лиценциатского, магистерского, или бакалаврского, будь они клирики или миряне, молодые или старые, простые или знатные, что мы стали вам врагами и хотим быть врагами, поне же один из вас, прозванный Длинным попом, из коллегии Девы Марии, да Николка Малый из бурсы доктора Смидебергера, да бакалавр Шульц, да некий по кличке Пузан, в противность доброй чести и праву, своевластно, оскорбительно и высокомерно поносили нас в городском суде лейпцигском

* Тогдашний громоздкий плуг, с запряжкой не менее 4-х волов, ходил, судя по миниатюрам, на тяжелых деревянных колесах.

** Непривычный, как видно, к письменному выражению своих мыслей, граф неуместно пользуется церковным термином.

и не хотят дать нам в этом удовлетворения. За такое их поведение мы, вышеназванные, отведем свою душу на всех студентах, как молодых, так и старых, и таким образом хотим восстановить себе свою честь на вас всех. Дано под печатью, ныне у нас употребляемой, в год 71-й*.

№ 126. Эдикт в пользу евреев (1157 г.)

Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Фридрих, Божией споспешествующей милостью Римский император, всегда священный. Да будет известно всем епископам, аббатам, герцогам, графам и вообще всем подчиняющимся законам нашего государства, как мы подтверждаем навсегда вормсским евреям и их присным статуты прадеда нашего, императора Генриха, данные во время Соломона, епископа тех же евреев.

1. Так как мы желаем, чтобы во всех судебных делах они были подчинены только нам, то нашей королевской властью предписываем, чтобы ни епископ, ни камерарий, ни граф, ни староста, ни кто бы то ни было, кроме того, кого они сами выберут, ни о какой вещи, ни о каком-либо праве не осмеливались начинать дела против них; исключается только то лицо, которое, будучи выбрано ими, как мы указали, будет поставлено над ними самим императором, и это, главным образом, потому, что они находятся в нашем ведении, как мы соизволили.

2. Имущество же их, которым они наследственно владеют: усадебную землю, сады, виноградники, поля, рабов и остальную недвижимость и движимость, никто да не осмеливается отнимать у них. В доходных статьях, какие они имеют в черте города или вне ее, никто да не препятствует им. Если же кто, вопреки нашему указу, в чем-нибудь попытается утеснять их, то лишится нашей милости или возвратит вдвойне, буде что отнял.

3. Также имеют полное право менять деньги, кому угодно, по всему городу, кроме как перед монетным двором или вообще кроме тех мест, где монетчики сидят для мены.

4. В пределах нашего государства пусть свободно и безопасно передвигаются для дел и торговли, купли и продажи. Никто пусть не требует с них пошлин и общественных или частных поборов.

5. В домах их без их согласия никто да не ставится на постой; пусть никто не требует у них коней для поездки короля или епископа, ни лошадей для королевского поезда.

---

* Дальнейший ход событий был таков: зачинщики файды (т.е. сапожники) вызваны были за «оскорбление духовных лиц» в епископский суд. Они не явились, но, перетянув на свою сторону даже некоторых обедневших рыцарей, «чинили вред» и в самом Лейпциге, и вне города. За неявку на них наложили опалу. Конец дела неизвестен.

6. Если украденная вещь у них будет найдена, и еврей скажет, что купил ее, то пусть поклянется по своему закону, за сколько купил, и, получив столько, возвратит вещь владельцу.

7. Сыновей же и дочерей их никто да не осмеливается крестить против воли, если же окрестит схваченных насильно или похищенных воровским образом, или по принуждению, то заплатит в королевскую казну 12 ф. золота. Если же кто из них добровольно захочет креститься, то обождать 3 дня, чтобы вполне узнать, действительно ли ради христианской веры покидает он свой закон или из-за какой-либо испытанной им обиды; как он покинул закон отцов своих, так да оставит и свое наследство.

8. Рабов же язычников никто крещением да не отвергает от службы им, под предлогом христианской веры. Если кто это сделает, то уплатит бан, т.е. 3 ф. серебра, а раба возвратит господину. Раб должен во всем повиноваться господину, соблюдая, однако, христианскую веру.

9. Да будет им позволено иметь христианских служанок и кормилиц и нанимать для работы христиан, кроме как по праздничным и воскресным дням. В этом да не препятствуют ни епископ, ни иной клирик.

10. А раба христианина покупать им нельзя.

11. Если у еврея против христианина или у христианина против еврея будет тяжба, пусть каждый ведет свое дело по своему закону. Как каждому христианину разрешается доказывать публичной присягой своей и одного свидетеля любого закона [т.е. веры], так будет разрешено еврею доказывать публичной присягой своей, одного еврея или одного христианина. К большему не могут принудить ни истец, ни судья.

12. Никто да не принуждает еврея к раскаленному железу, к горячей или холодной воде, не бичует, не запирает в тюрьму, но пусть еврей принесет присягу по своему закону по истечении 40 дней. Никто ни в каком деле не может быть изобличен иначе, как одновременно еврейскими и христианскими свидетельствами. Если будут апеллировать к личному решению короля, то пусть будет дана отсрочка. Кто будет беспокоить их, вопреки этому нашему эдикту, тот уплатит императору бан, т.е. 3 ф. золота.

13. Если кто-нибудь злоумыслит против кого-нибудь из них или устроит засаду и тот будет убит, то оба, подговорщик и убийца, уплатят 12 ф. золота в казну короля. Если же ранит его, но не насмерть, то 1 ф. золота. Если же убивший или ранивший — раб, то господин или уплатит вышеупомянутый штраф, или передаст его для наказания. Если же по бедности окажется не в состоянии уплатить вышеупомянутый штраф, то подвергнется тому же наказанию, которым был наказан во время нашего прадеда императора Генриха [VI] убийца еврея Вива, т.е. ослеплению и отсечению правой руки.

14. Если евреям нужно решить тяжбу или вообще какое-нибудь дело между собой, то пусть судятся только своими равными, а не другими. И если когда-нибудь обманщик между ними захочет скрыть правду в каком-либо их деле, то пусть будет принужден их епископом сознаться в правде. Если же станут их обвинять в крупном деле, пусть имеют, если захотят, отсрочку и доходят до императора.

15. Кроме того, пусть имеют позволение продавать христианам свое вино, настойки и лекарства...

XII. ЕРЕСЬ

Из постановлений собора в Безье 1246 г.

Что касается божественных книг, то мирянам не иметь их даже полатыни; что же касается божественных книг на народном наречии, то не допускать их вовсе ни у клириков, ни у мирян.

Эдикт Карла IV 1369 г.

А посему мы строжайше предписываем и повелеваем, чтобы книги на народном наречии, а также трактаты и проповеди, будь то отдельные листы, тетради или целые тома... которые могут дать случай к лжеучению и лжепроповеди, обследовались инквизитором или его помощниками [и отбирались] как у белого и черного духовенства, так особенно у мирян, тем более что мирянам обоего пола по каноническим установлениям не подобает читать чего бы то ни было из Писания, хотя бы на народном языке, дабы через плохое понимание они не впадали в ересь и заблуждения.

№ 128. Крестовые походы против альбигойцев

О ереси альбигойской

Во времена папы Иннокентия, предшественника ныне правящего Гонория, когда еще продолжался раскол между королями Филиппом и Оттоном, кознями Дьявола альбигойские ереси стали возрастать или, вернее, созревать. Сила ереси была так ве лика, что пшеница веры во всей той стране, казалось, превратилась в плевелы заблуждения. Посланы были аббаты нашего ордена* и несколько епископов, чтобы мотыкой православной проповеди с корнем вырвать плевелы; но достигли они малого, ибо препятствовал Супротивник людской, сеятель всякого зла... И

* Цистерцианского.

настолько усилилось заблуждение альбигойское, что вскоре заразило почти тысячу городов, и если бы не было подавлено мечом верным, то захватило бы и всю Европу.

В год Господа нашего 1210-й проповедовали по всей Германии и Франции принять крест против альбигойцев, и в следующем году поднялись против них в Германии Леопольд, герцог Австрийский, Энгильберт, тогда еще препозит, а ныне архиепископ Кельнский, брат его Адольф, граф Бергский, Вильгельм, граф Юлихский, и многие другие разного чина и звания; то же произошло во Франции, в Нормандии и в Пуату. Главой и проповедником этого похода был Арнольд, аббат в Сито, впоследствии архиепископ Нарбонны. И пришли они к большому городу по названию Beziers, в котором, говорят, было более 100 000 человек, и стали его осаждать. У них на глазах еретики осквернили книгу Св. Евангелия и сбросили его вниз христианам, стреляя и крича: «*Вот ваш закон, несчастные!*» Христос же, насадитель Евангелия, не оставил без отмщения нанесенную Ему обиду. Ибо некоторые воины, возгоревшись ревностью к вере, точно львы и по примеру тех мужей, о которых читается в книгах Маккавейских, подставили лестницы и бесстрашно взошли на стены, и когда еретики, самим Господом приведенные в смятение, отступили, они открыли ворота, и город был взят. Узнав из возгласов, что там вместе с *еретиками находятся и православные, они сказали аббату*: «Что нам делать, отче? Не умеем мы различить добрых от злых!» И вот аббат, а также и другие, боясь, чтобы те из страха смерти не прикинулись православными, а впоследствии опять не вернулись к своему суеверию, сказал, как говорят: «Бейте их всех, ибо Господь познает Своих». И перебито было великое множество в том городе.

№ 130. Эдикт Фридриха II против еретиков

Фридрих, Божией милостью император Римский, всегда священный, король Иерусалима и Сицилии, всем своим возлюбленным князьям, достопочтенным архиепископам, епископам и прочим церковным прелатам, герцогам, маркграфам, графам, баронам, наместникам, бургграфам, уполномоченным (advocatis), судьям, министериалам, оффициалам и всем властям по всей империи, кои увидят настоящую грамоту, верноподданным нашим — наше благоволение и всяческое благо.

1. Порученное нам свыше попечение о королевстве и империи, кое мы Божией милостью имеем, заставляет нас обнажить меч, сей вещественный знак власти нашей, коим мы обладаем в отличие от церкви, на врагов веры и на искоренение еретической мерзости, дабы преследовать судом и расправой зловерных сынов ехидны, изрыгающих хулу против Бога и

церкви, терзающих как бы чрево матери; мы не потерпим, чтобы жили злодеи, соблазнительным учением которых заражается мир, а среди верных сими паршивыми овцами причиняется тяг чайшая порча.

2. Посему постановляем и утверждаем, чтобы еретики, каким бы именем они ни обозначались и в каком бы месте империи ни были осуждены церковью и переданы светскому суду, были наказаны с надлежащим тщанием. Если же какие-либо из вышереченных, будучи схвачены, устрашенные ужасом смерти, захотели бы вернуться к единению в вере, то таковые, сообразно с каноническими постановлениями, должны быть заключены для отбывания наказания на вечные времена в темницу.

3. Далее, если какие сысканы будут еретики в городах, местечках или иных селениях империи инквизиторами апостольского престола или другими ревнителями православной веры, то те, кто в данном месте обладает юрисдикцией, должны схватить оных еретиков по доносу инквизиторов и других добрых католиков и, схватив, держать под строгой стражей, пока их, осужденных церковным приговором, не уничтожат смертью, их, которые отвергали таинство животворящей веры.

4. Такому же наказанию постановляем предавать всех, кого враг в своем коварном лукавстве соблазняет поощрять еретические заблуждения или оказывать еретикам недозволенную защиту, ибо гнусное деяние равняет всех, кого пятнает, если только вышереченные, по увещании, не отступятся и не пожелают подумать о своем спасении.

5. Тех же, кто, будучи в одном месте уличен в ереси, переселится в другое, чтобы там безопаснее разливать яд своей еретической мерзости, постановляем подвергать должному возмездию, как только об этом будет очевидное свидетельство лиц, обращенных к вере из того же самого заблуждения, либо других лиц, которые изобличали их в ереси, что в данном случае мы охотно допускаем.

6. Также считаем необходимым приговаривать к смерти тех еретиков, кои, будучи привлечены к суду, на краю гибели отрекутся от ереси, но затем окажутся виновными в ложной клятве и будут изобличены в обманной вере, или та же болезнь сама собою вторично коснется их и поразит их; пусть лживое нечестие будет тем гибельнее для самого себя, и пусть ложь не избегнет заслуженной кары.

7. Сверх того, благо жалобы и апелляции у еретиков, их последователей и их покровителей мы всецело отнимаем, желая, чтобы из пределов Аллемании, где всегда существовала верная вера, порождения еретической мерзости были искоренены всяческими мерами.

8. Далее, приняв на себя, по божественному соизволению, тягчайшее бремя забот и занимая высочайшее место среди сынов человеческих, мы тем более благоговейною верностью обязаны Дарителю. А посему, ежели на хулителей имени нашего власть величия нашего распаляется гневом, ежели виновные в оскорблении величества отвечают нам головой, а дети их — лишением наследия, то тем достойнее и справедливее вступать нам в борьбу против хулителей имени Божия и разрушителей католической веры; а наследников и потомков оных еретиков, их последователей, их покровителей и их защитников до второго поколения мы нашей императорской властью лишаем всех временных благ, общественных должностей и почестей, дабы они зачахли в постоянных воспоминаниях и скорби об отцовском преступлении, познав, что Бог ревностен и страшен в отмщении грехов отцов на детях. Но мы полагаем не исключать из предела милосердия нашего, если кто, не следуя ереси отцов, разоблачит их тайное зловерие; какое бы наказание ни постигло отцов за вину, невинные дети не подлежат лишению имущества.

9. При сем да будет всем ведомо: приор и братья ордена Проповедников в Вюрцбурге, поставленные на защиту дела веры против еретиков в пределах Тевтонии, наши верные, и так же все прочие, кто прибудет и соберется для суда над еретиками, если только кто-либо из оных не в опале, пользуются во время пути, остановок и возвращения нашей и особливой имперской защитой, и мы желаем, чтобы они, помощью и попечением верных жителей империи, находились в полной безопасности; поручаем их всем вам в совокупности; где бы, как бы и с кем бы из них вы ни встретились, примите их благосклонно, охраняя их самих и их людей от нападений и козней еретиков, подайте им всякий совет, проводы и помощь в пути для выполнения долга, принятого на себя перед Богом; а еретиков, коих они схватят и укажут вам, держите под заботливой стражей в пределах вашей юрисдикции, доколе они, после церковного осуждения, не понесут должной кары. Ведайте, что вы будете участвовать в совершении дела, приятного Богу и похвального в глазах наших, если вместе с вышереченными братьями окажете содействие и услуги для искоренения из пределов Аллемании новой, неслыханной, нечестивой и мерзкой ереси. А если кто окажется небрежным или ленивым, тот будет бесполезен перед Богом, а перед нами может оказаться действительно виновным.

Дан в Равенне, в лето от воплощения Господа 1232, в месяце марте, пятого индикта.

№ 131. Руководство брата Давида о приемах преследования еретиков (около 1260 г.)

30. Запомни хорошенько!

Безошибочно знай, что до тех пор, пока еретик или приспешник еретиков старается уклониться от выдачи других еретиков и соумышленников их, их заблуждений и тайн, никоим образом нельзя верить, что он искренне и вполне вернулся к вере и церкви, ибо если он действительно осознал свое заблуждение и сокрушается, как должно, он объявил и выдал бы все их заблуждения для ограждения верных и предостережения себе подобных; обвинил бы также и своих соумышленников, чтобы либо они отклонились от греховных заблуждений, либо церковь очистилась от них, дабы впредь не могли вредить они... Кто же трепетно и нехотя выдает свои заблуждения или соучастников, или при требовании поклясться обнаружит в чем-либо неподатливость, сильно тогда подозрение, что он все еще пребывает во лжеучении, хотя страх смерти, по-видимому, склонил его к поверхностному раскаянию...

31. Некогда они совершенно не соглашались на клятву, и поэтому легко было их уличать и казнить в большом количестве. Но вот, став теперь осторожнее, чтобы не сгинуть совсем, они отрекаются и клянутся всеми правдами и неправдами, дабы выпутаться, за исключением редких, которые тем упорнее от крыто исповедуют свои заблуждения; этих людей они считают «совершенными» и почитают за наставников и всячески забо тятся, чтобы таковых у них не захватывали; ибо с изъятием их нетрудно уловить их соумышленников, и сделать это можно по пяти верным признакам.

32. Как уличается приспешник еретический

Первое. Те, которые тайно навещают их («совершенных»), когда они содержатся в тюрьме, и перешептываются с ними и снабжают их пищей, берутся на подозрение, как последователи их и соучастники.

Второе. Те, которые сильно плачутся о задержании их или смерти, были, очевидно, особливые их друзья при жизни; ибо быть долго в дружбе с еретиком и не видать его ереси, едва ли вероятно.

Третье. Если кто распространяет слух, что те несправедливо осуждены, тогда как на самом деле они были явно уличены или даже сами сознались в ереси, тот, очевидно, одобряет их учение и допускает ошибку церкви, их осудившей.

Четвертое. Если кто станет со скорбным лицом смотреть на преследователей еретиков и на успешных их обличителей, так что при желании можно подметить это по глазам, носу и по выражению лица, и не сможет

глядеть им прямо в глаза, тот берется нарочито на подозрение, что он питает ненависть к тем, кто огорчил его сердце, настолько, что это отражается даже на лице, и, значит, любит тех, о гибели коих столь скорбит.

Пятое. Если кто-либо попадется в том, что тайно собирает ночью, как реликвии, кости сожженных еретиков, — ибо они, несомненно, почитают святыми тех, чьи кости собирают, как святыню, — такие лица — еретики, как и те...

Сии признаки дают значительное право подозревать их в ереси, хотя еще не вполне достаточны для осуждения, если не присоединяются другие доказательства, из которых совершенно явствует, что они совершали все это во славу ереси. И если будут такие, которые сумеют и захотят мудро проследить их и с благословения епископа прикинутся сторонниками и друзьями еретиков и сумеют поговорить с ними осторожно, без [лишней] лжи, и которые не внушают опасения, что они заразятся от них, такие могли бы проникать во все их тайны, узнавать обычаи и речи, устанавливать личности еретиков и их сторонников, выслеживать их притоны и сходбища и отчетливо замечать и записывать все, чем отдельные лица могут быть уличены в ереси, выведывать также, когда присутствуют их учите ля или когда они собираются вместе, с тем чтобы своевременно указывать это и многое другое инквизиторам и давать их схватить и выступать по закону свидетелями против них, что много поможет церкви в искоренении еретической мерзости. То же будет достигнуто, если некоторые из бывших прежде в их секте, вернувшись к истинной вере, честно все выдадут, получив обещание, что за это строгость закона смягчится для них в покаяние; а ведь зело плодотворное покаяние — трудиться, чтобы церковь очистилась от ереси, подвергать себя из-за этого опасности быть убитым приспешниками еретиков. Ведь говорится, что прирученный волк для охоты на других волков полезнее пса.

33. О том, как добиться сознания в ереси

Того, кто не слишком еще погряз в ереси, можно иногда вернуть угрозой смерти, и дается ему тогда надежда сохранить жизнь, если он пожелает чистосердечно признаться в заблуждениях еретического учения и выдать других, кого он знает из секты. Если же он откажется это сделать, он опять отправляется в тюрьму, и ему внушается страх, что против него есть свидетели, и что если он будет уличен свидетелями, то без всякого милосердия предадут его смерти; кормят его впроголодь, так чтобы страх совсем его ослабил, и не допускают к нему никого из его товарищей, чтобы тот не укрепил его и не научил хитро отвечать и никого не выдавать; и вообще никого к нему не пускать, только изредка двух надежных и испытанных людей, которые осторожно, как бы сочувствуя, станут увеще-

вать его избавиться от смерти и чистосердечно сознаться, в чем и как погрешил, и пообещают ему, что, сделав это, он может избегнуть сожжения.

Ибо страх смерти и жажда жизни смягчают сердца, ничем иным не смягчаемые.

Говорить же им вкрадчиво: не бойся и спокойно сознайся, если ты, быть может, считая их за добрых людей, которые учат тому-то и тому-то, доверился им, охотно слушал их, поддерживал их из своего имущества, порой принимал их в своем доме и даже исповедовался у них, делая это по простоте своей и из любви к ним, считая их добрыми и ничего дурного про них не зная; а обмануться в этом ведь могут и люди значительно помудрее тебя.

34. О том, сколь осторожно надо вести допрос

Если после этого он начнет поддаваться, размякать и захочет кое-что сказать, что он иногда от подобных учителей в укромных местах слышал о Евангелии, посланиях или тому подобном, то тут же, по горячим следам, спросить его, учи ли ли эти учителя тому-то и тому-то, а именно, что чистилищного огня нет, что молитвы за умерших не помогают, что дурной священник, сам погрязший в грехе, не может и другим отпустить грехи, и вообще о таинствах церкви. А потом осторожно выспросить, считает ли он сам учение их хорошим и истинным; если да, то он уже сознался в исповедании ереси... Если же ты прямо спросишь его, верит ли он сам всему вышеуказанному, он отвечать не будет, боясь, что ты хочешь изловить его и обвинить в ереси, почему и следует ловить его осторожно, иным путем, как я сказал; ибо хитрую лису надо ловить лисьей же хитростью.

38. О свидетелях

Как при обвинениях в оскорблении величества допускают ся свидетелями другие преступники, так против еретика может свидетельствовать еретик, клятвопреступник или иной преступник в доказательство злодеяния и во славу веры христианской.

XIII. ПРОСВЕЩЕНИЕ

№ 132. Письмо блаж. Иеронима* к Лете

О воспитании отроковицы

Тако нужно воспитывать душу, коей предстоит стать храмом Господним: пусть научается слышать и говорить лишь то, что ведет к страху Божьему. Дурных слов чтобы она и не понимала, мирских песен чтобы не

* «Doctor ecclesiae» (340–480 гг.).

знала: пусть нежные еще уста наполняются лишь сладостным псалмопением; пусть подальше она будет от распущенного народа, мальчишек; пусть даже подруги ее и няньки уберегаются от мирских знакомств, чтобы они не научились чему дурному или, что еще хуже, не на учили бы ее.

Нужно сделать ей буквы либо буковые*, либо из слоновой кости и назвать их ей. Пусть играет ими и играючи обучается. И пусть она запоминает не только порядок букв и не толь ко по памяти напевает их названия, но пусть ей неоднократно путают и самый порядок, перемешивая средние буквы с последними, начальные со средними, дабы она знала их не только по звуку, но и по виду. Когда же она еще нетвердою рукою начнет водить стилем по воску, то пусть кто-нибудь водит ее нежными пальчиками, или пусть на таблице начертают ей буквы, чтобы она шла по бороздкам и не могла бы сбиться в письме, следуя указанным контурам. За составление слогов ее награждать: поощрять такими подарками, которые приятны в ее возрасте. Пусть у нее при учении будут подруги для соревнования: похвалы им пусть задевают ее за живое. Не надо ее бранить за медлительность, но похвалами возбуждать ее усердие, чтобы она радовалась при успехе и горевала при неудаче. Прежде всего надо опасаться, как бы она не возненавидела ученья, дабы горечь его, воспринятая в детстве, не удержалась в последующем возрасте. Собственные имена же, на которых она понемногу на учается читать целые слова, пусть будут не случайными, а известными и нарочито подобранными, например имена пророков и апостолов, а также и весь ряд патриархов от Адама, как он приведен у Матвея и Луки, чтобы она, занятая и этим делом, готовила бы себе кладезь памяти для будущего. Учителя надлежит выбрать почтенного возрастом, жизнью и мудростью, и нечего, думаю я, мужу ученому краснеть из-за того, что он делает по отношению к ближнему, к благородной девице, то, что Аристотель сделал по отношению к сыну Филиппа, а именно преподал начатки грамоты во славу учению... Самое произношение букв и передача основных правил звучит иначе в устах ученого, чем у невежды... Сказано также, что красноречию Гракхов много способствовала речь матери с раннего их возраста...

Пусть ежедневно она говорит тебе урок, почерпнутый от цветов Писания. Пусть выучивает она некое количество стихов по-гречески; но сейчас же пусть следует и изучение латыни, ибо если в детстве не получить правильного произношения, то язык искажается на чужой лад и родная речь засоряется чужеземными недостатками**. Наставницей в этом будь ей ты; пусть тебе подражает она с самого раннего детства...

* Отсюда и название «буква».

** IV и V века — ответственное время: варваризация берет верх над романизацией. А в VI в. Григорий Турский горько жалуется на трудность различения винительного от творительного падежа в латыни.

Приставить к ней пожилую деву, испытанную в вере, добронравную и целомудренную, чтобы она своим примером на учала и приучала ее вставать ночью для молитвы и псалмопения; утром петь гимны, выстаивать час третий, шестой и девятый, подобно воительнице Христовой, всегда находящейся в строю; возжигать лампаду и совершать вечернее моление. Так пройдет день, так ночь застанет ее в трудах. За молитвой идет на зидательное чтение, за чтением — молитва. Кратким покажет ся ей время при столь разнообразных занятиях.

Пусть учится она также чесать волну, прясть, вязать, пускать веретено, направлять пальцем основу. Пусть презрит она бомбицинную* ткань, серийский** шелк и золотую канитель. Пусть готовит лишь такие одежды, которыми отгоняется холод, а не такие, облачаясь в которые, обнажают тело. Пищей ей пусть служит капуста да пшеничный хлеб, да изредка мелкая рыба... и пусть она ест так, чтобы всегда ощущать голод, дабы сейчас же после пищи могла петь псалмы и читать... Вместо украшений и шелка пусть возлюбит она божественные книги, и пусть привлекают ее в них не золотое письмо на червленом вавилонском пергаменте, а точная и мудрая четкость, ведущая к истинному познанию. Прежде всего пусть изучает псалтирь и увеселяется сими песнопениями; притчами же Соломона пусть наставляется к жизни; из Экклезиаста же пусть научается презрению всего мирского; книга же Иова даст ей пример добродетели и долготерпения. Затем пусть перейдет к Евангелиям, чтобы никогда уж не расставаться с ними. Деяниями же апостолов и посланиями пусть упивается от всего сердца. Когда же она наполнит сокровищницу своего сердца сими богатствами, пусть поручит па мяти своей: Пророков, Пятикнижие, Книги Царств и Паралипоменон, а также Книги Ездры и Есфирь. А Песнь Песней безопасно будет ей изучить под самый конец, дабы; читая ее прежде временно и не разумея песнь брака духовного, изложенную в словах плотских, она не смутила своей души. Да остережется она всяких апокрифов. Если же захочет прочитать их, не ради истин учения, конечно, а из уважения к содержанию их, то пусть помнит, что они написаны не теми, кому они приписыва ются: много в них примешано ложного, и дело большого разума найти золото в грязи.

№ 133. Идеальное изображение воспитания (Гартман фон дер Ауэ)

Ст. 1.

Был рыцарь, столь ученый,
Что читал он в книгах

* Т.е. хлопчатобумажную, привозную.
** Т.е. китайский.

Все, что там было написано.
Прозывался он Гартман,
А службу нес он в Ауэ*).

Ст. 985.
И вот рыбак и его жена
О милом дитятке своем
Заботились всячески
Вплоть до шести лет.
А тогда его взял у них аббат
К себе в монастырь
И одел его в такую одежду,
Как подобает клирику,
И стал учить его по книгам.
И всякое благочестие,
Всякую верность и честь
Воспринимал он с охотой.
И как охотно, без побоев**, по одному слову
Он выполнял желания своего учителя.
Никогда он не проявлял неудовольствия,
Он хотел знать все,
Что полезно знать,
Как Богом благословенный ребенок.
Детей, которые уже три года
Как были приставлены к учению,
Он скоро нагнал в познаниях,
И сам учитель клялся,
Что никогда не встречал столь многомудрой юности,
Исполненной всяческих добродетелей.
Он был — нисколько я не лгу —
Летами млад, муж по уму.
На одиннадцатом году
Ей-ей, не было грамматика лучше
Отрока Григория.
А в дальнейшие три года
Его знания так усовершенствовались,

* Начальные строки поэмы «Бедный Генрих» знаменитого поэта-рыцаря Гартмана фон дер Ауэ (ок. 1200 г.).

** Про ученье в средние века говорили: «Sub virga degere», т. е. «ходить под розгой».

Что богопознанием
Он весь был просветлен.
Всякая мудрость — от Бога...
Затем читать он стал законы,
И таким образом отрок
Познал и это хитрое дело
И стал славным легистом.

№ 134. Из биографии ученого

В это время благородный отпрыск королевский*, лет четырех от роду, послан был в Утрехт к достопочтенному епископу Бальдрику (а он и поныне здравствует) для занятия свободными науками... Когда же он усвоил начатки грамматики, как мы узнали это от него самого, неоднократно воздававшего за это хвалу Господу Богу, он под руководством своего учителя стал читать поэта Пруденция**; и так как Пруденций и верою, и мыслью воистину православен, велик красноречием и правдой и изящен разнообразием в стихосложении и в содержании своих книг, то он наполнял сердце юноши такою сладостью, что тот с несказанною жадностью впитывал подобно нектару тончайшему не только внешнее значение слов, но и мед сокровеннейшего их смысла. А вскоре не осталось ни одной области в писаниях греков или римлян, которая ускользнула бы от бойкости его ума... Кроме того, что он не дозволял гасить ревность духа своего ленью и легкомыслием других или соблазнять излишним пустословием, он не терпел также, чтобы кто-нибудь портил или подправлял книги, как те, которые он изучал, так и другие, находившиеся у него, или вообще недостаточно бережно обращался с книгами; ибо ничем, что касалось его, он не считал возможным пренебрегать, так как сказал Соломон: «Ни во что ставящий малое, мало-помалу придет в упадок»... И вот государь с великой почестью, как то и следовало, вызвал Брунона, Богу посвященного, еще юношу, прямо из школы во дворец на такое место, где он, исполненный всякою мудростью, мог бы, точно зеркало, отразить все настроения всего почти мира***... Сосуд сей избранный наполнил Господь духом мудрости и разумения. Не довольствовался он собиранием в сокровищницу духа своего всего, что было подле него, но накопливал сверх того и чужеземные хитрости, и все, что относилось, по его мнению, к философии — так как не касалось мира — отовсюду он собирал. Пришед-

* Брунон, брат императора Оттона I.
** Христианский поэт IV в.
*** Брунон стал канцлером.

шие в забвение семь свободных искусств он опять восстановил; все новое и великое, провозглашенное историками, ораторами, поэтами и философами, он обсуждал с учеными всех стран. И там, где он по разуму был учителем, он смиренно являл себя учеником...

Устраивал он себе и ночные занятия, ибо все, что казалось ему достойным, записывалось под его диктовку. Красноречие латинское, которым он блистал, доводил он до тонкости и совершенства не только у себя, но и у других... После обеда, когда все (даже древние, как мы знаем) немало ослабевают, он тем ревностнее предавался чтению и размышлениям. Время раннего рассвета он не продал бы ни за какие деньги* и никогда не уступал подстрекателю — сну.

Шутки и скоморошества разных лиц в комедиях и трагедиях, над которыми обыкновенно разражаются непомерным смехом, он читал со всегдашней своей серьезностью. Содержание он считал совсем не важным, формы же слов и оборотов за самое главное. В вечных разъездах** занимался он; беспокойно было его тело, но спокоен ум. Куда направлялись императорская ставка или королевский лагерь, туда возил он свою библиотеку, точно Ковчег Завета, имея при себе и цель, и средство своих занятий: цель — в книгах божественных, средством же служили книги языческие, уподобясь рачительному хозяину, «который выносит из сокровищницы своей и новое, и старое»***.

№ 135. «Читать» и «понимать»

Из С.-Галленского монаха: описание забот Карла о безошибочном чтении богослужебных книг сопровождается словами: «И таким путем он добился того, что во дворце все отлично читали, хотя и без понимания».

Дарования**** его [Оттона I] были воистину удивительны, ибо по смерти супруги своей, королевы Эдиты, он, дотоле не знавший грамоты, настолько преуспел, что мог читать и понимать целые книги...*****.

При Генрихе IV:

«Император был так учен, что сам был в состоянии читать и понимать всякие письма, какие ему присылались».

---

* Ходовая немецкая поговорка «Morgenstunde hat Gold im Munde» основана на средневековой школьной остроте «Aurora-aurum in ore».

** В качеств канцлера он всюду следовал за императором.

*** Матф., 13, 52.

**** Из похвального слова Оттону I.

***** Оттон I, род. в 912, вступил на престол в 935 г., Эдита * 947 г.

№ 137. Грамотность

А жене идет*... все овцы, гуси, лари... пряжа, постели, перины, подушки, простыни, скатерти, ручники, полотенца, тазы, подсвечники, холст, всякая женская одежда, кольца, запястья, убрусы, псалтири и всякие божественные книги, обычно читаемые женщинами**, сундуки, ковры, мягкие сиденья, занавески...

...Всех скорбящих она [императрица Матильда, мать Оттона I] была утешительница. Всю челядь свою, как мужчин, так и женщин, обучала она разному мастерству, также и книжному; ибо и сама она знала грамоте, каковую изрядно изучила по смерти мужа***.

Слава его [императора Конрада II****)] росла в соответствии с его доблестями... Хотя он не знал грамоты, тем не менее всегда мудро наставлял духовных лиц, на людях — милостиво и ласково, наедине же — грозно.

Много труда положила она [Гизела, мать императора Генриха III], чтобы король прилежал закону; она же внушила ему читать книги, чтобы искусно разбирать разные обычаи. Ведь светом учения управляется темный мир сей, и римляне некогда победили враждебные народы силой разума, не всегда они побеждали оружием...

За науку садятся все италики прямо после детской погремушки, и всю молодежь заставляют потеть в школах. Одним лишь тевтонам кажется излишним или постыдным обучать кого-либо, кроме будущих клириков. Но ты, ученейший царь, прикажи всем по всему царству учиться, чтобы в пределах сих царствовали ты и мудрость.

Всех сыновей своих велел он [Фридрих Барбаросса] изрядно обучить.

№ 138. Colloquium, т.е. разговор для упражнения мальчиков в латинской речи, составленный впервые Эльфриком (1005), а затем распространенный учеником его, Эльфриком Батой

Ученики. Мы, мальчики, просим тебя, наставник, научить нас говорить по-латыни правильно, потому что мы неучи и говорим неправильно.

Наставник. О чем хотите выговорить?

У. Что нам заботиться о том, что мы будем говорить, лишь бы речь была правильная, полезная, а не бабья болтовня и не искаженная.

Н. Хотите ли, чтобы вас пороли при ученье?

---

* При имущественном разделе.

** В средние века женщины, в общем, грамотнее мужчин.

*** Матильда вышла замуж в 911 г., овдовела в 936 г.

**** 1024–1039 гг.

У. Лучше нам быть поротыми ради ученья, чем оставаться невеждами; но мы знаем, что ты мягок и не станешь бить нас, если мы сами тебя к этому не принудим.

Н. Спрашиваю тебя, о чем ты будешь говорить? Чем, например, ты занимаешься?

У. Я дал монашеский обет. Ежедневно совершаю с братией по семь песнопений и занят чтением и пением, но тем не менее я хотел бы выучиться вести разговор по-латыни.

Н. А что знают вот эти твои товарищи?

У. Одни из них пахари, другие пасут овец, быков, некоторые даже охотники; иные рыбаки, иные птицеловы, есть куп цы, сапожники, солевары, хлебники.

Н. Что скажешь ты, пахарь? Как справляешь ты свою работу?

Пахарь. Эх, господин мой, работаю через силу; выхожу на рассвете, выгоняю волов на поле, а потом впрягаю их в плуг; нет такой суровой погоды, чтобы я посмел остаться дома, — боюсь барина своего. Как запрягу я волов и прилажу резак и сошник к плугу, так и пашу каждодневно по целому полю, а то и больше.

Н. Есть ли у тебя помощник?

Пах. Есть у меня мальчик, он стрекалом подгоняет волов; он то и дело хрипнет от непогоды и крика.

Н. А что ты еще делаешь на дню?

Пах. Разумеется, еще многое делаю. Должен я накласть сена в ясли, напоить волов, убрать навоз.

Н. Эх, эх, велик твой труд.

Пах. Да, воистину велик! Тем более что я несвободен... [Следует ряд подобных же диалогов с представителями других занятий, причем разговор понемногу переходит в спор о преимуществе той или иной профессии].

Наст. А ты что скажешь, купец?

Купец. Скажу, что я полезен и королю, и вельможам, и богачам, и всему народу.

Н. Как же это так?

К. Сажусь я на корабль со своими товарами и плыву в заморские края, и продаю свои товары, и покупаю драгоценные предметы, каких нет в этой стране, и привожу вам сюда по морю, с великой опасностью; порою терплю кораблекрушение, теряю все свое имущество и едва спасаюсь сам.

Н. Какие же товары ты нам привозишь?

К. Цветные материи, шелк, драгоценные камни, золото, разные одеяния, пряности, вино, масло, слоновую кость, медь, руду, олово, серу,

стекло и т. п. [Спор о преимуществе профессий продолжается, пока не выступает примирителем некий «мудрый советчик»].

Советчик. Товарищи и добрые работники! Давайте поскорее разрешим этот спор, и пусть будет между нами мир и согласие, и пусть каждый помогает другому своим искусством; сойдемся все на пахаре; от него и наша пища, и корм лошадям нашим. И вот мой совет всем работникам: пусть всякий прилежно трудится над своим делом; ведь коли ты бросишь дело, и дело тебя бросит. Священник ли ты, монах ли, мирянин или воин, упражняй себя в своем деле: будь тем, что ты есть, ибо великая беда и стыд для человека не желать быть тем, что он есть и чем он должен быть.

Наставник. Мальчики, как вам нравится сия речь?

Ученики. Весьма нравится, но очень уж глубокомысленно ты говоришь, и завел ты речь выше нашего разумения. Говори же с нами по разумению нашему, дабы мы могли понимать слова твои.

Н. Так вот, спрошу вас, для чего вы так усердно учитесь?

У. Потому что не хотим мы быть скотами неразумными, которые ничего не ведают, кроме травы да воды.

Н. А чего же хотите вы?

У. Хотим быть мудрыми.

Н. Какой мудростью? Хотите ли быть изворотливы и увертливы, ловки во лжи, хитроумны в ответах, себе на уме, в речах добрые, в помыслах дурные, на словах сладкие, а в душе яд таящие, яко гробы повапленные, внутри же их тлен?

У. Нет, не такой хотим мудрости, ибо не мудр тот, что прикидывается [мудрым], обманывая этим и самого себя.

Н. Так чего же вы хотите?

У. Хотим быть мудрыми, в простоте, без лицемерия, уйти от зла и сотворить благо. Доселе, однако, ты рассуждаешь с нами глубокомысленнее, чем может понять наш возраст. Говори же с нами по-нашему, не столь глубокомысленно.

Н. Сделаю, как просите. Ты, мальчик, что делал сегодня?

У. Многое. Нынче ночью, услыхав призыв, я встал с по стели, вышел в церковь и пропел с братией ночную службу; затем мы пропели службу всем святым и утреннее славословие; затем — час первый и семь псалмов с ектениями и ран нюю обедню; затем — час третий, затем обедню на данный день; после сего мы пропели час шестой, поели, попили, поспали и опять поднялись, и пропели час девятый. И вот мы теперь перед тобой, готовые слушать, что ты нам скажешь.

Н. Когда же собираетесь вы петь вечерю и комплеторий*?

* Служба, заканчивающая церковный день.

У. Когда придет время.

Н. Пороли тебя сегодня?

У. Нет, ибо я вел себя добронравно.

Н. Ну, а твои товарищи?

У. Зачем ты спрашиваешь об этом меня? Я не смею вы балтывать тебе наших тайн. Каждый сам знает, пороли его или нет.

Н. Что ты ешь на дню?

У. Пока ем мясо, ибо я мальчик и хожу еще под розгой (puer sum sub virga degens).

Н. А что еще ты ешь?

У. Овощи, яйца, рыбу, сыр, масло, бобы и вообще все чистое, воздавая при этом хвалу Господу.

Н. Однако ты прожорлив, коли съедаешь все, что перед тобой поставить.

У. Нет, я не такой обжора, чтобы за один присест наесться всех блюд.

Н. Как так?

У. Я ем то от одного блюда, то от другого, с умеренностью, как подобает монаху, а не с прожорливостью, пото му что я не чревоугодник.

Н. А что ты пьешь?

У. Пиво, если оно есть, или воду, если нет у меня пива.

Н. Разве ты не пьешь вина?

У. Я не столь богат и не в состоянии покупать себе вино; да вино и не напиток для мальчиков и несмышленов, а для старцев и мудрых.

Н. Где спишь ты?

У. В опочивальне с братией.

Н. Кто поднимает тебя к ночной службе?

У. Иногда я сам слышу призыв и встаю; иногда наставник мой будит меня сурово розгой.

Н. О, достойные мальчики и почтительные ученики! Ваш воспитатель наставляет вас в священных правилах повиновения, чтобы вы вели себя подобающе во всяком месте. Выступайте всегда благонравно; когда вы услышите церковный колокол, входите в церковь; с молитвой преклоняйтесь перед благостными алтарями, стойте благопристойно, пойте согласно, моли тесь о своих прегрешениях, выходите чинно [и идите] в монастырь или в школу.

№ 141а. Карта мира (Mappa mundi)

(Составлена в Сев. Германии (Люнебург) около 1284 г.)*

* Из многочисленных надписей на карте (legenda) взяты лишь некоторые.

[На полях карты]

Рай — на крайнем востоке. Есть там древо познания добра и зла. Древо сие действительно видимо и телесно, как и всякое другое дерево.

Кругом земным (orbis tarrarum) называется он по круглой своей форме, так как он вроде колеса. Со всех сторон обтекает его по кругу океан и делит его на три части, т.е. на Азию, Европу и Африку. Одна Азия составляет половину света, Европа и Африка — другую. Рассекает их Средиземное море. Азия названа по имени некой жены, которая, по свидетельству древних, владычествовала на Востоке. Занимает она [Азия] третью сторону, ограничивается она с востока восходом солнца, с юга океаном, с запада же нашим морем*. С севера предел ее озеро или болото Medeotis [Азовское] и река Tanay [Дон]. Много в ней провинций, областей и островов.

Европа названа по имени дочери царя Агенора, которая носила то же имя.

Африку, говорят, называют по одному из потомков Авраама и Хетту-ры, который звался Ефер (Afer). Имеет и она острова и провинции, положение коих и немногочисленные их названия ты найдешь на изображении земли, если потрудишься посмотреть.

В первый день сотворил Бог свет, во второй твердь небесную, в третий видимое море и землю...

О слонах ты достаточно найдешь у гор, которые названы Семь Братьев. Равным образом, о породе сильных собак около страны Албанской. Если поищешь, сможешь найти.

«Марра» есть изображение; поэтому «mappa mundi» есть изображение мира. Таковое впервые учинил Юлий Цезарь, разослав людей по всей шири земли: страны, провинции, острова, города, пустыни, болота, моря, горы и реки он объединил во всей видимости на одном листе; что дает читателям пользу немалую, странствующим — правильное направление и приятное наслаждение от созерцания попутных предметов.

[Затем следует, между прочим, описание двенадцати ветров].

[Изображение Спасителя]

[Наверху карты лик Спасителя, а по бокам А и с припискою]: Аз есмь Первый и Последний [Апок, 1, 17].

[По обе стороны карты руки Спасителя]: Десница Господа творит силу [Псал. 117, 16]; Землю рукою объемлет.

[У ног Спасителя две приписки]: До конца тверд пребываю; в милости все образую.

* Данная карта, как и все средневековые, составлена по римским образцам, до нас не дошедшим.

Европа

[Галлия]
[Города]

Град Agrippina, что ныне Colonia.
Argentina, оно же Strazburch.
Auctuerpia [Антверпен].
Aurelianis c.* [Орлеан].
Basulas c. [Базель].
Bononia c. [Булонь].
Burdigala c. [Бордо — Bordeaux].
Confluentia c. [Кобленц].
Dolatium c. [Тулуза].
Gaudanum [Гент — Gand].
Lugdunum [Лион].
Massilia [Марсель].
Mediomatricum, что и Metis [Метц].
Magoncia [Майнц].
Parisius c. [Париж].
Pictavia c. [Пуатье].
Remis c. [Реймс].
Spira c. [Шпейер].
Treveris c. [Трир].
Tullum [Туль].
Turonis c. [Тур].
Turicinum [Цюрих].
Wangionum c., что и Wormacia [Вормс].
Verdunum c. [Верден].

[Реки]

Renus, который отделяет Галлию от Германии.
Scalda [Шельда].
Secana [в другом месте, при устье] Sigona [Сена].
Maderna [Марна].
Lier [Лаура].
Carun [Гаронна].
Bicornis flumen [Двурогая река, Рона].

[Горы]

Mons Iovis [Юпитерова гора, позднее Сан Бернар].

* С. — civitas, «город».

Сии горы называются Vaseus [Вогезы, Vosges, Wasgau].

[Германия]

[Области и народы]

Alamannia, Austria, Bavaria, Budisin, град и область [Будышин; Бауцен].

А вот здесь некогда была земля гуннов.

Moravi — народы славянские, к востоку от чехов, и имеют в соседстве с одной стороны поморов и поляков, а с другой стороны — венгров и свирепейший народ печенегов (pescinagi), которые кормятся человеческим мясом. Прежняя Паннония, ныне Венгрия.

Prucia [Пруссия].

Saxonia.

Teutonia.

[Города]

Wena [Вена].

Augusta c. [Аугсбург].

Nurenberch c.

Ratispona c. [Регенсбург].

Olma [Ульм].

Werceborch [Вюрцбург].

Остров Angia [на Боденском озере], где ни одна змея не может вредить человеку.

Constancia c.

Essia c. [Эссен].

Erfordia c. [Эрфурт].

Halla c.

Maideburc [Девий город, Магдебург].

Halverstat.

Goslaria c.

Ebbekestorp*. [Эбсдорф в Люнебургской степи]. Здесь покоятся блаженные мученики**.

Brema [Бремен].

Polonie c. [Познань, Posen].

Praga c.

[Воды]

Исток Дуная.

Семь устьев Дуная.

---

* Родина автора карты.

** Убитые в 880 г. новообращенными славянами христиане во главе с епископом и графом.

Леманское озеро [Женевское], по которому названа Алемания.
Albia [Эльба].
Wlta [Молдава].
Sala [Зала, нем. Saale].
Ilmenowe [р. Ильменау].
Odera [Одра; Oder] и Albia вытекают из Моравских гор, но недолго екут вместе, а идут в разных направлениях: Одра направляется на север, льбия на запад, и в конце концов впадают они в Британский океан.

[Горы]
Гора, где начинается Дунай, недалеко отстоит от той, где начинается ейн.
Nigra Silva. [Шварцвальд].

[Италия]

[Города]
Ganna [Генуя].
Placentia c. [Пьяченца].
Mediolanum c. [Милан].
Papia [Павия].
Cremona c.
Parma c.
Ferraria c.
Bolonia c.
Ravenna c.
Verona c.
Triuentina c. [Тридент].
Venitia c.
Forum lulii [Теперь Cividale di Friuli].
Perusium c. [Перуджа].
Pisa c.
Roma. По образцу льва выстроен Рим.
[Затем следует перечень семи главных церквей Рима]; Rotunda [Пантеон], Cristancia c. [замок св. Ангела, обособленная от Рима крепость, нездо римского дворянства, между прочим, могучего рода Кресцентиев.]
Capua c.
Boneventa c.
Neapolis c.
Salerna c.

[Острова]
Сардиния зовется Сандальною, потому что она наподобие ступни еловеческой.

Сардиния названа от царя Сардиния, сына Геркулеса. На ней не родится ни змеи, ни волка... Есть там корень, похожий на апиастр, который сводит челюсти, и люди умирают, точно смеясь.

Sicilia от Сикула царя, брата Итала. Лежит она против Италии. Она же зовется Тринакрия [Трехвершинная]* по трем горам. Жили циклопы. На ней изобретена комедия.

[Озера]

А вот здесь [на верхнем По] два озера; кто из них выпьет, умрет.

[Балканский полуостров]

Сия страна — Македония, от Македона царя. И она родина Александра, и она истинная Греция (vera Grecia).

Attica. Страна эта называется Аттикой от царя Аттима, и Гелладией от Геллада, сына Девкалуна и Пирры, и Цикронией от Цикропа царя, и Месопией от Месопа царя, который ее заселил.

Варварских народов славянских — 14.

В Беотии два ключа; из них один дает память, другой — забвение.

Аркадия родит асбест — камень, который, раз зажженный, не может быть потушен.

GRETA... Есть здесь трава питательная, раз откусишь, долго не будешь голодать. Здесь впервые стали ездить по морю, стрелять из лука, писать; здесь научились верховой езде и музыке.

Стоград город**.

Циклады. Эти Циклады окружены в Геллеспонте Миртовым морем. В центре их остров Делос, он же и Ortigia, потому что на нем впервые изобретены были котурны, ко торые греки называют ortygae.

Бедный остров [Кипр], некогда славен был богатствами и 15-ю городами. Здесь впервые найден и применен был этот металл.

Парос. Сей остров родит самый белый мрамор.

Самос. С этого острова был Пифагор, и здесь также изобретены были глиняные сосуды.

[Северная Европа]

[Народы и страны]

Аланы, скифы, даки, аноксобии***, троглодиты, сарматы здесь схо дятся между океаном и Дунаем. Суть здесь и квады, и геты, и те, которые в древности назывались каллиподами.

Здесь некогда жили авары, т.е. гунны.

---

* Т.е. треугольная; автор понимал буквально.

** В античной традиции Крит назывался «стоградным», что автор название города.

*** Испорченное hamaxobitae, т.е. «кибиткообитатели».

Curlant [Курляндия], свирепейший народ.
Алтари Александра Великого в пределах рабасков.
Rucia regio [земля Руси].
[Начальные слова стерлись!]... те, которые спустились с этих гор в Нижнюю Свеонию [Швецию], называются норманнами. От этих норманнов, которые живут за Данией, пришли те норманны, которые живут во Франции; а от этих недавно Апулиа получила третьих норманнов.

[Города]
Gersanis [Корсунь, Херсонес Таврический].
Kiwen c. [Киев].
Novgardus c.
Plosceke [Полоцк].
Вот Рига, город Ливонии.
Smalentike.
Theodosia c.

[Реки]
Duna [З. Двина].
Olchis, она же Wolcans [Волхов или Волга?].
Tanais [Дон]. Танаис был царь скифов, по которому и прозвана река, которая отделяет Европу от Азии, протекая между двумя частями света*.
Гиперборейские горы.

[Острова]
Тараконт город и остров, который населяют турки от корени Гога и Могога, племя дикое и грязное, среди всех самое жестокое, едят мясо юношей и младенцев**.
[Острова в Океане]
BRITANNIA. Британния Приморская [южные графства].
Dobra civitas [Дувр]***.
ANGLIA.
Cantuaria[Кентербэри].
Hibernia [Ирландия].

---

* На Hereford'ской карте (Англия, 1280 года) упоминается кроме этих еще Danapar [Днепр].

** На Hereford'ской карте помещено: Albatia[a]) — остров громадный, к нему от скифского берега три дня плавания.

[a]) Т.е. al-Baltia, название Балтики в арабской форме. Имеется в виду либо Скандинавия (которую, например, Адам Бременский считал за остров), либо остров Готланд, конечный пункт прежней арабской торговли на севере.

*** Странным образом на карте нет Лондона, на его месте Дувр.

Scotia [Шотландия].

Святилище Мунины. Горячие ключи*.

А вот здесь при летнем солнцестоянии солнце светит 15 дней.

Yslandia.

Островов Оркнейских 34, из них 20 пустынных.

Азия

[Северная Азия]

Албания Верхняя. Страна эта, которая зовется Албанией, населена 26-ю племенами и названа так по цвету народа, потому что он рождается с белыми волосами. Начинаясь на востоке, у Каспийского моря, она простирается вдоль берега Северного океана до Мэотийских болот, через многие пустыни. Собаки этой страны так велики и злобны, что могут растерзать быков и львов. Больше у них смысла, чем у других животных, ибо они одни знают свое имя, любят своих господ, защищают жилье, идут за них на смерть, по доброй воле устремляются с хозяином на добычу, не оставляют даже тело мертвого хозяина, так что по природе своей они недалеки от людей.

Амазонки. А вот страна амазонок. Они — женщины, сражающиеся как мужчины.

Царство Колхида. Здесь философы выдумали золотое руно, за которым якобы отправился Иона**. Вследствие чего между греками и троянами разгорелась война.

[Гог и Могог]. А вот здесь Александр заключил два мерзких народа, которые Антихрист будет иметь себе в товарищах. Они питаются человечьим мясом и пьют кровь.

Грифы—народ, от неистовства которых саксы, как говорят, прошли в Германию; между другими людьми — они как скорпион между животными.

А вот антропофаги — скорые люди, ибо имеют ноги, подобные лошадиным; питаются мясом и кровью людей.

Гирканский лес, а в нем птицы, перья которых светятся ночью; там же много и другого зверья.

SCITIA. Скифия идет от крайней части востока до самого океана, затем с полдня до Кавказского хребта. К ней прилегает Гиркания, в которой 43 племени. В ней большие реки: Окс, Аракс и т. д. Здесь находят драгоценные камни, золото и жемчуг.

---

* Богиня Mona известна по надписям. Это на острове Man или Angle sey, где много памятников каменного века (кромлехи, менгиры). Горячие ключи и пятнадцатидневное солнце должны относиться, невидимому, к Исландии.

** Ionem вместо Iasonem.

Seres [Китай]*

[Города]

Самарканд город (Samarcha**) лежит в Хазарии (Gazaria), т.е. в Скифской земле, — больше Вавилона, имеет в окружности сто миль, владеют им сообща царь поганый и царь христианский.

Скитополь: в этой Скифии проповедовал Филипп апостол.

Terbant c. [Дербент].

Кавказские горы поднимаются с Океана Китайского, на восток, и отклоняясь на север, доходят почти до Европы. Живут там амазонки, массагеты, колхидяне и сарды.

А вот*** здесь Panothi [Ушаны] с ушами такой величины, что покрывают ими все свое тело.

[Малая Азия]

Илион. Ныне нивы там, где был он разрушен****.

Понт, страна многих народов. От нее и море Понт, куда сосланы были Овидий и Климент*****.

Александров мост. Аракс, река Армении, берет начало с той же горы, как и Евфрат и Тигр. Когда Александр хотел перейти, он построил мост, но река с такою силою залила его, что разрушила его.

[Горы]

Арарат гора. Ноев ковчег******.

[Аравия и Сирия]

Название Аравия означает «святая», потому что она земля, родящая фимиам и благовония. Ее же греки называют Счастливой, так как в ее лесах произрастают мирра и корица. Здесь же родится птица феникс, пурпурового цвета, откуда и имя ее*******. Во всем мире она одна единственная... Прожив пятьсот и более лет, она, видя, что стареет, собирает себе костер из благовонных ветвей и, повернувшись к солнечным лучам, взмахом крыльев взращивает себе пламя и сама себя сжигает, а потом,

---

* На Hereford'ской карте: «Seres [китайцы] первые люди, которые встречаются после пустыни; от них шлют китайские ткани».

** В XIII в. в эпоху монгольского владычества, на Нижней Волге, несколько выше Итиля и позднейшей Астрахани, был торговый город Sumerkent.

*** На фантастическом острове.

**** Тем не менее на карте изображен город.

***** Климент I, мощи которого обретены были в Крыму.

****** На карте — гора, ковчег и голубь с масличной веткой.

******* Пурпур по-греч. «phoinix»

именно в девятый день, птица поднимается из пепла. Золото этой страны наилучшее.

А вот пять городов содомских, пожранных небесным пламенем из-за мерзости жителей; некогда они были пышнее Иерусалима, а ныне пожжены; напоминание сего видно и сейчас на деревьях: ибо там родятся наливные яблоки, с виду настолько спелые, что возбуждают желание есть, но как только сорвешь их, они лопаются, превращаются в пыль и испускают дым, как будто до сих пор горят.

Вифлеем город*. Да познает вол и осел ясли господина своего (Исайя, 1, 3). На двенадцатой миле от Вифлеема взошла звезда пастырям.

Bosor, что и Bosra [Басра].

Capharnaum. На второй миле от него гора, где Господь исцелил прокаженного, а также место, где Он накормил [5000 человек].

Ghana Galylee**.

Gomorra.

IHERVSALEM. Иерусалим — священнейшая столица Иудеи... Сей славнейший город является всему миру главою всех городов, ибо в нем спасение рода человеческого свершилось смертью и воскресением Господа, по словам Псалмопевца: «Царь мой от века» и т.д. Сам же великий град содержит гроб Господень, куда с благочестивою алчностью устремляется весь мир.

Mons Olyveti [Масличная гора]. На склоне ее, на востоке, лежит, на расстоянии брошенного камня, Гефсиманский сад, где молился Иисус.

Яффа — город в колене Дановом, где на берегу показы вается камень, к которому привязана была Андромеда и осво бождена Персеем.

Tyrus. Тир — столица Финикии в колене Навфалимовом... Известность его покоится прежде всего на раковинах и пурпуре. Залив Аравийский. Путь сынов Израиля***.

Мертвое море. Называется это море Соляным или Асфальтовым, сиречь Смоляным, также Мертвым морем: ничего не родит живого, не приемлет из тварей живых; не имеет оно рыб, не терпит птиц, привыкших нырять, но все живущее, пытающееся погрузиться каким бы то ни было образом, выскакивает, и как бы сильно ни броситься в него, сейчас же выбрасывает назад.

CALDEA. В ней впервые изобретена была астрономия. А эту часть Халдеи держат персы.

---

* Изображены голова вола и осла, а также и звезда.

** Нарисовано 6 сосудов.

*** На карте путь отмечен в виде особой полосы через море.

А здесь никто не живет из-за львов и медведей, барсов и тигров. Кишит земля также змеями.

Страна Персида. Здесь впервые возникло искусство магии. Сюда прибыл Нимврод гигант после смешения языков и здесь научил персов поклоняться огню, ибо все в этих краях чтут солнце, которое на их языке называется *Hel**.

Персида дает огонь-камень, который руку держащего его жжет и прожигает; блеск его растет и убывает вместе с луной.

Babel [Вавилонская башня], говорят, 4000 шагов вы соты**.

Вавилония, град великий; ширина стены его 50 локтей, высота 200, окружность его 480 стадий; запирается он сотней медных ворот; река Евфрат течет посреди него. Основал его Нимврод гигант, а Семирамида, царица ассирийская, увеличила его и вывела стену из извести и обожженного кирпича.

Bagada [Багдад].

Ур Халдейский, сиречь огонь***.

Евфрат — река, одноименная Евфрату месопотамскому, которая, беря начало в раю, богатая жемчугом, течет через Вавилонию. Имя свое получила она от плодов или от плодо витости, ибо по-еврейски *eufrata* значит «плодородие». Месопотамию он орошает так же, как Нил Александрию.

[Животные]

Antolops [антилопа] — зверь зело рогатый, так что охотник не может даже приблизиться к нему.

Муравьи, величиною с собаку, охраняют золотой песок.

[Индия]****

Рай (Paradisus) и древо жизни, и четыре реки, проистекающие из рая.

Asya названа по некоей царице того же имени, первая страна ее (Азия) на восток — Рай, т.е. место злачное и примечательное всякими приятностями, но недосягаемое для людей, окруженное огненной стеной до самого неба. В нем древо жизни, т.е. дерево; кто поест плодов его, пребудет бессмертным, оставаясь при своем возрасте. Здесь берет начало источник, который делится на четыре реки; они хотя и поглощаются землею в пределах рая, но опять выходят на поверхность в дальних краях.

---

* Гелиогабал.

** См. карту.

*** На карте возжженный жертвенник.

**** На английской Hereford'ской карте 1280 г.: «Индия, которая и есть край света».

Так, Фисон, который зовется и Гангом, вытекает в Индии с горы Оркобара и, направляясь на восток, впадает в океан Восточный. Геон же, иначе Нил, выходя на поверхность у горы Атласа, скоро пропадает в земле, и, протекая там скрытым течением, вновь выливается у берега Красного моря, обтекая Эфиопию и Египет, и впадает семью устьями около Александрии в море Средиземное.

— Индия. Много в ней городов, 43 племени, 9 народов разного обычая и облика. Порождает она разного зверя: эала, мантикору... также и птицу пситак (попугай), зеленого цвета, с красным кольцом вокруг шеи; клюв ее так крепок, что она, стремглав бросаясь с высоты на скалу, падает прямо на клюв. Голова же ее так тверда, что если бы пришлось ее под бодрить к учению, то нужно бы бить ее железным прутом. Родит она также драгоценный жемчуг, преизобилует золотом и серебром; почву имеет столь плодородную, что в некоторых местах бывает две жатвы. Два в ней лета и столько же зим. Деревья такой величины, что смоковница у корня толщиною в 40 шагов, тень от ветвей на две стадии, листья же ее величиною в щит амазонки. Родятся там разного рода краски и сладчайшие запахи.

Кинокефалы [Песьи головы] потому, что песьи у них головы и лица. Одежда их — звериная шкура, а голос — лай собачий.

А вот эти живут запахом яблоков и умирают, если ощутят запах дурной.

Ихтиофаги питаются только рыбами и пьют соленое море.

Пангейское племя управляется женщинами; там золотые горы, полные жемчуга, но по множеству змей недоступные.

Пигмеи [дерутся] с журавлями.

Seres или Sines [китайцы] избегают взгляда людского, будучи заключены в горах.

Codestan с. [Кабул] такой величины, что в длину имеет 100 000 шагов.

Cotunare [?] — гавань, где аравийцы и египтяне берут у жителей Индии перец для отправки его всем народам.

Эал — зверь в Индии; у него тело — коня, грудь — козы, хвост — слона, рога — в локоть длины; один из них он закладывает на спину, когда сражается другим; одинаково силен на суше и на воде.

В Индии змеи такие огромные, что проглатывают оленей и переплывают даже океан.

В Ганге водится червь, который подобно раку имеет две клешни; ими схватывает он слона и ныряет с ним в воду*.

* На Hereford'ской карте: «Мандрогора — корень чудодейственной силы».

Африка

EGVPTVS славен 100 000 поселений; не темнят его тучи, не орошают его дожди, но Нил, разливаясь, оплодотворяет его.

Alexandria c. Ее выстроил Александр Великий. Здесь пострадал св. евангелист Марк*.

Гелиополь — столица Египта, где Фараон и Моисей совершили все знамения.

Житница Иосифа**.

Животные]

Cocodrillus. Эти крокодилы живут в Инде***.

Meroe остров. Народ на нем мизинного роста, но очень живуч. Укрощает живых крокодилов и катается на них посредине реки.

Триполитанская страна называется по числу трех больших городов.

Оракул Аммона. Если к сему камню**** спящий приклонит голову, он узнает будущее, как говорят некоторые.

Царство Нумидия. Здесь находится лучший мрамор.

Карфаген Великий. Второе украшение земли после Рима.

А вот горячие ключи, для больных облегчение, для воров — слепота.

Morrogia [Морокко]

Гиппон. Здесь был епископом блаженный Августин.

Атлас горы — на которых, ввиду их высоты, было впервые, как говорят, придумано астрономическое искусство.

Эфиопия

Хирон — воспитатель Ахилла.

А вот безлюдные пустыни и нечеловеческие лики чудовищных племен. Одни — без носа, все лицо их — ровное и плос кое. Вид их безобразен. У других уста срослись, и они через маленькую дырку сосут еду овсяным колосом.

А вот племя, не знающее огня.

А вот племя без языка, объясняются кивками и движениями.

А вот мавританские эфиопы: четыре глаза имеют, и это ради меткой стрельбы.

Народ псиллов жил в этом месте. Племя совершенно невероятной природы, защищенное от змеиного яда.

---

* На Hereford'ской карте: «Канопский остров (на нильской Дельте), богатейший, наполняющий круг земной всякого рода товарами».

** Пирамиды.

*** Описка писца: вместо nilo читал nido, откуда indo.

**** Источник в оправе из камней.

Тракотиды бегают с такой быстротой, что могут срав няться с животными.

А вот троглодиты*; жилье их — пещеры.

[Животные]

Василиск. Сия земля родит василиска, беду, единственную в мире. Змей он, в полфута длины.

В Эфиопии есть животное, которое называется Yena, живет оно в усыпальницах мертвых и питается их телами.

В этом месте, между Египтом, Эфиопией и Ливией, — разного рода лесные обезьяны, из которых первый вид мы называем вообще обезьянами; других — хвостатыми обезьянами; третьих — песьеглавыми; четвертых — сфинксами; пятых сатирами шестых — фавнами.

Strucio [страус].

Пропавший остров. Его нашел св. Брандан, а когда уехал с него, то остров никем из людей уже более не был найден**.

№ 141в. Сведения арабского путешественника X в. (Qazwini)

Цари ромеев, т.е. императоры, были мудрейшие, умнейшие, опытнейшие цари, богатейшие властью, имуществом и народом. Есть у них между прочим обычай не нападать на врага врасплох, но когда они хотят идти войной против какой-либо земли, то они пишут владыке этой земли: «Имеем намерение против твоей страны в следующем году; итак, приготовься встретить нас».

Фульда — большой город в стране франков, выстроенный из камня; населен он только монахами, и ни одна женщина не вхожа туда***, потому что их мученик так повелел, а имя мученика Багульф..... Он построил этот город, а город этот большая церковь****, высокочтимая у христиан.

Утрехт — большой город у франков, с большой территорией. Страна их — соляное болото, на котором не произрастают ни злаки, ни деревья. Живут они скотоводством, от молока и шерсти. В их стране нет дров для топлива, а лишь земля, которая заменяет им дрова..... Они вырезают ее на своих лугах в виде кирпичей.

Майнц — очень большой город, часть его заселена, а другая засеяна. Лежит он в стране франков на реке, называе мой Рейн, и богат он пшеницей, ячменем, рожью, виноградниками и фруктами. Есть там дирхемы самаркандского чекана 301 и 302 гг.* с именем государя и годом выпуска... Далее следует отметить, что есть там пряности, которые встречают-

* Очевидно, троглодиты.

** Остров св. Брандана усиленно разыскивали в эпоху открытий.

*** Запрет снят лишь в 1397 году.

**** Арабский автор затрудняется передать понятие «монастырь».

ся лишь на самом дальнем востоке, хотя сам Майнц лежит на самом дальнем западе. Есть, например, перец, имбирь, гвоздика, лаванда, кост, галанга**. Они привозятся из Индии, где растут во множестве.

№ 142. Генеалогический миф о происхождении саксов

Предки наши, которые пришли в эту страну и изгнали тюрингов, были в войске Александра; с их помощью он покорил всю Азию. Когда же Александр преставился, они не посмели оставаться в той земле из-за ненависти к ним и поплы ли они на трехстах ладьях, и пропали они все, кроме пятидеся ти четырех. Из них восемнадцать пришли к пруссам и сели там; двенадцать сели на Руйе***; двадцать четыре пришли в землю сию. Так как их было не столь много, чтобы они могли обрабатывать землю, и так как они перебили и выгнали тюрингов-господ, то мужиков они не тронули и оставили им поля на том праве, какое и поныне у литов; оттуда и пошли литы. А от литов, утративших свои права, произошли батраки****.

№ 143. Козни нечистого

В дни те случилось, что одну деву, называемую Имма, мучил демон, и ее привели к священнику Вицелину. Когда священник стал теснить демона вопросами, почему осмелился сам нечистый запятнать сей чистый сосуд, демон велеречивым голосом ответил: «Потому что он мне трижды помешал». — «В чем же он тебе помешал?» — «Он воспрепятствовал мне в моем деле. Ибо дважды воры пытались подкопать дом, но сия дева, сидя у очага, отпугнула их своими криками. И теперь так же, отправившись по поручению нашего князя в Данию, я встретил ее на дороге, и чтобы отомстить ей за то, что она в третий раз явилась мне помехой, я вселился в нее». Но когда муж божий осыпал его словами заговоров, демон сказал: «Для чего ты гонишь меня, готового выйти добровольно? Ибо я уже ухожу в ближнюю деревню, чтобы повидать моих товарищей, которые скрываются там. Ибо и это мне поручено сделать, пре жде чем отправиться в Данию». «Какое имя тебе, — сказал священник, — и кто твои товарищи? Или в ком живут они?». «Я, — ответил демон, — зовусь Руфином, а товарищей моих, о которых ты спрашиваешь, здесь двое, один в Ротесте, другой в одной женщине из того же города. Поэтому их я посещу сегодня, а завтра, прежде чем раздастся первый церковный звон, я возвращусь сюда, чтобы проститься, и затем наконец отправлюсь в Данию». Сказав сие, демон вышел вон, и дева также освободилась от страшных мучений. Тогда священник приказал ей отдохнуть

---

* Если автор считает по общемагометанской эре, это — 923–924 гг.

** Лекарственные ароматические растения.

*** Рюген.

**** В тексте не поддающееся переводу слово: «батраки» (tageworchte) от «утратили права» (die sich verworchten).

и на другой день до заутрени вернуться в церковь. Когда родители ранним утром привели ее к церкви, то еще не успели они коснуться порога, как дева первая начала биться и мучиться. И любовью доброго пастора она перестала мучиться только тогда, когда дух тот, гонимый непреоборимой силой Божией, вышел из нее. А то, что демон сказал относительно Ротеста, подтвердилось исходом дела, ибо в скором времени Ротест, самым жестоким образом терзаемый нечистым, удавился веревкой.

И в Дании также убили Эрика, и произошло большое смятение, так что наглядно было видно, что прибыл туда крупный дьявол на казнь тому народу. Ибо кто же не знает, что усердием демонов причиняются роду человеческому войны, непогоды, болезни и прочие напасти?

Есть некая деревня недалеко от города Бингена, которая называется Caputmontium, а по-народному, неправильно, Capmunti*, где нечистый явно обнаружил свои козни. Сперва он проявил свою вражду к местным людям, бросая камни и сотрясая стены домов точно молотом; затем стал прямо говорить, выдавая кое-кому других за воров и сея этим вражду между обитателями деревни; наконец он возбудил всех против одного человека, из-за грехов которого якобы приходилось всем терпеть. Чтобы еще более возбудить ненависть к этому человеку, нечистый немедленно сжигал всякий дом, в который тот входил. И вот тот, по необходимости, оставался с женой и с детьми за околицей в поле, так как все сродственники опасались принять его под свою кровлю. Но и там он не дал ему покоя; ибо когда тот собрал весь свой урожай и сложил его в скирды, дьявол, явившись неожиданно, все их пожег. И вот тот человек, чтобы умилостивить своих односельчан, хотевших убить его, очистился раскаленным железом от всех преступлений, какие ему приписывались. Тогда посланы были из города Майнца пресвитеры и дьяконы с мощами и крестами, чтобы изгнать нечистого из этих мест. И когда те в одном из домов, где он свирепствовал более всего, справляли службу и кропили святою водою, древний враг, бросая камни, окровенил немало жителей той деревни, собравшихся сюда; тем не менее он угомонился на изрядное время. Когда же присланные ушли, тот же враг в присутствии многих стал вести студные речи: он назвал одного из пресвитеров и признался, что сидел под его капуцой в то время, когда его, дьявола, кропили в этом доме святой водой. Когда же присутствующие с ужасом крестились, тот же враг сказал о том же пресвитере: «Он мой, совсем мой раб, ибо кто кем побежден, тот тому и раб; а он ведь по моему наущению совершил тяжкий грех». Об этом до тех пор никто не знал, кроме тех, кто совершили его. Так и вышло по Писанию, что все тайное станет явным. Вот какими бедствиями нечистый неослабно преследовал вышеуказанную местность в течение трех лет, пока не сжег почти всех зданий.

* Ныне Кемптен.

Приложение II

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» БРОКГАУЗА И ЭФРОНА

События с 1848 до 1871 г. — Известия с запада, в быстрой последовательности возвещавшие падение Гизо, Людовика Филиппа и июльской монархии, подействовали на Германию словно электрический удар. Вся страна взволновалась; народ повсюду потребовал свободы печати, свободы сходок и ассоциаций, суда присяжных, общего избирательного права, представительства в союзном сейме и т. д. Во всех средних и мелких союзных государствах правительства волей-неволей должны были согласиться на исполнение этих требований и на замену нелюбимых министров людьми либеральными. В Баварии волнения окончились добровольным отречением короля Людвига. В обеих великих германских державах движение приняло характер настоящей революции. В Австрии страх перед мертвящей системой исчез бесследно. Италия, Венгрия, Богемия находились в открытом восстании и даже столица сделалась театром неслыханного до тех пор волнения, окончившегося падением Меттерниха и его системы. Так называемая Мартовская революция повлекла за собой провозглашение свободы печати, учреждение национальной гвардии, созыв депутатов для составления новой конституции. В Пруссии, где не успели вовремя усмирить бурю, агитация в пользу конституционных требований охватила всю страну и столицу. Начиная с 17 марта население Берлина испытывало тревогу, грозившую серьезными столкновениями. В патентах от 18 марта король уступил желаниям народа; но вследствие то ли недоразумения, или по злой воле, посреди всеобщего ликования, вызванного королевским решением, произошла кровавая схватка между войсками и народом, перешедшая в упорный уличный бой, продолжавшийся до тех пор, пока войскам приказано было отступить и было назначено либеральное министерство. Спустя два дня король, с германским знаменем в руках, совершил торжественный объезд по улицам Берлина, обещая стать во главе германского движения. Союзный сейм не только не пытался защищать старую систему, но немедленно признал совершившиеся факты

и обратился к германским правительствам с предложением прислать уполномоченных во Франкфурт для пересмотра и изменения союзной конституции. Несколько дней спустя над сеймовым дворцом взвилось черно-красно-желтое знамя.

Тем временем во всей Германии происходили выборы в так называемый «предварительный парламент», открывшийся 31 марта под председательством гейдельбергского профессора Миттермайера. Отклонив республиканскую программу Струве и признав Шлезвиг, Восточную и Западную Пруссию составными частями Германского союза, собрание сложило свои полномочия в руки избранного им комитета пятидесяти, который, вместе с союзным сеймом, принял на себя руководство выборами в общий германский парламент. Внесенный в комитет так называемый проект семнадцати предлагал учреждение наследственного императорского сана и двух палат: верхней, в состав которой должны были входить царствующие государи, вместе с представителями отдельных государств, и нижней, из представителей народа, избираемых всеобщей подачей голосов. Республиканское восстание в Верхнем Бадене, поднятое в это время Гекером и Струве, окончилось полной неудачей. Парламент, открывший свои заседания 18 мая во Франкфурте-на-Майне, нашел Германию в состоянии глубокого брожения. Обнародованная в Вене конституция подала повод к новым беспорядкам. В Берлине возвращение принца Вильгельма (будущего императора Вильгельма I), тогда нелюбимого народом, усилило волнение, которое не улеглось и после открытия прусского учредительного собрания. Первым делом франкфуртского парламента было назначение временного главы исполнительной власти (Reichsverweser). Выбор пал на австрийского эрцгерцога Иоанна, который прибыл во Франкфурт 11 июля; союзный сейм передал ему свою власть и разошелся. На требование, чтобы союзные войска присягнули Иоанну, как своему верховному главе, Австрия и Пруссия ответили решительным отказом, а Бавария дала только условное согласие. Между тем, парламент приступил к своей главной задаче: обсуждению конституции и основных прав германского народа. Но борьба между конституционалистами и республиканцами, кипевшая вне парламентских стен, проникла и в недра собрания и тормозила его деятельность. Вскоре в нем выдвинулись три главные партии: крайняя левая, стремившаяся к учреждению республики и опиравшаяся на народные массы, партия «малогерманцев», во главе с президентом собрания, Гагерном, желавшая объединения Германии без Австрии, и партия «великогерманцев», противившаяся выходу Австрии из союза. Пока парламент тратил время на бесполезные раздоры, на севере вспыхнула война с Данией. Решимость короля Фридриха VII теснее

связать Шлезвиг-Голштинию с Данией вызвала отпор со стороны немецкого населения герцогств, которое, выбрав временное правительство, обратилось с просьбой о помощи к союзному сейму. Пруссия, по поручению союзного сейма, заняла герцогства, но 26 августа, без разрешения имперского правительства, заключила, в Мальме, перемирие с Данией. Весть об этом произвела потрясающее впечатление в стране. Радикальная партия решила воспользоваться общим возбуждением, чтобы нанести удар умеренному большинству парламента, одобрившему действия прусского правительства. 18 сентября во Франкфурте возгорелась уличная борьба, во время которой разъяренный народ растерзал двух членов парламента, князя Лихновского и генералa Ауэрсвальда. В связи с франкфуртским восстанием возникла новая попытка Струве, который 21 сентября ворвался с горстью швейцарских и немецких выходцев в Баден, завладел городом Леррахом и водрузил знамя республики, но уже 24 сентября был разбит баденскими войсками. Другое восстание, поднятое Рау в Вюртемберге, было усмирено без кровопролития.

События во Франкфурте еще более разожгли взаимную ненависть партий и подорвали доверие к парламенту, тем более, что в это же самое время старый порядок в Австрии и Пруссии праздновал свои первые успехи. Венское восстание было подавлено открытой силой, многие его вожаки были расстреляны по приговору военного суда, в том числе член германского парламента Роберт Блюм, поехавший в Вену по поручению левых. Во главе нового реставрационного министерства стал граф Феликс Шварценберг. Рейхстаг был созван в Кремзире на 22 ноября. В то же время император Фердинанд отказался от престола в пользу своего племянника, Франца-Иосифа. В Пруссии 2 ноября утвердилось новое министерство графа Бранденбурга, которое перенесло заседания Национального собрания в Бранденбург, стянуло войска к Берлину и провозгласило осадное положение. Национальное собрание объявило действия министерства незаконными, но должно было уступить силе и было распущено 5 декабря. Все это чувствительно отозвалось на положении германского парламента. Принятые им решения относительно кризисов в Пруссии и Австрии не удовлетворили ни одной из враждебных партий, а попытка к посредничеству через имперских комиссаров обнаружила только его фактическое бессилие. В январе 1849 г. он принял предложение главы имперского министерства, Гагерна, об учреждении более тесного союзного государства без участия Австрии и о передаче сана главы империи одному из немецких государей, с присвоением ему титула императора. Австрия заявила протест против своего исключения, но обнародованная ею вслед за этим общая конституция для всех австрийских земель ясно

показала невозможность объединения Германии с Австрией. После принятия закона о наследственности императорского сана германским императором был провозглашен король Прусский Фридрих Вильгельм IV, который, однако, отклонил поднесенную ему корону, заявив депутации Национального собрания, что он мог бы принять ее только с согласия немецких правительств. Тогда парламент решил принять дело осуществления конституции в свои собственные руки, убаюкивая себя надеждами, что у него хватит сил принудить правительства к ее принятию. В ответ на это Австрия отозвала своих депутатов из Франкфурта; Бавария тоже отклонила конституцию, а король Вюртембергский заявил депутации своих палат, что никогда не признает над собой власти Гогенцоллернов. Ганновер и Саксония хотя и молчали, но было очевидно, что они последуют примеру других. Мелкие государства до поры до времени признали конституцию. Пруссия тоже прекратила сношения с франкфуртским парламентом и созвала в Берлине конгресс германских государей, обещая им свою помощь на случай, если бы, вследствие непреклонности франкфуртского парламента, возникли какие-нибудь новые замешательства. Повод к тому скоро представился. В Саксонии, Рейнской Баварии и Бадене народ, с оружием в руках, требовал принятия общеимперской конституции. Вспыхнувшее в Дрездене 3 мая *восстание было подавлено после* трехдневной уличной борьбы, при помощи прусских войск; они участвовали и в усмирении революционного движения в Рейнской Баварии. Более упорный характер приняла революция в Бадене. Она вспыхнула в мае и быстро распространилась по всей стране; инсургенты овладели даже крепостью Раштадтом. Великий герцог покинул страну; избранный в Офенбурге революционный комитет вступил в Карлсруэ и назначил временное правительство. Но прусские войска, под начальством принца Вильгельма, разбили инсургентов, заставили революционные власти очистить Карлсруэ и снова завладели Раштадтом. Между тем, национальное собрание все более и более таяло: все умеренные члены мало-помалу покинули его и в нем осталась лишь небольшая горсть левых и радикалов. Этот «парламент-туловище» (Rumpfparlament) перенес свои заседания в Штутгарт и выбрал правительство из 5 членов, но вскоре был разогнан вооруженной силой.

В то же время в Берлине открылись конференции, имевшие результатом заключение так называемого союза трех королей (Пруссия, Саксония и Ганновер) и новый проект устройства Германии. Оно должно было включать все немецкие государства, за исключением Австрии, с которой предполагалось заключить особый союз. Председательство в союзе *(так называемой прусской унии),* вместе с заведованием военными и дипло-

матическими делами, предоставлялось Пруссии. Большинство мелких государств готово было присоединиться к этому проекту, а малогерманская партия франкфуртского национального собрания, съехавшаяся на так называемый «Nachparlament» в Готе *(готская партия)*, постановила употребить все свое влияние для осуществления идеи унии и принять деятельное участие в выборах в будущий имперский парламент. Но уния не имела успеха; когда Пруссия созвала парламент в Эрфурте, от нее отделились Ганновер и Саксония. Эрфуртский парламент хотя и состоялся в марте 1850 г., но, после принятия конституции, был немедленно закрыт. Этим закончилось участие германского народа в политических делах; с тех пор управление судьбами Германии перешло исключительно в руки дипломатии.

Чтобы дать отпор прусским стремлениям к гегемонии, Австрия обратилась ко всем союзным государствам с предложением отправить уполномоченных в союзный сейм для обсуждения мер к учреждению нового временного центрального органа и к пересмотру конституции. На это приглашение отозвались и многие члены прусской унии; Пруссия снова очутилась в изолированном положении. Обращение ее к посредничеству России не имело успеха. На свидании с принцем прусским в Варшаве, на котором присутствовал также глава австрийского министерства князь Шварценберг, император Николай I самым определенным образом высказался за сохранение трактатов 1815 года и принял сторону Австрии. Между тем, возникший неожиданно кургессенский вопрос грозил войной между Пруссией и Австрией. Австрийские и баварские экзекуционные войска вступили в Гессен. В ответ на это Пруссия заняла Кассель, но вскоре перешла к более осторожной политике. По Ольмюцкому договору она отказалась от унии и от покровительства кургессенцам и дала согласие на созыв конференции в Дрездене для устройства дел Германии. Дрезденские совещания, длившиеся целых полгода, ясно доказали несбыточность при тогдашних условиях всех широких планов преобразования Германии. Оставалось только возвратиться к прежнему сеймовому устройству. Воскресший союзный сейм начал свою деятельность с приурочения конституций отдельных государств к принципам старого Германского союза. Реакция снова подняла голову. По примеру обеих великих германских держав, повсюду началось усердное уничтожение всего, что напоминало бурную эпоху. Исчез и германский флот, проданный частью с аукциона, частью Пруссии. На стороне Пруссии победа осталась только в области торговой политики. Австрия выразила желание вступить в Германский таможенный союз в полном своем составе, но этому воспротивилась Пруссия, и таможенный союз был возобновлен на 12 лет в прежнем своем виде.

Одновременно с этим Пруссия от имени союза заключила торговый и таможенный договор с Австрией, выгодный для обеих сторон.

В наступивших вскоре после этого европейских осложнениях Германский союз оставался в стороне и на политической сцене действовали только германские великие державы. В надвигавшейся Крымской войне Россия считала себя вправе рассчитывать на сочувствие Австрии и Пруссии; но первая поспешила заявить о своем намерении придерживаться строгого нейтралитета, а вторая сохранила себе свободу действия. Когда война фактически началась, обе державы потребовали от России, чтобы она очистила Дунайские княжества, грозя, в случае присоединения этих княжеств или перехода через Балканы, объявлением войны. Попытка средних государств выступить в виде самостоятельной третьей державы, рядом с Австрией и Пруссией, успеха не имела. Согласие между Австрией и Пруссией продолжалось, однако, недолго. Австрия заняла Дунайские княжества и заключила с Францией и Англией формальный оборонительный и наступательный союз. Открыто напасть на Россию она не решилась из опасения Пруссии, не соглашавшейся воевать против русского императора, а также ввиду нерешительного образа действий средних государств, которые дальше обещаний не шли. На конгрессе европейских держав, на котором был заключен Парижский мир, Германский союз не имел своего представителя.

Вследствие неизлечимой болезни короля Фридриха Вильгельма IV, правительственная власть в Пруссии перешла, в октябре 1858 г., к его брату, принцу Вильгельму Прусскому. В Германии возлагали большие надежды на «новую эру», начинавшуюся в Пруссии. Утомленные долгими годами реакции, немцы надеялись, что Пруссия станет во главе либерального движения и примет на себя руководство германскими делами. Назначение умеренно-либерального министерства в Пруссии прежде всего отразилось на Баварии, где министерство Пфортена должно было уступить место либеральному кабинету. В других государствах оживилась оппозиция представительных собраний и печать заговорила тоном, от которого совсем отвыкла с самого начала 50-х гг. В войне Австрии с Францией и Сардинией многие либералы, особенно в Южной Германии, открыто сочувствовали Австрии; в союзном сейме велась сильная агитация в пользу вмешательства Германии. Соперничество с Пруссией помешало Австрии воспользоваться этим настроением. После поражений при Мадженте и Сольферино, австрийский император, опасаясь, что заступничество Пруссии доставит ей преобладание в Германии, поспешил заключить с Наполеоном III перемирие в Виллафранке, а затем Цюрихский мир. Внезапный разгром Австрии и образ действий союзных государств

ясно свидетельствовали, что союзная конституция совершенно бессильна в чрезвычайных случаях и нуждается в радикальных изменениях. Собравшийся в Эйзенахе съезд бывших парламентских деятелей выработал программу устройства германского союзного государства, под верховенством Пруссии, на началах парламентаризма. Результатом съезда было образование так называемого «национального общества» (Nationalverein). В Бадене управление делами перешло в руки либералов. Значительные успехи либерализм сделал также в Баварии и Вюртемберге. В Гессен-Касселе произошло новое столкновение между правительством и сеймом, и только благодаря энергичному вмешательству Пруссии правительство уступило и старая конституция была окончательно восстановлена. В великом герцогстве Гессенском министерство Дальвига восстановило против себя народ преследованиями «национального общества». В Нассау образ действий правительства в вопросе о государственном имуществе вызвал резкую оппозицию сейма. На пробуждение идеи единства Германии могущественно подействовало празднование 100-летнего юбилея Шиллера (10 ноября 1859), а также ежегодные съезды ученых и других обществ, праздники певцов, стрелков и т. д. Правда, эта идея не всеми одинаково понималась: «национальное общество» мечтало о Германии под гегемонией Пруссии, с исключением Австрии, а основанный в 1852 г. «Beformverein» требовал объединения Германии на строгих федералистических основах в так называемой «70-миллионной импорт». В 1861 г. саксонский министр Бейст выступил с проектом преобразования союза, по которому председательство в союзном сейме должно было принадлежать попеременно Австрии и Пруссии и при нем, в виде совещательного органа, должен был состоять совет из выборных от местных парламентов. Этот проект вызвал массу возражений. Либералы настаивали на парламенте и слышать не хотели о собрании делегатов; Австрия неохотно соглашалась делить председательство с Пруссией, а последняя заявила, что считает разрешение Германского вопроса возможным только при устройстве более тесного союзного государства. Первым шагом к его осуществлению явились военные конвенции Пруссии с маленькими государствами, находившимися в сфере ее влияния. В августе 1863 г. во Франкфурте собрался конгресс немецких государей, под личным председательством императора Франца-Иосифа, на который Австрия внесла свой собственный проект преобразования союза. Предлагалось учредить директорию из 5 государей, в руках которой сосредоточивалось бы верховное управление делами союза; союзный совет из 21 члена, назначаемых отдельными правительствами, и собрание из 300 делегатов, имеющих право съезжаться во Франкфурте через каждые 3 года. Этот проект, принятый конгрессом в главных своих

основах, оказался мертворожденным, вследствие отказа Пруссии участвовать в конгрессе. Заседавший одновременно с конгрессом съезд народных представителей высказался в том смысле, что желания немецкого народа могут быть удовлетворены только парламентом, избранным непосредственно волей народа; та же мысль была выражена и прусским министерством иностранных дел, в его докладной записке королю по поводу австрийского проекта. Но у Пруссии в то время были связаны руки вследствие внутренних затруднений. Между прусским правительством и палатой депутатов произошло столкновение по вопросу о реорганизации армии. Либералы, располагавшие большинством в палате, отвергли проект преобразования армии, составлявший личное дело самого короля. Палата была распущена и либеральное министерство заменено консервативным. Борьба усилилась, когда во главе министерства был поставлен Бисмарк. Не добившись от новой палаты принятия военного закона, Бисмарк заявил, что правительство видит себя вынужденным управлять без содействия парламента. Недовольство в народе росло, потому что правительство продолжало взимать налоги без утверждения парламента, воздвигло гонение против либеральных чиновников, стеснило свободу печати и т. п.

Между тем на сцену выступил Шлезвиг-Голштинский вопрос, а с ним и новые осложнения, положившие начало полному переустройству Германии. Подписанная новым королем Христианом IX, в ноябре 1863 г., общая конституция для Шлезвига и Дании вызвала в Германии горячие симпатии к шлезвиг-голштинцам. По постановлению союзного сейма, саксонские и ганноверские войска вступили в Голштинию. Датчане отступили и население провозгласило своим герцогом Фридриха Августенбургского. После отказа Дании отменить датско-шлезвигскую конституцию, Австрия и Пруссия вошли в сейм с заявлением, что они берут в свои руки защиту германских прав. Потерпев поражение, Дания была вынуждена согласиться на условия Венского мира (октябрь, 1864), по которому она отказалась от Шлезвига, Голштинии и Лауенбурга в пользу Австрии и Пруссии. Надежды немцев на самостоятельную организацию герцогств не оправдались: предложение Австрии передать герцогства принцу Августенбургскому было отклонено Пруссией. Когда Бавария, Саксония и Гессен-Дармштадт вошли в союзный сейм с предложением доставить представителям герцогств возможность высказаться о положении своей страны, обе великие державы заключили между собой, в августе 1865 г., Гаштейнскую конвенцию, лишь ненадолго отсрочившую столкновение. Австрия старалась склонить на свою сторону средние германские государства, а Пруссия заключила оборонительный и наступательный союз с Италией, обещав

ей, в случае победы, Венецию. 9 апреля 1866 года Пруссия внесла в союзный сейм предложение созвать германский парламент, избранный прямой и общей подачей голосов, для обсуждения проекта преобразования союзной конституции. На предложение Австрии о взаимном разоружении Пруссия изъявила согласие, если Австрия прекратит свои вооружения против Италии. Предложенный нейтральными державами мирный конгресс в Париже не состоялся, и в июне 1866 г. началась война, которая может считаться гранью между старой и новой Германией: победы прусского оружия подготовили германское объединение. В обнародованном до начала войны манифесте король Вильгельм торжественно заявлял, что вынужден решиться на войну «во имя национального развития Германии», «во имя идеи немецкого единства». К этому единению взывали и требования, с которыми обратилась тогда Пруссия к Ганноверу, Саксонии и Гессен-Касселю. Все три государства ответили, однако, отказом — и 20 июня прусские войска вступили в пределы их территорий. Ход военных действий был с самого начала благоприятен для хорошо организованной прусской армии. После капитуляции ганноверских войск при Лангензальце быстро последовал ряд удачных для Пруссии мелких стычек, а 3 июля, в сражении при Садовой (Кениггреце), пруссаки одержали решительную победу над объединенными австрийскими и саксонскими войсками. Австрия была вынуждена заключить, 26 июля, перемирие в Никольсбурге и принять выставленные Пруссией условия *Пражского мира* (11/23 авг.): исключение Австрии из состава Германского союза и ее согласие на образование *Северо-Германского* союза, под главенством Пруссии, и на присоединение к Пруссии Ганновера, Нассау, Гессен-Касселя, Франкфурта, Шлезвига и Голштинии. Южно-германские государства по этому договору оставались независимыми и могли лишь вступать в договорные отношения с Пруссией и Сев.-Германским союзом. Благодаря искусной политике Бисмарка, успевшего обеспечить нейтралитет соседних государств и совершенно обойти Наполеона III, Пруссия могла добиться этих блестящих результатов, нисколько не поступаясь интересами Германии. Внутри страны состоялось полное примирение между правительством и народом. Из среды депутатов выделилась особая партия *национал-либералов*, поставившая своей целью полное объединение всех германских государств, под главенством прусского короля. Партия эта мало-помалу распространяла свое влияние и приобретала адептов вне Пруссии. Одновременно с ее пропагандой шло и фактическое сближение германских государств благодаря учреждению северо-германского сейма. Открытие его заседаний состоялось 10 сентября 1867 г. В течение своего короткого существования это представительное учреждение успело про-

вести ряд важных и крупных мер: новый почтовый закон, новое уголовное уложение, общий вексельный устав, общий ремесленный устав, общую систему мер и весов, учреждение Высшего торгового суда в Лейпциге, преобразованного в 1877 году в Высший имперский суд, закон о принудительном отчуждении, о равноправности вероисповеданий и пр. Постепенно втягивались в сферу общегерманских интересов и южно-немецкие государства, оставшиеся вне союза: Пруссия успела заключить с ними тайные оборонительные и наступательные союзные договора на случай войны и привлечь их к участию в общем для обеих частей Германии таможенном парламенте. Однако сепаратистские стремления именно в Южной Германии были еще очень сильны: если в Бадене и Гессене население и правительство уже склонялись к мысли об окончательном союзе с Пруссией, то в Вюртемберге этому всеми силами противилась господствовавшая там демократическая партия, а в Баварии местная клерикальная партия свергла даже министерство из-за того, что глава этого министерства (Гогенлоэ) благоприятно относился к вопросу об объединении. Вся эта рознь стушевалась только тогда, когда судьба всей Германии были поставлены на карту — когда вспыхнула *Франко-Германская война* 1870—71 гг.

Враждебные отношения между Францией и Пруссией существовали уже задолго до того. В 1867 г. чуть было не дошло до серьезного столкновения между ними из-за герцогства Люксембургского, которое Франция желала присоединить к своим владениям; спор был улажен, благодаря вмешательству других европейских держав, которые, на созванной с этой целью Лондонской конференции (1867), решили признать герцогство нейтральным и оставить неприкосновенным его единение с Голландией, но вывести оттуда прусский гарнизон. К войне с Францией Пруссия не переставала готовиться, запрашивая у палат значительные кредиты на усиление армии; уже в 1868 г. начальник прусского генерального штаба Мольтке составил план этой войны; союзные войска также мало-помалу стягивались к известным пунктам и были готовы, по первому сигналу, двинуться к западной границе. Но осторожное берлинское правительство само уклонялось от вызова, предоставив это легкомысленным правителям тогдашней Франции, которые, не имея даже точных сведений о боевой готовности своих войск, решились на роковой шаг по маловажному поводу. В середине июля 1870 г. война была объявлена. Согласно заключенным трактатам, южно-германские государства не замедлили выставить свои войска, и Франции пришлось иметь дело с сильной единством, дисциплиной и искусством своих генералов армией *всей Германии.* Ряд в высшей степени удачных для немцев атак и битв, осада Меца, победоносное

шествие немецкой армии вглубь страны — все это быстро следовало одно за другим. После трехдневного боя у Седана, многочисленная армия, под начальством маршала Мак-Магона, должна была сдаться, причем взят был в плен и сам Наполеон III; затем вскоре был вынужден капитулировать и маршал Базен, запершийся в Меце. Хотя французы с удвоенной энергией и изумительной храбростью продолжали борьбу, но временное правительство скоро было поставлено в необходимость начать переговоры о мире, который и был заключен во Франкфурте-на-Майне и по которому Франция уступила Германии Эльзас и Лотарингию и уплатила 5 миллиардов франков военной контрибуции.

Еще до заключения мира с Францией среди представителей германских государств шла, поддерживаемая самим Вильгельмом и его приближенными, агитация о присоединении к Северо-Германскому союзу и южно-немецких стран и объявлении, затем, всей *Германской империей.* К концу 1870 г. Северо-Германский союз преобразовался уже в союз Германский, а 4 декабря того же года баварский король Людвиг письменно обратился ко всем германским правительствам с предложением провозгласить прусского короля *императором Германии*; 18-го января 1871 г. в Версале состоялось само торжество этого провозглашения. Дальнейшими шагами на пути объединения Германии было введение общеимперского уголовного уложения (с 1-го января 1872), издание общих для всей империи судебных уставов (1877), издание закона об акционерных обществах (1884) и многое другое.

Однако, вскоре по прекращении внешней борьбы, германский имперский парламент сделался ареной борьбы *внутренней*, из которой престарелый император Вильгельм и его главный советник далеко не всегда выходили победителями. Общая причина беспрерывных столкновений между парламентом и правительством вообще, и канцлером Бисмарком в частности, заключалась, с одной стороны, в самой натуре и мировоззрении «железного канцлера», пользовавшегося неограниченным влиянием на императора Вильгельма и не желавшего мириться с ограничениями правительственной власти; с другой — немалую роль в этих столкновениях играли представители тех элементов населения (поляков, ганноверцев, эльзасцев, отчасти баварцев и других), которые с неудовольствием взирали на доставшуюся Пруссии гегемонию и опасались преобладания в государственной жизни Германии прусских влияний. Большие затруднения представлял сам состав рейхстага, дробившегося и дробящегося на множество партий и редко заключавшего в себе прочное большинство, на которое с уверенностью могло бы опираться правительство. Сначала его главной поддержкой служили национал-либералы, которые в первых трех

рейхстагах были самой многочисленной партией (от 116 до 150 человек); но с 1878 г. они потеряли прежнее значение, и число их ни разу не превышало ста, падая иногда гораздо ниже (в нынешнем рейхстаге их только 41). Разные оттенки консервативной партии никогда не располагали большой силой. Когда на выборах 1887 г. немецко-консервативная, имперская и национал-либеральная партии заключили так называемый *картель*, им удалось получить большинство в 215 голосов, но в 1890 г. они получили только 135 голосов и картель распался; теперь немецко-консервативная вместе с имперской насчитывает не более 91 голоса. Прогрессисты, с 1884 года именующиеся немецкой свободомыслящей партией, достаточно многочисленны для оппозиции (их бывало около ста, теперь 64), но составить большинство они могут только с помощью других партий. Социал-демократов в первом имперском сейме было только два; затем число их долго колебалось между 9 и 13, в 1884 году достигло 24, опять упало до 10, но на последних выборах (1890) поднялось до 35. Большое значение, при таком распределении голосов, всегда имела и имеет партия центра, т. е. клерикально-католическая, в первом имперском сейме насчитывавшая только 57 членов, но уже с 1874 г. обладавшая, приблизительно, ста голосами (теперь, считая и вельфов, т. е. ганноверских партикуляристов — 113). Враждебное настроение ее к империи началось еще тогда, когда, по поводу провозглашения Пием IX догмата папской непогрешимости (1870), в католическом населении Германии стал замечаться раскол и появилась старокатолическая партия. За поддержку этого старокатолического движения правительство прежде всего и подверглось нападкам со стороны католиков парламентского центра. Отсюда так называемая культурная борьба (Kulturkampf), предпринятая Бисмарком. Главные из числа мер, входящих в ее состав, были приняты на специально-прусской почве; но тем же самым духом проникнуты и некоторые постановления имперского сейма. Уже 28 ноября 1871 г. был принят закон, направленный против католических проповедников (так называемый Kanzelparagraph), а 4 июля 1872 г. — закон, уничтоживший все учреждения Иезуитского ордена в Германии и воспрещавший его членам пребывание в пределах империи. Несмотря на сильнейшее противодействие католиков, в 1874 г. повсеместно введен в Германии гражданский брак и регистрация актов гражданского состояния передана в руки светских чиновников. Всем этим Бисмарк крайне озлобил против себя клерикальную партию парламента, сплотившуюся вокруг Виндгорста и систематически оппонировавшую правительству, зато в этой борьбе на стороне канцлера стояли его непримиримые враги — прогрессисты. Когда, вследствие своей новой экономической политики, министерство стало встречать

оппозицию и в рядах либералов, Бисмарк стал искать поддержки в партии центра, для сближения с которой он не остановился перед восстановлением всего того, что так ревностно разрушал. Примирение правительства с католиками не было, однако, ни полным, ни продолжительным, в последнее время партия центра часто присоединялась к числу противников правительства.

Несколько иной характер носила борьба на почве социальных в экономических вопросов. Чтобы сокрушить партию *социал-демократов,* заявившую о себе самым решительным и непримиримым противником существующего в Германии строя вообще и политики Бисмарка в частности, правительство задумало ряд репрессивных мер, вроде запрещения сходок этой партии, ее печатных изданий и т. п. Несмотря на покушение на жизнь императора со стороны Геделя (1878), которое ставили в связь с происками социал-демократов (хотя последние категорически это отвергали), правительственный законопроект сначала не прошел, и лишь после повторившегося через несколько недель покушения (Нобилинга), когда рейхстаг был распущен и назначены новые выборы, закон о социалистах был вотирован палатой, хотя и со значительными оговорками, сроком на 2,5 года. Впоследствии он неоднократно возобновлялся, возбуждая всякий раз оживленные прения и недовольство партий, как мера, посягающая на конституционные права граждан, и отнюдь не достигающая цели. Другое средство борьбы с этой партией канцлер предполагал найти в задуманной им системе законодательных мер, направленных к улучшению благосостояния рабочего сословия. Исходя из начал «государственного социализма», проповедовавшегося некоторыми немецкими экономистами (особенно — близким к канцлеру берлинский профессор Адольфом Вагнером), правительство провело в парламенте закон о кассах для обеспечения рабочих во время болезни и несчастных случаях (1884), который скоро был распространен и на сельскохозяйственных рабочих (1886) и служащих на морских судах (1887), — далее закон об обеспечении на случай старости и о кассе для инвалидов труда (1889); но все эти меры не привели к желанной цели.

В сфере чисто *экономической* имперское правительство стремилось сначала создать независимые от воли рейхстага имперские финансы, путем установления табачной и водочной монополии, что было, однако, отвергнуто рейхстагом. Прежде близкая к фритредерству, правительственная система начала склоняться в противоположную сторону уже в 1876 г., когда был уволен в отставку Дельбрюк. В 1879 г. протекционизм праздновал первую решительную победу; новый тариф был проникнут покровительственным духом. Дальнейшим обострением этой политики

были введенные в угоду землевладельческому классу хлебные пошлины (1887), равно как и вообще ряд «боевых» таможенных пошлин, предложенных правительством еще в 1885 г. в видах не только поощрения местного производства, но и как орудие международной борьбы с соседними государствами (особенно с Россией). Введение новых и увеличение старых налогов требовалось для покрытия громадных военных издержек, вызывавших справедливый ропот у членов парламента. Путем целой системы угроз, запугивания, роспуска парламента, вмешательства самого императора, правительство лишь с трудом добивалось своего: в 1871 г. численность армии в мирное время была определена на 3 года в цифре 401 659, в 1874 г. г. цифра эта утверждена вновь на 7 лет (септенат), в 1880 г. повышена до 427 тыс., а в 1887 г., после ожесточенной борьбы, до 468 тыс., с соответственным увеличением кредитов. В 1888 г. восстановлен, сверх того, ландвер второго призыва. Со времени войны 1870—71 г. Германия беспрерывно заботилась о лучшем вооружении, боевой готовности и численном увеличении своей армии в является главной виновницей того усиления *милитаризма,* под гнетом которого жили современные европейские народы.

Вредный для правильного экономического и духовного развития Германии, милитаризм сослужил ей службу только в смысле возвышения внешнего могущества ее в политической жизни Европы, чему немало способствовала и искусная политика ее канцлера. По его мысли, в 1872 г. заключен был союз трех императоров, при свидании их в Берлине. В 1878 г. созван Берлинский конгресс, на котором сам председательствовал Бисмарк, заметив после этого охлаждение России, он поспешил заключить в 1879 г. оборонительный союз с Австро-Венгрией, к которому скоро присоединилась и Италия; этот «тройственный союз» возобновлялся в 1887 и 1891 г.

Со средины 1880-х гг. Германия, до тех пор не имевшая *колоний,* становится, благодаря предприимчивости своих коммерсантов, обладательницей многих земель в других частях света (в Африке и в западной части Тихого океана). С этого же времени начинается ее участие в разных конференциях по колониальным вопросам (относительно Конго, Самоа и др.), соглашения с Англией по поводу разграничения «сфер влияния» и т. д.

9-го марта 1888 года не стало творца Германской империи, Вильгельма I, и место его занял уже тяжелобольной, но возбуждавший всеобщие надежды, сын его Фридрих III, царствование которого продолжалось всего 99 дней. В обнародованных им манифестах и рескриптах он заявил себя горячим сторонником мира, внутреннего развития страны, идей

терпимости и братства, а также строгого конституционализма. 16-го июня его заменил на троне молодой, полный сил и энергии, его сын Вильгельм II. Наиболее крупным событием его царствования является отставка князя Бисмарка (20 марта 1890), преемником которого явился ген. Каприви, далеко уступающий своему предшественнику в талантливости и настойчивости, но более разборчивый в средствах для достижения намеченной цели. С уходом Бисмарка, несколько померкло внешнее политическое влияние Германии и успел также обозначиться явный поворот во внутренней политике («новый курс»), выразившийся, прежде всего, в уничтожении ряда репрессивных мер прежнего времени: отмене закона о социалистах, снятии секвестра с имущества бывшего ганноверского короля, отмене паспортных стеснений в Эльзас-Лотарингии, разрешении преподавания на польском языке в народных училищах Познани и др. В экономической политике видно уклонение от крайностей протекционизма; заключены торговые трактаты (1891) с Австрией, Швейцарией, Италией и Бельгией, велись переговоры о таком же трактате с Россией. Наконец, в социальном вопросе правительство Вильгельма II, отказавшись от усиленных репрессий, продолжало, однако, урегулирование фабричного труда и охрану нуждающихся в защите рабочих; в 1890 г. по инициативе императора была созвана в Берлине международная конференция по рабочему вопросу, занятия которой отчасти послужили источником для обнародованных впоследствии имперским правительством важных законов об установлении обязательного воскресного отдыха, совершенном устранении от фабрично-заводских работ детей моложе 13 лет и запрещении ночной работы для женщин. В тяготении к милитаризму Каприви идет, по-видимому, по стопам своего предшественника, хотя парламентское большинство, и даже благосклонный к новому канцлеру центр ясно высказались против дальнейшего обременения государства тягостями военных расходов (декабрь 1892).

Л. Б.

Германия (дополнение к статье)

или *Германская империя* (Deutschland, Deutsches Reich) — в настоящее время состоит из 22 конституционных государств, 3 вольных городов и 1 имперской страны. *Площадь и население.* Германии, не считая колоний, занимает 540 743 кв. км, с 56 367 178 жителями (по переписи 1 декабря 1900 г.).

Составные части Германии	Площадь кв. км	Население
Ангальт	2299	316 085
Бавария	75 870	6 176 057
Баден	15081	1 867 944

Составные части Германии	Площадь кв. км	Население
Брауншвейг	3672	464 333
Бремен	256	224 882
Вальдек	1121	57 918
Вюртемберг	19 513	2 169 480
Гамбург	415	768 349
Гессен	7681	1 119 893
Липпе	1215	138 902
Любек	298	96 775
Мекленбург-Стрелиц	2930	102 602
Мекленбург-Шверин	13 127	607 770
Ольденбург	6427	399 180
Пруссия	348 658	34 472 509
Рейс (младшая линия)	827	139 210
Рейс (старшая линия	317	68 396
Саксен-Альтенбург	1324	194 914
Саксен-Веймар	3617	362 873
Саксен-Кобург и Гота	1977	229 550
Саксен-Мейнинген	2468	250 731
Саксония	14 993	4 202 216
Шаумбург-Липпе	340	43 132
Шварцб.-Зондерсгаузен	862	80 898
Шварцб.-Рудольштадт	940	93 059
Эльзас-Лотарингия	14513	1 719 470

Район *Германского таможенного союза* состоит из всей Германии (за исключением о-ва Гельголанда, областей гамбургского вольного порта, некоторых частей г. Бремена, Бремергафена и Теестемюнде и двух областей в Бадене), великого герцогства Люксембурга и двух общин в Австрии (Юнггольц в Тироле и Мительберг в Форарльберге); заключает в себе 543 267 кв. км с 56 089 925 жителями.

Население Германии распределяется на городское — 30 633 070, или 54,4 %, и сельское — 25 734 103, или 45,6 %. Городское население растет за счет сельского; последнее составляло в 1880 г. 58,6 % всего населения, в 1890 г. — 52,9 %. Особенно быстро растут большие города (свыше 100 тыс. жит.); население их составляло: в 1880 г. — 7,2 % населения страны, в 1890 г. — 13,1 %, в 1900 г. — 16,2 %. Всех городов, имеющих свыше 100 тыс. жит. в Г. в 1900 г. было 33, а в 1904 г. — 38; из них более значительные: Берлин — 2040 тыс. жит. (вместе с пригородами — 2821 тыс.),

Гамбург — 747 тыс., Мюнхен — 562 тыс., Дрезден — 533 тыс., Лейпциг — 494 тыс., Бреславль — 454 тыс., Кельн — 409 тыс., Франкфурт-на-Майне — 320 тыс., Нюрнберг — 308 т., Ганновер — 254 тыс. Население Германии составляло: в 1890 г. — 49 428 470 чел., в 1895 г. — 52 279 901 чел., а в 1900 г. — 56 367 178 чел.; годовой прирост населения составлял в периоды: 1891—5 гг. 1,12 %, 1896—1900 гг. 1,5 %. На 1000 мужчин в Германии приходится 1032 женщины. Перевес мужского населения над женским встречается только в Шлезвиг-Голштинии, Ганновере, Вестфалии, Рейнской провинции и Эльзас-Лотарингии. На 1 кв. км в Германии приходится 104 жителя. Гуще всего населена Саксония (280 жителей), реже всего (44 жителя) — Мекленбург. 62,5 % всего населения Германии исповедуют протестантизм, 36,1 % — принадлежат к римско-католической церкви и 1,4 % — прочим исповеданиям, в том числе иудейскому — 1 % (586 833 человека). Иностранцев в Германии 778 698 (более всего австрийцев). По национальностям население Германии распределяется так: немцев — 52 136 тыс., поляков — 3087 тыс., других — 1144 тыс. До половины XIX ст. Германия была страной земледельческой по преимуществу, сельским хозяйством занималось до 65 % населения; в настоящее время (по переписи 1895 г.) им занимается около 36 %; остальное население посвящает себя промышленности (39 %), торговле (12 %) и другим профессиям (13 %). По размерам внешней торговли Германия, после Великобритании, занимает второе место и находится в периоде постоянного роста; в 1903 г. вывоз Германии оценивался в 5095 млн. марок, ввоз в 6299 млн. марок Вывозится более всего в Великобританию (на 966 млн. марок), Австро-Венгрию (533 млн. марок) и Соединенные Штаты Северной Америки (499 млн. марок); привозится более всего из Соединенных Штатов Северной Америки (на 911 млн. марок), России (773 млн. марок), Австро-Венгрии (719 млн. марок) и Великобритании (611 млн. марок). Торговый флот Германии в 1903 г. состоял из 4045 судов водоизмещением 2 203 804 тонны, из них 1545 паровых, в 1 622 429 т. Железных дорог (1903 г.) 53 991 км, из них 48 259 км государственных. Водных судоходных путей 14 366 км, из них 2606 км каналов и 2469 канализированных рек, остальные естественные речные пути. Телеграфных линий (1902 г.) 134 072 км, длина проводов — 497 021 км. Телефонных аппаратов 392 924, длина проводов — 1 446 155 км. *Военные силы* Германии (1904—05 гг.). Армия в мирное время — 606 987 человек и 105 885 лошадей, в военное время — 2 549 918, а вместе с ландштурмом — до 3 млн. чел. Военный флот состоит из 118 судов в 468 000 т.; кроме того, до 120 миноносок. Численность экипажа — 40 311 человек *Имперский бюджет* Германии по смете 1904—05 гг. исчислен по приходу и расходу в 2460,7 млн. марок.

Таблица 1

Названия колоний	Год присоединения к Германии	Площадь кв. км	Население
В Азии:			
Киао-Чжау (арендов. обл. в Китае)	1898	501	120041
В Африке:			
Камерун	1884	495000	3500000
Того с Портом-Сегуро и М. Попо	1884	87200	2500000
Юго-Зап. Африка, с Дамарой и Намаквой	1884	835100	200000
Вост. Африка	1885	995000	6847000
В Австралии и Океании:			
Нов. Гвинея (Земля Имп. Вильгельма)		181650	13000
Архип. Бисмарка и Соломоновы о-ва	1885—99	57100	250000
Маршальские о-ва	1888	405	15000
О-ва Каролинские, Марианские и Палау	1899	2076	3993
О-ва Самоа (Мореплавателей)	1899	2588	33972
Все колонии	1884—99	2656620	13635946

Долг к началу 1904 г. равнялся 3273,5 млн. марок. *Колонии* Германии (вместе с протекторатом; табл. 1).

История. 1. Канцлерство графа Каприви, 1890—1894 гг. С отставкой Бисмарка 20 марта 1890 г., несмотря на категорическое заявление императора Вильгельма II, что «курс остается старый», для Германии началась новая эра, известная под именем нового курса. Проводить этот курс

должен был новый канцлер и президент прусского министерства граф Каприви; в действительности, однако, император, не терпевший вокруг себя самостоятельных людей, был собственным своим канцлером. Смена лиц на канцлерском посту почти совпала со временем выборов в рейхстаг 20 февраля 1890 г. Эти выборы нанесли сильный удар союзу двух консервативных партий (консервативной и имперской) с национал-либеральной; первые две с 118 мандатов, которыми они располагали в рейхстаге 1887—90 гг., упали до 93, последняя — с 104 даже до 43. Напротив, значительный рост получила партия свободомыслящая, завоевавшая вместо 32-х 66 мандатов, а родственная ей южно-германская народная партия, не имевшая в предыдущем рейхстаге ни одного полномочия, получила их 10; центр несколько увеличил свою прежнюю силу (106 вместо 99 мандатов). Положение мелких партий изменилось мало; только впервые появилась в германском рейхстаге обособленная антисемитская партия, завоевавшая 6 полномочий. Наиболее влиятельной партией стал центр; не располагая большинством, он, однако, не мог стать партией господствующей, так как сколько-нибудь прочный союз с кем бы то ни было был для него немыслим. Как симптом совершающейся в народе перемены, особенное значение имел рост социал-демократии, увеличившей число своих мандатов более чем втрое (с 11 до 35) и число полученных на выборах голосов — почти вдвое: 1 427 000, или 19 %, вместо полученных за три года перед тем 763 000, или 10 %. Рост этой партии доказал полную нецелесообразность направленного против нее ограничительного закона. Ввиду этого Вильгельм II решил бороться с ней не применением этого закона, срок действия которого истек в 1890 г. и на возобновление которого рейхстаг не соглашался, а социальным законодательством. Была созвана международная рабочая конференция и проведено через рейхстаг новое фабричное законодательство. По этому вопросу император Вильгельм II в то время отражал настроение большей части буржуазных слоев германского народа, что и сказалось на результатах выборов 1890 г., и именно на этой почве произошел его конфликт с Бисмарком. Дальнейшее развитие социального законодательства и ослабление полицейского режима — таковы были задачи, лежавшие на графе Каприви. В связи с этим, а также с более влиятельным положением, которое отныне должна была занять промышленная буржуазия, наступил поворот в торговой политике Германской империи: аграрный протекционизм, излюбленное детище аграриев и князя Бисмарка (последнего — только с 1879 г.), должен был быть ослаблен. Главное внимание государства по-прежнему было направлено на сохранение и даже усиление военной мощи Германии. Рядом с сухопутными военными силами правительство стало стремиться к созданию и

укреплению военно-морских сил, которыми Бисмарк интересовался сравнительно мало. Рост могущества на море был безусловно необходим уже вследствие расширения колониальных владний Германии, которыми она начала обзаводиться со второй половины 80-х годов (т. е. еще при Бисмарке). И того, и другого, безусловно, желал император Вильгельм и в этом он находил поддержку в значительной части наиболее крупной буржуазии. Совмещение противоположных стремлений (с одной стороны — ослабление полицейского гнета, ослабление протекционизма и социальное законодательство в пользу низших классов, причем социальное законодательство не столько ради него самого, сколько как орудие борьбы с социал-демократией, с другой стороны — шовинизм и империализм) привело к тому, что новый курс страдал постоянными колебаниями, впадал в постоянное противоречие с самим собой и очень скоро пришел к краху. Опереться на свободомыслящих правительство графа Каприви не могло, так как смягчение полицейского гнета, проводимое им, было с их точки зрения слишком недостаточно. Главной его опорой явились, во-первых, национал-либералы, численность которых была недостаточно велика, во-вторых, прямо враждебная им, когда-то главным защитникам «культуркампфа», партия центра, но опорой непрочной: правительство, боясь поссориться с национал-либералами, не желало идти достаточно далеко навстречу центру в восстановлении влияния католической церкви. Оно настолько мало отрешилось от традиций «культуркампфа», что в 1894 г., когда рейхстаг принял отмену закона, запрещающего пребывание в Германии иезуитам, бундесрат отказал этой мере в своей санкции, и только по отношению к редемптористам, ранее преследуемым наравне с иезуитами, правительство отказалось от своей прежней запретительной политики. Вместе с тем, центр в то время не был еще склонен одобрять все военные требования правительства. В первую же сессию рейхстага, собравшегося после выборов 1890 г., правительство внесло требование увеличения состава армии в мирное время на 18 000 человек (до 487 000 нижних чинов и унтер-офицеров). Это требование встретило сопротивление с левой стороны парламента, но прошло при поддержке большей части центра ввиду незначительности увеличения состава армии и его соответствия росту народонаселения Германии, а также отказа правительства от септената, т. е. 7-летнего срока, на который ранее Бисмарк требовал определения состава армии. 1 июля 1890 г. правительство графа Каприви заключило с Великобританией договор, в силу которого Германия получала от Англии остров Гельголанд и отдавала ей часть своих африканских владений — Занзибар и Уганду. В 1891 г. были заключены торговые договоры с Австро-Венгрией, Италией, Бельгией и Швейцарией. Эти

договоры понизили пошлину на ввозимый в Германию хлеб из этих стран, с 5 марок до 3 мар. 50 пф. за двойной центнер (= 200 кг). Взамен этого Г. выговорила соответственное облегчение доступа изделий германской обрабатывающей промышленности в названные страны. Договоры встретили сильное противодействие правой стороны парламента, но и не менее сильную поддержку его левой стороны, среди социал-демократов, свободомыслящих и центра, хотя первые две партии находили ослабление аграрного протекционизма далеко не достаточным. В 1892 г. прусское правительство сделало попытку провести в жизнь крайне реакционный школьный закон (известный по имени его инициатора, прусского министра народного просвещения Цедлица), создававший конфессиональную школу. В прусском ландтаге закон этот, защищаемый коалицией из консерваторов и центра, но встретивший противодействие даже в национал-либералах, мог бы пройти; но он вызвал такое общественное негодование, что его в пришлось взять назад, не доводя дело до голосования; вместе с тем, Цедлиц покинул министерский пост, а горячо отстаивавший его граф Каприви должен был оставить пост прусского министра-президента, который получил граф Эйленбург. Однако, Каприви сохранил за собой канцлерство Германской империи. Таким образом произошло разделение двух постов, которые почти все время существования Германской империи занимало одно и то же лицо. В том же 1892 г. в рейхстаг был внесен новый военный законопроект, гораздо более серьезный, чем закон 1890 г. Он увеличивал численность мирного состава армии до 492 000 нижних чинов (без унтер-офицеров), т. е. более чем на 70 000 человек. В виде компенсации общественному мнению граф Каприви предлагал понижение срока воинской службы с трех лет до двух. Реформа должна была потребовать единовременных расходов в 66 миллионов марок и увеличения обыкновенного военного бюджета на 64 миллиона марок ежегодно. Для покрытия этих издержек должны были быть повышены налоги на биржевые сделки, водку, вино, табак и др. Проект вызвал сильное недовольство среди всех левых партий и центра. В этом последнем, впрочем, оказалось несколько лиц, которые решили его поддерживать если не в полном объеме, то с некоторыми малосущественными изменениями; несколько видоизмененный проект был предложен клерикальным депутатом Гюне, как компромисс, который и был принят правительством. В свободомыслящей партии тоже было некоторое колебание. Левая часть ее (Евгений Рихтер) решительно отвергала как правительственный проект, так и компромисс Гюне; правая часть (Риккерт, Барт и др.), подкупленная двухлетней военной службой, готова была поддержать последний. Тем не менее и она голосовала против него. 6 мая 1893 г. проект был отверг-

нут 210 против 162 голосов. Тотчас же рейхстаг был распущен. Перед выборами, имевшими место 14 июня 1893 г. произошло разделение свободомыслящей партии на свободомыслящую народную (Евгений Рихтер) и свободомыслящий союз (Риккерт, Барт;); последний был на стороне военного проекта. Избирательная борьба происходила главным образом на почве военного законопроекта; против него было подано 4 312 000 голосов, за него — 3 268 000. Однако, крайняя неравномерность избирательных округов, число и границы которых не изменялись с 1871 г., несмотря на значительный и притом крайне неравномерный рост населения в городах и деревнях (в последних кое-где произошло даже уменьшение числа жителей), а также неравномерное распределение различных партий по округам, привели к тому, что число мандатов в рейхстаге совершенно не соответствовало числу поданных голосов в стране, и большинство, хотя и ничтожное, оказалось на стороне правительства. В новом парламенте было 100 депутатов двух консервативных партий, 54 национал-либерала, 13 членов свободомыслящего союза, 19 поляков, 13 антисемитов; все они, и кроме того два члена центра, высказались за военный законопроект. В качестве противников законопроекта явились: 24 члена свободомыслящей народной партии, 11 членов южно-германской народной партии, 44 социал-демократа, 8 эльзасцев и 94 из 96 членов центра; остальные 15 депутатов принадлежали к разным мелким партиям (эльзасцы, вельфы, аграрии и др.), а также к «диким», и частью голосовали «за», частью — против проекта. Помимо этого общего результата самыми важными явлениями выборов 1893 г. были: 1) рост социал-демократии, не соответствовавший, однако, ее росту в предшествовавший период; она получила 1 786 000 голосов, т. е. 23 % всех поданных голосов; 2) сильный рост антисемитизма, который собрал 263 000 голосов, вместо 47 000; 3) выступление, в качестве самостоятельных партий, двух групп крайних аграриев: союза сельских хозяев и баварского крестьянского союза, получивших около 60 000 голосов и 5 мандатов. Из них первый выделился из консервативной партии, с которой и после выделения сохранил дружественные отношения; второй представлял мелкоаграрное (поддерживавшее интересы средних и мелких землевладельцев, и потому в некоторых отношениях демократическое) крыло центра, скоро вступившее с ним в очень враждебные отношения. Военный законопроект был принят 15 июля, но финансовые реформы, которые им вызывались, были отделены от него и должны были пройти самостоятельно, а это представляло большие трудности. Прусский министр финансов Микель, который только что провел реформу прямого налогообложения в Пруссии, взял в свои руки финансовую реформу империи. Он добился согласия министров финансов

отдельных германских государств на увеличение пошлин на табак, вино, биржевые сделки, штемпельного сбора и др., на общую сумму в 100 млн. марок, из коих около 40 млн. должны были быть обращены на уменьшение взносов в общеимперскую кассу отдельных германских государств. Тем не менее реформа в таком виде через рейхстаг не прошла; прошло только увеличение налога на биржевые сделки и штемпельного сбора (1894), позднее — повышение акциза на водку (1895) и на сахар (1896). В 1893—94 гг. были заключены торговые договора по образцу прежних с Испанией, Румынией, Сербией и, наконец, после упорной таможенной войны, длившейся с лета 1893 г. до весны 1894 г., с Россией (16 марта 1894). Срок большей части договоров был до 31 дек. 1903 г., в связи с тем, что если за год до этого срока не будет сделано какой-нибудь из сторон предупреждения о его прекращении, то он продолжается еще на год, потом еще на год и т. д. Общий принцип был тот же самый, что и в договорах с Англией, Италией, Бельгией и Швейцарией, но, ввиду значения России, как главного импортера хлеба, этот договор имел совершенно особую важность. Договор этот вызвал особенно сильное недовольство германского землевладения. В противовес ему консервативный депутат Каниц внес в рейхстаг проект сосредоточения всей торговли иностранным хлебом в руках правительства, которое должно было определять на него цену продажи, сообразуясь с интересами помещиков. Этот проект Каница на многие годы стал знаменем в борьбе аграрных партий. Гр. Каприви высказался решительно против него; ненависть аграриев к этому «выскочке без клочка земли», вызванная всей его политикой и в особенности торговыми договорами, еще усилилась вследствие его резкого отношения ко всем подобным притязаниям; отсюда и систематическая фронда против правительства со стороны землевладельцев, в особенности восточных провинций Пруссии, которые не стеснялись громко и резко говорить даже против императора, свою верность к которому они всегда раньше и потом вновь охотно афишировали; не стеснялись они говорить и о желательности союза даже с социал-демократами. Все это имело лишь характер угрозы, которую никто и не думал приводить в исполнение. Около 1894 г. в отношении партий к аграрному вопросу происходит знаменательный поворот. Значительная часть национал-либералов, ранее поддерживавших политику Каприви, высказались за проект Каница; часть центра — также. Проект Каница был отклонен большинством только в 13 голосов. Ничтожным большинством голосов прошел и договор с Россией. Это явление имело следующую причину: германская крупная промышленность, преимущественно железоделательная, в Германии сравнительно мало заинтересована в низких ценах на предметы питания, так

как она существует главным образом благодаря предпринимательской деятельности правительства. Для нее важнее развитие предпринимательской деятельности правительства и в частности его агрессивной империалистской политики, которая дает промышленности толчок больший, чем низкая заработная плата и чем высокая покупательская способность населения. Ввиду этого для нее весьма важна определенно консервативная политика правительства, и она более дорожит союзом с могущественнейшим социальным слоем германского населения, т. е. преимущественно с аграриями и бюрократией и во главе ее с императором, чем теми экономическими мероприятиями, которые могут понизить заработную плату ее рабочих или повысить покупательскую способность населения. Крупная промышленность представлена в основном имперской и национал-либеральной партиями, и они-то после периода содействия политике Каприви, стали ему изменять. Император к тому времени вполне остыл к планам социальной деятелности; рабочий класс, не удовлетворенный его фабричным законодательством, показался ему чудовищно неблагодарным, и он стал склоняться на сторону возвращения к репрессивной политике. В 1894 г. возник проект нового репрессивного закона против социал-демократии или вообще против лиц, посягающих на существующий государственный строй. Прусский министр-президент Эйленбург высказался за него; Каприви был его противником. В результате они оба, 26 октября 1894 г., вышли в отставку. Должности канцлера Германской империи и прусского министра-президента были вновь соединены, в руках князя Хлодвига цу Гогенлоэ Шиллингсфюрста.

2. Канцлерство князя Гогенлоэ, 1894—1900 гг. Новый курс германской политики сменился новейшим. Сам Гогенлоэ играл совершенно незначительную роль; будучи весьма плохим оратором, не умея говорить иначе как по бумажке, он неохотно выступал в парламенте, где не пользовался ни малейшим авторитетом; везде и всегда за ним чувствовалась личность императора. Реакционный характер новейшего курса подчеркивался еще и тем, что одновременно с князем Гогенлоэ на пост прусского министра иностранных дел был назначен известный реакционер Келлер. Новейший курс обыкновенно называется курсом зигзагов вследствие постоянных колебаний. Колебания эти, впрочем, более касались личностей, чем основных принципов. Последние отныне были ясны: расширение колониальных владений, постоянное увеличение сухопутных и морских сил, усиленное покровительство землевладению, а также промышленности (однако, в степени, не удовлетворявшей самих землевладельцев, ибо правительство понимало, что полное их удовлетворение разорило бы обрабатывающую промышленность, а так далеко оно идти не желало),

репрессия по отношению к рабочим; в иностранной политике поддержка Тройственного союза, но вместе с тем сближение с Россией, как с консервативной силой, могущей быть опорой существующего порядка везде в Европе. Но министры, статс-секретари падали и заменялись одни другими по причинам, которые иногда долго оставались не известными публике и, во всяком случае, не имели принципиального политического характера. В печати, особенно в сатирических листках, приписывалась громадная роль начальнику гражданского кабинета императора, тайному советнику Луканусу, лицу, не ответственному ни перед рейхстагом, ни даже перед канцлером, а только перед императором; этот Луканус просто оповещал того или иного министра о недовольстве им императора и побуждал его к выходу в отставку. Особенно богат непонятными министерскими падениями был 1897 г., когда статс-секретарь морского ведомства Голльманн был заменен адмиралом Тирпицем, статс-секретарь иностранных дел, преемник графа Герберта, во времена Бисмарка, барон Маршал фон Биберштейн получил сперва долговременный отпуск, а потом отставку и был заменен послом в Риме графом Бюловым; статс-секретарь имперского ведомства внутренних дел и вице-президент прусского министерства Беттихер получил отставку и был заменен на последнем посту прусским министром финансов Микелем, а на первом — граф Посадовским-Венером. Из всех этих перемен только отставка Маршала фон Биберштейна имела до некоторой степени политический характер, ибо он оставался проводником политики графа Каприви и был ненавистен аграриям. В общем, новейший курс отличался, прежде всего, возвращением к политике репрессий по отношению к оппозиционным партиям и общественным группам, в особенности к социал-демократии. Она сказалась в длинном ряде судебных процессов против редакторов и журналистов по обвинению печати в оскорблении процессов, которые нередко, в особенности в Баварии, где они велись в суде присяжных, оканчивались неприятным для правительства оправданием подсудимых, что, однако, нисколько не ослабляло рвения прокуроров. Тронная речь, которой 5 декабря 1894 г. император Вильгельм II открыл новую сессию рейхстага, выдвигала как задачи империи «защиту низших классов общества и содействие их экономическому и моральному развитию посредством смягчения экономических и социальных противоречий и укрепления в них чувства довольства, и вместе с тем посредством энергичного противодействия гибельным замыслам тех, кто стремится противодействовать государственной власти в исполнении ее долга». Из этих двух задач господствовала последняя, т. е. задача репрессии, которая и придала вполне определенный вид дальнейшей деятельности правительства. В той же

тронной речи был возвещен законопроект об изменении некоторых статей уголовного уложения в смысле введения новых наказаний или усиления прежних, за подстрекательство к преступлениям путем печати или устной речи, за восхваление преступлений, за подстрекательство путем слова, устного или печатного, к неповиновению властям, за распространение ложных слухов, понижающих уважение к властям и т. д. Закон этот, из-за которого пал Каприви, отличался от прежнего закона против социал-демократии тем, что имел общий характер и не был направлен открыто и специально против нее. Тем не менее, и его защитниками, и его противниками он квалифицировался как закон, направленный против партий и групп, враждебных общественному порядку, кратко назывался Umsturz Vorlage и приводился в связи с убийством Карно и другими анархистскими преступлениями во Франции и в Италии. Законопроект встретил сильное недовольство на всей левой и даже среди более умеренных элементов правой, как проект чисто и грубо реакционный. Когда 6-го декабря президент рейхстага Левецов, согласно обычаю, провозгласил hoch в честь императора, то Либкнехт и несколько других социал-демократов, не успевших удалиться, как это обыкновенно ими делалось в подобных случаях, не поднялись со своих мест, а остались сидеть. На правой это вызвало негодующее крики против них, но когда прокуратура обратилась к парламенту с просьбой о разрешении возбуждения против них уголовного преследования, то рейхстаг отклонил ее громадным большинством голосов; за нее высказались только консерваторы и национал-либералы, которые к этому времени уже мало чем отличались от консерваторов. При обсуждении поправок к уголовному уложению партия центра попыталась несколькими поправками обратить ее из проекта, направленного против политических партий, враждебных существующему государственному строю, в меру борьбы за церковь; она хотела теми же наказаниями, как за восхваление государственных преступлений, обложить порицание или оскорбление религии или церкви. Такая политика центра вооружила против себя даже консерваторов, тем более — национал-либералов, и вся последующая борьба в рейхстаге была борьбой различных групп, слившихся в три взаимно противоположных течения: консервативное (с национал-либералами), стремившееся наложить узду на радикальную партию, — клерикальное, желавшее такой же узды против неверия, — радикальное, или либеральное, не допускавшее ни того, ни другого. Проект был отклонен 11 мая 1895 г. подавляющим большинством голосов. Перед тем, 1 апреля 1895 г., президент рейхстага Левецов просил рейхстаг уполномочить его принести поздравление князю Бисмарку с 80-й годовщиной его рождения. Большинством 163 против 146 голосов рейхстаг высказался

против, причем партия центра голосовала с большинством. Левецов выразил свое недовольство решением парламента, сложив свои президентские полномочия. На пост президента был выбран член центра Буоль-Беренберг, первого вице-президента — свободомыслящий Шмидт, второго вице-президента — клерикал Шпан. С тех пор президентская власть в рейхстаге не выходила из рук клерикалов (до 1898 г. Буоль, с 1898 г. Валлестрем). Главенствующей партией в германском рейхстаге в в значительной степени руководительницей германской политики отныне являлась партия центра. Не всегда и далеко не вполне удавалось ей проводить свои намерения, но всегда правительство внимательно прислушивалось ко всем ее желаниям. Самый центр около этого времени меняет свое лицо. Он гораздо менее отрицательно относится к военным и в особенности к морским требованиям правительства, чем раньше; еще год тому назад вотировавший за торговый договор с Россией, следовательно, за ослабление аграрного протекционизма, он делается гораздо более склонным к аграрному протекционизму. В 1895 г. был торжественно открыт канал имени императора Вильгельма, соединяющий Балтийское и Немецкое море, проведенный главным образом по стратегическим соображениям, но также и по соображениям торговым. В 1895—96 г. через рейхстаг был проведен новый гражданский кодекс, с 1 января 1900 г. заменивший прежние весьма разнообразные гражданские законодательства, господствовавшие в различных частях Германии. В 1896 и 1897 гг. приняты некоторые дополнительные к нему законы, например торговый кодекс. В начале 1897 г. правительство потребовало от рейхстага кредитов в 70 млн. марок на постройку нескольких новых крейсеров; на этот раз центр поддержал требование правительства, вычеркнув из него только 12 млн. мар.; требование прошло через рейхстаг. В иностранной политике Германия не обнаруживала устойчивости. В начале 1896 г. император Вильгельм послал президенту Южно-Африканской республики Крюгеру телеграмму с поздравлением по поводу победы над «нарушителем мира» (Джемсоном) и удачной «охраной независимости страны»; телеграмма вызвала сильное негодование в Англии, но в действительности она была скорее проявлением экспансивного характера императора и отсутствия самостоятельности у других руководителей германской политики, чем истинным выражением германской политики. В 1897 г. Гогенлоэ поддерживал политику России на острове Крите и в Греции, желая подавить стремление критян к свободе и сохранить неприкосновенность Турции. Дружественные отношения с Россией были укреплены поездкой в Петербург императора Вильгельма в августе 1897 г., с Австро-Венгрией — его поездкой в Будапешт. Убийство двух немецких католических миссионе-

ров в китайском городе Киао-Чау дало Германии формальный повод оккупировать Киао-Чау десантом с германского флота и потом взять его в аренду у Китая на 99-летний срок (договор с Китаем 6 марта 1898 г.). Этим договором Германия стала твердой ногой в Китае и значительно расширила свои колониальные владения. В тронной речи, произнесенной при открытии новой сессии рейхстага 30 ноября 1897 г., император выразил мысль, что Германия «должна быть в состоянии и на море занять место, достойное ее». Отсюда вытекало требование увеличить военный флот до 17-ти броненосцев, 8 броненосцев береговой обороны, 9-ти больших и 26-ти малых крейсеров, для чего нужно было построить 7 новых броненосцев, 2 больших и 7 малых крейсеров и довести морской бюджет за семилетие с 1898 г. по 1904 г. до 1 047 000 000 марок (в 7 лет). Аграрные элементы были сравнительно мало воодушевлены этим проектом, хотя в общем его поддерживали; центр тоже его поддерживал; горячими сторонниками его явились партии национал-либералов и имперская, представлявшие по преимуществу интересы крупной промышленной буржуазии. Свободомыслящая, народная и социал-демократическая партии вели против него ожесточенную борьбу, которая, однако, не привела к цели: проект, с небольшими сокращениями, был в 1898 г. принят. 6 мая 1898 г. был распущен рейхстаг. Новые выборы, происходившие в июне 1898 г., внесли мало изменений в состав парламента. Обе консервативные партии потеряли несколько мандатов и располагали в рейхстаге отныне вместо 100 голосов, всего 79; национал-либералы вместо 54 — 50 голосов; две свободомыслящие партии получили 3 новых полномочия и располагали 40 голосов, но все эти мандаты, за исключением одного, были завоеваны при перебаллотировках; центр сохранил в рейхстаге свое прежнее место и располагал 101 голосом (вместо 96-ти). Антисемиты по-прежнему провели 13 своих депутатов, но число поданных за них голосов сильно уменьшилось, и партия, так сильно возросшая в 1893 г., получила удар, вслед за которым она быстро склонилась к совершенному упадку. Крайние аграрные партии (союз сельских хозяев и баварский крестьянский союз) располагали отныне 11 мандатами, таким образом, выросли вдвое; в стране они собрали уже 250 000 голосов. Все эти голоса, впрочем, были отвоеваны от партий консервативной и отчасти клерикальной и потому не говорят о каком-нибудь принципиальном изменении в настроении избирателей. Самым важным явлением был рост социал-демократии, которая собрала 2 107 000 гол. (27 %) и провела 57 своих депутатов в парламент. 6 сентября 1898 г. император произнес на банкете в курорте Эйнгаузен (в Вестфалии) тост, обративший на себя особенное внимание; в нем он возвещал законопроект, защищающий тех, кто желает работать, от насиль-

ственных посягательств со стороны стачечников или даже от убеждений и уговоров примкнуть к стачке, посредством наказания каторжной тюрьмой (Zuchthaus). Тост этот знаменовал полный и окончательный разрыв с социальными стремлениями недавнего прошлого; перед слушателями был уже не император работающих классов, каким он себя представлял раньше, а император по преимуществу промышленников и землевладельцев. Тост дал сильный толчок развитию социал-демократии не только среди рабочих, но и среди мелкой буржуазии; значительная часть молодой, численно, впрочем, ничтожной (27 000 голосов) национал-социальной партии под влиянием этой речи перешла к социал-демократии (пастор Гере, позднее Мауренбрехер). Законопроект, соответствующий обещаниям императора, был выработан и предложен рейхстагу, но был отклонен 20 ноября 1899 г. 6 декабря 1899 г. было отменено запрещение политическим сообществам вступать в союзы и соглашения друг с другом — запрещение, которое фактически мало применялось, но которым полиция иногда пользовалась, как орудием против социал-демократии. В 1900 г. консерваторы внесли проект тщательного надзора за ввозимым из-за границы мясом, мотивированный опасностью занесения эпизоотии, но в действительности едва прикрывавший протекционистские стремления. Законопроект был принят. Тогда же правительством был внесен проект поправок к уголовному кодексу, известный по имени преступника Гейнце, давшего к нему повод, под названием lex Heinze; проект преследовал цель защиты общественной нравственности посредством обложения наказаниями или увеличения уже существующих за сводничество и пользование развратом в видах наживы. Центр, особенно заинтересованный проектом, внес к нему ряд дополнений, как то запрещение под страхом наказания распространения и публичного выставления безнравственных или даже оскорбляющих чувство стыдливости книг, рисунков или изображений. Проект, покровительствуемый императором, вызвал в рейхстаге обструкцию, но в конце концов был принят в несколько смягченном виде, без поправок, предложенных центром. В 1900 г. Гогенлоэ провел через рейхстаг новый закон о флоте, состоявший в дальнейшем его увеличении на несколько крейсеров. В 1899 г. Германия купила у Испании за 25 млн. пезет Марианские и Каролинские о-ва; тогда же, воспользовавшись затруднительным положением Великобритании, запутанной в войну в Африке, Германия поделила с Соединенными Штатами острова Самоа. В 1900 г. Германия приняла деятельное участие в усмирении боксерского восстания в Китае, которое началось с убийства в Пекине толпой народа германского посланника барона Кеттелера, раздражившего народ пренебрежением к китайским обычаям. Германия послала в Китай экспеди-

ционный корпус из 69 офицеров и 2432 нижних чинов и морскую дивизию из 2402 матросов. Во главе всего экспедиционного корпуса, составленного из корпусов европейских держав и Японии, император Вильгельм предложил державам поставить фельдмаршала Вальдерзее, что ими и было принято. Во время усмирения китайцев, сопровождавшегося вообще крайней жестокостью, немецкие солдаты особенно выделялись. Это объяснялось отчасти тем, что император Вильгельм, напутствуя их в Бремергафене, сказал им: «Пощады не давать, пленных не брать!», и поставил им в образец гуннов с их королем Этцелем. 17 октября 1900 г. Престарелый канцлер Гогенлоэ вышел в отставку.

3. Канцлерство графа, потом князя Бюлова. Место канцлера занял статс-секретарь иностранных дел граф Бернгард Бюлов, а его прежний пост получил барон Рихтгофен, его бывший помощник. Вскоре после этого (1901) большое значение и для финансов империи имел выход в отставку прусского министра финансов Микеля, которому наследовал барон Рейнбабен; статс-секретарь императорского почтового ведомства Подбельский сделался прусским министром земледелия. По существу канцлерство Бюлова было продолжением канцлерства Гогенлоэ. Несмотря на большую дипломатическую ловкость Бюлова и на его способность говорить публично, несмотря на его частое выступление в рейхстаге и ландтаге, он столь, же мало представляется самостоятельным политическим деятелем, как и его предшественник. Попрежнему за ним везде и всегда чувствуется император. Открытому 14 ноября 1900 г. рейхстагу было предложено прежде всего вотировать экстраординарные кредиты в 152 млн. мар. на покрытие издержек, произведенных правительством без предварительного согласии парламента на китайскую войну (все издержки на войну и ее оуончание до 1904 г. составили 305 млн. марок). Кредиты были вотированы всеми голосами против голосов социал-демократов, решительно протестовавших против самой войны, и в особенности против речей императора ("пощады не давать") и против бессмысленной провокации китайцев и жестокости солдат. В 1901 г. был заключен державами мир с Китаем, в силу которого из 450 млн. таэлей вознаграждения, уплачиваемого Китаем в 39-летний срок, на долю Германии пришлось 240 млн. марок Главным событием внутренней жизни Германии в первые годы управлении графа Бюлова было проведение через рейхстаг нового таможенного тарифа. Тариф был максимальный и минимальный; в последнем указывались ставки, дальше которых правительство при переговорах с иностранными державами о новых торговых трактатах не должно было идти в своих уступках; таким образом, это был конвенционный тариф, заранее намеченный. Как автономный, так и конвенционный тарифы

были порождением возродившегося крайне протекционистского духа. Пошлина на хлеб с 5 марок за центнер по автономному тарифу и 3 марки 50 пфеннигов по конвенционному поднималась до 7 марок за рожь, ячмень и овес и 7 марок 50 пфеннигов за пшеницу по новому автономному и 5 и 5,50 по новому конвенционному тарифу. Тариф явился ареной страстной борьбы в рейхстаге в течение целого года (с декабря 1901 до декабря 1902). К аграрно-консервативной стороне рейхстага присоединились национал-либералы и центр; социал-демократы и свободомыслящие оставались в очевидном меньшинстве. Социал-демократы прибегли к обструкции; их поддерживали народная партия и свободомыслящий союз, партия же Рихтера, считая обструкцию унижающей достоинство парламента, отказалась следовать за ними и косвенно содействовала торжеству консерваторов. В результате тариф был принят, но вступить в силу он мог только после истечения срока торговых договоров, т. е. не ранее 1 янв. 1904 г. Однако правительство не шло так далеко, как аграрии, и не соглашалось на восстановление автономного тарифа; оно желало возобновления трактатов на почве конвенционного тарифа 1902 г., что представляло значительные трудности, в особенности в отношении к России. В 1902 г. отменена диктатура в Эльзас-Лотарингии. В 1903 г. проведен так называемый «клозетный закон», несколько видоизменяющий систему голосовании при выборах в рейхстаг, посредством создания особых закрытых помещений, где избиратель кладет свой бюллетень в закрытый конверт вне наблюдения посторонних лиц, чем лучше охраняется тайна голосования. В 1903 г. происходили новые выборы в рейхстаг, причем избирательная борьба шла главным образом на почве таможенного тарифа. Выборы происходили при усиленном интересе народа; вместо 7 786 000 чел. (т. е. 68 % всех имеющих право голоса) в выборах приняло участии 9 533 000 (т. е. 76 %). Результаты выборов 16 июня 1903 г. сравнительно с выборами 1898 г.(см. табл. 2):

В общем перевес остался на стороне аграриев; но единственная партия, которая могла гордиться победой на выборах, была социал-демократия. Окончательно разбитыми могут считаться свободомыслящие (особенно Рихтеровского оттенка) и антисемиты. Срок действия торговых трактатов окончился 31 декабря 1903 г. Период торговых трактатов, значительно увеличил торговлю Германии; ввоз в нее с 4227 млн. мар. в 1892 г. возрос до 6002 в 1903 г.; не менее возрос и вывоз — с 3150 млн. мар. в 1892 г. до 5014 в 1903 г. Срок действии трактатов был продолжен молчаливым соглашением держав на год, потом еще на год и т. д., и ныне до 31 дек. 1905 г., а с Россией до 1 июля 1906 г. Между тем, в 1904—1905 гг.

Германия, ввиду войны России с Японией, поставившей Россию в необходимость искать дружбы Германии, удалось заключить торговый договор на невыгодной для России основе германского таможенного тарифа. В 1903–05 гг. заключены были договоры и с другими державами (Австрией, Италией, Швейцарией и др.). Из них договор с Австрией еще не был ратифицирован (июль 1905). Договоры с Россией и другими странами вступили в силу 1 июля 1906 г. В 1904 г. клерикалы добились, наконец, что отмена запрещения иезуитам пребывания в Германии не только прошла через рейхстаг, но была одобрена и бундесратом и вступила в жизнь.

Таблица 2

Партии	Число поданных голосов		То же в %		Число полномочий в рейхстаге	
	1898 г.	1903 г.	1898 г.	1903 г.	1898 г.	1903 г.
Консерваторы	859000	948000	11,1	10,0	56	52
Имперская партии	343000	333000	4,4	3,5	23	20
Национал-либералы	971000	1313000	12,5	13,8	47	50
Христианские социалисты и антисемиты	284000	244000	3,7	2,6	13	9
Союз сельского хозяйства и баварский крестьянский союз	250000	229000	3,2	2,4	11	6
Итого правая	2707000	3066000	34,9	32,0	150	137
Центр	1455000	1875000	18,8	19,7	102	100
Поляки	244000	374000	3,1	3,7	14	16
Второстепенные партии (сепаратисты, национал-социалисты, вельфы и др., дикие)	374000	315000	4,9	3,3	25	27
Центр, сепаратисты и мелкие партии вместе	2073000	2464000	26,8	26,7	141	143
Свободомыслящий союз	195000	243000	2,5	2,6	13	9
Свободная народная партия	558000	542000	7,2	5,7	29	21
Народная партия	108000	91000	1,4	1,1	8	6
Левая	861000	876000	11,1	9,4	50	36
Социал-демократия	2107000	3010000	27,2	31,7	56	81

Приложение III

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Германские племена

До Р. Хр.	По окончании ледникового периода южная часть Скандинавского полуострова, Ютландия, с прилегающими островами и большая часть нынешней Германии заселены надвигавшимися с запада дикарями. Одновременно родственные им племена, смешавшиеся на востоке с короткоголовыми этническими группами, заняли Россию, Румынию, Венгрию, Австрию и северную Италию, откуда продвинулись в нынешнюю Францию, Великобританию и на Пиренейский полуостров (обители свайных построек, галлы, кельты, пеласги, иберы, этруски, эллины и т.п.).
4 век	Массилиец (марселец) Пифей, посетивший побережье Северного моря и, быть может, проникший также и к Балтийскому морю, упоминает о своих контактах с тамошними дикарями.
3 век	Готы, прибывшие морем к устьям Вислы, вытеснили оттуда славян и оказывают давление на соседние германские племена.
114 – 102	Войны римлян с кимврами и тевтонами, вторгавшимися под натиском соседних племен в нынешнюю Францию и Северную Италию.
72 – 58	Вторжение свевов в Галлию и вытеснение их оттуда Цезарем.
12	Римляне переправляются через Рейн и вступают в германские пределы.
После Р. Хр. 5	Большая часть Германии подчинена римской власти.
9	Изменническое нападение вспомогательных германских войск на римлян и гибель трех легионов Квинтилия Вара.
14	Друз одерживает несколько побед над отделившимися германскими племенами.
69	Батавы, восставшие под предводительством Цивилиса, усмирены, но Рим признает уместным освободить их из своего подданства и дать им права союзников.
70 – 81	Мир между римлянами и германцами, среди которых особенно усиливается племя каттов.
85	Неудачная война Домициана с каттами.
85 – 96	Междоусобные войны: каттов одолевают бруктеры, которых в свою очередь, жестоко разгромили ангриварии и хамавы. Пограничные войны с римлянами.
96 – 161	Мир с римлянами. Образование новых племенных союзов.
165 – 180	Римляне с воцарением Коммода, покупают мир у германцев, которым обязуются выплачивать ежегодную субсидию.
213	Каракалла объявляет войну новообразованому союзу аллеманов.
214	Аллеманы и катты за деньги соглашаются изъявить номинальную покорность Риму.
238	Формируется союз франков.

18 – 270	Готы продвигаются к низовьям Дуная и к берегам Черного моря. Столкновение их с римлянами.
270 – 375	Отношение готов к римлянам преимущественно мирное.
300	Образование союза саксов. Все упомянутые союзы германских племен беспрерывно пытаются проникнуть в Галлию, а иногда и в Италию, но и сами с трудом выдерживают напор бургундов, герулов, лонгобардов, ругиев и скирров, которых, в свою очередь, теснят готы, прокладывающие себе путь к Альпам и Рейну.
370	Германские племена занимали следующие территории: готы, делившиеся на остготов и вестготов, обитали: первые – в нынешней Южной России, а вторые – в Дакии, т.е. в Восточной Венгрии и Румынии; аланы–между Уралом и Доном; вандалы – в Паннонии (Юго-Западной Венгрии); свевы – в Моравии, Богемии и Баварии; бургунды – по Неккару и Майну; аллеманы – по восточному берегу Верхнего Рейна; франки рипуарские – по берегам Нижнего Рейна (близ Кельна); франки салические – при устьях Рейна; саксы – от низовьев Эльбы почти до Рейна; тюринги – в Средней Германии; лонгобарды – в низовьях Эльбы; фризы – на побережье Немецкого моря.

Великое переселение народов

300	Племя гуннов завладело частью аланской территории, лежавшей между Уралом и Волгой.
374	Гунны под предводительством Баламира, переправились через Волгу и Дон, разбили и подчинили аланов и остготов. Вестготы ушли в Карпаты и Фракию, а гунны разлились по всей Средней России, восточной части Германии и Венгрии, усилив себя некоторыми покоренными славянскими, финскими и германскими племенами. Гуннские полчища служат союзником западным римским императорам. Верховному вождю гуннов Ругилу за это уступлена Паннония. Восточно-Римская империя откупается от его набегов деньгами.
409	Под натиском гуннов и покоренных им народов, свевы, вандалы, бургунды, аланы и готы устремились на Италию, но, встретив там энергичный отпор, повернули на Запад и переправились через Рейн. Бургунды остались в Галлии (Бургундии), прочие племена прошли через Южную Галлию и Пиренейский полуостров (где частью осели) в Северную Африку.
433	После смерти Ругилы власть над гуннами переходит к его племянникам Аттиле и Бледе. Они заставляют Византию удвоить размер выплачиваемой ею дани. Аттила, устранив Бледу, предпринимает неудачный поход в Персию, а затем захватывает и оставленную значительной частью прежнего населения Германию, раздвигает границы своего царства до Северного моря, Рейна и Дуная.
439	Король вандалов Гензерих основывает в Африке вандальское царство.
449	Англы, саксы и готы, с берегов Северного моря и датских островов, переселяются в Британию.
449	Аттила опустошил соседние области Византийской империи. Грозное вооружение императора Маркиана и решительный его отказ от выплаты дани побудил Аттилу обрушиться на Западную Римскую империю, куда его приглашала, предлагая руку и половину империи в качестве приданого, заточенная в монастырь сестра императора Валентиниана III, Гонория. Аттила с полчищем из 700 000 конных и пеших воинов вторгся в Галлию и проник до Орлеана, но вынужден был снять осаду города, ввиду приближения

	многочисленного римского войска под предводительством Аэция, подкрепленного дружинами вестготов, аланов, франков, саксов, бургундов и галлов.
451	Аттила, потерпев поражение близ Шалона, удалился за Рейн.
452	Аттила вторгся в Италию, опустошил ее северные области (разрушил Аквилею, жители которой основали Венецию), осадил Рим и, только получив громадный выкуп, возвратился в свои пределы.
453	Смерть Аттилы, раздоры между его сыновьями, восстание гепидов, жестокое поражение гуннов при Нетаде и окончательное крушение гуннского царства. Герулы, ругии и сцирры, освободившись от владычества гуннов, устремляются на Италию.
476	Вождь герулов Одоакр завладел Италией, но уже в 493 году герулов вытеснили остготы. Территорию, покинутую ругиями (нынешнее эргерцогство Австрия), заняли лонгобарды.
487	Под натиском азиатских орд, болгары продвигаются в низовья Дуная.
560	Следуя за болгарами, авары овладели Дакией, но вскоре исчезли в борьбе с соседними этническими группами.
568	Лонгобарды захватили Северную Италию (Ломбардию). Славянские племена, направляясь с берегов Вислы, Днестра и Днепра в земли, покинутые готами и северо-восточными германскими племенами, заняли нынешнюю Чехию, Силезию, Польшу, Померанию, Лодомирию, Иллирию, Саксонию, Мекленбург, Бранденбург и др.

Германия

772 – 780	Первая война Карла Великого с саксами.
780	Крещение саксов и подчинение их Франции.
782	Всеобщее восстание саксов под предводительством Витукинда завершилось неудачей.
783-785	Новое неудачное восстание саксов под предводительством Витукинда.
788	Присоединение Баварии к Франции.
791 – 796	Война с аварами, поддерживавшими баварцев.
793 – 804	Новое восстание северных округов Саксонии, поддержанное датчанами.
796	Взятие франками укрепленного лагеря аваров между Тейссой и Дунаем.
808	Поражение датчан в сражении с франками. Датчане отброшены за р. Эйдер.
810	Новая война с датчанами. Датчане разбиты. Граница Франции установилась по р. Эйдер.
829	Образование германского королевства.
843	Раздел монархии Карла Великого.
843 – 911	Каролинги в Германии.
843 – 876	Правление Людовика Немецкого.
845	Нашествие норманнов.
876 – 887	Правление Карла Толстого.
887 – 899	Правление Арнульфа.
891	Поражение норманнов в сражении у Диля.
893	Война со Святополком II Моравским.
899 – 911	Правление Людовика Дитяти.
908	Нашествие венгров.
910	Поражение Людовика в сражении у Леха. Людовик обязался платить дань венграм.
911 – 918	Правление Конрада I (франконской линии). Война с норманнами, славянами и венграми.

919 – 1024	Короли из саксонского дома.
919 – 936	Правление Генриха I Птицелова.
924	Новое нашествие венгров.
925	Присоединение Лотарингии.
933	Поражение венгров в сражении при Мерзебурге.
936 – 973	Правление Оттона I Великого.
937	Нашествие венгров.
946	Война с Болеславом, богемским герцогом.
950	Богемия признала свою зависимость от Германии. Вмешательство Оттона во французские дела.
951	Война Оттона Великого с Беренгаром II в Италии.
953	Междоусобицы в Германии.
954	Новое нашествие венгров. Усмирение междоусобиц в Германии.
955	Поражение венгров в сражении при Лехфельде.
961	Вторая война с Беренгаром II в Италии.
962	Провозглашение Оттона императором Западной Римской империи.
963	Взятие Рима Оттоном.
964	Восстание римлян жестоко подавлено Оттоном.
966 – 967	Поход Оттона II, короля германского, в Италию.
973	Коронация Оттона II в Риме.
976	Неудачный заговор Генриха, герцога Баварского, против Оттона.
978	Осада Парижа императором Оттоном II.
980 – 983	Война с Италией.
981	Победа Оттона в сражении при Колонне.
982	Поражение Оттона в сражении при Калабрии.
983	Нашествие датчан и вендов.
983 – 1002	Правление Оттона III.
1004	Война с Гардуином в Италии. Коронация Генриха в Павии итальянской короной.
1005	Первая война с Польшей.
1007	Вторая война с Польшей.
1014	Коронация Генриха в Риме.
1015 – 1017	Третья польская война.
1016 – 1018	Война с Францией за Бургундию.
1024 – 1125	Императоры из Франконского дома.
1024 – 1039	Правление Конрада II.
1025 – 1030	Борьба с бабенберским герцогом Эрнстом Швабским.
1026	Коронация Конрада II итальянской короной.
1027	Коронация Конрада II в Риме.
1031	Поражение поляков в борьбе с Конрадом II, выдача обратно пленных,уступка Нижнего Лаузица. Страшное опустошение Германии до р. Заалы (уведено 10000 пленных).
1039 – 1056	Правление Генриха III Черного. Императорская власть достигла высшей ступени своего развития.
1042 – 1044	Война с Венгрией. Венгерский король Петр признал себя вассалом императора.
1056 – 1106	Правление Генриха IV.
1073	Восстание саксов.

1075	Разгром саксов Генрихом IV в сражении при Унструте.
1076 – 1077	Борьба с папой Григорием VII.
1077	Покаянное паломничество Генриха IV в Каноссу.
1080	Поражение и смерть Рудольфа Швабского при Эльстере от Генриха IV. Взятие Рима Генрихом IV и его коронация в Риме.
1085 – 1088	Борьба Генриха IV с саксонцами, провозгласившими германским королем Германа Сальма, сына герцога Люксембургского.
1095	Клермонский собор. Поход черни.
1096	Первый крестовый поход.
1106 – 1125	Правление Генриха V.
1111	Коронация Генриха V в Риме.
1122	Вормский конкордат.
1125 – 1137	Правление Лотаря Саксонского.
1132	Коронация Лотаря Саксонского в Риме.
1136	Война с Рожером II, королем обеих Сицилий. Завоевание Неаполя.
1138 – 1154	Германские императоры из дома Гогенштауфенов.
1138 – 1152	Правление Конрада III.
1140	Победа Конрада III при Вейнсберге.
1147	Второй крестовый поход.
1152 – 1190	Правление Фридриха I Барбароссы.
1152	Дания поставлена в зависимость от Германии.
1154	Поход в Италию.
1155	Коронация Фридриха Барбароссы в Риме.
1157	Сейм в Нюрнберге. Богемия объявлена королевством.
1158 – 1162	Второй поход в Италию.
1160 – 1162	Осада Милана.
1162	Взятие и разрушение Милана.
1163	Фридрих Барбаросса участвует в избрании папы.
1166- – 1168	Третий поход в Италию.
1167 – 1168	Союз ломбардских городов против Фридриха Барбароссы.
1167	Основание Александрии.
1174 – 1177	Новое восстание в Ломбардии.
1174 – 1177	Неудачная осада Александрии.
1176	Поражение Фридриха Барбароссы в сражении при Леньяно.
1177	Перемирие между Фридрихом Барбароссой и папой Александром.
1180	Падение дома Гвельфов.
1183	Договор с ломбардскими городами.
1186	Бракосочетание Генриха VI с дочерью Роджера II, короля Сицилийского, Констанцией.
1189	Четвертый крестовый поход.
1190 – 1197	Правление Генриха VI.
1191	Коронация Генриха VI.
1192 – 1194	Война с Генрихом Львом Баварским.
1194	Покорение Королевства обеих Сицилий.
1197	Смерть Генриха VI, занятого приготовлениями к завоеванию Византии, в Мессине.
1198 – 1216	Борьба за германский престол.
1212 – 1250	Правление Фридриха II.

1214	Поражение соперника Фридриха II, Оттона IV, в сражении при Бувине от французов.
1217	Пятый крестовый поход.
1222	Отречение Фридриха от короны в пользу малолетнего сына Генриха. Хартия Андрея II, короля Венгерского, основание венгерской конституции.
1234	Война молодого короля Генриха в союзе с имперскими вассалами и ломбардскими городами против отца Фридриха II.
1235	Захват Фридрихом II Генриха в плен.
1236	Война с Ломбардией. Учреждение университета в Вене.
1237	Отречение Фридриха II от короны в пользу сына Конрада.
1241	Победа монголов (Батыя) над германскими рыцарями в битве при Вальштате. Батый через Венгрию удалился к устьям Волги.
1246 – 1247	Попытка тюрингенского ландграфа Генриха захватить престол.
1247 – 1254	Борьба за германский престол.
1256 – 1273	«Кулачное право» в Германии (междуцарствие).
1273 – 1347	Короли и императоры из разных фамилий. Трехмесячная неудачная осада Неаполя.
1273 – 1291	Правление Рудольфа I Габсбургского.
1278	Победа Рудольфа над богемским королем Оттокаром в сражении у Вены.
1292 – 1313	Правление Генриха VII.
1309	Грамота Генриха VII о самоуправлении Швейцарии.
1312	Коронация Генриха VII в Риме.
1314 – 1330	Борьба Фридриха Австрийского за престол с сыновьями Альбрехта.
1314 – 1347	Борьба Людовика Баварского за престол с сыновьями Альбрехта.
1315	Поражение Леопольда Австрийского в сражении при Моргартене от швейцарцев.
1316	Людовик подтвердил грамоту о самоуправлении Швейцарии.
1330	Коронация Людовика в Риме.
1338	Постановление сейма об избрании римским императором заменило коронацию в Риме.
1347 – 1437	Императоры Люксембургско-Богемского дома.
1347 – 1378	Правление Карла IV.
1348	Учреждение университета в Праге.
1349	Эпидемия чумы в Германии.
1353	Присоединение Берна к Швейцарскому союзу.
1355	Коронация Карла IV в Риме.
1356	«Золотая булла», закрепившая феодальную раздробленность Германии.
1361 – 1362	Война Ганзейского союза с Данией. Поражение ганзейского флота в сражении при Гельзингборге.
1363	Присоединение Тироля к Австрии.
1367 – 1370	Вторая война Ганзейского союза с Данией. Взятие Копенгагена и Гельзингера.
1368	Война Карла IV с Висконти.
1377	Победа Швабского городского союза над Ульрихом, сыном вюртембергского графа Эбергарда.
1378 – 1400	Правление Венцеля, сына Карла IV.
1381	Слияние Рейнского и Швабского городских союзов.
1386	Поражение Леопольда Австрийского в битве со швейцарцами при Земпахе. Основание университета в Гейдельберге.

1388	Поражение Леопольда Австрийского в сражении со швейцарцами при Нефельсе. Поражение войск Швабского городского союза в сражении с Эбергардом при Деффингене. Поражение войск Рейнского городского союза в сражении с пфальцграфом Рупрехтом у Вормса. Основание университета в Кёльне.
1389	Основание университета в Эрфурте.
1395	Крестовый поход венгров против турок.
1396	Поражение крестоносцев в сражении при Никополе.
1400	Венцель свергнут с императорского престола и остается только Богемским королем.
1400 – 1410	Правление Рупрехта.
1401	Поражение немецких войск в сражении с Висконти у Брешии.
1410	Основание университетов в Лейпциге и Ингольштадте.
1410 – 1437	Правление Сигизмунда, брата Венцеля – короля Богемского, бывшего германского императора.
1414 – 1418	Констанцский собор.
1415	Казнь Гуса в Костанце.
1416	Казнь Иеронима Пражского.
1419	Смерть Венцеля, короля Богемского.
1419 – 1436	Гуситские войны.
1422	Поражение Сигизмунда от гуситов в сражении у Дейч-Брода.
1431 – 1449	Базельский конгресс. Соглашение с гуситами.
1438 – 1439	Правление Альбрехта II из Габсбургского дома.
1440 – 1493	Правление Фридриха III (IV – если считать Фридриха Австрийского).
1440 – 1446	Междоусобная война в Швейцарии, поддерживаемая императором.
1450	Изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом.
1476	Поражение Карла Смелого от швейцарцев в сражении при Грансоне.
1477	Поражение Карла Смелого в сражении при Нанси от швейцарцев и его смерть.
1482	Договор Людовика XI с Максимилианом, сыном Фридриха, о наследстве Карла Смелого (Людовик получил Бургундию).

Германия (Новая история)

1493 – 1519	Правление Максимилиана I.
1508	Союз против Венеции, заключенный с Испанией, Францией и папой.
1509	Неудачная осада Падуи.
1512	Разделение империи на 10 округов.
1513	Присоединение Максимилиана к Священной лиге с целью изгнания французов из Италии.
1517	Борьба Лютера против индульгенций. Начало Реформации.
1517 – 1556	Правление Императора Карла V.
1520	Сожжение в Виттенберге папской буллы.
1521	Сейм в Вормсе. Объявление Лютера еретиком.
1521 – 1526	Война Карла V с Франциском I. Карл V заявил притязания на Милан и Бургундию, Франциск I – на испанские Нидерланды и Неаполь.
1522	Кончина Рейхлина.
1523	Восстание рыцарей против владетельных князей. Кончина Ульриха фон Гуттена.
1524 – 1525	Восстание крестьян в Франконии и Швабии, жестоко подавленное.

1525	Возникновение герцогства Пруссии, состоявшего в ленной зависимости от Польши (образовалось из духовно-рыцарского ордена).
1526 – 1532	Война с Турцией.
1527 – 1529	Вторая война Карла V с Франциском I.
1529	Сейм в Шпейере. Осада Вены турками.
1530	Детерминация протестантскими князьями на сейме в Аугсбурге своего вероисповедания.
1531	Шмалькальденский (протестантский) союз.
1532	Вторжение султана Сулеймана в Венгрию.
1535	Смуты анабаптистов в Мюнстере.
1536 – 1538	Война Карла V с Франциском I и Сулейманом. Правление Фердинанда Штирийского.
1545 – 1563	Тридентский собор, провозгласивший безусловное главенство папы Римского.
1546	Кончина Лютера.
1546 – 1547	Шмалькальденская война.
1547	Поражение войск Шмалькальденского союза в сражении с Карлом V при Мюльберге.
1548	Аугсбургский интерим, отвергнутый большинством протестантских князей.
1552 – 1555	Новая война с протестантами при поддержке французского правительства.
1553	Победа Морица Саксонского над Альбрехтом Бранденбургским в сражении при Сиверсгаузене.
1555	Аугсбургский религиозный мир, установивший, что страна должна исповедовать ту религию, которую исповедует ее государь.
1556	Потеря Меца, Туля и Вердена, отошедших к Франции.
–	Отречение Карла V от престола.
1556 – 1564	Правление Фердинанда I.
1564 – 1576	Правление Максимилиана I.
1566	Последний поход султана Сулеймана против Максимилиана I.
1576 – 1612	Правление Рудольфа II. Возрождение католицизма и укрепление иезуитов. Возобновление борьбы между протестантами и католиками.
1608	Уния протестантских князей во главе с Фридрихом V Пфальцским.
1609	Лига католических князей; ее возглавляли Максимилиан Баварский и Фердинанд Штирийский.
1609	Захват Венгрии, Моравии и Австрии Матвеем, братом императора.
1609	Рудольф дал чешским протестантам «Грамоту Величества» о свободе совершения богослужения, однако, вскоре Матвей захватил и Чехию.
1609	Начало борьбы за юлих-клевское наследство.
1612 – 1619	Матвей нарушил привилегии чешских протестантов.
1618	Герцогство Бранденбургское стало курфюршеством.
1618 – 1648	Тридцатилетняя война.
1618	Восстание в Праге.
1619 – 1637	Правление Фердинанда II.
1619	Выход Чехии из-под власти Фердинанда II и избрание чешским королем Фридриха V Пфальцского.
1619	Фердинанд II стал во главе католической лиги.

1620	Поражение чехов в сражении с имперскими войсками в битве у Белой Горы.
1620	Бегство Фридриха V Пфальцского из Чехии и занятие её имперскими войсками.
1620	Отмена «Грамоты Величества», запрещение протестантства. Казни протестантов.
1622	Поражение имперских войск под командованием Тилли Мансфельдом у Вислока.
1622	Поражение маркграфа Бадендурлахского от имперских войск под командованием Тилли в сражении у Вимпфена.
1622	Поражение Христиана Брауншвейгского от имперских войск под командованием Тилли в сражении у Хехста.
1623	Покорение Пфальца имперским войском под командованием Тилли и сдача его Максимилиану Баварскому.
1624 – 1629	Вооруженное вмешательство Дании в Тридцатилетнюю войну.
1626	Поражение Мансфельда в сражении при Дессауэрбрюкке от имперских войск под командованием Валленштейна.
1626	Кончина Христиана Брауншвейгского.
1626	Поражение датчан в сражении при Беренберге с имперскими войсками под командованием Валленштейна.
1626	Кончина Мансфельда.
1627	Завоевание Голштинии имперскими войсками под командованием Тилли и Валленштейна.
1627 – 1628	Завоевание Шлезвига и Ютландии имперскими войсками под командованием Валленштейна.
1627 –1628	Осада Штральзунда имперскими войсками под командованием Валленштейна.
1629	Мир с Данией в Любеке; уступка ей всех завоеванных областей. Реституционный эдикт, по которому католикам возвращены все духовные и монастырские ценности, ранее перешедшие к протестантам.
1630	Отставка Валленштейна по жалобам курфюрстов.
1630 –1648	Вооруженное вмешательство Швеции в Тридцатилетнюю войну.
1630	Высадка Густава-Адольфа в Германии и вытеснение им имперских войск из Померании и Мекленбурга.
1631	Разорение Магдебурга имперскими войсками под командованием Тилли.
1631	Поражение имперских войск под командованием Тилли в сражении при Брейтенфельде от войск Густава-Адольфа.
1631	Поражение имперских войск под командованием Тилли в сражении у Леха от Густава-Адольфа. Тилли смертельно ранен в этом сражении.
1632	Покорение Баварии шведами. 11-недельная осада Густава-Адольфа Валленштейном в Нюрнберге.
1632	Поражение Валленштейна в сражении со шведами под Лейпцигом и смерть Густава-Адольфа.
1633	Вторжение Бернгарда Саксен-Веймарского в Франконию. Взятие Регенсбурга Бернгардом Саксен-Веймарским.
1634	Убийство Валленштейна.
1634	Поражение шведов в сражении при Нердлингене.
1635	Мир в Праге между Саксонией и императором, по которому за Саксонией остался Лаузиц; захваченные церковные и монастырские земли должны оставаться в руках новых владельцев 40 лет. Бранденбург и большинство протестантских владетельных князей заключили с императором мир на тех же условиях, как и Саксония.

1635 – 1648	Вмешательство Франции в 30-летнюю войну. Поражение имперских войск от шведских под командованием Баннера в сражении при Виттштоке.
1637 – 1657	Правление Фердинанда II.
1639	Кончина Бернгарда Саксен-Веймарского.
1640 – 1688	Правление Фридриха-Вильгельма, курфюрста Бранденбургского.
1642	Поражение имперских войск от шведов в сражении при Брейтенфельде.
1643 – 1727	Жизнь и деятельность Исаака Ньютона.
1643 – 1645	Участие Дании, объявившей войну Швеции, в Тридцатилетней войне.
1643	Поражение французов в сражении при Тутлингене.
1643	Открытие мирных переговоров между императором и Швецией в Оснабрюке.
1644	Открытие мирных переговоров между императором и Францией в Мюнстере.
1645	Сдача имперских войск шведам в сражении под Магдебургом.
1645	Разгром имперских войск шведами в сражении под Янкау.
1645	Поражение французских войск под командованием Тюренна в сражении при Мергентгейме.
1645	Поражение баварцев от французских войск под командованием Тюренна в сражении при Аллерсгейме.
1646 – 1716	Жизнь и деятельность Готфрида Вильгельма Лейбница.
1646	Вторжение шведско-французских войск в Баварию.
1647	Ульмское перемирие между Баварией, Францией и Швецией. Бавария нарушила союз с императором.
1648	Новое вторжение шведско-французских войск в Баварию, нарушившее Ульмское перемирие. Опустошение Баварии.
1648	Вестфальский мир между императором, Германией, Францией и Швецией. Уступка Швеции Западной Померании, острова Рюгена, гор. Висмара, Бременского округа (но не Бремена), Фердена и уплата 5 млн. талеров контрибуции. Уступка Франции Эльзаса и признание её прав на Филиппсбург. Уступка Баварии Верхнего Пфальца; остальная часть Пфальца перешла к сыну Фридриха V. Признание независимости Нидерландов и Швейцарии.
1648	Всеобщая амнистия и восстановление порядка, господствовавшего до 1618 года. Общегерманские дела решаются имперским сеймом. Признание полной независимости всех германских князей. Как следствие этого — распад Германии на множество (около 300) мелких княжеств и ослабление власти императора. Предоставление лютеранам и реформаторам свободы вероисповедания. Исполнение договора гарантировано Францией и Швецией. Экономический и культурный упадок Германии, как следствие Тридцатилетней войны.
1656	Договор в Кенигсберге между Бранденбургом и Швецией и признание Бранденбургом её главенства.
1658 – 1705	Правление Леопольда I, упадок Германии при нем.
1660	Освобождение Бранденбурга Швецией от ленной зависимости и признание его Польшей и Швецией независимым государством.
1661 – 1664	Война с Турцией.
1664	Победа над турками в сражении при Раабе.
1672 – 1673	Участие Бранденбурга в войне Голландии с Англией, Францией и Швецией.
1674	Участие Германии в новой коалиции (Испания, Голландия, Дания) против Франции.
1675	Поражение шведов в сражении при Фербеллине от бранденбургских войск.

1677	Восстание Текели в Венгрии.
1678	Нимвегенский мир и уступка Франции Фрейбурга.
1679	Мир со Швецией и уступка ей почти всех завоеваний.
1681	Захват Страсбурга французами.
1682 – 1699	Война с Турцией.
1683	Осада Вены турками; снятие осады поляками под командованием Яна Собеского.
1685 – 1750	Жизнь и творчество Иоганна Себастьяна Баха.
1685 – 1750	Жизнь и творчество Георга Фридриха Генделя.
1686	Участие Германии в Аугсбургской лиге (Испания, Голландия, Швеция и Савойя) против Франции.
1687	«Математическое начало естественной философии» Ньютона. Признание сеймом Венгрии наследственного права.
1688 – 1713	Правление Фридриха I Прусского.
1689 – 1697	Война Аугсбургской лиги с Францией.
1697	Избрание Августа Саксонского на польский престол. Рисвикский мир с Францией. Поражение турок в сражении при Занте.
1700 – 1721	Северная война (1721г. – Ништадтский мир).
1701	Курфюрст Бранденбургский принял титул короля Прусского. Провозглашение Пруссии королевством.
1701 – 1714	Война за испанское наследство.
1701 – 1706	Борьба за Италию с Францией.
1701	Победа Евгения Савойского над французами в сражении при Карпи и Киари.
1702	Сражение между имперскими и французскими войсками при Люцарро.
1702	Поражение имперских войск при Фридлингене французскими под командованием Виллара.
1703	Волнения в Венгрии.
1703	Первое сражение при Хохштедте.
1704	Поражение французско-баварских войск от имперских в сражении при Хохштедте.
1705 – 1711	Правление Иосифа I.
1705	Поражение имперских войск в сражении с французами при Кассано.
1706	Поражение французов в сражении с имперскими войсками под руководством Евгения Савойского при Турине. Поражение русско-саксонских войск в сражении со шведами и имперско-баварскими войсками у Фрауштадта. Альтранштадтский мир между Швецией и Саксонией. Отказ Августа от польской короны, признание Станислава Лещинского польским королем, выдача Паткуля и уплата контрибуции.
1707 – 1783	Жизнь и деятельность Леонарда Эйлера.
1707 – 1778	Жизнь и деятельность Карла Линнея.
1708	Поражение французов от англо-имперских войск в сражении при Уденарде. Взятие Лилля имперскими под командованием Евгения Савойского.
1709	Поражение французов в сражении с англо-имперскими войсками при Мальплаке. Вторичное восхождение Августа Саксонского на польский престол.
1710	Признание нейтралитета шведских владений в Германии.
1713	Утрехтский мир. Признание Пруссии королевством.

1714 – 1718	Война с Турцией.
1714	Мир в Бадене между Францией и императором. Присоединение испанских Нидерландов и Милана, Неаполя и Сицилии. Восшествие ганноверской династии на английский престол. Союз России с Пруссией, Саксонией, Ганновером и Данией против Швеции.
1715	Присоединение Фердена и Бремена к Ганноверу. Завоевание Померании.
1716	Победа имперских войск над турками в сражении при Петервардейне. Кончина Лейбница.
1717	Поражение турок в сражении под Белградом от войск Евгения Савойского. Осада и взятие Белграда Евгением Савойским. Потеря Сардинии.
1718	Мир с Турцией в Пассаровице. Присоединение Белграда, темешварского округа, Сербии и Малой Валахии Потеря Сицилии.
1719	Мир Ганновера с Швецией. Признание за Ганновером прав на Ферден и Бремен.
1720	Мир в Стокгольме между Швецией и Пруссией, получившей по нему часть Померании, острова Веллин и Узедом.
1720	Испания отказалась от прав на Нидерланды.
1722	Сейм в Прессбурге.
1724 – 1804	Жизнь и деятельность Иммануила Канта.
1725	Союзы между Австрией и Испанией и между Пруссией, Англией и Францией.
1729 – 1781	Жизнь и деятельность Готхольда Эфраима Лессинга.
1732 – 1809	Жизнь и творчество Иозефа Гайдна.
1733 – 1735	Вмешательство в польские дела. Вооруженная поддержка с Россией Станислава Лещинского.
1735	Русские войска впервые появились на Рейне.
1736 – 1739	Неудачная война с Турцией.
1738	Мир в Вене с Францией. Станислав Лещинский отказался от прав на польский престол и получил в пожизненное владение герцогство Лотарингское, которое после его смерти должно перейти к Франции, герцог лотарингский получил герцогство Тоскану. Австрия обменяла Неаполь, Сицилию и Эльбу на Парму и Пьяченцу. Франция признала прагматическую санкцию, утверждавшую престолонаследие за женской линией в случае прекращения мужской.
1739	Мир с Турцией в Белграде. Потеря Белграда, Сербии и Малой Валахии.
1740 – 1786	Фридрих II Великий, король прусский. Война за австрийское наследство.
1740 – 1745	Правление Марии Терезии.
1740 – 1742	Первая Силезская война.
1740	Взятие Глогау прусскими войсками.
1741	Поражение австрийских войск от прусских в битве при Мольвице. Нимфенбургский союз против Австрии, заключенный между Францией, Баварией и Испанией. Позднее к союзу примкнула Саксония и, наконец, Пруссия. Занятие Праги французско-баварскими войсками.
1742 – 1747	Нимфенбургский союз провозгласил германским императором, Карлом VII – Карла-Альберта Баварского.

1742	Отступление французско-баварских войск от Праги. Поражение австрийских войск в сражении с прусскими (под командованием короля Фридриха) при Гаслау. Мир в Бреславле между Австрией и Пруссией. Австрия уступила Пруссии Силезию, Пруссия приняла на себя за Силезию долг 1 700 000 талеров.
1743	Мир Австрии с Сардинией.
1744 – 1803	Жизнь и деятельность Иоганна Готфрида Гердера.
1744 – 1745	Вторая Силезская война.
1744	Взятие Праги Фридрихом Великим. Присоединение Восточной Фрисландии к Пруссии.
1745 – 1769	Правление Франца I.
1745	Союз между Австрией, Саксонией, Англией и Голландией против Пруссии. Взятие Мюнхена французами и баварцами. Кончина Карла VII. Сепаратный мир Австрии с Баварией. Возвращение Австрией всех завоеваний, признание Баварией Франца-Стефана Лотарингского - германским императором. Поражение англо-австрийских войск в сражении при Фонтенуа в войне с французами и начало завоевания ими австрийских Нидерландов. Поражение австрийско-саксонских войск в сражении при Хохенфридберге от Фридриха Великого. Поражение австрийцев от прусских войск в сражении при Сооре. Поражение саксонцев в сражении при Кессельдорфе прусскими войсками. Дрезденский мир Австрии и Саксонии с Пруссией. Пруссия получила от Австрии Силезию, от Саксонии же 1 000 000 талеров контрибуции, но признала Франца I императором.
1746	Поражение англо-австрийских войск от французов в сражении при Року и покорение ими австрийских Нидерландов. Союз Австрии с Россией.
1748	Ахенский мир, подтвердивший уступку Силезии Пруссии и признание прагматической санкции. Уступка Испании Пьяченцы, Пармы и Гвасталлы.
1749 – 1832	Жизнь и деятельность Иоганна Вольфганга Гёте.
1750	Союз с Англией.
1753	Граф Брюль, заняв пост первого министра Саксонии, подготовил союз Австрии с Саксонией и Францией.
1756 – 1791	Жизнь и деятельность Вольфганга Амадея Моцарта
1756	Вестминстерский договор между Англией и Пруссией, вызванный опасением за Ганновер. Взятие Дрездена Фридрихом Великим. Поражение австрийцев от войск Фридриха Великого в сражении при Лобозице. Сдача саксонцев в сражении под Пирною Фридриху Великому.
1757	Германская империя объявила войну Пруссии, на сторону которой стали Ганновер, Гессен, Брауншвейг и Гота. Заключены оборонительно-наступательные союзы между Австрией, Россией, Францией и Швецией. Союз Пруссии с Англией. Победа Фридриха при Праге над австрийцами. Кончина Шверина. Осада Праги Фридрихом. Поражение Фридриха в сражении с австрийскими войсками при Коллине, двинутыми на освобождение Праги.

1757	Поражение герцога Кумберландского от французов в сражении при Гастинбеке. Поражение прусских войск в сражении с русскими войсками Апраксина при Гроссегерсдорфе. Победа Фридриха в сражении при Росбахе над французами. Поражение прусских войск в сражении с австрийцами при Бреславле. Победа Фридриха в сражении при Лейтене над австрийцами.
1758	Неудачная осада Ольмюца Фридрихом. Победа прусских войск над французами в сражении при Крефельде. Победа Фридриха над русскими в сражении при Цорндорфе. Поражение Фридриха с австрийцами в сражении при Хохкирхене.
1759 – 1805	Жижнь и деятельность Фридриха Шиллера.
1759	Поражение прусских войск в сражении с французами при Бергене. Поражение прусских войск в сражении с русскими при Цюлликау. Победа прусских войск в сражении с французами при Миндене. Поражение Фридриха в сражении с русскими при Куннерсдорфе. Взятие Дрездена австрийцами. Сдача прусских войск австрийцам в сражении при Максене.
1760	Победа прусских войск в сражении при Ландсгуте. Неудачная осада Дрездена прусскими войсками. Победа Фридриха над австрийцами в сражении при Пфафендорфе. Взятие Берлина русскими. Победа Фридриха над австрийцами в сражении при Торгау.
1761	Фридрих в укрепленном лагере при Бунцельвице. Взятие Швейдница австрийцами. Взятие Кольберга русскими.
1762	Перемирие с Россией в Шторгарде. Мир с Россией в Петербурге. Россия вернула все свои завоевания. Мир со Швецией в Гамбурге, установивший взаимное положение государств такое же, как и перед войной.
1762	Отзыв русских войск в Россию. Победа Фридриха в сражении при Буркерсдорфе над австрийцами. Победа прусских войск над австрийскими в сражении при Фрейберге.
1763	Губертсбургский мир, подтвердивший условия бреславльского и дрезденского мира.
1765	Учреждение земельного банка в Берлине, свобода вероисповеданий, обязательность обучения, ограничение власти помещиков над крестьянами.
1765 – 1790	Правление Иосифа II Австрийского.
1772	Участие в первом разделе Польши: Австрия приобрела Галицию, а Пруссия приобрела земли по нижнему течению Вислы.
1777	Кончина Максимилиана-Иосифа Баварского и прекращение прямой линии баварских курфюрстов.
1778	Занятие Южной Баварии австрийцами. Союз Пруссии с Саксонией против Австрии.
1778 – 1779	Война за баварское наследство (Пруссия и Саксония против Австрии), прошедшая без единого сражения.
1779	Мир в Тешене. Австрия получила часть Баварии, ограниченную Инном, Зальцой и Дунаем, Пруссия – Анспах и Бейрейт, Саксония – 6 миллионов талеров.
1780 – 1790	Единоличное правление Иосифа II в империи Габсбургов.

1781	Указ Иосифа II Австрийского о веротерпимости и сокращении числа монастырей. Отмена крепостного состояния. Отмена пыток и инквизиции. Издание книги «Критика чистого разума» И.Канта.
1783	Реформа имперского судопроизводства. Равенство всех перед законом.
1785	Союз князей для поддержания существующего строя империи. Протест против реформ Иосифа II в Австрии и Венгрии.
1791	Договор в Пильнице между австрийским императором Леопольдом II и королем прусским Фридрихом-Вильгельмом относительно французских дел. Требования, предъявленные Франции, заключали в себе: признание конституции, предложенной Людовиком XVI в июне 1789г., возвращение Авиньона папе и вознаграждение германских подданных, пострадавших от отмены феодальных прав (август).
1792	Манифест герцога Брауншвейгского к французскому народу (июль). Взятие Лонгви (август) и Вердена (сентябрь). Неудачная атака герцогом Брауншвейгским позиций Келлермана при Вальми (20 сентября). Взятие Шпейера французами и начало отступления прусских войск (сентябрь). Взятие Вормса, Вердена, Майнца и Лонгви французами и осада ими Франкфурта-на-Майне (октябрь). Окончательное отступление прусских войск из Франции (октябрь). Сдача Франкфурта-на-Майне французам и обратное занятие его прусскими войсками (ноябрь).
1793	Германия вступила в коалицию с Англией, Голландией и Испанией против Франции. Завоевание Майнца прусскими войсками после долгой осады (июль). Второй раздел Польши, по которому к Пруссии присоединена Великая Польша (июль).
1794	Победы прусских войск в сражении при Кейзерслаутерне в мае и сентябре. Занятие французами Ахена и Кельна. Взятие Кракова.
1795	Третий раздел Польши, по которому к Пруссии отошла северо-западная часть с г. Варшавой (январь).
1795	Мир в Базеле с Францией. Левый берег Рейна признан естественной границей Франции. Северная Германия отделена от Южной демаркационной линией и объявлена нейтральной (5 апреля). Переправа французов через Рейн и занятие ими Дюссельдорфа (сентябрь). Поражение французов в сражении при Гандшухсгейме (сентябрь).
1795	Взятие Мангейма австрийцами. Сражение при Крейцнахе и взятие его французами (декабрь). Взятие Мангейма Вурмзером.
1796	Битва при Альтенкирхене (июнь). Переправа французов через Рейн, при Келе (июнь). Сражение при Раштадте и занятие Штутгарта (июль). Заключение мира с Пруссией в Берлине (август). Занятие Бамсберга французами, битва при Нересхейме и занятие ими же Амберга (август). Победа австрийцев у Вюрцбурга (сентябрь). Сражение у Бибераха (октябрь).
1797	Взятие Келя австрийцами (январь). Переправа французов через Рейн, занятие ими Келя и Оффенбурга. Перемирие между Австрией и Францией (апрель). Открытие конгресса в Раштадте для рассмотрения условий соглашения между Францией и Германией (декабрь). Вступление на прусский престол Фридриха-Вильгельма III.
1799	Победы австрийцев при Острахе и Штоккахе (март). Роспуск конгресса в Раштадте. Нападение австрийских гусар на представителей Франции (апрель). Сражение при Филиппсбурге (декабрь).

1800	Переправа французов через Рейн (апрель). Сражение при Энгене, Мёскирхе и Биберахе и занятие Аугсбурга французами (май); поражение австрийцев в сражении при Хохштадте и занятие французами Мюнхена (июнь). Поражение австрийцев в сражении при Гогенлиндене и Штейерское перемирие между Австрией и Францией.
1801	Люневильский мир между австрийским императором и Францией (февраль).
1804	Арест герцога Энгиенского в Баденском герцогстве французами.
1805	Занятие Аугсбурга и Мюнхена французами и победа их при Элькингене над австрийцами. Сдача австрийцев в Ульме (октябрь).
1806	Союз с Пруссией, уступившей Франции Анспах, земли по нижнему течению Рейна и княжество Нейенбург, в обмен на Ганновер (март). Образование Рейнского союза (июль). Отречение Австрийского императора от титула Германского императора (август). Объявление войны Франции Пруссией, вызванное пренебрежительным отношением к ней Наполеона. Победы Наполеона при Йене и Ауэрштедте. Взятие Эрфурта, сражение при Галле. Занятие Лейпцига, Потсдама, Берлина и Штеттина. Поражение и сдача прусаков при Пренцлове (октябрь). Занятие Кюстрина, Любека, Гамбурга и Магдебурга. Установление континетальной системы (ноябрь). Мирный договор с Саксонией (декабрь).
1807	Сражение при Прейсиш-Эйлау (февраль). Занятие Данцига (май). Поражение русских при Фридланде. Занятие Кенигсберга. Свидание в Тильзите с императором Александром I (июнь). Мирный договор с Россией и Пруссией в Тильзите. Пруссия уступила Франции все земли между Эльбой и Рейном, отказалась от областей, отошедших от Польши, начиная с 1772 года, признала короля Саксонского герцогом Варшавским и уплатила 150 миллионов контрибуции (июль). Образование Вестфальского королевства (декабрь).
1808	Конвенция с Францией в Париже. «Эрфуртское свидание» (сентябрь).
1809	Победы французов над австрийцами в сражениях при Абенсберге, Экмюле, Регенсбурге. Восстание пруссаков под командованием Шиля против французов (апрель). Поражение восставших прусских войск при Штральзунде и прекращение волнений.
1810	Захват Северо-Западной Германии (Ольденбурга, Гамбурга, Бремена, Любека и области между Рейном и Эльбой) Наполеоном.
1812	Договор с Францией в Париже (февраль). Вступление прусских войск в Россию (июнь). Генерал Иорк заключил в Таурогене конвенцию о нейтралитете прусских войск (декабрь).
1813	Призыв Пруссией к военной службе всех способных носить оружие. Союз с Россией в Калише против Франции (февраль). Манифест Фридриха-Вильгельма III к своему народу и войску. Занятие Гамбурга и Дрездена русско-прусскими войсками (март). Поражение французов при Мёкерне русско-прусскими войсками (апрель). Поражение союзников при Люцене и Баутцене французами и занятие ими Гамбурга (май). Шестинедельное перемирие заключено в Пойшвице (июнь). Конгресс в Праге и попытка Австрии своим посредничеством кончить войну (июль). Объявление войны Австрией Франции. Победа французов при Дрездене; поражение Вандамма от австрийско-русских войск у Кульма, а Макдональда от русских и прусских войск у Кацбаха (август). Заключение союза в Теплице между Россией, Пруссией и Австрией против Франции. Поражение Нея у Денневица (сентябрь). Начало распада Рейнского союза, обнаружившееся переходом Баварии на сторону союзников. Трехдневная битва (16,18 и 19) у Лейпцига и очищение его французами. Поражение австро-баварских войск при Ганау (октябрь). Сдача французами Дрездена и Штеттина в ноябре, Любека и Данцига в декабре. Вторжение союзников во Францию.

1813	Поражение Наполеона при Бриенне (январь). Открытие заседаний конгресса между Россией, Австрией, Англией, Францией и Пруссией в Шатильоне. Поражение союзников при Монмирайле и Монтеро и французов при Краоне, Лаоне, Арси-сюр-Обе и Фер-Шампенуазе. Взятие Монмартра и занятие Парижа союзниками (март). Парижский мир с Францией (май). Открытие Венского конгресса (ноябрь).
1814	Первый Парижский мир союзных держав (Россия, Англия, Австрия, Пруссия) с Францией (май 30).
1815	Высадка Наполеона I во Франции (март). Поражение прусских войск при Линьи от французов и Наполеона при Ватерлоо от англо-прусских войск. Закрытие Венского конгресса, постановившего отдать Пруссии половину Саксонии, Померанию, Познань и Прирейнские области и учредить Германский союз из 34 государей и 4 вольных городов под председательством Австрии (июнь).Вторичное занятие Парижа союзниками (июль). Заключение Священного союза. Второй Парижский мир, по которому Франция вернулась к границам 1790 года.
1818	Ахенский конгресс, на котором великие державы постановили отозвать свои войска из Франции.
1818 – 1883	Карл Маркс. Жизнь и деятельность.
1819	Карлсбадские постановления, вызванные убийством русского посланника Коцебу в Мангейме (март). Запрещение университетских товарищеских союзов, установление над университетами правительственного надзора, на все правительства наложена обязанность подчиняться постановлениям Священного союза (сентябрь).
1820	Венский дополнительный акт, стремившийся подавить демократический дух в южногерманских государствах. Второй конгресс Священного союза в Троппау (Силезия).
1821	Третий конгресс Священного союза в Лайбахе (Любляна).
1825 – 1864	Жизнь и деятельность Фердинанда Лассаля.
1826 – 1900	Жизнь и деятельность Вильгельма Либкнехта.
1830	Восстания в Ганновере и Саксонии. Введение либеральных конституций. Изгнание в Брауншвейге герцога Карла, и принятие правления его братом Вильгельмом.
1831	В Бадене, Вюртемберге и Баварии либералы получили перевес и настаивали на реформах государственного устройства.
1833	Попытка и разгон посредством «франкфуртского вмешательства» союзного сейма и насильственного переворота (3 апреля). Образование общегерманского таможенного союза.
1834	Основание общества «Молодая Германия».
1836	Образование «Союза справедливых» в Германии. Декреты о дезамортизации (16 и 19 февраля, 8 марта).
1837	Ганноверская корона перешла к герцогу Кумберлендскому, Эрнсту-Августу. Отмена конституции 1830 года и восстановление прежнего государственного устройства.
1840	Кончина Фридриха-Вильгельма III Прусского и вступление на престол его сына Фридриха-Вильгельма IV.
1847	Созыв Фридрихом-Вильгельмом IV соединенных сословий на сейм в Берлине.

1848	Правительство выразило согласие на требование реформы в германском союзе. Народ потребовал удаления войск и образования национальной гвардии. 18 и 19 марта на улицах Берлина прошли бои. 19 марта король удовлетворил требования народа и объявил амнистию за политические преступления. 21 марта король объявил о своем намерении стать во главе единой и свободной Германии, в качестве конституционного государя. Волнения в Баварии. Король Людвиг отрекся от престола в пользу Максимилиана. Революционные и аграрные беспорядки в большей части Германии. Предварительный парламент, составленный радикалами во Франкфурте-на-Майне, провозгласил принцип народного самодержавия (апрель). Первое заседание Национального собрания по разработке нового государственного устройства (18 мая).
1848	Избрание Национальным собранием безответственного регента, эрцгерцога Иоанна Австрийского, окруженного ответственным министерством (29 июля). Неудачное вмешательство Германии в борьбу Шлезвига и Голштинии с Данией. Перемирие в Мальме, утверждено Национальным собранием (26 августа). Попытка германских республиканцев разогнать собрание. Указ короля 9 ноября об отсрочке Прусского Национального собрания и об открытии его следующего заседания 27 ноября в Бранденбурге. Введение военного положения в Берлине (10 ноября). Роспуск Национального собрания (5 декабря). Революционное выступление в Бадене (27 февраля—1 марта).
1849	Резолюция Франкфуртского Национального собрания о предоставлении Фридриху Вильгельму наследственного императорского достоинства, и адрес прусского собрания сословий, в котором принятие королем императорского достоинства и утверждение германского конституционного строя представлялось как желание всей нации (27 апреля), отвергнуты королем. Роспуск второй, отсрочка заседаний первой камеры и введение податного избирательного ценза. Волнения по всей Германии за введение конституционных порядков, переходившие местами в восстания. Военный бунт в Раштадте. Развитие революционного движения,подавление прусскими войсками, вожаки расстреляны. Попытка Пруссии, Саксонии и Ганновера ввести новое государственное устройство на основании франкфуртских постановлений не удалась из-за происков Австрии.
1850	Восстание в Шлезвиге и Голштинии против датчан. Конфликт из-за Кургессена между Австрией и Пруссией. На дрезденских конференциях, вследствие провала организации Германского союза на новых началах решено восстановить союзный сейм. Принята антидемократическая конституция в Пруссии (31 января).
1851	Ввиду заявления Австрией и Пруссией от лица Германского союза о прекращении Шлезвигом и Гольштинией войны с Данией, штатгальтеры распустили армию и сложили свои полномочия.
1858	Вследствие болезни Фридриха-Вильгельма IV регентом назначен его брат Вильгельм.
1859	Образование Немецкого национального союза (16 сентября).
1861	Кончина Фридриха-Вильгельма IV и вступление на престол Вильгельма I. Образование партии прогрессистов в Германии (июнь).
1862	Назначение Бисмарка на пост министр-президента.
1863	Съезд германских государей для обсуждения проблем Германского союза. Прусско-русская конвенция о совместном подавлении восстания в Польше (февраль). Основание Всеобщего германского рабочего союза во главе с Ф.Лассалем (23 мая).

1864	Война Австрии и Пруссии с Данией за Шлезвиг и Голштинию. Взятие прусскими войсками Дюппельских укреплений (апрель). Переправа на остров Альзен прусских войск (июнь).Женевская конвенция. Мир с Данией. Занятие Шлезвига и Голштинии смешанным корпусом австро-прусских войск (октябрь).
1865	По Гаштейнскому договору Австрия заняла Голштинию, а Пруссия Шлезвиг (август).
1866	Пруссия предъявила франкфуртскому сейму требование о реформах в Германском союзе (9 апреля). Ввиду их неисполнения Пруссия 15 июня потребовала от Саксонии, Ганновера и Кургессена перевода войск на мирное положение и принятия прусской редакции проекта государственного устройства. Прусские войска 16 июня перешли саксонскую границу, что послужило поводом к Австро-Прусской войне. Занятие Ганновера и Кургессена (16-18 июня). Занятие Дрездена прусскими войсками (19). Переход прусских войск через австрийскую границу (23). Неудачный для прусских войск бой при Лангензальце (27). Капитуляция ганноверских войск при Лангензальце (29). Поражение австрийцев при Кенигреце (3 июля). Занятие Праги (8 июля). Поражение баварцев при Кисингене (10 июля). Занятие Брюна (12 июля), Франкфурта (16 июля). Перемирие в Никольсбурге с Австрией (26 июля). Занятие Нюрнберга (31 июля). Перемирие Пруссии с Баденом и Баварией (2 августа). Пражский мир между Австрией и Пруссией. Австрия вышла из состава Германского союза, гегемония в котором перешла к Пруссии. Ганновер, Нассау, Шлезвиг, Голштиния и некоторые мелкие государства присоединены к Пруссии. Австрия уплатила 200 млн. талеров контрибуции.
1867	Первое заседание Северо-Германского рейхстага в Берлине. Граф Отто Бисмарк стал Союзным канцлером. Люксембургский инцидент между Францией и Австрией. Лондонская конференция постановила объявить Люксембург независимым и вывести из его прусские войска.
1869	Образование Германской социал-демократической (Эйзенахской) рабочей партии.
1870	Началась Французская война, поводом к которой послужило несогласие Наполеона III на кандидатуру Леопольда Гогенцоллернского на испанский престол. Победа прусской армии над французской у Седана (2 сентября). Занятие Саарбрюкена французами (2 августа). Поражение Дуэ при Вейссенбурге и Мак-Магона при Вёрте (6 августа). Поражение французов при Шпихерне. Сражение при Марс Ла Туре (Вионвиле). Поражение Базена при Гравелоте (С.Прива) и Бомоне, неудачная попытка Бразена прорваться через Нуазвилль (август). Битва под Седаном и сдача его прусским войскам (2). Взятие в плен Наполеона III, Мак-Магона, и около 85 тыс. солдат французской армии. Капитуляция Страсбурга (сентябрь). Занятие Орлеана. Начало осады Парижа (21 октября). Капитуляция Меца и занятие Дижона прусскими войсками (октябрь). Поражение французов прусскими войсками при Кульмье и освобождение ими Орлеана. Занятие прусскими войсками Амьена, поражение французов при Бон Ле Роланде (ноябрь), Луанье-Пупри, Орлеане и занятие его ими. Победа при Божанси.

1871	Победы прусских войск при Ле Мансее и Лизене. Объединение Германии под властью Прусского короля, получившего титул императора Германского (18 января). Победа прусских войсков при С.-Кантене, сдача Парижа (28 января). Сдача армии Бурбаки швейцарцам (1-3 февраля). Падение Бельфора. Прелиминарный договор в Версале, по которому Франция обязалась уплатить Германии 5 миллиардов франков и уступить Эльзас и Лотарингию (26 февраля). Вступление в Париж прусских войск (1 марта). Мир с Францией во Франкфурте-на-Майне (10 июля). Провозглашение в Версале Германской империи (18 января). Парижская Коммуна (18 марта-28 мая). Принятие Конституции Германской империи (16 апреля). Канцлерство О.Бисмарка (1871-1890).
1873	Очищение прусскими войсками французской территории (сентябрь).
1878	Закон против социал-демократов, вызванный покушениями на жизнь императора Вильгельма. Берлинский конгресс, изменивший в ущерб России условия Сан-Стефанского мира.
1879	Новый общеимперский таможенный тариф. Общеимперские судебные уставы. Учреждение Верховного императорского суда в Лейпциге. Заключение наступательно-оборонительного союза между Германией и Австро-Венгрией.
1882	Преобразование двойственного союза в Тройственный благодаря вступлению в него Италии (20 мая).
1882	Принятие Закона о страховании рабочих на случай болезни.
1884	Принятие Закона о страховании рабочих от несчастных случаев.
1884	Берег Верхней Гвинеи, устье Нигера, Ангра-Пеквена и др. объявлены находящимися под протекторатом Германии. Того и Камерун объявлены колониями Германии.
1885	Распространение протектората над частью Занзибара, Новой Гвинеи, архипелагом Бисмарка и Маршалльскими островами. Образование колонии «Германская Восточная Африка».
1886	Закон о переселении немцев в Познань и Восточную Пруссию.
1887	Секретное соглашение между Россией и Германией – договор «перестраховки».
1888	После кончины Вильгельма I Великого на престол вступил его сын Фридрих III, а после смерти Фридриха III, (15 июня) Вильгельм II.
1888-1890	Восстание туземцев в африканских колониях.
1889	Договор с Англией и Соединенными Штатами о Сандвичевых островах. Принятие Закона о страховании рабочих от неспособности к труду.
1890	Договор с Англией о Восточной Африке. Присоединение Гельголанда. Берлинская конференция по рабочему вопросу. Отставка Бисмарка (20 марта). Пост его занял граф Каприви.
1891	Торговые договора с Австрией, Италией и Бельгией. Образование Всеобщего немецкого союза с (1894г. – Пангерманский союз). Принятие социал-демократической партией Германии Эрфуртской программы.
1894	Отставка графа Каприви (октябрь), его пост занял князь Гогенлоэ.
1897	Занятие Киао-Чау (Киао-Чао).
1898	Кончина Бисмарка (10 июля).
1899	Покупка Марианских, Каролинских и Палауских островов у Испании.
1900	Восстание «Больших кулаков» в Китае. Отставка Гогенлоэ, его пост занял Бюлов.
1901	Усмирение восстания. Китай в течение 39 лет обязался выплатить 1350 милл. марок.

1902	Введен новый таможенный тариф.
1903	Восстание туземцев в африканских колониях.
1904	Отмена закона против иезуитов.
1914	Убийство в Сараево австрийского наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда. Начало 1-й Мировой войны.
1914	Объявление Германией войны России (1 августа). Объявление Германией войны Франции (3 августа). Вторжение германских войск в Бельгию (4 августа). Объявление Англией войны Германии (4 августа)

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Новое время *3*
Фридрих Вильгельм Прусский *7*
А. Менцель. «Старый Фриц» *9*
Иосиф Второй. Гравюра на меди *10*
Г. Лоссов. «Коса и пудра» *13*
Фридрих Вильгельм III *15*
Ф. Кнаб. «Сад в стиле рококо» *19*
Г. Лоссов. «Бюргерская пара в костюмах эпохи рококо» *20*
Кауниц *22*
Леопольд I Германский *23*
Императрица Мария Терезия. Гравюра на меди *25*
Г. Лоссов. «Менуэт в эпоху рококо» *27*
Г. Лоссов. «Пастораль» *32*
А. Менцель. «Застолье Фридриха Великого» *34*
Беседа папы Пия VI с австрийским императором Иосифом II.
С гравюры XVIII века *35*
Лейбниц *36*
Фридрих II Прусский *37*
А. Менцель. «В табачной коллегии Фридриха Вильгельма Первого» *41*
Август II Сильный *44*
Г.Э. Лессинг. Гравюра на меди *55*
Иоиф II Римско-Германский *57*
Г. Бенчур. «Моцарт и император Иосиф II» *59*
Э. Хартманн. «Геллерт» *71*
Г. Шпангенберг. «Шубарт в Асперге» *75*
Ф. Фридрих «Заклинание духов в Дрездене» *80*
Жозеф Бальзамо *81*
Папа Римский Климент XIV *83*
Э. Климш. «Песталоцци среди сирот Нидвальдена (17989г.)» *88*
Г. Франц. «Лотта фон Лангсфельд» *89*
Э. Климш. «Гете и Фредерика Брион» *90*
Г. Франц. «Лотта фон Штайн» *91*
Г. Франц. «Лотта фон Кальб» *93*
Э. Хартманн. «Гете» *93*
Г. Франц. «Родной дом Шиллера» *94*

Г. Франц. «Родной дом Гете» *95*
Вид Берлинского университета *102*
Винкельман *104*
Э. Климш. «Песталоцци» *105*
К.М. Виланд. Старинная гравюра на меди *106*
Иммануил Кант. Старинная гравюра на меди *110*
Г.К.Лихтенберг *112*
Э. Хартманн. «Гердер» *113*
Г.А. Бюргер. Старинная гравюра на меди *114*
И.Г Фосс. Старинная гравюра на меди *116*
В. Фридрих. «Основание геттингенского содружества поэтов «Роща»» *117*
Э. Климш. «Мать Гете и мать Шиллера» *119*
Э. Хартманн. «Шиллер» *123*
Э. Хартманн. «Гете» *123*
Бартольд Георг Нибур. Старинная гравюра на меди *125*
Э. Хартманн. «Гайдн» *127*
Э. Хартманн. «Глюк» *127*
Э. Хартманн. «Моцарт» *128*
Э. Хартманн. «Бетховен» *128*
Фихте *131*
Жан-Поль Рихтер *131*
Леопольд I Германский *133*
Зейдлиц *138*
Принц Евгений *142*
Г. Франц. «Памятник Фридриху Второму работы Рауха» *144*
Г. Франц. «Памятник Гете и Шиллерру в Веймаре» *148*
Шеллинг *156*
Л. Тик *157*
Новалис *158*
К. Брентано *160*
Эрнест Теодор А. Гофман *161*
Г. Франц. «Королева Луиза и Наполеон в Тильзите» *165*
Генрих фон Клейст *166*
Г. Франц. «Королева Луиза» *166*
Э. Хартманн. «Барон фон Штейн» *167*
В. Фридрих. «Расстрел Пальма» *168*
Ф. Дефреггер. «Андреас Хофер на Изельберге» *170*
Э. Хюнтен. «Блюхер спешит в Ватерлоо» *171*
Блюхер. Гравюра на меди *172*
Меттерних *174*
В. Фридрих. «Праздник буршей в Вартбурге» *182*
Шлеермахер *183*
Э. Хартманн. «Леопольд Ранке» *184*
Э. Хартманн. «Гервинус» *184*
Александр Гумбольдт *185*
Теодор Моммзен *187*
Э. Хартманн. «Людвиг Уланд» *187*
Э. Хартманн. «Рюкерт» *190*
Э. Хартманн. «Карл Мария фон Вебер» *191*
Франц Шуберт *191*
Роберт Шуман *192*

Рихард Вагнер *192*
Гегель *231*
Э. Хартманн. «Щопенгауэр» *233*
Э. Хартманн. «Генрих Гейне» *234*
Бауэр *236*
Фейербах *236*
А. фон Вернер. «Мольтке» *237*
Фр. Скарбина. «Бисмарк» *238*
Император Вильгельм. Фотография Лёшера и Петша *240*
Г. фон Ангели. «Наследный принц Фридрих Вильгельм» *241*
Рейхстаг *242*
А. фон Вернер. «Да здравствует император Вильгельм!» *243*

ПЕРЕЧЕНЬ СТАРИННЫХ ПЛАНОВ ГОРОДОВ И СОБОРОВ ГЕРМАНИИ

1. План Йены *28-29*
2. План Лейпцига *38-39*
3. План Мюнстера *64-65*
4. План Магдебурга *86-87*
5. План Мюнхена *96-97*
6. План Нюрнберга *120-121*
7. Собор во Франкфурте-на-Майне *124*
8. Собор в Кельне *130*
9. План Регенсбурга *134-135*
10. Собор в Майнце *151*
11. План Штутгарта *176-177*
12. Собор в Миндене *198*
13. План Штеттина *204-205*
14. Собор в Регенсбурге *210*
15. Собор в Страсбурге *216*
16. План Ульма *222-223*
17. План Франкфурта-на-Майне *228-229*

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ ГЕРМАНИИ

1. Карта «Германия после Вестфальского мира 1648г.» *16-17*
2. Карта «Германия после смерти Фридриха Великого в 1786г.» *52-53*
3. Карта «Германия во время Германского союза (1815)» *154-155*
4. Карта Германской империи 1871г. *188-189*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ
ТОМ I

В ( ) – годы жизни; в [...] – годы правления; (п) – портрет;
† - год смерти; Св.Р.И. – Священной Римской Империи.
Все персоналии – немецкие, если не указано другое.

Абеляр (1079–1142), франц. богослов, философ *286*

Август II Саксонский (1670–1733), король Польский с 1697 г. *385, 388, 435, 447*

Августин (354–439), отец церкви *235*

Августул Ромул, последний император Зап. Р. империи, в 476 г. лишен престола вождем герулов Одоакром *77*

Аверроэс (1126–98), философ *236*

Авиценна(980–1037),философ, врач *470*

Авраам, евр. патриарх из Библии *118*

Аврора Кенигсмарская, знам. любовница Августа II Саксонского, прародительница писательницы Жорж Санд *447*

Агнесса фон Меран, дама Ульриха фон Лихтенштейна *172*

Агрикола Рудольф (1443–85), гуманист *351*

Агрикола Георг (1494–1555), химик, *465*

Агриппина (14–59), императрица *36*

Агриппа Неттесгеймский Генрих Корнелий (1486–1535), писатель, врач, мистик, каббалист *461, 504*

Аделгард, аббат, ученый эпохи Карловингов *102*

Адельгейма Бургундская, принцесса, жена императора Оттона II *123*

Адельман фон Адельмансфельден, гуманист *352*

Альберус (1500–53), писатель, поэт, сторонник Лютера *515, 516*

Айрер Якоб (†1605), писатель, драматург *517*

Аквинский Фома (1225 или 26–74), христ. богослов *236*

Аларих (376–410), король вестготов *74, 75*

Александр VI, папа Римский [1492–1503] *357*

Александр Македонский (356–323 до Р.Х.), знам. правитель и полководец *199*

Альба (1508–82), герц. Толедский *389*

Альберт Генрих (1604–51), поэт *515*

Альберт Великий (1193–1280), мыслитель 13 в. *236*

Альбрехт, король, сын Рудольфа Габсбургского *288*

Альберти Леон Баттиста (1404–72), итал. живописец, ученый *506*

Альбрехт II Австрийский (1250-1308), король, сын Рудольфа Габсбургского *334, 340*

Альбрехт Прусский (1490–1568), первый герцог прусский, основал в 1544 ун-т в Кенигсберге *433, 434, 469*

Альбрехт фон Шарфенберг, баварский поэт, в 1270 написал поэму «Младший Титурель» *205*

Альбрехт фон Эйб (1420–75), писатель 15 в. *514*

Альбуин, король лангобардов, завоевал Италию, убит в 753 *78, 82,*

Алькуин (735–804), аббат в Туре, воспитатель детей Карла Великого *102*

Альтринген (1588–1634), один из полководцев Валленштейна *425*

Альфонс VI (1030–1109), король Кастилии с 1072 *193*

Амальрих Бенский (†1207), мыслитель, философ 13 в., проф. Парижского ун-та *236*

Андрей фон Зонненберг, герм. дворянин, предательски убит в 1511 *392*

Анна Бретанская, невеста рим. короля Максимилиана I *169*

Анна Саксонская, принцесса, дочь курфюрста Морица, написала 11000 писем *395, 435, 467*

Анна фон Стольберг, кведлинбургская игуменья в 16 в. *395*

Ансигиз, аббат, руководитель строительства Ахенского собора 796–804 г. *123*

Антоний, соправитель с октавианом Римской империи, рим. полководец *24*

Антопиус фон Ширштед, студент, заколот швабом в 1516 *474*

Аристотель (384–322 до Р.Х.), древнегреч. ученый и философ *236*

Аркадий (377–408), сын рим. императора Феодосия, правил Востоком и Константинополем *74*

Армин, легендарный герой песен *62*

Арминий (ок. 17 до Р.Х – 21), вождь херусков, освободитель Германии от римлян *25, 26(n), 27*
Арнальдо, из Вильнева, изобретатель водки *242*
Арнольд Брешианский (к. 11 – н. 12 в. – 1155), идеолог Римской республики, борец против папства, казнен по распоряжению папы Адриана IV 143, 234, 286, 288, 348
Арнольд Готфрид (1665–1714), первый церковный историк Германии *456*
Архиепископ Майнцский, во время правления Оттона I исполнял должность архиканцлера *122*
Асмунд, супруг Гуннгильды (в «Северной саге») *42*
Ауриния, прорицательница нач. 1 в. *39*
Ассизский Франциск (Джуованне Бернардоне) (1182–1226), католический святой, основ. ордена францисканцев *136*
Ашаффенбургский Ламберт, хронист *138*
Бабеле Гебель, жертва инквизиции – красивейшая девушка Вюрцбурга *503*
Баварский Людовик (1282–1347), соперник Фридриха Австр. в распрях за престол *289*
Бакольт Ян, участник крестьян. восстания в 1525 г. *373*
Бальде Яков (1604–88), патриот и поэт Германии *455*
Барбара фон Цилли, супруга Сигизмунда Люксембургского *339*
Барбаросса Фридрих I (1123–90), первый император дома Гогенштауфенов [1147–1190] *138, 141, 182, 261, 264, 480*
Бартоломей де Бруин, религиозный живописец 15–нач. 16 в. *509*
Бертольд (1220–72), регенсб. проповедник 13 в., восставал против зряшной моды *161*
Бауман Николай, писатель нач. 16 в. *354*
Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), композитор *513(n), 514*
Бебель Генрих (1472–1518), латинизированный гуманист *355*
Бек, генерал Густава-Адольфа *425*
Беккер Бальтазар, писатель, написал в 1691 г. знам. трактат против колдовства «Заколдованный мир» *504*
Беме Яков (1575–1624), философ-мистик *456*
Бенедикт Нурсийский (480–543), кат. святой, основатель 1-го на Западе монашеского ордена *104*
Берне Людвиг (1786–1837), публицист, критик, идеолог лит. течения «Молодая Германия» *200*
Бернвард Гильдесгеймский, епископ нач. 12 в., украсивший Гильдесгеймский собор в 1022 г. *123, 124*
Бернский Дитрих (см. Теодорих) *77*
Берта, одна из дочерей Карла Великого, императора Германии *102*
Берта фон Вейценштейн, супруга рыцаря Ульриха фон Лихтенштейна *174*
Бертольд фон Геннеберг, архиепископ и курфюрст Майнцский, поборник гос. реформы *359, 360*
Бессер, придворный поэт *523*
Бетран-де-Борн, поэт-трубадур *193*
Бетховен Людвиг Ван (1770–1827), знам. композитор, пианист и дирижер *514*
Бехейм Михаил (1416–80), писатель, пытавшийся возродитть рыцарскую романтику *514*
Биркен Зигмунд фон, историк *461*
Бланшефлур, сестра короля Марке (эпос «Тристан и Изольда») *206*
Блуме Николай, лютеранский пастор, изгонял беса в 17 в. *481*
Бодмер Иоганн Якоб (1698–1783), швейц. критик-литературовед *527*
Бойярд, итал. писатель и поэт *449*
Боккаччо (1313–75), итал. писатель, написал «Декамерон» *194, 347, 449*
Бонер Ульрих, баснописец, монах из Берна 14 в. *220*
Бонифаций (680–755), первый архиепископ Майнцский *91*
Бонтекое, бранденбург. придворный врач, привез в Германию чай в 1667 г. *390*
Бонфини, итал. путешественник, описал Вену в 1490 г. *300*
Боэций (480–524), рим. философ и гос. деятель *77, 137*
Браманте Донато (1444–1514), итал. архитектор эпохи Высокого Возрождения *506*
Брант Себастьян (1458–1521), писатель-гуманист, написал «Корабль дураков» *515*
Брейтингер Иоганн Якоб (1701–1776), швейц. литературовед и критик *527*
Брун Рудольф, рыцарь, предводитель сословия мещан в Цюрихе 1336 г. *289*
Брунгильда (534–613), франкская королева, вела борьбу с Хильпериком I и его женой Фредегундой, казнена *42, 82*

Брунеллески Филиппо (1377—1446), итал. архитектор, скульптор, ученый, работал во Флоренции *560*
Бруно Джордано (1548—1600), итал. философ и поэт,обвинен в ереси и сожжен в Риме *348, 457*
Брут Децим Юний Альбин (84—43 до Р.Х.), один из военачальников Цезаря, участвовал в заговоре против него *24*
Бузенбаум Герман (1600—1663), протестант-полемист *456*
Буллингер Генрих (1504—1575), реформатор, последователь Цвингли *455*
Буркгард фон Гогенфельс, певец любви (миннезингер) *217*
Бухгольц Гейнрих, романтик середины 17 в. *522*
Буцер Мартын (1491—1551), реформатор, последователь Цвингли *455*
Буше Герман, гуманист *352*
Бэда Достопочтенный (674—735), церковный историк 8 в., святой *114*
Бэкон Роджер (1214—1292), английский философ, францисканец *457*
Вайц Георг, собиратель древних текстов *44*
Вакернагель Вильгельм (1806—69), переводчик, профессор Базельского ун-та *44*
Валафрид Страбон, выдающийся ученый Германии 9 в. *108*
Валентиниан III (419—455), рим. имп., сын сестры Гонория Галлы Плацидии и соправителя Констанция, убил Аэция в 454 г., погиб в 455 г. *75*
Валленштейн Альбрехт (1583—1634), полководец, с 1625 г. главнокомандующий имперскими войсками в 30-летней войне *424, 425, 483*
Вальдис Буркгард (1490—1556), 16 в. писатель, сатирик, баснописец *516*
Вальдманн Ганс (1435—1489), бургомистр Цюриха конца 15 в. *298*
Вальдус Петр, лионский гражданин, основавший секту альбигойцев (вальденсов) в 12 в. *231*
Вальтер Иоганн (регент пения) *512*
Вальтер фон дер Фогельвейде (1170—1230), выдающийся поэт-миннезингер *171, 180, 217(n), 219, 232, 349*
Ван дер Берс, дворян. фамилия в г. Брюгге, основавшая первую биржу в мире *397*
Ван-Дик (Ван Дейк) (1599—1641), художник, современник Рембрандта, ученик П.Рубенса, фламанд. школа *507*
Вас Ришар, поэт-трубадур *194*
Васко да Гама (1469—1524), португ. мореплаватель *349*
Вебер Вейт, гражданин Фрейбурга, поэт, певец 15 в. *331*
Вейгандт Фридрих, участник крестьянской войны в Германии 1522 г. *369*
Вейгель Валентин (1533—1588), писатель-мистик *456*
Вейер Иоганн, доктор, протестовал против процессов над ведьмами *504*
Вейзе Христиан (1642—1708), писатель-мистик *523*
Векерлин Георг Рудольф (1584—1653), придворный поэт, дипломат *520*
Веледа, прорицательница бруктеров из Вестфалии, в 70 г. до Р.Х. побудила Цивилиса воевать против Рима *38(n), 39*
Велисарий (490—565), византийский полководец при императоре Юстиниане *78*
Вельзер Филиппина (1530—80), супруга эрцгерцога Тирольского Фердинанда *445(n)*
Венцеслав (IV) (1361—1419), император Германский [1378—1400] *337*
Вернанг Якоб, капитан войск Карла V *423*
Вессель Иоанн (1420—89), религиозный деятель *349*
Виклифф (1320—84), английский борец против злоупотреблений папства *338*
Виланд, герой эпоса (легенды) *47*
Виланд (1733—1813), поэт, Кристоф Мартин, представ. перехода к нац. лит-ре Германии *200*
Виллер, аугсбургский книгопродавец *413*
Виллирам, аббат эберсбергский *127*
Вильгельм Баварский, герцог *445*
Вильгельм фон Геннеберг, граф *433*
Вильгельм, герцог баварский *442*
Вильгельм, мастер-живописец нюрнбергс. школы *250*
Вильгельм-Людовик, принц вюртембергский *436*
Вильде Ганс, художник-живописец по стеклу *510*
Вильтен Иоганн, театральный деятель *524*
Вимпфелинг Иоанн, гуманист *352, 355*

Винцлер Каспар, участник сражения Франциска I и Карла V при Павии *423*
Виргилий Публий (70 – 19 до Р.Х.), знам. лат. поэт *199*
Витукинд (? – 807), герцог саксов, сражался с Карлом Великим *82*
Витукинд Корвейский, знам. летописец эпохи Оттона I *127*
Вольгемут Михаил (1434 – 1519), художник и резчик по дереву нюрнбергс. школы *509*
Вольфганг Баварский, герцог (1470) участник скачек в Аугсбурге *310*
Вольфрам фон Эшенбах (1170 – 1220?), поэт, миннезингер *200, 201, 212, 219*
Вулленвебер Юрген, бургомистр в Любеке *373*
Вурмзер Николай, художник богемской школы *250*
Вюртембергский Ульрих, герцог *278*
Вюрц Феликс, хирург *465*
Гаген Готтфрид *212, 299, 317*
Гадлауб, поэт, швейцарец *218*
Гайдн Иосиф (1732 – 1809), знам. музыкант *514*
«Гаймон (и его сыновья)», рыцарская поэма *196*
Гален Клавдий (131 – ок.200), знам. рим. врач *242, 470*
Галилей (1564 – 1642), итал. ученый *466*
Гальбзутер, мещанин из Люцерна *331*
Гамурен, отец Парциваля *202*
Ганимед, аллегорич. название слуги в гостинице *409*
Ганс фон Гуттен, рыцарь, убит в 1515 г. *278*
Ганс фон Швейнихен, силезский дворянин *393, 394, 400, 460*
Гриммельсгаузен Ганс Якоб Кристофель (1621 – 1676), писатель *523*
Гансвурст, клоун, арлекин *525, 526*
Гарсдорфер, писатель *452, 482, 521*
Гартенер Вернгер, автор древней нем. деревенской повести *328*
Гартман, механик из Нюрнберга *421*
Гартман фон Ауэ (1170 – 1220), знам. поэт-рыцарь *200, 201*
Гартмод, см. Валафрид, Грабан *108*
Гассе Иоганн Адольф (1699 – 1783), композитор *513*
Гейер Флориан (ок. 1490 – 1526), дворянин, участник крестьян. восстания в Германии *369*
Гейлер Иоанн (1440 – 1509), популяризатор Реформации *349, 350*
Гейне Генрих (1797 – 1856), знам. поэт *161, 200*
Гейнрих Ансельм фон Циглер, писатель-романтик *522*
Гелимер, король вандалов в Африке, взят в плен в 534 г. *73, 95*
Геллерт Христиан Фюрхтегот (1715 – 69), поэт-баснописец 515(п), *527*
Гельди Анна, последняя ведьма в Швейцарии, сожжена в 1782 г. *505*
Геммерлин Феликс, швейцарец, гуманист и реформатор *350*
Гендель Георг Фридрих, знам. композитор *513, 514(п)*
Генненбергский князь, Отто (1470) *310*
Генрих I [919 – 936], король Германии, значительно возвысил королевскую власть *121, 122, 182, 200, 336, 434*
Генрих II [1002 – 1024], Римско – Германский император *130, 439*
Генрих II Английский (1133 – 1189), король *261*
Генрих III [1026 – 1056], Римско – Германский император *130*
Генрих IV [1050 – 1106], Римско – Германский император, боролся с папой Григорием VII *130, 134, 135, 138, 140, 377, 444*
Генрих V (1081 – 1125), император с 1105 г. *135*
Генрих VI (1165 – 1197), король и император с 1189 г. *141, 216, 218*
Генрих VII Люксембургский, граф, нем. король *334*
Генрих XI, герцог Лигницкого дома *447*
Генрих Богатый Баварский, герцог (1434) *278*
Генрих Мейсенский Светлейший, маркграф Нордгаузена (13 в.) *183*
Генрих Мюнстербергский, герцог, победитель турнира в Бранденбурге в 1555 г. *439*
Генрих Птицелов, герцог Саксонский, затем Генрих I (см.) *121*
Генрих фон Алькмар, автор поэмы «Рейнике Лис» *354*
Генрих фон Глихезер, поэт 12 в. *199*
Генрих фон Мейсен (ок. 1250 – 1318), знам. поэт-песенник, хвалитель женщин *219*
Генрих фон Морунген, поэт средневековья (ок. 1200 г.) *216*
Генрих фон Офтердинген, сказочный персонаж *201, 219*

Генрих фон Руке, поэт средневековья (12 в.) *216*
Генсбейн Иоганн, писарь, автор «Лимбургской хроники» *318*
Геродот (484—420 до Р.Х.), греч. историк *460*
Герберга, аббатиса, племянница Оттона I *128*
Герберт, ученый, затем папа Римский Сильвестр II [999—1003] *123*
Герболо фон Польгейм, подданный императора Максимилиана I *169*
Гергард Иоанн, реформатор, последователь Меланхтона *455*
Гергард Пауль (1606—1676), поэт *515*
Гергард, мастер-составитель планов Кёльнского собора (1248) *249*
Гергарт, архиепископ Бремена *329*
Геристальский Пипин, мажордом меровингов *82*
Герман (см. Арминий), сын Сегимера *26, 30, 217, 515*
Герман Тюрингенский, ландграф (нач. 13 в.) *201*
Герман фон Нуенар, соавтор сатиры «Письма темных людей» (1516) *356*
Герман фон Феринген, ученый монах из Рейхенау *138*
Гертингсгаузен, гофмаршал Кассельского двора *446*
Гесснер Конрад, ученый-универсал, полиглот *465*
Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), величайший поэт *104, 200, 205, 270*
Гец фон Берлихинген (1480—1562), участник крестьян. восстания 1525 г. *369, 393*
Гиберти Лоренцо (1378—1455), флорентийский скульптор и литейщик *506*
Гиллер, музыкант, ввел в Германии оперетту *514*
Гильдебранд, герой песни *47, 94*
Гильдебранд, монах, затем папа Римский Григорий VII [1073—1085] *132*
Гипплер Вендель, один из руководителей крестьян. восстания *369, 370, 371*
Гиппократ (460—377 до Р.Х.), греч. врач, отец медицины *242, 470*
Гирш, еврей из Шаффгаузена 1401 г. *229*
Гиршфогель Фейт, см. Вильде Ганс *510*
Гифман, ученый, исследователь старины *45*
Глюк Христоф (1714—1787), знам. композитор *514*
Гоббс Томас (1588—1679), англ. философ и писатель *458*
Голлар Вендель, гравер 17 в. *512*
Голль Элиас, архитектор 17 в. *507*
Гольбейн Ганс (дед, ст., мл.), семейство швабских художников *509*
Гольцшуэр Карл, архитектор 17 в. *507*
Гомер (IX до Р.Х.), знам. греч. поэт *449*
Гонауэр Георг, алхимик, повешен в 1597 г. *464*
Гоноре д'Юрфе, франц. писатель, роман «Астрея» *440*
Гонорий (384—423), рим. император, сын Феодосия *74, 75*
Гормайер *172*
Горсдорфер (1607—58), основатель лит. об-ва «Орден пегницких пастухов» *452*
Готтфрид Страсбургский, поэт 13 в., автор «Тристана и Изольды» *200, 205, 206, 207, 212, 217, 317*
Готфрид фон Нифен, миннезингер *217*
Готц фон Берлихинген (1480—1562), рыцарь, предв. крест. войны *460*
Готшед Иоганн Кристоф (1700—66), критик *523, 524, 526, 527*
Гоццадини Битизия, женщина-доктор юрид. наук в 1236г в Болонье *238*
Грабан (Храбан), выдающийся ученый 9 в. *107, 108*
Грааль, чудесн. сосуд, в который Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя *195, 201, 202, 203, 204, 205*
Грамматик Саксон (1140—1208), датский хронист-летописец *42*
Грауенвальд Матиас, художник *509*
Граун Карл Гейнрих (1701—59), см. Гассе *513*
Грациан (359—383), Зап. Рим. Имп., вел войны с готами и христианами *73*
Грациус Ортуин, персонаж книги «Письма темных людей» *356*
Гремпер Иоганн, инквизитор *492*
Григорий VII [1073—85], папа Римский *132, 133, 135*
Григорий IX [1227—41], папа Римский *231, 233, 329*
Григорий фон Геймбург, реформатор, борец за единство Германии *350, 358*
Гриен Ганс, художник *509*
Гримм Вильгельм (1786—1859) и **Яков** (1785—1863), знаменитые фольклористы, филологи *44, 58, 481*

Грифиус Андрей, популярный драматург *522*
Гроций Гуго (1583—1645), нидерланд. писатель, законовед *458*
Губмайер Бальтазар (1480—1528), католический священник, протестант, руководитель восстания крестьян *369*
Гуго фон Монфорт (1357—1423), рыцарский поэт *220*
Гуго фон Тримберг (1236—1313), рыцарский и народный поэт *219*
Гундлингер Вейт, хлебопек из Аугсбурга *312*
Гурнаманц, старый рыцарь из «Сказания об Артуре» *202, 203*
Гус Иоганн (Ян) (1369—1415), чешский реформатор *338, 339, 346, 364*
Густав-Адольф (1594—1632), шведский король, полководец, учавствовал в 30-летней войне *418, 424, 425*
Гуттен Ульрих (1488—1523), знам. гуманист, сторонник свободы вероисповеданий *356, 362, 363, 365, 366, 392, 515*
Гуттенберг Иоганн (1400—1468), изобретатель книгопечатания *315(n), 316*
Гуттер Леонгард (1563—1616), реформатор, последователь Меланхтона *455*
Гюльц Иоганн, строитель Страсбургского собора *249*
Гюнтер Шварцбургский, претендент на германский трон *337*
Гюнтерс Христиан (1695—1723), поэт *523*
Д'Алльи, профессор из Парижа, реформатор *346*
Д'Юрфе, франц. писатель *449*
Да Винчи Леонардо (1452—1519), знам. итал. живописец, механик, архитектор и ученый *506*
Давид Лука, автор «Прусской хроники» *460*
Данте Алигьери (1265—1321), итал. поэт, автор «Божественной комедии» *194, 201, 336, 347, 449*
Дах (1605—1659), поэт *515*
Декарт (1596—1650), франц. философ *457*
делла Кверча (1374—1438), итал. скульптор раннего Возрождения *506*
Деффлингер, бранденбургский фельдмаршал *425*
Диакон Павел (Варнефрид), см. Аделгард *102*
Диац Бартоломео (1450—1500), португ. мореплаватель *349*
Дионис (Вакх), сын Зевса и Семелы *68*
Дитрих фон Вердер, переводчик с итал. языка *452, 522*
Дитрихштейн, граф, участвовал в знаменитом «Конном балете» 24 янв. 1667 г. *438*
Доминик (1170—1221),испанский ученый и проповедник, основал орден в 1215 г. *136*
Донателло (1386—1466), итал. скульптор *506*
Доротея София Ганноверская, курпринцесса *447*
Доршен И.Г., доктор и профессор теологии *481*
Доцингер Иобст, начальник работ по постройке Страсбургского собора *244*
Дросдорф, мастер из Майнца *251*
Дюдеван Аврора (Жорж Санд) (1804—76), франц. писательница *447*
Дюрер Альбрехт (1471—1528), знам. художник, скульптор, архитектор *510(n), 512, 465, 509*
Елизавета Тюрингенская, ландграфиня *234, 235*
Жерсон, парижский профессор *346*
Жонас, поэт *515*
Захарий, поэт *476*
Зельд М.Т., протестантский священник *481*
Зенгерин Мария Рената, последняя погибшая «ведьма» в Германии в Вюрцбурге в 1749 г. *505*
Зенфл Людвиг, регент пения *512*
Зигель Иоанн Готтлиб, ученый *459*
Зигфрид, легендарный и сказочный герой *22, 47, 51, 62*
Златоуст Иоанн (347—407), отец церкви *252*
Зухенвирт Петр, писатель 15 в. *514*
Иван Грозный (1530—84), русский царь и великий князь *234, 358*
Иван фон Гольденслеве, студент, погибший от собрата в 1516 г. *474*
Иероним Пражский (1380—1416), единомышленник Гуса *346*
Ильдико, бургундская принцесса (453 г.), невеста Аттилы *75*
Иннокентий III [1198—1216], папа Римский *132, 231, 234*
Иннокентий IV [1243—1254], папа Римский *291*
Иннокентий VIII [1484—1492], папа Римский *491*
Иоганн Страсбургский, епископ 1317 г. *299*
Иоанн-Георг I, внук Христиана II, курфюрста Саксонского *443, 450*

Инститор Генрих, инквизитор, соавтор «Молота колдунов (ведьм)» *492*
Иоанн XII [955–964], папа Римский *122*
Иоанн Георг Бранденбургский, курфюрст *469*
Иоанн Казимир, пфальцграф *467*
Иоанн фон Везель, противник Рима *349*
Иоанн фон Верт, генерал *425*
Иоанн фон Гох, приор, противник Рима *349*
Иоанн фон Эк, противник Реформации *354*
Иоанн-Вильгельм III, герцог Юлих-Клевский *446*
Иоанн-Сигизмунд, курфюрст Бранденбургский *443*
Иоанн-Фридрих, курфюрст Саксонский *386*
Иоахим II, курфюрст Бранденбургский *392, 445*
Иоахим фон Этинген, граф *392*
Иоганн фон Калькар, живописец религиозного направления *509*
Иоганн, мастер, составитель плана Кёльнского собора *249*
Иордан, остготский историк 6 в. *73*
Иосиф I (1678–1711), император с 1705 г. *429*
Кайзер Рейнхард (1673–1739), композитор *513*
Каликстус Георг, продолжатель деятельности Меланхтона *455*
Кальдерон (1600–1681), испанский драматург *201*
Кампанелла (1568–1639), итал. философ *457*
Канизий Петр (1521–1598), иезуит *456*
Каниц, поэт придворный *523*
Канцов Фома, хронист Померании 11 в. *460*
Капет Гуго (940–996), франц. король *120*
Капито Вольфганг (1478–1541), сторонник Цвингли *455*
Кардинал Пейре, поэт-реформатор 13 в. *194*
Каринтийский Арнульф (850–899), император с 887 г., короновался в Риме *120*
Каринтийский Ульрих, муж Агнесы Меран *172*
Карл IV (1316–1378), император *318*
Карл IV Люксембургский, король Богемский *337*
Карл V (1500–58), император Св.Р.И., вел 4 победоносные войны с Францией, одну с Турцией, в Германии потерпел поражение в 1555 г. и в 1556 г. отрекся от престола *363, 375, 376, 377(n), 412, 416, 419, 421, 422, 432, 440, 445*
Карл Бургундский, герцог *260*
Карл Великий (742–814), сын Пипина Короткого, воевал с саксами, датчанами и славянами *78, 82, 83, 86(n), 89, 97-103, 105, 106, 114, 118, 119, 120, 122, 123, 125, 127, 130, 135, 195, 260, 264, 271, 334, 341, 389, 480*
Карл Леопольд, герцог Мекленбургский *447*
Карл Лысый (823–877), император Св.Р.И. *119*
Карл Смелый (1433–77), герцог Бургундский *330, 341*
Карл Толстый (839–888), император Св.Р.И. *120, 266*
Карна, индийский герой из преданий *22*
Карпцов Бенедикт (1595–1666), юрист по гражданскому праву *458, 459, 504*
Каспар фон дер Реен, литературовед *216*
Каспар фон Тейтлебен, тюринг. дворянин *451*
Кассий (?–42 до Р.Х.), рим. воен. полит. деятель *24*
Кассиодор (487–578), писатель *77, 104*
Катилина (108–62 до Р.Х), устроил заговор *24*
Катон Утический (95–46 до Р.Х.), противник Цезаря *526*
Кеведо (1580–1645), исп. писатель *523*
Кевенгиллер, очевидец бедствий 30-летней войны в Германии *426*
Кегорн, нидерл. военный инженер *428*
Кениг, придворный поэт *523*
Кентерберийский Ансельм (1033–1109), знам. схоластик и богослов *236*
Кеплер Иоанн (1571–1630), астроном и оптик *466, 468(n)*
Клай, один из основателей «Ордена пегницких пастухов» (1642) *452*
Клейст Генрих фон (1777–1811), поэт-романтик *270*
Клеманж, профессор, передовой богослов, реформатор *346*
Клингзор, сказочный персонаж *201, 219*
Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803), знам. поэт *200, 527, 528(n), 529*
Клотар II (584–629), меровингский король *82*
Клузир, ботаник *389*
Кнеллер (1648–1723), портретист *512*
Колумб Христофор (1492–98), итал. мореплаватель, открыл Америку *349*
Конрад, герцог Лотарингский и Франконский, супруг Луитгарды - дочери Оттона Великого *114*

Конрад II (990—1039), король и император Св.Р.И., основатель франконской династии *130, 140*
Конрад Вюрцбургский (ок. 1225—1287), выдающийся поэт *317, 219*
Конрад фон Кюренберг, миннезингер, автор «Песни о Нибелунгах» *214*
Конрад Франконский, (990—1039), король и император Св.Р.И., основатель франконской династии *121*
Конрад, священник, первел на нем. язык «Песнь о Роланде» *198*
Коперник Николай (1473—1543), основатель современной астрономии *466*
Корреджио Антонио (1494—1534), итал. живописец *506*
Корнеус И.Е., доктор теологии *481*
Кох Аугустейн, горожанин из Гемюнда *311*
Кранах Лука (старший) (1472—1553), знам. живописец *509, 510, 512*
Крафт Адам (1460—1508), знам. скульптор нюрнбергс. школы *508*
Крейтерманн, писатель (...волшебный лечебник) 1726 г. *482*
Кретиен де Труа, поэт среднев. франц. трувер 12 в. *194*
Кристоф Баварский, герцог *310*
Кротус Иоанн (Crotus Rubeanus), духовный отец «Писем темных людей» *356*
Крузиус Мартин (1526—1607), швабский хронолог *461*
Кульман (1667—89), писатель-мистик *456*
Кундрия, посланница Грааля (из «Парциваля» *205*
Кундце, художник богемской школы *250*
Кунимунд (?—567), король гепидов *78*
Кунц фон дер Розен, шут императора Максимилиана I *435*
Курт фон Бургсдорф, обер-камергер бранденбургский 394
Курфюрст Саксонский (Фридрих Мудрый) (1463—1525), учредил в 1502 г. Виттенбергский ун-т *364*
Лабео Ноткер, С.-Галльский монах *127, 286*
Лампрехт, священник, написавший «Песнь об Александре Македонском» *199*
Лапид Ипполит (1605—78), правовед *458*
Лев, рим. епископ (452) *75*
Лев III [795—816], папа Римский *82*
Лев X [1513—21], папа Римский *357*
Лев Генрих (Гордый), герцог Бременский см. Поп Конрад *198, 329*
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), знам. философ, ученый, президент Бременской академии наук *456(n), 457, 458*
Лембли, еврей из Шаффгаузена *229*
Леопольд, австрийский герцог *217*
Леопольд I (1640—1705), немецкий император с 1658 г. *217, 428, 436, 437, 448*
Леопольд Австрийский, герцог, убит в войне со Швейцарией при Земпахе в 1386 г. *330*
Лессинг, Эфраим (1729—81), знам. писатель *526*
Либер Фома (1523—83), химик *465*
Ливий, Тит (*59—17 до Р.Х.*), *знам. рим.* историк *397*
Лимнеус Иоанн (1592—1663), правовед *458*
Липпольд, финансист курфюрста Бранденбургского Иоахима II *445*
Логау Фридрих фон (1604—54), выдающийся поэт *451, 456*
Лойола Игнатий (1491—1556), основатель ордена «Иезуитов» в 1540 г. *377*
Локк Джон (1632—1704), знам. англ. философ *458*
Лопе де Вега (1562—1636), знам. исп. драматург *517*
Лотар (I), (795—855), из рода Карловингов, сын Людовика Благочестивого, имп. Св.Р.И. [817—855] *119*
Лоэнштейн Каспар (1635—83), писатель *522*
Лудгер, живописец из Мюнстера нач. 16 в. *509*
Лиутгарда, дочь имп. Оттона I, супруга герц. Лотарингск. и Франкон. Конрада *114*
Луи-Филипп (1773—1850), франц. король [1830—48] *334*
Людвиг фон Сиген, гравер *512*
Людовик (Благочестивый) (778—840), имп. Св.Р.И. *91, 107, 119*
Людовик III [879—882], из рода Карловингов *107*
Людовик XI Французский (1423—83), король Франции [1461—83] *334, 358, 270*
Людовик XIV (1638—1715), король Франции *374, 381, 390, 415, 439, 444*
Людовик XV (1710—74), король Франции *444*
Людовик Ангальт-Кетенский (?—1650), князь *451*

Людовик Баварский (1284—1347), герм. король *336, 337*
Людовик Дитятя (899—911), сын Арнульфа *120*
Людовик Ленивый (966—987), франц. король *120*
Людовик, герцог Баварский *442*
Лютер Мартин (1483—1546), великий реформатор из Эйслебена, проф. философии в Виттенб. ун-те, с 1512 - доктор богословия, перевел на нем. яз. Библию *353, 360, 361, 362, 363(n), 364, 365, 367, 374, 375, 376, 397, 445, 448, 449, 455, 467, 468, 474, 512*
Магомет (Мехмед) IV, [1648—87], турецкий султан *390*
Маймонид Моисей (1135—1204), евр. ученый, теолог, вероучитель, написал на евр. яз. «Мижна-Тора» *236*
Мейнверк Падерборнский, епископ *123*
Макиавелли Николо (1469—1527), итал. гос. деятель и политич. писатель *348, 458*
Макс фон Эберштейн, полковник ландскнехтов, участник «Конного балета» *442*
Максимилиан I (1459—1519), имп. Св.Р.И. с 1493 расширял владения, покров. наукам и искусству *169, 244, 333, 340, 341(n), 355, 359, 412, 416, 435*
Максимилиан II (1527—76), имп. Св.Р.И. *385, 443*
Максимилиан Баварский (1573—1651), герцог *380, 403*
Манн, сын Туиско, легендарный родоначальник немецкого народа *29, 61*
Мануэль Никлас (Николай) (1484—1530), швейц., живописец, поэт, гос. человек *509, 517*
Марбод (Маробод) (?—37 до Р.Х.), вождь севско-маркоманского союза, организовал королевство в Богемии, неудачно сражался с Арминием *30*
Марбургский Конрад, духовник ландграфини Елизаветы Тюрингенской *234*
Маргарита-Тереза (1651—73), исп. инфанта, супруга имп. Леопольда I *436, 438*
Марий (157—86 до Р.Х.),римск. полководец, консул *23, 24*
Марке, король из «Тристана и Изольды» *206*
Мартелл Карл (688—741), герцог франков, остановил нашествие арабов на Европу в 732 г. *93*
Матис, еврей из Шаффгаузена 1401 г. *229*
Матфей, (1557—1619), король и император Св.Р.И. *380*
Меланхтон Филипп (1497—1560), реформатор, «Учитель Германии» *397, 445, 448, 455, 467, 468*
Мендоза (1506—75), исп. полководец, дипломат, писатель *449, 523*
Менкен Отто, профессор из Лейпцига *414*
Мерзебургский Дитмар (975—1019), епископ, знам. летописец *127*
Меровей, легендарный король франков в 5 в. *82*
Меровинги, династия франкский королей Галлии *82*
Мертейн Зиттих фон Эмс, начальник отряда *423*
Мецлер, один из руководителей крестьян. восстания *369*
Микеланджело Буонороттн (1475—1564), знам. итал. художник *506*
Микелоццо (1396—1472), флорен. арх., скульптор *506*
Михель, нариц. имя нем. горожанина *23*
Мозер Лука, швабский художник *509*
Молитор Ульрих, писатель *504*
Монтекукули (1608—81), австр. фельдмаршал, главноком. в войне с Людовиком XIV *428, 437*
Монфорт, графское семейство *310*
Морган, князь из эпоса «Тристан и Изольда» *206*
Мориц Гессенский, ландграф, организовал в 1599 образовательное учрежден. для дворян Германии *450*
Мориц Саксонский (1521—53), курфюрст, ввел протестантизм и убедил императора Крла V признать свободу вероисповедания *376, 377, 395, 440, 422*
Моцарт Вольфганг (1756—91), вел. композитор *514*
Мошерош Ганс Михель (1601—69), писатель-сатирик *451, 523*
Мурад I (1319—89), султан, подчинил своему владычеству множество стран *340*
Мурнер Томас (1475—1537), писатель, францисканец, противник Лютера *168, 515*
Мускулус, бранденбург. придв. проповедник *444*
Мюллер Вильгельм (1794—1827), законовед и правовед *45*
Мюллер Петр (1640—96), поэт *458*

Мюнстер Христиан (1489–1552), ученый географ *460*
Мюнцер Томас (1489–1525), проповедник Реформации, участник крестьян. восстания *367, 368(n)*
Наполеон I (1769–1821), франц. император династии Бонапартов *424*
Нарзес (472–568) *78, 79(n)*
Нассауский Адольф (1292–98), король герм., погиб в битве при Гелльгейме *334*
Неандер Михаил (1515–95) руков. ильфельдской филолого-теологической школы *458*
Нейбер Фредерика Каролина, актриса в Лейпциге *526*
Неймарк, поэт *515*
Никлас (фон Сальм), граф, участник пленения Франциска I при Павии *423*
Никлас фон Виле, переводчик 15 в. *514*
Николай II [1059–61], папа Римский *132*
Нитгарт, австрийско-баварский поэт *218*
Октавиан (Август) Гай Юлий Цезарь (63–14 до Р.Х.), 1-й рим. император *24*
Олеариус Адам (1599–1671), саксонец, ученый, писатель, путешественник *390*
Опиц Мартин (1597–1639), поэт-патриот *452, 520, 521, 526*
Оппенгеймер Зюсс (?–1738), еврей-финансист герцога Вюртембергского *446*
Оранский Вильгельм (1533–84), принц, правитель Голландии *395*
Освальд фон Волькенштейн (1367–1445), рыцарский поэт *220*
Отто, князь генненбергский *310*
Отто фон Боденлаубе, поэт *216*
Оттокар Богемский, рыцарь *334*
Оттокар фон Горнек, современник Лихтенштейна *171, 212*
Оттон I (Великий) (912–973), сын Генриха I, короля Германии *23, 114, 122, 123, 127, 128, 135, 480*
Оттон II (954–983), король и имп. Св.Р.И. *123, 126, 128*
Оттон III (980–1002), король и имп. Св.Р.И. *123, 130*
Отфрид, монах из Вейсенбурга, древнейший писатель *107*
Палладио Андреа (1518–80), знам. итал. арх., написал трактат об архит-ре *506*
Парацельс Теофраст (1493–1541), швейц. врач, «отец» фармацевт. химии *465(n)*
Паскаль Блез (1623–62), франц. мыслитель, физик, математик *456*
Пейербах Георг (1423–61), ученый *465*
Пескара, маркиз, военачальник имп. Карла V *422, 423*
Петенбек Марья, супруга Вильгельма Баварского *445*
Петерсен Иоанн, хронист (голштинская хроника) *460*
Петр I (1672–1725), первый император всероссийский *447*
Петрарка (1304–94), итал. лирик и гуманист *347, 449*
Пий II (Пикколомини Эней Сильвий), [1458–64], папа Римский *300 301, 350, 514*
Пипин Короткий [751–768], 1-й король франков из рода Карловингов *82*
Пиркгеймер Вилибальд (1470–1530), гуманист, отстаивал единство Германии *352, 460*
Поджйо, итал. путешественник в Германии *302*
Помпей (106–48 до Р.Х.), рим. полководец *24*
Пражский Теодорих, живописец богемской школы *250*
Прегаузер Готфрид, деятель театра в Вене *525*
Пробст Петер, драматург *516*
Прокопий (кесарийский) (конец V в.–60 VI в.), византийский историк *42, 73*
Пульчи Луиджи (1432–87), итал. писатель *449*
Пфефферкорн, еврей, принявший христианство, выхлопотал у имп. Максимилиана в 1509 г. указ о сожжении всех евр. книг кроме Библии *355*
Пфинцинг Мельхиор, литератор и писатель *213*
Рабенер Готлиб Вильгельм (1714–70), сатирик *527*
Радагайс, герцог союзных германцев, осадил Флоренцию в 405 г. убит *74*
Радбод, фризский князь *91*
Раувольф, врач-путешественник *390*
Рауль-де-Гудан, франц. трувер *194*
Рафаэль Санти (1483–1520), итал. художник *357, 506*
Раш Иоанн, издал в 1582 «Руководство к виноделию» *388*
Ребман Франц, участник крестьян. восстания 1525 г. *369*

Регенсбургский Бертольд (1220—72), проповедник *231, 232*
Регимонтанус (Миллер) Иоанн (1436—76), ученый, математик, астроном *465*
Рейнмар фон Цветер (1200—1252?), поэт, последователь Вальтера фон Фогельвейде *216, 219*
Рейснер Адам, военный писатель *460*
Рейхлин Иоанн (1455—1532), гуманист и реформатор *351, 355*
Рембрандт Ван Рейн (1609—69), знам. голландский живописец *507*
Риккардис, сестра, ученая-наставница Росвиты *128*
Ринг Германн, мюнстерский живописец *509*
Рингвальд, религиозный поэт *515*
Риндфлейш, дворянин-убийца евреев в 1298 г. *227*
Рис, религиозный поэт *515*
Рист Иоанн, основатель «Эльбского лебединого ордена» *452*
Рихардиса, супруга имп. Карла Толстого *266*
Ришелье (1585—1642), франц. кардинал *374*
Розамунда, дочь Кунимунда, жена Альбуина, короля Лонгобардов *78*
Розенплют (Шнеперер) Ганс, драматург 15 в., поэт и литейщик пушек, из Нюрнберга *516*
Роланд, племянник имп. Карла Великого *195, 196, 198*
Ролленгаген Георг (1542—1609), проповедник, ректор в Магдебурге и сатирик *516*
Росвита (Гросвита), монахиня, писательница *127, 129, 166*
Ротруда, дочь имп. Карла Великого *102*
Рубенс Петр-Пауль (1577—1640), знам. флам. живописец *507*
Рудгарт, переводчик на нем. язык 406
Рудольф II (1552—1612), из династии Габсбургов, имп. Св.Р.И. [1576—1612] *380, 446*
Рудольф Габсбургский (1218—91), император Св.Р.И. *334*
Рудольф Габсбургский (1552—1612), император *244, 262, 288*
Рудольф Эмсский, рыцарь, писатель *212*
Рупрехт, пфальцграф *261*
Рупрехт Пфальцский [1400—10], император Св.Р.И. *337*
Руфин, галл, министр Восточной Р.И. *74*
Ругендас Филипп (1662—1742), батальный живописец *512*
Рюкснер Георг, писатель-историк рыцарства *460*
Сабина, женщина-скульптор *251*
Савонарола Джироламо (1452—98), итал. реформатор *348*
Сакс Ганс (1494—1576), поэт-мейстензингер *320, 449, 517*
Самуил фон Пуфендорф (1631—94), правовед 17 в., философ *458*
Спенер Филипп Яков (1635—1705), основатель пиетизма *459(n)*
Сансовино (Татти) Якопо (1486—1570), итал. арх. и скульптор Возрождения *506*
Свинде Альберт, вольный граф (фемгерихта) *278*
Сегимер, брат Сегеста, вождя херусков *26*
Сивилла, невестка жены герцога Иоанна Вильгельма *446*
Сигизмунд (1368—1437), герм. имп. Св.Р.И. *279, 308, 338, 339, 340*
Сигун, героиня «Парциваля» *180, 204*
Сигфуссон Семунд (1056—1133), исландский ученый *51*
Сидней, франц. ученый *458*
Сидов Анна, литейщица *445*
Сизиф, нариц.имя («напрасный труд») *235*
Симон де Турне, парижский богослов *231*
Сирлин Иорг, художник *508*
Слейданус Иоанн (1506—56), писатель *460*
Соест Иаренс фон, живописец религиозной школы 16 в. *509*
Софокл (496—406 до Р.Х.), вел. греч. поэт-драматург *252*
Спенер (Шпенер) Филипп Яков (1635—1705), писатель, пиетист *457*
Сператус, поэт *515*
Спиноза (1632—77), философ *457, 458*
Спорк, генерал 30-летней войны *425*
Стальганч, генерал 30-летней войны *425*
Стефан (1380), мастер, ученик мастера Вильгельма *250*
Стилихон Флавий (395), рим. полководец, правитель Зап. Р.И. *74, 75*
Страницкий Иозеф (1676—1726), австр. актер-драматург *525*
Стурлуссон Снорри (1178—1241), исл. поэт-скальд *52*
Стюарт Елизавета, невеста курпринца Фридриха *450*

Сузо Генрих (1295–1366), мистик, миннезингер *232*
Сулла Луций Корнелий (138–78 до Р.Х.), рим. полководец *24*
Тангузер, поэт *218*
Тартаглий, итал. математик-оружейник *421*
Таулер Иоганн (1300–61), мистик, писатель, проповедник *232*
Тацит Корнелий (53–117), рим. историк *27, 28, 29, 30, 34, 39, 43, 47, 68, 280*
Твингер Яков фон Кенигсгофен, хронист (1386) эльзасская и страсбургская хроника) *228, 318*
Тейя (†552), король остготов, пал в сражении при Кумах *77*
Тейхнер Гейнрих, писатель *514*
Теодорих (454–526), король остготов с 493 г. *77*
Теодульф, епископ, участник собрания ученых у Карла Великого *102*
Теренций Публий (192–159 до Р.Х.), рим. поэт-комедиограф *129*
Тилли Иоганн (1559–1632), граф, полководец *424, 425*
Тихо де Браге (1546–1601), знам. датский астроном *466*
Тициан (1477–1576), живописец венецианской школы *506*
Томазий Христиан (1655–1728), юрист *414, 457, 458, 504*
Торквемада Томас (1420–98), великий инквизитор Испании (с 1483) *234*
Тотила [541–552], король остготов *77*
Трейцзауервейн Маркс, секретарь имп. Максимилиана I *212*
Третелгий Олаф, шведский король, принесенный в жертву *59*
Тритемиус Иоанн, ученый аббат *352*
Троцендорф Валентин (1490–1556), руководитель гольдбергской школы *458*
Туиско, божество, его сын Манн - прародитель германцев *29, 61*
Турнейсер Леонгард, лейб-медик курфюрста Бранденбургского *469*
Турнмайер-Авентинус Иоанн, хронист 16 в. *460*
Турн-Таксис Франц, первый почтовый работник Германии *412*
Турский Григорий (538 или 539–593 или 594), епископ Тура с 573, автор «Истории франков» *82*
Туснельда, жена Арминия, дочь Сегеста *25*
Трюггвассон Олаф (969–1000), норвежский король *92*
Ульфила (311–383), переводчик Библии на готский язык, епископ готов, святой *71(n), 282*
Ульрих, святой, патрон г. Аугсбурга *310*
Ульрих Вюртембергский, герцог *386*
Ульрих фон Брауншвейг, писатель *522*
Ульрих фон Винтерштеттен, поэт, миннезингер *217*
Ульрих фон Гуттен (1488–1523), знам. гуманист *352, 353(n)*
Ульрих фон Зингенберг, поэт, миннезингер *217*
Ульрих фон Лихтенштейн, штирийский рыцарь *171-174*
Ульрихин Анна Елизавета, мещанка *481*
Унрест Яков, австрийский летописец *169*
Фальц Ганс, драматический писатель *516*
Фарас, полководец (осаждал Гелимера в 533 г.) *73*
Феликс фон Верденберг, граф, *прославился* убийством в 1511 г. *392*
Фельдеке Генрих, отец придворной поэзии (1175 г.) *199, 201, 216*
Феодосий (408–450), рим. император *73, 74*
Феофания Византийская, супруга Оттона III *123*
Фердинанд I (1503–64), имп. Св.Р.И. с 1556 *380*
Фердинанд II (1578–1637), имп. Св.Р.И. с 1619 *435, 444*
Фердинанд Тирольский, эрцгерцог *445*
Феринген, бургмейстер г. Нюрдлингена *502*
Фигейрас Гильем, поэт-реформатор 13 в. *194*
Филандер фон Зиттевальт, писатель, свидетель ужасов 30-летней войны *426*
Филипп I, ландграф гессенский (начало 16 в.) *434, 445*
Филипп II (1523–98), король Испании *377*
Филипп Гогенштауфен (1177–1208), король герм. *217*
Филипп Красивый (1268–1314), франц. король *337*
Филипп-Август Французский (1165–1223), король Франции из рода Капетингов *261*
Филипп-Франц, рейнграф *439*
Финигуерр Мазо, мастер из Флоренции, изобрел гравирование *512*

Фишарт Иоганн (1545 или 1550—89), значит. сатирический писатель *395, 449, 487, 516, 520(n), 523*
Фишер Ерлахский (1656—1723), знам. архитектор *507*
Фишер Петер (1455—1529), скульптор по бронзе *508*
Флемминг Павел (1609—40), лучший поэт 17 в. *521*
Фома фон Абсперг, дворянин, запятнавший честь убийством *392*
Фосс Бальтазар, судья колдунов и ведьм в Фульде *503*
Франк Севастиан (1499—1545?), писатель, собиратель пословиц *313, 314, 375, 460*
Франке Август Герман (1669—1727), основатель пиетизма *457*
Франко, мастер из Кёльна, муз. теоретик *251*
Франциск I (1494—1547), франц. король [1515—47] *358, 363, 396, 418, 422, 423, 444, 449*
Франциск фон Зикинген (1481—1523), рыцарь, один из вождей дворянского восстания *365(n)*
Фредегунда (545—597), жена Хильперика, короля династии Меровингов *82*
Фрейданк, писатель 13 в. *219*
Фрейзингенский Оттон, епископ, биограф Фридриха Барбароссы *138*
Фридрих, австр. герцог *217, 289*
Фридрих I (Барбаросса) (1123—90), первый имп. Св.Р.И. [1147—90] *138, 140, 141, 148, 182, 200, 234, 251, 261, 264, 336, 480*
Фридрих II (1194—1250), имп. Св.Р.И., внук Барбароссы *140, 143(n), 186, 217, 218, 231, 232, 234, 261, 264, 265, 288, 291, 329, 333*
Фридрих III (1415—93), король [1440—86], имп. Св.Р.И. [1440—93] *258, 278, 340, 350, 351*
Фридрих III Пфальцский, курфюрст *450*
Фридрих Великий (1712—86), король Пруссии *507*
Фридрих Вюртембергский, герцог 16 в. *464*
Фридрих Задорный Австрийский, герцог 13 в. *172*
Фридрих Прекрасный Австрийский, претендент на имп. престол (1322) *336*
Фридрих фон Гагедорн (†1754), поэт *523*
Фридрих фон Гузен, поэт *216*
Фридрих фон Шпе (1595—1635), граф, иезуит, противник процессов против ведьм *455, 504, 515*
Фришлин Никодем (1547—90), поэт *386, 514*
Фруассар Жан (1337—1410), франц. историк *186, 317*
Фрундсберг (Фронсперг) Георг (1473—1528), воин императора Карла V *422, 415, 416, 422, 423*
Фуггер Антон, представитель знатного банкирского дома *397*
Фуггер Якоб, представитель знатного банкирского дома *400(n)*
Хитреус Давид (1530—1600), реформатор, последователь Меланхтона *455*
Хлодвиг (Великий) (465—511), король франков из рода Меровингов *78*
Христиан II (1481—1559), датский король, шведский и норвежский *358*
Христиан II Саксонский (1583—1611), курфюрст *446, 450*
Христиан Гофман фон Гофмансвальдау (1618—79),поэт второй силезской школы *521*
Христиан фон Гамле, поэт *217*
Христоф фон Геннеберг, граф, избран в 1525 г. ректором Гейдельбергского ун-та *470*
Кевенгиллер Христоф Франц фон (1584—1650), граф, историограф Фердинанда II *461*
Цанкрид Вильгельм, рыцарь, показавший свою силу на состязаниях в Аугсбурге в 1470 г. *310*
Цастрово Варфоломей (1520—1603), писатель-историк *460*
Цахария Юстус Фридрих Вильгельм (1726—77), писатель *527*
Цветерский Рейнмар, поэт 13 в. *219*
Цвингли Ульрих (1484—1531), швейц. реформатор, погиб при Каппеле в сражении с католиками *354(n), 365, 375, 455, 515*
Цезарь Юлий (100—44 до Р.Х.), рим. полководец, писатель, историк *27, 28, 30, 325, 924*
Цезен Филипп фон (1619—89), литератор, основал «Немецкое товарищество» в 1643 *522, 452*
Цейтблом Бартоломей (1450-55—1517), художник из Ульма *509*
Цельтис Конрад (1459—1508), изв. гуманист, поэт *351*
Церклар Томазин, поэт 13 в. *219*
Цивилис (Юлий), вождь батавов и организатор батавского мятежа *27, 36, 39*

Цингреф Вильгельм (1591—1635), собиратель пословиц *460*
Челлини Бенвенуто (1500—72), итал. скульптор, ювелир *506*
Чуди Эгидий (1505—72), «Швейцарский Геродот» *460*
Шаппелер (1472—1551), священник, советник крестьян. восстания *369*
Шарлота, королева Прусская (1700) *448, 453*
Шарлотта-Елизавета Орлеанская, герцогиня *445*
Шауэнбургский Адольф, архиепископ *508*
Шауэнбургский Антон, архиепископ *508*
Шафнер Мартин, художник ульмской школы *509*
Швапперманн, знам. воитель из Нюрнберга *336*
Шварбер Петр, бургомистр из Страсбурга *228*
Шварц Бертольд, монах-францисканец, по преданию ок. 1330 г. изобрел порох *242*
Шварценберг Иоанн, составитель уголовно-правового кодекса *458*
Швейтцер Урбан, стрелок *310*
Швенкфельд Каспар (1490—1561), писатель-мистик *456*
Шекспир Вильям (1564—1616), выд. английский драматург *148, 522*
Шернберг Теодор, священник, драматург *516*
Шертлин Севастиан (1496—1577), мемуарист, фельдгауптман из Аугсбурга *396, 422, 460*
Шеффлер Иоганн (1627—77), мистик-пантеист *515*
Шиллер Фридрих (1759—1805), знам. поэт *200, 205, 228*
Шиллинг Диебольд, хронист из Люцерна *267*
Шильтер Иоанн (1632—1703), составитель фундаментальных сочинений-компендиумов *458, 459*
Шлейх Агнеса, восьмилетняя девочка *481*
Шлютер Андрей, архитектор и строитель *507*
Шмельцер Генрих, знам. автор «Конного балета» *439*
Шомберг, дворянская фамилия из Пфальца *396*
Шонгауер Мартин, швабский художник *509*
Шписс Ганс, крестьянин из Эттисвилля *267*
Шпренгер Яков, соавтор книги «Молот ведьм (колдунов)» *492, 493*
Штейнгевель Гейнрих, писатель 15 в. *514*
Штейнмар, поэт из Швейцарии *218*
Штригель, испанский теолог, проживал в Веймаре *469*
Штурм Иоанн (1507—1589), руководитель страсбургской ученой школы *458*
Шупп Бальтазар (1610—1661), теолог, протестант *523*
Шюлейн Ганс, художник в Фрейбурге *509*
Эбербах Петр, соавтор «Писем темных людей» *356*
Эгингард (Эйнгард), тайный секретарь и биограф Карла Великого *102, 103*
Эгль Андрей, мастер плана Регенсбургского собора *249*
«Эдда» (старшая и младшая), два произведения древнескандинавской литературы *42, 51, 107*
Эдеманнс Юрген, предводитель дитмарзов в 1144 *328*
Эйкэ фон Ренгов, саксонский рыцарь, составивший в 1230 свод саксонских законов «Саксонское зерцало» *262*
Эк Иоанн (1486—1545), католический писатель *455*
Эйк Губерт (1370—1426), Иоганн (1390—1441), Маргарета - знам. семейство художников Фландрии *507*
Эккехард, монах из С.Галле, поэт *94(n), 97*
Эколампадиус Иоанн (1488—1531), реформатор, последователь Цвингли *455*
Элеонора, принцесса, сестра имп. Карла V *445*
Эль Генрих, лейпцигский студент столетнего возраста *470*
Эмма, дочь имп. Карла Великого *103*
Эммель Эгенольф, из Франкфурта, издал 1-ю еженедельную газету в 1615 г. *413*
Энзингер, семья архитекторов, руководила строительством Ульмского собора *249*
Энцио (1220—72), король из рода Гогенштауфенов, побочный сын имп. Фердинанда II *140*
Эразм Роттердамский (1465—1536), великий гуманист *339(n), 352, 365, 406, 515*
Эрвин фон Штейнбах (1240—1318), архитектор, основал страсбургскую главн. хижину *244, 249, 251*

Эрнст Благочестивый, герцог Саксен-Готский *394*
Эрнст Иоахим (1536—1586), курфюрст Ангальтский *450*
Эрхангер, граф алеманский *121*
Эстикампианус Иоанн Региус, базельский гуманист *352*
Эччелино, мучитель, садист *270*
Юлиан Флавий Клавдий (331—363), рим. император *27*
Юлиана, ландграфиня Кассельская (1615) *446*
Юлий Брауншвейгский, герцог в 1605 г. взял на службу труппу актеров *411, 518*
Юстиниан (483—565), византийский император *78, 239*
Яков I (1566—1625), король Англии [1603—25] *389*
Яковея Баденская, мессалиновская жена герцога Юлих-Клевского Иоанна-Вильгельма III *446*

ТОМ II

А.Л. фон Шлецер, философ и полит. деятель *105*
Аббте, популярный философ *105*
Абрам-а-Санкта-Клара, арлекин духовного звания *24, 26*
Август II Сильный (1670—1733), курфюрст Саксонский *43, 45(n), 72*
Август III (1696—1763), польский король *45*
Аврелий Марк (121—180 до Р.Х.), рим. император, философ-стоик *89*
Адольф Густав (1594—1632), шведский король *231*
Аккерман Конрад (1712—71), драматург *128*
Алкивиад (451—404 до Р.Х.), афинский философ *163*
Альвари, автор учебника латинского языка *95*
Альфиери (1749—1803), итал. поэт *56*
Амалия, веймарская герцогиня *91*
Амалия фон Войгт, одна из дам веймарского общества *94*
Аристофан (ок. 445—385 до Р.Х.), др. греч. философ и драматург *91*
Арндт Эрнст Мориц (1769—1860), профессор *169, 181*
Арним Людвиг Ахилл Ф. (1781—1831), писатель-романтик *159, 160, 213*
Арнольд, мельник из Пруссии, его судебный спор с графом Шметтау (1779) король Фридрих решил в пользу 1-го, а судей—наказал *143*
Арнольди, трирский епископ *221*
Астарта, богиня в др. Финикии *224*
Ауерсперг Нейперг, княгиня при дворе Марии-Терезии *30, 33, 235*
Ауэрбах Бертольд (1812—82), писатель *235*
Ахенбах, художник, приверженец дюссельдорфской школы *190*
Баадер Франц (1765—1841), философ, мистик *182*
Бабеф Франсуа Ноэль (1760—97), франц. философ *217*
Баварская Иосифа (1739—67), вторая супруга прусского короля Иосифа II *58*
Баде И.И.К., член массонской ложи вольных каменщиков *84*
Баден-Дурлахская, принцесса, супруга герцога Эбергарда-Людвига *46*
Баденский Людвиг (1655—1707), полководец *141*
Базедов Карл (1799—1854), автор критических статей против церкви *91, 105*
Байретская, маркграфиня, дочь Фридриха-Вильгельма I *40, 43*
Байрон, лорд (1788—1824), англ. поэт *234*
Бакарме, виновник сканд. уг. процесса в Бельгии *219*
Бальзамо Жозеф (1743—94), граф Калиостро, сицилийский ученый-шарлатан *81(n)*
Банда Георг (1721—95), композитор *126*
Барберини, итал. танцовщица короля Фридриха Прусского *51*
Бардт Карл (1741—92), литературный критик *104*

Барон фон Гомпеш, вербовщик в прусской армии *137*
Бартенштейн (1689–1767), австр. министр *22*
Бартольд (1799-1858), историк *48, 49, 183*
Бассерман, министр-перевертыш *197*
Баур Христиан (1792–1860), основатель историко-критического кружка в Тюбингене *237*
Бауэр Бруно (1809–82), философ *236(n), 237*
Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), знам. композитор *126*
Бейль Пьер (1647–1706), франц. писатель-гуманист *102*
Бейрейс Готфрид-Кристоф (1730–1809), гельмштатский профессор, теософ-алхимик *82*
Бек, актер Берлинского театра *129*
Беккер, жулик-масон, обокравший кассу ордена *82*
Белль, актер Берлинского театра *129*
Буминг, ученый магистр, посетивший Штольберг в 1751 г. *68*
Бендеманн, художник из Дюссельдорфа, директор академии живописи в Дюссельдорфе [1859–67] *190*
Бенфей Теодор (1809–81), лингвист *182*
Бер, специалист по др. литературе *184*
Берне Людвиг (1786–1837), писатель-юморист *233, 234*
Бернгарди Готтфрид (1800–75), специалист по древней литературе *184*
Бертух, казначей герцога Веймарского *92*
Беттина фон Арним (1785–1859), сестра Брентано, писательница *153, 160*
Бетховен Людвиг Ван (1770–1828), композитор *128(n), 191*
Билефельд Г., писатель-путешественник *50*
Бинцер, композитор *181*
Бисмарк Отто (1815–98), знам. полит. деятель, канцлер *238(n)*
Бишофсвердер Иоганн Рудольф (1741–1803), обскурант и организатор тайных обществ при Фридрихе-Вильгельме II *60, 89*
Блан Луи (1811–82), философ-утопист *217*
Блау, ученый, историк и филолог *146*
Блумауер Алоиз (1755–98), австр. писатель, поэт *60*
Блуменбах Иоганн (1752–1840), ученый-физиолог *125*
Блюхер Гебгарт Лебрехт (1742–1819), прусский генерал-фельдмаршал *170, 171*
Боде, специалист по древней литературе *184*
Бойен Герман (1771–1848), реформатор прусской армии *165*
Бок Франц, ученый, философ *182*
Болен Петер (1796–1840), ученый, лингвист *182*
Бональд (1754–1840), франц. мистико-католический писатель *220*
Бонифаций (680–755), святой *190*
Бопп Франц (1791–1867), ученый, лингвист *182*
Боссюэ (1627–1704), франц. писатель-проповедник *72*
Брауншвейгский Фердинанд (1721–92), прусский маршал *141*
Брегшнейдер, протестант-теолог *148*
Брем, детоубийца из Рейтлингена *219*
Брентано Клеменс (1778–1842), писатель-романист *153, 159, 160(n)*
Брун, историк театрального искусства *184*
Брюль Генрих (1700–63), министр при дворе Августа Сильного *45*
Буа, литературный редактор *114-116*
Будденброк, англ. лорд-литератор *102*
Бунзен Христиан (1791–1860), философ-протестант, приверженец Реформации *197*
Бургсталлер, протестантский священник *224*
Буркгардт Якоб (1818–97), историк театрального искусства *184*
Бутервек (1766–1828), специалист по германской и славянской народной поэзии *184*
Бутман Филипп (1764–1829), филолог-лингвист *182*
Бюклер Иоганн, предводитель разбойников *100*
Бюргер Готфрид Август (1747–94), творец немецкой баллады *114(n), 115, 116*
Вааген Густав (Ваген) (1794–1868), историк театрального искусства, худ. критик *184*
Вагнер Леопольд (1747–79), писатель, поэт *118*
Вагнер Рихард (1813–83), композитор *191, 192(n)*
Вайц Георг (1813–86), историк-антрополог *183*
Ваккернагель Вильгельм (1806–69), специалист по литературе *184*

Ваксмут Эрнст (1784—1866), биограф, историк по всеобщей культуре *183*
Валленштейн Альбрехт (1583—1634), имперский главнокомандующий *94, 129*
Вахлер Иоанн (1767—1838), историк литературы *184*
Вебезер, камер-юнкер маркграфа Георга-Вильгельма *46*
Вегшнейдер Фридрих (1766—1826), литературный критик *148*
Вейдих (1791—1837), патриот *194*
Вейнбреннер Фридрих (1766—1826), архитектор *190*
Вейсгаупт Адам (1748—1803), ингольмтский профессор, юрист *84*
Векерлин Вильгельм Людвиг, писатель, либерал, публицист, печатался в 1782—87 *89*
Велькер, историк *194, 197*
Вельнер, абскурант и создатель тайных обществ *60, 89, 153*
Венгель Готтфрид, шарлатан *227*
Венд, столяр из Ростока *193*
Вербер Карл Мария (1786—1826), композитор *191(n)*
Вернер, драматург *161*
Вернер Абрахам Готтлиб (1749—1817), геолог *125*
Вернер Цахария (1768—1823), писатель *160*
Веронезе, пиротехник *47*
Вертер Юлиус (1828), писатель, актер и драматург *15, 93*
Вессенберг Игнатий (1774—1860), протестантский пастор, патриот *147*
Вестрис,придворный композитор *47*
Вехтер Карл (1797—1880), юрист, полит. деятель *185, 187*
Видманн, австр. императорский посланник в Нюрнберге *73*
Визель Паулина, публичная женщина *163*
Виланд Х.М. (1733—1813), поэт, друг Шиллера *58, 72, 73, 79, 91, 93, 106(n), 107, 108, 111, 115, 116*
Вильгельм Оранский Нассауский (1533—84), нидерланд. принц *8*
Вильгельм фон Бюкебург, придворный при Прусском дворе *50*
Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), научный критик *123*
Вильгельм II (1797—1888), император *240(n)*
Вильда Вильгельм (1800—56), историк, юрист *185*
Вильдисбух Маргарет *225*
Вилькен (1777—1840), историк *183*
Винборг, писатель *234*
Винкельман (1717—68), историк, искусствовед *104(n), 105, 111, 126*
Винтер, столяр из Дрездена *193*
Винтерфельд, музыкальный теоретик *126, 141*
Виргилий (70—19 до Р.Х.), рим. поэт *72, 73*
Вирт, писатель, историк *183*
Вирт Георг Август, издатель журнала «Die Deutsche Tribune» *195*
Вит (фон Дюрринг) (1800—63), бурш, писатель *179*
Вольтер Франсуа (1694—1778), франц. философ, просветлитель *51, 102, 103, 107, 115, 184, 185*
Вольф Христиан (1679—1754), философ, профессор *43, 62, 101, 102, 182*
Вольф Фридрих-Август (1759—1854), филолог, педагог *123*
Враксаль, англ. турист *31*
Вюрбен фон, ландгофмейстер из Вюртемберга *46*
Габлидон, еврейский чернокнижник, умерший до Р.Х. *82*
Габсбурги, австр. королевская династия *22, 26, 132, 140*
Гагенбах Карл (1801—74), историк церкви *184*
Гайдн Иосиф (1731—1809), австр. композитор *126, 127(n), 128*
Гакерт Филипп (1737—1804), живописец *126*
Галлер Карл Людвиг фон (1768—1854), идеолог реакции, историк, юрист *175, 184*
Гаманн Иоганн Георг (1730—88), критик-писатель *94, 112*
Гамахер, убийца, преступник *219*
Гамлет, лит. образ Шекспира *21*
Гаммер-Пургшталь (1774—1856), австр. востоковед и дипломат *182*
Ганн Людвиг Филипп (1746—1814), писатель *118*
Ганн-Ган Ида (1805—1880), писательница, основательница монастыря *227*
Гантгейм Николай фон, епископ Трирский, издал книгу о состоянии церкви по степени законности папы *146*
Ганс Эдуард (1797—1839), философ-юрист *185*
Гарвей (1578—1667), англ. врач и физиолог *105*

Гарделла, фаворитка герцога Вюртембергского *49*
Гарденберг (1750—1822), князь, гос. канцлер Пруссии *167*
Гартиг (1764—1837), ученый, лесовод *201*
Гаснер, патер, лжечудотворец *76, 77, 81, 82, 221*
Гаттгельф Иеремий (Бициус), писатель-реалист *235*
Гауг И.Ф., переводчик берлебургской библии *69*
Гаугвитц (1752—1831), прусский гос. деятель *164*
Гауш Эрнст (1796—1859), историк, юрист *185*
Гаупт Мориц (1808—74), историк, филолог *183*
Гебель Иоганн Петер (1765—1826), писатель *123*
Гегель Фридрих (1770—1831), философ, идеалист *45, 218, 231(n), 232, 233*
Геерен, писатель, критик *105*
Гейзер, историк, германист *183, 193*
Гейне Генрих (1797—1856), поэт и публицист *105, 182, 233, 234(n)*
Гейнза Ардингело, библиотекарь баронессы фон Куденгофен *62, 234*
Гейнзе Вильгельм, писатель-социалист *108*
Генрих фон Клейст (1777—1811), писатель-романтик *153, 164, 166(n)*
Генц фон, дипломат *175*
Гекинг, литературный редактор *114*
Гели Людвиг, писатель, член лит. кружка *114*
Геллерт Кристиан (1715—69), писатель, моралист *72, 73, 79*
Геллти Ган, писатель *115*
Гельнер Фридрих (1770—1853), писатель-лирик *123*
Генгстенберг, писатель, ортодоксальный теолог *181*
Гендель Георг (1685—1759), композитор *126*
Генелли Эрнст Юлиус (1811—91), скульптор, профессор акад. художеств *190*
Генрих, брат Фридриха Великого *141*
Генрих XXIX, князь Рейс, друг Цинцендорфа *67*
Генц Фридрих фон (1764—1832), секретарь Венского конгресса *153, 161, 163, 173, 174*
Гепфер (?—1796), ученый *142*
Гервинус Георг (1805—71), историк, писатель *183, 184(n)*
Гердер (1744—1803), писатель, философ-космополит, поэт *93, 113(n), 118, 125, 147, 149, 157*
Герен, историк *183*
Геринг Алексис Вильгельм (1798—1871), романист *186*
Германн Эрнст Адольф (1812—1884), историк *116, 182, 183*
Гермес (1775—1831), философ, богослов *146*
Герострат, грек из г. Эфес. В 356 г. до Р.Х. сжег храм Артемиды Эфесской чтобы обессмертить свое имя *49, 69*
Геррес Йозеф (1776—1848), писатель, философ, публицист *153, 169, 174*
Герстенберг Генрих фон (1737—1823), юрист, офицер, автор военных песен *116*
Гертнер Фридрих фон (1792—1844), архитектор *190*

Герцогиня Орлеанская *22*
Геснер Соломон (1730—88), швейцарец, писатель-поэт *107*
Карл Гессенский, принц, наместник Шлезвиг-Гольштейна *81*
Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), выдающ. писатель, мыслитель *58, 71, 72, 74, 81, 91, 92, 92(n), 105, 116, 118, 119, 122(n), 123, 125, 127, 129, 136, 147, 148(n), 149, 150, 157, 159, 231, 243*
Гетнер Герман (1821—82), историк, культуровед *184*
Гефтер Август-Вильгельм (1796—1880), историк, юрист *185*
Гец *93, 190*
Гизелер, историк, культуровед *184*
Гизербрехт, писатель *183*
Гиллебранд, историк-писатель *184*
Гиллер Иоганн Адам (1728—1804), композитор *126*
Гильдебранд Бруно (1812—78), экономист и статистик *190*
Гиппель Теодор Готлиб фон (1741—96) *111*
Гицig, филолог, лингвист *182*
Глейм Иоганн-Вильгельм (1719—1803), писатель *93, 107, 115*
Глюк Христоф (1714—81), композитор *126, 127(n)*

Гнейзенау Август Вильгельм (1760—1831), прусский генерал-фельдмаршал *165*
Гогендейм фон, графиня, ранее баронесса фон Лейтрум *77*
Годиц, маркграф *45*
Голицына Амалия, княгиня, основательница лит. кружка в г. Мюнцере *94*
Гольбах Поль Анри (1723—89), материалист, энциклопедист *103*
Гомер, др. греч. поэт 9 в. до Р.Х. автор «Илиады» и «Одиссеи» *72, 73, 113*
Гораций (65—8 до Р.Х.), рим. поэт, философ, моралист *51*
Гормайр, писатель *173, 183*
Горрес, писатель, издатель журнала «Красный Лист» *152*
Готтфрид Гезина Маргарета, отравительница-маньячка из Бремена *219*
Готшед Иоганн Христофор (1700—66), философ-доцент *73, 107*
Гофман Генрих, поэт-сказочник, сатирик *235*
Гофман фон Фаллерслебен (1798—1874), поэт-песенник *235*
Гофман Эрнест Теодор Амадей (1776—1843), писатель фант.-романт. направления *160, 161(n)*
Гофмансвальдау (1617—79), писатель-романист *78*
Граббе Христиан (1801—36), драматург *186*
Граф фон Гревейлер, крупный мошенник *99*
Гревениц Христина Вельгельмина фон, публичная женщина *47, 68*
Грегоровиус Фердинанд (1821—91), историк, поэт, путешественник *183*
Гренур, поэт *19*
Грессе Луи (1709—77), фран. поэт *184*
Грильпарцер Франц (1791—1872), австр. писатель гуманист *235*
Гримм Вильгельм (1786—1859), писатель сказочник, филолог, германист *183*
Гримм Якоб (1785—1863), писатель сказочник, филолог, германист *183*
Грис Иоганн, филолог, переводчик *159*
Грисбах Иоганн Якоб (1745—1812), богослов, теолог *147*
Гросс Андрей, глава франкфуртских сепаратистов *69*
Грумбков, прусский министр *43, 45*
Гувальд, писатель, поэт, трагик *161*
Гуго Густав (1764—1844), юрист, основатель школы юристов *123, 146*
Гумбольдт Александр (1769—1859), натуралист, исследователь Ц. и Южной Америки *185(n)*
Гумбольдт Вильгельм (1767—1835), лингвист, археолог *93, 156, 167*
Гунд фон, жулик и обманщик *82*
Гундлинг, президент академии наук, тайный фин. советник Фридриха Вильгельма I *42*
Гурайер, историк биограф *183*
Гуртер Фридрих, глава протестантской церкви в Шафгаузене и в то же время тайный католик *161*
Гутсмут, основатель гимнастической школы *178*
Гуфеланд Христофор (1762—1836), врач, физиолог *125*
Гуцков Карл (1811—78), писатель, член кружка «Юная Германия» *234*
Гфрорер, историк, культуровед *184*
Гюбнер, художник, принадл. к дюссельдорфской школе живописцов *190*
Д'Аламбер (1717—83), фр. мыслитель, энциклопедист *102*
д'Аржарнс, франц. философ *51*
Дальман Фридрих Христиан (1785—1860), историк, полит. деятель *183*
Дампмартин, придворный при дворе Фридриха Великого *61*
Дан, генерал прусской армии *33, 36*
Даннекер (1758—1841), скульптор *187*
Данте Алигьери (1265—1321), итал. поэт, автор «Божественной комедии» *159*
Луиза Дармштадтская, супруга Фридриха Вильгельма II *61*
Даун Вилирих Филипп (1669—1741), генерал прусской армии *140*
Дахманн, писатель-сказочник *183*
Де Ветте Вильгельм Мартин (1780—1840), богослов-теолог, профессор в Гейдельберге *181*
Де Местр Бональд, фр. мистико-католический писатель *220*
Девин Рахиль, фаворитка принца Фридриха Вильгельма II *163*
Девриент Эдуард, театрал. драматург *129, 191*
Дессауер, член табачной коллегии Фридриха Великого *42*

Дессаусский Леопольд, князь, прусский генерал *141*
Джонсон, жулик-масон, обокравший кассу ордена *82, 84*
Дидро Дени (1713—84), фр. философ, писатель *102*
Диппель Конрад (1673—94), писатель, путешественник (псевдон. Демокрит Христиан) *69*
Дройзен Иоганн (1808—84), историк, биограф *183*
Дункер, историк *183*
Дусек (1761—1812), пионист, композитор при дворе принца Людвига *163*
Евгений (1663—1736), принц, австр. полководец *22, 50, 141, 142(n)*
Елизавета (1746—1840), принцесса Брауншвейгская, супруга Фридриха Вильгельма II *60*
Занд, убийца Коцебу *180*
Зеальсфилд (Постель Карл) (1793—1864), писатель-романист *235*
Зейдельманн, театрал. искусствовед *191*
Зейдлиц, полководец *137(n)*
Зекендорф, императорский посланник, член табачной коллегии *42*
Землефинг, профессор, анатомист *125*
Земмер, филолог, теолог *104*
Зибель Генрих (1817—95), знам. историк *183*
Зимрок Карл (1802—70), поэт и исследователь саг *186*
Зон Вильгельм (1830—99), художник дюссельдорфской школы живописи *190*
Зонненфельс Иосиф (1733—1817), барон, писатель, издатель журнала «Человек без предрассудков» *32, 33, 54, 84*
Зороастр, преобразователь арийской культуры, религии живший в 48 г. до Р.Х. *82*
Иосиф II (1741—1790), император Св.Р.И. *10(n), 35, 57(n), 58, 60, 77, 79, 91, 100, 103, 128, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 153, 156(n), 200*
Иммерман Карл (1796—1840), писатель-романист *186*
Иффланд Август-Вильгельм (1759—1814), драматург, писатель *123, 129*
Каабе, философ-социалист *217*
Кадовиеки, художник, литограф *126*
Казанова Джакомо (1725—98), писатель, авантюрист *48*
Каленберг, австр. дворянин *79*
Калиостро (Жозеф Бальзамо) (1743—1795), сицилийский ученый-шарлатан *81, 82, 92*
Кальдерон де ла Барка (1600—1681), испанский драматург *159*
Камели, капельмейстер при дворе Карла-Евгения *47*
Камоэнс Луис (1524—80), португ. поэт, драматург *159*
Кампанелла Томазо (1568—1639), итал. философ, поэт, политик, коммунист-утопист, монах-доминиканец *217*
Канизий Петр (1520—97), член «Общества Иисуса» *95*
Кант Эммануил (1724—1804), родоначальник немецкой классической философии *10, 89, 103, 108, 109, 110(n), 111, 125, 129, 147, 150, 243*
Карл VI (1685—1740), австр. император *22, 30*
Карл-Август, герцог Веймарский *91, 93*
Карл-Александр, герцог Вюртембергский *47*
Карл Брауншвейгский, герцог, гросмейстер масонской ложи *84*
Карл Вюртембергский, герцог, продавал своих солдат французам и голландцам *48, 49, 50, 60, 74, 137, 142, 143*
Карл-Евгений, герцог *47*
Карл-Теодор, курфюрст баварский *85*
Каролина, эрцгерцогиня, наперсница Марии-Терезии *32*
Карстенс, живописец *187*
Каульбах Вильгельм (1805—74), живописец *190*
Кауниц (1711—94), австр. князь, первый министр при дворе Марии-Терезии *22(n), 30, 33, 35, 143*
Кауфман, аферист из Швейцарии *92*
Кауфман Анжелика (1741—1807), живописец, рим. риторик *126*
Квинтилиан Марк-Фабий (35—90) *73*
Квинтус Ицилий, майор, один из приближенный короля Фридриха Великого *72, 73*
Келлер, староста, убитый в Люцерне *219*
Кёниг Фридрих (1774—1833), естествознатель, биолог, изобретатель *201*
Кёрнер Теодор (1791—1813), поэт, воевал с Наполеоном *169*
Кернер Юстин (1786—1862), поэт, мистик *186*
Кизеветер (1773—1850), муз. критик *126*
Китер Якоб, обвинен в колдовстве *227*

Клавдиус Матиас (1740—1825), поэт, писатель *115*
Кларус, историк, спец. по исп. литературе *184*
Клейст Эвальд Христиан фон (1715—59), писатель *107*
Кленце Лео фон (1784—1864), архитектор 190
Климент, искатель приключений 143
Климент XIV (1705—74) (Ганганелли), папа Римский, уничтожил орден иезуитов в 1773 г. *82, 83(n)*
Клингер Фридрих Максимилиан (1752—1831), писатель-романист, автор драмы «Буря и Вихрь» *92, 118*
Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803), знам. поэт *71, 73, 74, 75, 107, 108, 109, 114, 115, 116, 118, 149*
Клостермайер Матиас, предводитель шайки разбойников *100*
Клюбер, историк, юрист, германист *184*
Кнейн, сын великого канцлера *51*
Книгге, масон, старался соединить иллюминантов и вольных каменщиков *84*
Коберштейн, историк, писатель, спец. по литре *184*
Козель, графиня, фаворитка короля Августа II *45*
Колленберг, граф, экс-жених графини Тенкцин 68
Кольбер, министр финансов при дворе фр. короля Людовика XIV *8*
Кондильяк Этьен (1715—80), фр. философ, психолог *102*
Копп, писатель, историк *183*
Корнелиус (1735—1867), историк, живописец *190*
Корнель Пьер (1606—84), фр. драматург, поэт *108*
Котта, естествознатель, биолог *201*
Кох Иосиф (1768—1839), архитектор, живописец *187*
Коцебу Август Фридрих (1761—1819), писатель, романист, сказочник *123, 158, 180, 233*
Крамер Иоганн Батист (1771—1858), композитор, пианист, муз. издатель *72*
Краузе Карл Христиан Фридрих (1781—1832), философ *185*
Крейцер Рудольф (1766—1831), фр. музыкант, скрипач, композитор *183, 191*
Круммахер, философ, теолог, писатель *181*
Куален Г. фон , датский посланник в Ольденбурге *193*
Куглер Франц (1808—58), историк, искусствовед *184*
Куденгофен, баронесса, фаворитка курфюрста Майнцкого *62*
Кульбахский, принц *46*
Кун, бургомистр Аугсбурга *74*
Карл-Теодор, курфюрст Баварский *146*
Курциус Эрнст (1814—96), писатель, историк *183*
Кюгельхен Гергард (1772—1820), живописец и портретист *193*
Кюне Густав (1806—88), публицист, журналист *234*
Лакль, в 1850 г. обвинен в колдовстве *226*
Ла-Метри Жульен (1709—51), фр. философ, атеист, врач *51*
Лангбейн Август, писатель, сатирик, юморист *123*
Ландграф Гессен-Кассельский, продал 16992 солдата англичанам *141*
Лаппенберг, историк *183*
Ларошфуко (1613—80), герцог Арманьяк, франц. писатель, философ *102*
Ларцинг, музыкант, композитор *191*
Лассен Христиан (1800—76), лингвист, востоковед *182*
Лаубе Генрих (1806—84), писатель, романтик, драматург, член кружка «Юная Германия» *234*
Лаудан, прусский генерал *141*
Лаукгард Фридрих (1758—1822), неудавшийся гений *95, 99, 100, 116*
Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801), философ, писатель, идеалист *82, 91, 112*
Лафонтен Жан (1621—95), фр. баснописец, писатель *72, 123, 158, 162*
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), философ, физик, математик, языковед *35, 36(n), 62, 89, 101*
Лейзевиц Иоганн (1752—1806), писатель, поэт *74, 115*
Лейтрум фон, барон, у которого герцог Вюртембергский увел жену *77*
Ленау (Николай фон Шителенау) (1802—50), поэт *234*
Ленц Рейнгольд, поэт, журналист *74, 92, 117*
Лео, историк, писатель *183*
Леопольд I (1640—1705), император Германии *22, 23(n), 132, 133(n)*
Леопольд II [1790—92], император *60, 143*

Леопольд-Франц, австр. герцог, наследник Иосифа III *150*
Леопольд-Эбергард, герцог Вюртембергский, женился сразу на трех любовницах *46*
Лессинг Готгольд Эвфраим (1729–81), философ-реалист, писатель, критик *10, 54, 55(n), 71, 72, 108, 109, 111, 115, 118, 125, 129, 147, 187, 190, 227, 243*
Ле-Февр, француз, участвовал в неудачном похищении девушки *68*
Лехль, в 1850 г. обвинен в колдовстве *226*
Либих Юстус (1803–73), химик, один из создателей агрохимии *201*
Липперт, тайный советник при дворе курфюрста Карла-Теодора *85*
Лист Фридрих (1789–1846), экономист *207*
Лихтенау фон, графиня (Винкельмина Энке), фавориткат Фридриха Вильгельма *61, 89*
Лихтенберг Георг Кристоф (1742–99), писатель-юморист *112(n), 113*
Лихтенштейн Иосиф (1696–1772), австр. полководец и полит. деятель *140*
Лобелль, писатель, историк *183*
Локк Джон (1632–1704), англ. философ *102*
Ломбард, один из недостойных правителей Пруссии *164*
Лота фон Кальб, подруга Гете *92(n)*
Лота фон Лангсфельд, подруга Гете *89(n)*
Лота фон Штайн, подруга Гете *91(n)*
Лувуа Франсуа Мишель ле Телье (1641–91), фр. маркиз воен. и гос. деятель *8*
Луден Генрих (1788–1847), историк, писатель, германист *183*
Луиза (1776–1810), королева Пруссии, супруга Фридриха-Вильгельма III *164, 165, 166(n)*
Луккезини, маркиз, пруский дипломат, библиотекарь Фридриха Великого *164*
Любке Вильгельм (1826–93), историк, искусствовед *184*
Людвиг I, прусский принц *50, 72, 163, 190, 221*
Людвиг IX, герцог Гессенский, занимался покупкой и продажей солдат *49, 142*
Людовик, прусский принц *166*
Людовик XIII (1610–43), франц. король, сын Генриха IV *6*
Людовик XIV (1638–1715), король Франции Бурбон *6, 8, 11, 14, 137, 148*
Людовик XV (1709–74), король Франции *10, 81, 148*
Людовик XVI (1754–93), супруг Марии-Антуанетты *192*
Лютер Мартин (1483–1546),священник, протестант, основоп. Реформации в Германии, отвергал догматы католицизма *11, 116*
Макс фон Шенкендорф (1783–1815), офицер прусской армии, поэт, автор военных песен *169*
Мальбрук (Мальборо Джон) (1650–1722), австр. генерал-фельдмаршал *141*
Мальмесбери (1746–1820), лорд, англ. посланник *144*
Мальтус Томас Роджер (1766–1834), англ. полит. экономист *211*
Мапертью, фр. писатель, философ *51*
Мария-Терезия (1717–80), эрцгерцогиня Австро-Венгрии, провела ряд реформ, способствующих укреплению гос-ва *25(n), 26, 30, 31, 33, 50, 68, 78, 140*
Мария-Антуанетта (1755–93), фр. королева, супруга Людовика XVI *81*
Марпуг, муз. теоретик, музыкант *126*
Масков, историк *72*
Масман, устроитель праздника в честь 300 летия Реформации *180*
Матесон, муз. теоретик, эстетик *126*
Маттисон Фридрих (1761–1831), ландшафтный поэт *123*
Мезер Юстус (1720–94), философ-рационалист *105*
Мейербер Жакомо (1791–1864), музыкант, композитор *191*
Мекленбургская Луиза, супруга Фридриха Вильгельма III *162*
Меллендорф, генерал-губернатор Берлина в 1785 г. *139*
Менг Рафаил, живописец *126*
Мендельсон Мозес (1729–86), философ, теолог *104*
Мендельсон-Бартольди (1809–47), музыкант, композитор *191*
Менцель Иоганн, знам. партизан Марии-Терезии *140, 234*
Мерк, писатель, друг Гете *58*
Месмер (1733–1815), врач *81*
Меттерних Клеменс (1773–1859), князь, министр ин. дел, глава австр. пр-ва *173, 174(n), 194, 221*
Миллер Вильгельм (1750–1814), писатель, поэт, член Геттингенского союза поэтов *115, 186, 187*

Миллер Иоганн Мартин, писатель *114*
Миллер О., философ, востоковед *182*
Миних Бурхард Кристоф (1683—1767), генерал-фельдмаршал *141*
Миттермайер, историк, теоретик права *185*
Михаэлис Фридрих (1815—86), историк, католический теолог *147*
Мозер Иоганн Конрад, юрист, публицист *105*
Мозер Иоганн Якоб (1701—85), сын Карла Фридриха Мозера, юрист, писатель, публицист *68, 69*
Мозер Ф.К., писатель, юрист, написавший 50 томов по гос. праву *68, 89*
Молер, католический теолог *182*
Моллер, исторический и портретный живописец *190*
Мольтке Карл-Бернгард (1800—91), прусский генерал-фельдмаршал, нач. главн. штаба *237(n)*
Моммзен Теодор (1817—1903), историк, германист *183, 187(n)*
Монтегю, англичанка, жившая в Германии *24, 26*
Монтень Мишель (1533—92), фр. философ, скептик *102*
Монтескье Шарль (1689—1755), фр. писатель, публицист *191, 149*
Мор Томас (1478—1535), англ. гуманист, утопист, гос. деятель, писатель, друг Эразма Роттердамского *217*
Моргенштерн, магистр, член табачной коллегии Фридриха Великого *42, 43*
Мориц Саксонский (1696—1750), маршал Франции *141*
Морл Мария фон, католическая фанатичка, питавшаяся одним воздухом *221*
Моцарт Иоганн Вольфганг (1756—91), композитор *58, 127, 128(n), 191*
Музеус Август (1735—87), писатель *108*
Мундт Теодор (1808—61), писатель, член кружка «Юная Германия» *234*
Мур, англ. турист, посетивший Берлин в 1775 г. *55*
Мюллер (1794—1827), поэт, историк, спец. по др. литературе *143, 184*
Мюллер Адам Генрих (1779—1829), писатель-романист *161*
Мюллер Иоганн, мститель французам *100, 123, 163*
Мюллер Фридрих (1823—1900), род. в Германии, англ. филолог, востоковед *118*
Надасди Франц Леопольд (1708—83), прусский генерал *33*
Наполеон Бонапарт (1769—1821) фр. император *11, 152, 164, 165, 167, 168, 169, 171*
Неандер Август (1789—1850), историк, спец. по истории церкви *184*
Негель, швейц., основоположник патриотических песенных праздников *206*
Нейман Карл-Фридрих (1793—1870), историк *183*
Нейрейтер (1806—82), живописец, грабер *190*
Неттельбек, кольбергский бюргер *164*
Нибур Бартольд Георг (1777—1831), историк-германист, критик *123, 125(n)*
Никель, католический юрист *76*
Никомед, узник монастырской тюрьмы в Вене *79*
Новалис (Фридрих фон Харденберг) (1772—801), философ и поэт *153, 156, 157, 158(n), 160*
Новер Жан Жорж (1727—1810), фр. балетмейстер, теоретик-хореограф *47, 49*
Ностиц Карл, адъютант принца Людвига I *163, 170*
Овербек Фридрих (1789—1869), живописец *190*
Оппенгейм Зюсс, еврей, первый министр герцога Карла-Александра, мошенник *47*
Оппенгеймер (1698?—1738), придворный актер *26*
Оржельская, графиня, дочь и в то же время любовница Августа Сильного *45*
Осиандер, прелат, обличитель прусского двора *46*
Оссиан, кельтский поэт, бард 3 в. *113*
Паль Готфрид, священник *47*
Пальма Николай , пйсатель, продавец книг, основатель кружка бременской интеллигенции *54, 111, 167*
Панневиц фон, гоффрейлина при дворе Фридриха-Вильгельма *40*
Пармская Изабелла, умершая супруга короля Иосифа II *58*
Паскаль Блез (1623—62), фр. математик, физик, философ, теолог *102*
Пауль Оскар (1836—98), писатель, историк *183*
Паулус (1761—1851), последователь Канта, представитель крайнего рационализма *147, 148*

Перц, писатель, историк, биограф *183*
Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейц. педагог, психолог *88, 89, 105(n), 230*
Пий VI, папа Римский [1775—99], приверженец иезуитов *35*
Пич, поэт *73*
Планк, *лит.* церковный критик *105*
Платон (428 или 427 до Р.Х.), др. греч. философ, ученик Сократа *217*
Польниц, путешественник *26*
Помпадур Жанна Антуанетта (1721—64), маркиза, фаворитка Людовика XV *81*
Праслин, участник скандального процесса в Бельгии *219*
Прейс, историк, биограф *183*
Пристер, писатель, историк *183*
Промниц Эрдман фон, Силезский граф, один из «пробужденных» *68*
Прудон Пьер Жозеф (1809—65), фр. социалист-теоретик анархизма *217*
Прутц Роберт (1816—72), историк, литератор *184*
Пуффендорф Иоганн, писатель, рационалист *105*
Пюттер И.Ст. (1725—1805), писатель, рационалист *105*
Рабенер, философ, писатель *79*
Рабле Франсуа (1494—1553), писатель, автор «Гаргантюа и Пантагрюэль» *102*
Рак Фридрих, швабский пророк *70*
Ральфут, швицкий викарий, мошенник *224*
Рамлер, писатель поэт *115*
Раммель Карл Вильгельм (1725—98), писатель, историк *183*
Ранд Карл Людвиг, составитель правил для союза буршей *179*
Ранже *197*
Ранке Леопольд (1795—1886), историк *183, 184(n)*
Ратман, живописец *190*
Раумер Фридрих Людовик (1781—1873), историк *61, 183, 227*
Раух Даниэль (1777—1857), скульптор *144, 187*
Ребманн А.Г.Ф., писатель *89*
Реймарус Герман Самуил (1694—1768), писатель, лит. критик *104*
Рейнгарт Якоб, живописец *100, 187*
Рейнгольд (1758—1823), ученик Канта, философ, лит. критик *111*
Реке фон, поклонница Казановы *81*
Рер, критик, рационалист, теолог *148*
Рефуес, писатель-романист *186*
Ригер, писатель, юрист *32, 69, 143*
Риккерт, поэт *240*
Римбауер, священник, маньяк-убийца *219*
Рисбек, писатель *63, 85*
Риттер Карл (1779—1859), географ-исследователь *185*
Рихтер Д., псевдоученый *227*
Рихтер Жан-Поль Фридрих (1763—1825), философ, поэт-юморист *129, 131(n)*
Ричель (1804—61), скульптор *187*
Ришелье Арман дю Плесси (1585—1642), кардинал Франции *6*
Робеспьер Максимилиан (1758—94), деятель фр. революции *15*
Розенкранц Христиан (1378—1484), основатель ордена Розенкрейцеров *82, 84*
Роте Рихард (1794—1867), религиозный философ *183*
Ротек, историк, юрист *194*
Руге Арнольд (1802—80), писатель, хроникер *236*
Руссо Жан Жак (1712—78), фр. философ, писатель *103, 111, 118*
Рут, историк, спец. по итал. лит-ре *184*
Рутенберг, бургомистр г. Данцига *30*
Рутовский, граф, один из 354 побочных детей Августа Сильного *45*
Рюкерт Фридрих (1788—1866), поэт, ученый *186, 190(n)*
Савиньи Фридрих (1779—1861), основатель исторической школы права, юрист *185*
Сайлер, экс-иезуит, христианский теолог *146*
Салис Иоганн (1762—1834), живописец *123*
Сведенборг Эммануэль (1688—1772), швед., ученый, философ *225*
Свитен фон, австр. просвещенный дворянин при дворе Марии-Терезии *32*
Сенека Луций Анней (4 до Р.Х.—65 Р.Х.), рим. полит. деятель, философ, писатель *78*
Сен-Жермен (? — 1784), граф, алхимик, масон *81*
Сен-Симон (1760—1825), граф, фр. философ, мыслитель *217*
Синцендорф, министр при дворе Карла V *22*
Скотт Вальтер (1771—1832), изв. англ. писатель, поэт *186*
София, маркграфиня, супруга маркграфа Георга-Вильгельма *45*

София фон Денгоф, фаворитка Фридриха-Вильгельма III *61*
Стадели Тереза, ханжа и «кровопускательница» *224*
Стеффенс Генрих, писатель, поэт, философ *185*
Страницкий Иозеф (1776—1826), австр. актер и драматург *24*
Тазе, историк, спец. по истории церкви *184*
Талук, философ-ортодокс *181*
Таушер Д., директор гимназии из Штутгарта, писавший псевдонаучные статьи *227*
Тацит Публий Корнелий (ок 58—117 до Р.Х.), рим. историк *72*
Тенкцин фон, графиня, супруга графа Промница *68*
Тибо Антуан Фридрих (1772—1840), философ-правовед *126, 185*
Тидже, писатель, поэт *123*
Тик Людвиг (1773—1853), писатель-критик *156, 157(n), 159, 160*
Тиниус, священник-убийца *219*
Тирш Фридрих Вильгельм (1784—1860), археолог, историк *182, 184*
Тосканский Леопольд Великий, герцог, сын Марии-Терезии *33*
Траутманнсдорф, граф *26*
Тренк Фридрих, писатель, журналист *143*
Трецк Франц, партизан Марии-Терезии *140*
Туз, герцог, шутовского герцогства Лихтенгайм *178*
Тун, полоумный венский граф *82*
Тэер Альбрехт Даниил (1752—1828), ученый, сльскохозяйственник *200, 201*
Тюммель М.А. фон (1764—1805), писатель, романист, эпикуреец *108*
Уланд Людвиг (1787—1862), поэт-романтик *186, 187(n), 238*
Ульричи Герман (1806—84), историк, спец. по англ. лит-ре *184*
Уривата, библиотекарь герцога Карла-Александра *48*
Урсинус, тайная советница, отравленная Маргареттой Готтфрид *219*
Ухтриц, историк, искусствовед *184*
Уц Петр (1720—86), философ, поэт *107*
Фаллен Карл, бурш, революционер, поэт *179*
Фарнгаген, историк, биограф *183*
Фарнгаген фон Ензе, живописец на фарфоре *163*
Фасман, член табачной коллегии Фридриха-Вильгельма I, мелкий писатель-сатирик *42*
Фейербах Людвиг (1804—72), философ, ученик Гегеля *219, 236(n), 237*
Фейербах Ансельм (1775—1833), историк, правовед, криминалист *123*
Фейт Филипп (1793—1877), религиозный живописец *190*
Фридрих Великий (1712—86), король Пруссии *143, 146*
Филандр, писатель *18*
Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), философ *129, 131(n), 150, 153, 156, 157, 167*
Фишер (1807—87), создатель нового театра, проф. эстетики *190*
Флейшер, ориенталист *182*
Флек, актер народного театра *129*
Фолц, живописец *190*
Феслер Игнатий (1756—1839), писатель, профессор теологии, перешедший в лютеранство *77, 78, 79, 80*
Фонк, участник уголовного раз-ва *219*
Формер, итальянка, чрезв. красивая *45*
Форстер Георг (1754—94), выдающийся писатель, путешественник *56, 113, 150*
Фосс Иоганн Генрих (1751—1826), организатор союза «Роща» *93, 94, 114, 115, 116, 149*
Франк, иезуит, духовник курфюрста Карла-Теодора *85, 225*
Франке Германн (1663—1727), пиетист *43*
Франц Лотарингский (1708—65), имп. Св.Р.И. *26, 30, 33*
Франц II (1768—1835), император Германии [1792—1806], с 1086 — австр. император *62, 143, 152*
Фредерика София Вильгельмина, дочь Фридриха-Вильгельма I, прусского короля *40*
Фрейгер фон Книле, масон (1782) *84*
Фрелиграт Фердинанд (1810—76), писатель и патриот Германии *235*
Фридрих (Фридрих II) - Великий (1712—86) *10, 33, 49, 50, 51, 54, 58, 60, 68, 71, 80, 84, 103, 111, 139, 140, 141, 142, 144(n), 153, 163, 164, 165, 200*
Фридрих II Прусский *35, 37(n)*
Фридрих-Вильгельм I Прусский (1688—1740) *6, 7(n), 14, 40-43, 70, 137, 139, 143, 156, 169, 241*
Фридрих Николай *104*
Фридрих фон Гарденберг (1708—1754), *157*
Фридрих Шлегель *157*

Фридрих-Вильгельм II (1744—97), прусский король, племянник Фридриха Великого *35, 60, 61, 89, 162*
Фридрих-Вильгельм III (1831—88), король Пруссии *15 (n), 61, 141, 148, 162, 173*
Фридрих-Вильгельм IV (1795—1801), король Пруссии *196*
Фрина, греч. гетера *163*
Фриц («Старый») - Фридрих II Великий *50, 58, 60*
Фуке Фридрих де-ла-Мот (1777 - 1843), писатель, поэт, драматург *160, 161*
Фуко Леон (1819—68), фр. физик, механик *235*
Фурье Шарль (1772—1832), фр. социалист *217*
Христиан Фридрих Даниил Ш, поэт, музыкант *73*
Христина-Вельгельмина фон Гревениц, публичная женщина *46*
Цахариа К.С. (1769—1843), правовед *123*
Цвак, студент, основатель ордена иллюминатов *84*
Цванцигер Анна Маргарета, отравительница *219*
Цейс, литературовед *183*
Цибланд, архитектор *190*
Циммерманн Роберт (р. 1824), философ, теолог *105*
Цинцендорф Николай Людвиг фон (1700—60), епископ в Берлине, теолог, писатель *66, 67, 69, 147*
Циттен, австр. генерал *141*
Цопфль, правовед и законовед *185*
Чшоке Гейнрих (1771—1846), писатель, пупуляризатор идей классиков *123*
Шадов Иоганн Готфрид (1764 - 1850), скульптор *187*
Шако, историк, спец. по исп. лит-ре *184*
Шамиссо Адельберт (1781—1838), поэт и естествоиспытатель *233*
Шарк, проповедник из Дармштадта *82*
Шарлота фон Штейн, подруга Гете *92*
Шарнгорст, реформатор прусской армии. Отменил косы и палки *165*
Шатобриан Франсуа Рене (1768—1848), виконт, фр. писатель *156, 220*
Шваб Густав (1792—1850), поэт *186*
Шванталер Людвиг фон (1802—48), скульптор *187*
Шверин Курт Кристоф (1684—1757), австр. генерал *141*
Швинд Мориц фон (1804—87), живописец *190*
Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854), философ, профессор *111, 113, 118, 156(n), 159*
Шекспир Вильям (1564—1616), гениальный англ. драматург *159*
Шельфер *185*
Шенбарн *116*
Шефтсбери Антони (1671—1713), философ, эстет *102*
Шик Готлиб (1776—1812), живописец *187*
Шиллер Иоганн Христоф Фридрих (1759—1805), поэт, изучал философию Канта и историю, Друг Гете *93, 95, 119, 122(n), 123, 125, 128, 129, 147, 148(n), 150, 157, 159, 243*
Шилль (1776—1809), майор-патриот *168*
Шинкель Карл Фридрих (1781—1841), архитектор *187*
Ширмер Вильгельм (1802—66), живописец *190*
Шлегель Август Вильгельм (1772—1829), критик, писатель *157, 158*
Шлегель Фридрих (1772—1828), писатель-романист *153, 156, 158, 159, 161*
Шлейермахер (1768—1834), философ, богослов, проповедник *181, 183(n)*
Шлецер А. (1735—1809), историк, работал в России с 1761 по 1767 *173, 227*
Шлоссер Фридрих-Христоф (1776—1861), знам. историк *123, 183, 238*
Шметау, лейтенант *61*
Шмидт Вильгельм Адольф (1812—87), историк *183*
Шнаазе Карл (1798—1875), историк искусствовед *184*
Шнорр фон Карольсфельд (1794—1872), живописец *190*
Шопенгауер Иоганна, писательница *21*
Шопенгауэр Артур (1788—1860), философ пессимизма *233(n)*
Шорн, историк, скусствовед *184*
Шеффер Леопольд (1784—1862), писатель-пантеист *237*
Шпальдинг (1714—1804), философ, теолог *105*
Шпангенберг *147*
Шпаттлер, реформатор, исследователь, светский критик *105*
Шпиндлер Карл (1796—1855), писатель *186*

Шпор Людвиг (1784—1859), композитор, музыкант, скрипач *191*
Шпрингер Антон (1825—93), историк искусствовед *184*
Шраде, пиетист-развратник *225*
Шредер Фр. Людвиг (1744—1816), драматург *123, 129, 190*
Шрек, исследователь, реформатор, критик церкви *105*
Шрепфер, медиум *81*
Шталь Фридрих Юлий (1802—61), философ, юрист *230*
Штейн Генрих фон (1757—1831), барон, знам. гос. деятель *166, 167(n), 171*
Шальц, ученый филолог *146*
Штенцель, историк *183*
Штелин Яков фон (1712—1825), историк *183*
Штиглиц Генрих (1801—49), поэт *184*
Штиглиц Шарлота, жена, совершившая самоубийство *236*
Штиллинг Юнг, духовидец *113*
Штольберг Фридрих Леопольд (1750—1819), граф, поэт *68, 92, 93*
Штольберг Фридрих (1748—1821), поэт *114*
Штольберг Фриц, писатель *94, 117, 149*
Штольберг Христиан (1748—1821), поэт *114*
Штраус Давид (1808—74), знам. богослов, писатель *237*
Штурц, философ, теолог *105*
Шубарт Хр. Фр. (1743—91), теолог, писатель, основал «Нем. хронику» *74, 75(n), 76, 77, 113, 142, 143*
Шуберт Франц Петер (1797—1828), композитор, музыкант *185, 191(n)*
Шуленбург, полководец *141*
Шульце Эрнест (1788—1817), романтик *162*
Шуман Роберт (1810—56), композитор, музыкант *191, 192(n)*
Эбергард-Людвиг, гкрцог Вюртембергский *47*
Эвальд Генрих (1803—75), ориенталист *182*
Эдельманн Иоганн Христиан (1698—1767), философ-мистик *69-71, 104*
Эйлер Леонард (1707—83), знам. математик и физик *125*
Эйхгорн Иоганн Альберт (1779—1856), прусский министр просвещения *105*
Эйхгорн К.Ф. (1781—1854), знаток и разработчик гос. и права Германии *184*
Экгов Конрад (1720—78), театральный деятель *128*
Эленшлегер Адам (1779—1850), дат. поэт *161*
Эммерих фон Брейтенбах Иосиф, архиепископ Майнцский [1763—44], отравлен *62, 221*
Эйхендорф Иосиф фон (1788—1857), крупнейший поэт *19, 186*
Эрнести Иоганн Август (1707), историк, теолог, филолог *147*
Эрнст-Август (1771—1851), король Ганноверский *196*
Эрталь, преемник курфюрста, архиепископа Майнцского *62*
Эрталь Франц Людвиг (1779—1895), князь, епископ Бамберга, Вюрцбурга *62, 63*
Эстергази Николай IV (1765—1838), князь, меценат, музыкант
Эхтермейер Теодор (1805—44), летописец-издатель, историк *236*
Юлия фон Фосс, фаворитка Фридриха-Вильгельма II *61*
Юм Давид (1711—76), англ. философ *102*
Якоби, адресат письма Форстера в 1779 г. *56, 91, 150*
Якобс Фр. (1764—1847), филолог, перевел много древних классиков *182*
Яноа, один из основателей гимнаст. об-ва *178*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ТОМ I

Аален 411
Аргау *302*
Аахен (Ахен) *78, 103, 114, 122, 125, 126, 300*
аббатство, Вестминстерском *513*
аббатство, Спангеймское *352*
Авиньон *228, 337*
Австрия *11, 75, 77, 173, 218, 328, 334, 351, 415, 428*
Азия *71, 73*
Акциум *24*
Алемания *89*
Аликанте *260*
Альпы, горы *10, 12, 13, 23, 78, 88, 123, 141, 222, 223, 286, 316, 329, 336, 350, 386, 389, 432, 523*
Альтдорф *466*
Альтенеш *329*
Америка *378, 391*
Англия *103, 143, 194, 243, 245, 358, 377, 381, 405, 513, 523*
Ансбах *200*
Аравия, полуостров *390*
Аррас *488*
Асгард *52*
Аугсбург *118, 293, 300, 303, 311, 312, 318, 320, 377, 388, 390, 392, 396, 397, 400, 402, 403, 412, 413, 440, 443, 507, 509, 517, 524*
Африка *75*
Бавария *11, 75, 140, 254, 328, 339, 351, 390, 415, 502*
Баден *389, 523*
Базель *118, 229, 245, 291, 293, 300, 321, 339, 346, 349, 350, 352, 466*
Байрейт *321*
Балтийское море *10, 30, 351*
Бамберг *118, 124, 126, 500*
Бардовик *118*
Бебинген *411*
Бейерн *140*
Бекельнбург *328*
Бельгия *78*
Берг *30*
Берлин *389, 403, 413, 469*
Берн *227, 293, 303, 389, 509*
Блоксберг *490, 504*
Блуа *400*
Богемия *30, 173, 336, 339, 389*
Болльштедт *236*
Болонья *237, 239*
Бонигсберг *490*
Бонн *78*
Боппарде *508*
Бранденбург *336, 339, 386, 390, 415, 439, 502*
Брауншвейг *127, 294, 388, 389, 475, 503*
Брейсгау *249, 293, 331, 466, 509*
Бремен *118, 258, 294, 300*
Бреславль *300, 390*
Бретань *169, 358*
Брешия *316*
Брюгге *294, 397*
Брюссель *412*
Бузенто, река *75*
Бунцлау *520*
Буонконвенто *336*
Бургундия, обл. *119, 358, 415*
Бухау *352*
Бюрен *140*
Вайблинген *140*
Валлис *196*
Вартбург *201, 219, 364*
Ватикан *357*
Везель *352*
Везер, река *12, 30, 233, 329*
Вейль *466*
Вейнсберг *107, 140, 370*
Векингштейн *490*
Великобритания *488*
Венгрия *73, 75, 310, 358, 488, 505*
Вена *118, 178, 244, 249, 300, 301, 303, 316, 350, 388, 390, 412, 413, 429, 437, 440, 507, 518, 524, 525*
Венеция *173, 308, 357*
Верда, река *269*
Верден *380*
Верденфельзе *502*
Верона *77*
Вестфалия, обл. *11, 29, 270, 271, 274, 275, 381, 389*
Вецлар *341*
Вешенбейерн *140*

Византия *71, 160*
Визенштейг *503*
Вилльнев *242*
Виндиш *334*
Винтертур *306*
Висла, река *30*
Висмар *316*
Виттенберг *390, 448, 467, 474, 485*
Вогезы, обл. *10, 74*
Волга, река *70*
Вормс *30, 74, 75, 118, 124, 130, 293, 300, 364, 426*
Вюртемберг *351, 427, 446*
Вюрцбург *118, 227, 251, 352, 371, 390, 505*
Галле (С.Галлен) *106, 118, 320, 475, 513*
Галлия, обл. *24, 59, 74, 75*
Гальберштадт *124*
Гамбург *294, 316, 389, 390, 452, 524, 527*
Ганау *413*
Гандерсгейм *127, 166*
Гансвурст *525*
Гаронна, река во Франции *78*
Гарц *11, 30, 123*
Гейдельберг *237, 352, 390, 439, 446, 450, 490*
Гейзерих *75*
Гейльбронн *371*
Гейсмар *89*
Гелльгейм *334*
Гельголанд, остров Германии *11, 57*
Гельмштадт *466*
Генкинген *390*
Геннеберг *427, 503*
Геннегау *30*
Генуя *357*
Германия *10, 11, 12, 13, 19, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 34, 37, 39, 42, 46, 50, 52, 59, 61, 70, 73, 89, 91, 98, 101, 102, 103, 106, 110, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 126, 127, 130, 135, 136, 137, 140, 142, 143, 149, 150, 151, 162, 168, 170, 181, 182, 184, 189, 190, 196, 205, 210, 218, 222, 225, 226, 231, 232, 233, 234, 245, 249, 250, 254, 256, 260, 262, 263, 270, 274, 278, 282, 283, 286, 294, 308, 309, 320, 324, 333, 334, 337, 346, 348, 350, 352, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 363, 365, 367, 369, 375, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 385, 386, 389, 391, 392, 394, 395, 396, 397, 406, 411, 415, 420, 422, 423, 426, 428, 432, 435, 440, 444, 447, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 456, 458, 461, 465, 470, 480, 484, 488, 489, 490, 491, 493, 502, 503, 505, 507, 508, 512, 516, 518, 520, 521, 522, 523, 524, 527*
Гессен-Дармштадт *389*
Гессен *30, 89, 268, 390, 426*
Гильдесгейм *124, 413*
Гирсланден *326*
Гиршау *106*
Гларус *460, 505*
Глокниц *173*
Гмюнд *311, 410*
Гнаденцель *222*
Гогенштауфен (гора) *140*
Голландия *12, 329*
Гольдберг *394*
Гольштейн *503*
Горзелсберг *490*
Гослар *184*
Гофен *411*
Грац *172*
Грейфензее *326*
Греция *27, 71, 74,*
Гуссенгофен *411*
Гюисбург *124*
Дания *294, 380, 488*
Данциг *294*
двор Бранденбургский *450*
двор Дрезденский *450*
двор Кассельский *446*
двор Саксонский *450*
двор Ангальтский *450*
Дессау *493*
Днепр (Борисфен), река *71*
Дрезден *403, 524*
Дунай, река в Австрии *11, 12, 30, 73, 77, 89, 300, 358, 386, 437*
Дюн *481*
Дюнкельшпюль *310*
Европа *9, 13, 22, 27, 62, 159, 190, 191, 226, 227, 260, 330, 340, 357, 358, 360, 377, 378, 389, 391, 428, 465*
Египет *24, 104, 477*
Ейзенах *513*
Заальфельд *118*
Зальцбург *118*
Зеландия *57*
Земпах *259, 330*
Зефлинген *223*
Зиндельфинген *371*
Зоест *124, 300*
Израиль *69, 297*

Иллирия *74*
Ингельсгейм (Ингельгейм) *103, 114*
Ингельфингейн *503*
Ингольштаадт *354, 390*
Инд, река в Индии *21*
Индия *378, 391, 477*
Ирландия *206, 207*
Исландия *50, 52*
Испания *24, 73, 75, 87, 93, 149, 160, 191, 194, 210, 234, 256, 357, 377, 380, 440, 448, 449, 488, 518, 523*
г-во Италия *23, 27, 583 73, 74, 75, 77, 78, 103, 119, 140, 143, 160, 225, 231, 237, 262, 283, 286, 294, 336, 347, 348, 350, 352, 357, 358, 363, 385, 389, 391, 400, 448, 449, 466, 488, 506, 510, 512, 523, 524*
др. г-во Иудея *69*
Йена *470*
Кавказ (Колхида др.) *259*
Каир *390*
Канны *88*
Каносса *134*
Каппель *353*
Каринтия *173, 385*
Карлштадт *375*
Карльштейн *250*
Карпаты *10*
Кассель *450*
Кастилия *193*
Кведлинбург *124, 527*
Кельн *30, 36, 118, 127, 137, 183, 232, 237, 244, 251, 289, 294, 297, 300, 316, 336, 403, 413, 492, 509*
Кёнигсберг (Калининград) *390*
Кёнигсгофен *371*
Киль *466*
Китай *378*
Кифгейзер, гора *140*
Клюни *136*
Книтлинген *484*
Кобленц *140*
Комо *488*
Константинополь *74, 358, 390*
Констанц *124, 230, 274, 293, 321, 338, 346*
Корнваллис (Корнуэлл) *206, 207, 210*
Косфельд *493*
Крайлсгейм *481*
Кранах *510*
Крейденберг, гора *490*
Кресси *260*
Кур *118*
Лан *70*
Ландау *429*
Ландштуль *365*
Лаупен *330*
Лейпциг *303, 316, 390, 443, 502, 513, 524, 526*
Лигниц *394*
Лимбург *318*
Лиммат *286*
Линдау *293*
Линдгейм *503*
Линц *118*
Лион *231*
Липе *30*
Логроньо *488*
Ломбардия *173, 231*
Лондон *294, 308, 513*
Лорх *118*
Лотарингия *500, 502*
Луара, река во Франции *75*
Лузитания (Португалия) *75*
Любек *294, 300, 306, 316, 373*
Магдебург *118, 447*
Мадрид *450*
Майн *10, 89*
Майнц *118, 124, 137, 182, 251, 293, 299, 300, 318, 336, 352, 355, 481, 507, 508, 516*
Марбург *234, 375, 450*
Мариньяно *415, 418*
Марн *75*
Марсель *390*
Мартинсбург *507*
Маур *326*
Мегерль *523*
Меглинген *411*
Мейсен *386*
Мекленбург *394*
Мерзебург *118*
Мертшюц *394*
Мец *380*
Мизия, обл. *77*
Милан *316*
Минден *118*
Мирабель *423*
Монпелье *237*
Монсальваж, миф. гора *197, 202, 204, 205*
Монте-Кассино *104*
Моргюртен *330*
Моро *488*
Мургталь *389*

Мур *174*
Мюнстер *509*
Мюнхен *524*
Нассау-оранский двор *450*
Неаполь *140*
Нейсс *260, 503*
Неккар *10, 78*
Неман, река *13*
Нердлинген *501, 502*
Нефельс *330*
Нидерланды *231, 243, 349, 389, 418, 427, 510, 518*
Новгород *294*
Норвегия *50, 294*
Нордгаузен *183*
Норик *77*
Нормандия, обл. *245*
Нуисс *183*
Нумидия, обл. *24*
Нюрнберг *227, 285, 300, 306, 308, 315, 318, 320, 352, 388, 390, 413, 416, 443, 452, 507, 512, 516, 517, 521, 524*
Обер-Аммергау *254*
Овернь *123*
Одер, река *12*
Оксус *21*
Оппенгейм *130*
Оснабрюк *118, 503*
Оффенбург *503*
Павия, обл. *415, 422, 423*
Падерборн *502*
Паннония, обл. *77, 78*
Пашуя *73*
Париж *238, 297, 300, 448, 449, 450, 471*
Паропамиз (Гиндукуш), горы 21
Пассау *118*
Персия *390, 477*
Перуджия *225*
Пиза *346*
Пиренеи, горы *74, 193*
Польша *358, 488, 505*
Португалия *75, 488*
Прага *300, 350, 443, 446, 507*
Пратер *437*
Прегель, река *30*
Прованс, обл. *193, 194*
Пруссия *12, 257, 260, 410, 412, 428, 434, 466*
Пуатье *93*
Пфальц *336, 385, 389, 390, 427, 482*
Пфорцгейм *351*
Равенсбург *293*
Регенсбург *118, 244, 318, 390, 413*
Реймс *140, 169*
Рейн, река *10, 12, 13, 24, 30, 59, 70, 75, 78, 89, 120, 229, 339, 429, 432*
Рейнгау *266*
Рейтлинген *388*
Рейхенау *106, 108*
Ренхен *523*
Рим *19, 23, 24, 25, 75, 102, 130, 173, 226, 232, 235, 348, 349, 252, 258, 339, 362, 363, 365, 450, 513, 516*
Ринтельн *466*
Рона, река *78*
Россия *358, 456*
Росток *316*
Ротвейль *503*
Ротенбург *228, 229*
Роттердам *352*
Рохлиц *245*
Рюген, остров *11, 57*
Саксония, обл. *140, 271, 336, 339, 351, 389, 415, 426, 427*
Сала *89*
Сен-Галлен *108, 237*
Силезия, обл. *12, 23, 30, 215, 389, 520*
Сокур *107*
Солотурн *293*
Стекельбург *352*
Страсбург *229, 230, 244, 245, 293, 297, 300, 315, 318, 339, 340, 349, 515*
Таубер *228*
Тироль *11, 217, 377*
Тоггенбург *353*
Толедо *193*
Торгау *512*
Торн *466*
Трапезунд *71*
Тревиз *173*
Трибур *120*
Триест *173*
Трир *30, 118, 137, 300, 336, 508*
Труа *194*
Тул *380*
Тулуза *75*
Тургау *287*
Тур *102, 400*
Тюринген *386, 389, 390, 427*
Ульм *223, 318, 355, 386, 388, 501, 509*
Унтервальден *293, 329*
Ури (Ур) *293, 329*
Уфнау *365*

Феллерберг *490*
Филиппы *24*
Фиренцуола 333
Фландрия *294, 506*
Флоренция *316*
Фолькнатсгофен *321*
Форхгейм *118*
Франкенгаузен *371*
Франкония *227, 350, 351, 367*
Франкфурт *118, 122, 182, 260, 300, 303, 318, 337, 341, 413*
Франция *78, 93, 119, 120, 142, 149, 170, 182, 190, 194, 195, 196, 206, 210, 213, 231, 237, 245, 262, 283, 326, 358, 374, 380, 381, 386, 390, 396, 414, 427, 456, 488, 523*
Фрейбург *229, 293, 331, 509*
Фризах *173*
Фриуль *173*
Фульд *108*
Фюрт *118*
Церингенское, герцогство *288*
Цюльпих *78*
Цюрих *118, 124, 244, 263, 286, 288, 289, 290, 291, 293, 298, 299, 302, 303*
Шалон *75*
Шафгаузен *124, 229*
Швабия, обл. *11, 222, 351, 367, 369, 389, 484, 509*
Шварцвальд *11, 12*
Швейнфурт *321*
Швейцария *10, 11, 74, 229, 351, 365, 505, 509*
Швеция *58, 294, 380, 488*
Швиц *293, 329*
Шлезвиг *70*
Шлеттштадт *118*
Шотландия *326*
Шпейер *30, 124, 230, 293, 300, 341*
Шпейхер *330*
Шпре (Шпрее), река 403
Штадельгофен *326*
Штаффельштейн *490*
Штейнбах *249, 251*
Штеттин *316*
Штирия, обл. *11, 171, 173*
Штосс *330*
Штутгарт *390, 436*
Эбернбург *365*
Эберсберг *127*
Эйдер *328*
Эйслебен *360*
Эйхштедт, (Эйхштат) *118, 352*
Эллада (др.Греция) *252*
Эльба, река в Германии *12, 30, 70, 78, 89, 328*
Эльванген *410, 411*
Эльзас, обл. *30, 367, 381, 426, 509*
Эмс, река в Германии *30*
Эрфурт *118, 230, 237, 388, 474, 475*
Эслинген *230*
Эа, гора *252*
Эттисвилль *267*
Юберлинген *293*
Юстинген *355*
Япония *378*

ТОМ II

Ааль *76*
Ааргау *206, 230*
Австрия *31, 32, 35, 60, 136, 140, 142, 145, 149, 153, 164, 201, 202, 207, 208, 209, 211, 221, 230*
Альпы, горы *203*
Альтенбург *84*
Америка *15, 101*
Ангальт-Цербст *67, 142*
Англия *8, 11, 31, 74, 101, 102, 141, 211, 230*
Аншпах *142*
Асперг *75, 77*
Аугсбург *74, 75, 219*
Аустерлиц *164*
Ауэрбах *136*
Ауэрштедт *164*
Баар *206*
Бавария, обл. *76, 85, 89, 146, 201, 202, 209, 211, 214, 219, 220, 221*
Баден *142, 194, 201, 209, 227*

Баден-Баден *61*
Базель *100, 152, 230*
Байретский двор *45*
Балтийское море *203*
Бамберг *62, 63*
Баутцен *169*
Бельгия *209, 219, 230*
Берлебург *69*
Берлин *40, 42, 54, 56, 58, 61, 67, 70, 71, 79, 89, 103, 126, 129, 139, 159, 162, 167, 178, 213, 214, 215, 232*
Берлинский банк *143*
Берн *206, 225, 230*
Бертольдсдорф *67*
Бинген *206*
Блаубер *77*
Богемия, обл. *201*
Богенгаузен *85*
Бонн *128*
Брауншвейг *142*
Бремен *219*
Бреславль (Вроцлав) *167, 213*
Ваграм *152*
Валлис *230*
Вальдек (Вальдекк) *142*
Варта *193*
Вартбург *180, 181, 182*
Варшава *31*
Ватерлоо *171*
Везер, река *203*
Веймар *91, 92, 94, 148*
Вейсенфельд *69*
Великобритания *8*
Вена *22, 24, 26, 31, 33, 35, 54, 58, 68, 78, 81, 126, 128, 137, 150, 152, 161, 170, 178, 199*
Венгрия *14*
Венеция *48*
Венский конгресс *173*
Версаль, резиденция фр. королей *15, 47, 58*
Вестфалия, обл. *202, 221*
Веттерау *69, 71*
Вецлар *137*
Вешпор *206*
Виблинген *76*
Вильгельмсбад *84*
Вильдисбух *225*
Винтенберг *67*
Внтентур *92*
Висбаден *201*
Витгенштейн *69, 70*
Вунзидель *129*
Вупперская долина *212*
Вустергаузен *41, 42*
Вюртемберг *46, 47, 68, 147, 180, 196, 201, 202, 203, 209, 220*
Вюрцбург *62, 63, 69*
Гайних *72*
Галле *43, 98, 104*
Ганау *26, 84*
Ганзейские города, союз *21*
Ганновер *157, 209*
Гейдельберг *197*
Гейзенгеймер *201*
Гейнинген *225*
Германия *11, 14, 21, 35, 47, 49, 61, 62, 66, 68, 69, 71, 72, 153, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 173, 175, 179, 180, 181, 191, 194, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 211, 212, 218, 219, 220, 221, 226, 231, 233, 239, 240, 242*
Гернгут *69*
Герцогство Баденское *211*
Гессенсское герцогство *227*
Гессен *202, 203*
Гессен-Дармштадт *201*
Геттинген *93, 99, 113*
Геттингенский университет *104*
Гиссен *98, 118*
Гогенасперг *73*
Гогенгейм *201*
Гогентвиль *69*
Голландия *8, 48, 230*
Гольштейн, обл. *202*
Горнберг *206*
Гофвиль *201*
Гофф *220*
Гохгеймер *201*
Граубинден *230*
Греция *72*
Гросберен *169*
Гросгершен *169*
Гюнцбург *75*
Дания *56, 230*
Денгивиц *169*
Дорнберг *212*
Данциг *21*
Дрезден *43, 80, 126, 169, 193*
Дрейсигакер *201*
Дунай, река *203*
Дюльмен *221*

Дюссельдорф *126, 214*
Европа *6, 8, 9, 10, 11, 14, 49, 56, 103, 144,170, 194, 207, 230*
Енгер *212*
Женева *46*
Заальфельд *164*
Зальцбург *127*
Зефлинген *76*
Золотурн *230*
Иллер, река *76*
Институт морской торговли *143*
Иоганненсберг *201*
Иосефштат (Вена) *30*
Испания *14, 202, 230*
Иссмахсгейер *201*
Италия *31, 47, 48, 230*
Йена *28, 29, 99, 153, 156, 164, 178, 180, 181*
Калу *84*
Кальдерн *221*
Каменц *108*
Капеллендорф *206*
Капштадт *197*
Карлсруэ *224*
Кацбах *169*
Кельн *49, 100, 213, 219*
Кенигсберг (Калининград) *89, 109, 112, 167*
Кенигштейн *100*
Кестриц *68*
Кирхгейм *77*
Кобленц *91, 100*
Колин *140*
Кретинген *225*
Курляндия, обл. в Прибалтике *81*
Курсаксен *142*
Лаузиц *202*
Лауффен *123, 227*
Лейпциг *38-39, 72, 76, 95, 169*
Лейтен *33*
Лемберг *79*
Леонберг *156*
Лиммат *238*
Лихтенгайм *178*
Лондон *74, 212*
Людвигсбург *74, 227*
Магдебург *163*
Майн, река *69, 201*
Майнц *62, 152*
Мангейм *129, 180, 197, 199*
Марбах *119*
Маркгренинген *206*
Маркобруннер *201*
Меглин *201*
Мекленбург *46, 142, 202*
Мемпельгард *46*
Митава *8*
Мозель *100, 201*
Морунген *113*
Мускау (Мужаков) *202*
Мюнстер *64-65, 94*
Мюнхен *85, 145, 174, 190, 214, 215, 221*
Нассау *201*
Наумбург *206*
Неккар *201*
Нидвальден *88*
Нюрнберг *207*
Обергаузиц *129*
Обергольцгейм *107*
Оберлаузиц *67, 108*
Оксенгрис *30*
Олд-Абердин *84*
Олимп, миф, гора в др. Греции *47*
Ольденбург *193*
Отинн *85*
Париж *21, 31, 46, 103, 141, 149,161*
Петербург *31*
Пирмазенс, местечко в Пруссии *49*
Пирмонт *15, 61*
Польша *195*
Померания, обл. *201, 212*
Португалия *202, 230*
Потсдам *42, 51, 70*
Пратер *30*
Проскау *201*
Пруссия *36, 50, 80, 89, 136, 137, 139, 140, 143, 149, 152, 153, 164, 165, 167, 168, 174, 180, 192, 196, 201, 202, 207, 208, 209, 211, 213, 230*
Пфальц *95*
Пфорцгейм *225*
Рамменау *129*
Раскольд *45*
Раштатт *199*
Регенсбург *136, 152, 190*
Рейн, река *49, 100, 111, 132, 147, 152, 169, 192, 201, 217*
Рейнсберг *50*
Рейтлинген *207, 219*
Рим *31, 72, 147, 161*
Римская империя *152*
Россия *79, 141, 152, 168, 173, 230*
Росток *193*
Рур *212*

Рюдесгейм *201*
Саксония, обл. *72, 201, 202, 209, 219*
Сан-Суси, рез-ция прусских королей *51*
Североамериканские штаты *208*
Силезия, обл. *68, 168, 201, 211, 213*
Силь *92*
Сирац *193*
Стральзунд *67*
Страсбург *82, 118*
Таранда *201*
Таубер, река *201*
Тессин *230*
Тильзит *153*
Тироль *140, 201, 202, 221*
Тифурт *201*
Трир *221*
Тун *206*
Турция *132*
Тюбинген *67, 76, 179, 237*
Тюрингия, обл. *202, 203*
Ульм *75, 76, 206*
Ури (Ур) *230*
Филстоль *225*
Фихтельгеберг *129*
Флоренция *31*
Фогтланд *213*
Франкония, обл. *201-203, 219*
Франкфурт *69, 100, 118, 199*
Франция *6, 9, 10, 11, 31, 47, 56 ,81, 102, 103, 132, 142, 148, 149, 150, 152, 156, 162, 164, 169, 209, 211, 217, 219, 220, 230*
Французская революция *200*
Французская республика *149*
Фрейберг *72*
Фрейбург *199, 230*
Фюрт *207*
Циленгайм *178*
Цуг *224*
Цюрих *105, 220, 225, 230*
Шампань, обл. *100*
Шафхаузен *161*
Швабия, обл. *76, 113, 123, 156, 202, 203*
Швабские Альпы, горы *225*
Шварцвальд *206*
Швейцария *8, 49, 89, 201, 206, 208, 209, 211, 215, 221, 226, 230*
Швеция *147, 230*
Швиц *224*
Шеннбрун *58*
Шлезвиг-Голштейн, обл. *81, 196*
Шлейзгейм *201*
Шотландия *84*
Шпенге *212*
Штейнау *68*
Штутгарт *46, 47, 49, 197, 227, 232*
Штюцербах *92*
Эберсдорф *68*
Эльба, река *203*
Эльванген *76*
Эльден *201*
Эмс, река *203*
Энс *146*
Этерсбург *92*
Ярфуй *226*

Замеченные опечатки в I т.

Стр.	строка	напечатано	следует читать
4	2 снизу	злоупотрабления	злоупотребления
90	5 снизу	свой	своей
219	12 сверху	Офтердинген	Офтердингену
230	9 сверху	евреев	еврей
282	компьютерный сбой: две верхние строки убрать.		
323	1 сверху	сапросе	спросе
340	9 снизу	(1446 – 1493)	(1440 – 1493)
383	11 сверху	Нищце, мародеры	Нищие, мародеры
396	1 снизу	22 полных	22 полных парадных костюма, мно-
400	1 снизу	В этих увесели-	В этих увеселитель-
465	8 снизу	Цюхира	Цюриха
466	12 снизу	Ростовский	Ростокский
515	подпись под портретом	Себастьян Брант	Е. Хартманн. «Геллерт»
522	7 снизу	фон Пезен	фон Цезен
541	4 сверху	Себастьян Брант	Е. Хартманн. «Геллерт»

СОДЕРЖАНИЕ

Книга III

НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава I
ЧЕЛОВЕЧНО-СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ 5

Глава II
НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО VXIII ВЕКА 13

Глава III
НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО XVIII ВЕКА (ОКОНЧАНИЕ) 66

Глава IV
КЛАССИЧЕСКИЙ ВЕК НЕМЕЦКОЙ НАУКИ
И ИСКУССТВА 101

Глава V
ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ 132

Глава VI
НОВАЯ РОМАНТИКА И ЛИБЕРАЛИЗМ 153

Глава VII
БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ 200

Глава VIII
СВЕТ И ТЕНИ 218

ПРИЛОЖЕНИЕ I — ПЕРВОИСТОЧНИКИ 249

ПРИЛОЖЕНИЕ II — ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ
С 1848 г. ПО 1904 г. 451

ПРИЛОЖЕНИЕ III — ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА 483

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 503

ПЕРЕЧЕНЬ СТАРИННЫХ ПЛАНОВ ГОРОДОВ
И СОБОРОВ ГЕРМАНИИ 505

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ ГЕРМАНИИ 505

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ К I ТОМУ 506

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ КО II ТОМУ 520

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ К I ТОМУ 533

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КО II ТОМУ 538

Научно-популярное издание

Серия «Народы Земли».
Основана в 2004 г.

Иоганн ШЕРР

ГЕРМАНИЯ.
История цивилизации за 2000 лет
В 2 т.
Том II

Редакторы *А. П. Костелецкая, Е. В. Малашевич*
Художник *В. Г. Загородний*
Художественный редактор *А. И. Дрозд*

Подписано в печать 20.04.2005. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Гарнитура Кудряшевская. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Уч.-изд. л. 33,19. Тираж 5000 экз. Зак. 1248.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УП «Минская фабрика цветной печати»
Министерства информации Республики Беларусь.
Лицензии ЛВ 02330/0056953 и ЛП 02330/0056853 от 30.04.2004.
220024, г. Минск, ул. Корженевского, 20.

РУП «МИНСКАЯ ФАБРИКА ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ»

Республика Беларусь, г. Минск, 220024, ул. Корженевского, 20

В 2004 году

основана серия

«Народы Земли. История, религия, культура»

В названной серии осуществлен выпуск следующих изданий:

Г. Ласкавый. **«Викинги»**. *2004, 320 с.*
Т. Гризингер. **«Иезуиты. Полная история ордена»**. *2004, 640 с.*
И. Шерр. **«Германия. История цивилизации за 2000 лет»**. *2005. Т.1. 544 с., Т. 2. 544 с.*

Подготовлены к выпуску:

В. Грабеньский. **«История польского народа с древнейших времен»;**
З. А. Рогозина. **«История древних народов Востока»** (в 2-х т);
К. Оппель, З. А. Рогозина. **«Египет. Путешествие за три тысячи лет»;**
«История арабской цивилизации» и другие.

Издания впервые выпускаются на современном русском языке, проиллюстрированы материалами из раритетных изданий.

Заказы и справки по тел./ф. (+375 17) 278-08-31, (+375 17) 278-06-43

ГЕРМАНИЯ

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА 2000 ЛЕТ

интернет-магазин
OZON.RU
48235588

ISBN 985-454-249-1
9 789854 542492